

**КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ У. Д. АЛИЕВА**

**ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

«К 100-летию Российской академической археологии»

КАВКАЗ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ЕВРАЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

XXX «Крупновские чтения»

Материалы Международной научной конференции
Карачаевск, 22-29 апреля 2018 г.

**Карачаевск
2018**

УДК 902
ББК 63.4
К12

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии РАН

Редакционная коллегия:

Р. М. Мунчаев, З. Х.-М. Албегова, С. Б. Вальчак, М. С. Гаджиев,
С. В. Демиденко, И. А. Дружинина, Е. Г. Дэвлет, Э. Д. Зиливинская,
А. А. Клещенко, Д. С. Коробов, М. Н. Кубанова, Е. В. Леонова,
В. Ю. Малашев, Д. В. Ожерельев, А. Ю. Скаков, В. Н. Чхаидзе

Рецензенты:

доктор исторических наук М. В. Добровольская
кандидат исторических наук В. Е. Маслов

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 18-09-20010 Г

К12 **Кавказ** в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье.
XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа». Материалы
Международной научной конференции / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск,
22–29 апреля 2018 г. 2018. 524 с.

ISBN 978-5-8307-0528-8

Сборник составлен по материалам, представленным на Международную научную конференцию по археологии Северного Кавказа «Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье» – XXX «Крупновские чтения». Тематика докладов отражает широкий круг проводимых археологических исследований, охватывающих хронологический диапазон от каменного века до позднего средневековья.

The collection was compiled from the materials presented at the International Scientific Conference on the Archeology of the North Caucasus «The Caucasus in the System of Cultural Relations of Eurasia in the ancient time and the Middle Ages» – XXX «Krupnovsky Readings». The subject of the reports reflect a wide range of ongoing archaeological studies covering the chronological range from the Stone Age to the late Middle Ages.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-8307-0528-8

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-8307-0528-8

- © Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, 2018
- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2018
- © Авторы статей, 2018

Содержание

<i>Мунчаев Р. М.</i> Роль Е. И. Крупнова в организации первой российской экспедиции в Месопотамии и некоторые итоги ее деятельности	11
<i>Багаев М. Х.</i> Страна вайнахов в научном наследии В. И. Марковина (к 95-летию со дня рождения)	17
<i>Савенко С. Н.</i> К проблеме определения аланской археологической культуры Северного Кавказа (историографический и научно-методический аспекты)	22
<i>Субботин А. В.</i> О составлении каталогов и учете памятников археологии в Карачаево-Черкесской Республике	25

Археология каменного века и эпохи бронзы

<i>Амиров Ш. Н.</i> Дагестан: культурный процесс эпохи раннего и среднего голоцена в свете климатических колебаний	29
<i>Атаев Г. Д.</i> О связях населения гинчинско-гатынкалинской культуры с племенами Северного Кавказа и степей в эпоху средней бронзы	33
<i>Атаев Г. Д., Будаичиев А. Л.</i> Две курильницы эпохи средней бронзы из Ногайского района Республики Дагестан	37
<i>Ахундов Туфан Исаак оглу.</i> Древнейшие обитатели муганской степи (традиция муганского неолита)	41
<i>Белькевич Е. В., Гак Е. И., Клещенко А. А.</i> Метод научной реставрации в изучении технологий древнего литья (на материалах курганной группы «Кёнденская I», эпоха средней бронзы)	44
<i>Богачук Д. С., Сиротин С. В.</i> Новые комплексы эпохи ранней и средней бронзы в юго-западном Крыму: к вопросу о крымско-кавказских межкультурных связях (предварительное сообщение)	46
<i>Вальчак С. Б., Клемешова М. Е.</i> Результаты анализа формовочных масс керамики из курганного могильника Уташ в Краснодарском крае	50
<i>Вальчак С. Б., Малашев В. Ю., Леонтьева А. С., Мамаев Х. М., Мамаев Р. Х., Тангиев М. А., Дачаев И. С.-Х., Сайпудинов М. Ш., Фризен С. Ю., Шаушев К. Б.</i> Раскопки кургана эпохи бронзы в Гудермесском районе Чеченской Республики	53
<i>Власкин Н. М.</i> Новые погребения ингульской катакомбной культуры на Нижнем Дону	56
<i>Гей А. Н., Клещенко А. А., Юнкин Д. А.</i> Новая находка повозок новотиторовской культуры в Прикубанье	60
<i>Голованова Л. В., Доронищев В. Б.</i> Неолитизация Ближнего Востока и неолит Кавказа	64
<i>Дачаев И. С.-Х., Мамаев Х. М.</i> О новых находках тесловидных каменных орудий из Чечни	67

Содержание

<i>Дмитриев А. В., Дрыга Д. О., Мальшев А. А., Мочалов А. В., Моор В. В.</i> Дольменные комплексы полуострова Абрау	70
<i>Дороничев В. Б., Голованова Л. В.</i> Первые неандертальцы на Кавказе	73
<i>Дороничева Е. В.</i> Центральный Кавказ в системе культурных связей палеолита Евразии	76
<i>Еськова Д. К., Леонова Е. В., Успенская О. И.</i> Характеристика пластинчатых сколов нижнего слоя пещеры Двойная	80
<i>Зейналов А. А.</i> Орудия-гигантолиты раннепалеолитических стоянок Азербайджана	83
<i>Исерлис М.</i> Базовое описание технологии майкопской керамики: первые результаты	87
<i>Клещенко А. А.</i> Кремневые выемчатые наконечники стрел эпохи средней бронзы Предкавказья	89
<i>Кореневский С. Н.</i> Майкопско-новосвободненская общность – особенности внутренней типологии	93
<i>Кореневский С. Н.</i> Феномен погребений детей с оружием V–III тыс. до н.э.	97
<i>Кулаков С. А., Дятлов А. С.</i> Некоторые данные по каменной индустрии грота Ахцу на Северо-Западном Кавказе	100
<i>Магомедов Р. Г., Хазамов Д.-А. А.</i> Новые памятники куро-аракской к.и.о. в Предгорном и Горном Дагестане	103
<i>Мимоход Р. А.</i> Семантика фигурных роговых пряжек кавказской традиции (финал средней бронзы)	107
<i>Мусеибли Н. А.</i> Костяные изделия памятников лейлатепинской культуры	111
<i>Недомолкин А. Г.</i> Развитие техники расщепления в верхнем палеолите Кавказа и Ближнего Востока	115
<i>Ожерельев Д. В.</i> Датировка стоянки эпохи олдована Мухкай Па (Дагестан)	118
<i>Панасюк Н. В.</i> Керамические комплексы западно- и восточноманьчской катакомбных культур	121
<i>Поплевко Г. Н.</i> Некоторые технологические приемы формовки и последующей обработки керамики по данным экспериментально- трассологических и этнографических исследований	125
<i>Райнхольд С., Калмыков А. А., Белинский А. Б., Уве Хойсснер К.</i> Радиоуглеродные датировки периода бронзы Северного Кавказа – новые даты и байесовское моделирование	129
<i>Резепкин А. Д., Кулькова М. А.</i> Сравнительный петрографический анализ керамики из поселений майкопской культуры	131
<i>Рогудев В. В.</i> Редкое срубное погребение с игральными костями	135
<i>Рябогина Н. Е., Идрисов И. А., Борисов А. В.</i> Динамика климата Горного Дагестана в голоцене	139
<i>Сеидов А. Г.</i> Каменные орудия труда эпохи неолита из Караагджа	143
<i>Таймазов А. И.</i> Каменные орудия слоя 23 раннепалеолитической стоянки Айникаб 1	145

<i>Тихонов Н. А.</i> Новое майкопское поселение у аула Зеюко в Карачаево-Черкесии	149
<i>Шишилов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В.</i> Поселение майкопской культуры Заря 1 у ст. Натухаевской г. Новороссийска (предварительное сообщение)	151
<i>Эрлих В. Р., Годизов Г. Л.</i> Мегалитический ансамбль Шушук-75-76: к проблеме культурной атрибуции	155
Археология финала позднего бронзового и начала раннего железного века	
<i>Белинский А. Б., Иванчик А. И.</i> К вопросу о греческой колонизации северной Колхиды и локализации Диоскуриады в архаический и классический периоды	159
<i>Брилева О. А.</i> Фигурка из коллекции антропоморфной пластики И.В. Мегрелидзе, собранной на г. Кидилашани летом 1939 г.	161
<i>Брилева О. А., Кравцова С. Л.</i> Археологические памятники на г. Стрижамент	163
<i>Бурков С. Б.</i> Археологические свидетельства манипуляции с черепами в погребально-поминальной традиции у населения Кавказа и Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннем железном веке	167
<i>Васильева Е. Е.</i> Бронзовые подвески в виде бараньих голов: вопросы классификации	170
<i>Вольная (Керцева) Г. Н.</i> Зоо-антропоморфные находки VI в. до н.э. в городском археологическом музее Болоньи и их кобанские и скифские аналогии	173
<i>Габелия А. Н.</i> О связях Кавказа с Карпато-Дунайским миром в древности (на примерах кобанской и колхидской культур)	176
<i>Гаглойти Р. Х.</i> О некоторых вопросах древней медицины (хирургии)	178
<i>Гасумов А.</i> Орнаменты керамики периода поздней бронзы в Азербайджане	180
<i>Джопуа А. И., Ньюшков В. А.</i> Изучение археологических памятников Сухума и его окрестностей по материалам раскопок М. М. Трапша	182
<i>Дударев С. Л.</i> Бронзовый кинжал из собрания Донецкого областного краеведческого музея	184
<i>Зиливинская Э. Д., Мальцева Н. С., Московкина Т. Ю.</i> Раскопки античной винодельни на Тамани	187
<i>Иванов А. В.</i> Курганный некрополь «Вышка-1»: погребальный обряд, хронология и место памятника среди древностей Северо-Западного Кавказа V в. до н.э.	189
<i>Кадиева А. А., Демиденко С. В.</i> Вытянутые погребения предскифского времени из могильника Заюково-3 (по материалам раскопок в 2015–2016 гг.)	192

Содержание

<i>Канторович А. Р., Маслов В. Е.</i> Скифский курганный могильник Новозаведенное-III в Центральном Предкавказье: три сезона исследований	196
<i>Кашуба М. Т., Кулькова М. А., Кульков А. М., Власенко Н. С., Гаврилюк Н. А., Кайзер Э.</i> Белая паста – ноу-хау в производстве керамики раннего железного века Причерноморского бассейна	199
<i>Квициани З.</i> Древнейшие золотые деньги на Кавказе. Сванское золото	203
<i>Клемешова М. Е.</i> Предварительные результаты технико-технологического анализа керамики эпохи поздней бронзы из раскопок поселения Ильич-1	207
<i>Козенкова В. И.</i> Еще раз к вопросу о кобано-скифских взаимоотношениях: единство и противоречивость в оценке основных постулатов	211
<i>Кузнецова Т. М.</i> Скифы Геродота или безымянные древности	216
<i>Ларенок В. А., Ларенок О. П.</i> Биспиралевидные подвески из кургана № 5 курганного могильника «Бургуста 1» Красносулинского района Ростовской области	219
<i>Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.</i> Боевые ножи меотов	221
<i>Мамаев Р. Х., Исаев С. Х., Ахмаров А. У.</i> Новые кобанские находки из Сержень-Юрта (Чечня)	224
<i>Марченко Ю. В., Котин М. А.</i> Новый памятник кобанской культуры у села Верхний Куркужин Кабардино-Балкарской Республики	227
<i>Мокрушин В. П., Нарожный Е. И.</i> Вещевой инвентарь поселения «Кишпек-2» (КБР)	230
<i>Мошинский А. П.</i> Кобанские пинтадеры V–IV в. до н. э. из поселения Сауар в Горной Дигории	234
<i>Патрушев В. С.</i> Уздечные принадлежности начала эпохи железа волжских финнов (к проблеме культурных связей с населением Северного Кавказа)	237
<i>Погребной А. Ю., Тихонов Н. А.</i> Новые свидетельства присутствия меотов в Верхнем Прикубанье?	241
<i>Половинкина Ю. С.</i> Новые находки скифских стел на территории Ставропольского края	244
<i>Прокопенко Ю. А.</i> Элементы античных культов в погребальной обрядности населения – носителей культуры склеповых захоронений Центрального Предкавказья III–II вв. до н.э.	247
<i>Рябкова Т. В.</i> Формирование раннескифского культурного комплекса в Закубанье (по материалам старших курганов Келермеса)	250
<i>Скаков А. Ю., Хондзия З. Г., Джоуа А. И.</i> Новая находка элитного комплекса эпохи раннего железа в Абхазии	254
<i>Сланов А. А.</i> Крепость «Зылды маьсыг (Круглая башня)»	258
<i>Смирнов Н. Ю.</i> «Следуя по колее их колесниц...»: сюжет колесничной охоты на оленя на Западе и Востоке евразийских степей	261

Содержание

<i>Сударев Н. И., Соловьев С. Л., Шаров О. В.</i> Население северо-западной части Таманского полуострова накануне и в период греческой колонизации	263
<i>Терехова Н. Н., Завьялов В. И.</i> Кавказские технологические традиции в производстве железного инвентаря из памятников Степной Скифии	266
<i>Требелева Г. В., Сакания С. М., Юрков Г. Ю., Хондзия З. Г., Шведчикова Т. Ю.</i> Маркульское городище: от античности до гунуэзского времени. (Результаты исследований 2013–2017 гг.)	269
<i>Чугунов К. В.</i> Трансконтинентальные связи Европы и Азии в предскифское время: старые проблемы и новые данные	272
<i>Чшиев В. Т.</i> Некоторые особенности погребального обряда Адайдонского могильника	276
<i>Эрлих В. Р.</i> Финал поздней бронзы в предгорьях Северо-Западного Кавказа. Новые данные	279
Археология сарматского времени и раннего Средневековья	
<i>Афанасьев Г. Е.</i> Некоторые дополнения к исторической интерпретации новых генетических исследований сармато-аланских образцов	284
<i>Бабенко А. Н., Сергеев А. Ю., Коробов Д. С.</i> Первые результаты изучения зоогенного отложения Гум-Баши (Карачаево-Черкесия)	290
<i>Бакушев М. А., Борисов А. В., Рябогина Н. Е.</i> Миграционные факторы на территории Дагестана на рубеже эр	293
<i>Бездудный В. Г., Кочкаров У. Ю., Айбазов А. Ю.</i> Геофизические (магнитометрические, георадарные) работы на Хумаринском городище (полевые сезоны 2010–2012 гг.)	296
<i>Безматерных А. Е.</i> Поселение «Гостагаевское Западное 2» (результаты раскопок 2016 г.)	299
<i>Гавритухин И. О., Кадиева А. А., Торгоев А. И.</i> Кавказская серия подражаний пряжкам типа Митилена	303
<i>Гаджиев М. С., Шаушев К. Б.</i> Мечи V в. н. э. из коллекции Ингушского государственного музея краеведения им. Т. Мальсагова	307
<i>Глебов В. П.</i> Сарматы в Предкавказье в I – первой половине II вв. н. э.	311
<i>Гмыря Л. Б., Саидов В. А., Шаушев К. Б., Магомедов Ю. А.</i> Исследование Рубасской фортификации середины VI в. (Раскопки 2016 г.)	316
<i>Гмыря Л. Б., Саидов В. А., Абдулаев А. М., Магомедов Ю. А., Шаушев К. Б., Сайпудинов М. Ш.</i> Новые материалы Паласа-Сыртского курганного могильника IV–V вв. (курганные группы № 6 и 7)	319
<i>Горбенко А. А., Косяненко В. М.</i> Редкие фибулы из некрополя Крепостного городища (г. Азов)	323
<i>Дзаттиаты Р. Г., Успенский П. С., Царикаева (Албегова) З. Х.-М.</i> Оружие населения Центрального Кавказа VII–X вв. по материалам Даргавского могильника	326

<i>Елкина И. И., Пахунов А. С., Дэвлет Е. Г., Кочкаров У. Ю.</i>	
Шерстяные ковры в традициях погребального обряда алан VIII–IX вв. (сохранность и исследование)	331
<i>Ельцов М. В., Удальцов С. Н.</i> Естественнонаучные исследования курганов среднесарматского времени на территории Северных Ергеней	
	334
<i>Жуковский М. О., Кочкаров У. Ю., Чагаров О. С.</i> Использование высокоточной компьютерной модели поверхности Хумаринского городища для анализа его планиграфии и системы укреплений	
	337
<i>Кадзаева З. П.</i> Катакомба с прессованными и литыми ремennыми деталями из Садонского могильника	
	340
<i>Казанский М. М., Мастыкова А. В.</i> Ранневизантийские пряжки на Кавказе (середина V – середина VI в.)	
	344
<i>Коробов Д. С.</i> Городища и могильники раннего этапа аланской культуры на Северном Кавказе по данным дистанционного зондирования	
	348
<i>Ксенофонтова И. В.</i> Коллекция предметов из египетского фаянса в собрании ГМВ	
	351
<i>Мальшев А. А., Дрыга Д. О., Моор В. В.</i> Политический центр азиатского Боспора в ранневизантийское время: исследования, топография и визуализация	
	355
<i>Пьянков А. В., Юрченко Т. В.</i> Два византийских солида из первых поступлений в Краснодарский музей	
	358
<i>Рукавишников И. В., Меньшиков М. Ю., Воробьев И. И.</i>	
Исследования нового биритуального могильника хазарского времени на Северо-Западном Кавказе	361
<i>Сагитова М. Д.</i> Материалы из раннесредневекового каменного ящика близ дагестанского села Телетль	
	365
<i>Саканиа С. М., Сангулия Г. А.</i> Раннеабхазский храм в селе Тамыш	
	369
<i>Сангулия Г. А., Кармов Т. М.</i> Новая находка раннесредневекового ламеллярного доспеха на территории Абхазии	
	372
<i>Соломатина Н. В., Кадиева А. А.</i> Предметы из кожи с территории Северного Кавказа из собрания Государственного исторического музея	
	374
<i>Храпунов И. Н.</i> Склепы с короткими дромосами в Предгорном Крыму и на Северном Кавказе	
	378
<i>Шевченко Н. Ф.</i> Курганы и курганообразные возвышенности в степном Прикубанье (проблемы идентификации)	
	380

Археология развитого и позднего Средневековья

<i>Андреева А. Ю., Антипова А. С.</i> Результаты исследований 2013–2017 гг. на башенных комплексах Горной Ингушетии в контексте перспектив археологического изучения памятников архитектуры	
	383
<i>Антипова А. С., Смирнов Н. В.</i> Новые исследования строительной техники ингушских башенных сооружений и вопросы их сохранения	
	387

Содержание

<i>Армарчук Е. А.</i> Северо-Восточное Причерноморье XI–XIV веков: традиционные черты и привнесенные «степные» элементы культуры	391
<i>Бабенко В. А.</i> Средневековые памятники в долине р. Мокрая Буйвола на Ставрополье	394
<i>Бакушев М. А., Леонтьева А. С.</i> Погребения в дромосах катакомб Змейского катакомбного могильника	397
<i>Белецкий Д. В.</i> Храмы «дигорской» группы и их мтиульские параллели	400
<i>Бочаров С. Г., Обухов Ю. Д., Ситдииков А. Г.</i> Золотоордынский город Маджар в системе культурных связей Евразии. По материалам новых археологических исследований (2015 – 2017 гг.)	404
<i>Василиненко Д. Э., Кравченко Д. С.</i> К вопросу о возможности программного моделирования зрительных взаимосвязей средневековых памятников района Псеашхинского перевального пути	407
<i>Верещагин В. В., Голубев Л. Э.</i> Военские погребения с лошадьми из курганных могильников «Гостагаевская-1» и «Гос.№258»	411
<i>Виноградов А. Ю., Казачков Ю. А., Каштанов Д. В.</i> Крестово-купольный храм в Хосте – забытый памятник «абхазской школы» X века	415
<i>Виноградов А. Ю., Каштанов Д. В., Понарядов В. В.</i> Рукопись Шогенова – уникальный памятник письменности Северного Кавказа	418
<i>Гаджиев М. С., Таймазов А. И., Будаичиев А. Л., Абдулаев А. М., Абиев А. К.</i> Открытие и исследование раннемусульманского некрополя в Дербенте	422
<i>Гаджиев М. С., Кузеева З. З.</i> О хронологии ранней глазурованной керамики Дербента	426
<i>Гадиев У. Б., Мацковский В. В.</i> Датировки памятников архитектуры Горной Ингушетии методом радиоуглеродного анализа	429
<i>Гончаров Е. Ю., Красильникова Л. И., Козмирчук И. А.</i> Монетные находки с поселения и могильника Псебепс-3 (Краснодарский край)	432
<i>Гончарова С. М.</i> Жилище с каменным пандусом на ул. Ленина в г. Азове	436
<i>Городовая В. Н., Калинина Н. А., Орфинская О. В.</i> Коллекция тканей музея САО	438
<i>Гужин В. Д., Ёлишин Д. Д.</i> Новый средневековый храм в портовом районе Судака (К вопросу о перекрытиях зальных храмов византийских провинций Кавказа и Крыма)	439
<i>Диасамидзе Т.</i> Потерянная композиция древа жизни из ингушского храма: Тхаба-Ерды и его связь со средневековым грузинским искусством	443
<i>Дмитриев А. В., Дружинина И. А.</i> Курганный могильник Сидоренкова щель	444
<i>Дмитриев А. В., Нарожный Е. И., Соков П. В.</i> Предварительные итоги раскопок археологических памятников урочища «Молоканова щель»	448
<i>Доде З. В.</i> К вопросу об алано-византийских связях на примере декоративно-прикладного искусства	452
<i>Достиев Т. М.</i> Исследования цитадели средневекового города Шамкир	453
<i>Ендольцева Е. Ю., архимандрит Дорофей Дбар.</i> Алтарная преграда из церкви в Дранде: новые данные	456

Содержание

<i>Зиливинская Э. Д., Петров П. А., Соколов П. М.</i> Поселение и могильник Солёный II на Тамани: предварительные итоги	459
<i>Зиливинская Э. Д., Цветкова Т. Г.</i> Ганч из раскопок в Дербенте и его аналогии	462
<i>Идрисов И. А., Борисов А. В.</i> Террасное земледелие как фактор преобразования геологической среды в Горном Дагестане	465
<i>Калинина Н. А., Городовая В. Н., Кучаева Н. М., Тихонов Н. А., Хафизова Е. Н.</i> Музей историко-культурного наследия САО и Нижнего Архыза	468
<i>Колесникова М. Е.</i> Предприятие «Наследие» в археологии Северного Кавказа	469
<i>Макласова Л. Э., Обухов Ю. Д.</i> Навершия монгольских головных уборов – неотъемлемая часть костюма XIII–XIV вв.	472
<i>Меньшиков М. Ю.</i> Святылища и сакральные места в окрестностях пос. Красная поляна по результатам археологических работ 2010–2011 гг.	475
<i>Минаев А. П.</i> Заметки о мукомольном производстве золотоордынского Азака	479
<i>Новичихин А. М.</i> Раннесредневековое поселение на северной окраине села Су-Псех	481
<i>Пантелеев С. А.</i> Погребальные комплексы хазарского времени в дельте реки Волги	484
<i>Петров П. А., Соколов П. М.</i> Новый тип средневековых керамических масляных светильников из окрестностей Таматархи	488
<i>Саканиа С. М.</i> Малые церкви с ритуальными нишами в алтаре	491
<i>Тангиев М. А., Бегуев С. А.</i> Типы погребальных сооружений XIII–XVII вв. в Горной Чечне	493
<i>Туаллагов А. А.</i> К изучению христианской символики Алании	496
<i>Чижова А. А.</i> Стекланные браслеты Северного Кавказа	499
<i>Чхаидзе В. Н.</i> Погребальный обряд кочевников Предкавказья XI–XIV вв.	503
<i>Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А.</i> О так называемых касожской, белореченской и старокабардинской «археологических культурах»	507
<i>Шведчикова Т. Ю.</i> Комплексное антропологическое исследование средневекового населения Имеретинской низменности (по материалам храма у с. Веселое, IX–XI вв. н. э.)	510
<i>Швецов М. Л.</i> О двух курганных захоронениях из могильника эпохи средневековья в г. Карачаевск	512
<i>Shingiray I.</i> “Nomadic islam” in the golden horde steppe: a case-study of a burial from Bolshoi Tsaryn, Kalmykia	516
<i>Яворская Л. В.</i> Необычный комплекс костей животных из раскопок христианского храма у с. Веселое	519
Список сокращений	522

Р. М. Мунчаев
Институт археологии РАН, г. Москва

РОЛЬ Е. И. КРУПНОВА В ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В МЕСОПОТАМИИ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Месопотамия – это страна, расположенная в бассейне двух великих рек – Тигра и Евфрата. Так данный регион Ближнего Востока называли еще древние греки. Как установлено ныне, здесь впервые возникли земледелие и скотоводство, появились самые ранние города и письменность, сформировались первые государственные образования и сложилась древнейшая цивилизация в истории человечества, поэтому уже с XIX в. к Месопотамии приковано столь повышенное внимание и широкий интерес в мировой науке.

Так получилось, что российская наука со значительным отставанием от западных специалистов приступила к археологическим исследованиям в Месопотамии. Действительно, если английские и французские ученые начали проводить раскопки памятников культуры в Ираке и Сирии уже в середине XIX в., то российские археологи приступили к исследованиям там лишь с 1969 г., т. е. с опозданием более чем на 100 лет. В настоящем докладе мы не ставим себе целью выяснить, как и почему так случилось. Мы рассмотрим здесь только, как нам удалось все-таки, преодолев немалые сложности, организовать, наконец, первую советскую археологическую экспедицию в Месопотамии и какая значительная оказалась в этом роль Евгения Игнатьевича Крупнова.

В 1966 г. на открытие Национального археологического музея Ирака в Багдаде была приглашена делегация Академии наук СССР в составе директора Эрмитажа акад. Б. Б. Пиотровского, заместителя директора Института археологии АН СССР проф. Е. И. Крупнова и известного советского арабиста А. Халидова. Понятно, что там не мог не возникнуть вопрос, почему в Месопотамии и конкретно в Ираке до сих пор не работают советские археологи. И он встал на самом деле. На первой же официальной встрече представители иракской стороны подняли вопрос, почему до сих пор в Ираке не действует археологическая экспедиция самой дружественной им страны – Советского Союза? Это заявление за живое задело членов нашей делегации и особенно Е. И. Крупнова.

Сразу же по возвращении на Родину Е. И. Крупнов развернул активную работу по созданию советской археологической экспедиции в междуречье Тигра и Евфрата. А как же сложно было организовать в те, советские, годы зарубежную археологическую экспедицию! Мне пришлось быть свидетелем того, с каким невероятным трудом Евгений Игнатьевич, следует подчеркнуть, при активной поддержке директора Института археологии АН СССР акад. Б. А. Рыбакова добивался намеченной цели – организовать нашу экспедицию в Ираке – сердце Месопотамии. Его поразительная целеустремленность и постоянное обращение по данному вопросу и в Президиум АН СССР и особенно в Отдел науки ЦК КПСС привели в конце концов, к положительному решению этой проблемы. В 1968 г. ЦК КПСС принял официальное решение разрешить Академии наук СССР организовать археологическую экспедицию в Ирак (а также в Афганистан). И в том же

году вышло постановление Президиума АН СССР, в котором было поручено Институту археологии АН СССР создать с 1969 г. такую экспедицию сроком на четыре года (с последующим пролонгированием срока), в составе семи сотрудников и соответствующей сметой в инвалюте. Там же была определена и научная задача, поставленная перед экспедицией. Это – изучение развития раннеземледельческих культур и процесса сложения древнейшей цивилизации Месопотамии. Свершилось огромное событие в истории российской археологической науки! И в этом, как видим, поистине значительная роль принадлежала ведущему археологу страны Е. И. Крупнову.

Естественно, ни у кого не было сомнений, что руководителем первой российской археологической экспедиции в Месопотамии станет Е. И. Крупнов. Но врачи категорически запретили ему ехать в Ирак из-за участившихся в последнее время у него сердечных приступов. Вместо него руководство Месопотамской экспедицией ИА АН СССР было возложено на меня, и я в течение почти 40 лет (1969–2010 гг.) бессменно руководил советскими (а впоследствии российскими) археологическими исследованиями в Ираке и Сирии.

Не могу не указать здесь, что Е. И. Крупнову удалось ознакомиться с первыми результатами работ нашей экспедиции в Ираке и порадоваться им. Он скончался в 1970 г., после того, как Иракская экспедиция завершила свой второй полевой сезон. Отмечу, пользуясь случаем, что в похоронах Е. И. Крупнова принимали участие Генеральный директор археологической службы Ирака д-р Исса Сальман и руководитель Национального археологического музея страны д-р Фавзи Рашид.

Весной 1969 г. экспедиция ИА АН СССР в составе Р. М. Мунчаева, Н. Я. Мерперта, Н. О. Бадера, В. А. Башилова, О. Г. Большакова (Институт востоковедения АН СССР), П. Д. Даровских и М. У. Юнисова начала археологическую экспедицию в Северо-Западном Ираке, близ г. Телль Афар, в 50 км к западу от Мосула, в долине Синджара. Актуальность исследования Синджарской долины заключалась не только в ее слабой изученности, но и в том, что она находилась в центре Джебзир – ассирийской степи, которая связывала с древнейшими временами Северную Сирию и Восточное Средиземноморье с глубинными районами Месопотамии. В последующем состав экспедиции был расширен до девяти сотрудников: в нее вошли на постоянной основе В. И. Гуляев, А. В. Куза и И. Г. Нариманов (Институт истории Азербайджанской ССР). Экспедиция спорадически привлекала к работам и других ученых. В частности, в Иракской экспедиции успешно проработала пару сезонов известная палеогеограф Г. Н. Лисицына, а также член Грузинской академии наук О. М. Джапаридзе.

В центре объекта исследований экспедиции в течение всех сезонов работы в Ираке (1969–1980 гг.) оставалась группа теллей под названием Ярымтепе (в переводе с тюркского – «половина холма»; действительно, один из тепе наполовину смыт ручьем Джубара Дяряси). Здесь на небольшом расстоянии друг от друга располагались шесть теллей (*Мунчаев, Мерперт*, 1981. С. 18. Рис. 2). Сразу после возвращения из Ирака Е. И. Крупнова и начала подготовки Месопотамской экспедиции дирекция ИА АН СССР командировала в Ирак своих сотрудников Н. Я. Мерперта и Н. О. Бадера для выбора объекта раскопок нашей экспедиции. Именно они зафиксировали данную группу теллей и предложили на трех из них – Ярымтепе I, Ярымтепе II и Ярымтепе III, представляющих известные раннеземледельческие

культуры дописьменной Месопотамии (хассунскую, халафскую и убейдскую), развернуть широкие стационарные исследования. Так наша экспедиция и поступила.

Мы начали наши работы в долине Синджара с раскопок Ярымтепе I – поселения хассунской культуры. Известно, что эта культура считалась тогда самой ранней земледельческой культурой Месопотамии, датируемой VI тыс. до н. э. Она была представлена по существу одним памятником – поселением Телль Хассуна, расположенным в районе Мосула и исследованным в годы войны С. Ллойдом. Раскопки поселения были проведены на незначительной площади и не доведены до материка, поэтому многие вопросы, касающиеся данной культуры, оставались не изученными и слабо аргументированными. Российская экспедиция выявила целую группу хассунских поселений и на трех из них провела работы. Наиболее широкие исследования были осуществлены на Ярымтепе I. Раскопки охватили половину телля и на значительной площади были выведены на материк. В его шестиметровом культурном слое выделено 12 строительных уровней. Раскопано более 1000 жилых, хозяйственных и культовых сооружений (Мунчаев, Мерперт, 1981. С. 18–155), позволивших изучить архитектуру, строительное дело и особенности планировки поселения. Ни до и ни после наших раскопок Ярымтепе I ни один памятник хассунской культуры Месопотамии не был подвергнут столь масштабным исследованиям.

Разнообразен добытый на Ярымтепе I материал, в том числе немалая коллекция находок кусков медной руды, пронизок и других украшений из меди и уникальный свинцовый браслет – древнейшее изделие из этого металла в Месопотамии. Особо отметим, что мы располагаем самой большой коллекцией хассунской керамики. Значительная часть ее находится в Москве (ИА РАН), куда ученые из разных стран приезжают ее изучать. Выразительна и многочисленная серия антропоморфных фигурок.

Ярымтепе I по объему проведенных там раскопок, полученному материалу, четкой стратификации памятника и детальному послойному изучению его культурных отложений является сейчас самым изученным памятником культуры Хассуны.

Надо сказать, что наряду с раскопками наша экспедиция проводила широкие разведочные работы. В результате их в долине Синджара был открыт ряд совершенно неизвестных до этого памятников, предшествующих хассунской культуре. Это, прежде всего, Телль Магзалия – первое поселение докерамического неолита в Месопотамии (VIII тыс. до н. э.). Характерно, что оно располагалось на границе предгорий Синджара, где произрастали дикие злаки, и долиной, на которую эти злаки распространялись в процессе их культивации (Бадеф, 1989. С. 19–108). Это было поселение площадью менее 1 га, толщина его культурного слоя достигала 8 м. Выявлены остатки прямоугольных домов площадью до 80 кв. м на каменных фундаментах. С напольной стороны поселение было укреплено каменной стеной на высоту до 2 м, являющейся древнейшим оборонительным сооружением в Месопотамии и одним из ранних фортификаций в мировой истории вообще.

Собранная в Телль Магзалии палеоботаническая коллекция содержала около 300 зерен и семян культурных и дикорастущих растений, в том числе: пшеницы однозернянки, двузернянки и карликовой пшеницы, а также многорядного ячменя. Изучение же остатков фауны показало, что в ранних слоях поселения

представлены в основном кости диких животных – бизона, онагра и газели. Среди них имеются и единичные кости домашних овцы и козы, что свидетельствует о начале одомашнивания этих животных. Установлено, что в средних слоях поселения количество остатков домашних животных заметно возрастает, в то время как костей диких животных становится несравненно меньше. Перед нами картина того, как охота теряет свое значение, уступая место скотоводству.

Укажем еще, что совершенно неожиданным явились находки в Телль Магзалии кусков медной руды и даже готового изделия из меди – кованного шила. Они доказали, что развитие металлургии в Месопотамии, как и в других областях Ближнего Востока, началось довольно рано, еще до появления керамики.

С проблемой возникновения земледелия, скотоводства, а также металлургии связаны вопросы заселения и освоения долин Северной Месопотамии, как и Двуречья в целом. Возможность их исследования появилась после открытия ряда древнейших памятников в Северо-Западном Ираке, в том числе раскопанных нами в долине Синджара поселений Телль Сотто и Кюльтепе (*Бадеф*, 1989. С. 109–198). Эти памятники представляют самую раннюю земледельческую культуру, которая начала складываться и распространяться на севере месопотамской долины в VII тыс. до н. э. Она вошла в литературу под названием культуры Телль Сотто.

Телль Сотто и Кюльтепе представляли собой небольшие поселки площадью не более 0,5 га и были застроены одно- или многокомнатными домами, сложенными из глиняных блоков. Их обитатели культивировали те же злаки, но уже в условиях плодороднейших долинных почв Верхней Месопотамии. Важнейшим техническим достижением носителей культуры Телль Сотто явилось освоение гончарного производства. Найденные на ее поселениях груболепные и слабообожженные сосуды – это наиболее ранняя керамика Месопотамии. Некоторые формы посуды орнаментированы различными налестками, а в отдельных случаях примитивной росписью. Наряду с керамикой насельники Телль Сотто и Кюльтепе изготавливали и каменные сосуды, в том числе изящные мраморные. Важно, что в этой культуре были продолжены начатые в Телль Магзалии первые опыты изготовления медных изделий.

Исследования Телль Сотто и Кюльтепе позволили заполнить значительную историческую лакуну между докерамическим неолитом и культурой Хассуны. Уже очевидно, что широкое освоение долин Месопотамии началось в VII – начале VI тыс. до н. э., когда на основе культуры Сотто здесь сложилась хассунская культура. Видимо, к VI тыс. до н. э. оказалась освоенной если не вся месопотамская долина, то значительная часть Верхней Месопотамии.

Последующий за Хассуной период в истории Месопотамии характеризует знаменитая халафская культура (V тыс. до н. э.). До наших работ в Ираке исследованиям подверглись лишь единичные ее памятники и прежде всего Телль Арпачия в районе Мосула. Ни на одном из них раскопки не были доведены до основания культурного слоя. Российская же экспедиция зафиксировала целую серию поселений данной культуры и на двух из них – Ярымтепе II и Ярымтепе III – провела широкие раскопки (*Мунчаев, Мерперт*, 1981. С. 156–282).

На Ярымтепе II, где слой толщиной 7 м, весь раскоп площадью 600 м был выведен на материк, а на Ярымтепе III халафский слой мощностью 8 м был перекрыт 4-метровым слоем убейдской культуры. И здесь мы прошли на отдельных участках

весь 12-метровый слой памятника. На том и другом поселениях экспедиция вскрыла остатки более 80 круглых толосовидных построек, иногда с примыкающими к ним сооружениями. Отныне ясно, что подобные круглые однокомнатные дома являлись основной формой жилой и культовой архитектуры носителей Халафа.

Большой интерес вызывает керамика халафской культуры. В частности, из Ярымтепе II происходит значительная в настоящее время ее коллекция. Она высокого качества и отличается большим разнообразием форм. Примерно половина всех сосудов украшена росписью. Поражает разнообразие мотивов росписи: только геометрические и растительные мотивы представлены более чем четырьмя сотнями вариантов. Многочисленны также зооморфные и антропоморфные сюжеты, иногда сочетающиеся в сложных сценах. Халафское искусство характерно и оригинальными образцами пластики. Среди них, например, найденные в Ярымтепе II уникальный сосуд в виде женской фигуры, а другой – в виде свиньи, а также целая серия характерных терракотовых фигур. Все они расписаны.

Полагаем, распространение халафской культуры знаменовало появление в Северной Месопотамии и новых этнических групп населения. Вопросы о корнях и судьбах этой блестящей культуры Месопотамии остаются до сих пор не установленными. В данной связи важное значение приобретает тот факт, что в VI–V тыс. до н. э. в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе доминирует, как и на поселениях Северной Месопотамии, такая же круглопланная архитектура. Возникает вопрос: не появилась ли она здесь в результате месопотамских влияний, тем более что в отдельных памятниках Закавказья встречаются образцы типичной халафской расписной керамики?

Выполненные российской экспедицией в Ираке исследования беспрецедентны по масштабам, результативности и научному значению. К нашему удовлетворению, западная наука признала, что отныне без учета данных российской экспедиции невозможно изучать археологию Месопотамии. В этой связи примечательно признание, сделанное известным британским ученым Дж. Отс. В рецензии на нашу книгу, изданную в США (*Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Expeditions in Northern Iraq. Arizona. 1993*), она подчеркнула, что если до недавнего времени лидирующая роль в изучении севера Месопотамии принадлежала британской археологии, то сейчас она перешла к российской экспедиции, исследования которой заметно изменили существующие знания о неолите Месопотамии (*Oates, 1994*). Укажем, что именно за выполнение этих исследований группе сотрудников российской экспедиции (Н. О. Бадеру, Н. Я. Мерперту и Р. М. Мунчаеву) в 1999 г. была присуждена Государственная премия России в области науки.

Начавшаяся война между Ираком и Ираном в 1980 г. привела к свертыванию в Ираке деятельности всех археологических экспедиций, включая и советскую. Мы, как и другие экспедиции, перебазировали свои работы на смежные области Северо-Восточной Сирии. В течение 1988–2010 гг. наша экспедиция провела в долине Хабуба, близ г. Хассаке исследования Тель Хазны I – большого холма диаметром до 200 м и высотой 17 м. Нижние слои телья мощностью до 4–5 м относятся к убейдской и урукской культурам (конец V–IV тыс. до н. э.). Основной же слой толщиной около 12 м, являвшийся главным объектом изучения, принадлежал раннединастическому I периоду (первая треть III тыс. до н. э.). Вскрытая площадь памятника составляет

свыше 5000 кв. м, на которой выявлены остатки около 600 различных строительных комплексов, включая массивные храмовые сооружения и зернохранилища и обводную стену протяженностью до 100 м. Многие из последних сохранились на высоту 8 и более метров (Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004; Мунчаев, Амиров, 2016).

Телль Хазна I – это необычное поселение, он представляет остатки храмово-административного центра, в котором совершались земледельческие культы, хранились и распределялись запасы общественного зерна. Это, безусловно, уникальный памятник Северной Месопотамии первой половины III тыс. до н. э. Открытые здесь многочисленные строительные комплексы позволили детально изучить планировку этого памятника и его архитектуру, особенности строительного дела и многое другое. Здесь добыт также обширный и разнообразный археологический материал, включая важные данные по палеоботанике и археозоологии. Поражает обилие не только керамики, но и каменных земледельческих орудий, костяных изделий, антропоморфных и особенно зооморфных фигурок, древнейших печатей, бронзовых предметов и т. д., и т. д. Особо отметим, что мы раскопали в Телль Хазне I 73 погребения, главным образом, середины и второй половины III тыс. до н. э.

Сложившаяся с 2011 г. тяжелая военно-политическая ситуация в Сирии привела к свертыванию там работ российской археологической экспедиции, как и других. Мы успели к этому времени завершить исследования Телль Хазны I и приступить к изучению в том же регионе Сирии нового объекта – поселения Телль Айлюн (V–II тыс. до н. э.). К сожалению, реализовать намеченные планы не пришлось. Но мы выполнили другое исключительно важное дело – подготовили и издали все материалы Телль Хазны I. Сначала был опубликован первый том, содержащий данные по архитектуре, керамике и погребениям, раскопанным в Телль Хазне I до 2000 г. (Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004). Затем во втором томе были изданы новые данные по архитектуре и погребениям и все категории полученных в Телль Хазне I археологических, антропологических, палеоботанических и археозоологических данных (Мунчаев, Амиров, 2016). Благодаря этим фундаментальным изданиям удалось полностью ввести в научный оборот этот важный и уникальный памятник раннединастического I периода Месопотамии.

Совершенно очевидно, что вклад российской экспедиции в изучение археологии и культуры Месопотамии и всего Ближнего Востока весьма значителен. И нам, конечно, не может не доставлять искреннее удовлетворение, что имя нашего учителя и наставника Е. И. Крупнова тесно связано с организацией этой первой российской археологической экспедиции в Ираке и Сирии.

Литература

- Бадер Н. О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.: Наука.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О., Амиров Ш. Н., 1993. Раннеземледельческое поселение Телль Хазна II в Северо-Восточной Сирии // РА. № 4.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Амиров Ш. Н., 2004. Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. М.
- Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., 2016. Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. Т. II. М.

М. Х. Багаев

Центр археологических исследований АН ЧР, г. Грозный

СТРАНА ВАЙНАХОВ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ В. И. МАРКОВИНА (К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Владимир Иванович Марковин родился в столице самой многонациональной страны Кавказа – Дагестане – Махачкале 29 декабря 1922 г. Соответственно, 29 декабря 2017 г. ему исполнилось бы 95 лет. К глубокому сожалению, этого не произошло. Выдающийся кавказовед ушел на 86-м году жизни 23 февраля 2008 г., ровно 10 лет назад в г. Москве (*Мунчаев, Корневский, 2008. С. 190–192*). За годы своей жизни ученый прошел среднюю школу, изостудию художников Дагестана, успел побывать на фронтах Великой Отечественной войны, быть студентом факультета живописи Харьковского госпединститута и литературного факультета Дагестанского госпединститута. В 1948 г. он знакомится с известным археологом, замечательным московским ученым-сарматоведом К. Ф. Смирновым, долгие годы проводившим археологические исследования в Дагестане. Во время работы в его экспедиции в душе крайне любопытного молодого человека и подающего большие надежды художника пробудился острый интерес к древней истории и археологии Кавказа. Это увлечение, в конце концов, привело его в 1954 г. в аспирантуру Института археологии АН СССР (ныне ИА РАН). Здесь под руководством Е. И. Крупнова он написал и успешно защитил кандидатскую диссертацию «Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы», которая вскоре была доведена до уровня монографии и издана в Москве в 1960 г. (*Марковин, 1960*). В 60-е и 70-е годы прошлого века этот труд сыграл выдающуюся роль в изучении памятников эпохи средней бронзы Северного Кавказа, став настольной книгой археологов и кавказоведов (*Мунчаев, Корневский, 2008. С. 180*).

В 1953 г. начинающий археолог публикует свою первую научную статью «Наскальные изображения в Дагестане» (*Марковин, 1959. С. 209–213*). Так распределилась судьба, что и последнюю свою научную работу, но уже монографию, знаменитый археолог также посвятил наскальным изображениям Дагестана (*Марковин, 2006*). С тяжелой грустью читаешь сегодня его как бы прощальные слова о своем последнем в жизни научном исследовании: «Мысль написать специальную монографию, посвященную наскальным изображениям предгорий Дагестана, очень давно не давала мне покоя..., но все что-то мешало отдаться этой теме... Сейчас при подведении некоторого итога своей жизни (перешагивая свое 80-летие) это особенно важно, так как именно с поисков древних петроглифов я начал свой археологический путь. В 1948 г. я обратил внимание на наскальные начертания в ущелье Капчугая по течению р. Шура-Озень. Тогда я впервые зарисовал их. И вот сейчас, более чем 50 лет спустя, я снова возвращаюсь к этой теме, древним страницам жизни местных племен и их изобразительному искусству, создав специально посвященную им работу» (*Марковин, 2006. С. 3*). И тем не менее свои первые шаги в археологической карьере он начинает в стране вайнахов. Вот как об этом свидетельствует сам Владимир Иванович Марковин: «Первые шаги в области археологии и уже в качестве профессионала у меня связаны с Чечено-Ингушетией. На ее территории я начал работать еще в 1955 г., когда

эта часть Кавказа называлась Грозненской областью. Тогда под руководством Е. И. Крупнова и Р. М. Мунчаева здесь исследовался Луговой могильник скифского времени (у сел. Лугового, теперь оно называется Мужичи). В 1956 г. пришлось проводить разведки вместе с моим другом Владимиром Кузнецовым в почти безжизненном Советском районе Чечни (теперь Шатойский район). Ландшафт удручающий: руины жилых башен, заброшенные кладбища, обвалившиеся дороги и лишь кое-где хуторки вместо сел, да люди, переселенные сюда (осетины, дагестанцы, грузины), не очень веселые. Для них это чужбина. На следующий год я наблюдал трагические картины возвращения (после депортации 1944 г. – М. Б.) чеченцев на родные земли – и плохо скрываемые слезы, и радость, и отчаяние. А еще через год в моем отряде уже работали первые студенты местного пединститута – чеченцы и ингуши. Это были подтянутые, немного настороженные ребята, хорошо знавшие цену хлеба и прекрасно понимавшие, что такое дружба, честь и человечность. Почти все они заслуживают доброго слова. Я всегда чувствовал их помощь, и мне нравилось их неподдельная смелость в действиях. Со своей стороны, в меру своих сил, я их учил ценить духовную значимость древних и средневековых памятников, уважать свою историю и сам учился у них не унывать, быть всегда, как говорят, в форме. И кажется, никто из них не изменил однажды выбранной профессии. Назову только некоторых: Муса Багаев, Якуб Вагапов, Сераждин Умаров, Майрбек Ошаев» (Марковин, 1998).

Ведущий российский кавказовед, археолог, доктор исторических наук, сотрудник Отдела археологии бронзового века Института археологии РАН, заслуженный деятель науки РФ и Республики Дагестан, В. И. Марковин оставил неизгладимый след в археологии Северного Кавказа и, прежде всего, в области бронзового века. Об этом свидетельствует его монография «Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.)», изданная в 1960 г. Через восемь лет он публикует другую книгу (Марковин, 1968), в которой археолог вновь, после выхода в свет исследования А. П. Круглова в 1958 г., возвращает нас к каякентско-харачоевской культуре, которую, в отличие от А. П. Круглова, относившего ее IX–VIII вв. до н. э. (Круглов, 1958. С. 7–146), датирует XIII–IX вв. до н. э. (Марковин, 1969. С. 113). Эти поправки, на наш взгляд, могут иметь место, но полная ясность все-таки таится в будущих исследованиях.

В 1967 г. В. И. Марковин заинтересовался загадочными дольменами Прикубанья и Причерноморья. По ним он защищает докторскую диссертацию (1977) и издает три монографии (Мунчаев, Корневский, 2008. С. 191).

Столь большая загруженность новым научным направлением не мешала ему продолжать серьезные исследования как по Чечено-Ингушетии, так и по всему Северному и Северо-Восточному Кавказу. Археолог увлеченно работает с материалами (по эпохам камня, бронзы, раннего и позднего железа, а также в области Средневековья), накопленными им при его археологических раскопках в 50-е и 60-е годы близ селений Харсеной, Бети-Мохк, Мескеты, Галайты, Замни-юрт, Шушия, Гойты, Кезеной и др. В статьях, написанных на основе этих изысканий, показаны сложные взаимоотношения носителей древних местных культур с пришлыми племенами, начиная с эпохи бронзы и кончая скифо-сарматским временем.

Из около 300 опубликованных В. И. Марковиным научных трудов, в том числе 10 монографий, 98 имеют прямое отношение к древней и средневековой

археологии истории нахских народов (*Багаев*, 2004. С. 40–46). Последняя из них – «Зандакский могильник» (*Марковин*, 2002). Раскопки на Зандакском некрополе автором книги велись в 1962–1964 гг. Весь полученный материал позволил археологу сделать вывод о том, что это кладбище функционировало на протяжении XII–V вв. до н. э. Найденные здесь комплексы артефактов «свидетельствуют о высоком культурном уровне местного населения, которому были доступны все достижения эпохи» (*Марковин*, 2002. С. 148–149). Ответственный редактор этой книги, член-корр. РАН, профессор Р. М. Мунчаев подчеркивает, что наконец-то выйдет в свет полная публикация и исследование Зандакского могильника, этого, несомненно, своеобразного в культурном отношении памятника, указывающего на определенную специфику в развитии культурно-исторического процесса в пограничье горной Чечни и Дагестана в эпоху поздней бронзы и раннего железа. И вполне закономерно, что этот могильник привлек к себе внимание многих археологов (В. Г. Котович, О. М. Давудов, В. И. Козенкова, В. Б. Виноградов, С. Л. Дударев и др.). Их взгляды где-то сходятся, а где-то диаметрально противоположны. В такой ситуации вполне прав ответственный редактор данной монографии Р. М. Мунчаев, отметивший, что В. И. Марковин уделяет в своей работе больше внимания разработке вопросов культурно-исторической интерпретации и хронологизации исследуемого памятника. Он полностью осознает всю сущность этих вопросов и поэтому проявляет совершенно оправданную осторожность при их рассмотрении, не оставляя без внимания представленные в литературе точки зрения по вопросу культурно-хронологического осмысления Дагбашского-Зандакского могильника... до сих пор нет единого мнения в определении его культурной принадлежности. Зандак относят и к кобанской культуре, в частности к ее восточному варианту, и к каякентско-харачоевской. Он рассматривается и как памятник «зоны стыка» между отмеченными культурами и, наконец, как представляющий особую – зандакскую – культуру. Данный вопрос остается открытым и в исследовании В. И. Марковина (*Мунчаев*, 2002. С. 6).

Непревзойденными на сегодняшний день остаются исследования В. И. Марковина и по каменному зодчеству вайнахов. В этой связи исследования В. И. Марковина вполне сравнимы с высокопрофессиональными научными трудами грузинских ученых (*Джандиери*, *Лежава*, 1940; *Амиранашвили*, 1963), особенно когда речь идет об обмерах, анализе и выяснении общей роли архитектуры не только Чечни, но и соседних районов Кавказа (*Марковин*, 2002. С. 38–51).

В данном случае уместно отметить, что диапазон научных интересов В. И. Марковина был довольно обширным: археология Кавказа, культура, искусство, архитектура и духовный мир древнего и средневекового населения региона (*Марковин*, 2000). Исходя из этого, не будет лишним сказать о нем еще и как о художнике. Его близкие друзья Р. М. Мунчаев и С. Н. Кореневский особо подчеркивают, что коллеги-археологи значительно меньше знали о деятельности Владимира Ивановича в области живописи. Кисти В. И. Марковина принадлежат более 1000 полотен. Сейчас они находятся в запасниках музеев Волгограда, Махачкалы, Музея Востока в Москве, часть была просто подарена друзьям. Более 190 полотен погибло в музее г. Грозного в период войны 1994–2004 гг. Даже в овеянном славой высокогорном дагестанском ауле Гуниб, в музее горцев, рядом с оружием времен Шамиля можно увидеть картину В. И. Марковина. Его творчество любят и ценят

в Дагестане и Чечне, уважают и признают все, кто не безразличен к величественным красотам природы Северного Кавказа (*Мунчаев, Корневский*, 2008. С. 191).

В широком смысле слова В. И. Марковин принадлежал к школе, хранящей традиции мастерства великого пейзажиста А. И. Куинджи. По складу своего таланта, Владимир Иванович был реалистом, тонко чувствующим цвет и атмосферу горных пейзажей. Техника его письма была очень высока. Наряду с реалистическим изображением природы, В. И. Марковина увлекал такой жанр живописи, как классический сюрреализм. Он изобразил свое видение героев романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», отреагировал на кровавые события в Грозном 1994–2004 гг. В. И. Марковин мастерски владел умением рисовать натюрморты. Их объектами становились то сочные кавказские фрукты, то старинные, будто возникшие из сказок Али-Бабы, медные кувшины – творения кубачинских мастеров.

Безусловно, многогранное художественное наследие В. И. Марковина требует специального и глубокого изучения искусствоведами (*Корневский*, 2008. С. 21–36).

Возглавляя «Горный отряд» СКАЭ, В. И. Марковин с 1957 по 1966 гг., на протяжении 9-ти археологических сезонов, обследовал все горные районы Чечни и частично Ингушетии, при этом всегда стараясь издать все материалы своих исследований, раскопок и прочих научных изысканий. Он умел трудиться и работал с наслаждением. Об этом ли говорят его замечательные научно-популярные книги: «В ущельях Аргуна и Фортанги», «В стране вайнахов», «Дорогами и тропами Дагестана»; «Испун-дома карликов» (*Марковин*, 1965; 1969а; 1971; 1985). Все они написаны вдохновенно, поэтическим языком, поэтому и читаются, как поэмы. Эмоциональный и восторженный слог автора чувствуется в каждом предложении названных работ. И как бы апофеозом звучат, например, заключительные слова автора в книге «В стране вайнахов»: «И если, закрывая эту книгу, вы заинтересовались культурой вайнахов, их самобытным зодчеством, их памятниками старины и вам захотелось самому полной грудью вобрать в себя горный воздух, увидеть полет орла и башни..., то поезжайте в страну вайнахов. Здесь любят гостей!» (*Марковин*, 1969а. С. 107).

Перефразируя слова Наполеона I: «Мое имя будет жить столько же, сколько имя Бога», без сомнений можно сказать, что имя Владимира Ивановича Марковина будет жить столько же, сколько будет живо научное и научно-популярное кавказоведение. Уверенность в этом вызывает его научное наследие по древней и средневековой археологии и истории Кавказа, а также статьи и книги по этнографии, искусству и каменному зодчеству народов горного края. Благодаря всему этому он достойно вошел в плеяду выдающихся кавказоведов.

Литература

- Алиранашвили Ш. Я.*, 1963. История Грузинского искусства. М.
Багаев М. Х., 2004. Кавказовед, учитель, друг // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М.
Джандиери М. И., Лежава Г. И., 1940. Архитектура горных районов Грузии (Хевсуретия, Южная Осетия, Горная Рача и Нижняя Сванетия). М.

- Корневский С. Н.*, 2004. Марковин Владимир Иванович – художник-пейзажист Дагестана // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М.
- Круглов А. П.*, 1958. Северо-Восточный Кавказ во II-I тысячелетиях до н.э. // Древние племена и народности Кавказа. МИА. № 68.
- Марковин В. И.*, 1953. Наскальные изображения предгорий Дагестана // ИВГО. Т. 85.
- Марковин В. И.*, 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. № 93.
- Марковин В. И.*, 1965. В ущельях Аргуна и Фортанги. М.
- Марковин В. И.*, 1969а. В стране вайнахов. М.
- Марковин В. И.*, 1969б. Дагестан и горная Чечня в древности. М.
- Марковин В. И.*, 1971. Дорогами и тропами Дагестана. М.
- Марковин В.И., Л.В. Кольцов*, 1976. Новые местонахождения эпохи камня в горной Чечне // АЭС. Т. IV.
- Марковин В. И.*, 1985. Испун – дома карликов. Краснодар.
- Марковин В. И.*, 1989. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в скифо-сарматское время // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Марковин В. И.*, 1995. Могильник эпохи бронзы у селения Малый Харсеной в Чечне // Историко-археологический альманах. Армавир.
- Марковин В. И.*, 1996а. Археология Северного Кавказа и современность // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: XIX Крупновские чтения. Тез. докл. М.
- Марковин В. И.*, 1996б. Северный Кавказ: историко-археологическое изучение и современность // РА. № 3.
- Марковин В. И.*, 1998. Моя жизнь. (Автобиография Марковина Владимира Ивановича) // Древности Северного Кавказа. Махачкала.
- Марковин В. И.*, 2000. Институт археологии сегодня. Сб. научных биографий. М.
- Марковин В. И.*, 2002. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-су. (Северо-Восточный Кавказа). М.
- Марковин В. И.*, 2006. Наскальные изображения предгорий Дагестана. М.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М.*, 2003. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М.
- Мунчаев Р. М.*, 2002. Новое исследование по древней истории и культуре Северо-Восточного Кавказа (Вместо предисловия) // Марковин В. И. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-су (Северо-Восточный Кавказ). М.
- Мунчаев Р. М., Корневский С. Н.*, 2008. Памяти Владимира Ивановича Марковина (1922–2008) // РА. № 3.

С. Н. Савенко

Пятигорский краеведческий музей, г. Пятигорск

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ АЛАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ И НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Понятие «аланская культура» применяется в северокавказской археологической науке длительное время. Предпосылки для этого складывались с конца XIX до 1-й пол. XX в. (В. Ф. Миллер, А. А. Спицын, Ю. В. Готье и др.). Е. И. Крупнов одним из первых опубликовал выражение «аланская культура» в археологическом значении (1946). До этого чаще применялись термины «аланский период», «алано-хазарская культура». Вопросы о хронологических границах, территориальном распространении, структуре, содержании и этнической принадлежности аланской культуры были поставлены В. А. Кузнецовым в конце 1950-х годов и разрабатываются им, наряду со многими другими исследователями, и сейчас. Он осознавал отсутствие четкого научного определения данного понятия и старался дать его в работах. В обобщающей статье 1973 г. об аланской культуре и ее локальных вариантах в V–XIII вв. он специально обозначил тему, но самого определения так и не предложил. Об этом заявляла в докладах на «Крупновских чтениях» и в статье 1978 г. об аланской культуре М. П. Абрамова. Подобные определения формулировались и в работах других специалистов. И это при том, что помимо общего понятия «аланская культура» применяются и его структурные компоненты, частные территориально-хронологические варианты и выросшие на его основе самостоятельные дефиниции.

Сложность актуальной задачи связана, в частности, с тем, что ключевой элемент термина («аланская») предполагает этнокультурное содержание понятия. Но следует учитывать, что кроме этнонима «алан» существовали наименования «Алания», «страна Алан» и т. п., имевшие не только этническое, но территориальное и социально-политическое содержание. Археологические реалии объективно отражали и их, что предполагает разные подходы к определению культуры и нюансы в его содержании.

К концу 1950-х годов не только выражение «аланская культура» закрепилось в литературе, но и В. А. Кузнецовым был введен новый культурно-хронологический термин «позднеаланская культура» (1959). До этого в диссертации Л. Г. Нечаевой об Алхан-Калинском катакомбном могильнике первых веков н. э. (1956), заложены основы для еще одного ныне применяемого понятия – «раннеаланская культура». Историк З. Н. Ванеев уже в 1959 г. делил историю развития аланской культуры на три периода: 1) I–V вв., 2) VI–IX вв. и 3) X–XIII вв. н. э. В кандидатской диссертации (1961) и первой монографии (1962) В. А. Кузнецов отрицал существование данной культуры в догунское время. Позднее он также стал выделять «раннеаланский этап» в пределах I–V вв. н. э. М. П. Абрамова выступала против определения культуры Центрального Предкавказья начала I тыс. н. э. как аланской вплоть до середины 1980-х гг. и только в последних работах стала писать о памятниках северокавказских алан II–V вв.

В последнее десятилетие произошел существенный сдвиг в изучении раннего этапа аланской культуры (Т.А. Габуев, Ф.Х. Гутнов, В.Ю. Малашев, А.А. Туаллагов и др.). Наиболее основательные разработки принадлежат В.Ю. Малашеву. Созданная им детализованная картина наиболее подготовлена для формулирования научного определения культуры или раннего этапа ее развития, которое пока не осуществлено.

На повестке стоит и определение общего и особенного в позднеаланской культуре X–XIII вв., а в свете последних открытий на Змейском могильнике и XIV вв. Правомерен и не обсуждавшийся еще вопрос: чем же являлись «раннеаланская» и «позднеаланская» культуры – хронологическими этапами одной культуры или самостоятельными культурными образованиями? В опубликованных работах чаще присутствует первый вариант его решения, но проявляются тенденции и для второго.

Определяя территориальную структуру культуры, В.А. Кузнецов сначала перенес на раннесредневековые памятники схему «трех локальных вариантов» археологической культуры Центрального Предкавказья Е.И. Крупнова (1960), включив в ее границы и предгорно-плоскостные, и горные районы, но зона грунтовых катакомбных могильников характеризовалась им отдельно. Позже ученый стал называть аланскими только памятники двух зон: зоны распространения земляных (восточная) и скальных (западная) катакомб, отделяя от них особую «средневековую культуру части горного Кавказа». Термины «западный» и «восточный варианты культуры» отражают ее явные локальные особенности, которые также требуют более четкой характеристики.

В качестве ведущего показателя культуры большинством ученых рассматривается катакомбный обряд погребения I – начала II тыс. н. э. (в грунтовом и скальном выражении). М.П. Абрамова относил к недостаткам культурологических построений В.А. Кузнецова и его сторонников наличие только одного базового признака. С 1960–1970-х годов появилось много новых версий: не менее 5 вариантов определения общности алан (собираемый термин, географическое сообщество, население политического объединения, элитный социальный слой воинов); 3 версии этнической принадлежности алан (иранская, тюркская и нахская); более 5 мнений о появлении в регионе обряда скальных погребений, которые связываются с аланами теперь только частью исследователей.

Развивается и определившаяся еще в XIX в. позиция о том, что ираноязычные аланы могли использовать другие виды погребальных сооружений, помимо катакомб. Большинство кавказоведов считает погребальные конструкции с использованием камня традиционными местными формами, имеющими преемственность с предшествующими периодами. Но расположение других типов могил поблизости или в зонах распространения катакомб и скальных захоронений создавало условия для их использования аланами. Разнообразные раннесредневековые поселения и могильники Карачаево-Черкесии нередко считались аланскими, хотя это положение дискутируется (В.А. Фоменко). Примечательно мнение Л.Г. Нечаевой о связи каменных склепов с катакомбами и происхождении первых от вторых под влиянием природно-географических причин. Допускалось, что скальные захоронения могли быть вариантом не грунтовых катакомб, а склепов (М.П. Абрамова). Изменение типа погребальных сооружений происходило не только по этническим, но и по духовно-религиозным причинам (Р.Г. Дзаттиаты, М.Э. Мамиев и др.).

Из всего этого вытекают как минимум 3 различные умозаключения: 1) обрядом погребения алан являются захоронения в катакомбах; 2) аланы хоронили в различных погребальных сооружениях (катакомбы, скальные захоронения, склепы, каменные гробницы, каменные ящики); 3) катакомбы использовали не только аланы, но и гунны, савиры, хазары, вайнахи и др. племена. Глубокий анализ всех этих версий является специальной научной задачей, решение которой еще предстоит. И при формулировании определения аланской культуры игнорировать это положение нельзя.

Кроме погребальных памятников в качестве базовых объектов для культуры рассматривались и территориально связанные с ними каменные (запад) и земляные (восток) городища. Но опыт был неудачным из-за слабой исследованности бытовых объектов и не подтвердившимся априорным допуском их синхронности в пределах эпохи раннего средневековья. Важным культуропределяющим компонентом считается керамическое производство. Кавказоведы пытались выделить общие и территориально-хронологические особенности форм, видов обработки, орнаментации, других элементов посуды аланской культуры. Но удачные примеры проработки керамических материалов не дают общей детальной картины для всей культуры в целом. Из других предметов «маркером раннесредневековой аланской культуры» называются металлические зеркала с центральной петлей, некоторые предметы вооружения (сабли, виды секир, наконечников стрел), конской сбруи (начельники), украшения и т. п., которые могли иметь этнокультурную и территориальную специфику и называться «аланскими». Но их системное выделение и анализ также еще впереди.

Я считаю, что, независимо от приведенных многочисленных версий, нет веских оснований для отрицания преимущественной связи грунтовых катакомбных могильников, обряда погребения в них и территории их распространения с аланами, а значит и для отказа от ключевой их позиции в определении аланской культуры в целом. Данный обряд как осевой элемент пронизывал и объединял все этапы и локальные варианты культуры, устойчиво сохранялся в центральных районах региона с первых веков до XII–XIV вв. н. э., в VIII–X вв. являлся ведущим признаком лесостепного аланского варианта салтово-маяцкой культуры, был принесен обратно возвратившимися на Северный Кавказ группами донских алан, несмотря на конструктивную сложность, воспроизводился в горах до начала II тыс. н. э., на позднем этапе культуры функционировал на территориях, которые были ядром аланских земель со II–IV вв. Из-за особой конструктивной сложности именно этот обряд мог отражать этническое самосознание алан. Во время тенденций социально-политической консолидации аланского общества, в X–XII вв., воспроизводимые катакомбный обряд и др. элементы ранней культуры (формы керамики, детали костюма, предметы быта и культа и др.) могли выполнять функцию поддержания внутреннего единства и внешнего разграничения. В районах распространения скальных могильников такое значение могли иметь и высеченные катакомбы.

Задача определения общего и частных территориально-хронологических понятий аланской археологической культуры или аланских археологических культур Северного Кавказа по-прежнему требует своего специального решения.

А. В. Субботин

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

О СОСТАВЛЕНИИ КАТАЛОГОВ И УЧЕТЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

*«Повреждение или исчезновение любых образцов
культурной ценности представляет собой
пагубное обеднение достояния всех народов мира».*

*Из Конвенции о сохранении всемирного культурного наследия,
XVII сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО, 1972 г.*

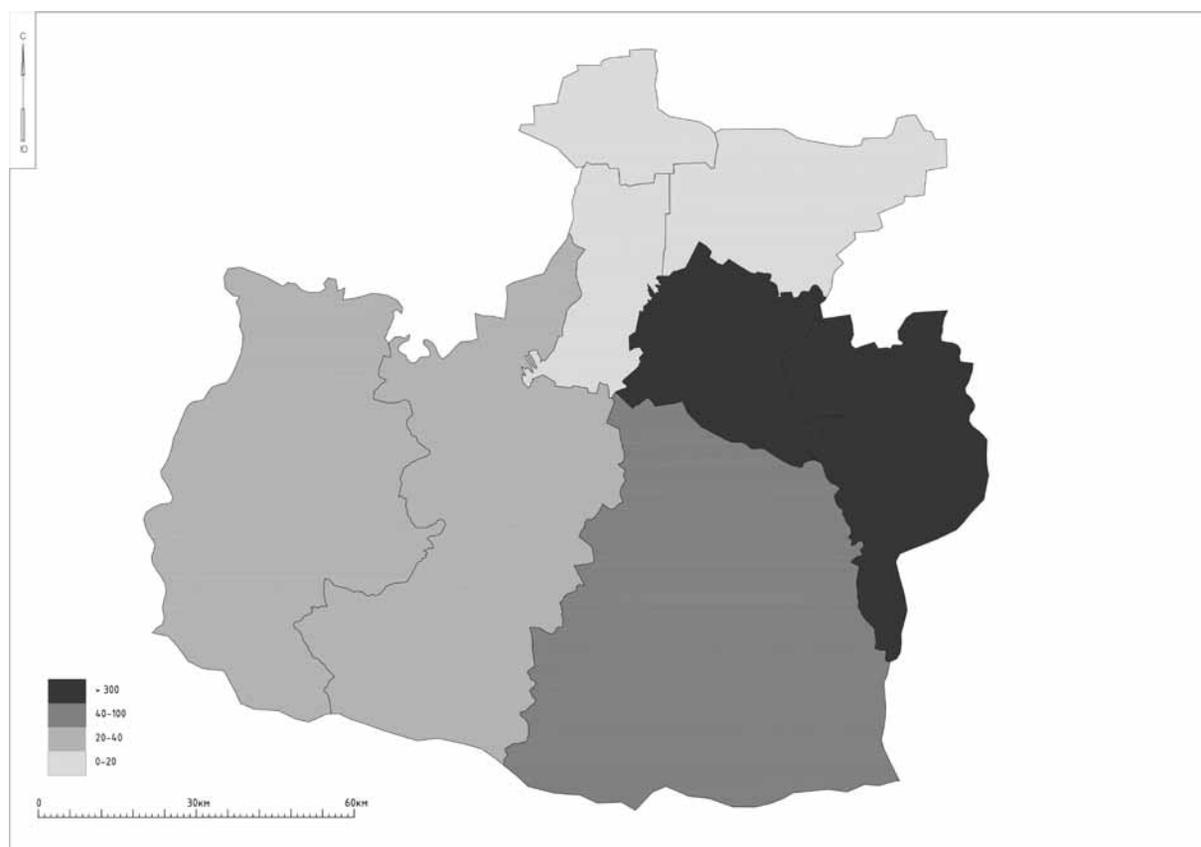
Важность составления полной археологической карты России бесспорна. Эта тема занимала специалистов еще на I Археологическом съезде. Она же была в ряду первоочередных задач созданной в 1919 г. Государственной Академии истории материальной культуры. Но до сих пор, как и более чем 100 лет назад, далеко до хотя бы приблизительного представления о реальном количестве памятников археологии в том или ином регионе.

Надо отметить, что в деле охраны памятников древней истории и создания источниковедческой базы для нее – археологической карты памятников – целый ряд областей и краев предпринимает достаточно много. Однако, учитывая сокращение государственного финансирования раскопок, а главное разведок, можно считать, что существует реальная угроза затянуть процесс создания полных археологических карт на десятилетия. Это тревожно в связи с постоянным действующим фактором естественного разрушения памятников археологии, а также приватизацией земель и мало контролируемой строительной деятельностью частных фирм.

Издаваемая Отделом сводов и карт ИА РАН серия «Археологическая карта России» (АКР), публикации аналогичных справочников научными коллективами в регионах иллюстрируют тяжелую ситуацию с численностью известных на сегодняшний день памятников. В ряде регионов их количество не превышает и 10 на район. Опыт моих многолетних разведок и паспортизации археологических объектов в Ростовской области, Краснодарском и Красноярском краях, а также в Карачаево-Черкесской Республике позволяет мне утверждать, что число памятников в среднем по площади степном/лесостепном или предгорном районе России должно быть никак не меньше 300, а возможно и больше – 400–500.

Выход из ситуации видится лишь в широких работах по выявлению и паспортизации всех объектов археологии. Однако это упирается в отсутствие средств как в федеральном, так и в местных бюджетах. Работы по паспортизации и выявлению новых памятников не входят в число тем, финансируемых Минкультуры РФ по программе «ФЦП Культура».

Главным образом из-за этого столь необходимый сейчас в ряде регионов поток охранной документации на памятники, существенно пополнивший источниковедческую базу археологии в 1980–1990-х годах, представляет собой все более пересыхающий, если уже не пересохший окончательно, ручеек.

Рис. 1. Количество известных археологических памятников, распределенное по административным районам Карачаево-Черкесской Республики

Для доклада была проанализирована информация, полученная мною: а) из результатов работ по паспортизации памятников археологии КЧР в 1999–2000 гг.; б) почерпнутая из литературных источников и Интернета.

Работы ИИМК РАН по паспортизации проводились только в Усть-Джегутинском районе. В результате было выявлено около 300 археологических памятников (почти все – курганные могильники). Исследования последних лет увеличили количество вновь выявленных объектов археологического наследия этого района.

Значительное количество памятников выявлено на самой восточной границе республики, где экспедиция ИА РАН зафиксировала и нанесла на карту 900 памятников археологии уже не один год комплексно изучаемой ею Кисловодской котловины. Почти половина из них располагается возле п. Учкекен и Терезе в Малокарачаевском районе КЧР.

Нельзя не отметить, что выложенная на схематическую карту республики информация о размещении археологических памятников Карачаево-Черкесии показывает существенные различия по плотности известных науке памятников (рис. 1). Так или иначе, налицо значительный «разнобой», варьирующийся от более чем 300 памятников на Усть-Джегутинский район, а также на восточную часть Малокарачаевского района, и до единиц. И это совсем не означает, что археологические памятники в других районах отсутствуют.

№	Регион	ОКН ¹ в реестре	ОКН выявленных
1	Краснодарский край	9000	4500
2	Ростовская область	7800	1300
3	Ставропольский край	1500	1700
4	Республика Адыгея	33	3015
5	Чеченская Республика	675	500
6	Республика Ингушетия	226	1800
7	Карачаево-Черкесия	226	800
8	Кабардино-Балкария	437	

Настоятельная необходимость разведки и логически вытекающей из нее паспортизации обусловлена не только более чем наглядным примером выявления реального количества археологических памятников (не менее чем по 300–400 на район), но и угрозой ускоренного разрушения археологического наследия, о чем говорят специалисты. Следовательно, на всей территории республики можно ожидать открытия значительного количества памятников, как минимум на порядок больше, чем взято на учет сегодня – всего немногим более 1000. Если экстраполировать данные, полученные в результате разведок по Усть-Джегутинскому и Малокарачаевскому районам, уже на всю республику с ее 10 районами, можно с некоторой долей приближения утверждать, что реальное количество археологических объектов в КЧР должно быть никак не меньше 3000. Те же цифры можно предполагать и в Кабардино-Балкарской Республике.

На сегодняшний день выявление и учет базовой информации по объемам и состоянию историко-культурного наследия этих двух регионов сильно контрастирует с ситуацией в соседних субъектах федерации.

В таблице представлены сведения, почерпнутые из Интернета (по информации на 2013–2017 гг.).

Отсюда вытекает, что работа по выявлению, фиксации, учету и охране новых памятников археологии должна быть реанимирована и форсированными темпами продолжена, особенно в регионах, где количество известных на сегодня археологических памятников несопоставимо с соседними регионами. Речь в первую очередь идет о Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республиках.

Известно, что значительная часть памятников археологии имеет неудовлетворительное или аварийное состояние. Причинами этого являются не только природные факторы, но и ряд других обстоятельств, схожих во всех регионах. Среди них:

– пресс антропогенных нагрузок, связанных с промышленным и жилищным строительством, прокладкой дорог, нефтепроводов и прочих трасс, интенсивной распашкой;

¹ В большинстве упомянутых субъектов федерации Северного Кавказа объекты культурного наследия (ОКН) включают в себя как археологические объекты, так и памятники архитектуры, а также монументы, связанные с ВОВ. Но поскольку археологические памятники в списках, каталогах и реестрах по каждому региону составляют подавляющее большинство, то приведенные цифры можно рассматривать как относительно корректные для подобного сопоставления.

– отсутствие для большинства памятников археологии определения границ их территории и, соответственно, отнесения занятых ими земель к землям историко-культурного назначения;

– бесхозность памятников, так как на большинство из них не написаны охранные обязательства, которые органам власти необходимо подписывать с владельцами и пользователями земли;

– уничтожение археологических памятников в результате грабительских раскопок.

Последнее обстоятельство становится большей угрозой археологическому наследию, чем ущерб, наносимый в ходе хозяйственной деятельности.

Продолжение данной тенденции неизбежно приведет к невосполнимым утратам археологического наследия. Если ничего не изменится в ближайшие 10 лет, то Северный Кавказ лишится основной части своего археологического достояния и соответственно своей истории. В первую очередь это относится к Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республикам, где ситуация с поиском и учетом ранее неизвестных памятников и с созданием археологической карты, пожалуй, наиболее тревожная.

Археология каменного века и эпохи бронзы

Ш. Н. Амиров

Институт археологии РАН, г. Москва

ДАГЕСТАН: КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС ЭПОХИ РАННЕГО И СРЕДНЕГО ГОЛОЦЕНА В СВЕТЕ КЛИМАТИЧЕСКИХ КОЛЕБАНИЙ

В послеледниковое время, в начале голоцена, благоприятные природно-климатические изменения стимулировали расселение в горной зоне Дагестана носителей мезолитической культуры, которые были специализированными охотниками на безоаровых козлов, муфлонообразных баранов и собирателями растительной пищи, включая дикие злаки (Амирханов, 1987. С. 179). В Левантийской и Загросской зоне субтропического пояса Переднего Востока в это время происходит поступательное становление производящей экономики, известное как «неолитическая революция».

В Дагестане, который находится в южной зоне умеренного континентального климата, близкие (сопоставимые) климатические кондиции сложились к началу т. н. атлантического времени – на рубеже VII–VI тыс. до н. э. В это время Каспийское море переживает очередной цикл расширения водного зеркала, известный как новокаспийская трансгрессия атлантического времени.

На платообразных горах Центрального Дагестана с высотными отметками 1600–1900 м над уровнем моря, занятых прежде горно-степной растительностью, появляются участки широколиственных лесов (дуб, граб, ясень) (Амирханов, 1987. С. 175). С начала VI тыс. до н. э. здесь появляются свидетельства коренного перелома в хозяйственной деятельности и образе жизни людей. Самым важным результатом этих изменений является становление производящей экономики, связанной с культивацией злаков и разведении мелкого рогатого скота, зафиксированных в неолитическом слое Чохского поселения (Амирханов, 1987. С. 143–157).

В степной части Северной Месопотамии чохской культуре горного Дагестана синхронна хассунская культура. В Восточном Закавказье, в соответствующей ландшафтной зоне произрастания диких злаков, вероятно, можно прогнозировать для этого времени наличие наиболее ранних памятников с производящей экономикой, которые должны отражать наиболее ранний, неизвестный пока этап т. н. Шулавери-Шомутепинской культуры.

В степной зоне Северной Месопотамии во второй половине VI тыс. до н. э. распространена халафская культура. Климатические условия этого периода несколько менее гумидные, чем в предшествующее время. В Восточном Закавказье, включая степной подгорный пояс Малого Кавказа, в это время распространена Шулавери-Шомутепинская неолитическая культура. На ряде ее памятников (Нахичеванский Кюль-Тепе, Арухло (?)) фиксируются импорты халафской керамики. Для второй половины VI тыс. до н. э. в горном Дагестане отсутствие в настоящее время археологической информации не позволяет нам проследить ход

развития неолитической культуры горного Дагестана на наиболее позднем этапе ее развития.

В течение первой четверти V тыс. до н.э. в степной зоне Северной Месопотамии происходит замещение халафской культуры северорубейдской. Климатические условия в течение существования этой культуры отличались еще большей аридностью, чем в предшествующее время, что отражено сокращением количества северорубейдских поселений в сравнении с халафским и хассунским временем.

С аридным циклом V тыс. до н.э., отмеченным на обширных пространствах Северного Полушария, коррелирует т.н. Жиландинская регрессия Каспийского моря. В это время в степной зоне Восточного Закавказья очередной аридизационный цикл выразился в завершении существования земледельческо-скотоводческой Шулавери-Шомутепинской культуры и ее трансформации в культуру подвижных скотоводов, известную как Сиони-Цопи.

В настоящее время для эпохи раннего халколита горного Дагестана, как и для предшествующего времени, мы пока не имеем археологических данных. Таким образом, лакуна культурного развития Дагестана от эпохи неолита до эпохи халколита пока имеет протяженность порядка двух тысяч лет.

С начала IV тыс. до н.э. отмечен очередной цикл гумидизации климата. Это второй пик максимального увлажнения атлантического времени. С этим гумидным периодом коррелирует Гоусанская трансгрессия Каспийского моря (*Варущенко и др.*, 1987). В Месопотамии культурное развитие этого времени отмечено возникновением городского образа жизни и древнейшей государственности. Эти процессы сопровождались беспрецедентным демографическим ростом и миграцией населения за пределы Месопотамии. С конца первой трети IV тыс. до н.э. отмечено проникновение месопотамской материальной культуры в Закавказье. В степном ландшафте восточного Закавказья появляются десятки поселений т.н. лейлатепинской культуры. В то же время в предгорьях и горной зоне Малого Кавказа продолжает существовать автохтонная культура Сиони-Цопи. Ближе к середине IV тыс. до н.э., на фоне гумидизации климата на материнской территории культуры горных скотоводов Сиони-Цопи, на Малом Кавказе происходит сложение куро-аракской культуры.

В течение второй половины IV тыс. до н.э. куро-аракская материальная культура стремительно распространяется на обширные территории. К началу III тыс. до н.э. она известна в горной зоне – от Северного Кавказа, включая Дагестан, до гор Тавра и северного Загроса.

В это время территория Восточного Кавказа к северу от Большого Кавказского хребта находится под сильным культурным влиянием Восточного Закавказья. Приморский Дагестан со второй половины IV тыс. до н.э. освоен многочисленными многослойными земледельческими поселениями. Они протянулись от Самура до района Махачкалы, а возможно и севернее. Материальная культура этих поселений может быть охарактеризована как относительно ранний куро-аракский материал с элементами лейлатепинской культуры. Эта группа поселений приморской равнины Дагестана существует примерно до середины III тыс. до н.э. Отдельные поселения (типа Замоуар Тепе) доживают почти до конца III тыс. до н.э. и даже позднее.

Возможно, что к последней трети IV тыс. до н. э. или к самому началу III тыс. до н. э. относится первое появление носителей курганных культур в приморском Дагестане и степном Закавказье, что может быть связано с коротким аридным циклом примерно в XXXIII в. до н. э.

В нагорном Дагестане известно 5 памятников эпохи позднего халколита, датированных IV тыс. до н. э. Это стационарное поселение Гинчи и сезонные стоянки Малинкарат, Мучубахилбакли, Архинда, Чинна. Еще два местонахождения около сел Урма и Вехнее Лабкомахи Левашинского района, вероятно, связаны с добычей кремня (Гаджиев, 1991. С. 87). Халколитический слой поселения Гинчи характеризует ярко выраженный земледельческо-скотоводческо-охотничий характер хозяйства (Гаджиев, 1991. С. 91). Керамика халколитических памятников горного Дагестана представляет собой набор разновидностей форм, подобных керамике Сиони-Цопи, ранней куро-аракской и лейлатепинской культуры. Такое сочетание разнородных и разнокультурных влияний на внутренний Дагестан было возможно только в пределах второй половины (третьей четверти) IV тыс. до н. э.

С начала III тыс. до н. э. в Северной Месопотамии происходит резкое изменение культурного развития, в ходе которого прерываются культурные связи с Шумером, и происходит оформление локальной культуры «Ниневия 5». Примерно с XXVII в. до н. э. в южном поясе «плодородного полумесяца» фиксируется регулярное падение урожайности в результате наступления очередного аридного цикла, охватившего в ходе развития большую часть северо-месопотамской степи, который завершился на рубеже XXIII–XXII вв. т. н. «аккадским климатическим коллапсом».

В Кавказском регионе этот аридный цикл III тыс. до н. э. коррелирует с Избербашской регрессией Каспийского моря. С начала III тыс. до н. э. прекращаются культурные импульсы, идущие из Северной Месопотамии в Закавказье. На рубеже IV–III тыс. до н. э. прекращает существование лейлатепинская культура. С начала III тыс. до н. э. происходит широкое распространение ранней курганной культуры в Восточном Закавказье – от побережья Каспийского моря до долин рек Аракса и Куры (курганы Союг-булакской группы, Кавтисхеви и ряд других). Аридный цикл III тыс. до н. э. также провоцирует активные миграции носителей куро-аракской культуры на обширной площади от Восточного Кавказа до Южного Загроса и Северной Палестины.

В приморском Дагестане сокращается количество куро-аракских поселений. Здесь можно говорить о перемещении значительных групп населения в горную зону. Всего в настоящее время в Дагестане известно порядка 100 как бытовых, так и погребальных памятников куро-аракской культуры.

В течение середины – второй половины III тыс. до н. э. происходит распад куро-аракской общности. На территории Восточного Закавказья формируются несколько курганных культур, в частности марткопская и беденская. На Северо-Восточном Кавказе в течение последней трети III тыс. до н. э. складываются локальные культуры, среди которых выделяется гинчинская, объединившая памятники горной части Дагестана и Юго-Восточной Чечни (Магомедов, 1998. С. 9). В настоящее время известно около 60 бытовых, погребальных памятников

и случайных местонахождений этой культуры. Хозяйственный уклад ее носителей в горной зоне основан на террасном земледелии.

Степная зона приморской равнины и предгорья Дагестана в это время заняты преимущественно курганными культурами эпохи средней бронзы. В частности, в бассейне Среднего Сулака распространена курганная группа, сочетающая элементы местной и степной культуры. Курганные памятники этого времени распространены и южнее (т. н. Манаскентская курганная группа). На ряде долговременно существовавших памятников приморской равнины Дагестана (Каякент, Великент, Мамай-Кутан) были также зафиксированы материалы эпохи средней бронзы (Магомедов, 1998. С. 134–135). Это пережиточная группа автохтонных памятников, сохранившаяся в силу локальных особенностей микроклимата.

С начала II тыс. до н. э. отмечен очередной цикл гумидизации климата, который коррелирует с Туралинской трансгрессией Каспийского моря.

В Хабурской степи Северной Месопотамии для первой половины II тыс. до н. э. отмечен один из наивысших уровней заселенности, который свидетельствует о максимально благоприятном климатическом фоне. В это время (к началу XVIII в. до н. э.) здесь складывается большое государственное образование имперского типа, известное как Субарту.

В Закавказье в течение первой половины II тыс. до н. э. происходят активные процессы культуuroобразования. Здесь следует отметить сложение триалетской курганной культуры. Также здесь принято выделять т. н. тазакендскую, севано-узерликскую, кизил-ванскую культуры. В Дагестане на заключительном этапе развития, к XV вв. до н. э., в среде гинчинской культуры вызревают элементы новой – каякентско-хорочоевской – археологической культуры. В частности, для этого времени в погребальном обряде отмечена тенденция к эволюции от коллективных захоронений в склепах к одиночным захоронениям в каменных ящиках (Магомедов, 1998. С. 186).

Во второй половине II тыс. до н. э. носители каякентско-хорочоевской культуры, распространяясь из горной зоны, осваивают подгорную равнину Дагестана. Несмотря на то что бытовые памятники этой культуры на равнине неизвестны и все древности этой культуры представлены исключительно некрополями, состоящими из погребений в каменных ящиках, этот факт свидетельствует в пользу более гумидных климатических условий.

К XII–X вв. до н. э. происходит очередная культурная трансформация, в результате которой каякентско-хорочоевская культура перерождается в культуры эпохи раннего железа типа Зандакской и Мугерганской.

Литература

- Амирханов Х. А., 1987. Чохское поселение: человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.: Наука.
- Варущенко А. Н., Варущенко С. И., Клиге Р. К., 1987. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени / Отв. ред. О. К. Леонтьев. М.: Наука.
- Гаджиев М. Г., 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. Эпоха энеолита и ранней бронзы. М.: Наука.
- Магомедов Р. Г., 1998. Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала.

Г. Д. Атаев

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

О СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ ГИНЧИНСКО-ГАТЫНКАЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ПЛЕМЕНАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И СТЕПЕЙ В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Изучение археологических материалов конца эпохи ранней и средней бронзы свидетельствуют о коренных изменениях и сдвигах в культурно-историческом развитии Северо-Восточного Кавказа. На данной территории затухают раннебронзовые культуры: на территории Ингушетии и западной Чечни – памятники майкопско-новосвободненской общности, а в восточной Чечне и в Дагестане – памятники куро-араксской культурно-исторической общности. На их основе складываются новые общности эпохи средней бронзы. Новые археологические образования, в частности гинчинско-гатынкалинская культура Северо-Восточного Кавказа, имеют ряд преемственных черт с предшествующей культурой, но уже обладают самобытными и яркими признаками других культурных традиций. Они характеризуются и новыми направлениями культурно-исторических связей.

Ряд исследователей утверждали о влиянии населения северокавказской культурно-исторической общности на культуру племен горной части восточной Чечни. В. И. Марковин в 1950–1960 гг. в своих работах относил памятники Восточной Чечни и равнинно-предгорной части Дагестана к ареалу распространения северокавказской культуры, к ее восточному варианту (*Марковин, 1960. С. 129–131; Марковин, 1963. С. 44–135*).

После раскопок памятников горного Дагестана: могильников Чох, Гинчи, Ирганай, Галгалатли и др., поселений Верхний Гуниб, Ирганай, Галгалатли II, и особенно после выхода монографий по результатам раскопок на поселении Верхний Гуниб и могильнике Гинчи (*Котович, 1965; Гаджиев, 1969*), появилась возможность правильнее определить культурную атрибуцию указанных памятников.

М. Г. Гаджиев убедительно доказал неправомерность включения могильника Гатынкале и других аналогичных памятников эпохи средней бронзы Юго-Восточной Чечни в северокавказскую культуру и привел существенные аргументы необходимости отнесения их вместе с памятниками горного Дагестана к гинчинской культуре (*Гаджиев, 1974. С. 11–28*). Хорошо и убедительно обосновав выделение новой культуры, он охарактеризовал основные признаки культуры, и очертил ареал ее распространения.

После выделения гинчинской культуры она была признана многими археологами, и вопрос о культурной принадлежности памятников эпохи средней бронзы Юго-Восточной Чечни получил свое разрешение. Сейчас уже никто не относит их к памятникам северокавказской культуры.

Тем не менее, в силу того, что территория горной части восточной Чечни непосредственно граничит с равнинно-предгорной зоной западной Чечни, где существовали памятники носителей северокавказской культуры, сложилось мнение об их большем влиянии на культуру горной Чечни, чем на территорию горного Дагестана. Об этом свидетельствовали некоторые предметы, выявленные в горной Чечне (каменные топоры, выпрямители древков стрел), которые

отсутствовали в горном Дагестане. Кроме того, именно в горной Чечне было найдено большинство украшений из бронзы, характерных для северокавказской культуры (бронзовые подвески с ушками, бронзовые подвески-медальоны, бронзовые подвески ложечковидной формы) (Марковин, 1963. С. 44–135; Магомедов, 1998. С. 120–122).

Все это повлияло на мнение ряда исследователей (В.Г. Котович, В.М. Котович, М.Г. Гаджиев, В.И. Марковин) о том, что продвижение степных племен, не затронуло территорию горного Дагестана. В.И. Марковин, отмечал, что «для жителей Северного Кавказа их (катакомбников – Г.А.) вторжение не было прогрессивным. Пожалуй, они ничем не обогащали культуру местных племен. Передвигаясь в горы, сами степняки растворились среде аборигенов. Обнаруженные памятники указывали на то, что они окружили себя местными предметами, исключение составляют курильницы и редкие на Северном Кавказе бронзовые ножи – «карасики». Горный Дагестан оказался недосягаемым для степняков, и здесь продолжался последовательный путь развития культуры» (Марковин, 1982. С. 28).

Археологические исследования, проведенные в горном Дагестане Ирганайской новостроечной археологической экспедицией в 1986–1991 гг. (М.Г. Гаджиев, Р.Г. Магомедов, Г.Д. Атаев) и в 2000–2007 гг. (Г.Д. Атаев), позволили получить новые материалы и свидетельства, документирующие связи местного населения со степными племенами. Здесь впервые на территории горного Дагестана были выявлены следы их тесных контактов в эпоху средней бронзы. Это выразилось в открытии курганного обряда захоронений, в находках керамики со шнуровым орнаментом, костяных фигурных пряжек, каменных боевых топоров кабардино-пятигорского типа, выпрямителей древков стрел (рис. 1) (Атаев, 2010. С. 39–44; Гаджиев, Магомедов, 1988. С. 3–4).

Появление курганного обряда на территории горного Дагестана в конце III – начале II тыс. до н.э. было связано с этнокультурным воздействием степных и северокавказских племен, поэтому можно предположить, что степные племена проникали далеко в горную зону. Одна часть населения продвинулась на территорию Дагестана, распространилась на юг в район Манаскента и дальше в приморскую часть Южного Дагестана и на территорию Азербайджана и далее на юг. Другая часть населения проникла в горы, в район Ирганайской котловины и еще глубже в высокогорные районы (Атаев, 2010. С. 39–44).

О культурном воздействии северокавказских и степных племен на материальную культуру населения горного Дагестана свидетельствуют находки некоторых украшений из бронзы: подвески с ушками, подвески-медальоны, подвески ложечковидной формы, найденные на территории горного Дагестана в могильниках Гинчи, Галгалатли, а также бронзовую полусферическую бляху, богато украшенную рельефным геометрическим шнуровым орнаментом с двумя отверстиями в верхней части из сел. Согратль (Марковин, 1960. С. 67). Все эти факты позволяют допустить, что степные племена могли проникать далеко в горные районы. Не исключено, что часть местного населения была оттеснена в высокогорную зону, что стало причиной перехода определенных групп через Кавказский хребет на территорию Закавказья. Об этом, возможно, свидетельствуют находки керамики с обмазанной поверхностью, характерной для гинчинско-гатынкалинской культуры на территории Восточной Грузии, на поселениях Илто и Цихиагора

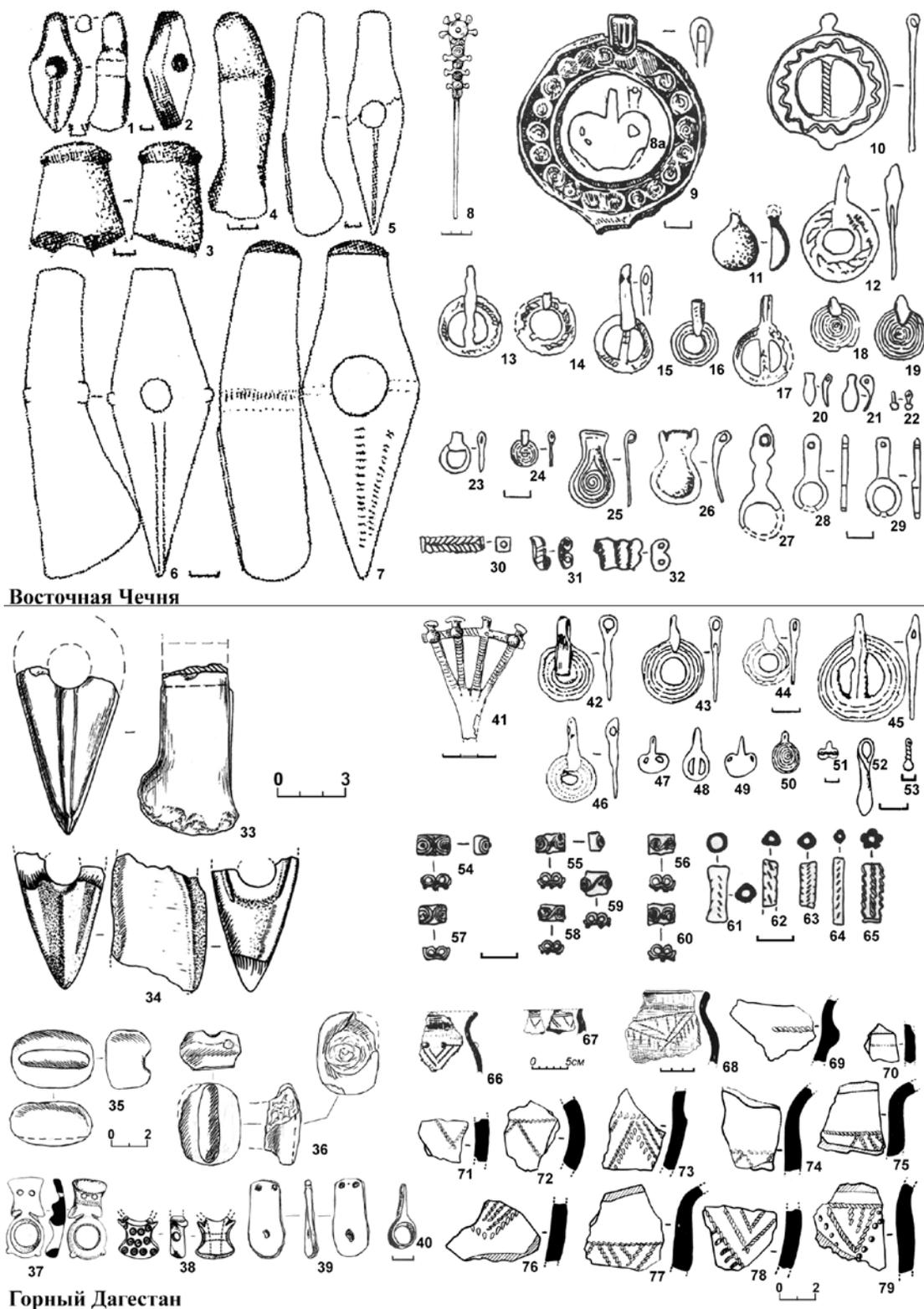

Рис. 1. Инвентарь памятников гинчинско-гатынкалинской культуры раннего этапа эпохи средней бронзы.

1-32 – инвентарь памятников Восточной Чечни; 33-79 – инвентарь памятников Горного Дагестана. 1-7, 33-35 – камень; 8-26, 30-32, 41-65 – бронза; 27-29, 37-40 – кость; 36, 66-79 – керамика

(слой уровня А), а также в Северо-Западном Азербайджане (*Дедабришвили*, 1969. С. 54; *Махарадзе*, 1994. С. 79; *Ахундов*, 1999. С. 86; *Ахундов*, 2001. С. 231–233).

Изучение проблемы взаимодействия оседло-земледельческих общества и подвижных скотоводческих племен на примере Северо-Восточного Кавказа представляется исключительно важным звеном в исследовании проблем развития комплексных обществ и цивилизаций Евразии.

Литература

- Атаев Г. Д., Мирзоев Р. Н.*, 2012. Итоги исследований памятников эпохи средней и начала эпохи поздней бронзы в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2002–2007 гг. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала.
- Ахундов Т. Н.* 1999. Древнейшие курганы южного Кавказа (культура подкурганых склепов). Баку.
- Ахундов Т. Н.* 2001. Северо-Западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку.
- Гаджиев М. Г.*, 1969. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы: (Могильник Гинчи). Махачкала.
- Гаджиев М. Г.*, 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: (эпохи энеолита и ранней бронзы). М.
- Дедабришвили Ш. Ш.*, 1969. Памятники эпохи ранней и средней бронзы // Труды КАЭ (1965–1966 гг.). Вып. I. Тбилиси.
- Котович В. М.*, 1965. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы Горного Дагестана. Махачкала.
- Магомедов Р. Г.*, 1998. Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала.
- Марковин В. И.*, 1963. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне: (Могильник Гатынкале) // Древности Чечено-Ингушетии. М.
- Марковин В. И.*, 1982. Взаимодействие культур Северного Кавказа в эпоху бронзы // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: ТД Всесоюзного симпозиума, посвященного 60-летию образования СССР. Ереван.
- Махарадзе З. Э.*, 1994. Поселение куро-араксской культуры Цихиагора. Тбилиси.

Г. Д. Атаев, А. Л. Будайчиев

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

ДВЕ КУРИЛЬНИЦЫ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ НОГАЙСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

В Ногайский филиал Национального музея Республики Дагестан им. А. А. Тахо-Годи в с. Терекли-Мектеб Ногайского района поступили две глиняные курильницы и два керамических сосуда. Обнаружены они были в окрестностях с. Терекли-Мектеб в погребении, развееанном на песчаной дуне. Особый интерес представляют курильницы, являющиеся редкими находками для Дагестана. С этими предметами ранее ознакомился В. А. Кореняко, который сделал их рисунки. Впоследствии уроженец этих мест К. Б. Шаушев, аспирант отдела археологии Института ИИАЭ ДНЦ РАН, передал рисунки курильниц Г. Д. Атаеву и А. Л. Будайчиеву, за что авторы выражают ему глубокую благодарность. Приведем детальное описание этих курильниц.

Курильница № 1 (инв. № 28) (рис. 1, 1а, 1б) имеет круглую в поперечном сечении ножку. Она была представлена несколькими крупными фрагментами. Ее удалось реставрировать. Высота курильницы – 6,6 см, диаметр ножки – 5,4 см, высота ножки – 3,1 см. Край чаши загнут вовнутрь, большая его часть отбита в древности. Внутреннее отделение-«кармашек» имеет подтреугольную форму. Тесто сосуда темно-серого цвета. По верхнему краю внутреннего отделения и примыкающей части венчика нанесен орнамент из двух рядов треугольных вдавлений.

Курильница № 2 (инв. № 29) (рис. 1, 2а, 2б) высотой 7–8 см имеет ассиметричный профиль. У изделия присутствует крестовидная ножка, ее высота – 3–3,3 см. Диаметр чаши – 15,4 см. Внутреннее отделение-«кармашек» имеет закругленную подтреугольную форму. Курильница по внешней поверхности полностью орнаментирована оттиском тесьмы. Поверхность заглаженная, серовато-желтая, светло-охристая, с обширными темно-серыми пятнами внутри чаши. Венчик чаши и внутреннего отделения орнаментированы двумя параллельными линиями оттиска тесьмы. «Четырехлепестковая» в плане ножка орнаментирована четырьмя округлыми вдавлениями, а по ее периметру нанесена линия, выполненная оттиском тесьмы. Орнамент на внешней поверхности чаши имеет 4-частную структуру. Он состоит из 4 полукруглых фестонов. Два из них, расположенные друг напротив друга, выполнены 7-ю параллельными линиями оттисками тесьмы. Два других полукруглых фестона также размещены друг напротив друга, но имеют более сложный характер. Здесь представлены симметричные композиции, которые заполнены разнонаправленными отрезками – оттисками тесьмы. Фестоны разделены «четырехлепестковидной» композицией, заполненной параллельными горизонтальными короткими оттисками того же штампа.

Публикуемые курильницы представляют собой хорошо известный элемент материальной и духовной культуры катакомбной культурно-исторической общности. Подобные изделия конца эпохи ранней и средней бронзы известны в Дагестане. В катакомбе № 1 Великентского катакомбного могильника III найдены две курильницы. Первый сосуд – курильница-погремушка в виде миски на высоком поддоне. В верхней части поддона имеется пустотелое пространство высотой 4,4 см, в котором находятся камушки. Нижняя часть поддона имеет вид перевернутой миски глубиной 4,4 см. Второе изделие представляет собой верхнюю часть

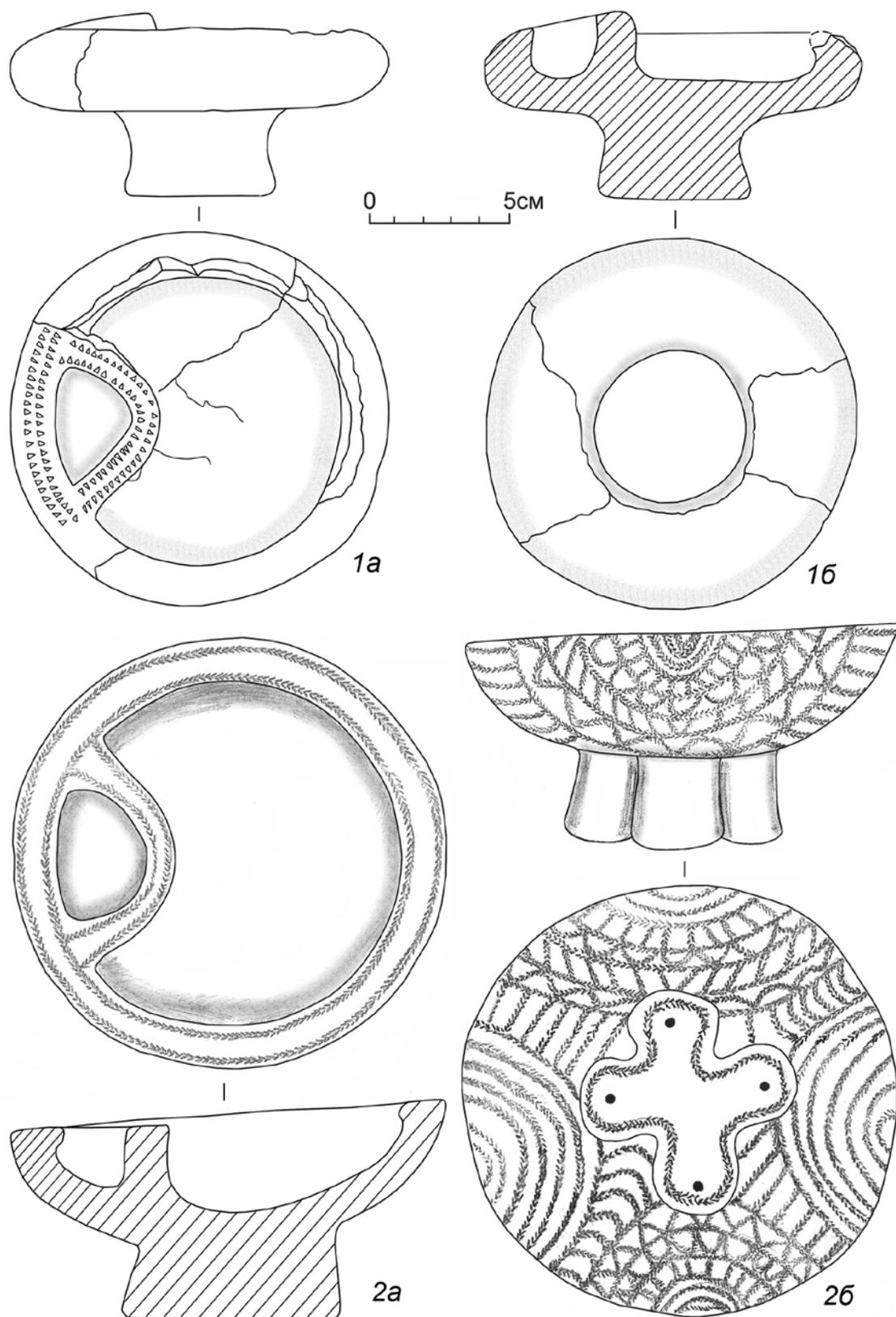

Рис. 1. Курильницы эпохи средней бронзы из окрестностей с. Терекли-Мектеб: 1а–1б – курильница № 1; 2а–2б – курильница №2

(чаши) курильницы (поддон утрачен). Стенки прямые, имеется одна трубчатая ручка с расширением у основания. Поверхность залощена. Цвет коричневатосерый с охристыми пятнами. На внешней и внутренней поверхности имеются следы копоти. Высота – 4,7 см, диаметр венчика – 12,5 см, диаметр дна – 4 см.

Описанные курильницы из Великентского катакомбного могильника I обнаружены в катакомбе, материал из которой датируется эпохой ранней бронзы. По-видимому, данные курильницы относятся к самому концу ранней бронзы или рубежу эпохи ранней и средней бронзы и являются свидетельством связей со степными племенами. В катакомбах Манасского могильника эпохи средней бронзы обнаружены две чашки: цилиндрическая и конусовидная из необожженной глины. Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов считали их курильницами и указывали, что они «имели исключительно культовое значение, ибо для других целей они абсолютно непригодны» (Мунчаев, Смирнов, 1956. С. 197).

Следует отметить, что курильницы выявлены в Дагестане и на позднем этапе эпохи средней бронзы в памятниках каякентско-хорочоевской культуры. Так, в Каякентском могильнике найдены курильницы на отдельных ножках, а также плоскодонные курильницы, украшенные елочным узором, свидетельствующие об определенном влиянии племен катакомбной культуры и посткатакомбных культур (Крупнов, 1940. С. 9; Круглов, 1958. С. 88). Об этом же говорят и раскопки подкурганых катакомб на территории равнинно-предгорной зоны Северо-Восточного Кавказа.

Курильницы эпохи средней бронзы являются редкими находками на территории Дагестана с его предгорьями и нагорьями. В степной зоне, откуда происходят чаши из Ногайского района, курильницы считаются характерными находками, в частности для терско-кумского междуречья. Данная территория в эпоху средней бронзы входила ареал распространения памятников восточноманычской катакомбной культуры (Попова, 1957. С. 161–178; Иерусалимская, 1958. С. 34–48; Марковин, 1960. С. 62–81; Крупнов, Мерперт, 1963. С. 9–48; Андреева, 2004. С. 187–201; Панасюк, Горболь, 2014. С. 85–87; Панасюк, Горболь, 2016. С. 51–53). Территория терско-сулакского междуречья являлась контактной областью, где засвидетельствованы многочисленные следы взаимосвязей местного населения со степными племенами на всем протяжении эпохи бронзы.

Литература

- Андреева М. В., 2004. Курильницы, ножи и шилья в контексте погребальных памятников восточноманычской катакомбной культуры // Проблемы первобытной археологии Евразии. Сб. к 75-летию А. А. Формозова. М.
- Иерусалимская А. А., 1958. О предкавказском варианте катакомбной культуры // СА. № 2. М.
- Круглов А. П., 1958. Северо-Восточный Кавказ во II–I тысячелетиях до н.э. // Древние племена и народности Кавказа. Материалы и исследования по археологии СССР. № 68. М.–Л.
- Крупнов Е. И., 1940. Каякентский могильник – памятник древней Албании // Труды Государственного исторического музея. Вып. 8. М.
- Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я. 1963. Курганы у станицы Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии. М.

- Марковин В. И.*, 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы: (II тыс. до н. э.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 93. М.
- Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф.*, 1956. Памятники эпохи бронзы в Дагестане: (Курганная группа у станции Манас) // СА. Вып. XXVI. М.
- Панасюк Н. В., Горболь Н. Ю.*, 2014. Курильницы и каменные изделия в контексте погребального обряда восточноманьчской катакомбной культуры // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции. XXVIII Крупновские чтения. М.
- Панасюк Н. В., Горболь Н. Ю.*, 2016. Курильницы в погребальных наборах восточноманьчской катакомбной культуры (Опыт микрорегионального анализа) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Грозный.
- Попова Т. Б.*, 1957. К вопросу о курильницах северокавказского типа // СА. № 1. М.

Туфан Исаак оглу Ахундов
Институт археологии и этнографии НАНА
Республика Азербайджан, Баку

ДРЕВНЕЙШИЕ ОБИТАТЕЛИ МУГАНСКОЙ СТЕПИ (ТРАДИЦИЯ МУГАНСКОГО НЕОЛИТА)

Ареал расселения в эпоху неолита на Южном Кавказе охватывал равнины между рекой Кура и северо-восточными склонами Малого Кавказа, начиная с Борчалинской равнины на северо-западе до Мильской равнины на юго-востоке и далее, пересекая реку Араз, включал узкую подгорную полосу Восточно-Муганской равнины к северо-востоку от Браварских гор. В рамках указанного ареала сосуществовало три этнокультурных образования, ареалы которых плавно переходили один в другой. В научной литературе они выделены как «шомутепинская традиция (культура)», «традиция гарабагского неолита» и «традиция муганского неолита».

Среди указанных неолитических традиций муганская неолитическая культура самая молодая. На сегодняшний день известно более 20 остатков поселений этого времени.

Остатки поселений сохранились в виде зольных тепе, площадь которых колеблется от 0,25 га до 6 га. Толщина культурных отложений эпохи неолита на трех раскопанных поселениях от 4 м (Аликемяктепе) до 6 м (Полутепе).

На месте поселения Аликемяктепе позднее были устроены могильники, относящиеся ко времени средней бронзы, античности и средневековья. Памятник Полутепе кроме слоев эпохи неолита также содержит горизонты кратковременного поселения куро-араксской и посткуро-араксской «раннекурганной» традиции, погребения культуры среднего бронзового века с расписной керамикой и культурные отложения долговременного поселения IX–XI в. н. э.

На раскопанных памятниках выявлены остатки архитектуры, представленной прямоугольными, овальными и круглыми в плане строениями, сложенными из сырцового кирпича. Кирпич прямоугольной формы, выложенный, в основном, на тонком глиняном растворе или без него, вероятно, влажный. Стены в подавляющем большинстве толщиной в один, реже в два кирпича.

В верхней толще неолитических отложений Полутепе, возможно, использовали легкие конструкции. На исследованных памятниках выявлены и остатки погребений. Они совершались на различных участках поселений в плохо выраженных неглубоких выемках. Покойники укладывались в различной степени скорченно на правом или левом боку, реже скорченно на спине, без устойчивой ориентации. Известны погребения взрослых и младенцев, в большинстве случаев с подсыпкой красно-бордовой охрой. Некоторые погребенные, в том числе и младенцы, имели сопровождающий инвентарь, чаще небольшую чашечку, положенную в области головы, различные бусы.

Из археологических находок наиболее ярко определяющей культурную традицию является керамика, в значительной степени отражающая ее этническую суть и самобытность. Для памятников муганского неолита характерно большое количество керамики, во много раз превышающей количество керамических находок из синхронных памятников других регионов Кавказа. Она формована

из глины с растительной примесью, обычно покрыта качественным ангобом и достаточно хорошо и равномерно обожжена. Поверхности заглажены, а некоторые небольшие сосуды слегка залощены. Преобладает ангоб различных тонов кофейного цвета, но немало и образцов других цветов: от беловатого до буро-черного. В верхней толще отложений поселения Полутепе встречаются фрагменты крупных чаш, формованных в плетеной форме.

В отличие от других неолитических культур Кавказа, для муганского неолита характерно наличие существенного количества расписной керамики. Роспись наносилась по ангобированной поверхности, в зависимости от формы и функционального назначения – на внутреннюю или внешнюю поверхность или обе поверхности одновременно. Нередко на миниатюрных сосудах поверхность до росписи предварительно окрашивалась. Роспись наносили коричневой или бурой, реже красной краской. В единичных случаях использовали желтый цвет. Мотивы росписи геометрические.

Изготавливали сосуды различного размера: от миниатюрных высотой и диаметром 5–6 см до свыше 1,2 м диаметром, толщина черепка которых достигала 4 см. Посуда, за исключением небольших пиал и горшков, плоскодонная. В зависимости от формы и назначения имеются как широкодонные, так и узкодонные сосуды. Донья последних порой слегка утолщены, а на их внешней стороне имеются отпечатки концентрического плетения.

Выделяются небольшие полусферические пиалы, плоскодонные чаши, размер которых колеблется от миниатюрных до крупных диаметром свыше 50 см, широкодонные «казаны» со слегка заходящими бортами, крупные бочкообразные сосуды, суживающиеся к доньшку и закраине или почти цилиндрической формы. Ручки на них отсутствуют. Только «казаны» снабжались ручками – кулачками, которым, по всей видимости, придавалось некое магическое значение. Среди них часто попадаются моделированные в форме головы животного, женских и мужских половых органов.

В основной массе венчики не выражены, а закраины просто округло сглажены. Но встречаются и сосуды, у которых уже намечается оформление уплощенных закраин, утолщенных валиком или сосуды со слегка отогнутым верхним краем стенки.

Характерной для муганского неолита формой сосуда являются узкогорлые сосуды с цилиндрической шейкой и выраженным плечиком. Они обычно снабжены массивной, также характерной для Мугани, петлевидной ручкой, соединяющей закраину горловины с плечом сосуда.

Наряду с росписью муганская неолитическая керамика украшалась также различными налепками. Это, главным образом, «сосочки». Количество их различно: от одной до цепочки, опоясывающей верхний срез сосуда, независимо от его формы. Реже встречаются сосочковидные налепки, прикрепленные в различных сочетаниях на плечо сосуда ближе к верхнему краю. Имеются также налепки в виде косых и прямых шпалок, в форме полумесяца концами вверх, небольших колец и т. д.

Помимо сосудов, на поселениях муганского неолита найдены фрагменты плоских дисковидных жаровен, крышек и небольших пирамидок. Последние иногда окрашены в красный цвет и, возможно, представляли собой некие индивидуально или семейные алтари.

Изготовление такого количества и качества керамической продукции разнообразных размеров и форм трудно представить без соответствующих печей. Археологическими исследованиями на поселениях Аликемектепе и Полутепе выявлено несколько десятков печей для обжига керамики. Они представлены тремя формами.

Преобладают печи с вытянутым топочным желобом, вырытым в грунте и перекрытым на уровне горизонта кирпично-сырцовый площадкой, – подом верхней камеры. Несколько пар продухов из топочной камеры выведены от ее продольных стен в обе стороны на поверхность в верхнюю камеру, которая была оконтурена стенкой из сырцового кирпича и, вероятно, перекрывалась сырцово-кирпичным сводом. С обоих концов топочная камера завершалась пандусами с овальными концами, выведенными на поверхность за пределы стен верхней камеры. Размеры камер для обжига этих печей достигали 2,4 м в длину и до 1,8 м в ширину, хотя основная часть была меньше.

На поселении Полутепе выявлены также печи квадратной формы более сложной конструкции, продухи которых, соединяясь и разделяясь между собой под верхним подом, выводились на его поверхность по всему периметру камеры. И наконец, на поселении Аликемектепе были исследованы небольшие печи, от которых сохранился лишь нижний ярус в форме округлой выемки с отходящим от него небольшим желобком. Общая длина выемки и желобка была около 0,8 м.

На Аликемектепе в самом нижнем горизонте были найдены антропоморфные фигурки из необожженной глины. На Полутепе, так же в основном в нижних слоях, найдены необожженные стилизованные фигурки женщин и мужчин. Кроме того, найдено небольшое количество зооморфных фигурок.

Для всех памятников неолита этого региона характерно большое количество глиняных пулек для пращи, которые попадаются как отдельными штуками, так и скоплениями в несколько десятков. Они яйцевидной формы с заостренными концами.

Собрана большая коллекция костяных, в меньшей степени – роговых изделий, в которой преобладают проколки и ложила. Найдены костяные кинжал и штык, обоймы-основы для каменных вкладышей, мотыгообразные орудия, бусы и т. д.

Использовали различные породы камня. В качестве пластинчатых орудий в подавляющем большинстве применяли местный сероватый кремний, который, судя по количеству производственных отходов и самих орудий, обрабатывался непосредственно на самом поселении. Много зернотерок и терочников из плотного песчаника, различных пестов из речного камня. Имеются ступки и каменные чаши, наверхия посоха, плоские и клиновидные топоры, различные поделки и т. д.

Хозяйство носителей муганской неолитической культуры основывалось на возделывании злаков, содержании различных видов домашних животных, охоте и рыболовстве. Они носили мягкую тупоносую обувь, имели на поселении собак.

Как уже сказано выше, традиция муганского неолита представляет относительно позднюю стадию этой эпохи: конец V – рубеж V–IV тыс. до н. э.

Е. В. Белькевич, Е. И. Гак
Исторический музей, г. Москва

А. А. Клещенко
Институт археологии РАН, г. Москва

МЕТОД НАУЧНОЙ РЕСТАВРАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ДРЕВНЕГО ЛИТЬЯ (НА МАТЕРИАЛАХ КУРГАННОЙ ГРУППЫ «КЁНДЕЛЕНСКАЯ I», ЭПОХА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ)

Для изучения древних технологий металлообработки важнейшее значение имеет степень сохранности вещей, которая далеко не всегда оказывается приемлемой. К редким случаям хорошей сохранности можно отнести наборные украшения и аксессуары костюма, обнаруженные в 2014 г. при раскопках пяти насыпей курганной группы «Кёндененская I» в Кабардино-Балкарии. Данная коллекция представляет собой уникальный вещевой источник по реконструкции массового бронзолитейного производства на Северном Кавказе в эпоху средней бронзы.

Группа «Кёндененская I» насчитывает не менее 800 курганов. Раскопанные насыпи располагались на водоразделе между реками Баксан и Кёнденен. Они содержали 73 погребения и порядка 20 отдельных комплексов. 66 погребений и большинство комплексов относятся к северокавказской культуре эпохи средней бронзы (первая половина III тыс. до н.э.). В них найдено порядка 650 бронзовых, 500 пастовых, несколько десятков каменных и кремневых предметов, а также значительное количество керамических сосудов. Особый интерес представляют десять женских погребений с оригинальными наборами, включавшими от 20 до 550 украшений, преимущественно металлических. Кёндененская серия декоративного металла беспрецедентна по количеству и морфологическому разнообразию вещей. Она охватывает почти все типы литой декоративной пластики, имевшей распространение в эпоху средней бронзы от Большого Кавказа до лесостепных районов Восточной Европы.

В данном случае сложилась благоприятная ситуация, когда хорошо документированные материалы раскопок попали в реставрационную работу практически сразу после их изъятия из почвы, что значительно повышает шансы сохранить артефакты в наилучшем состоянии. Предварительный осмотр предметов под бинокулярным микроскопом позволил установить у большинства из них наличие только поверхностной коррозии. Пробные локальные расчистки выявили серебристый цвет, характерный для медных сплавов с большим содержанием мышьяка (*Равич, Рындина, 1984*), что подтвердил и рентгенофлуоресцентный анализ репрезентативной выборки¹.

Все это вместе открывало перспективы для широких технологических исследований с целью реконструкции процесса создания вещей. Обеспечить возможность проведения таких исследований должен был выбранный метод научной реставрации, предполагавший минимальное механическое и физико-химическое воздействие на металл. В связи с этим был выработан следующий алгоритм действий:

---

¹ Анализ выполнялся в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН В. Ю. Луньковым

1) контрольная механическая расчистка предмета до древней поверхности для определения степени его сохранности;

2) в случае приемлемой сохранности – погружение предмета на 3–7 минут (в зависимости от размера) в 10-процентный раствор «трилона Б», подогретый до 70–80 °С;

3) после извлечения предмета – пробная локальная расчистка под микроскопом, в результате которой продукты коррозии, как правило, легко отделялись и открывали чистую, ничем не поврежденную поверхность;

4) после удаления коррозии предмет покрывался мыльным раствором при помощи мягкой щетинной щетки и промывался под проточной водой;

5) перед консервацией предмет кипятился в дистиллированной воде в течение 30 минут с одной сменой воды;

6) затем предмет подвергался длительной сушке (около 8 часов) в сушильном шкафу при температуре 60 °С;

7) консервация предмета проводилась в два этапа: сначала 2–3-процентным раствором Paraloid B-72, а после просушки – синтетическим воском Cosmoloid H80 с последующей полировкой поверхности мягкой щетинной щеткой.

В результате реставрации коллекцию удалось очистить от продуктов коррозии, обнажив на поверхности ряда предметов остатки литников, разнообразные литейные дефекты, следы обработки и бытования. Впервые в рамках одного памятника все они носят массовый, повторяющийся характер. Изучение под биноклярным микроскопом и систематизация технико-технологических признаков выявили два основных метода литья:

1. По восковой модели. Это наиболее распространенный способ, которым получали все виды подвесок, булавок, бляхи и сосудики. Модель формовалась на основе или конструировалась из многих восковых элементов, в качестве которых выступали стерженьки и жгутики (простые, крученые, плетеные), полоски (ленточные, фигурные), шпешечки, шарики, шляпки и др. Место расположения литников зависело от конфигурации изделий. Украшения некоторых типов могли отливаться сериями на одном вставном стержне;

2. В двустворчатую форму с вставным стержнем. Этим способом изготавливались бусы, бисер и некоторые ложновитые подвески с шариковым окончанием. Негатив получался оттиском в сырой глине или вырезался в камне. У бус литник подводился к средней части корпуса, у подвесок – к боку шарикового окончания.

Верифицировать эти представления и реконструировать весь процесс изготовления вещей возможно только с использованием методов экспериментального (физического) моделирования.

ЛИТЕРАТУРА

Равич И. Г., Рындина Н. В., 1984. Изучение свойств и микроструктуры сплавов медь–мышьяк в связи с их использованием в древности // *Художественное наследие*. № 9 (39). М.: ВНИИР. С. 114–124.

Д. С. Богачук, С. В. Сиротин
Институт археологии РАН, г. Москва

НОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ: К ВОПРОСУ О КРЫМСКО-КАВКАЗСКИХ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

В августе-сентябре 2017 г. Вторым Бахчисарайским отрядом Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН были проведены охранно-спасательные раскопки 9 курганов, расположенных в окрестностях г. Бахчисарай. В 6 из них были найдены комплексы эпохи бронзы.

Интересные результаты были получены при исследовании курганной группы из трех насыпей, находившейся на северной окраине г. Бахчисарай.

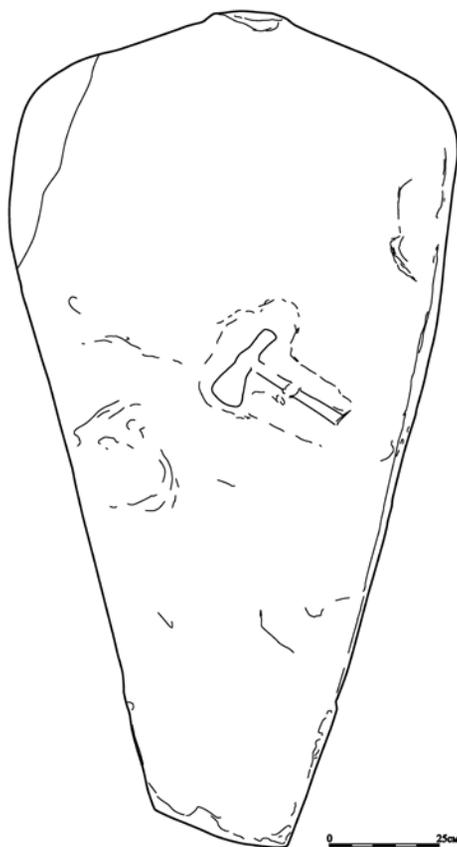
В насыпи кургана № 1 (диаметр – 22 м, высота – 0,96 м) была выявлена двухслойная каменная конструкция неправильной конфигурации размерами 16×16 м, сооруженная из камней известняковых пород вокруг центрального погребения, которое было практически полностью разрушено грабительскими шурфами. От него сохранились фрагменты плит каменного ящика и несколько костей человека.

Здесь же была найдена каменная антропоморфная стела с рельефным изображением топора (рис. 1). Длина ее – 1,95 м, ширина – до 1 м. Необходимо отметить, что подобных памятников древней скульптуры найдено немного. К настоящему времени в этом районе Крыма известно всего четыре подобных находки. Антропоморфные изваяния эпохи бронзы использовались не только в качестве стел, устанавливаемых на курганах, но и могли являться элементом погребальных конструкций.

В кургане № 2 (диаметр – 34 м, высота – 0,59 м) были обнаружены погребения, совершенные в катакомбах и относящиеся к ингульской катакомбной культуре эпохи средней бронзы (вторая половина III тыс. до н.э.). Погребальный инвентарь в них представлен гранитной булавой, бронзовым браслетом (погребение № 1), а также лепными керамическими сосудами (погребения № 2–5). Характерной деталью обряда в катакомбах № 1 и 4 являлось расположение головы погребенных вне анатомического порядка – у правого либо левого плеча.

Погребения эпохи бронзы были выявлены также в кургане № 3 (диаметр – 48 м, высота – 1,48 м) группы из трех курганов (№ 2023), расположенной к северу от г. Бахчисарай.

Центральное погребение № 14 относилось к ямной культуре первой половины III тыс. до н.э. Оно было совершено в яме подпрямоугольной формы и было перекрыто накатом из бревен. В могильной яме был обнаружен скелет взрослого человека (предположительно, мужчины) в скорченном на спине положении, ориентированный головой на северо-восток. Здесь были найдены бронзовый нож, фрагмент бронзового колющего орудия (шило?), изделие из кости – коженное орудие, сделанное из ребра крупного копытного, каменные терочники и предметы из кремня: два отщепы и скребок.

Рис. 1. Каменная антропоморфная стела с рельефным изображением топора из центрального погребения кургана № 1 на северной окраине г. Бахчисарай

К этой же культуре относилось и впускное погребение № 13, где был найден лепной керамический сосуд. Еще четыре впускных погребения этого кургана (№ 8, 10–12) принадлежали к ингульской катакомбной культуре.

В северо-западном секторе кургана была расчищена каменная однослойная конструкция в виде кольцевой широкой наброски размером 8×7,5 м. Ширина кольца – до 2–2,5 м. В центральной его части находилась подпрямоугольная каменная наброска размерами 3×3,5 м. Под ней было обнаружено погребение № 7 с четырьмя человеческими скелетами разной сохранности. Ввиду отсутствия вещей датировка погребения затруднена. Однако, исходя из особенностей погребального обряда, этот комплекс можно отнести к эпохе средней бронзы с вероятной датировкой в рамках второй половины III тыс. до н. э.

Необычная система из трех неглубоких канавок, расположенных П-образно, и одной круглой ямы, замыкавшей прямоугольный периметр с севера, выявлена в юго-западном секторе кургана. В южной и западной канавке были найдены фрагменты от одного лепного керамического сосуда, относящегося к финальной бронзе. Вероятнее всего, данное сооружение можно рассматривать в качестве ритуального жертвенного комплекса.

Следующий памятник – «Курган с цистерной» (диаметр – до 36 м, высота – 2,3 м), располагавшийся на юго-западной окраине г. Бахчисарай, был сильно разрушен впущенным в насыпь гидротехническим сооружением, фактически

уничтожившим центральное погребение № 4. Удалось проследить лишь один из углов могильной ямы с несколькими костями стоп человека, по которому можно предполагать, что яма имела подпрямоугольную форму и была углублена в материк до 1 м.

Помимо этого, в кургане было найдено несколько впускных комплексов, относящихся к ингульской катакомбной культуре. Два из них (погребения № 1 и 2) были совершены в небольших ямах. Еще одно погребение (№ 3) представляло собой катакомбу.

Курган № 2 курганного могильника Эски-Юрт, так же расположенный на юго-западной окраине г. Бахчисарай, был сооружен в эпоху бронзы.

Центральное погребение кургана (№ 55), совершенное в прямоугольной яме, перекрытой деревянным накатом, вероятнее всего, относится к ямной культуре первой половины III тыс. до н.э. Четыре же впускных захоронения, инвентарь которых представлен лепными керамическими сосудами, относятся к ингульской катакомбной культуре. В эпоху позднего средневековья этот курган стал основой для грунтового раннемусульманского некрополя.

Интересные результаты были получены при исследовании объекта «Курган с ящиком». В 1998 г. на памятнике производились раскопки сотрудниками Бахчисарайского музея-заповедника И. И. Неневолей и А. А. Волошиновым, обнаружившими здесь каменный ящик кеми-обинской культуры с росписью на внутренней поверхности стен, который содержал разрозненные кости двух человек (взрослого и ребенка). После проведенных исследований ящик законсервировали.

В процессе работ 2017 г. ящик был найден вновь в северо-западной части раскопа. Он находился в яме 2,3×2 м, ориентированной по линии восток–запад и состоял из четырех каменных плит, поставленных на ребро. Ящик имел подпрямоугольную форму и был ориентирован по линии восток – запад с небольшим отклонением к югу. Длина его – 1,6 м, ширина – 1,1–1,25 м. На внутренней поверхности плит фиксировался орнамент в виде линий и точек красного (охра) и черного (сажа) цвета.

В южной части площадки, на которой располагался ящик, были обнаружены 6 погребений, относящихся к ямной и катакомбной культурам эпохи бронзы.

Таким образом, значительную часть материалов, полученных при раскопках 2017 г. в юго-западной части Крыма, составили комплексы ямной и катакомбной культур, которые по традициям погребальной обрядности и вещевому набору имеют аналогии с синхронными материалами Северного Кавказа. Так, захоронение 3/14 курганной группы № 2023, совершенное по классическим канонам ямной культуры, содержало бронзовый нож, типологически близкий орудиям, обнаруженным в Подонье, Поволжье, Приуралье и Предкавказье в комплексах первой трети III тыс. до н.э., т.е. финальной стадии развития ямных традиций. О позднеямной датировке свидетельствует и плоскодонность сосуда из впускного ямного погребения № 13 того же кургана.

Большинство исследованных погребений эпохи бронзы относится к ингульской катакомбной культуре, в которой доминирует обряд вытянутого на спине трупоположения. Такой же обряд характерен и для большинства синхронных ингульским погребений суворовской катакомбной культуры, ареал которой связан с районами Западного и Центрального Предкавказья. Тема возможной связи

ингульских и суворовских древностей требует дальнейшего исследования, особенно в контексте того, что раскопки последних лет выявили присутствие в Предкавказье (в частности, на Таманском полуострове) чистых памятников сабатиновской и белозерской культур, которые есть и в Крыму, но при этом отсутствуют в Нижнем Подонье и Северном Приазовье.

На связи населения Крыма и Кавказа в катакомбное время указывает и сосуд-кувшин из погребения Эски-Юрт 2/31. Подобная посуда хорошо представлена в памятниках Предкавказья. Явно кавказский облик имеет и бронзовая длинная спиральная пронизь, обнаруженная в одном из катакомбных погребений. Использование таких изделий в погребальном обряде характерно для последующего посткатакомбного периода и связано оно с кавказским импульсом. Однако в финале средней бронзы – это мелкие предметы, а вот крупные спиральные пронизи, аналогичные нашей, повсеместно используются на Северном Кавказе на протяжении всей эпохи средней бронзы. Обнаружение такого изделия в катакомбном погребении в Крыму также свидетельствует о соответствующих культурных межрегиональных связях.

К сожалению, памятники ингульской катакомбной культуры Крыма не имеют радиоуглеродных дат. Зато есть представительные серии данных ^{14}C для ингульских древностей Украины, а также синхронных катакомбных памятников Предкавказья, западно- и, особенно, восточноманычской катакомбных культур. Согласно этим сериям, ингульские погребения из наших раскопок следует датировать XXVI–XXI вв. до н. э.

С. Б. Вальчак, М. Е. Клемешова
Институт археологии РАН, г. Москва

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ФОРМОВОЧНЫХ МАСС КЕРАМИКИ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА УТАШ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

Курганный могильник Уташ, исследовавшийся в 2007–2008 гг., расположен на расстоянии 1–1,5 км к югу от поселка Уташ на территории города-курорта Анапа Краснодарского края на возвышенной, идущей по направлению запад–восток террасе левого берега р. Уташ, являющейся левым притоком р. Старая Кубань у ее впадения в Кизилташский лиман Черного моря. Здесь были раскопаны 9 курганов, большинство из которых сооружены в эпоху ранней и средней бронзы. Исследованные в курганах погребения и другие объекты, содержали находки различных категорий, в том числе и керамические сосуды широкого хронологического диапазона: от IV тыс. до н.э. до рубежа эр. В настоящее время работ по морфологии и технологическим особенностям изготовления керамики эпохи бронзы Таманского полуострова нет, в связи с чем результаты технико-технологического анализа формовочной массы значительного количества лепных сосудов и их фрагментов из могильника Уташ представляют несомненный интерес для специалистов.

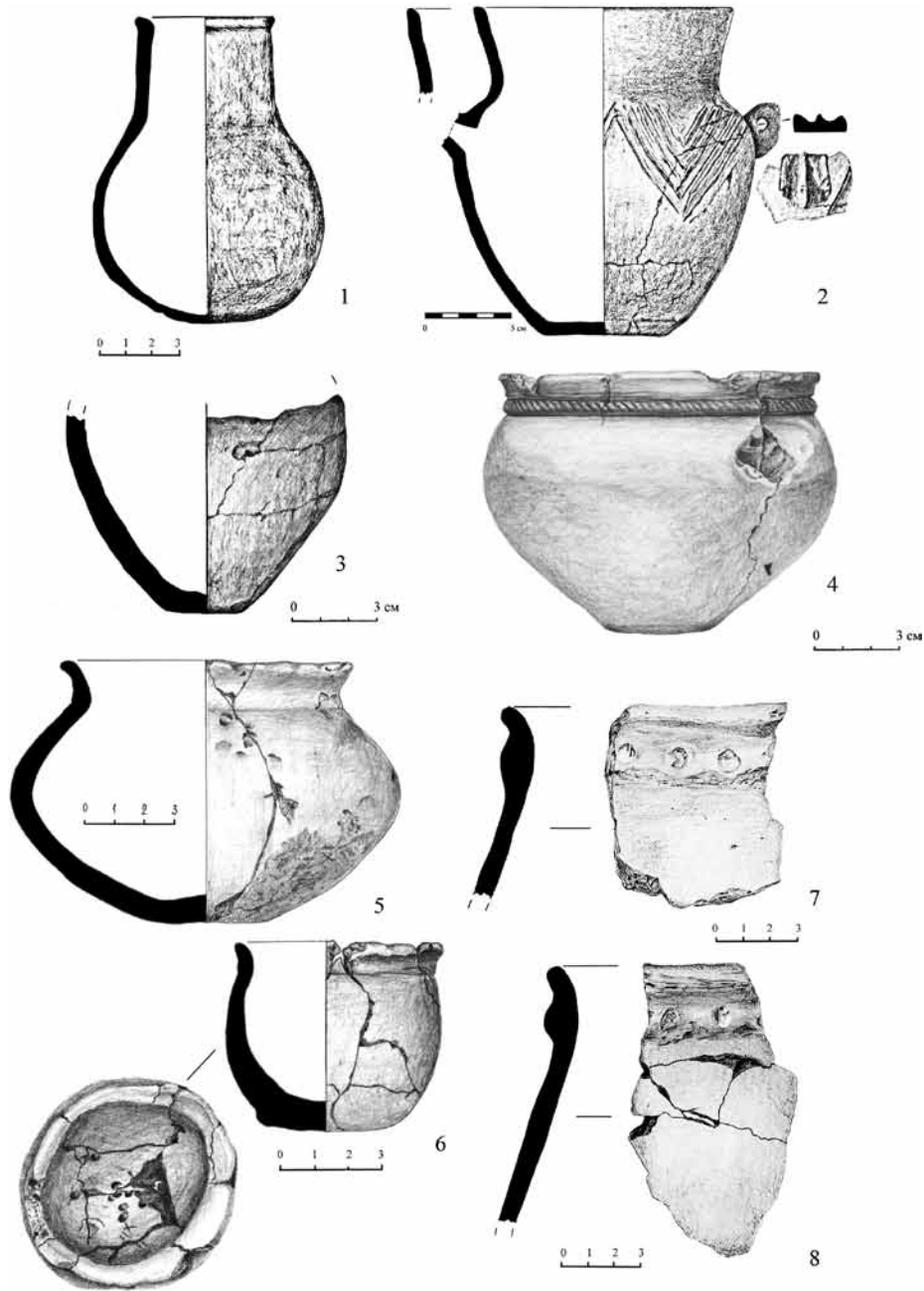
С целью изучения исходного пластичного сырья и состава формовочных масс были отобраны 32 образца, относящиеся к различным сосудам. Исследование проводилось методами технико-технологического анализа, разработанного А. А. Бобринским (*Бобринский*, 1978, 1999), по свежим изломам с помощью микроскопа МБС-10 при увеличении до 56 крат.¹

Для керамики различных хронологических эпох были получены следующие результаты. Все представленные образцы сделаны из слабожелезненного сырья, 29 – из глины, два – из илистой глины с естественной примесью морской раковины (*Клемешова*, 2017. С. 228–233), возможно, из этого же сырья сделан также фрагмент венчика из объекта № 4 кургана № 1. Большая часть образцов изготовлена из слабозапесоченной глины, 4 – из среднезапесоченной, 1 – из сильнозапесоченной. Для всех видов сырья характерна естественная примесь кварцевого пылевидного песка, для образца из погребения № 13, кургана № 3 (рис. 1, б) – песка 0,2–0,4 мм в концентрации около 1:4. Для приготовления формовочной массы в двух образцах (курган № 1, объект № 5; курган № 3, погребение № 13) была использована глина в сухом дробленном состоянии, остальные сделаны из глины во влажном состоянии. Примесь органического раствора в некоторых образцах фиксировалась по наличию черного или темно-коричневого блестящего жирноватого налета различной интенсивности в изломах. Установлены различные составы формовочных масс.

Период ранней бронзы представлен в курганах несколькими типами лепных керамических сосудов, иногда довольно своеобразных и редких форм. По ним выделены следующие составы формовочных масс:

---

¹ Анализ выполнен М. Е. Клемешовой в лаборатории «История керамики» Института археологии РАН.

Рис. 1. Курганный могильник Уташ: 1 – к. 1, об. 6; 2, 3 – к. 3, погр. 3; 4 – к. 3, погр. 11; 5 – к. 2, погр. 2, 6 – к. 3, погр. 13; 7, 8 – к. 16, об.1

1. Илистая глина + дробленая раковина (курган № 3, погребение № 3 (рис. 1, 2, 3) – 2 сосуда);

2. Глина + дрсва из кальцита (курган № 1, объект № 6 (рис. 1, 1) – 1 сосуд);

3. Глина + шамот + навоз (курган № 3, погребение № 2 – 1 сосуд);

4. Глина + шамот + дрсва из кальцита + навоз (курган № 3, объект № 2–1 сосуд).

Отнесение некоторых из исследованных сосудов к периоду средней бронзы было проведено на основании стратиграфических наблюдений, погребальных конструкций и особенностей положения погребенных. Формовочные массы представлены следующими рецептами:

1. Глина + навоз (курган № 3, погребение № 13 – 1 сосуд, курган № 2, объект № 2 – 1 сосуд);
2. Глина + дресва из кальцита + органический раствор (курган № 3, погребение № 11 (рис. 1, 4) – 1 сосуд);
3. Глина + дресва из кальцита + органический раствор (навозная выжимка?) (курган № 3, объект № 2 – 1 сосуд);
4. Глина + шамот + навоз (курган № 2, объект № 2 – 1 сосуд);
5. Глина + шамот + навозная выжимка (курган № 2, объект № 2 – 1 сосуд);
6. Глина + шамот + дресва из кальцита + органический раствор (курган № 2, погребение № 1; курган № 2, погребение № 3 – 2 сосуда);
7. Глина + дробленая раковина + шамот + органический раствор (?) (курган № 2, погребение № 2 (рис. 1, 5) – 1 сосуд).

Позднебронзовый период представлен достаточно простыми формами лепной керамики. Обычно это небольшие горшки с плоским дном и отогнутыми венчиками. Выявленные составы формовочных масс здесь следующие:

1. Илистая глина (?) + шамот + органический раствор (курган № 1, объект № 4 – 1 сосуд);
2. Глина + шамот + навоз (курган № 1, объект № 8; курган № 1, 2-я западная бровка; курган № 1, объект № 5; курган № 16, 1-я восточная бровка – 5 сосудов);
3. Глина + шамот + навозная выжимка (курган № 1, объект № 5; курган № 16 1-я восточная бровка; курган № 16, объект № 1 (рис. 1, 7,8) – 3 сосуда).

Комплексы раннего железного века в могильнике оказались немногочисленными, но довольно представительными для технико-технологического анализа. Выделены следующие составы формовочных масс:

1. Глина + сухая дробленая глина + органический раствор (курган № 17, объект № 1 – 1 сосуд);
2. Глина + шамот + навоз (курган № 23, объекты № 1 и 2; курган № 23; курган № 17, погребение № 1 – 5 сосудов);
3. Глина + шамот + навозная выжимка (курган № 23, объект № 1; курган № 1 объект № 3; курган № 17, погребение № 1 – 3 сосуда).

Определение рецептов составления формовочных масс керамики, относящейся к различным хронологическим периодам и культурам, позволит установить культурные традиции изготовления лепной керамики, характерные для населения этого региона в соответствующие эпохи. Использование данной информации важно для выяснения вопросов преемственности этих традиций на данной территории в течение значительных временных промежутков.

Литература

- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука.
- Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара. С. 5–109.
- Клемешова М. Е., 2017. О сырье для изготовления лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 // Древности Боспора. Вып. 21. М. С. 228–240.

С. Б. Вальчак, В. Ю. Малашев, А. С. Леонтьева

Институт археологии РАН

Х. М. Мамаев, Р. Х. Мамаев, М. А. Тангиев, И. С.-Х. Дачаев
Академия наук ЧР, Чеченский государственный университет, г. Грозный

М. Ш. Сайтудинов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

С. Ю. Фризен

Институт этнологии и антропологии РАН

К. Б. Шаушев

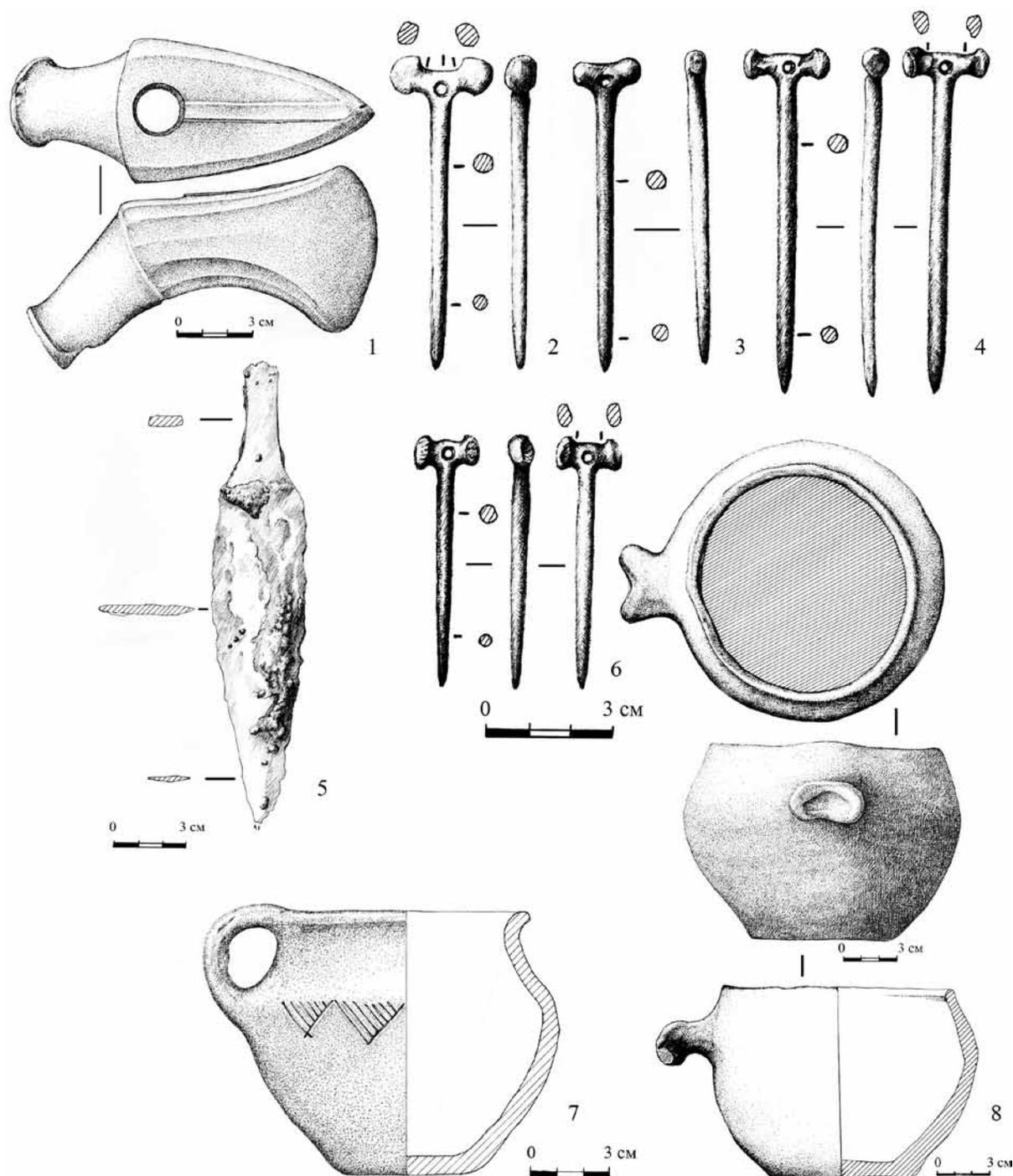
ООО НПЦ «Туризма и краеведения»

РАСКОПКИ КУРГАНА ЭПОХИ БРОНЗЫ В ГУДЕРМЕССКОМ РАЙОНЕ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В 2017 г. совместная археологическая экспедиция ИА РАН и ЦАИ ИГИ АН Чеченской Республики проводила охранно-спасательные исследования кургана № 1 (высота – 5,6 м, диаметр – 44 м) могильника «Гудермесские № 1 курганы» в 2 км к юго-западу от г. Гудермес. В результате работ было исследовано 19 погребений и несколько комплексов в насыпи, относящихся к эпохе ранней, средней и поздней бронзы, расчищен каменный панцирь кургана, связанный с основным погребением майкопской культуры. Исследованные в кургане захоронения и сопровождающие комплексы представлены тремя культурно-хронологическими группами.

Основное погребение майкопской культуры было неоднократно ограблено: дважды в древности, примерно в период конца ранней и затем в начале средней бронзы, и один раз в современности – около 5–10 лет назад. Яма этого погребения имела размеры 4,8×3 м. Изначально материковые стенки ямы были обложены вертикально стоящими на торце небольшими необработанными каменными плитами с неровными краями, размерами около 0,5×0,3 м и менее и толщиной до 7–8 см. После этого в яме была сооружена внутренняя конструкция из дерева: у дна ямы зафиксированы остатки горбылей; при этом ровный срез горбылей у длинных стенок ямы был обращен внутрь. Горбыли у продольных стенок впритык распирались деревянной обкладкой торцевых стен. Полость между деревянной и каменной обкладками стен была заполнена галькой и мелкими обломками колотого камня. Вероятно, после обкладки нижнего периметра стен ямы каменными плитами, закладывался нижний же уровень деревянной облицовки внутреннего объема: полость (на ширину между плитами и горбылями) заполнялась камнями и галькой. Затем следовал аналогичный этап сооружения следующего уровня вверх, вплоть до достижения древней поверхности – горизонта строительства погребального сооружения. В погребении были найдены в переотложенном состоянии (вследствие ограбления) фрагменты двух красноглиняных, покрытых ангобом сосудов, имевших шаровидное тулово и отогнутый венчик. По форме и технологии сосуды характерны для майкопской культуры IV тыс. до н. э.

Относящийся к данному погребению каменный панцирь кургана был сложен из колотых плит камня различного размера (от 0,3 до 0,5 м в продольных размерах

Рис. 1. Курган 1 могильника «Гудермесские № 1 курганы»: 1, 5 – погр. 9; 2–4, 6 – погр. 13; 7 – комплекс 1; 8 – погр. 11

и толщиной около 0,4 м) и окружен кромlexом размерами в плане 32×29,5 м из крупных колотых (рваных) камней (около 1,0×0,8×0,7 м). Между вертикальными рядами плит и в нерегулярных горизонтальных рядах между ними были проложены окатанные водой камни (гальки) размерами до 0,1×0,4 м. Несомненно, они были добыты на склонах Гудермесского хребта и берегах р. Гумс, находящейся в 2–3 км от могильника.

Второй этап захоронений представлен впускными погребальными комплексами эпохи средней бронзы (первая половина III тыс. до н. э.), которые были совершены уже после ограбления основного погребения. Среди них выделяются две группы впускных погребений, относительно близкие по времени, но с различным погребальным обрядом. Впускное погребение, полностью разрушенное и ограбленное в период средней же бронзы, располагалось в центре кургана и было впущено в заполнение более ранней грабительской ямы. Из инвентаря сохранились небольшие фрагменты лепных сосудов. Вершина кургана была перепланирована во время совершения этого захоронения: выбран грунт на вершине и разобрана верхняя часть каменного панциря. Это впускное погребение было совершено в прямоугольной яме размерами около 4×3 м, стенки которой были обложены нерегулярной кладкой из рваных камней и галечных валунов; яма на уровне впуска была перекрыта бревнами с наброской речной галькой по перекрытию и выкладкой вокруг ямы. После совершения погребения курган досыпали. В центре кургана вокруг данного погребения были сделаны три близких ему по времени захоронения (мужское, женское и детское) со слабо скорченными на левом боку погребенными, ориентированными головами на восток–северо-восток. В составе их инвентаря – каменный шлифованный топор кабардино-пятигорского типа, бронзовый нож-кинжал и 6 костяных молоточковидных булавок (рис. 1, 1–6).

Вторая группа среднебронзового периода – два погребения с вытянутым положением на спине и ориентировкой головой на юго-юго-восток – стратиграфически более поздняя; по особенностям обряда и инвентаря может соотноситься с северокавказской культурой.

Погребения конца среднего и, вероятно, начала позднего периода эпохи бронзы (конец III – первая половина II тыс. до н. э.) впущены в восточный и южный сектора кургана, иногда с разборкой камней панциря. Они были совершены в сильно скорченном положении, причем ориентированные в северный сектор (северо-запад–северо-северо-восток), лежали, преимущественно, на левом боку, а направленные головами в южный сектор (юго-восток–юго-запад) – на правом боку. Из инвентаря отметим керамические сосуды (рис. 1, 7,8) и бронзовые украшения костюма погребенных – в первую очередь, бусы и подвески к головному убору, подвеску-кулон, а также украшения из створок раковин моллюсков. Для всех погребений был проведен антропологический анализ.

Одновременно с раскопками кургана производилась и разведка на территории могильника, которая в настоящее время оказывается в зоне дальнейшего хозяйственного освоения. В результате данной работы, помимо 6 ранее известных, выявлены еще 12 курганов, имевших нарушения многолетней регулярной распахкой. Были зафиксированы размеры курганов, произведены их привязки с использованием GPS-навигатора и фотофиксация.

Н. М. Власкин
ГАУК РО «Донское наследие», г. Ростов-на Дону

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИНГУЛЬСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА НИЖНЕМ ДОНУ

Летом 2015 г. экспедицией ГАУК РО «Донское наследие» осуществлялись охранно-спасательные археологические работы севернее ст. Грушевская, близ г. Новочеркасска под руководством С. А. Науменко и Г. Е. Беспалого. В результате были полностью исследованы курганные могильники «Камышевахский XI» и «Черкасов IV» и курган № 1 могильника «Несветай II». Обнаруженные комплексы представляют различные горизонты и культуры от эпохи ранней бронзы до средневековья. В частности, была получена значительная серия погребений катакомбного времени. Особый интерес представляют материалы ингульской катакомбной культуры и синхронные им погребения ростово-луганской группы (далее – РЛГ). Ниже приводятся краткие сведения о четырех комплексах из кургана № 11 могильника «Черкасов IV», связанных с ингульской погребальной традицией и материальной культурой.

Погребение № 10 (рис. 1, 1–2) – впускное во вторую насыпь раннедонецкого времени. Совершено в катакомбе, в СВ секторе кургана. Конструкция ориентирована длинной осью по линии З-В. Входной колодец в плане округлый, соединялся с подпрямоугольной в плане камерой через дромос, в камеру вела глубокая ступенька. Перед входом прослежены отверстия от вертикальных жердей заклада. На дне камеры на подстилке покоился взрослый умерший, вытянуто на правом боку, теменной частью головы на ССЗ. Правая рука вытянута перед костяком, кисть лежала на боку. Левая – согнута в локте, кисть находилась на правом бедре. Под стопами – пятно посыпки охрой. Инвентарь: 1) в заполнении придонной части входного колодца обнаружена жаровня из стенки лепной миски с орнаментом в виде заполненных линиями овалов, выполненных проглаженными желобками; предмет перевернут, угли рассыпались по дну колодца; 2) между бедрами умершего находился кремневый отщеп.

Погребение № 12 (рис. 1, 3–4) – впускное. Совершено в катакомбе в ЮЗ секторе кургана. Ориентировано по линии СЗ – ЮВ. Входной колодец округлый. Вход в камеру был закрыт циновкой и вертикально стоящими жердями, у входа устроен невысокий порожек. В камере подпрямоугольной формы на подстилке находился взрослый умерший, на правом боку, среднескорченно, с заваленной вперед левой частью груди, теменной частью головы на СВ. Левая рука за спиной, согнута, кисть под тазом. Правая рука вытянута. Инвентарь: 1) у СВ стенки камеры установлен лепной сосуд с орнаментом: по венчику проглажен пояс из четырех линий, в верхней части тулова расположены четыре группы парных и одиночный вертикальный налесток, скругленно-выступающие в верхней части, по плоскости выведен широкий проглаженный желобок; 2) у левого локтя в заполнении встречен астрагал мелкого рогатого скота, подточенный с боковых сторон.

Погребение № 16 (рис. 1, 5–6) – впускное во вторую насыпь раннедонецкого времени. Совершено в катакомбе в ЮВ секторе кургана. Длинной осью

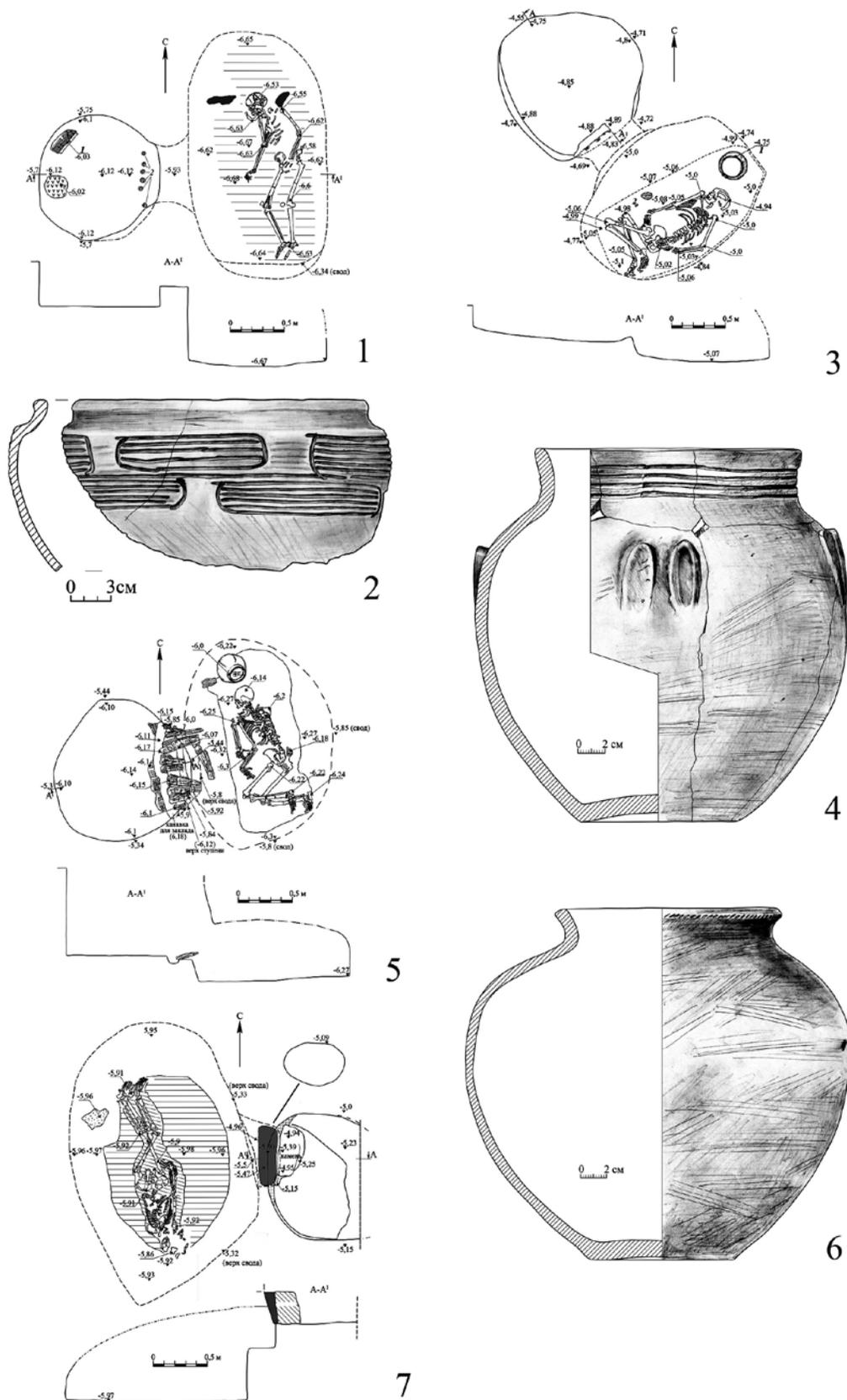

Рис. 1. Погребения кургана № 11 могильника «Черкасов IV»: 1-2 – погребение 10; 3-4 – погребение 12; 5-6 – погребение 16; 7 – погребение 19

ориентировано по линии З – В. Входной колодец в плане округлой формы, вход закрыт плашками, установленными в дуговидную канавку. Поверх плашек прослежен белесый тлен циновки. Камера подтрапециевидной формы, в нее вела невысокая наклонная ступенька. На подстилке захоронен взрослый умерший, средне-скорченно, на правом боку, левая часть груди завалена вперед. Теменная часть головы направлена на СЗ. Правая рука согнута в локте под прямым углом. Левое плечо находилось поверх правого локтя, рука согнута, кисть у колен. Инвентарь: 1) у стенки обнаружен лепной сосуд с вытянуто-шаровидным туловом и скругленным плечом; по обеим сторонам венчика идут частые косые насечки.

Погребение № 19 (рис. 1, 7) – впускное во вторую насыпь раннедонецкого времени. Совершено в катакомбе в С секторе кургана. Длинной осью ориентировано по линии З – В. Колодец округлый. Вход в камеру имел овальную форму и был замазан жидким глиняным раствором, положенным горизонтальными слоями, со стороны входа вертикально приставлен крупный подквадратный камень. Вход в камеру через две ступеньки. На дне камеры, на подстилке покоился взрослый умерший, вытянуто на правом боку, теменной частью головы на Ю, ноги слегка согнуты в коленях. Грудной отдел завален на правый бок, руки вытянуты перед скелетом, кисти подвернуты внутрь. Погребение безынвентарное.

Среди описанных погребений два представляют собой характерные ингульские комплексы (№№ 10 и 19). Погребение № 12 по особенностям трупоположения может быть отнесено к другим позднекатакомбным типам, но содержало сосуд, соотносимый с ингульскими древностями по стилю орнаментации (орнамент на горле выполнен в той же технике, что и на жаровне из погр. № 10). Погр. № 16 так же не выделяется позой умершего и конструкцией, сосуд из него находит некоторые аналогии в погребениях ингульской культуры. В процессе разборки скелета погр. № 16 были зафиксированы хорошо сохранившиеся ткани в глазницах и грушевидном носовом отверстии, что позволило предположить присутствие посмертной глиняной маски, разрушенной при обвале свода. Указанная деталь обряда, широко распространенная в погребениях ингульской культуры в Поингулье (*Пустовалов, 1999. С. 222–255*), до сих пор не встречалась в нижнедонских курганах.

Самым восточным комплексом, по отношению к основной территории распространения ингульской культуры, в настоящее время выступает погребение, исследованное на о. Поречный (близ ст. Раздорской). Согласно В.В. Рогудееву, умерший размещался в яме вытянуто на спине, головой на запад и сопровождался сосудом, по морфологии, композиции и технике орнаментации соответствующим древностям ингульской культуры раннего облика (*Рогудеев, 2014. С. 96, Рис. 1, 7; Шапошникова, Братченко, 1985. С. 403–420*). Несколько погребений ингульской культуры было открыто в бассейне р. Миус (см. напр.: *Ильюков, Казакова, 1988. С. 35, рис. 8, 8; Ларенок, 1998. С. 100–101, табл. LXXXIV, 1*). Керамика ингульской культуры встречена в катакомбных погребениях на Ливенцовской крепости (*Братченко, 1976. Рис. 30; 2006. Рис. 28, 1, 5–6*). Погребение РЛГ из кургана «Красный Металлист» сопровождалось сосудиком с плавным профилем и орнаментом, характерным для ингульской традиции (*Ларенок, 2000. С. 25, рис. 25, 10*). В целом можно констатировать спорадическое присутствие традиций ингульской катакомбной культуры на Нижнем Дону вплоть до впадения р. Северский Донец в р.

Дон. Западнее, в Северо-Восточном Приазовье, ингульские погребения встречаются чаще, проявляются все основные признаки, указанные специалистами для основной территории распространения памятников ингульской культуры (*Санжаров*, 2001. С. 71–99), а также отмечается поздний характер комплексов. Вопросы внутренней хронологии и происхождения ингульской культуры, проблема ее выделения и контактов остаются дискуссионными до сих пор (*Пустовалов*, 1999. С. 222–255 и многочисленные работы в русле исследований по реконструкции структуры катакомбного общества; *Фоменко*, *Шапошникова*, 2002; *Санжаров*, 2001. С. 71–99; *Иванова*, 2013. С. 255–275).

Появление ингульских погребений в ареале РЛГ и предполагаемая их синхронизация инициирует поиск аспектов взаимовлияния в погребальном обряде и неизбежно приводит к регистрации взаимопроникновения артефактов. В настоящий момент погребения ингульской культуры с материалами РЛГ неизвестны. Вместе с тем, зафиксированы комплексы с широко распространенной позой среднескорченно на правом боку, сопровождающиеся инвентарем, совпадающим по ряду признаков с материальным комплексом ингульской культуры. В редких случаях взаимной стратиграфии ранних и поздних погребений РЛГ отмечается наличие угловатых квадратных и подпрямоугольных колодцев на первом этапе и округлых колодцев с дромосами на втором. При этом важно отметить совпадающие с ингульскими виды закладов: заслоны из жердей, колеса деревянных повозок и глиняные пробки. Такие совпадения не выглядят случайными и могут служить основой для гипотезы происхождения поздних конструкций РЛГ из традиций поздней ингульской культуры, которая проникает с запада на Правобережье Нижнего Дона.

Доминирование позы «вытянуто на спине» в ингульских комплексах позволило сопоставить их с предкавказскими, так же было отмечено сходство такой яркой категории инвентаря, как сосуды с ручками (*Нечитайло*, 2008. С. 197, 226). В современных исследованиях происхождение и распространения вытянутой позы в погребениях северокавказской и катакомбной культур связывается с постмариупольской (квитянской) культурой эпохи энеолита Доно-Днепровской лесостепи (*Клещенко*, 2008. С. 923–924), что может указывать на общие элементы в погребальных традициях Причерноморья и Предкавказья в эпоху средней бронзы и достаточно раннее их проявление.

А. Н. Гей, А. А. Клещенко, Д. А. Юнкин
Институт археологии РАН, г. Москва

НОВАЯ НАХОДКА ПОВОЗОК НОВОТИТОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИКУБАНЬЕ

В 2015 г. Северо-Кавказская экспедиция ИА РАН провела раскопки кургана № 4 могильника Межкирпильский I в Усть-Лабинском районе Краснодарского края. В кургане было обнаружено 29 погребений, 10 из которых относились к финалу раннего и среднему этапам эпохи бронзы.

Особого интереса заслуживает уникальное в своем роде основное захоронение № 21, представлявшее собой сложный погребальный комплекс, включавший могильную яму, перекрытую деревом, обширную площадку с настилом из циновок общей площадью 7,0×4,5 м с установленными на нем двумя повозками и необычной конструкцией вроде кресла (рис. 1), а также земляную вертикальную стенку вдоль южного края погребальной площадки.

Площадка вокруг могильной ямы и, скорее всего, поверх ее перекрытия была выстлана на площади не менее 4,5×3,5 м органическими тленами от циновок и, возможно, ковров. В восточной части тлен тонкий, прерывистый, здесь же отмечены вкрапления древесных угольков. С севера и с юга он сохранил структуру рогожи из толстых параллельных волокон, прошитых поперечными строчками через каждые 4–5 см. Здесь же видны и следы узора, выполненного черной краской по внешнему краю в виде параллельных полос, каждая из которых состоит из нескольких параллельных тонких линий краски. В южной и юго-западной частях этого покрытия, возможно, белой краской были нанесены крупные знаки: один – V-образной формы, второй – в виде крючка, третий – в виде петли (два последние прослежены неполностью). Фигурные и даже сюжетные росписи на новотиторовских циновках известны, но такие знаки встречены впервые.

Принципиально иной характер имел тлен с западной стороны от могильной ямы, заходивший под западную повозку. Он был черным, но с включениями белых крученых нитей, предположительно, от ковра. По его краю шла широкая белая кайма. С южной и юго-западной сторон настил был ограничен дугообразной полосой материкового выкида из могильной ямы толщиной 0,7–1,5 м и высотой до 0,8 м. Эта часть конструкции основного погребения идентична специальным стенкам надстроек вокруг основных погребений, известным в других новотиторовских памятниках (в частности, могильника Лебеди I). Под этой стенкой в 1,2 м к югу от юго-западного угла могильной ямы был расчищен жертвенник в виде черепов и подложенных под них ножек трех особей мелкого рогатого скота.

Обе повозки были помещены в разобранном виде на настил у западного и восточного краев ямы. Снятые с осей колеса были разложены плашмя по углам кузовов, ориентированных по линии север–юг.

Минимально возможные размеры прямоугольной рамы кузова западной повозки – 1,8×1,1 м, реконструируемые – 2×1,3 м. Прослежено два уровня залегания продольных (дрогги) и поперечных (нахлестки) брусев. В центральной части обнаружен небольшой участок доски, расположенный наискось. По аналогии с изученными ранее повозками, можно определить его как остатки X-образной

крестовины, обычно находившейся в центральной части верхнего уровня кузовов. По южному краю кузова и под нижней дрогой проходит длинный поперечный брус, выходящий концами за пределы рамы (длина – 1,95 м, ширина – от 0,07 до 0,11 м), определяемый как ось. Элементы соединения верхнего и нижнего уровней кузова были представлены остатками вертикального «кольшика» между верхней и нижней дровами в центральной части восточного борта (возле места прикрепления косога бруска крестовины) и двумя пологими круглыми выемками на нижней дроге.

Колеса были разложены по четырем углам рамы. Диаметр их – по 0,7 м, диаметр ступиц – 0,2 м, ширина центральных частей колес с вырезанной в них ступицей – от 0,3 до 0,34 м, боковых сегментов – 0,17–0,2 м. Диаметр отверстия для оси – 0,05 м. Обода и часть поверхностей колес (кроме юго-восточного) были покрыты белым веществом или краской.

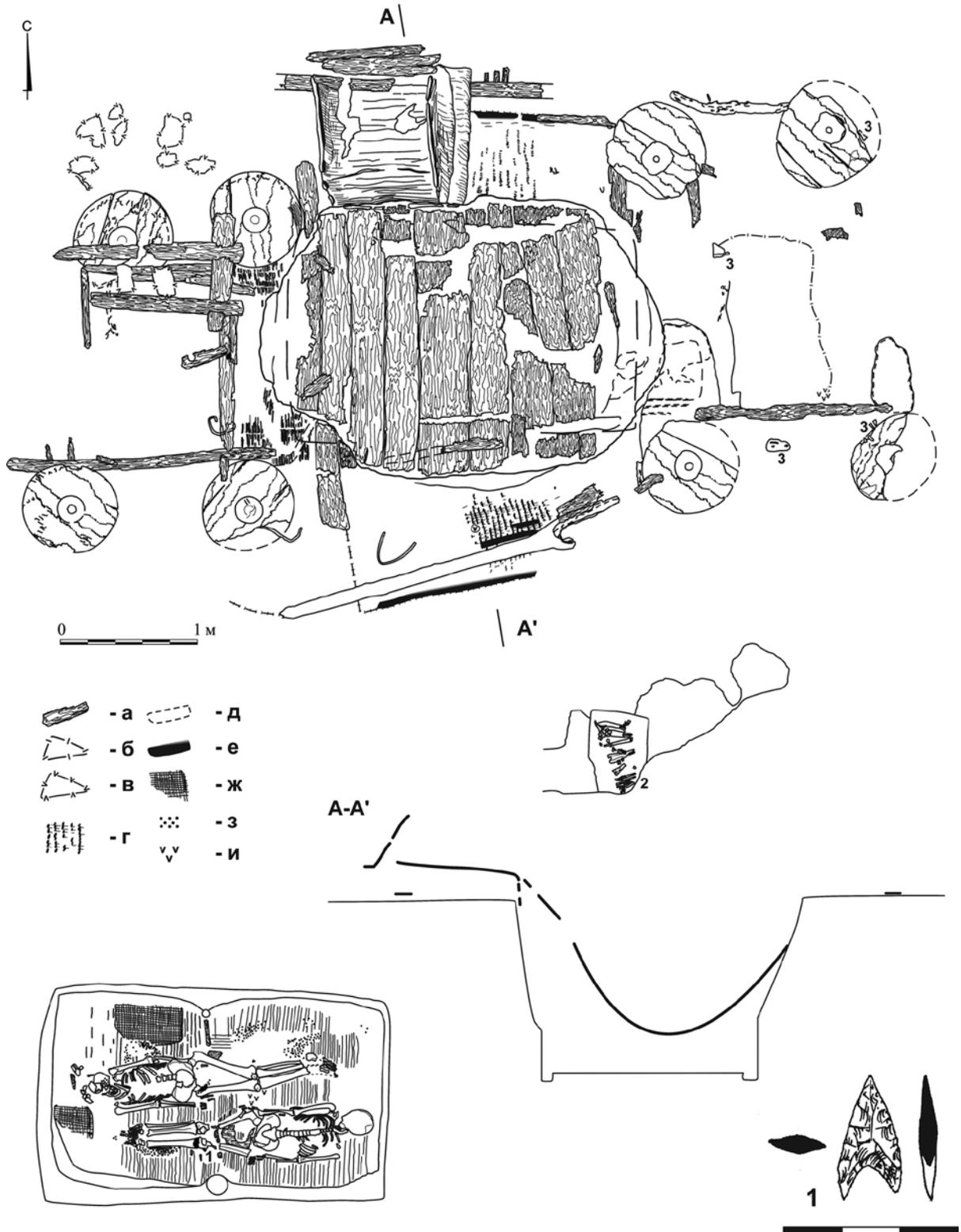
Восточная повозка сохранилась значительно хуже. Место ее предполагаемого кузова ограничено с севера черной полосой тлена от жерди (видимая длина – 0,9 м, ширина – 0,1 м) с белым налетом, с юга – полосой древесного тлена от жерди длиной 1,45 м, а с запада и востока – мелкими фрагментами дерева от продольных связей. Размеры прямоугольника, ограниченного этими остатками, – 2,35×1,25 м. В пользу интерпретации прямоугольника между колесами как места кузова, говорит то, что именно здесь обнаружены мелкие фрагменты костей животного – обычная находка на платформах кузовов многих хорошо сохранившихся новотиторовских повозок.

Колеса в целом имели такие же размеры, как и у западной повозки, за исключением несколько большего общего диаметра (до 0,75 м). На северо-восточном колесе лежала кость МРС, у северо-западного колеса были выложены в ряд параллельно друг другу 4 одинаковых косых скола костей животного. По окраске колес и вкраплениям угольков на настиле в районе повозки не исключено, что она подверглась действию огня (что может быть и одной из причин худшей ее сохранности).

На южной стороне настила, лежала длинная, раздвоенная с восточного конца жердь длиной до 2,9 м. Подобные изделия уже традиционно трактуются как повозочные дышла. Однако ни в одном случае на них не было прослежено каких-либо деталей (вырезов, отверстий), объясняющих способы скрепления дышла с повозкой и ярмом. Возможно, здесь тоже представлена символическая замена реального дышла.

Наконец, на северном краю могильной ямы на настиле была установлена необычная конструкция из деревянных планок, накрытых плотным слоем желтовато-белого органического тлена (предположительно – «кожа»). Размеры ее по верхнему краю – 0,82×0,84 м, у поверхности настила – 1,2×1,1 м, общая высота по бортикам – до 0,6 м, а в середине – 0,3 м. По форме и габаритам она больше всего похожа на кресло со спинкой и, предположительно, подлокотниками, обращенное «сиденьем» к могильной яме.

Собственно, могильная камера представляла собой прямоугольную яму с четкими углами, ориентированную по линии запад–восток. Размеры ее в плане – 2,52×1,6 м, глубина – 1,3 м. Верхние края обрушились (размеры по верхнему краю – 3×2 м). Яма была перекрыта девятью или десятью досками шириной

Рис. 1. Могильник Межкирпильский I курган 4 погребение 21: а – дерево, б – коричневый тлен, в – чёрный тлен, г – цинковка, д – пятна белого цвета, е – черная краска, ж – настил белого цвета, з – охра, и – уголь, 1 – кремневый наконечник стрелы, 2, 3 – кости животных

от 0,15 до 0,35 м, уложенными впритык одна к другой поперек ямы. Первоначальная длина досок (до проседания) составляла около 2 м, и только крайняя западная имела длину 2,7 м и выступала далеко за края ямы. Остатков циновки на досках в провале не замечено, но по западной доске видно, что дерево перекрытия заходило под них.

Дно ровное. Вдоль стенок по его периметру проходила канавка глубиной до 0,05 м. По углам и середины длинных стен ямы сохранились детали столбовой конструкции: конические в профиле ямки диаметром до 0,14 м и глубиной до 0,3 м с остатками деревянных жердей.

Захоронение парное: оба скелета в вытянутом положении были размещены «валетом»: северный – головой на запад, южный – на восток. Оба производили впечатление стиснутых (спеленатых). На черепе и бедренной кости северного и костях левой ноги южного скелетов зафиксированы следы охры. Дно ямы было покрыто слоем органического черно-коричневого тлена от циновки, густо засыпанной меловой крошкой, а также, частично, красной охрой.

Слева от берцовых костей южного скелета, обращенный острием к его ногам лежал треугольный выемчатый наконечник стрелы (длина – 2,1 см, ширина основания – 1,1 см), изготовленный из светло-серого кремня и обработанный плоской ретушью с обеих сторон (рис. 1, 1).

Рассмотренное погребение относится к восточному, т. н. кочетовскому варианту новотиторовской культуры, характерной чертой которого является широкое распространение обряда вытянутого труположения или синкретизм собственно новотиторовских и северокавказских погребальных обычаев. И если до настоящего момента обе формы (скорченная и вытянутая позы) встречались либо в составе общих подкурганых кладбищ, либо в стратиграфических колонках, где скорченные, собственно новотиторовские захоронения обычно предшествовали вытянутым, то в межкирпильском кургане наблюдается обратная картина: четыре из шести впускных захоронений этой же культуры (№ 12, 15, 19 и 20) содержали скорченные на правом боку скелеты, ориентированные головой в западном и южном направлениях. По результатам радиоуглеродного датирования вся свита новотиторовских комплексов кургана № 4 Межкирпильского I могильника может быть отнесена к XXIX–XXVII вв. до н. э.

Л. В. Голованова, В. Б. Доронищев
АНО «Лаборатория доистории», Санкт-Петербург

НЕОЛИТИЗАЦИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И НЕОЛИТ КАВКАЗА

В настоящее время в Леванте, одном из наиболее изученных регионов Ближнего Востока, выделяют докерамический неолит А (12/11,8–11 кал. тыс. л. н.). Для него характерно культивирование растений и есть свидетельства доместикиции животных. Только на севере Леванта отмечается развитие докерамического неолита А в докерамический неолит Б (10,95–8,4 кал. тыс. л. н.), во время которого значительно увеличивается количество и размер поселений, развивается сельское хозяйство, начинается выпас скота, но охота и рыболовство остаются основой экономики. Ранний керамический неолит в Леванте датируется 8,4–7,5 кал. тыс. л. н. (*Goring-Morris, Belfer-Cohen, 2011*), хотя в последнее время отмечены свидетельства появления керамики в докерамическом неолите Б северного Леванта ок. 9,5–9 кал. тыс. л. н. (*Biton et al., 2014*). В других регионах Ближнего Востока (Загрос, Анатолия) наиболее ранняя керамика датируется также 9,75–9,25 кал. тыс. л. н. Неолитическая революция на Ближнем Востоке в настоящее время рассматривается как длительный процесс прогрессивно нарастающих, но не имеющих однозначной направленности культурных изменений.

Новейшие исследования процессов неолитизации на Южном Кавказе посвящены идентификации возможных контактов между группами ближневосточных фермеров и местных охотников-собирателей. Результаты позволяют предполагать, что более 10 тыс. л. н. произошло замещение населения (*Varoutsikos, 2015*). Наиболее ранний период культуры керамического неолита Шомутепе-Шулавери на Южном Кавказе датируется сейчас около 8 тыс. л. н. (*Kadowaki et al., 2014*). Он характеризуется керамическим производством, архитектурой, земледелием и другими типично неолитическими чертами. Также выделяют культуру Камилтепе в Азербайджане (7,5 тыс. л. н.) и культуру Сиони, которая распространяется в Азербайджане, Армении, Южной Грузии, Северо-Западном Иране и Восточной Турции (ок. 7 тыс. л. н.) (*Lyonnnet et al., 2012*).

На Северо-Западном Кавказе такие известные неолитические стоянки, как Каменноостская пещера (*Формозов, 1965*), Нижнешиловская (*Бжания, 1996*), а также находки неолита в Баракаевской пещере (*Ловпаче, 1994. С. 165*), к сожалению, не имеют абсолютных датировок. Единственным неолитическим памятником на Северо-Западном Кавказе, имеющим радиоуглеродные даты, в настоящее время является слой 1–2В в Мезмайской пещере. Его возраст определяется около 8–7,5 кал. тыс. л. н. По времени он синхронизируется с началом керамического неолита в Леванте. Керамика слоя 1–2В имеет аналогии в коллекциях неолитических памятников региона (*Голованова и др., 2016*). В составе каменной индустрии особенно следует отметить наконечник с черешком на пластине. Так же вне стратиграфического контекста (*Голованова и др., 2016*) найдены острия близкие формам эль-хиам (El-Khiam) и Viblos (*Shea, 2006. P. 828*). В неолите Кавказа также известны острия с черешком (*Бжания, 1996. С. 77*), но детали обработки отличаются. Анализ фауны показывает, что в неолите Мезмайская пещера была сезонной охотничьей стоянкой.

Если на Северо-Западном Кавказе мы можем говорить, на основании современных данных, о существовании позднего керамического неолита, то на Центральном и Северо-Восточном Кавказе по материалам единичных стоянок также обсуждается проблема происхождения неолита и его преемственности с мезолитом. Одним из таких памятников является стоянка Цми (*Rostunov et al.*, 2009) на Центральном Кавказе. Позднемезолитический слой стоянки Цми датируется около 8,5 тыс. л.н. – серединой 9 тыс. л.н. По мнению авторов, самые точные даты (конец 8 тыс. л.н.) для неолитического слоя получены по нагару. Фрагменты сосуда из неолитического слоя, имеющие парные округлые вдавления под венчиком, находят аналогии в слое С поселения Чох в Дагестане (*Rostunov et al.*, 2009. С. 68). Также авторы пишут, что в каменной индустрии прослеживается преемственность от мезолита к неолиту.

Преемственность неолита с предшествующим этапом мезолита в кремневой индустрии отмечается для стоянки Чох в Дагестане (*Амирханов*, 1987). Исследователь также отмечает неолитические новации, такие как появление керамики и производящего хозяйства. К сожалению, для этого памятника до сих пор не получены абсолютные даты. В настоящее время высказываются предположения, что свидетельства производства керамики и земледелия на стоянке Чох могут датироваться энеолитом или бронзовым веком (*Motuzaitė-Matuzevičiūtė*, 2012. Р. 16).

Для некоторых памятников как на Северо-Западном (8,5–9 тыс. л. н. для верхних горизонтов навеса Сатанай), так и на Центральном Кавказе (ок. 8,5 тыс. л. н. для верха культурного слоя 5 (*Селецкий и др.*, 2017) навеса Бадыноко) имеются радиоуглеродные даты, соответствующие времени позднего керамического неолита, однако на этих стоянках необходимо проведение новых раскопок.

В целом, следует отметить, что на Северном Кавказе изучение проблем происхождения производящей экономики было весьма ограниченным, и на сегодняшний день мы располагаем очень небольшим количеством стоянок, с практически единичными абсолютными датами. В хорошо изученном Днепро-Двинском междуречье, где самая ранняя керамика датируется 10–9 тыс. л. н. (*Мазуркевич и др.*, 2013), происхождение неолита связывается с анатолийско-ближневосточным ареалом. Внимание исследователей обращено на кавказский регион, где, однако, достоверные источники имеются только по позднему керамическому неолиту. Необходимы новые исследования для получения современных данных о путях и времени происхождения производящего хозяйства на Кавказе.

Литература

- Амирханов Х. А.*, 1987. Чохское поселение. М.: Наука. 116 с.
- Бжания В. В.*, 1996. Неолит Кавказа // Неолит Северной Евразии. Археология. М.: Наука. С. 73–86.
- Голованова Л. В., Доронищев В. Б., Доронищева Е. В., Кулькова М. А., Сапелко Т. В., Спасовский Ю. Н.*, 2016. Новые данные о неолите Северо-Западного Кавказа из Мезмайской пещеры // РА. № 3. С. 5–19.
- Леонова Е. В.*, 2009. О хронологии и периодизации позднеплейстоценовых-раннеголоценовых памятников Северо-Западного Кавказа (по материалам исследований в Губском ущелье) // РА. № 4. С. 94–107.

- Мазуркевич А. Н., Долбунова Е. В., Кулькова М. А., 2013. Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. № 3. С. 27–109.
- Ловпачев Н. Г., 1994. Керамический материал голоценового слоя Баракаевской пещеры // Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп. С. 165–174.
- Селецкий М. В., Шнайдер С. В., Зенин В. Н., Кривошапкин А. И., Колобова К. А., Алишер кызы С., 2017. Эпипалеолитические комплексы навеса Бадыноко (Приэльбрусье) // Вестник Томского государственного университета. № 418. С. 147–162.
- Формозов А. А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М. 166 с.
- Biton R., Goren Y., Goring-Morris A. N., 2014. Ceramics in the Levantine Pre-Pottery Neolithic B: Evidence from Kfar HaHoresh, Israel // JAS. Vol. 41. P. 740–748.
- Goring-Morris A. N., Belfer-Cohen A., 2011. Neolithization Processes in the Levant. The Outer Envelope // Current Anthropology. Vol. 52. Suppl. 4. P. 195–208.
- Kadowaki S., Guliyev F., Nishiaki Y., 2014. Chipped Stone Technology of the Earliest Agricultural Village in the Southern Caucasus: Hacı Elamxanlı Tepe (the Beginning of the 6th Millennium BC) // Proceedings, 9th ICAANE, Basel 2014. Vol. 3. P. 709–722.
- Lyonnet B., Guliyev F., 2012. Part III: Mentesh Tepe // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan 44. P. 86–121.
- Motuzaitė-Matuzevičiūtė G., 2012. The earliest appearance of domesticated plant species and their origins on the western fringes of the Eurasian Steppe // Documenta Praehistorica. P. 1–21.
- Rostunov V. L., Ljachov S. V., Reinhold S., 2009. Cmi – Eine Freilandfundstelle des Spätmesolithikums und Frühneolithikums in Nordostseiten (Nordkaukasus) // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 41.
- Shea J. J., 2006 The origins of lithic projectile point technology: evidence from Africa, the Levant, and Europe // JAS. № 33. P. 823–846.
- Varoutsikos B., 2015. The Mesolithic-Neolithic Transition in the South Caucasus: Cultural Transmission and Technology Transfer. Doctoral dissertation, Harvard University.

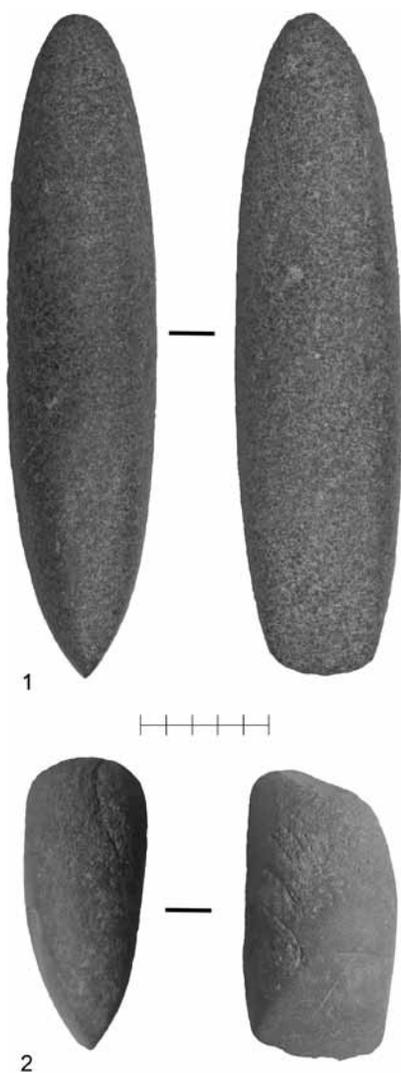
И. С-Х. Дачаев, Х. М. Мамаев
Академия наук ЧР, Чеченский государственный университет, г. Грозный

О НОВЫХ НАХОДКАХ ТЕСЛОВИДНЫХ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ИЗ ЧЕЧНИ

В недавней сводке данных о памятниках эпохи энеолита на территории Чечни уже отмечалась немногочисленность материалов и отдельных находок, которые могут связываться с этим периодом (Дачаев, Мамаев, 2016). К таковым, прежде всего, относятся крупные изделия из камня: желобчатые топоры, часть из которых, по мнению В. И. Марковина, являлась энеолитическими (Марковин, 2001. С. 18; Виноградов, Хашегульгов, 1982), а также тесловидные орудия типа найденных при исследовании курчалоевских поселений Тяллинг I и II (Корневский, Тайсумов, 2011). В целом, находки первых заметно более часты (последнюю сводку для рассматриваемой территории – Дачаев, Ахматова, 2015), поэтому каждый новый экземпляр вторых привлекает внимание, даже если происходит с уже известного памятника. Так, при проведении в 2017 г. сотрудниками ЦАИ АН ЧР мониторинга археологических памятников Курчалоевского района Чеченской Республики на поселении Тяллинг I было найдено каменное овальное, в сечении тесловидное орудие небольших размеров (длина – 8,5 см, ширина и толщина соответственно – 4 см и 2,8 см) с симметричным двусторонне заточенным подшлифованным лезвием шириной 3,5 см и небольшим обушком со следами интенсивного использования (сколы) (рис. 1, 2), пополнившее упоминавшуюся выше серию аналогичных изделий.

Однако значительно больший интерес представляет еще одна находка, выявленная при просмотре коллекции археологических предметов случайного происхождения в этнографическом музее «Донди-юрт» (г. Урус-Мартан, Чеченская Республика). Это тесловидное, овальное в сечении орудие, суженное к обоим концам («сигарообразной» формы), с дуговидным симметрично заточенным лезвием и конусообразным обухом со следами использования, изготовленное из плотного, хорошо обработанного камня. Оно имело значительно более крупные размеры: длина – 25,5 см, ширина – 6,3 см, толщина – 5,5 см; ширина лезвия – 4 см, ширина обуха – 1 см. (Рис. 1, 1).

По сведениям директора музея А. Сатуева, предмет происходил из окрестностей сел. Гехи-Чу Урус-Мартановского района. При осмотре указанного местными жителями участка было установлено, что на юго-западной окраине селения, на верхней террасе левого берега р. Гехинки, находятся две небольшие, заросшие лесом возвышенности, отделенные с напольной стороны, предположительно, заплывшим рвом. Часть поверхности одной из них изрыта окопами конца прошлого – начала нынешнего века. Здесь в обнажениях и выбросах грунта были зафиксированы признаки культурного слоя и собран небольшой подъемный материал: фрагменты керамики, куски турлука и крупный обломок плоской овальной зернотерки. Керамика похожа на энеолитическо-раннебронзовую, зернотерки указанного вида обычны для энеолита восточной зоны Кавказа (см., например:

Рис. 1. Тесловидные каменные орудия: 1 – поселение Гехи-Чу; 2 – поселение Тялилинг I

Мунчаев, 1982. С. 119. Табл. XXXII, 2, XLV, 11; *Гаджиев*, 1991. Рис. 6), встречаясь так же и на раннебронзовых памятниках (*Магомедов*, 2016. Рис. 1), однако формат описанного выше тесловидного орудия из Гехи-Чу более характерен для энеолитического времени – он находит прямые аналогии на том же поселении Тялилинг I (*Корневский, Тайсумов*, 2011. С. 22. Рис. 3, 1, 4, 4, 1, 2), а также иных синхронных кавказских памятниках (*Мунчаев*, 1982. Табл. XLV, 17; *Чеченов*, 2012. Рис. 17, А).

В целом, этот небольшой пока материал дает все же основания полагать, что на территории Чечни обнаружен новый археологический бытовой объект эпохи палеометалла, по внешним признакам, кстати, напоминающий известное Сержень-Юртовское поселение, нижний слой которого также относится к эпохе ранней бронзы и, возможно, энеолита (*Дачаев, Мамаев*, 2016. С. 329).

Литература

- Виноградов В. Б., Хашегульгов Б. М.*, 1982. Некоторые находки IV–II тысячелетий до н.э. на Северо-Восточном Кавказе // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный. С. 16–30.
- Гаджиев М. Г.*, 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М. 264 с.
- Дачаев И. С.-Х., Ахматова М. Т.*, 2015. О каменных желобчатых топорах из Чечни // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Вып. 13. Владикавказ. С. 104–109.
- Дачаев И. С.-Х., Мамаев Х. М.*, 2016. О памятниках эпохи энеолита Чечни и Ингушетии // Всероссийская научно-практическая конференция студентов, молодых ученых и аспирантов «Наука и молодежь». 27–28 октября 2016 г. Грозный. С. 328–333.
- Корневский С. Н., Тайсумов Т. А.*, 2011. Телли «Тяллинг» 1 и 2 у с. Курчалой в Чечне // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный–Москва. С. 17–46.
- Магомедов Р. Г.*, 2016. О раскопках на поселении эпохи ранней бронзы Кабаз-Кутан II // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: Мат-лы междунар. науч. конф. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. Грозный. С. 39–41.
- Марковин В. И.*, 2001. Древнейшие страницы истории страны вайнахов // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М. С. 16–32.
- Мунчаев Р. М.*, 1982. Памятники культуры энеолита Кавказа // Энеолит СССР. М. С. 100–164.
- Чеченов И. М.*, 2012. Краткий очерк первобытной археологии Северо-Западного Кавказа (каменный век и энеолит) // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 1. Нальчик. С. 5–40.

А.В. Дмитриев
НАО «НАСЛЕДИЕ КУБАНИ», г. Краснодар

Д. О. Дрыга
МИИГАиК, г. Москва

А. А. Мальшиев
Институт археологии РАН, г. Москва

А. В. Мочалов
ООО «Атлас»

В. В. Моор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ДОЛЬМЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПОЛУОСТРОВА АБРАУ¹

Формирование антропогенного ландшафта полуострова Абрау начинается в эпоху энеолита – ранней бронзы. Одна из ярких ее страниц связана с возведением дольменных комплексов, распространенных в основном в континентальной части. К сожалению, практически все памятники, упомянутые в исследовании В. И. Марковина «Дольмены Западного Кавказа» (Марковин, 1978. С. 29–31), в настоящее время уже не существуют.

Как показали археологические исследования, разрушение дольменных комплексов началось еще в эпоху средней бронзы, известны факты и в античную эпоху, и в эпоху средневековья. Тем не менее наиболее интенсивно этот процесс происходил начиная с середины XIX в. Из каменных глыб мегалитов в конце XIX – начале XX вв. изготавливались жернова, катки для обмолота зерна, строительные каменные блоки. Значительное разрушение памятников продолжилось в послевоенное время. Местные старожилы рассказывали, что после войны в камерах дольменов взрывали боеприпасы. Дольмены использовались местным населением для добычи камня (сохранились остатки старой дороги для его вывоза). Последнее крупное разрушение зафиксировано в 1992 г., когда были разбиты торцевые плиты дольменного комплекса и значительное количество камня взято на строительство дач.

До наших дней дошли мегалитические сооружения в наиболее удаленных от современного хозяйствования местах: верховьях реки Озерейка и на плато Гудзевой Горы. В связи с этим изучение и сохранение в максимально полном формате данных о дошедших до нас комплексах, не учтенных В. И. Марковиным, имеет первостепенное значение.

Важно отметить, что импульс к исследованию и реконструкции комплексов в долине реки Озерейка был задан благодаря масштабному освоению этого региона, который был связан со строительством крупного резервуарного парка Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) в непосредственной близости от двух дольменных комплексов, расположенных между горами Серегай и Фурова, в 11 км к северо-западу от г. Новороссийска и в 3 км к северу от с. Васильевка.

Первый дольменный комплекс состоит из 3 плиточных камер (№ 1 – центральный, № 2 – северо-восточный, № 3 – южный), расположенных на некотором

---

¹ Работы выполнены при поддержке средств РФФИ, проект №17-29-04313 офи_м.

Рис. 1. Трехмерные модели дольменных комплексов, расположенных между горами Серегай и Фурова

расстоянии друг от друга и заключенных в башнеобразные конструкции параболической в плане формы. Он был открыт А. В. Дмитриевым в 1985 г. на отроге горы Серегай – к востоку от вершины с отметкой 272,8 м над р. Озерейкой. В 1986 и 1987 гг. раскопки памятника проводил А. П. Кононенко, а в 1990 г. – А. В. Дмитриев.

Кладки стен сооружений (крепиды) сложены из массивных плит. Пространство между стенами и заключенными в них дольменами забутовано крупными камнями неправильной формы. Крепиды всех 3 дольменов примыкают друг к другу, создавая единый комплекс внушительных размеров. Порталы двух дольменов ориентированы по линии северо-восток–юго-запад, тогда как из-за резкого изменения рельефа поверхности передняя стена третьего дольмена имела направление по линии север–юг и примыкала к стене предыдущих дольменов под тупым углом.

Дольменный комплекс сооружался в несколько приемов. Первым был построен центральный плиточный дольмен № 1. Он, как и все остальные, состоял из четырех плит-стен, установленных на кладку пола. В боковых стенах имелись пазы для упора торцовых плит, имевших трапециевидную форму. Боковые стены подпирались наклонно установленными блоками-контрфорсами – тремя слева, двумя справа. Обработке подвергались только лицевые поверхности плит. В передних (портальных) плитах имелись круглые отверстия.

Вокруг каждого дольмена была выстроена стена-крепида параболической в плане формы из крупных плит и каменных блоков. Первоначальная высота крепида была не ниже дольмена вместе с плитой кровли. Перед входом в дольмен выложен коридор-дромос из крупных плит, перекрытый плитой. Перекрытие дромоса было несколько выше кровли дольмена и опиралось на нее и на стены дромоса. Камни крепида почти не обработаны. Грубой обработке (оковка граней торцов) подвергались только отдельные плиты дромоса. Пространство между

стенами камеры дольмена и крепидой было забутовано камнем разного размера. По аналогии с подобными щебеночными насыпями дольменов, исследованными И. И. Ахановым на Толстом мысу в г. Геленджике, можно предположить, что они имели полусферическое завершение.

При сооружении дольмена № 2 северо-восточная часть закругления крепиды дольмена № 1 была разобрана. В передней стене камеры дольмена № 2 был смонтирован мощный порог и проделан коридор-дромос, ведущий к передней плите дольмена. При возведении последнего дольмена № 3 передняя стена крепиды примыкала слева от дромоса дольмена № 1 под тупым углом. У стыка закруглений крепид дольменов № 1 и 3 на развале стены был устроен каменный ящик погребения № 1 со скорченным захоронением (середина I тыс. до н. э.).

Вторая дольменная группа, расположенная на отроге к северу от вершины с отметкой 274,8 м в 300 м к востоку от первого дольменного комплекса, была открыта А. В. Дмитриевым в 1973 г. – первоначально как одиночный дольмен.

Раскопками 2000 г. выявлены остатки 6 дольменных сооружений, вытянутых по гребню отрога по линии север–юг. Камеры всех дольменов плиточные. Вокруг всех камер имелись насыпи из камней и глины, окруженные крепидами из крупных плит или блоков. Только крепида дольмена № 6 состояла из сравнительно малых камней. Все крепиды параболической в плане формы имеют коридоры-дромосы, ведущие к камере.

Первоначально были сооружены дольмены № 1, 2 и 3 (последовательность не установлена). Они вытянуты по прямой линии с интервалом 11 м между осями камер. Позже к крепиде дольмена № 1 был пристроен дольмен № 4, а к крепиде дольмена № 2 – дольмен № 5 (практически не сохранившийся). Позже всех между дольменами № 3 и 5 был выстроен дольмен № 6.

Для создания фотограмметрической модели объектов в ландшафтном окружении – основы трехмерной цифровой реконструкции комплексов – были проведены большие работы по аэрофотогеодезической разведке дольменов. Они включали создание опорной сети для привязки материалов аэрофотосъемки, локальную топографическую съемку дольменов, площадную аэрофотосъемку района, локальную перспективную и наземную съемку для создания высокоточных трехмерных моделей дольменов, панорамную съемку. Опорная сеть состояла примерно из 20 точек (по 10 точек на дольменный комплекс), для отождествления точек на снимках производилась специальная маркировка в виде креста. Координаты точек были определены приемником Stonex S9 в режиме RTK (система координат UTM-37). На опорных точках, на которых определение координат при помощи GPS приемника было невозможно, координаты определялись в ходе тахеометрической съемки. Аэрофотосъемка производилась с использованием БЛА Phantom 4 Advanced, размер пикселя при площадной съемке составлял около 2–5 см. По материалам полевых работ были созданы трехмерные модели (рис. 1), ортофотопланы и топографические планы дольменных комплексов, а также ортофотоплан района (~30 га). Для более плотного анализа дольменных комплексов был создан панорамный тур, состоящий из восьми точек обзора.

Литература

Марковин В.И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.

В. Б. Дорони́чев, Л. В. Голованова
АНО «Лаборатория доистории», Санкт-Петербург

ПЕРВЫЕ НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ НА КАВКАЗЕ

Время и культурные показатели начала эпохи неандертальцев – среднего палеолита – в Западной Евразии являются предметом оживленных дискуссий в археологии палеолита. Все большее количество данных указывает на то, что переход от раннего к среднему палеолиту был сложным процессом социокультурных преобразований, который охватывает длительный период времени от конца кислородно-изотопной стадии 8 (КИС 8) до конца КИС 6 (между 250–150 тыс. л. н.) и имеет свои особенности в разных регионах.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что в Юго-Западной Азии начало среднего палеолита приходится на КИС 7 (250–200 тыс. л. н.). В это время здесь появляются первые индустрии среднего палеолита, для которых характерны леваллуазские и пластинчатые технологии расщепления, а также ассортимент орудий (острия и другие конвергентные орудия) на пластинчатых заготовках. Древнейшая индустрия среднего палеолита в этом регионе – «левантийское мустье типа Табун-D» (Culley et al., 2013).

В Центральной и Восточной Европе переход к среднему палеолиту имеет свою специфику. Самые ранние мустьерские индустрии здесь имеют тот же возраст (КИС 7 – КИС 6), что и в Юго-Западной Азии. Но они демонстрируют сохранение отщеповой технологии и при этом появление новых, неизвестных в ашеле технологий производства бифасиальных орудий: листовидных острий и асимметричных скребел-ножей. Одной из древнейшей мустьерских индустрий с листовидными бифасами (остриями и скреблами) является стоянка Эринсдорф в Германии, возраст которой (начало КИС 7) определяется U/Th датой 243 ± 6 тыс. л. н. С этой индустрией найдено около 6 особей неандертальцев – древнейших находок типичного *H. neanderthalensis* в этой части Европы. В Восточной Европе стоянки, на которых найдены ранние мустьерские индустрии с листовидными бифасами, пока не имеют антропологических находок (Дорони́чев, Голованова, 2015).

Новейшие палеогенетические исследования свидетельствуют, что разделение между европейскими неандертальцами (представленными образцами из пещеры Виндия в Хорватии) и азиатскими неандертальцами (представленными самой восточной группой неандертальцев из Денисовой пещеры на Алтае) произошло около 145–130 тыс. л. н. Также эти исследования говорят о том, что неандертальцы в Европе и Азии жили небольшими и изолированными популяциями, размер которых составлял около 3000 чел. (Prüfer et al., 2017). Общая численность неандертальцев, одновременно обитавших в Европе и Азии, составляла около 12000 особей, включая менее 3500 женщин (Briggs et al., 2009).

На Кавказе неандертальцы и связанные с ними ранние индустрии среднего палеолита появляются значительно позже, чем в Европе и Юго-Западной Азии. Начало эпохи среднего палеолита на Кавказе сейчас можно достаточно уверенно датировать периодом КИС 5 (130–75 тыс. л. н.), которая начинается микулинским межледниковьем. Единичные более ранние даты (около 140–250 тыс. л. н.) для слоев среднего палеолита (в пещере Джрочула в Грузии), полученные

термолюминисцентным методом по обожженному кремню, не вызывают доверия, поскольку не соответствуют данным многодисциплинарных исследований. Достаточно сказать, что в Леванте хронология среднего палеолита, основанная на этом методе датирования, дает удревнение на 50–100 тыс. лет по сравнению с хронологией, которая основана на других радиометрических методах.

На Южном Кавказе мустьерская индустрия кударо-джручюльского типа датируется КИС 5 в пещерах Кударо 1, Кударо 3, Цона и Джручула. Этот тип мустье отличается сочетанием пластинчатой и леваллуазской техниками расщепления, и конвергентными орудиями (остриями и скреблами), изготовленными на пластинчатых сколах, включая пластины леваллуа. Мустье кударо-джручюльского типа все исследователи сближают с левантийским мустье типа Табун-D. Единственная находка определяет антропологический тип создателей кударо-джручюльского мустье – это найденный в пещере Джручула зуб неандертальца. На Северном Кавказе леваллуа-пластинчатые мустьерские индустрии известны в бассейне Терека: гроте Сарадж-Чуко в Кабардино-Балкарии, раскопки которого начались в 2016 г. (*Doronicheva et al.*, 2017), и пещере Мыштулагты Лагат (пещера Ласок) в Северной Осетии (*Hidjrati et al.*, 2003), где эта индустрия датируется КИС 5. Сходство леваллуа-пластинчатого мустье бассейна Терека с индустриями Южного Кавказа отмечают все исследователи.

На Северном Кавказе древнейшие находки листовидных бифасов *in situ* зафиксированы в слое 5b (коррелируется с КИС 5a) пещеры Матузка (Краснодарский край) и в слое 2 стоянки Средний Хаджох (Адыгея), возраст которого (КИС 5a/5b) определяется ИК-ОСЛ датой $87,8 \pm 6,8$ тыс. л. н. Самые ранние находки неандертальцев на Северном Кавказе известны в слоях 6 и 5b Матузки, которые датируются КИС 5 (*Голованова и др.*, 2006). В Северо-Восточном Причерноморье в Ахштырской пещере индустрия с бифасиальным листовидным наконечником датируется КИС 5 (*Doronichev, Golovanova*, 2003). На Южном Кавказе находки листовидных бифасов *in situ* известны в пещере Цона (Южная Осетия), однако культурный контекст этой находки не опубликован.

Имеющиеся данные, несмотря на их пока ограниченный характер, позволяют говорить о том, что мустьерские индустрии с листовидными бифасами и отщеповой техникой расщепления формируют древнейший (начиная с КИС 5) хронологический пласт среднего палеолита на территории от верховьев Дуная в Центральной Европе до Северного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья. Одновременно с этой, идущей из Европы волной расселения неандертальцев на Южный Кавказ и отчасти Северный Кавказ (бассейн Терека) из Юго-Западной Азии распространяется другая популяция неандертальцев с леваллуа-мустьерскими индустриями. Таким образом, в среднем палеолите Кавказ представлял уникальный регион Западной Евразии, куда европейские и азиатские популяции неандертальцев принесли свои своеобразные культурные традиции.

Литература

- Голованова Л. В., Дороничев В. Б., Левковская Г. М. и др., 2006 Пещера Матузка. СПб. 194 с.
Дороничев В. Б., Голованова Л. В. 2015. Конец раннего – начало среднего палеолита в Западной Евразии // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар. С. 87–91.

- Briggs A. W., Good J. M., Green R. E. et al.*, 2009. Targeted Retrieval and Analysis of Five Neanderthal tDNA Genomes // *Science*. Vol. 325. P. 318–321.
- Culley E. V., Popescu G., Clark G.A.*, 2013. An analysis of the compositional integrity of the Levantine Mousterian facies // *Quaternary International*. Vol. 300. P. 213–233.
- Doronichev V. B. and Golovanova L. V.*, 2003. Bifacial tools in the Lower and Middle Paleolithic of the Caucasus and their contexts // M. Soressi and H. Dibble (ed.) *From Prehistoric Bifaces to Human Behavior: Multiple Approaches to the study of Bifacial Technologies*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. P. 77–108.
- Doronicheva, E. V., Golovanova L. V., Doronichev V. B. et al.*, 2017. The first Middle Palaeolithic site exhibiting obsidian industry on the northern slopes of the Central Caucasus // *Antiquity*. Vol. 91 (359). P. 1–6.
- Hidjrati, N. I., Kimball L. R., Koetje T.*, 2003. Middle and Late Pleistocene investigations of Mysh-tulagty Lagat (Weasel Cave) north Ossetia, Russia // *Antiquity* 77 (298).
- Priifer K., C. de Filippo, Grote S. et al.*, 2017. A high-coverage Neanderthal genome from Vindija Cave in Croatia // *Science*. 10.1126/science.aao1887.

Е. В. Дороничева
АНО «Лаборатория доистории», г. Санкт-Петербург

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАВКАЗ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ПАЛЕОЛИТА ЕВРАЗИИ¹

Сведения о древнейшем прошлом Центрального Кавказа весьма ограничены. Несмотря на то что в Кабардино-Балкарии известны выходы обсидианового и кремневого сырья, которое очень ценилось в древности и поступало в соседние регионы, стратифицированных памятников каменного века здесь известно немного.

Пока единичное свидетельство заселения человеком Центрального Кавказа в раннем палеолите происходит из нижней пачки культурных отложений (слои 22–36) в пещере Мыштулагты Лагат (пещера Ласок) в Северной Осетии. Как отмечает исследователь Н. И. Гиджрати, из нижних слоев происходят немногочисленные изделия, среди которых есть чопперы, нуклеусы и орудия на сколах. Эти материалы подробно не опубликованы и судить об их возрасте и культурной принадлежности сложно. По мнению Н. И. Гиджрати, предварительно, по пыльце, можно датировать этот комплекс от 250 до 400 тыс. л. н. (*Hidjrati et al.*, 2003).

Целенаправленные поиски стоянок среднего палеолита на Центральном Кавказе организовывались неоднократно. Однако первые материалы этого периода были собраны только в 1976 г. в Приэльбрусье. В ходе обследования карьеров у сел. Заюково, где встречается обсидиан, В. П. Любин на современной поверхности собрал небольшую серию изделий из местного обсидиана, отнесенных им к эпохе мустье (*Любин, Беляева*, 2001).

Только в 1981 г. Н. И. Гиджрати удалось обнаружить первый стратифицированный памятник среднего палеолита в пещере Ласок (рис. 1) (*Гиджрати*, 1987; *Hidjrati et al.*, 2003). Верхняя группа (слои 5–11) содержит типично мустьерские, непластинчатые, леваллуазские индустрии. Большая часть артефактов сделана из микрокварцита. Для слоя 5 получено 3 радиоуглеродных даты, калиброванный возраст которых 39–41 тыс. л. н. Для слоя 7 получена AMS дата ок. 49 тыс. л. н. (калиброванный возраст).

Средняя группа (слои 12–21) содержит остатки активной жизнедеятельности человека в пещере и датируется исследователем от 70 до 250 тыс. л. н. Данные фауны и пыльцы указывают на возраст слоев 12–14 от 70 до 128 тыс. л. н. Только для слоя 18 имеется $\text{Ar}^{39}\text{Ar}^{40}$ дата ок. 200 тыс. л. н. Согласно Н. И. Гиджрати, здесь представлено зубчатое леваллуазское мустье, с леваллуазскими орудиями на пластинах, включая леваллуазские острия. Многие изделия сделаны из местного кремня. По мнению других исследователей (*Голованова, Дороничев*, 2005; *Golovanova*, 2015), в слоях 12–14 представлены леваллуазские, пластинчатые индустрии, которые находят аналогии в индустриях загросского мустье на Восточном Кавказе.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №17-78-20082, «Взаимодействие человека и природы в древности на Центральном Кавказе: динамика изменения природной среды и технологические новации, адаптации систем жизнеобеспечения»).

Рис. 1. Карта с указанием известных на Центральном Кавказе стоянок палеолита-мезолита. Цифрами обозначены: 1-3 – навес у Алебастрового Завода, навес Бадыноко, местонахождение у с. Заюково, 4 – грот Сосруко, 5 – грот Сарадж-Чуко, 6 – пещера Мыштулагты Лагат (пещера Ласок)

В 2016 г. нами был найден первый стратифицированный памятник среднего палеолита в Приэльбрусье – грот Сарадж-Чуко. Хотя имелись многочисленные свидетельства контактов населения соседних регионов с этим богатым сырьевыми ресурсами районом, до 2016 г. здесь отсутствовали памятники древнее финала палеолита-мезолита.

Грот Сарадж-Чуко расположен на территории Республики Кабардино-Балкария в 20 км к северо-западу от г. Нальчик и в 4 км южнее с. Заюково, в долине р. Фандуко (рис. 1). Грот ориентирован на юго-восток и имеет площадь более 300 кв. м. В 2016 г. отрядом под руководством Е. В. Дороничевой на памятнике был заложен разведочный шурф, позволивший обнаружить каменные артефакты мустьерского облика и фрагменты костей плейстоценовой сохранности в слое 6 (Doronicheva et al., 2017). Комплексные исследования начались в 2017 г. В верхних слоях 2–5 были встречены отдельные артефакты из обсидиана и кремня. Наибольший интерес представляет слой 6.

Самое интенсивное обитание древнего человека на стоянке связано со слоем 6В, заполнитель которого – суглинок темно-коричневого цвета мощностью 30–40 см. 97% изделий (коллекция 2017 г.) сделаны из местного обсидиана (6–7 км). Два процента артефактов изготовлено из кремня. Основную часть каменной индустрии слоя 6В составляют сколы (56%; без учета промывки), есть нуклеусы (3%) и осколки (9%). Это указывает на то, что в пещере производилось

расщепление каменного сырья. Среди орудий (7%) выделены скребла (продольные, диагональные, угловатые), конвергентные формы, включая мустьерские остроконечники. Некоторые орудия имеют утоньшения с вентральной поверхности. Техничко-типологические характеристики индустрии позволяют охарактеризовать ее как леваллуа-пластинчатое мустье.

Среди памятников верхнего палеолита Центрального Кавказа наибольший интерес представляют навесы Сосруко и Бадыноко. **Навес Сосруко** расположен на правом берегу р. Баксан (рис. 1; *Замятнин, Акритас, 1957*). Раскопки, проведенные в 1954–1957 гг. на площади более 30 кв. м, вскрыли толщу отложений мощностью 12,5 м, которая перекрывала толщу крупного речного галечника 2-й террасы р. Баксан. В стратиграфической колонке памятника выделено 7 культурных слоев, большинство которых были отнесены к мезолиту, а мощный (ок. 2 м) нижний слой – к верхнему палеолиту. Материалы всех комплексов датированы на основании характеристики коллекций каменных изделий и отчасти данных по фауне, абсолютные даты пока не получены.

Навес Бадыноко расположен на левом берегу р. Баксан, примерно в 6 км вниз по реке от навеса Сосруко. Навес был исследован только в 2004 г. отрядом под руководством В. Н. Зенина (*Зенин, Орлова, 2006*). Исследователями выделено 8 литологических слоев, но только нижние слои 7 и 8 представлены *in situ* и раскопаны на небольшой площади 5 кв. м. В 2017 г. опубликована статья с результатами подробного технико-типологического анализа коллекции. Выделяются три этапа развития каменной индустрии. Как отмечают исследователи (*Селецкий и др., 2017*), в слоях 7–8 навеса Бадыноко прослеживается эволюция в каменном производстве, изменении выбора сырья, отборе заготовок и составе орудий. Индустрии навеса Бадыноко относятся к широкому кругу эпипалеолитических памятников Кавказа.

В заключение следует отметить, что пластинчатый характер каменной индустрии отличает мустье Центрального Кавказа от индустрии восточного микока, распространенной на Северо-Западном Кавказе, и находит аналогии в мустьерских комплексах известных на Северо-Восточном и на Южном Кавказе. В среднем палеолите в Мезмайской пещере на Северо-Западном Кавказе в слоях среднего палеолита были выделены изделия из обсидиана, который происходит из источников у с. Заюково (*Doronicheva, Shackley, 2014*), однако памятников этой культурной традиции здесь не известно.

После максимума последнего оледенения Центральный Кавказ входит в широкий круг эпипалеолитических стоянок Кавказа. К сожалению, данные по перемещению сырья со стоянок Центрального Кавказа пока отсутствуют, но проведенные исследования свидетельствуют, что обсидиан из заюковского месторождения поступал на целый ряд стоянок Северо-Западного (пещеры Мезмайская, Касожская, навес Сатанай) и Южного (пещера Бонди) Кавказа.

Литература

- Гиджрати Н. И.*, 1987. К проблеме интерпретации нижнепалеолитических отложений пещеры Ласок (Мыштулагты лагат) в Северной Осетии // Проблемы интерпретации археологических источников. Сб. научных трудов. Орджоникидзе. С. 141–154.
- Голованова Л. В., Дороничев В. Б.*, 2005. Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. № 5. С. 3–72. Краснодар.
- Замятнин С. Н., Акритас П. Г.*, 1957. Раскопки грота Сосруко в 1955 году // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик. Т. XIII. С. 431–455.
- Зенин В. Н., Орлова Л. А.*, 2006. Каменный век Баксанского ущелья (хронологический аспект) // XXIV Крупновские чтения. Нальчик. С. 54–57.
- Любин В. П., Беляева Е. В.*, 2001. Среднепалеолитические памятники Ингушетии и проблема миграций палеолитических людей в центральной части Большого Кавказа // *Stratum Plus*. № 1. С. 322–337.
- Селецкий М. В., Шнайдер С. В., Зенин В. Н. и др.*, 2017. Эпипалеолитические комплексы навеса Бadyноко (Приэльбрусье) // Вестник Томского государственного университета. № 418. С. 147–162.
- Doronicheva E. V. and Shackley M. S.*, 2014. Obsidian exploitation strategies in the Middle and Upper Paleolithic of the Northern Caucasus: New data from Mezmaiskaya cave. *PaleoAnthropology*. P. 565–585.
- Doronicheva E. V., Golovanova L. V., Doronichev V. B. et al.*, 2017. The first Middle Paleolithic site exhibiting obsidian industry on the northern slopes of the Central Caucasus // *Antiquity*. 2017. 91 (359). P. 1–6.
- Golovanova L. V.* Les hommes de Néanderthal du Caucase du Nord: entre l'Ouest et l'Est // *L'Anthropologie*. 2015. Vol. 119. P. 254–301. <http://dx.doi.org/10.1016/j.anthro.2015.04.003>
- Hidjrati N. I., Kimball L. R., Koetje T.*, 2003. Middle and Late Pleistocene investigations of Mysh-tulagty Lagat (Weasel Cave) North Ossetia, Russia // *Antiquity*. Vol. 77, № 298. P. 1–5.

Д. К. Еськова, Е. В. Леонова, О. И. Успенская
Институт археологии, г. Москва

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЛАСТИНЧАТЫХ СКОЛОВ НИЖНЕГО СЛОЯ ПЕЩЕРЫ ДВОЙНАЯ

Пещера Двойная находится в Губском ущелье (Краснодарский край), исследовалась Губской экспедицией ИА РАН в 2007–2014 гг. Выделены три пачки отложений, содержащих разновременные и, вероятно, разнокультурные археологические материалы конца верхнего палеолита и мезолита (Леонова, 2015). При высокой степени сходства состава коллекций, происходящих из разных слоев, прослежен ряд различий в формах кремневых изделий различных групп каменного инвентаря: резцов, выемчатых орудий, острий, геометрических микролитов и т. д. (Леонова, Успенская, 2017). Остается открытым вопрос о статусе этих культурных проявлений, которые можно трактовать и как отдельные этапы развития в рамках единой культурной традиции, и как последовательную смену нескольких индустрий, имеющих различный генезис. Основной заготовкой для всех трех индустрий является пластина (преобладают пластинки, но также есть микропластинки и пластины и изделия из них). Морфология нескольких ядрищ и группы пластинок из верхнего позднемезолитического слоя пещеры Двойной позволяет с высокой степенью уверенности предполагать использование техники отжима. Одной из важнейших задач стало выявление отсутствия или наличия этого приема в индустриях более ранних слоев, поэтому необходимо применение детального технологического анализа.

Кроме орудий на пластинчатых заготовках¹ в коллекциях – огромное число сколов без вторичной обработки, на которых зачастую даже невооруженным глазом заметны следы утилизации в виде выкрошенности или нерегулярной ретуши. Часть этих следов может быть механическими повреждениями, но так как сохранность археологических находок в целом достаточно хорошая и вряд ли испытывала значительные постдепозиционные перемещения, то можно предположить, что большая доля пластинчатых сколов без вторичной обработки использовалась древними насельниками пещеры в качестве орудий. Морфологически выраженные орудия составляют от 14 до 17% от общего состава каменного инвентаря каждого из культурных слоев, а в наборе представлены все основные категории каменных орудий, характерных для эпох верхнего палеолита и мезолита (скребки, резцы, выемчатые орудия, разнообразные острия и геометрические микролиты, долотовидные и т. д.). Трасологическое изучение сколов без вторичной обработки на многослойном пещерном памятнике (т. е. памятнике с заведомо ограниченной площадью) может не только расширить список видов хозяйственной деятельности первобытных сообществ и уточнить функциональную специфику стоянок каждого из этапов заселения пещеры, но также возможно выявить особенности применения сколов без подработки, а на основании синтеза данных трасологического и технологического анализов определить метрические

---

¹ Понятие «пластинчатая заготовка/скол» в данном случае объединяет пластины, пластинки и микропластинки.

«стандарты» и сырьевые предпочтения для сколов-заготовок, использовавшихся в хозяйственной деятельности, для каждого периода.

Для начала этого довольно объемного по трудозатратам исследования и апробации подходов была взята с одной стороны компактная, с другой – представительная выборка всех пластинчатых сколов, происходящих из придонной части отложений нижнего верхнепалеолитического слоя (литологический слой 7) из раскопок 2014 г.: 165 пластин, 426 пластинок, 49 микропластинок и 158 пластинчатых сколов со следами использования – всего 798 предметов.

По данным технологического анализа пластинчатых заготовок можно определить две независимые производственные цепочки: одна была направлена на получение небольших пластин на первом этапе расщепления и пластинок – на втором, другая – на получение микропластинок. Скалывание пластин и пластинок производилось с одно- и реже двуплощадочных призматических нуклеусов. Микропластинки скалывались исключительно с одноплощадочных, чаще всего клиновидных нуклеусов. В ходе скалывания всех категорий пластинчатых сколов активно использовались такие приемы подготовки зоны расщепления, как редуцирование площадки, абразивная подработка и пришлифовка карниза. Изолирование и освобождение площадки в рамках рассматриваемой технологической традиции не применялись. Пластины скалывались исключительно при помощи прямого удара без использования посредника. Предварительно, на основании морфологии проксимальных частей пластин (*Pelegrin, 2000*), можно предположить использование мягкого камня как основного вида отбойника, также зафиксировано несколько случаев получения пластинчатых сколов при помощи твердого минерального отбойника. Основная часть пластинок и микропластинок, судя по их нерегулярной огранке и изогнутому профилю, также скалывалась при помощи прямого удара мягким отбойником.

Необходимо отметить присутствие в выборке нескольких фрагментов пластинок и микропластинок, которые, судя по регулярности огранки дорсальной поверхности (наличие трех абсолютно параллельных ребер), а также по сохранившейся вогнутой площадке у одного из фрагментов, были получены при помощи техники непрямого удара либо отжима. В коллекции верхнепалеолитического слоя отсутствуют нуклеусы, которые могли бы указывать на использование отжима или удара с посредником. Наличие в верхнем мезолитическом слое таких пластинок и нуклеусов (*Леонова, 2015. С. 82, 557*) может указывать как на локальное перемещение по вертикали отдельных небольших предметов (по ходам землероев?), так и на неполноту выборки.

Сохранность поверхности изучаемых материалов на визуальном уровне удовлетворительна для проведения трасологического анализа. На артефактах нет следов сильной окатанности поверхности, патины, известковых натечков. Тем не менее на микроуровне был зафиксирован ряд повреждений артефактов, связанных с термическим воздействием (обожженность), постдепозиционными процессами (люстраж) и раскопками (следы металла). В результате трасологического анализа следы использования в качестве орудий были зафиксированы на более чем 200 пластинчатых заготовках из 798, т. е. 25%.

По комплексу микро- и макроследов определены следующие функции орудий из пластинчатых заготовок: скобление/строгание кости/рога, обработка

растительных материалов, в т. ч. строгание свежего дерева и размягчение растительных волокон; колющих наконечников стрел; вкладыши составных метательных орудий (пластинки). Более крупные заготовки – пластины и их фрагменты использовались преимущественно в качестве ножей для разделки охотничьей добычи и резания мяса, а также резцов, скобелей, строгальных ножей, пилок, ножей по шкуре/коже, и, реже, скребков, проколов, стамесок. В целом, можно констатировать, что пластинчатые сколы без вторичной обработки использовались в зависимости от ситуативной необходимости для широкого спектра хозяйственной деятельности.

Литература

- Леонова Е. В.*, 2015 К проблеме хронологии и культурной вариабельности каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Традиции и инновации в истории и культуре» / ОИФН РАН, ИЭиА РАН. М.
- Леонова Е. В., Успенская (Александрова) О. И.*, 2017 Характеристика каменного инвентаря из раскопок пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе: к вопросу о фациальности // Тр. V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе. Сб. научных статей. Т. I. Барнаул.
- Pelegrin J.*, 2000. Les techniques de débitage lumineuse au Tardiglaciaire: critères de diagnose et quelques réflexions // L'Europe centrale et septentrionale au Tardiglaciaire. Confrontation des modèles régionaux de peuplement: Actes de table ronde de Nemours, 14–16 mai 1997. Nemours: Ed. A.P.R.A.I.F.

А. А. Зейналов

Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Баку

ОРУДИЯ-ГИГАНТОЛИТЫ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК АЗЕРБАЙДЖАНА

Пещера Азых на протяжении десятилетий сохраняла за собой статус древнейшего памятника не только в Азербайджане, но и на Кавказе в целом. В силу этого она была единственным памятником, представлявшим в 1981 г. СССР на выставке «Первые жители Европы» в парижском Музее человека.

Открытие уникального памятника Дманиси на юго-востоке Грузии с его археологическими и палеоантропологическими материалами внесло существенные коррективы в этот статус, но уникальность Азыха не потеряла своей актуальности.

Пещера Азых была открыта в 1960 г. В ней выявлено 10 слоев мощностью 14,5 м. Десять метров из них приходятся на слои I–VI (сверху вниз), где выделены палеолитические слои с мустьерской культурой (слой III), среднеашельской (слой V) и раннеашельской (слой VI). В оставшихся отложениях мощностью 4,5 м выделены четыре культурных слоя – VII, VIII, IX и X с сохранившимися артефактами галечной культуры.

Индустрия нижних слоев, начиная с самого нижнего слоя X, характеризуется морфологически четко выраженными формами изделий с вторичной обработкой и с четко выраженными признаками намеренного скалывания – ударным бугорком и ударной площадкой, негативами предыдущих снятий. Причем на материалах нижних слоев прослеживается «эволюция» каменной индустрии от слоя к слою, где кубовидные или плитчатые заготовки заменяются отщеповыми, а в VIII слое появляются массивные орудия – гигантолиты (Гусейнов, 2010. С. 188–189). Эти орудия изготовлены из очень крупных кварцитовых галек весом до 4–4,5 кг. Всего в пещере Азых было обнаружено 3 таких предмета, и все они из VIII слоя. Основное рабочее лезвие таких крупных рубящих орудий располагается вдоль длинной оси гальки, иногда с заходом обработки на один или оба коротких края, образуя дополнительно боковые короткие лезвия – прямые или с острием.

В другом случае поперечный длинный край, располагающийся вдоль длинной оси заготовки гигантолита, выделяется с боков симметричными глубокими выемками, благодаря чему оформляется центральный протяженный рабочий участок в виде широкого прямого рубящего лезвия.

В коллекции VIII слоя, как и в нижележащих слоях, представлены и скребловидные изделия, и отщепы, и отходы производства, и естественные гальки без следов обработки из кварца, среди которых и очень крупные, вполне пригодные для изготовления двуручных чопперов-гигантолитов.

Палеолитические артефакты, собранные в нижних (VII–X) слоях Азыха, сильно отличаются от изделий, обнаруженных в древнеашельском VI слое: крупными размерами, преобладанием галечных форм орудий, отсутствием бифасов, грубостью и примитивностью приемов вторичной обработки (Гусейнов, 2010, С. 65–85).

Наибольший интерес вызвала, конечно, индустрия нижних VII–X слоев, принципиально отличающаяся не только от вышележащих слоев с типично ашельской и мустьерской индустриями, но и от других известных раннепалеолитических

памятников мира с галечной культурой, в силу чего М. М. Гусейнов предложил выделить эту индустрию в отдельную культуру – куручайскую.

Одним из критериев для выделения новой культуры были крупные двуручные чопперы, названные М. М. Гусейновым «двуручными чопперами-гигантолитами». Таким образом, Гусейнов впервые ввел в научный оборот словосочетание «куручайская культура» (Гусейнов, 1979. С. 71) и термин «двуручный чоппер-гигантолит» (Гусейнов, 1985. С. 15) – культуурообразующая форма куручайской культуры.

Почти 40 лет назад, в 1979 г., вводя в научный оборот термин «куручайская культура», М. М. Гусейнов интерпретировал его как локальный вариант обитателей Азыхской пещеры и вряд ли предполагал, что спустя десятилетия двуручные чопперы-гигантолиты весом от 3 кг и выше будут обнаружены далеко за пределами Азыха.

На протяжении почти 30 лет культуурообразующая форма куручайской культуры – двуручные чопперы-гигантолиты оставались локальной особенностью Азыхской пещеры.

В 2012 г. в Азербайджане была открыта новая раннепалеолитическая стоянка Гараджа (*Зейналов и др.*, 2013). Стоянка расположена на южном берегу Мингячевирского водохранилища, у подножия хребта Боздаг, северо-западнее горы Гараджа на высоте 90 м над уровнем моря. На памятнике выявлено три уровня залегания палеолитических находок, локализованных на разных уровнях континентальной толщи, перекрытых морскими отложениями.

Вулканический пепел, подстилающий нижнюю континентальную толщу, датируется возрастом около 1 млн. лет. В нижней континентальной толще была обнаружена верхняя челюсть южного слона (*Archidiskodon meridionalis*) с зубами, кроме этого толща насыщена многочисленными ожелезненными остатками стволов деревьев диаметром до 0,7 м и длиной до 3–4 м. Предварительные данные позволяют датировать эту толщу концом апшеронского – началом бакинского времени.

Среди чопперов гараджинской индустрии выделяются очень крупные, весом более 3 кг, двусторонние, изготовленные на очень большой гальке. На сегодняшний день обнаружено три таких предмета. Один из них – непосредственно на стоянке Гараджа. Размеры орудия 18,5×12×12 см. На верхней части орудия крупными сколами оформлен рабочий край, заходящий на боковую сторону (рис. 1). Два других – на берегу Мингячевирского водохранилища, в 5–6 км западнее Гараджи на палеолитическом местонахождении Боздаг 1. Второй чоппер-гигантолит изготовлен той же техникой, что и первый и того же веса – более 3 кг. Размеры орудия 18×18×8 см. Чоппер двухсторонний. Рабочий край оформлен крупными сколами, в результате которых образовался зигзагообразный режущий край. На всей остальной поверхности орудия сохранена естественная корка. Третий двуручный чоппер-гигантолит несколько отличается от двух предыдущих как по технике оформления, так и по весу.

Двухсторонний чоппер оформлен на крупной гальке (24,5×1,09×8 см) подтреугольной формы, темно-серого цвета. Вес орудия – более 4 кг. Оно сильно окатано. Рабочий край оформлен крупными сколами по периметру, захватив 2/3 гальки. На торце и обеих сторонах гальки, не затронутых обработкой, сохранена естественная корка.

Не менее важной находкой следует считать чоппер-гигантолит, обнаруженный на южных отрогах Большого Кавказа, на склоне горы, к юго-западу от г. Габала и севернее с. Сырт Енгиджа. Орудие выполнено на крупной уплощенной

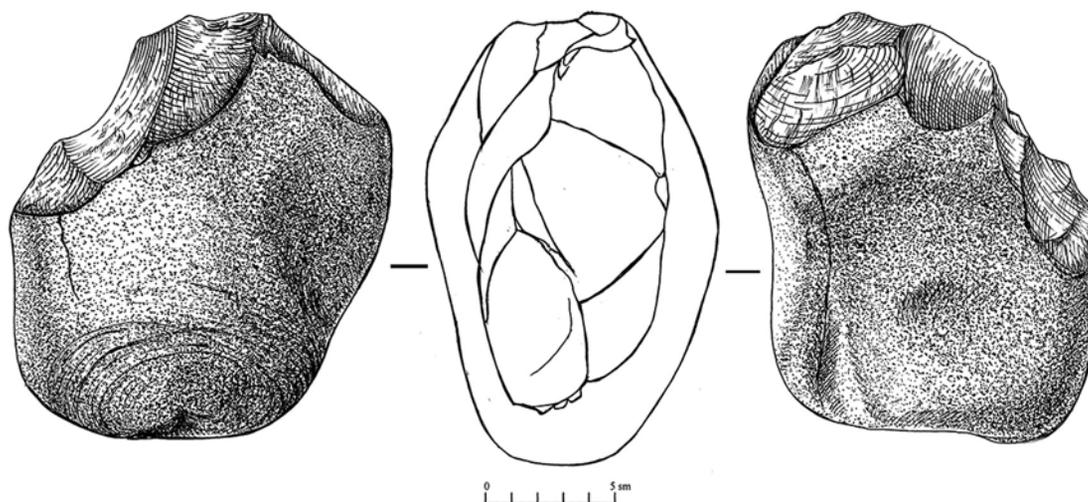

Рис. 1. Гараджа. Двуручный чоппер-гигантолит

гальке подтреугольной формы (18×25×8,4). Исходное сырье – алевритовая порода светло-серого цвета с коричневатым оттенком. Вся поверхность покрыта патиной. На фронтальной стороне – негативы двух параллельных сколов, образующих рабочий край по всей ширине орудия. Сохранившиеся негативы занимают почти $\frac{2}{3}$ поверхности орудия, на оставшейся части – естественная корка. Весь контрфронт также сохраняет естественную корку. Это первая находка чоппера-гигантолита на южном склоне Большого Кавказа.

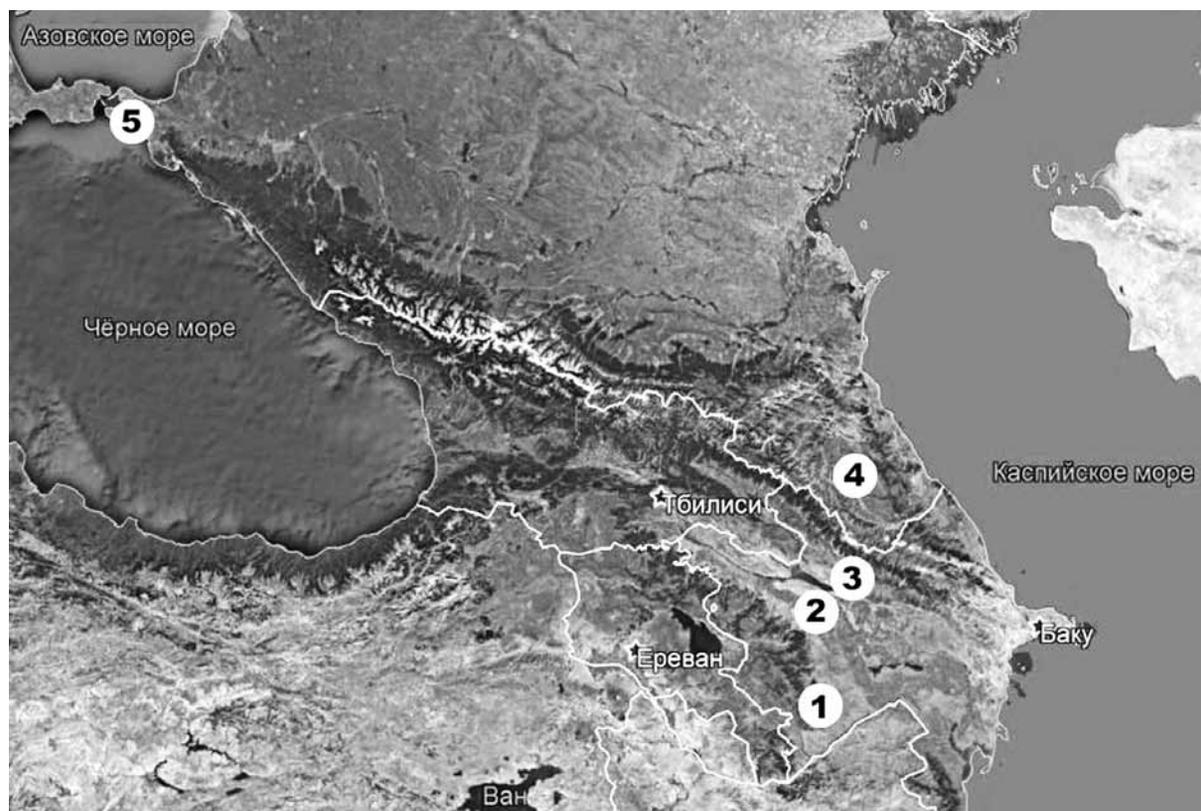
Все четыре артефакта изготовлены на крупных гальках, использование которых предполагает применение обеих рук как с точки зрения веса орудия, так и его оформления, когда на значительной поверхности сохраняется гладкая естественная поверхность для удобного захвата.

Это уже четвертый случай на территории Азербайджана, когда двуручный чоппер-гигантолит был обнаружен далеко за пределами пещеры Азых, и пока только в северном направлении.

Элементы галечной индустрии, обнаруженной в нижних обратно намагниченных слоях Азыха (культура куручай), отслеживаются и на берегу Мингячевирского водохранилища (Гараджа, Боздаг), и на южных отрогах Большого Кавказа (Габалинский район), а также на олдованских памятниках Центрального Дагестана и на Таманском полуострове.

На трех раннепалеолитических памятниках Центрального Дагестана – Айнакаб I, Мухкай I и Мухкай II были обнаружены орудия-гигантолиты, по габаритам и весу во много раз превосходящие аналогичные типы орудий обычных размеров. К орудиям-гигантолитам отнесены предметы, использование которых предполагает участие обеих рук (Амирханов, 2013. С. 5).

Слои, где были обнаружены орудия-гигантолиты на олдованских памятниках Центрального Дагестана, по сумме палеонтологических, палинологических, геоморфологических данных и палеомагнитного анализа датируются в диапазоне от 1,25 млн. л. н. до 2 млн. л. н. (Амирханов, 2016. С. 150). Не противоречит этому возрасту и датировка нижних слоев Азыхской пещеры с собственно куручайской культурой, где были обнаружены орудия гигантолиты.

Рис. 2. Пункты находок двуручных чопперов-гигантолитов: 1 – Пещера Азых; 2 – Гараджа, Боздаг; 3 – Габалинский район; 4 – Олдованские памятники Центрального Дагестана; 5 – Таманский полуостров

Таким образом, спустя десятилетия культуuroобразующая форма куручайской культуры – крупные двуручные орудия-гигантолиты, впервые выявленные в нижних слоях пещеры Азых в Азербайджане, были обнаружены не только в Гарадже и на Боздаге, но и на раннепалеолитических стоянках Центрального Дагестана и на Тамани (рис. 2), что дает основание говорить о том, что ареал куручайской культуры вышел далеко за пределы пещеры Азых, и позволяет считать введенный более 30 лет назад М. М. Гусейновым в научный оборот термин «куручайская культура» вполне обоснованным.

Литература

- Амирханов Х. А., 2013. Орудия-гигантолиты в индустрии Олдована Дагестана // РА. № 3. С. 5–12.
- Амирханов Х. А., 2016. Северный Кавказ: начало преистории. М.
- Гусейнов М. М., 1979. Ранние стадии заселения человека в пещере Азых // Уч. записки АГУ им. С. М. Кирова. Сер. истории и философии. № 4. С. 70–72.
- Гусейнов М. М., 1985. Древний палеолит Азербайджана (по материалам пещерной стоянки Азых и др.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киев.
- Гусейнов М. М., 2010. Древний палеолит Азербайджана. Баку.
- Зейналов А. А., Кулаков С. А., Идрисов И. А и др., 2013. Новые памятники каменного века в Гянджа-Газахском регионе Азербайджана // Azerbaijan arxeologiyası ve Etnoqrafiyası. № 1. С. 4–22.

М. Исерлис
Германский археологический институт, г. Берлин

БАЗОВОЕ ОПИСАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ МАЙКОПСКОЙ КЕРАМИКИ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

С момента определения самого понятия майкопской культуры Е. И. Крупновым 60 лет назад ее изучение сосредоточено в двух основных направлениях: типологическо-технологическом анализе материальной культуры и решении вопроса связей с ближневосточными или европейскими культурами. Разумеется, данные направления тесно переплетены между собой и зачастую толкование связей основано на фрагментарном описании определенных аспектов материальной культуры. Базисным признаком майкопской культуры является керамика. Основываясь во многом на ее анализе, различными исследователями были предложены теории о возникновении и развитии культуры. Более того, определенные технические и морфологические признаки майкопской керамики служили основой для предположений о связях северокавказских и переднеазиатских или европейских общин. Вместе с тем майкопские керамические ансамбли опубликованы зачастую фрагментарно, и попытки сравнить различные комплексы являются трудновыполнимым заданием. Очевидна необходимость базисного описания технологии майкопской керамики и основанной на нем работы по сравнению с различными регионами обитания носителей этой традиции.

В прошлом году был начат подобный проект, и в данном докладе я представляю первые результаты технологического анализа самого важного материального аспекта майкопской культуры – керамики.

Метод и эксперимент. Данное исследование основано на личных наблюдениях за керамическими ансамблями 16 памятников из разных географических регионов и ландшафтов Северного Кавказа. Приоритет дан керамике из стратифицированных контекстов, с предпочтением целым формам (или полным профилям) и опубликованным артефактам. Работа над каждым ансамблем велась по заранее написанному и откорректированному протоколу, целью которого являлось максимальное описание изделий и технологии их изготовления. В процессе работы были взяты пробы для минералогических и химических анализов. На основании наблюдений были описаны операционные цепи (*chaine opératoire*), включая предположения об использовании артефакта.

Результаты. В программу были включены ансамбли из 9 археологических памятников. Керамика из других семи памятников не была включена по причине недостаточного описания или происхождения из неизвестных контекстов. Описание основано на осмотре и регистрации информативных признаков, идентифицированных на 1093 индикативных фрагментах или целых изделиях (из 3070 фрагментов и целых изделий, осмотренных в рамках проекта). Для лабораторных анализов отобраны 234 пробы.

Можно указать на последовательное сходство в технологическом подходе майкопских гончаров к своему ремеслу во всех осмотренных ансамблях. Майкопцы пользовались керамикой, произведенной на поселении или в непосредственной близости от него. Характерные типологические и функциональные различия

между керамикой из поселений и курганов очевидны. Вместе с тем с технической точки зрения керамика из захоронений не отличается от керамики из поселений.

Кухонная посуда отличается от других функциональных групп керамических изделий выбором материалов и методами изготовления, а для ансамбля каждого памятника характерны местные вариации в технике. При этом подавляющее большинство изделий несут на себе признаки изготовления от руки и без какой-либо обработки на гончарном круге. Большинство изделий изготовлены из жгутов, нередко применялись дополняющие куски жгутов.

Можно указать на несколько десятков индикативных фрагментов с типичными неглубокими бороздками, параллельными венчику и/или дну изделия. Стенки этих изделий показывают признаки лепки жгутами. Возможно, для заглаживания стенок данных изделий гончары применяли то или иное крутящееся устройство, но его роль могли играть фрагменты закругленных стенок других изделий, коврик (рогожа/циновка) или дощечка. В процессе осмотра ансамблей не были зарегистрированы фрагменты или изделия с признаками постройки (вытягивания) или обработки на гончарном круге, подразумевающим в той или иной степени длительное и устойчивое вращение.

Первичные выводы. Сто тридцать лет спустя после раскопок кургана Ошад и через сорок лет после первого определения культуры в контексте обширных процессов на Кавказе IV–III тыс. до н.э. изучение майкопского феномена находится в стадии нового накопления базисных данных. Новые радиоуглеродные даты, исследования по металлу, ДНК и др. исследования, включая резюмирующие работы, позволят развить новую дискуссию о самой природе майкопского феномена. Описание керамических комплексов и их публикация, совмещенные с техническими и технологическими анализами, являются делом первой необходимости. Осмысление майкопского феномена и его места в системе евразийских культурных явлений невозможны без базисного описания и анализа керамических комплексов.

КРЕМНЕВЫЕ ВЫЕМЧАТЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ПРЕДКАВКАЗЬЯ

При раскопках кургана группы «Кёнденская I» (Эльбрусский район КБР) в 2014 г. было обнаружено редкое захоронение развитого этапа северокавказской культуры (СКК), содержащее набор из 11 кремневых наконечников стрел (рис. 1, 16). Всего на территории Центрального Предкавказья (без учета района Кавминвод) до этой находки было известно всего 6 подкурганых погребений эпохи средней бронзы (ЭСБ), содержавших инвентарь данной категории (рис. 1, 8, 16, 21, 22, 28, 30)¹. Еще ряд комплексов известен из грунтовых могильников куро-араксской культуры этого же региона (рис. 1, 33).

В Терском бассейне кёнденский комплекс стал лишь второй находкой такого большого количества наконечников в одном наборе. Первый был обнаружен в погребении № 4 кургана у с. Ст. Черек постсеверокавказской культуры.

Находки кремневых наконечников стрел (КНС) в погребениях ЭСБ Предкавказья довольно редки. Всего в настоящее время можно насчитать порядка 70 случаев на 8–9 тыс. комплексов. Так, в достоверных погребениях СКК они составляют всего 1% комплексов. Этот показатель существенно отличается от раннебронзовой традиции, где КНС встречаются в 5–6 раз чаще.

Не намного больше доля комплексов с КНС в новотиторовских (НТ) погребениях Прикубанья, частично синхронных СКК на раннем и развитом этапах ее развития. Их находки здесь представлены в 1,5% комплексов (рис. 1, 34–46), причем более половины из них происходят из синкретических НТ-СКК погребений.

Интересно, что для раннекатакомбных памятников основной территории степного Предкавказья, синхронных, в свою очередь, развитому и позднему этапам СКК, КНС известны в единичных экземплярах (рис. 1, 14).

В позднекатакомбное время на территории Предкавказья КНС встречаются реже. Доля комплексов с ними в восточноманычской традиции не превышает 0,8% (рис. 1, 1–3, 5–7, 8, 10), среди материалов суворовской катакомбной культуры и постСКК традиции известно лишь два случая (рис. 1, 4, 8), а в батуриных материалах этих изделий пока не известно вовсе.

Следует особо отметить, что ранний и развитый этап ЭСБ в Предкавказье практически целиком связан с традицией именно выемчатых наконечников. Исключения составляют единичные экземпляры. На финальном этапе ЭСБ полное доминирование традиции выемчатых наконечников в степном Предкавказье сменяется другими формами (*Мимоход*, 2013. С. 143–159. Рис. 67, 4–13), но не полностью (рис. 1, 11). Наиболее же массово в это время они представлены в памятниках Северо-Восточного Кавказа (рис. 1, 12).

По размерам и общим пропорциям СКК и НТ серии стрел во многом схожи: длина их – 1,5–2,7 см, соотношение длины к ширине основания – 1,4–2,4.

---

¹ К сожалению, объем работы не позволяет представить ссылки на упоминаемые в ней отдельные комплексы.

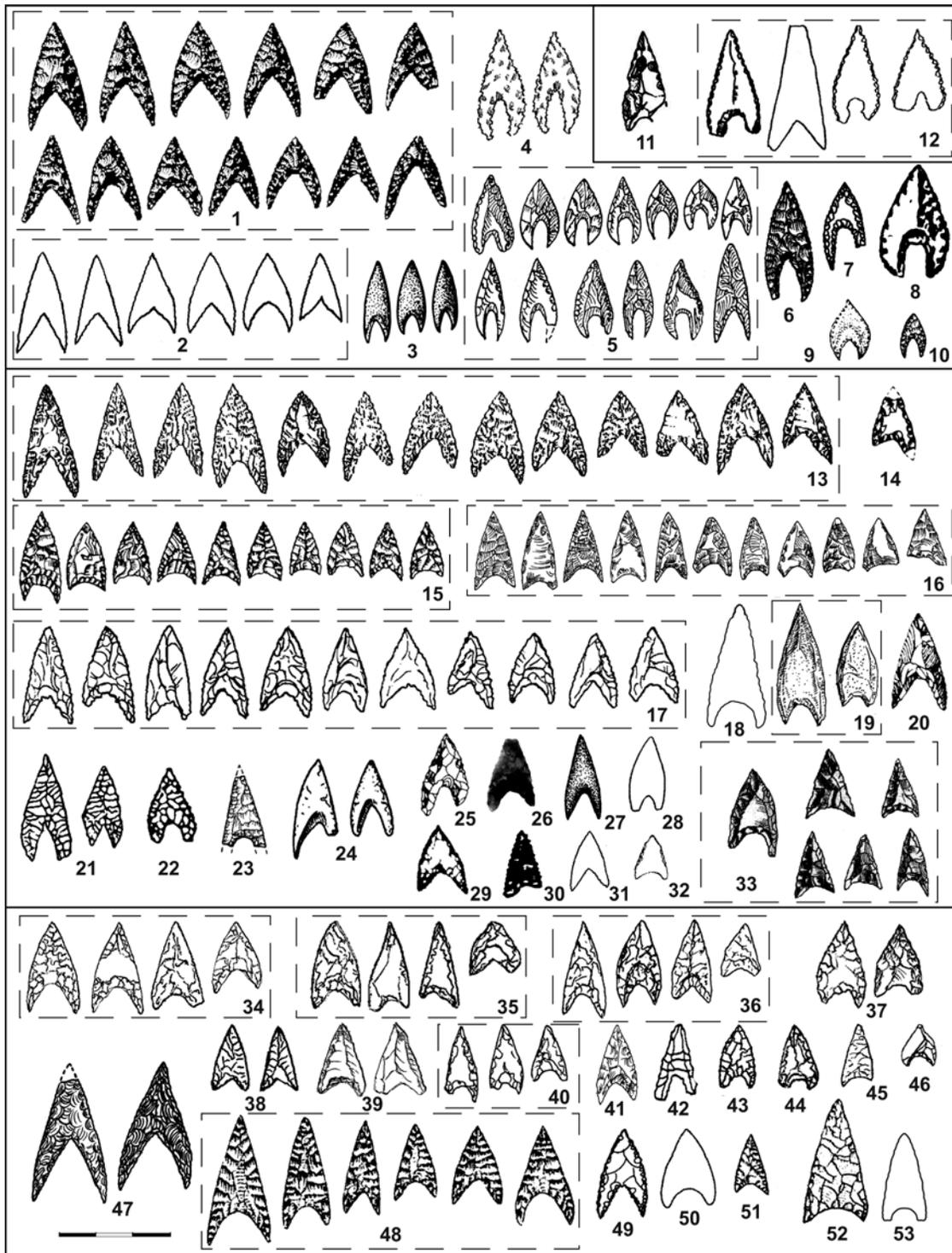
Исключения составляют укороченные формы из НТ погребений (рис. 1, 35, 46) и наиболее длинные наконечники СКК (рис. 1, 18, 19, 21). Впрочем, и те и другие встречены в наборах со стандартными экземплярами. Кремневые наконечники стрел из комплексов ямной культуры Нижнего Дона и Северного Ставрополя (рис. 1, 48–51), синхронных НТ культуре, в основном сходны с прикубанскими по пропорциям и размерам, однако внутри наборов есть и более крупные формы, отсутствующие в Прикубанье.

За неимением серийно представленных раннекатакомбных комплексов с КНС на основной территории Предкавказья можно обратиться к большому колчанному набору из однокультурного погребения с территории Нижнего Дона – Ериковский I 4/3 (рис. 1, 13). Наконечники здесь в целом отличаются более крупными размерами, чем НТ и СКК (длина в основном – 2–3 см), хотя по общим пропорциям они и схожи. То же самое в отношении абсолютных размеров и пропорций можно сказать о более представительной серии КНС из предкавказских памятников позднекатакомбного времени (рис. 1, 1–10).

Несколько больше отличий выявляет анализ собственно форм выемчатых наконечников разных этапов ЭСБ. Новотиторовскую (рис. 1, 34–46) и ямную (рис. 1, 47–51) серии отличает практически равное сочетание наконечников с прямыми и скругленными боковыми гранями – условно «треугольной» и «листовидной» формы, хотя чаще скругленность эта пока выражена нечетко. В СКК и раннекатакомбных комплексах листовидная форма, в т. ч. слабо обозначенная, встречается уже более часто и характерна примерно для двух третей экземпляров выборки (рис. 1, 13–32). Наконец, на позднекатакомбном этапе листовидная форма, причем уже в ярко выраженном виде, становится полностью доминирующей (рис. 1, 1–10). Для этого времени характерны и другие, более диагностичные, изменения в оформлении: массово появляются экземпляры с очень глубокой выемкой, подчеркнутой треугольной формы, редко встречавшиеся на предыдущем хронологическом этапе (рис. 1, 13, 21, 24, 47, 49). Главным же отличием является появление в оформлении выемок характерных параллельных и заovalенных внутренних фасов, часто с острыми концами (рис. 1, 3–10). Стоит отметить, что сходная картина смены форм актуальна и за пределами Предкавказья, в частности для синхронных памятников Северного Причерноморья (Клочко, 2006. Рис. 31, 39).

Возвращаясь к набору стрел из Кёнделена, необходимо подчеркнуть, что комплексов со схожими по количеству КНС наборами в Предкавказье и на Нижнем Дону известно в настоящее время не много (рис. 1, 1, 5, 8, 13, 15–17). Авторы публикации одного них (рис. 1, 15), в частности, предположили, что наборы из 10–13 стрел могли составлять «боекомплект воинов-охотников того времени» (Калмыков, Корневский, 2001. С. 59). Представленные данные в общем могут свидетельствовать в пользу этой гипотезы. Интересно, отметить, что радиоуглеродная дата кёнделенского погребения (Poz-95886: 2840–2500 BC cal 2σ) полностью совпадает с определением из Ильинского комплекса (Калмыков, Корневский, 2001. С. 61), что, помимо других параллелей в обряде, указывает на близость погребальных обычаев, по которым были совершены эти захоронения.

Подводя итог обзору традиции выемчатых КНС в Предкавказье в ЭСБ, нельзя не сказать о проблеме ее истоков. Для предшествующего майкопского времени характерны в основном наконечники особых асимметричных форм. Следует

Рис. 1. Кремневые выемчатые стрелы эпохи бронзы Предкавказья: 1–7, 9, 10 – позд-некатакомбные культуры, 11, 12 – финал средней бронзы, 13, 14 – раннекатакомбная культура, 8, 15–33 – северокавказская культура, 34–46 – новотиторовская культура, 47–51 – ямная культура, 52, 53 – майкопская культура (1, 2, 14, 17, 20, 29, 47, 49, 51 – Северное Ставрополье и Ергени, 3, 6, 7, 9, 10, 18, 26 – Центральное Ставрополье, 4, 11, 25, 27, 32 – Кавминводы и Верхняя Кубань, 5, 12, 19, 31 – Северо-Восточный Кавказ, 8, 16, 21, 22, 28, 30, 33 – Центральное Предкавказье, 13, 48, 50 – Нижний Дон, 23, 24, 52 – Закубанье, 34–46, 53 – Прикубанье)

отметить, что определенная асимметричность присутствует и в некоторых экземплярах раннего этапа ЭСБ (рис. 1, 13, 14, 17, 24, 25, 30, 35, 45), однако принципиально это уже совершенно иная форма, практически не известная на этом ареале в предшествующее время. Как представляется, за ее появлением в Предкавказье стоят контакты со степными культурами Северного Причерноморья IV тыс. до н. э., в памятниках которых выемчатые наконечники встречаются массово наряду с асимметричными (*Rassamakin*, 2004. Т. 1. Abb. 61, 76, 86, 100). В настоящее время материалы по эпохе ранней бронзы Предкавказья содержат только две находки выемчатых кремневых наконечников: из Абинского могильника (рис. 1, 52), а также экземпляр из могильника Бейсужек XXXV в Прикубанье (раскопки 2017 г., рис. 1, 53). Интересно, что в последнем комплексе наконечник оказался вросшим в бедренную кость погребенного, что косвенно может указывать на не вполне мирный характер появления традиции выемчатых наконечников стрел в Предкавказье.

Литература

- Калмыков А. А., Корневский С. Н.*, 2001. Новое погребение с бронзовым топором эпохи средней бронзы из степного Предкавказья // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 2: Археология, антропология, палеоклиматология.* С. 52–63. М.
- Клочко В. І.*, 2006. *Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.).* Київ.
- Мимоход Р. А.*, 2013. *Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований.* Т. 16. М.
- Rassamakin Ju. Ja.*, 2004. *Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Teil 1 und 2.* Mainz.

С. Н. Корневский
Институт археологии РАН, г. Москва

МАЙКОПСКО-НОВОСВОБОДНЕНСКАЯ ОБЩНОСТЬ – ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ ТИПОЛОГИИ

Майкопская культура была выделена в 1951–1957 гг. Е. И. Крупновым как обобщение курганных древностей с оригинальной керамикой и «с костяками в охре» группы больших кубанских курганов А. А. Иессена (1936, 1950)¹. Группа была не едина по внутренней типологии. А. А. Иессен отмечал в ней памятники круга Майкопского кургана, затем – круга Новосвободненских гробниц, а также памятники неопределенные по принадлежности к группе (типа ст. Костромской к. 3). В 1964 г. А. Д. Столяр после раскопок на поселении Мешко тезисно поставил вопрос о выделении особой Новосвободненской культуры. Основой для этого послужили коллекции с накольчатой жемчужной керамикой поселений, которые не имели никакого отношения к кругу памятников Майкопа-Новосвободной (Мешоко, Ясенева Поляна) (ныне это памятники соотносятся с культурой накольчатой жемчужной керамики Предкавказья). При беглом взгляде из-за рубежа возникла идея аналогии гробниц из ст. Новосвободной культуре шаровидных амфор (Чайлд, 1952). Затем она приобрела своих сторонников в лице В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой (1974), писавших о выделении двух мегалитов из курганов у ст. Новосвободной в особую культуру. Понятие майкопская культура было сохранено Р. М. Мунчаевым в работах 1975 и 1994 гг. В 1989 г. А. Д. Резепкин в ряде статей, тезисов и кандидатской диссертации представил гипотезу о связи гробниц из курганов 1 и 2 у ст. Новосвободной с культурой воронковидных кубков, более ранней, чем культура шаровидных амфор. Далее он отстаивал мысль о новосвободненской культуре на территории предгорной Адыгеи, возникшей под влиянием культуры воронковидных кубков, и включил в это понятие памятники типа Долинского поселения на Тереке (Резепкин, 2012).

В 1989 г. в тезисах доклада появился термин майкопско-новосвободненская общность (МНО), который, с одной стороны, был призван сохранить понятие памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц как некий своеобразный феномен в археологии Предкавказья и отличный от иных культуро-образующих феноменов Европы и Кавказа (Корневский, 1989). В дальнейшем, в 2001 и 2004 гг., на фоне резкого увеличения источников, связанных с раскопками собственно майкопских поселений и большого числа захоронений, эта общность была представлена в виде четырех типологических вариантов. В основе ее внутреннего типологического деления лежала классификация всего фонда керамики и глиняных приставок к очагам (т. н. конусов) круга памятников Майкопского кургана и ст. Новосвободной. При этом классификация керамики подразумевала опору на признаки всех частей сосудов, а не только венчиков. В итоге были выделены варианты: галюгаевско-серегинский (собственно, майкопский), псекупский, долинский и новосвободненский. Последний включал, главным образом,

---

¹ Ввиду печатной формы тезисов доклада ссылки даются выборочно на наиболее актуальные сейчас публикации по излагаемой теме.

памятники с диагностической керамикой «новосвободненских гробниц» и соотносился с т. н. «горизонтом» гробниц урочища Клады. Вопросы происхождения этих вариантов обсуждались в самых общих чертах – в связи с нехваткой данных по этой проблеме. Вывод тем не менее был обозначен. Согласно ему, каждый вариант мог иметь свой путь формирования. При желании некоторые из них могут выглядеть как отдельно взятая культура (Корневский, 2008, 2011). Что же общего в этих вариантах?

Майкопский вариант – самый ранний, наиболее близок псекупскому по круглодонной керамике (1 класса – без минеральных признаков) ближневосточных форм. Для него характерны глиняные конусовидные приставки к очагам. Разница между этими вариантами – наличие для псекупского варианта уплощенных форм сосудов, украшение их пролощенным орнаментом, присутствие полых конусов со шляпками. Керамика 2-го класса (с минеральными примесями) на памятниках псекупского варианта может быть круглодонной и плоскодонной.

Погребальные традиции обоих вариантов связаны с курганным обрядом и скорченной на боку позой покойного. Для майкопского варианта встречены крупные ямы, галечные гробницы, галька на дне, охра, деревянная обкладка стен ямы. Оружие в погребениях представлено бесчереновыми кинжалами (для майкопского и раннего псекупского вариантов). В погребениях обоих вариантов встречены золотые подвески с нанизанными камешками. Вместе с тем в поздних псекупских памятниках зафиксированы наконечник копья и череновые кинжалы. Это сближает поздние памятники псекупского варианта с памятниками долинского варианта и новосвободненской группы горизонта гробниц. Металлическая посуда известна только в памятниках майкопского варианта. Для памятников псекупского варианта нередки случаи погребений без металлического оружия.

Хронология майкопского варианта определяется в основном 1-й половиной – серединой IV тыс. до н. э. Менее документирована вторая половина IV тыс. до н. э. Псекупский вариант, для его ранней части, датируется 1-й половиной IV тыс. до н. э. Поздняя часть, в основном, относится к середине, второй половине IV тыс. до н. э. Она синхронна долинскому варианту и новосвободненской группе горизонта гробниц.

Долинский вариант локализован, главным образом, в Центральном Предкавказье. Общие черты его погребального обряда близки погребениям майкопского варианта. Это скорченная на боку поза покойного, использование охры, галечная выкладка на дне и обкладка стен галькой. Распространена т. н. абстрактно-орудийная традиция положения инвентаря, когда орудия и керамика раскладываются поодаль от костяка, по углам и под стенку могилы. Керамика отличается набором типов, но присутствует керамика 1 класса с тестом без минеральных примесей. Цвета керамики охристые. Известна металлическая посуда как категория инвентаря, золотые колечки с камешком. От майкопского варианта погребения долинского варианта отличаются набором плоскодонных типов керамики и металлической утвари, характерной для «позднего этапа» майкопской культуры, по А. А. Иессену. Дата долинского варианта – середина и конец IV тыс. до н. э.

Комплексы обширного урочища Клады у ст. Новосвободной подразделены А. Д. Резепкиным (1989, 1990, 2012) на четыре горизонта, из которых 1-й и 2-й

горизонты мы рассматриваем как ранний комплекс новосвободненской группы памятников, а 3-й и 4-й горизонты – как поздний комплекс или, собственно, «горизонт гробниц».

Ранняя новосвободненская группа, как показали публикации А. Д. Резепкина, содержит керамику в виде тюльпановидных сосудов и круглодонных форм псекупского варианта. Возможно, она представляет собой некий локальный участок псекупского варианта в предгорной Адыгее.

Известно пока одно поселение, связанное по керамике с новосвободненской группой горизонта гробниц (*Резепкин, 2012*). Находки жилищ на нем остаются под вопросом. Конусов или приставок к очагам не найдено, что нетипично для бытовых памятников МНО. Диагностические типы керамики, как и их орнаментация в виде елочки, отделяют новосвободненскую группу горизонта Кладов от трех упомянутых выше вариантов. Вместе с тем в комплексе гробницы 5 кургана 31 встречен сосуд долинского варианта с тремя налипными ручками и отпечатком на дне, который можно интерпретировать как отражение взаимосвязи долинского варианта и новосвободненской группы. На Новосвободненском поселении также имеются находки керамики майкопского или псекупского вариантов (фрагменты чана, кубок, миски) (*Резепкин, 2013*). Дата новосвободненской группы горизонта гробниц – середина, вторая половина IV тыс. до н. э. (*Резепкин, 2014*). Ее ареал связан с узкой территорией предгорий Адыгеи (высоты 500–600 м над уровнем моря) (*Корневский, 2004*).

Новосвободненская группа горизонта гробниц наиболее близка по формам металла долинскому варианту, но отражает особый локальный участок металлообработки (*Корневский, 2011, Рындина, Равич, 2014*). Известны металлические сосуды из золота и бронзы. Керамический комплекс своеобразен. В погребальных традициях новосвободненской группы используется галечная выкладка на дне. Поза костяка скорчено на боку, со сдвигом костяка к стенке, используется окраска охрой. Инвентарь раскладывается в погребении согласно абстрактно-орудийной традиции.

Вместе с тем новосвободненскую группу невозможно объединять с долинским вариантом в одну культуру, как пишет А. Д. Резепкин (*Резепкин, 2012*). У них разные диагностические типы керамики. Информации о формировании обеих групп мало. Но они явно не одинаковы. Обе эти группы относятся к поздней фазе развития МНО и синхронны позднему псекупскому варианту.

Подведем итог. Наиболее общими показателями для всех четырех вариантов МНО могут быть следующие сочетания (комбинации) нескольких признаков, связанных с элитными захоронениями МНО. В керамическом контексте – наличие керамики охристых тонов и керамики без минеральных примесей, а также наличие глиняных приставок к очагам (кроме новосвободненской группы горизонта Кладов).

В области погребальных обрядов памятники МНО сближают курганные традиции захоронения, скорченная на боку поза покойного и окраска его охрой, галечная выкладка на дне, сдвиг костяка к стенке, абстрактно-орудийная традиция расстановки инвентаря в могиле. Весьма показателен престижный комплекс металлических изделий. Он включает набор из втульчатого топора, плоского тесла, кинжала (-ов), шильев и прочих вещей. Устойчиво встречается

тип золотой подвески с нанизанным на колечко сердоликовым камешком. Наиболее насыщенные инвентарем захоронения содержат металлические сосуды. В целом, захоронения разных вариантов МНО отражают элитарную военно-производственную символику и символику устроителей трапез с использованием металлических сосудов, а также военную символику многих захоронений с оружием и золотом эпохи IV тыс. до н.э. медно-бронзового века (Корневский, 2017). Весь этот набор показателей делает МНО ярким и оригинальным феноменом кавказкой и евразийской археологии IV тыс. до н.э., достигшей стадии элитарного протовождства.

В истоках сложения МНО лежит миграция в Предкавказье с юга через Южный Кавказ носителей майкопского варианта, среди которых были керамисты, изготавливающие керамику высокого класса без минеральных примесей со знаками на плечиках сосудов в традициях северо-месопотамской общности IV тыс. до н.э. и со знаковой керамикой – такой же, как и у племен лейлатепинской культуры. Большую роль в миграции этих племен с юга играли перевалы центра Большого Кавказа. Становление МНО в Предкавказье уже связано с многокомпонентным процессом формирования ее вариантов под влиянием различных факторов извне и местных трансформаций. Конкретизировать эти влияния еще не просто в полном объеме. Но среди них явно имели место воздействия со стороны традиций в керамике и культурах куро-араксской культуры (времени Бариклдееби IV) (Глонти, Джавахишвили, 1989) и степных влияний, идущих с севера через фильтр степных племен Восточной Европы.

Литература

- Глонти Л. И., Джавахишвили А. И., 1987. Новые данные о многослойном памятнике эпохи энеолита поздней бронзы в Шида Картли – Бериклдееби // КСИА. Вып. 192.
- Корневский С. Н., 1989. Некоторые проблемы изучения майкопской культуры // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. М.
- Корневский С. Н. 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.
- Корневский С. Н., 2008. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.
- Корневский С. Н., 2011. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.
- Корневский С. Н., 2017. Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тыс. до н.э.). Очерки военизации древних обществ по данным археологии. Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток. / Науч. ред. акад. В. И. Молодин. М.
- Мунчаев Р. М., 1975. Кавказ на заре бронзового века М.
- Резепкин А. Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.
- Резепкин А. Д., 2014. Поселение Новосвободненское на северо-западном Кавказе // Записки ИИМК. СПб.
- Рындина Н. В., Равич И. Г., 2014. Общее и особенное в технологии металлопроизводства майкопских племен Северного Кавказа // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии / Ред. чл.-корр. Р. М. Мунчаев. М.

С. Н. Корневский
Институт археологии РАН, г. Москва

ФЕНОМЕН ПОГРЕБЕНИЙ ДЕТЕЙ С ОРУЖИЕМ V–III ТЫС. ДО Н. Э.

Тема работы затрагивает широкую проблему военизации древних обществ, образно говоря, вставших на «тропу войны» и иллюстрирующих проникновение оружия в разные традиции погребальной обрядности. Конкретная цель представленной работы – описать редкий феномен в погребальной практике культур V–III тыс. до н. э., связанный с захоронениям детей и подростков, в чьи могилы было положено оружие ударного и колющего действия.

Необычность такого явления понятна. На примерах разных общин медно-бронзового века можно убедиться в том, что оружие ударного действия в основном клали в могилы мужчин. Находки его в захоронениях женщин эпохи медно-бронзового века – крайне редкий случай. А обнаружение топора или кинжала в детских могилах вообще более ставит вопросы, чем дает на них ответы.

Ниже представим материалы, показывающие, что оружие в детских могилах является редким событием, но реальным фактом в целом ряде культур медно-бронзового века.

Погребения детей с оружием без сопровождения взрослых.

Погребение № 17002 на поселении Овчулар тепеси. Халколит Азербайджана. Конец V тыс. до н. э. Погребение 17002 было совершено в сосуде и принадлежало новорожденному ребенку. В нем найдены бронзовый топор-молот и два плоских бронзовых тесла.

Пещера Нахаль Кана (Nahal Qanah., Израиль). Халколит, Гассульская культура IV тыс. до н. э. Погребение I (локус 125) принадлежало ребенку. При нем найдены гематитовая булава, орудия из кости, морские раковины (Gopher, Tsuk, 1996. P. 222). Даты C14 для халколитического слоя указывают на интервал конца V начала IV тыс. до н. э. Дата локуса 142–5240 ± 180 BC 4323–3803 BC.

Хут. Рассвет к. 3 основное погребение. Майкопско-новосвободненская общность. Предкавказье. Район г. Анапы. Погребение ребенка в каменной гробнице из булыжника с кинжалом и золотой подвеской-колечком (галюгаевско-серегинский вариант) (Мунчаев, 1975).

Могильник у с. Чегем I к. 5 п. 3. Кабардино-Балкария. Погребение подростка и кинжалом и золотыми украшениями (долинский вариант). (Бетфозов, Нагоев, 1984).

Могильник Клады к. 15 п. 1 (впускное). Адыгея. Захоронение ребенка было совершено в каменной кольцевидной кладке размером 2,4×1,4 м. Инвентарь включал кинжалы и топор с орнаментом, украшения из полудрагоценных камней, 100 альчииков барана (новосвободненская группа) (Резепкин, 2012).

Павловский могильник к. 31 п. 4. Воронежская область. Погребение ребенка с военно-производственным набором (медный топор, тесло) и серебряным кольцом.

Першинский могильник п. 4 к. 1. Оренбургская область. Ямно-полтавкинская культура. Погребение подростка литейщика – оружейника с литейными формами топора Утёвского типа. (Черных и др., 2000).

Могильник *Сопка-2* на р. Оми, Венгеровский район Новосибирской области. Кротовская культура. Погребение № 425. Ребенок полутора лет лежит на спине вытянуто. Под спиной ребенка находился бронзовый кинжал в кожаных ножнах, которые сохранились во фрагментах. В области височных костей находились две серебряные серьги-колечки. Под правой кистью лежало бронзовое шильце. В области шеи – два зуба косули. Погребение датируется XXIII–XXI вв. до н. э. (Молодин, Гришин, 2016. С. 144, 150. Рис. 252).

Могильник *Сопка-2/4А* п. 583. Одиновская культура. В погребении ребенка 6–7 лет найдена пластинка от лат. В этом же захоронении найдены кости птицы, три астрагала быка, астрагал барана, чешуя рыбы (Молодин, 2012. С. 155). В целом, одиновская культура рассматривается как более раннее явление, по сравнению с кротовской, но, возможно, и сосуществовавшая с ней.

Погребения детей вместе со взрослыми людьми и с оружием.

Пещера Нахаль Кана. Погребение X. Включало находки в двух локусах. Одна его часть (локус 130) принадлежала взрослому мужчине и ребенку. Оружие представлено гематитовой булавой, 5 кольцами из золота, украшениями из раковин, обломком базальтового сосуда, керамикой кремового цвета. Другая его часть (локус 142) была связана с захоронением подростка и ребенка. К этому локусу относятся 3 золотых кольца, гематитовая булава, поделки из меди, базальтовый сосуд (Gopher, Tusk, 1996. P. 224, 226).

Погребение VII (локус 113) включало три скелета. Взрослого мужчины, подростка и ребенка. В комплекс находок входил медный штандарт – навершие с дисковидной головкой (аналог находок в кладе Нахал Мишмар), базальтовый сосуд, фрагменты керамики (Gopher, Tusk, 1996. P. 223).

Даты C14 для халколитического слоя указывают на интервал конца V – начала IV тыс. до н. э. Дата локуса $142-5240 \pm 180$ BC $4323-3803$ BC.

Могильник *Клады к. 31* п. 5. Погребение ребенка и взрослого в богатейшем комплексе гробницы.

Обращает на себя внимание, что редкие детские и подростковые захоронения встречены в вариантах МНО, которые располагают элитными захоронениями взрослых людей под большими курганами, в каменных гробницах, с хорошо выделенной военно-производственной символикой по набору погребальной утвари и с находками золота (майкопский и долинский варианты, Новосвободненская группа горизонта гробниц). Иных детских погребений в этих вариантах не зафиксировано.

С другой стороны, погребения ранней новосвободненской группы, предшествовавшей горизонту гробниц, и погребения псекупского варианта располагают многими примерами детских захоронений без оружия. Элитных комплексов с золотом, оружием и металлической посудой среди них нет.

Все это позволяет ставить вопрос о неоднородной социальной структуре носителей МНО в ее трех элитарных вариантах, в которых хорошо выражена военно-производственная символика элиты с погребениями строителей трапез с металлической посудой. Таковы майкопский, долинский, новосвободненский (поздний) варианты. В четвертом, псекупском, варианте военно-производственная символика элиты была менее выражена, а погребений строителей трапез

с металлической посудой не зафиксировано, но хорошо представлены погребения взрослых и детей без военной символики.

Изложенный выше небольшой материал показывает, что в V–III тыс. до н. э. детские захоронения с оружием были крайне редким явлением в погребальной практике разных культур Ближнего Востока, Предкавказья, Восточной Европы и Сибири. Но тем не менее это был конкретный обряд в системе представлений о мифологии смерти в рамках верований Религии Природы. Очень редко встречаются погребения взрослых с оружием и детей. Все приведенные примеры указывают на элитный характер таких захоронений.

Отмеченные выше погребения детей и подростков с оружием связаны в нашей выборке с культурами, в которых оружие ударного действия было допущено в обряд погребения взрослых мужчин и, надо думать, были символом их связи с военной сферой. Таковы захоронения гассульской культуры, разных вариантов МНО, древнеямной культуры, ямно-полтавкинской культуры, кротовской и одиновской культуры.

Есть предположение, что погребения детей с оружием иллюстрируют их символическую роль в передаче военного снаряжения в страну предков, по верованиям у хантов и манси (*Молодин, Гришин, 2016*). По другой версии, символика оружия и орудий может предполагать наследование ими воинского статуса и знаковую роль в мифологии погребальных обрядов детских захоронений.

Литература

- Бетфозов Р. Ж., Нагоев А. Х.*, 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Резепкин А. Д.*, 2012. Новосвободненская культура. СПб.
- Молодин В. И.*, 2012. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 3: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск.
- Молодин В. И., Гришин А. Е.*, 2016. Памятник Сопка-2 на реке Оми / Ред. акад. А. П. Деревянко. Новосибирск.
- Мунчаев Р. М.*, 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В., Лебедева Е. Ю., Луньков В. Ю.*, 2000. Исследование курганного могильника Першин Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV. Оренбург.
- Gopher A., Tsuk T.*, 1996. The Nahal Qana, 1996. The Nahal Qanah Cave: Earliest Gold in the Southern Levant / Ed. A. Gopher. Tel Aviv: University. 250 p. (Monograph series; № 12).

С. А. Кулаков

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

А. С. Дятлов

*Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург*

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ПО КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ГРОТА АХЦУ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ¹

Грот Ахцу – новый памятник каменного века Северо-Западного Кавказа был найден в среднем течении р. Мзымта в 2014 г. (Кулаков и др., 2016), в 2015 г. были произведены первые разведывательные работы (Кулаков и др., 2017), которые подтвердили уникальный статус памятника. Грот Ахцу – стратифицированная, многослойная стоянка финального палеолита и мезолита Причерноморского Кавказа.

Богатая каменная индустрия Ахцу (около 700 экз.), для изготовления которой использовалось как различные виды местного сырья, так и приносного (обсидиан, рис. 1: 17–19, 23), производилась на месте в гроте, что подтверждается большим количеством сколов, их обломков и наличием призматических ядрищ (рис. 1: 3, 10, 11, 38).

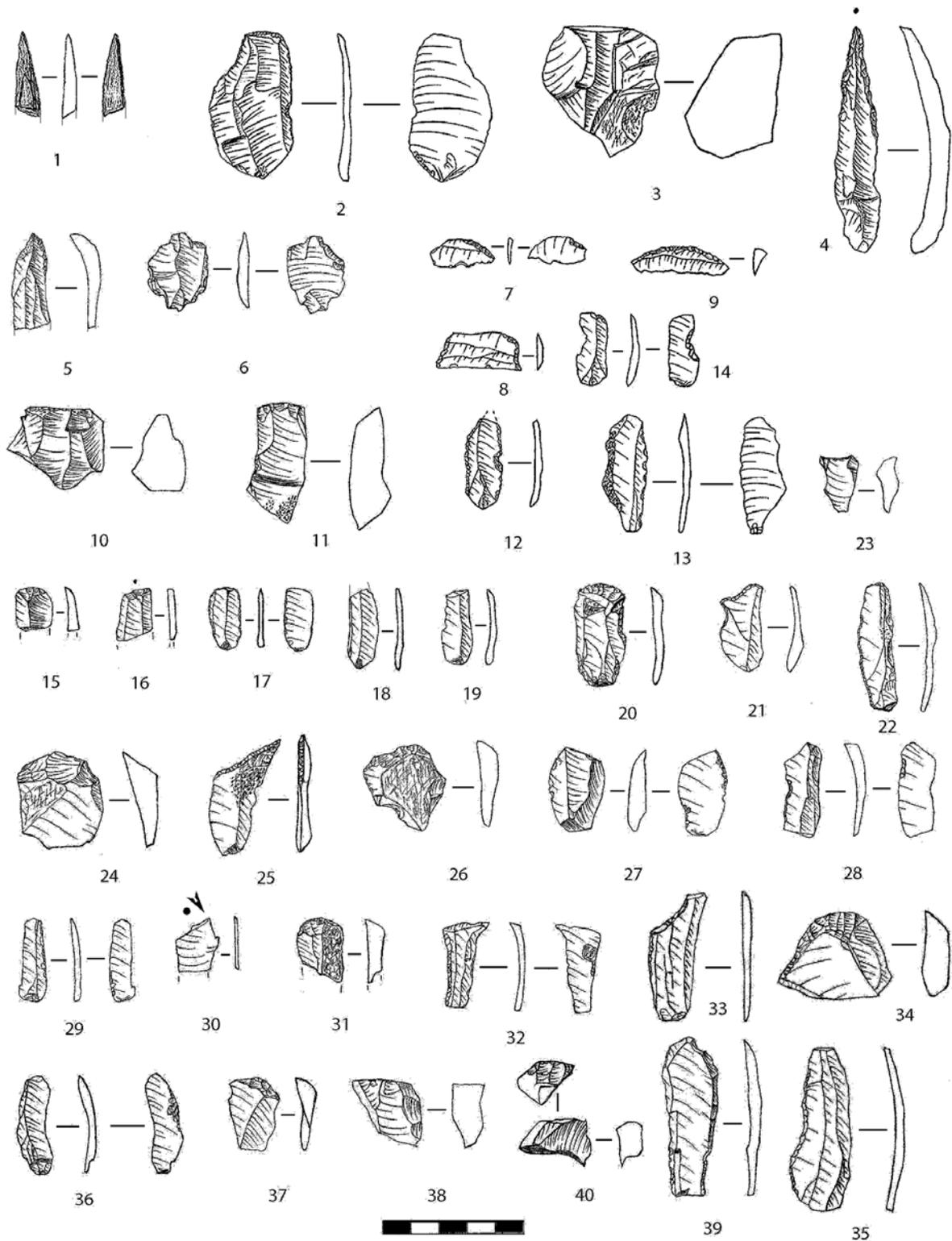
Орудийный набор индустрии характеризуется разнообразными категориями. Наиболее распространены различные сколы с регулярной и нерегулярной ретушью – они обнаружены во всех культуросодержащих слоях (рис. 1: 22, 27–29, 35, 36, 39). Остальные категории изделий представлены, пока, единичными находками: резцы (рис. 1: 30), проколки (рис. 1: 5, 21, 25), тронкированные пластинки (рис. 1: 16, 33), комбинированные орудия (рис. 1: 2), «ножи» (рис. 1: 12, 13), остриё (рис. 1: 4), пластинка с притупленным краем (рис. 1: 32), микроскребок (рис. 1: 15) и долотовидное изделие (рис. 1: 6). Кроме вышеперечисленных орудий, коллекция грота также характеризуется наличием скребков различных типов и геометрических орудий. Скребки – концевые (рис. 1: 20, 31, 37), округлые (рис. 1: 34) и высокой формы (рис. 1: 40) – главным образом обнаружены в наиболее культуронасыщенном слое 5. Наиболее интересным является слой 4, который содержит орудия геометрических форм – трапеции и сегменты (рис. 1: 7, 8, 9). В слое 1 был найден дистальный обломок костяного орудия (рис. 1: 1).

Одной из уникальных особенностей индустрии грота Ахцу являются изделия из местных галек, происходящих с пляжа р. Мзымты, в основном, серой и серо-зелёной мелкозернистой породы. Основную часть коллекций во всех слоях составляют расколотые гальки, галечные сколы и их обломки. Орудийный набор «галечного» инвентаря включает в себя такие категории как топоры (слой 5), тесла (слой 2), скребковидные изделия (слои 4, 6), пластины с ретушью (слои 4, 5), бифасы (слой 4), ножи (слой 5).

Состав инвентаря всех слоев грота Ахцу на данный момент не имеет аналогий с памятниками позднего/финального палеолита и раннего мезолита

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Проект №. 18-09-00282».

Рис. 1. Грот Ахцу, каменная индустрия (кремнь, обсидиан). 1-4 – слой 1; 5, 6, 10, 11 – слой 2; 7-9, 12-14 – слой 4; 15-19, 24, 25 – слой 5/2; 20-23, 26-32 – слой 5/1, 33-35 – слой 6; 36-40 – слой 5/1

ни северного макросклона Кавказа (*Амирханов*, 1986; *Бадер*, 1984; *Голованова, Доронищев*, 2012; *Леонова*, 2014), ни с известными памятниками Кавказского Причерноморья (*Бадер*, 1984; *Бадер, Цетели*, 1989; *Замятнин*, 1957; *Bar-Yosef et al.*, 2011; *Nioradze, Otte*, 2000). Это связано с тем, что в памятниках позднего/финального палеолита и раннего мезолита этих регионов не было выявлено сочетания кремневых орудий и обработанных галек. С другой стороны, отсутствие керамики и шлифованных орудий, использование обсидиана, возможно, объясняется позднемезолитическим возрастом стоянки. Памятник данного времени со схожей индустрией (отсутствие характерных для верхнего палеолита – раннего мезолита форм орудий, отсутствие шлифованных орудий, использование оббитых галек, «отщеповой» характер заготовок) известен в Грузии: стоянка открытого типа Палури (*Григолия*, 1977).

Литература

- Амирханов Х. А.*, 1986. Верхний палеолит Прикубанья. М.
- Бадер Н. О.*, 1984. Поздний палеолит Кавказа // Палеолит СССР (Археология СССР). М. С. 93–105.
- Бадер Н. О., Цетели Л. Д.*, 1989. Мезолит Кавказа // Мезолит СССР (Археология СССР). М. С. 93–105.
- Голованова Л. В., Доронищев В. Б.*, 2012. Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // Первобытные древности Евразии. К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М. С. 59–102.
- Григолия Г. К.*, 1977. Неолит центральной Колхиды. Палури (на грузинском языке). Тбилиси,
- Замятнин С. Н.*, 1957. Палеолит Западного Закавказья. 1. Палеолитические пещеры Имеретии // Сборник МАЭ, XVII. Л. С. 432–499.
- Кулаков С. А., Кизилов А. С., Дятлов А. С.*, 2016. Открытие нового памятника каменного века в Сочинском Причерноморье // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа: XXIX Крупновские чтения. Грозный. С. 36–38.
- Кулаков С. А., Дятлов А. С., Казарницкий А. А.*, 2017. Открытие нового памятника каменного века на Северо-Западном Кавказе // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе [Текст]: сборник научных статей. Барнаул, Т. I. С. 62–67.
- Леонова Е. В.* 2014. Предварительные результаты новых исследований пещеры Двойная в Губском ущелье // КСИА РАН. Вып. 236. С. 11–14.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Mesheviliani T., Jakeli N., Bar-Oz G., Boaretto E., Goldberg P., Kvarvadze E., Matskevich Z.*, 2011. Dzudzuana: an Upper Palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia) // *Antiquity*, 85: 331–49.
- Nioradze M. G., Otte M.*, 2000. Paleolithique superieur de Georgie // *L'Anthropologie*, 104. Pp. 265–300.

*Р. Г. Магомедов, Д.-А. А. Хазамов
ООО НПЦ «ДАРС», г. Махачала*

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ КУРО-АРАКСКОЙ К.И.О. В ПРЕДГОРНОМ И ГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ

Настоящий доклад посвящен новым археологическим памятникам эпохи ранней бронзы (далее – РБ), выявленным за последние 15 лет в Горном и Предгорном Дагестане. Всего таких объектов – около 20. Большинство из них представляет собой поселения, что характерно в целом для всей куро-аракской к. и. о., куда входит и великентская культура.

Почти половина новых памятников открыта в результате историко-культурных изысканий ООО НПЦ «ДАРС» на землеотводах. Примерно столько же памятников выявлено в ходе земляных работ без историко-культурной экспертизы. К сожалению, некоторые памятники, ставшие известными в последнее время, в значительной степени разрушены.

Большая часть анализируемых памятников известна по разведочным данным. Исключение составляют поселения: Сугют, на котором в 2007 г. Дербентской археологической экспедицией ИИАЭ ДНЦ РАН (нач. эксп. – М. С. Гаджиев) совместно с ООО НПЦ «ДАРС» проведены предварительные полевые исследования, и Кидилишавни, где в 2002 г. М. Д. Сагитовой был изучен небольшой участок культурного слоя эпохи ранней бронзы.

При картографировании новых памятников (рис. 1) выделяется несколько локальных групп. Первая из них – это три поселения (Эххо Чухари, Кидилишавни и Мокок), расположенные в самой высокогорной части Западного Дагестана (Цумадинский и Цунтинский районы). В этой зоне памятники РБ раньше почти не встречались. Для этих поселений характерна грубовато вылепленная и плохо обожженная керамика, содержащая обильные отошители (крупно размолотые дресва и шамот). Большая часть керамики имеет неровно разглаженную поверхность разных оттенков от охристо-коричневого до черного. На керамике из Кидилишавни отсутствует орнамент. На одном фрагменте имеется ленточная ручка с прямоугольным сечением. Посуда была плоскодонная; полные формы сосудов не сохранились. Для керамики из Эххо Чухари свойственна так же плоскодонность, уступчатые шейки некоторых форм; в музее с. Агвали выставлена часть баночного сосуда отсюда же. Превалирующий оттенок поверхности – черно-коричневый и охристый. На некоторых черепках сохранился узор (отдельные рельефные шишечки и косо врезанные короткие линии). На двух фрагментах видны четкие отпечатки рогожи, что характерно для энеолитической керамики из Горного Дагестана. В большой коллекции разнородной, фрагментированной керамики, собранной местными жителями при самовольных «раскопках» на поселении Мокок, есть несколько типичных форм куро-аракской керамики – одноручная миска, небольшой одноручный горшок с уступчатой шейкой и двуручная чаша с S-образным профилем стенки. Небольшая часть фрагментов имеет узор: наlepные валики, рассеченные округлыми и ногтевидными вдавлениями, вертикальные сплошные врезные штрихи, иногда в сочетании с ногтевидными насечками. Превалирует посуда

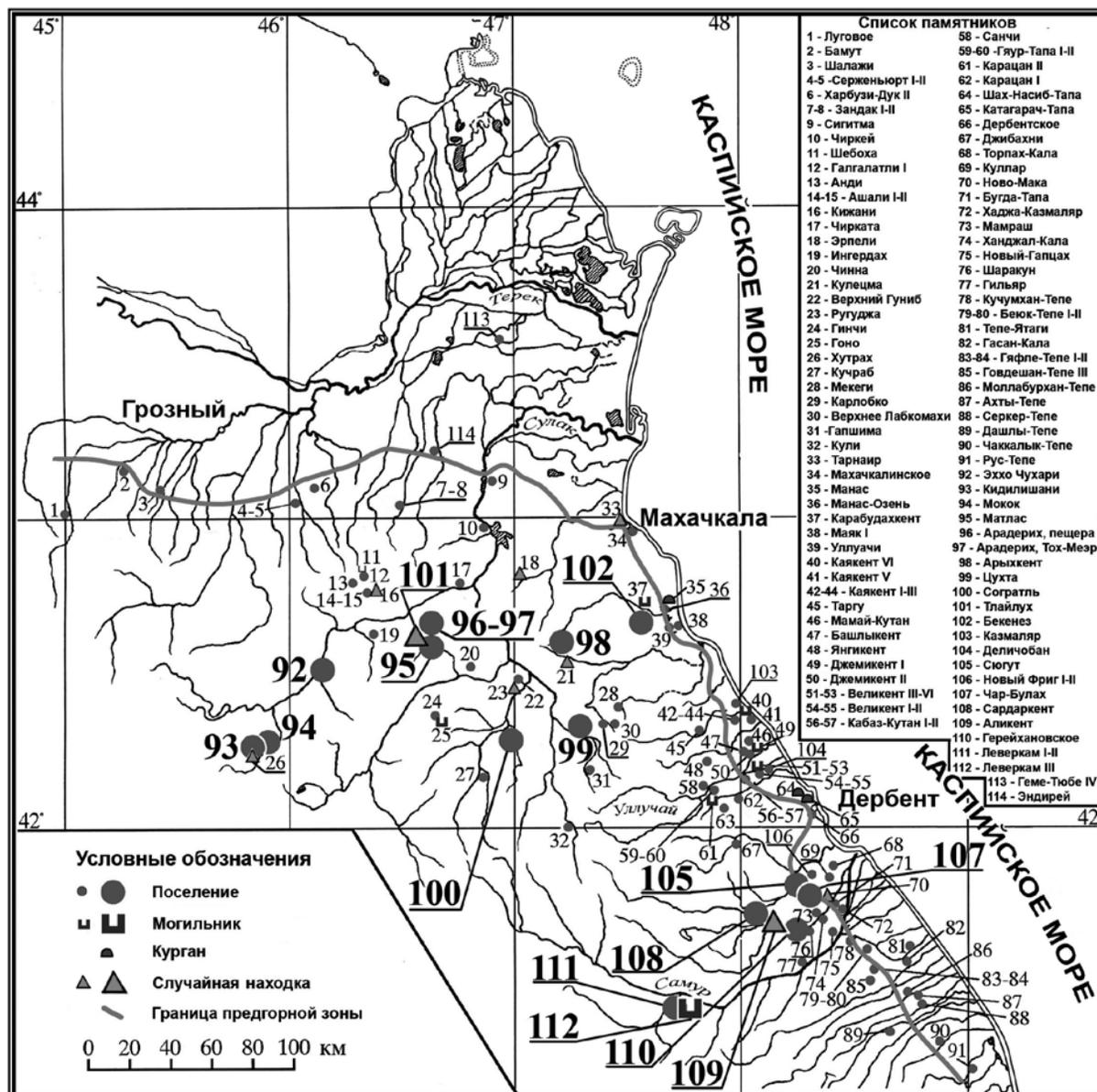

Рис. 1. Карта археологических памятников эпохи ранней бронзы на территории Дагестана

с гладко и грубо заглаженной, пестрой поверхностью. На памятниках этой группы очень редки фрагменты с качественным лощением. В Эххо Чухари отмечено несколько обломков с черной, местами блестящей лощеной поверхностью. На поселениях найдены многочисленные обломки каменных зернотерок, целые и в обломках песты-куранты. В отличие от Эххо Чухари и Мокока, на Кидилишавни совсем не встречен кремьен, но зато много обсидиановых отщепов. На Кидилишавни и Мококе нет следов строительного дела; отмечены отдельные фрагменты турлука. На Эххо Чухари на поверхности чрезвычайно крутого склона, обращенного на север, видны сохранившиеся участки каменных стен (максимальная высота – до 1,2 м) от не менее чем пяти круглоплановых построек диаметром – 5–5,5 м.

Две остальные группы памятников примерно равны по количеству объектов. Вторая объединяет поселения (Матлас, Арадерих, Арыхкент, Цухта и Согратль – Квартух), расположенные (кроме Арыхкента) во внутригорном Дагестане, в бассейне притоков р. Сулак. Уникально месторасположение Арадерихского поселения – на плоской вершине г. Тох-Меэр (2140 м над у. м.). Из всех дагестанских куро-аракских памятников с ним по абсолютной высоте может сравниться только Кидилишавни (2303 м). Матлас и Арадерихская пещера расположены примерно на одной высоте (1760–1780 и 1730 м); Цухта и Квартух также близки в этом отношении (1577 и 1552 м). В отличие от арадерихских, остальные памятники этой группы находятся на относительно крутых склонах гор (Арыхкент, Квартух) или под навесами высоких скальных массивов (Матлас, Цухта). По подъемному материалу два арадерихских объекта близки между собой: для них характерны слабообожженные, сильноокатанные, мелкие фрагменты керамики, часто с пачкающимися поверхностями, охристого, реже черно-коричневого оттенков; редко встречаются лощение и орнаментация (Тох-Меэр – врезные линии и наlepные валики, рассеченные косыми насечками). Из-за фрагментарности трудно восстанавливаются характерные формы сосудов: на Тох-Меэре есть горшочки, миски, банки; в пещере найдена часть хорошо обожженного чернолощеного горшочка с ленточной ручкой. Керамика из Матласа также фрагментирована и частично окатана. Здесь преобладают фрагменты лощеной керамики черно-коричневого цвета с примесями шамота; есть несколько обломков обмазанной керамики.

На трех памятниках этой группы (Арыхкент, Цухта, Квартух) на открытых участках, в обрывах и там, где прошел нож бульдозера (Арыхкент), найдено большое количество битой керамики, среди которой есть много восстанавливаемых форм. На Арыхкентском поселении, например, найдена целая серия (более 10 экз.) разбитых сосудов самых разных форм, типичных для горных памятников: одноручные миски в виде усеченных конусов с прямыми и утолщенными венчиками; чаша с ручками – просверленными выступами; одноручные горшки с уступчатыми шейками; двуручные широкогорлые сосуды-пифосы, а также жаровни. Вместе с сосудами в разрушенном культурном слое найдена и целая очажная подставка («рогатый кирпич») с глубокой ямкой наверху. Для поселений Цухта и Квартух характерна близкая по фактуре плоскодонная посуда с лощеной черно-коричневой, иногда охристой или серой поверхностью. В тесте имеется шамот; черепок в целом хорошо обожжен. На обоих памятниках есть находки фрагментов сковород с вертикальными стенками и сквозными отверстиями вдоль верхнего края.

В третью группу памятников, расположенную в Южном Дагестане, входят поселения Сугют, Чар-Булах, Сардаркент, Герейхановское и ряд объектов в урочище Леверкам – к юго-западу от с. Ахты. Сюда же можно включить и местонахождение керамики Аликент. Выделяется поселение Сугют: по топографии оно близко не к «горным» поселениям, а к бытовым памятникам плоскостного Дагестана; его культурный слой имеет мощные напластования (не меньше 5 м); на памятнике были начаты масштабные раскопки, но, к сожалению, по финансовым причинам не были завершены. Здесь обнаружено большое количество обугленного зерна, целая серия глиняных форм для бронзовых топоров майкопского типа и значительная серия кремневых наконечников стрел. Среди многочисленной

керамической коллекции традиционной куро-аракской посуды имеются фрагменты высококачественной керамики типа Великент II. По месторасположению (на останцах террас) близки к Сюгуту и поселения Чар-Булах и Герейхановское. На Чар-Булахе обнаружены также фрагменты керамики типа Великент II.

Открытие в горном ущелье у с. Ахты памятников РБ стирает «белое пятно» в этой части карты бронзового века Северо-Восточного Кавказа. Поселения Леверкам I-II (1255–1270 м) и могильник Леверкам (1245 м) расположены близко друг от друга на террасах по обе стороны реки, впадающей в р. Ахтынку. Культурный слой основного поселения Леверкам I сильно потревожен эрозией склона, а также впущенными в него средневековыми каменными склепами. В подъемном материале есть фрагменты, позволяющие восстановить формы мисок, банок и горшков с уступчатыми шейками и ленточными ручками. Большой интерес вызывают фрагменты т.н. «текстильной» керамики. В целом для Леверкам характерна плоскодонная, хорошо обожженная лощеная посуда охристо-коричневого и черного оттенков. Орнамент на ней редок.

Анализируя данные вновь выявленных объектов, предварительно их можно разделить по двум хронологическим позициям: 1) памятники ранней группы – поселения Сюгут, Чар-булах и Арадерицкие пещера и поселение (арадерицкая керамика архаична и близка к энеолиту; о времени, близком к концу IV – началу III тыс. до н.э. свидетельствуют фрагменты керамики типа Великент II из Сюгута и Чар-Булаха); 2) остальные памятники относятся к поздней группе (развитый вид керамического производства классических куро-аракских памятников и отсутствие обмазанной посуды).

Такая хронология выявленных памятников в целом соответствует периодизации памятников эпохи РБ Горного Дагестана, сделанной М. Г. Гаджиевым (1991), и дополняет ее: наша вторая группа аналогична ранним памятникам по его схеме; при этом памятники нашей ранней группы могут быть внесены в схему М. Г. Гаджиева дополнительно как самые ранние, сделав ее трехэтапной.

СЕМАНТИКА ФИГУРНЫХ РОГОВЫХ ПРЯЖЕК КАВКАЗСКОЙ ТРАДИЦИИ (ФИНАЛ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ)

В конце III тыс. до н. э. на территории Восточного Предкавказья и Кавказа распространяются роговые кольцевидно-планочные поясные пряжки кавказской традиции (рис. 1, I). Они известны в материалах лолинской, гинчинской и присулакской культур. Отдельная тема исследования – это семантика пряжек. Чаще всего их рассматривали в качестве зооморфных или антропозооморфных изображений без какой-либо конкретизации деталей образов.

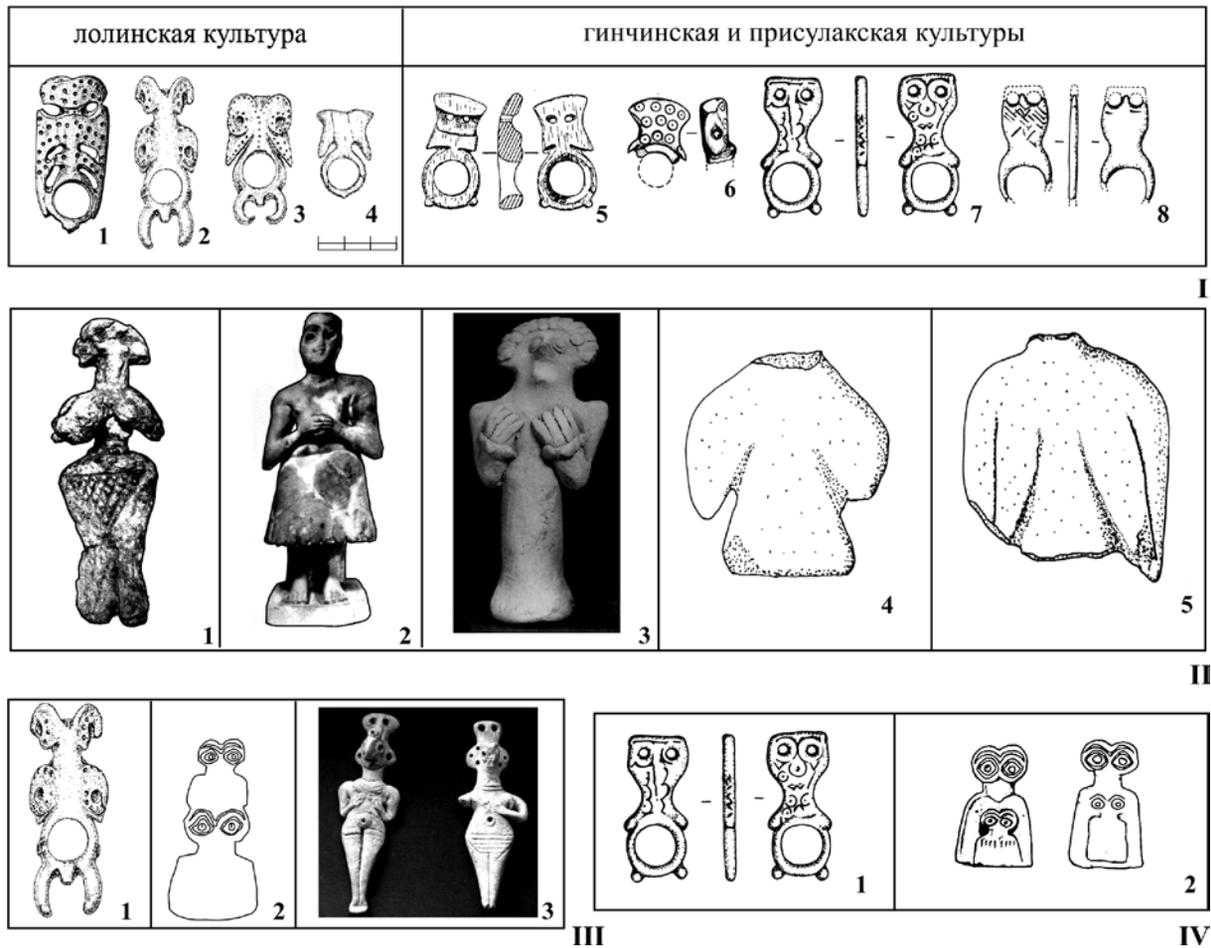
Очевидно, что первичную семантику пряжек можно установить, только рассматривая их в вертикальной позиции. В кавказской серии хорошо опознаются ноги, которые показаны выступами в нижней части кольца (рис. 1, I: 1–4, 5, 7), а в лолинской серии и фаллос – еще один выступ, расположенный между отростками-ногами (рис. 1, I: 1–4). Эта деталь для лолинской серии в семантическом отношении настолько важна, что она сохраняется даже на самой стилизованной пряжке из Черноярской (рис. 1, I: 4). Хорошо на пряжках кавказской традиции опознаются глаза. Их роль играли либо функциональные отверстия для крепления глухого конца ремня (рис. 1, I: 1, 5, 7, 8), либо чисто декоративные округлые углубления, вырезанные на планке (рис. 1, I: 2, 3).

Особый интерес с точки зрения семантики вызывают треугольные (или заоваленные) выступы на планке, направленные вершинами к кольцу. Они присутствуют на всех предметах (рис. 1, I: 2–7), кроме пряжек из Темрты I 2/7 и Гертмы III 6/3 (рис. 1, I: 1, 8). На примере чограйской пряжки (рис. 1, I: 2) на их значение обратила внимание только М. В. Андреева, но она так и не определилась, что это – крылья или руки? Исходя из уже опознанных деталей на пряжках кавказской традиции, логично предположить, что это именно руки. «Крылоподобную» форму эти детали имеют благодаря тому, что на пряжках стилизованно изображена поза адорации, т. е. руки согнуты в локтях под острым углом, а кисти находятся в районе груди. Иными словами, треугольные выступы – это сильно согнутые в локтевых суставах руки (рис. 1, I). Мы легко сможем найти убедительные аналогии подобной «крылоподобности» рук в иконографической традиции изображения адорантов Ближнего Востока (рис. 1, II, III: 3). В качестве серьезного доказательства правильности предложенной интерпретации приведу две каменные фигурки идолов типа Килия, которые представляют собой изображения адорантов из позднеэнеолитического слоя преисторического Афродизиаса в Анатолии. Они имеют те же размеры, что и лолинские пряжки, и уверенно интерпретируются специалистами в качестве стилизованных антропоморфных идолов. У анатолийских изделий в верхней части находятся треугольные выступы, аналогичные по форме тем, что присутствуют у пряжек кавказской традиции. Здесь они названы «руками в виде плавника». На одной из энеолитических фигурок руки показаны просто в виде треугольных выступов (рис. 1, II: 4), как и в наших случаях, а на второй, аналогичной по форме и происходящей из того же слоя, на выступах линией обозначены предплечья, направленные к груди (рис. 1, II: 5).

Казалось бы, выбивается из этого ряда пряжка из Темрты (рис. 1, I: 1), у которой нет этих характерных треугольных выступов, изображающих согнутые в локтях руки, прижатые к груди. Однако, очевидно, что парные нефункциональные дуговидные прорезы в теле пряжки должны быть синонимичны треугольным выступам. Мастер, вырезавший темртинскую пряжку, просто избрал иной прием для того, чтобы показать адоративную позицию фигурки. Парные дуговидные прорезы в нижней части планки (рис. 1, I: 1) рельефно и более реалистично показывают руки (компакта рога между отверстиями и по бокам от них), согнутые в локтях и скрещенные кистями чуть ниже груди. Традиция оформления согнутых рук при помощи отверстий в теле фигуры также известна на Ближнем Востоке и Балканах с энеолита.

Отдельный интерес вызывает пряжка из комплекса Чограй VIII 34/1 (рис. 1, III: 1). Это вообще самое вычурное изделие кавказской традиции. Здесь кроме глаз, рук и фаллоса показан собственно сам пояс по обеим сторонам кольца, а также дополнительная деталь сверху головы, фактически аналогичная нижерасположенным глазам. М. В. Андреева назвала ее «полукруглыми рогами». Ключ к пониманию значения этой детали также находится в материалах мелкой пластики Ближнего Востока. В этом регионе с позднего халколита распространяются культы глазастых идолов (*eye-idols*). Среди этих статуэток для интерпретации чограйской пряжки интерес представляют алебастровые фигурки тела Брак типа 3 (*eye-idols: type 3 – multiple idols*), по типологии М. Маллоуэна. Это статуэтки, которые имеют не одну, а две или даже три пары глаз. Причем в ряде случаев они располагаются в вертикальной позиции друг над другом (рис. 1, III: 2), как на поясной детали из Чограя (рис. 1, III: 1). Интерпретация подобных изделий с двумя парами глаз связана с семейными (муж и жена) или близнечными культами. Известны идолы-адоранты с четырьмя глазами и в более позднее время, в частности, в Месопотамии старовавилонского периода и в материалах тела Умм эль-Марра этого же времени в Западной Сирии (рис. 1, III: 3).

В выборке кольцевидно-планочных изделий необходимо обратить внимание на некоторые факты, которые вносят смысловую градацию внутри серии пряжек кавказской традиции. Речь идет о различиях между лолинскими (рис. 1, I: 1–4) и гинчинско-присулакскими (рис. 1, I: 5–8) поясными деталями. У всех раннелолинских пряжек имеется выступ в центре нижней части кольца, который следует интерпретировать не иначе, как фаллос. Из четырех северокавказских пряжек только две сохранили полную форму (рис. 1, I: 5, 7), но ни у одной из них нет этой значимой для лолинских изделий детали, хотя стилизованные ноги показаны характерными выступами. Заманчиво было бы предположить, что в таком случае гинчинско-присулакские пряжки передают также антропоморфный образ, так как у них присутствует ряд характерных деталей, что и у лолинских, но женский. Ключевой при такой интерпретации является изделие из комплекса Гертма III 5/1 (рис. 1, IV: 1), на котором ниже хорошо опознающейся личины присутствуют те же элементы, которые есть на лице фигурки: окружности, выполненные в циркульной технике и угол. М. Маллоуэн выделяет среди алебастровых статуэток тела Брак тип 4 (*mother and child idols*), когда маленький идол (детский) заключен в теле материнского идола (рис. 1, IV: 2). В таком случае и гертминскую фигурку-пряжку (рис. 1, IV: 1), вероятно, следует рассматривать в качестве

Рис. 1. Фигурные кольцевидно-широкопланочные роговые пряжки кавказской традиции и ближневосточная мелкая пластика:

I – фигурные кольцевидно-широкопланочные роговые пряжки ленинградской, гинчинской и присулакской культур (1 – Темрта I к. 2 п. 7; 2 – Чограй VIII к. 34 п. 1; 3 – Кевюды I к. 3 п. 5; 4 – Чернаярская к. 3 п. 10; 5 – Ирганайский к. 1 п. 1; 6 – Ирганайской пос.; 7 – Гертма III к. 5 п. 1; 8 – Гертма III к. 6 п. 3); II – ближневосточная мелкая пластика (1 – Аладжахеюк (Иран, вторая пол. III тыс. до н.э.); 2 – бассейн р. Дияла, третий раннединастический период (Месопотамия, 2500–2315 BC); 3 – Сирия (1700 BC); 4 – идолы типа Килия (позднеэнеолитический слой Афродизиаса в Анатолии)); III – чограйская роговая пряжка и скульптуры глазастых богинь (eye-idols) из Месопотамии (1 – роговая пряжка из погребения п. 1 к. 34 мог. Чограй VIII; 2 – алебастровый глазастый идол (Eye-Idols) из тела Брак (XXX в. до н.э., Урук III–Джемдет-Наср); 3 – терракотовые статуэтки глазастых богинь старовавилонского периода (1900–1750 BC, Месопотамия)); IV – роговая пряжка из п. 1 к. 5 мог. Гертма III присулакской культуры (Северо-Восточный Кавказ, XXII–XXI вв. до н.э.) (1) и изображения беременных богинь из тела Брак (XXX в. до н.э., Урук III–Джемдет-Наср) (2)

изображения беременной женщины. Отсутствие фаллоса, вторая личина в теле фигурки (беременность) позволяют видеть в гинчинско-присулакских пряжках, по крайней мере, в изделиях их комплексов Ирганайский 1/1 и Гертма III 5/1 (рис. 1, I: 5, 7), изображения женщин-адорантов. Это подтверждает и вертикальная волна на задней стороне гертминской поясной детали (рис. 1, IV: 1). В свете

всего вышесказанного весьма вероятно, что здесь показана прическа в виде косы. Отчасти подтверждают такое предположение и данные антропологии. Все лолинские фаллические пряжки обнаружены в погребениях взрослых мужчин, в то время как присулакские пряжки обнаружены в погребениях детей.

Таким образом, роговые фигурные пряжки кавказской традиции являются полностью антропоморфными. На большинстве из них хорошо опознаются голова, глаза, руки и ноги. Они передают образ стоящего индивида, руки которого находятся в позе адорации. В среде скотоводческой лолинской культуры пряжки имели ярко выраженную фаллическую символику и, безусловно, передавали мужской образ. В гинчинской и присулакской культурах, у которых хорошо фиксируется земледельческо-скотоводческий уклад с соответствующими культурами, вероятно, есть пряжки, изображающие адорантов-женщин, и пока не найдены изделия, которые достоверно можно интерпретировать в качестве мужских фигурок.

Н. А. Мусебли

Института археологии и этнографии НАН Азербайджана, г. Баку

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ПАМЯТНИКОВ ЛЕЙЛАТЕПИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Позднехалколитическая лейлатепинская культура возникла в начале IV тыс. до н.э. в результате миграций на Южный Кавказ племен из Восточной Анатолии – Северной Месопотамии. Памятники этой культуры изучены, в основном, на территории Азербайджана – в Гарабахе (пос. Лейлатепе, Чинартепе, Фармантепе и др.), в среднем бассейне Куры (пос. Беюк Кесик, Пойлу, кург. Союгбулаг и др.), на Мугани (пос. Алхантепе, Мишарчай и др.) и у подножий Большого Кавказа (кург. Сеидли, пос. Галаери).

Несмотря на то что поселения лейлатепинской культуры дали достаточно богатые многочисленные археологические артефакты (высококачественная керамика, разнотипные каменные орудия, металл и предметы металлургии), костяные изделия очень скудны. Выявленные артефакты неравномерно распределены по указанным памятникам. С некоторыми исключениями костяные изделия лейлатепинской культуры представлены находками поселений Беюк Кесик и Галаери. И эти находки, по сравнению с аналогичными материалами предшествующих периодов (VI–V тыс. до н.э.), малочисленны. В Беюк Кесик обнаружены чуть более 50, в Галаери – около 30 костяных орудий труда.

По типологическому составу костяные орудия труда памятников лейлатепинской культуры представлены шильями, иглками, булавками, пряслицами и др. Особенно многочисленны разнообразные шилья.

В Беюк Кесик обнаружено 34 шила, в Галаери – несколько. Шилья изготовлены из трубчатых костей крупного и мелкого рогатого скота. При их изготовлении из трубчатых костей мелкого рогатого скота на одном конце орудия старались сохранить верхнюю часть, которая служила упором для ладони в процессе работы.

В Беюк Кесик и Галаери обнаружены иглы длиной от 5 до 12 см, гладкие и отшлифованные в результате долгого использования (рис. 1, 1–3). В верхнем, ушковидном конце этих игл имеется сквозное отверстие. Иглы редко встречаются на поселениях шомутепинской культуры Гянджа-Газахской области (*Нафиманов*, 1987). Большое количество игл обнаружено на поселениях Имирис-Гора, Арухло, Храмис Диди-Гора в восточной Грузии (*Джапаридзе*, 1989).

Булавки (рис. 1, 4–7), одинаковые по форме и размерам с иглами, выявлены на поселениях Лейлатепе, Беюк Кесик и Галаери. Однако в них отсутствуют отверстия в середине ушкообразного конца. Так же, как и иглы, булавки отшлифованы в результате долгого использования. Булавки с ушковидными навершием происходят именно из памятников данной культуры, что дает основание классифицировать их как «булавки лейлатепинского типа».

Костяные предметы, заостренные с двух концов, обнаружены в Беюк Кесик (рис. 1, 8, 9). Поверхность этих округлых в сечении предметов хорошо отшлифована вследствие долгого использования. В данное время трудно сказать что-либо определенное о назначении этих предметов, но, вероятно, они использовались

в качестве булавок. Названные изделия отличаются от других костяных орудий меньшими размерами. Такие костяные предметы обнаружены в энеолитических памятниках Кюльтепе I (*Абибуллаев, 1982*), Иланлытепе (*Нафиманов, 1987*) в Азербайджане, Шулаверис – Гора, Имирис Гора, Арухло в Грузии (*Джапаридзе, 1989*).

Среди остроконечных предметов, выявленных в Беюк Кесик, привлекает внимание предмет с сосцевидным концом (рис. 1, 10). Его верхняя часть в сечении круглая, а кончик утолщен и имеет прямоугольно-овальное сечение. Мысль об использовании таких предметов в качестве шильев не подтверждается аналогичными находками с поселения Беюк Кесик, имеющими утолщенную, сосцевидную форму. С другой стороны, в отличие от других отшлифованных костяных предметов поверхность этого предмета не гладкая, что позволяет предположить, что это наконечник стрелы. Аналогичные по форме предметы выявлены на поселении Чалагантпе (*Нафиманов, 1987*).

В Галаери обнаружен предмет длиной 10,5 см из трубчатой кости мелкого рогатого скота с гладкой поверхностью (рис. 1, 11). Идеальное состояние этого целого орудия, отсутствие на нем каких-либо повреждений создает впечатление, что это орудие вообще не использовалось. Один конец орудия наполовину аккуратно срезан, на второй половине имеется отверстие диаметром 0,5 см. Установить точное функциональное назначение орудия крайне трудно. Ближайшие аналогии этого артефакта известны из XII–XV слоев поселения Тепа-Гавра, где А. Тоблер определил их как музыкальный инструмент (*Tobler, 1950*). Можно предположить, что изделие из Галаери также является древним музыкальным инструментом. Этим можно объяснить и столь хорошую сохранность этого предмета.

Привлекает внимание часть предмета из трубчатой кости с Беюк Кесик (рис. 1, 12). Предмет охвачен пятью параллельными нарезными кольцами, выполненными острым орудием. Интересно, что расстояния между этими линиями почти одинаковые. Трудно определить функциональное назначение этого артефакта, изготовленного из ребра, имеющего аналогию с изделием из энеолитического слоя Кюльтепе I. В средней части этого предмета также сделаны врезные линии (*Абибуллаев, 1982*).

В Галаери обнаружены несколько лоцил хорошей сохранности. Все они изготовлены из ребер мелкого рогатого скота (рис. 1, 13). Рабочий конец этих орудий очень гладкий и отшлифован с обеих сторон.

В Лейлатепе и Беюк Кесик обнаружены по два костяных пряслица. Относительно много пряслиц выявлено в Галаери. Все они изготовлены из эпифизов крупного рогатого скота и в профиль имеют полушаровидную форму (рис. 1, 14–16). Вокруг центрального отверстия у одного пряслица из Лейлатепе имеются симметрично расположенные четыре выемки (рис. 1, 14). Пряслица широко применялись в период ранней бронзы Южного Кавказа.

Костяные орудия труда памятников лейлатепинской культуры свидетельствуют о высоком развитии техники обработки кости на заключительном этапе развития земледельческо-скотоводческой культуры. На последующем этапе, в период ранней бронзы, число костяных орудий труда сократилось. Уменьшение числа костяных шильев в горизонтах эпохи ранней бронзы Кюльтепе I, по сравнению с горизонтами энеолитического периода, О. А. Абибуллаев объясняет тем, что в тот период они были заменены бронзовыми шильями (*Абибуллаев, 1982*).

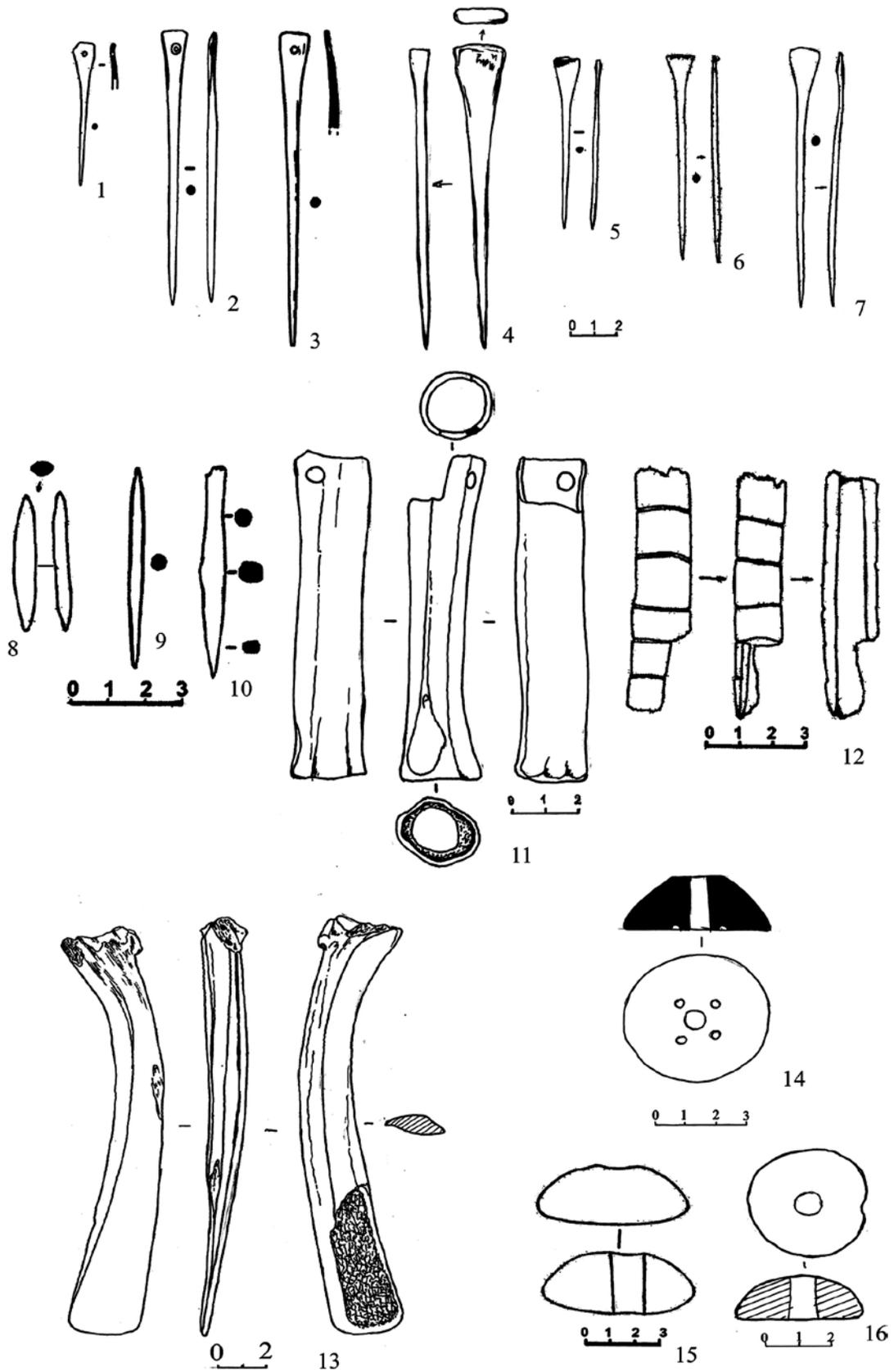

Рис. 1. Костяные орудия памятников лейлатепинской культуры

Интересно, что на поселении Лейлатепе было выявлено всего несколько костяных орудий труда. Исследователи объясняют это широким применением металла в быту и в производстве в период позднего энеолита (Алиев, Нариманов, 2001). Однако раскопки на поселениях лейлатепинской культуры не подтверждают эти предположения. В Беюк Кесик и Галаери выявлено большое количество и костяных, и металлических орудий труда того периода. В другом поселении этой культуры – Пойлу II наблюдается совершенно другая картина: здесь обнаружено всего одно костяное и несколько металлических орудий. В этом аспекте большой интерес представляет поселение Серкертепе в северо-восточном Азербайджане, в культурном слое эпохи ранней бронзы которого выявлено большое количество как металлических, так и костяных орудий труда (Мусаев, 2006). По всей видимости, количественное различие костяных и металлических орудий каждого памятника лейлатепинской культуры было связано с хозяйственной деятельностью обитателей этих поселений.

Литература

- Абибуллаев О. А., 1982. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку.
- Алиев Н. Г., Нариманов И. Г., 2001. Культура Северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. Баку.
- Джапаридзе О. М., 1989. На заре этнокультурной истории Кавказа. Тбилиси.
- Мусаев Д., 2006. Серкертепе – поселение эпохи ранней бронзы. Баку.
- Нариманов И. Г., 1987. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку.
- Tobler A., 1950. Excavations at Tepe-Gavra. Vol. II. Philadelphia.

А. Г. Недомолкин
Национальный музей Республики Адыгея, г. Майкоп

РАЗВИТИЕ ТЕХНИКИ РАСЩЕПЛЕНИЯ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ КАВКАЗА И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Современные результаты изучения позволяют говорить, что основные культурные и хронологические параметры верхнего палеолита Кавказа имеют аналогии в индустриях Юго-Западной Азии (Голованова, 2000; *Golovanova et al.*, 2010; *Bar-Yosef et al.*, 2011). Новые данные подтверждают выводы С. Н. Замятни-на (1935), А. А. Формозова (1965), Н. О. Бадера (1984), которые отмечали аналогии на Ближнем Востоке.

Результаты исследований за последние годы на ключевых стоянках: Мезмайская пещера (Северо-Западный Кавказ), пещера Дзудзуана и навес Ортвале Клде (Юго-Западный Кавказ) позволяют говорить, что ранний верхний палеолит появляется на Кавказе около 39–38 тыс. л. н. как полностью сформировавшаяся культура, близкая раннему ахмариену Леванта (*Golovanova, Doronichev*, 2012). На пути миграции с юга на север указывает транспортировка обсидиана: в Грузию из Анатолии (Ортвала Клде), а на Северо-Западный Кавказ (Мезмайская) – с юга Грузии (*Doronicheva, Shekley*, 2014).

Наиболее ранние индустрии ахмариена в Леванте датируется 43–38 тыс. л. н. Технология расщепления в ахмарских индустриях направлена на получение пластин и пластинок с одноплощадочных призматических и торцовых нуклеусов. Важной особенностью техники скола является использование прямого удара, преимущественно твердым отбойником. Отмечается также использование нескольких типов отбойников, в частности, мягкого каменного отбойника (*Davidzon, Goring-Morris*, 2003). Характерной особенностью ахмарских индустрий является изготовление скребков и резцов на технических сколах и отщепах. Преобладают пластинки с лицевой ретушью, редкие ППК, острия эль-вад, пластины с тонкой, краевой, полукрутой ретушью (*Belfer-Cohen, Goring-Morris*, 2007).

Индустрии раннего верхнего палеолита Кавказа демонстрируют одновременно общее сходство и региональные особенности, по сравнению с другими регионами Юго-Западной Азии. В основе каменной индустрии лежит пластинчатая технология расщепления кремня, направленная на получение пластин, пластинок и микропластинок. Изучение техники скола в ранних слоях Мезмайской пещеры обнаруживает высокую относительную толщину пластинчатого компонента. Как предполагают экспериментаторы, видимо, это связано с технологическим ограничением ударной техники скола. Пластины, пластинки и микропластинки, полученные в ударной технике скалывания имеют большую среднюю толщину и более вариабельны по толщине, чем сколы, полученные в технике отжима (*Поплевко*, 2007). Одинаковая вариабельность размеров пластин с гладкой и точечной ударной площадкой в проанализированных коллекциях также косвенно указывает на использование только ударной техники скола.

Самой многочисленной категорией каменных орудий в раннем верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа являются пластинки с притупленным

краем. Острия представлены несколькими типами: острия граветт, игловидные острия, острия с симметричной ретушью. Доля скребков и резцов невелика, долотовидные орудия единичны. Особенно следует отметить использование в качестве заготовок для скребков и резцов технических сколов, что также характерно для ахмарских индустрий (*Golovanova, Doronichev, 2012*).

В настоящее время большинство исследователей верхнего палеолита Кавказа разделяют его на два периода – до и после максимума последнего оледенения, которое было предложено Х.А. Амирхановым (1994). Также он отметил применимость характеристик имеретинской культуры, которая была определена Г.П. Григорьевым (1977), к индустриям после максимума последнего оледенения. Этот период в разное время определяли по-разному.

Сейчас большинство исследователей на Южном Кавказе определяют верхнепалеолитические индустрии региона, датирующиеся после максимума последнего оледенения и содержащие острия микро-граветт как кавказский вариант эпиграветта Европы (*Bar-Yosef et al., 2011*). Однако на Кавказе острия микро-граветт и граветт появляются раньше, чем в Европе, а также на Кавказе имеются многочисленные геометрические микролиты. Поэтому в обобщающей работе по Кавказу Л.В. Головановой и В.Б. Дороничевым (2012) используется термин «эпипалеолит», следуя периодизации верхнего палеолита Западной Азии. Наличие в эпипалеолитических комплексах Северо-Западного Кавказа острий с боковой выемкой демонстрирует связь с памятниками Западной Грузии, а раннее появление геометрических микролитов в интервале от 15 до 14 тыс. л. н. показывает сходство с эпипалеолитическими культурами Ближнего Востока. Техника расщепления основывалась на скалывании пластинчатых заготовок с призматических нуклеусов. Активное перемещение обсидианового сырья с юга Грузии на Северный Кавказ (Мезмайская, слой 1–3; Касожская пещера) подтверждает наличие контактов населения этих регионов (*Doronicheva, Shekley, 2014*).

Изучение техники скола (*Недомолкин, 2015*) в материалах эпипалеолитического слоя 1–3 Мезмайской пещеры показывает, что размеры сколов не выходят за пределы, определенные экспериментально для техники отжима (*Pelegrin, 2012*). Кроме того, меньшая вариабельность сколов, имеющих точечную ударную площадку, по сравнению со сколами с гладкой ударной площадкой, может служить дополнительным аргументом в пользу предположения о применении техники отжима (*Поплевко, 2007*). Уменьшение относительной толщины скола так же говорит о возможном использовании техники отжима. В настоящее время наиболее раннее использование техники отжима для получения пластинок известно в Японии около 20 тыс. л. н. (*Takakura, 2012*). К сожалению, данные для индустрий Южного Кавказа в настоящее время не опубликованы.

Имеющиеся на сегодняшний день данные свидетельствуют о существенных изменениях в пластинчатом расщеплении верхнего палеолита на Кавказе. Они могут быть интерпретированы как результат постепенного развития техники скола: переход от прямого ударного скалывания к расщеплению в технике отжима, что отразилось в увеличении средней ширины скола и уменьшении относительной толщины.

Литература

- Амирханов Х. А., 1986. Верхний палеолит Прикубанья. М. 113 с.
- Амирханов Х. А., 1994. К проблеме эволюции и периодизации верхнего палеолита Западного Кавказа // РА. № 1. С. 9–24.
- Бадер Н. О., 1984. Поздний палеолит Кавказа // Палеолит СССР. Археология СССР. М. С. 272–301.
- Голованова Л. В., 2000. Рубеж среднего и позднего палеолита на Северном Кавказе // *Stratum plus*. № 1. С. 158–177.
- Голованова Л. В., Доронищев В. Б., 2012. Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // Первобытные древности Евразии. К 60-летию А. Сорокина. М. С. 59–102.
- Замятин С. Н., 1935. Новые данные по палеолиту Закавказья // Советская этнография. М.-Л.
- Недомолкин А. Г., 2015. Некоторые аспекты расщепления каменного сырья в эпипалеолите Северо-Западного Кавказа (по материалам Мезмайской пещеры) // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар. С. 181–186.
- Поплевко Г. Н., 2007. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб. 388 с.
- Формозов А. А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М. 160 с.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Mesheviliani T., et. al., 2011. Dzudzuana: an Upper Palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia) // *Antiquity* 85. P. 331–349.
- Belfer-Cohen, A., Goring-Morris N., 2007. The shift from the Middle Palaeolithic to the Upper Palaeolithic: Levantine perspectives // *The Mediterranean from 50,000 to 25,000 bp: Turning Points and New Directions*. Oxford: Oxbow.
- Davidzon A., Goring-Morris N., 2003. Sealed in Stone: The Upper Palaeolithic Early Ahmarian Knapping Method in the Light of Refitting Studies at Nahal Nizzana XIII, Western Negev, Israel // *Journal of The Israel Prehistoric Society*. Vol. 33. P. 75–205.
- Doronicheva E. V., Shackley M. S., 2014. Obsidian exploitation strategies in the Middle and Upper Paleolithic of the Northern Caucasus: New data from Mezmaiskaya cave // *PaleoAnthropology*.
- Golovanova L. V., Doronichev V. B., Cleghorn N. E., 2010. The emergence of bone-working and ornamental art in the Caucasian Upper Palaeolithic // *Antiquity*. Vol. 84. P. 299–320.
- Golovanova L. V., Doronichev V. B., 2012. The Early Upper Paleolithic of the Caucasus in the West Eurasian Context // *The Aurignacian of Yafteh Cave and Its Context*. Liege. P. 137–160.
- Golovanova L. V., Doronichev V. B., Cleghorn N. E. et. al., 2014. The Epipaleolithic of the Caucasus after the Last Glacial Maximum // *Quaternary International* 337, P. 189–224.
- Pelegrin J., 2012. New Experimental Observations for the Characterization of Pressure Blade Production Techniques // *The Emergence of Pressure Blade Making*. Springer New York. P. 465–501.
- Takakura J., 2012. Emergence and Development of the Pressure Microblade Production: A View from the Upper Paleolithic of Northern Japan // *The Emergence of Pressure Blade Making*. P. 284–306.

ДАТИРОВКА СТОЯНКИ ЭПОХИ ОЛДОВАНА МУХКАЙ ПА (ДАГЕСТАН)¹

Стоянка Мухкай Па находится в среднегорной зоне Внутреннего Дагестана. В административном отношении это Акушинский район Республики Дагестан. Мухкай Па приурочен к раннеплейстоценовым отложениям, слагающим чехол водораздела рек Акуша и Усиша, и является частью многослойного памятника Мухкай II. Высота поверхности водораздела составляет 220 м над урезом р. Акуша. Общая же мощность культурных отложений Мухкай II насчитывает 73 м и включает 129 литологических слоев, в 35 из которых был обнаружен археологический материал. Геологический возраст памятника охватывает практически весь ранний плейстоцен (~2,0–0,9 млн. л. н.) (Амирханов, 2016). Раннеплейстоценовые отложения залегают здесь непосредственно на меловых известняках.

Стоянка Мухкай Па погребена в средней части культуросодержащей толщи на глубине 37,7–39 м от условного нулевого уровня. Абсолютная высота ее составляет 1580 м над у.м. Археологические раскопки на памятнике проводились в 2013–2015, 2017 гг.

Всего раскопками вскрыта площадь 42 кв.м. В результате было обнаружено три культурных слоя (слои 2013–1, 2013–2, 2013–3), где в едином стратиграфическом контексте были выявлены обработанные кремневые изделия и кости животных. Находки приурочены к экспонируемым в древности поверхностям и непереотложенны. Все культурные слои представляют собой древние уровни обитания первобытного человека, причем каждый из этих уровней запечатлел единовременное либо ограниченное во времени пребывание здесь древнего homo. Мощность каждого из культурных слоев от 5 до 10 см. Они разделены между собой стерильными горизонтами суглинка (Ожерельев, 2016). Коллекция кремневых изделий во всех слоях немногочисленна. Всего находок насчитывается 550 ед. Среди них единичные нуклеусы, желваки и обломки со сколами, чопперы, орудия с ретушью (скребло, скребки, отщепы с ретушью), отщепы, обломки, чешуйки. В целом для инвентаря всех трех слоев фиксируется схожий типологический состав. Имеющийся материал в целом типичен для индустрий эпохи олдована. Стоянка Мухкай Па определяется как место, где в прибрежной части водоема (озера, лимана) происходила добыча и разделка туш животных (butchering site) (Amirkhanov et al., 2016).

Одним из важнейших вопросов является датировка стоянки. Для датировки времени бытования стоянки использовался комплекс методов. В частности, применялись палеомагнитный метод, палеонтологический сравнительный метод по крупным и мелким млекопитающим, метод ЭСР (электронно-спинового резонанса). Важнейшим принципом являлись корреляция и взаимная проверяемость данных, полученных этими методами.

Общая геологическая характеристика определяет, что Левашинская и Акушинская платообразные поверхности соответствуют предверхнеапшеронскому

---

¹ Работа выполнена при поддержке грантом РФФИ №17-06-00116-а.

времени (*Варданянц*, 1948; *Амирханов*, 2007), т. е. относятся к раннеплейстоценовому времени. Непосредственно у с. Акуша эти отложения сохранились в виде останцовой гряды, к которой и приурочены памятники раннего палеолита Мухкай I–II, Гегалашур I–III, Айникаб 1–4.

Палеомагнитные исследования позволили подтвердить и существенно уточнить временные рамки формирования толщи памятника Мухкай II. Согласно этим исследованиям отложения памятника имеют обратную намагниченность, что соответствует палеомагнитной эпохе Матуяма (2,6–0,8 млн. л. н.). В рамках самой толщи стоянок Мухкай II были обнаружены два положительных эпизода (глубины 7–12 м и 26,5–27 м), которые наиболее вероятно соответствуют положительным эпизодам Харамилло (1,07–0,99 млн. л. н.) и Олдувей (1,95–1,78 млн. л. н.), либо, что менее вероятно, Гилса (1,68 млн. л. н.). Стоянка Мухкай Па находится в разрезе ниже последнего эпизода. Следовательно, возраст стоянки оценивается древнее 1,95 млн. л. н. Палеомагнитные шкалы были также получены и для других стоянок раннего палеолита Мухкай I и Айникаб I, расположенных поблизости от Мухкай II. Стратиграфические и палеомагнитные колонки всех трех памятников достаточно четко коррелируются между собой. Поэтому данные, касающиеся палеореконструкций, датировок и т. д., имеющиеся для той или иной пачки либо слоя, могут быть с пояснениями применимы к другой стоянке. Такой подход касается и абсолютных датировок. Исходя из этого, оценку возраста стоянки Мухкай Па косвенно подтверждает абсолютная ЭСР-дата, имеющаяся для стоянки Айникаб I. Дата была получена по зубной эмали зуба лошади Стенона, обнаруженного в слое 11, который в стратиграфическом разрезе стоянки расположен выше эпизода, интерпретируемого как Олдувей. Она равняется $\sim 1,5 \pm 0,3$ млн. л. н. (*Ahmed et al.*, 2010; *Тесаков и др.*, 2017).

Не исключен и другой вариант датировки толщи Мухкай II. В частности, при интерпретации верхнего положительного эпизода в качестве Олдувея, а нижнего в качестве эпизода Реюньон (2,16–2,14 млн. л. н.) возраст всей толщи будет находиться практически полностью в рамках гелазского яруса (2,58–1,8 млн. л. н.) (*Тесаков, Ожерельев*, 2017). Однако такое объяснение требует дополнительной аргументации. Даже при таком подходе место стоянки Мухкай Па в хроностратиграфической шкале остается неизменным и подтверждается конкретными и многосторонними биостратиграфическими данными.

В ходе раскопок на стоянке была собрана богатейшая фаунистическая коллекция, насчитывающая около 3000 ед. (коллекция из слоя 2013–3 находится еще в стадии препарирования). На данный момент были определены следующие виды животных: *Canis etruscus*, *Vulpes alopecoides*, *Pliocrocuta perrieri*, *Lynx issiodorensis*, *Acinonyx pardinensis*, *Archidiskodon meridionalis*, *Equus (Allohippus) stenonis*, *Libralces gallicus*, *Eucladoceros senezensis*, *Gazellospira torticornis*, *Gazella bouvrinae*, *Gallogoral meneghinii*, *Crustacea* (определения М. В. Саблина, ЗИН). Комплекс этой фауны находит близкие параллели с материалами стоянки Мухкай II, слой 80 (*Саблин и др.*, 2013), а также с раннеплейстоценовыми фаунами Северо-западного Кавказа и Закавказья (*Gabunia L. et al.*, 2010). Комплекс крупной фауны Мухкай Па соответствует времени 2,1–1,7 млн. л. н.

На этот же возраст указывают и находки мелких животных. Известно, что зубы грызунов дают достаточно точную палеогеографическую реконструкцию

древних ландшафтов, а в случае с раннеплейстоценовыми памятниками имеют важное хронологическое значение. Среди выявленных костных останков из слоя 2013-2 были определены остатки землеройки – *Soricidae* gen., зайца – *Leporidae* gen., мыши – *Muridae* gen., слепушонки – *Ellobius (Bramus) ex gr. primigenius* Savinov и мимомисной полевки *Pitymimomys pitymyoides* (Тесаков, 2004; Тесаков, Ожерельев, 2017). Данная микротериофауна из стоянки Мухкай Па датируется поздним акчагылом и региональной зоной MNR1. Возраст ее оценивается не моложе 1,7 млн. л. н., а наиболее вероятно – древнее 2 млн. л. н. Палеонтологические данные из стоянки Мухкай Па совпадают с данными по фауне из стоянки Мухкай II, слой 80.

Таким образом, принимая во внимание весь комплекс данных, время обитания стоянки Мухкай Па очерчивается в рамках первой половины раннего плейстоцена. В соответствии с международной хроностратиграфией – это конец гелазского – начало калабрийского ярусов раннего плейстоцена. Согласно стратиграфической схеме Черноморско-Каспийского бассейна возраст стоянки охватывает конец акчагыльского – начало апшеронского ярусов. В абсолютных цифрах стоянка датируется временем от 2,1 до 1,7 млн. л. н.

Литература

- Амирханов Х. А., 2007. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. Предварительные результаты. М.
- Амирханов Х. А., 2016. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала.
- Варданянц Л. А., 1948. Постплиоценовая история Кавказско-Черноморско-Каспийской области. Ереван.
- Ожерельев Д. В., 2016. Исследования раннеплейстоценового памятника Мухкай II в Дагестане // XXIX Крупновские чтения. Грозный.
- Саблин М. В., Амирханов Х. А., Ожерельев Д. В., 2013. Стоянка эпохи олдована Мухкай II: палеонтологические данные к датировке и реконструкции природного окружения // РА. № 4.
- Тесаков А. С., 2004. Биостратиграфия среднего плиоцена – эоплейстоцена Восточной Европы (по мелким млекопитающим). М.
- Тесаков А. С., Ожерельев Д. В., 2017. Мелкие млекопитающие раннепалеолитического памятника Мухкай Па (Дагестан, Россия) и их стратиграфическое значение // Фундаментальные проблемы квартала: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Материалы X Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Москва 25–29 сентября 2017 г. М.
- Тесаков А. С., Амирханов Х. А., Ожерельев Д. В., 2017. К датировке стоянки олдована Мухкай Па в Дагестане // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 75.
- Ahmed I. J., Blackwell, B. A. B., Cho E. K., Chen, S., Amirkhanov, H. A., et al., 2010. ESR dating an Oldowan site in Dagestan, Southern Russia: exploring the earliest Hominid migration into Eurasia // GSA Annual Meeting. 31 October – 3 November 2010. Denver, Colorado USA.
- Amirkhanov H. A., Ozherelyev D. V., Alexandrova O. I., et al., 2016. Cut marks on the bone of Equus (Allohippus) stenorhinus and traces of utilization on the stone tool from the Oldowan site Muhkai Pa in the North Caucasus // Conference: Homo erectus 100+25. International Senckenberg Conference, Tbilisi, Georgia.
- Gabunia L., Vekua A., Lordkipanidze D., et al., 2000. Current research on the hominid site of Dmanisi // ERAUL.

Н. В. Панасюк

Российский университет дружбы народов, г. Москва

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЗАПАДНО- И ВОСТОЧНОМАНЫЧСКОЙ КАТАКОМБНЫХ КУЛЬТУР

Различия в погребальном обряде восточно- и западноманычской катакомбных культур (далее – ВМКК и ЗМКК) прослеживаются по многим позициям: могильное сооружение, поза погребенного, состав сопровождающего инвентаря (*Власкин, 2010*). В целом, категории, форма и орнаментация вещей, найденных в захоронениях, очень сходны. При отсутствии принципиальных типологических различий артефактов перспективным может оказаться их статистико-сопоставительный анализ. В большинстве случаев в погребениях ВМКК и ЗМКК содержится от одного до нескольких десятков разнообразных предметов, безынвентарными являются около 30% восточноманычских и около 10% западноманычских захоронений. Керамика как наиболее распространенная категория в комплексах обеих культур встречается практически в каждом погребении, в трети случаев она является единственной категорией инвентаря, при том, что число керамических изделий в комплексе может варьироваться от 1 до 5.

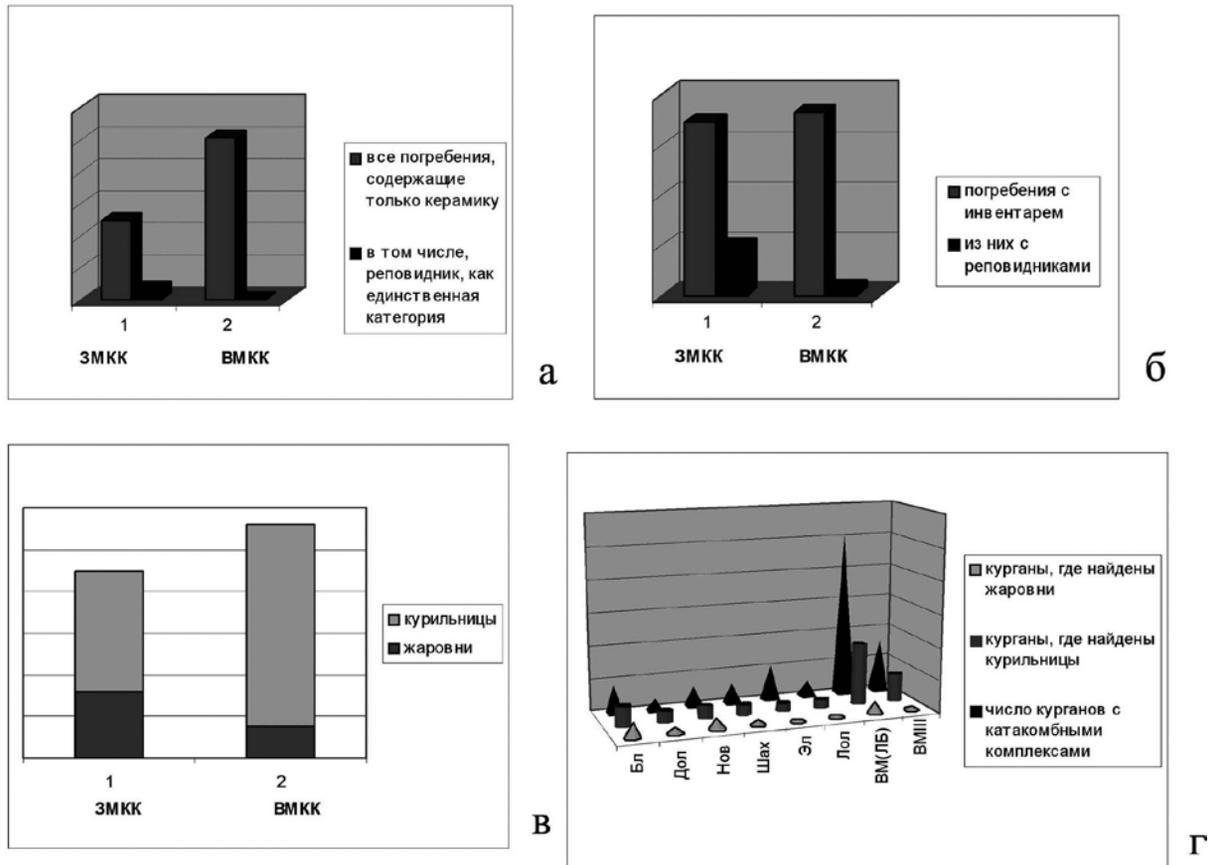
Стандартными формами катакомбной керамики в ареале рассматриваемых культур являются баночные сосуды, горшки, сосуды с одной или двумя ручками. В погребениях ЗМКК такие сосуды иногда могут быть единственными предметами или встречаются в сочетании с металлическими орудиями и украшениями, каменными предметами, курильницами. Захоронения ВМКК, которые характеризуются обедненным набором инвентаря, в половине случаев содержат только сосуды.

Самыми яркими формами катакомбной керамики манычских культур являются реповидные сосуды и курильницы. Распространение этих видов посуды в ЗМКК и ВМКК неравномерно. В ЗМКК реповидные сосуды более многочисленны и разнообразны (*Панасюк, 2010а*). Только здесь они встречены в могилах как единственная категория инвентаря (рис. 1, *а*); в 4,5% случаев они образуют пару с курильницей; в комплексе с другими артефактами они встречены практически в каждой курганной насыпи. В памятниках ВМКК реповидный сосуд входит в состав богатых, возможно, даже престижных наборов. Так, в курганах могильников Веселая Роща III и Элистинский, где исследованы сложные стратиграфические связки катакомбных погребений с обширными погребальными наборами, реповидный сосуд встречен в 13 случаях (*Синицын, Эрдниева, 1971; Державин, 1989*). Причем здесь он всегда является частью неординарного инвентаря (бронзовые орудия, украшения, повозка). Для сравнения: в погребениях могильников на берегах Восточного Маныча, которые характеризуются большим количеством «рядовых» захоронений – с незначительным количеством вещей или без них, реповидных сосудов не обнаружено (*Синицын, 1965, 1966*). Наряду с меньшим разнообразием форм и преобладанием неорнаментированных экземпляров в ВМКК (*Панасюк, 2010а*) данный факт позволяет ставить вопрос о социальной значимости этой категории посуды (рис. 1, *б*).

Вопрос о месте курильниц в погребальном ритуале ВМКК неоднократно становился объектом исследования (см., например: *Андреева*, 2004; *Панасюк, Горболь*, 2016). Находки курильниц известны по всему ареалу маньчжских катакомбных культур, однако они представлены не во всех могильниках. Кроме того, число ритуальных чаш, найденных в рамках одного могильника и одной курганной насыпи, также сильно варьирует. В более престижных могильниках, характеризующихся неординарными наборами вещей (например, Ергенинский и Элистинский), курильниц сравнительно мало. Более того, здесь они чаще встречаются в жертвенниках, а не в могилах (*Синицын, Эрдниев*, 1971; *Шилов*, 2009). Анализ наборов ВМКК, куда входит курильница, свидетельствует о ее скорее рядовом характере – в четверти случаев погребенного сопровождает только ритуальная чаша, в 54% она дополняется другими керамическими формами. Иные категории предметов сравнительно редки (*Панасюк*, 2010б).

Инвентарные наборы с курильницами для ЗМКК выглядят несколько иначе. Во-первых, на Нижнем Дону число курильниц заметно меньше при общем большем разнообразии и количестве предметов, помещавшихся в могилу. Во-вторых, здесь абсолютно неизвестна традиция сооружения жертвенников с курильницами – все находки связаны с захоронениями. В 90% случаев ритуальная чаша является не единственным предметом: кроме реповидного сосуда, она сочетается с другими сосудами (40%); в трети случаев встречены ножи и шилья; среди редких наборов – разные виды украшений. С учетом заметно меньшего процента безынварных погребений ЗМКК можно еще раз подтвердить тезис об ординарности курильницы в катакомбном обряде. Возможно, что различия погребального обряда в ВМКК и ЗМКК носят не только и не столько культурный, сколько социальный характер.

Одним из направлений реконструкции роли курильниц может стать их сопоставление с жаровнями, которые сходны по своему функциональному назначению – они связаны в той или иной мере с огненным ритуалом. К жаровням традиционно относят фрагменты стенок или донцев, чаще всего крупных сосудов, внутри которых находят угольки. Они происходят как из поздней, так и из раннекатакомбных погребений. Случаев сочетания курильницы и жаровни в одном комплексе практически неизвестно. Традиционно использование жаровен связывают с ранними этапами сложения катакомбной культуры, затем они, по видимому, заменяются курильницами (*Державин*, 1989. С. 155). Однако ситуация сооружения в рамках одной курганной насыпи соседствующих погребений с жаровней и курильницей оказывается довольно распространена. Причем есть случаи обратной стратиграфии таких комплексов: жаровни могут быть как в более ранних катакомбных погребениях, так и в более поздних относительно погребений с курильницами. Из этого можно сделать вывод о сосуществовании традиций использования специально изготовленной ритуальной посуды и заменяющей ее жаровни. Ярким примером этого может служить курган 24 могильника Балабинский I (*Узянов*, 1976). Здесь было сооружено как минимум 2 насыпи, под которыми было исследовано 8 впускных погребений ЗМКК. Все они содержали довольно разнообразный инвентарь. В числе прочих предметов в трех случаях были найдены курильницы, в трех других могилах – жаровни. Одно погребение с курильницей и два с жаровнями были впущены в первую насыпь, а сверху во второй

Рис. 1. Реповидные сосуды, курильницы и жаровни в погребальных комплексах ЗМКК и ВМКК

насыпи находились два захоронения с курильницами и одно с жаровней. Все три курильницы типологически близки друг другу (тип I), детали погребального обряда всех захоронений свидетельствуют об их хронологической близости.

Анализ контекста погребений из могильников, где были обнаружены катакомбные курильницы, показывает, что традиция использования в одной курганной насыпи специально изготовленной чаши и фрагмента сосуда, его заменяющего, довольно распространена. Если суммировать число находок этих керамических изделий, то мы получаем сравнительно равное количество содержащих угольки и золу сосудов в обеих культурах (рис. 3, в). Следует обратить внимание, что в тех могильниках, где есть и курильницы, и жаровни, их соотношение с общим количеством катакомбных погребений в могильниках везде примерно одинаково (рис. 1, г). Сопоставление погребальных наборов, включающих курильницы или жаровни, не выявляет различий в обычае использования этих форм в обряде. Жаровня так же, как и курильница, может быть единственным предметом в погребении, сопровождаться сосудами или входить в состав сложного ассортимента вещей. Общий контекст использования так же схож – жаровни содержат угольки и золу, иногда в них помещена охра. И та, и другая форма сосуда может располагаться отдельно от остального набора вещей, а может находиться рядом.

На следующем этапе целесообразно проанализировать состав погребальных наборов в тех могильниках, где курильниц найдено не было. Наличие или отсутствие в них жаровен сможет продемонстрировать степень важности ритуальных действий, связанных с воскуриванием растений, и прояснить значение этого обряда в контексте катакомбной погребальной традиции.

Литература

- Андреева М. В.*, 2004. Курильницы, ножи и шилья в контексте погребальных памятников восточноманьчжской катакомбной культуры // Проблемы первобытной археологии Евразии. Сб. ст. к 75-летию А. А. Формозова. М.
- Власкин Н. М.*, 2010. Сравнительная характеристика катакомбных культур маньчжского типа эпохи средней бронзы / Автореф. дисс... к. и. н. СПб.
- Державин В. Л.*, 1989. Погребения эпохи бронзы из курганов у хут. Веселая Роща (по материалам Ставропольской экспедиции 1980 г.) // Древности Ставрополя. М.: Наука.
- Панасюк Н. В.*, 2010а. Курильницы и реповидные сосуды восточно- и западноманьчжской катакомбных культур // На пути открытия цивилизации. Тр. Маргианской археологической экспедиции. Сб. статей к 80-летию В. И. Сарияниди. СПб.
- Панасюк Н. В.*, 2010б. Погребальные наборы ВМКК. Роль курильниц в обряде // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: Мат-лы III Междунар. Нижневолжской археологич. конф. Астрахань.
- Панасюк Н. В., Горболь Н. Ю.*, 2016. Курильницы в погребальных наборах ВМКК (опыт микрорегионального анализа) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа: Мат-лы Междун. науч. конф. «XXIX Крупновские чтения». Грозный.
- Синицын И. В.*, 1965. Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АССР, произведенных в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3321, 3321а-г.
- Синицын И. В.*, 1966. Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4223, 4223а-б.
- Синицын И. В., Эрднеев У. Э.*, 1971. Элистинский могильник. Элиста.
- Узянов А. А.*, 1976. Отчет о работах Багаевского отряда Донской экспедиции ИА АН СССР в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7043, 7044 а-д.
- Шилов В. П.*, 2009. Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста.

Г. Н. Поплевко

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

НЕКОТОРЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ФОРМОВКИ И ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ОБРАБОТКИ КЕРАМИКИ ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

При трасологическом исследовании майкопской керамики автором было выдвинуто предположение, что глину в некоторых случаях готовили специально. Сухую глину растирали на глинотерках или разбивали сухие комки в деревянной или каменной ступе. Поиски этнографических свидетельств об именно такой подготовке глины к использованию привели к положительному результату, и мною были найдены такие приемы ее подготовки. Помимо этого, при проведении экспериментов с илистой влажной глиной мы выбивали ее деревянной колотушкой, и этот же прием был обнаружен в этнографии – у африканских племен с сохранившейся техникой ручной лепки круглодонных сосудов. В комплексной экспедиции также проводились эксперименты с использованием теста из двух разных глин: размолотой сухой глины и выбитой деревянной колотушкой влажной илистой глины из донных отложений русла реки. Позднее, при изучении различных этнографических приемов изготовления круглодонной керамики, автором было обнаружено в разных частях мира использование при подготовке глиняной массы сочетания сухой и влажной глин. Исследования показали, что все трасологические наблюдения, сделанные при исследовании структуры стенок фрагментов керамики и апробированные при экспериментальном исследовании, обнаруживаются и в современной этнографии.

Ниже представлены данные петрографического анализа керамики. Показаны примеры использования двух отошителей (Чекон: 6), также имеются случаи использования двух разных глин на поселении Пхагугапе (образец 5 – Phagugape: керамика толстостенная (30 мм), кирпичного цвета). Керамика изготовлена из двух типов глин: жирные смектитовые глины и гидрослюдистые тощие глины, кластического материала (22%), состав: полевой шпат, слюда, амфибол. Отошитель: 1. Крупнозернистый песок, плохо окатанный (35%), размер зерен 0,4–1 мм, состав: обломки зерен андезита, габбро, базальта, сланца, песчаника; 2. Шамот (дробленая керамика другого, чем черепок, состава) (10%), размер обломков 0,8–0,45 мм.

Трасологическое исследование фрагментов керамики майкопской культуры из разных поселений: Пхагугапе, Чекон, Натухаевское и Катусвина Кривица также показало, что она часто не содержит примеси и значительно реже использовалась с примесью шамота разной размерности, песка, дресвы из кварцита или известняка, толченой ракушки или органики. Органическая примесь в виде соломы использовалась при изготовлении крупных массивных сосудов по типу чанов. Основными примесями является шамот разной размерности. Традиционно

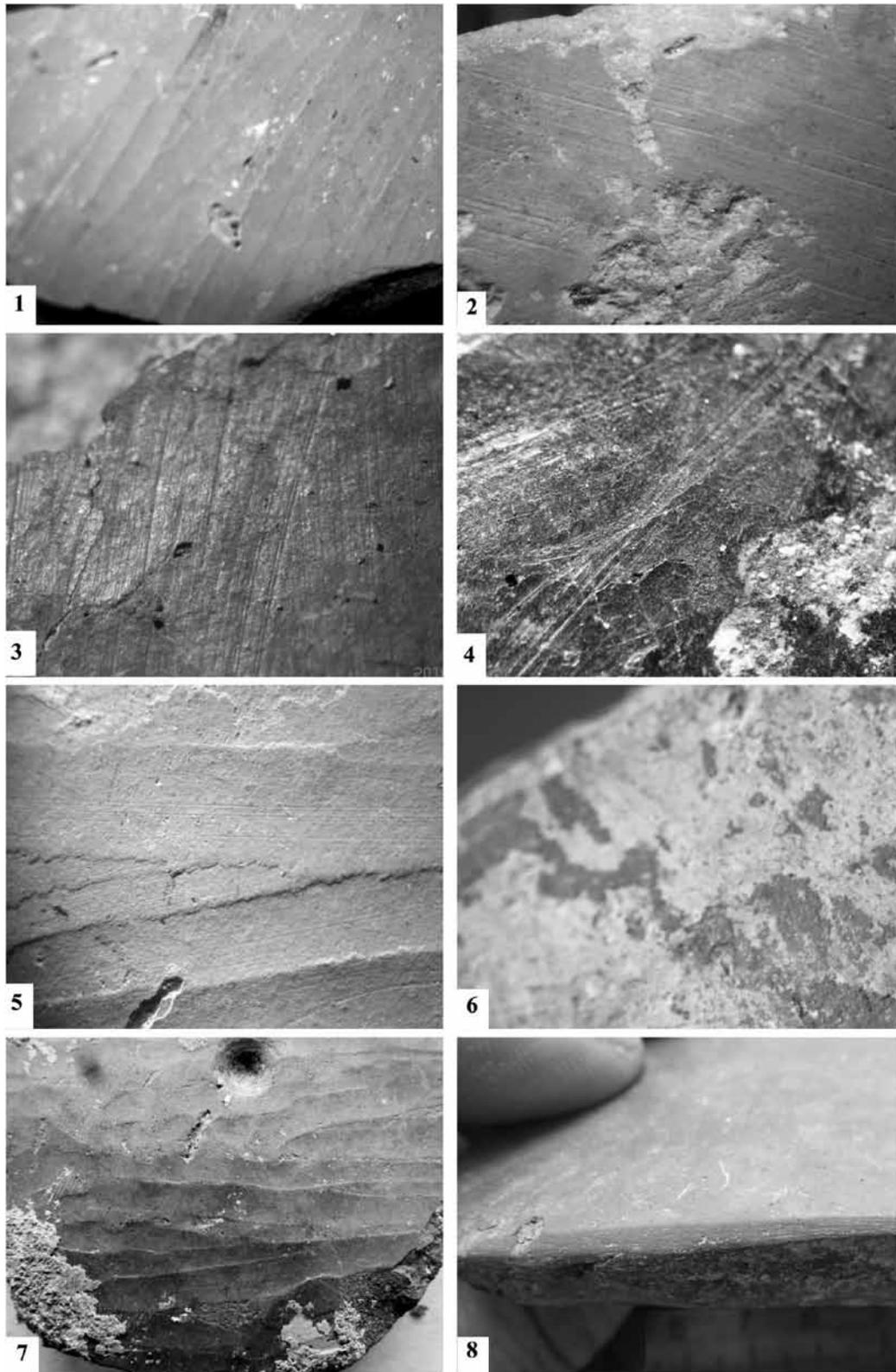
¹ Выражаю признательность коллегам из Новороссийского музея А.В. Шишлову, А.В. Колпаковой и Н.В. Федоренко, предоставившим возможность работы с материалами.

принято считать, что шамот толкли до мелких зерен и добавляли в глиняное тесто при формовке сосудов. Этнографические наблюдения у народов Африки, которые до сих пор изготавливают сосуды вручную, показало, что для приготовления шамота берут разбитые сосуды и раскалывают его стенки на каменной наковальне до состояния муки, а не зерен. Зерна попадают в небольшом количестве, где не до конца равномерно размолоты стенки сосудов, так что визуальная фиксация отдельных зерен шамота в стенках сосудов на археологической керамике может свидетельствовать не о малой концентрации примеси, а скорее о том, что для приготовления глиняной массы добавляли хорошо отмученный порошкообразный шамот в виде муки с отдельными мелкими зернами не до конца отмученной керамики. Дробленую керамику добавляют для улучшения обжига сосудов при более низкой температуре. Ранее, при исследовании керамики из нижних неолитических слоев поселения Ракушечный Яр, мною было отмечено использование в качестве примеси комков сухой глины (в качестве шамота), что в последующем было подтверждено при петрографическом исследовании М. А. Кульковой. Возможно, что и население майкопской культуры в качестве отошителя могли добавлять не только тонкоотмученный шамот, изготовленный из разбитых сосудов, но и сухую дробленую глину, которая после обжига может выглядеть как шамот.

Петрографический анализ образцов майкопской керамики, проведенный М. А. Кульковой, показал, что на *поселении Пхагугане* керамику лепили из глиняной массы без примесей или с примесью тонкоотмученного шамота (дробленая керамика другого, чем черепок, состава, размер обломков – 0,8–0,45 мм) (10%) и песка или дресвы одновременно. В составе керамики зафиксировано использование: 1) мелкозернистого песка (23%), размер зерен 0,2–0,5 мм (состав: кварц, полевошпат, сланец, зерна средней степени окатанности и мелкозернистого песка или дробленой дресвы); 2) крупнозернистого песка, плохо окатанного (35%), размер зерен 0,4–1 мм (состав: обломки зерен андезита, габбро, базальта, сланца, песчаника); 3) дресвы карбонатных (органогенные карбонаты – брекчия, с остатками раковин) и магматических пород (андезиты) (32%), размер зерен 0,15–0,5 мм.

Поселение Чекон. Керамика без примесей. При хорошем промесе глиняной массы пористость составляет 2–3% или 5%. Использовались разные отошители: 1) шамот – измельченная керамика различного состава (10–15%), размер обломков 0,5–1,5 мм; 2) шамот (25%) – дробленая керамика различного состава, размер обломков – 0,5–2,5 мм, промес плохой; 3) шамот – измельченная керамика того же, что и черепок, состава (15%), размер обломков – 0,5–0,7–1,5% мм, промес плохой, пористость – 15%; 4) дробленая раковина (42%), размер зерен – 2–4 мм. 5) дробленая раковина и известняк (45%), размер обломков – 1–3 мм, промес плохой; 6) сочетание двух отошителей: дробленой раковины и известняка (25%), размер обломков – 1–3 мм и шамота (25%) – керамика того же, что и черепок, состава, размер обломков – 0,5–1,5 мм, промес плохой, пористость – 15%.

Помимо наблюдений по подготовке глины, сочетанию примесей и разных видов глин были сделаны наблюдения и по ручной формовке сосудов, а также по обработке внешней поверхности готовых сосудов. Приемы лощения по влажной поверхности хорошо видны на фрагменте из поселения Катусвина Кривица (рис. 1, 1, 5, 7). Абразивная пришлифовка мягким камнем (рис. 1, 2), лощение поверхности из кости или галькой (рис. 1, 3–4), обработку вели также лощилами

Рис 1. Керамика поселения Катусвина Кривица: 1, 7 – лощение по влажной внешней поверхности, 5 – лощение по влажной внутренней поверхности, 2-4 – лощение по сухой поверхности, 6 – фрагменты слоя ангоба на поверхности керамики, 8 – рабочий конец лощила на фрагменте керамики

из фрагментов керамики (рис. 1, 8). Лощение было выполнено по влажной поверхности в процессе формовки сосуда или после слабой просушки. Зафиксированы случаи лощения по поверхности сухих сосудов или после их обжига. Петрографический анализ, выполненный М. А. Кульковой, показал, что при обработке керамики после обжига использовался жир, возможно, смешанный с тонкоотмученной сухой глиной. Также после абразивной обработки поверхности сосудов и их обжига известняковым или мергелистым абразивом внешняя поверхность сглаживалась, и по зашлифованной поверхности наносился жидкий ангоб. Проводили этот прием влажной тканью, смоченной в жидком растворе ангоба. После просушки полировали поверхность и смазывали жиром.

Ангоб наносили как до обжига, если под рукой не было глины более яркой окраски, так и после обжига, если были поблизости выходы более яркой цветной глины или охры. Ангоб на поверхности керамики встречается часто (рис. 1, 6). Затем проводилась полировка поверхности кожей или мягкой ветошью до заполированной гладкой поверхности. Более толстый слой ангоба практически не встречается и характерен для материалов ранней эпохи неолита. Помимо ангоба или покрытия жиром, смешанным с охрой или тонкоотмученным порошком глины, на материалах поселения Катусвина Кривица хорошо представлена керамика с разнообразной росписью красной краской. После лощения и ангобирования проводилась полировка поверхности готового сосуда.

С. Райнхольд, А. А. Калмыков, А. Б. Белинский, К. Уве Хойсснер
Германский археологический институт, Берлин (Германия)
ООО «Наследие», Ставрополь

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТИРОВКИ ПЕРИОДА БРОНЗЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА – НОВЫЕ ДАТЫ И БАЙЕСОВСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

В последнее десятилетие из археологических комплексов бронзового века в рамках различных биоархеологических проектов была получена обширная серия новых радиоуглеродных дат. Анализ произведен преимущественно методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) в лаборатории Центра археометрии Курта Энгельхорна в г. Мангейм (Германия). Анализы базировались на сравнительно небольшом количестве образцов – единичных экземплярах костей, зерен злаков, недолговечных пород деревьев.

Большое количество новых датировок позволило уточнить временной диапазон для различных периодов и культур, таких как северокавказская культура и период позднего бронзового века. Кроме того, корреляция стратиграфического положения комплексов датированных образцов из курганов и стратифицированных культурных слоев поселений делает возможным моделирование радиоуглеродной хронологии при помощи Байесовского анализа (*Bronk Ramsey, 2009; Buck, Juarez, 2017*). Калибровка радиоуглеродных дат была произведена с использованием калибровочной кривой INTCAL13 (*Reimer et al., 2013*), лежащей в основе компьютерной программы OxCal 4.3, с помощью которой производился статистический анализ данных.

В рамках Байесовского моделирования при вычислении вероятностей возраста археологических комплексов помимо самих радиоуглеродных датировок привлекается дополнительная археологическая информация из относительных методов хронологии, таких как вертикальная и горизонтальная стратиграфия, касающаяся последовательности датируемых событий, которая позволяет сузить распределение значений калиброванных датировок на калибровочной кривой и тем самым уточнить временной диапазон датируемого события. При отображении калиброванных данных с помощью интервала степени вероятностей обязательно помнить, что датируемое событие было разовым и происходило в некоторый короткий момент времени. Отображаемый временной интервал не определяет протяженность события, а является лишь отрезком времени, в котором это событие при определенном уровне вероятности имело место быть.

Основным фокусом доклада являются моделированные серии датировок северокавказской культуры центральной части Северного Кавказа, а также периода поздней бронзы высокогорной части. Привязка моделированных данных из материалов отдельных культур, удаленных друг от друга, является альтернативой к часто применяемому простому суммированию данных, так как с ее помощью даются более точные абсолютно-хронологические рамки при уменьшении статистических погрешностей

ЛИТЕРАТУРА

- Bronk Ramsey C.*, 2009. Bayesian analysis of radiocarbon dates // *Radiocarbon*. V. 51 (1). P. 337–360.
- Buck C. E., Juarez M.*, 2017. Bayesian radiocarbon modelling for beginners. Open Access e-print. Internet: <https://arxiv.org/abs/1704.07141>.
- Reimer P. J., Bard E., Bayliss A., Beck J. W., Blackwell P. G., Bronk Ramsey C., Buck C. E., Edwards R. L., Friedrich M., Grootes P. M., Guilderson T. P., Haidason H., Hajdas I., Hatte C., Heaton T. J., Homann D. L., Hogg A. G., Hughen K. A., Kaiser K. F., Kromer B., Manning S. W., Niu M., Reimer R. W., Richards D. A., Scott E. M., Southon J. R., Staff R. A., Turney C. S. M., van der Plicht J.*, 2013. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP // *Radiocarbon*. V. 55 (4). P. 1869–1887.

А. Д. Резеткин
Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург
М. А. Кулькова
Санкт-Петербургский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ ИЗ ПОСЕЛЕНИЙ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Микроморфологические исследования керамических фрагментов проводились в шлифованных образцах с использованием бинокля МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Петрографическое изучение керамики выполнялось в шлифах под поляризационным микроскопом Leica DVM5000. Фотографии были сделаны с помощью поляризационного микроскопа Leica в РЦ «Геомодель» СПбГУ.

Для керамических сосудов *поселения Чекон* были выделены следующие группы:

Группа 1. Керамика, изготовленная из жирных, смектитовых глин. Температура обжига 600–700 °С, обжиг равномерный, в окислительной атмосфере, кратковременный.

Группа 2.1. Керамика изготовлена из тощих, гидрослюдистых глин. Температура обжига 700–900 °С, обжиг равномерный, в окислительной атмосфере, кратковременный.

Группа 2.2. Керамика изготовлена из тощих, каолинистых глин. Температура обжига 700–800 °С, обжиг равномерный, в окислительной (открытой к доступу кислорода) атмосфере, в печи, долговременный.

Для керамики *поселения Городское* выделяются следующие группы:

Группа 1.1. Керамика изготовлена из каолинистых глин. Температура обжига 750–900 °С.

Группа 1.2. Керамика изготовлена из смектитовых, тощих глин. Температура обжига 850–900 °С, обжиг равномерный, в окислительной атмосфере, долговременный.

Группа 2. Керамика изготовлена из гидрослюдистых глин. Температура обжига 600–700 °С, обжиг равномерный, в восстановительных условиях, кратковременный.

Группа 3. Керамика изготовлена из двух типов глин гидрослюдистого и каолинистого составов. Температура обжига 600–700 °С, обжиг равномерный, в восстановительных условиях, кратковременный.

Керамика *поселения Катусвина Кривица*:

Группа 1. Керамика изготовлена из смектитовых глин. Температура обжига 600–650 °С, обжиг равномерный, в восстановительной (закрытой) или окислительной атмосфере.

Группа 2. Керамика изготовлена из гидрослюдистых глин. Температура обжига 650–700 °С, обжиг равномерный, в восстановительной (закрытой) атмосфере.

Группа 3. Керамика изготовлена из гидрослюдисто-карбонатных глин. Температура обжига 750–850 °С, обжиг равномерный, в окислительной (открытой к доступу кислорода) атмосфере.

Для изготовления керамики *поселения Пшикуйхабль* использовались смектиновые, тощие глины, обогащенные органикой, ожелезненные. Обжиг в окислительной атмосфере, 750–900 °С.

Керамика *поселения Пхагугане*.

Группа 1. Керамика изготовлена из ожелезненных пластичных гидрослюдистых глин (iron-rich silt clay), кластического материала – 20%, размер зерен 0,014–0,06 мм, состав: полевой шпат, слюда. Встречаются отдельные неокатанные зерна полевого шпата, округлые включения гематита, отдельные поры от выгоревшей органики. Температура обжига 800–900 °С, обжиг равномерный, в окислительной среде, в печи, кратковременный. Для изготовления использовался круг.

Группа 2. Керамика изготовлена из ожелезненных пластичных смектиновых глин (iron-rich silt clay), кластического материала – 10%, размер зерен 0,014–0,06 мм, состав: полевой шпат, кварцит. Температура обжига 800–900 °С, обжиг равномерный, в окислительной среде, в печи, долговременный. Для изготовления использовался круг.

Группа 3. Керамика изготовлена из ожелезненных пластичных смектитовых глин (iron-rich silt clay), кластического материала – 3%, размер зерен 0,014–0,06 мм, состав: полевой шпат, кварц. Температура обжига 600–700 °С, обжиг равномерный, в окислительной среде, в печи, кратковременный.

Группа 4. Керамика изготовлена из 2-х типов глин: жирные смектитовые и гидрослюдистые тощие глины. Температура обжига 600–700 °С, обжиг равномерный, в окислительной среде, в печи, кратковременный. Гончарный круг не использовался.

Керамика *поселения Усть-Джегутинское* изготовлена из смектитовых тощих глин. Состав: полевой шпат, слюда, амфибол. Обжиг при температуре 750–800 градусов в окисленной среде.

Таким образом, был проанализирован 51 образец керамики из 6 поселений (табл. 1–3).

По композиционному составу глин и отощителей можно выделить несколько рецептур керамического теста, тогда как температурные характеристики и условия среды обжига позволяют охарактеризовать использованные технологические приемы. Из данных, представленных в таблицах 1, 2 и 3, можно сделать следующие выводы.

1. Были использованы три вида глин: жирные и тощие смектитовые, жирные и тощие гидрослюдистые и коалинитовые. Иногда применялись смеси глин: гидрослюдисто-коалинитовые либо гидрослюдисто-смектитовые. Но более чем две трети керамики было изготовлено из гидрослюдистых и смектитовых глин.

Абсолютно преобладают первые два вида глин, а третий вид – коалинитовые глины, среди прочих обнаружены на гибридных, майкопско-новосвободненских поселениях Пшикуйхабль и Городское. На поселении Среднекубанской группы Усть-Джегутинское из 4 образцов все оказались изготовленными из смектитовых глин (табл. 1).

2. Из двух видов обжига: окислительного и восстановительного, первый применялся в два раза чаще. Соответственно – 34 и 17 образцов (табл. 3). Восстановительный обжиг проводился при температуре в пределах 600–700 °С,

Таблица 1.

Сравнительная характеристика керамики из поселений майкопской культуры по глинам, примесям и типам обжига

Виды глин (количество)	Гидрослюдистые (20)		Гмектитовые (17)		Каолининовые (8)		Гидрослюд.- каолинит (1)		Гидрослюд.- смектит. (5)	
	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
Примеси										
Чекон (всего)	3	5	5	1		1				
обж. восст.	2		1							
обж. окислит.	1	5	4	1		1				
Кат. Кривица (всего)	2	2	4							
обж. восст.	1	1	3							
обж. окислит.	1	1	1							
Пхагугапе (всего)		1	2						2	
обж. восст.										
обж. окислит.		1	2						2	
Пшикуйхабль (всего)	1	2				4				
обж. восст.						3				
обж. окислит.	1	2				1				
Городской (всего)	4			1	2	1	1		3	
обж. восст.	3				1		1		1	
обж. окислит.	1			1	1	1			2	
Усть-Джегута (всего)			2	2						
обж. восст.										
обж. окислит.			2	2						
Всего:	10	10	13	4	2	6	1	0	5	0

а окислительный – 750–900 °С. Количество образцов керамики, подвергшихся окислительному обжигу, как содержащих примеси, так и без них, практически одинаково – соответственно 18 и 16 (табл. 3). При восстановительном обжиге из 17 экземпляров только 4 не содержат примесей (табл. 3). Практически не использовались сложные составы глин: гидрослюдисто-каолининовые и гидрослюдисто-смектитовые – всего 6 случаев (табл. 1, 3).

3. Распределение примесей по типам глин показывает, что более всего примесей употреблялось в гидрослюдистых и смектитовых глинах: 23 случая из 31 (табл. 2). Данные выводы следует считать сугубо предварительными, поскольку из 6 поселений в выборку попал только 51 образец, но в целом очерченный диапазон в разнообразии примесей, глин, температуры и способов обжига все же представляет нам достаточно определенные данные о сырье и технологии изготовления майкопской керамики. М.А. Кулькова по фрагментам венчиков предполагает, что при изготовлении части керамики был использован круг. Второй автор этой точки зрения не разделяет.

Таблица 2.
Распределение примесей в керамике по типам глин

Виды глин (количество)	Гидролюдистые (20)	Гмектитовые (17)	Каолини-го- вые (8)	Гидролюд.- каолинит (1)	Гидролюд.- смектит. (5)
Шамот	4	2	1	1	1
Песок	2	2			
Шамот+ песок	2	1			3
Известняк	1	2			
Дресва	1				
Шамот+известняк		2			
Глина			1		
Раковина+известняк		2			1
Шамот+раковина		1			
Шамот+дресва		1			

Таблица 3.
Распределение способов обжига керамики по типам глин

Глины	Обжиг керамики				Всего:
	Окислит. с примесями	Окислит. без прим.	Восстанов. обж. с примес.	Восстановит. без примесей	
Смектитовые	9	4	4		17
Каолининовые	1	3	1	3	8
Гидролюдистые	4	9	6	1	20
Гидросл.-каолин.			1		1
Гидросл.-смектит.	4		1		5
Всего:	18	16	13	4	51

РЕДКОЕ СРУБНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ИГРАЛЬНЫМИ КОСТЯМИ

В 2015 г. при раскопках могильника Черкасов IV (автор раскопок С. А. Наumenко) в кургане 11 было исследовано погребение 1 эпохи поздней бронзы с игральными костями. Это первое погребение с полным игральным набором, состоящим из костяного «стакана» и двух костяных кубиков.

Погребение 1 находилось в 19 м к северо-востоку от центра кургана и было совершено в каменном ящике, сделанным из четырех вертикально поставленных крупных плит ракушечника и песчаника. По дну ящик имел трапециевидную форму, с расширением к северо-востоку. Размеры его – 110×80–65 см. Дно ямы было покрыто подстилкой, сохранившейся в виде продольных белесых растительных волокон. На подстилке лежал костяк ребенка в возрасте около 5–6 лет¹, скорченно на левом боку, головой на юго-запад. Левая рука немного согнута и локтем отставлена от туловища. Правая согнута в локте, кисть лежала поверх локтя левой. Ноги согнуты и поджаты пятками к тазу (рис. 1, 1).

К северу от погребенного, около рук, было обнаружено 10 астрагалов МРС. У костей левого предплечья, вплотную с севера, лежал миниатюрный лепной сосудик, направленный устьем на северо-восток; дно сосудика – плоское, тулово вытянутое, со скругленным ребром, устье заужено, глина грубая (рис. 1, 2).

К северо-востоку от этого сосудика находился костяной сосудик-стаканчик для игры в кости, с двумя костяными кубиками внутри. Игральный набор состоял из трех предметов: костяного стаканчика с округлым расширенным основанием, цилиндрическим туловом, плавно расширенным венчиком, внутренняя полость цилиндрическая, со скругленным основанием (высота – 5,3 см, диаметр нижней части – 3,2 см, венчика – 3,4 см) (рис. 1, 3) и двух одинаковых игральные кубиков размерами 0,75×0,8×0,9 см, на одной их грани врезана точка, еще на одной – косой крест, на двух – по четыре параллельные линии, две грани гладкие (рис. 1, 4, 5).

Хронологические рамки данного комплекса вызывают вопросы. Ориентировка погребенного в западный сектор и положение рук характерны для обряда КМК-Бабино, но инвентарь и погребение в каменном ящике для Нижнего Дона соответствуют традициям срубной культуры. Также ближе к срубной керамике относится глиняный сосудик из погребения. Западная ориентировка очень редко, но встречается в срубной культуре.

Как пример, можно привести 4 срубных погребения с западной ориентировкой, расположенных достаточно близко к черкасовскому комплексу. Могильник Золотые Горки II, к. 3, п. 4 (окрестности г. Новочеркасска): в подпрямоугольной яме лежал ребенок скорченно на левом боку, головой на запад-юго-запад. Инвентарь был представлен банкой конической формы. В п. 5 этого же кургана погребенный был ориентирован головой на северо-запад, инвентарь так же был представлен банкой конической формы (*Труды...*, 2002. С. 9. Рис. 15, 5, 16, 2–5).

¹ Антропологические определения выполнены научным сотрудником ЦЕИ РАН А. О. Китовой.

Могильник Несветаийский VI, к. 1, п. 4 (окрестности г. Ростова-на-Дону): ребенок лежал скорченно на левом боку, головой на запад, инвентарь – банка (Науменко, 2009. С. 29–30. Рис. 186, 189–191). Данное погребение является более поздним относительно п. 6 и 7 с восточной ориентировкой. Кроме того, известен случай прямой стратиграфии. В к. 2 могильника Астаховский на р. Крепкая (Евдокимов, 1992. С. 1–2. Рис. 3, 4) основное п. 3 было совершено в яме, перекрытой каменной вымосткой, умерший лежал на левом боку, головой на восток, кисти рук – у лица, инвентарь представлен баночным сосудом. Над ним находилось п. 1: скорченно на левом боку, головой на запад, левая рука вытянута, правая согнута в локте, в заполнении были обнаружены обломки баночного сосуда. Погребение 1 по обряду типично для КМК, но по стратиграфии и сосуду относится к срубной культуре. Таким образом, перечисленные факты дают основания для соотнесения погребения из могильника Черкасов IV к срубному времени.

В рассматриваемом погребении были найдены 10 астрагалов. Как правило, такие наборы рассматриваются как игральные (Юдин, 2009. С. 146–170). Гораздо реже случаются находки собственно игровых костей.

Игральным костям в срубной и андроновской культурах посвящена небольшая работа (Стефанов и др., 2001. С. 290–298). Находки игровых фишек связаны с поселениями, есть только один случай обнаружения игровой кости в погребении андроновской культуры. Там же приведена подборка фишек из восточных районов (Урала и Западной Сибири) и упомянута только одна находка из срубного поселения Донбасса. На этом фоне данное погребение с игральными костяными кубиками и костяным же стаканом для игры выглядит совершенно уникальным.

Если в срубное время находки игровых фишек в погребениях весьма редки, то в поздних комплексах катакомбной культуры они встречаются гораздо чаще (Санжаров, 1988. С. 140–158) и связаны с погребениями взрослых людей. Обычно фишки изготовлены из костей крупного рогатого скота, но в комплексе Николаевка, к. 1, п. 4 обнаружены 3 фишки из слоновой кости (рис. 1, 7). Таким образом, мы имеем свидетельства дальних контактов, связанных с этой игрой. Форма игровых костей ближе к бипирамидальной. Соответственно, они имеют 4 «рабочих» поверхности. В катакомбное время при одной бипирамидальной форме фишек различаются знаки на их поверхностях. Катакомбные фишки по знакам делятся на две группы. Первая: одна пустая грань, на трех – знаки из черточек (разное количество рисок, косой крест и знак похожий на варианты буквы «Н») (рис. 1, 6). Вторая: одна пустая грань, на двух – знаки из точек и еще на одной грани – одна риска (рис. 1, 7). К этой группе как раз относятся фишки из слоновой кости.

Срубно-андроновские игральные фишки (рис. 1, 8–9) имеют овальную форму, т. е. торцы костей скруглены, что делает «рабочими» только 4 грани. Это сближает их с катакомбными изделиями. Знаки на гранях выполнены в виде черточек, что сближает их с первой группой знаков на катакомбных фишках. Отличием же является отсутствие «пустых» граней, то есть все 4 грани имеют знаки.

Рассмотрим знаки и их расположение на наших костях (рис. 1, 4–5). На кубиках из Черкасова IV знаки и их расположение на гранях одинаково для обоих экземпляров: на одной грани – точка, на двух – по 4 риска, еще на одной – косой крест и 2 пустых («нулевых») грани. Расположение знаков по фронтальной

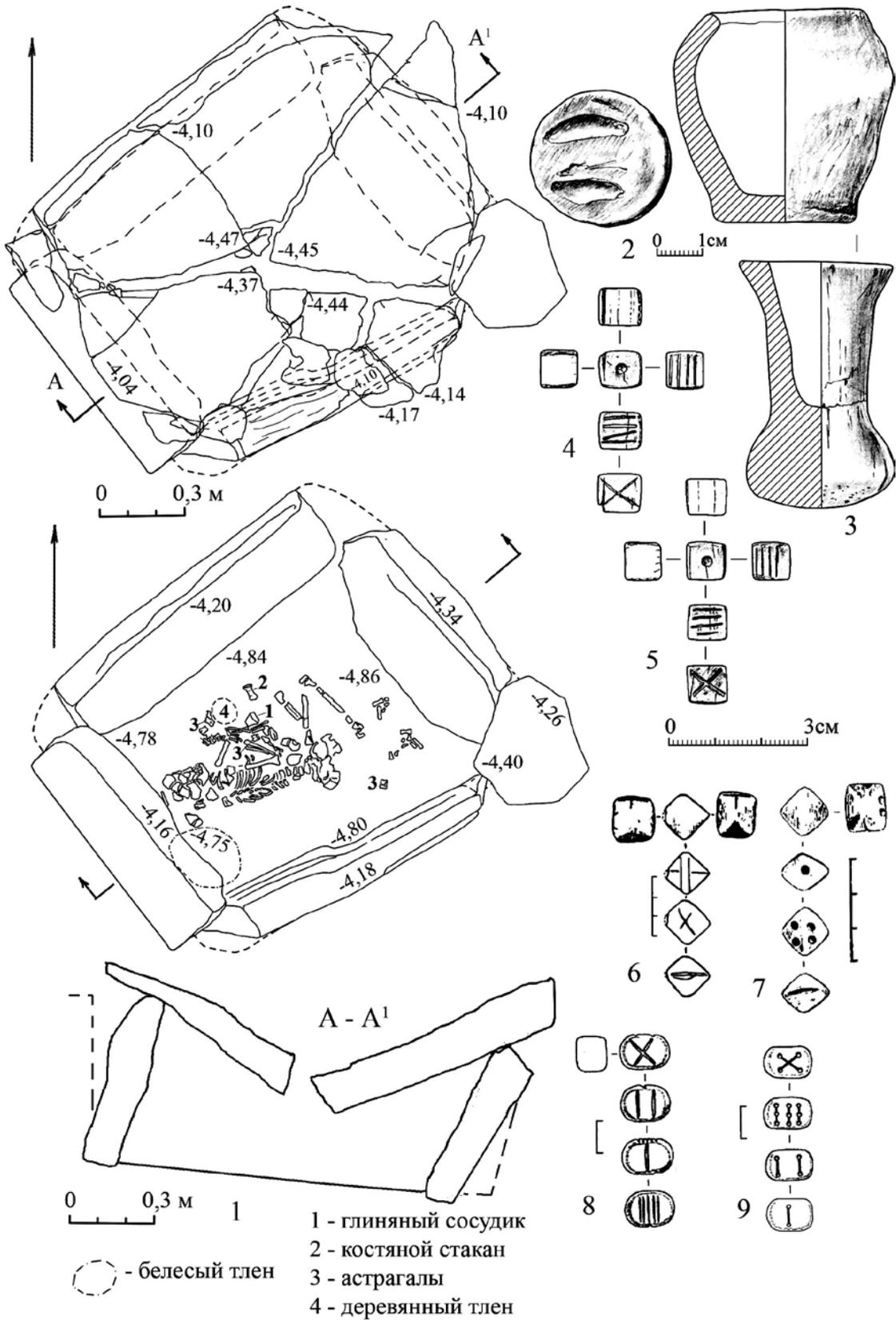

Рис. 1. 1-5 – могильник Черкасов IV, к. 11, п. 1; катакомбные комплексы: 6 – Александровск, к. 2, п. 6, 7 – Николаевка, к. 1, п. 4; срубно-андроновские комплексы: 8 – пос. Черемуховый куст, 9 – пос. Юкалекулево

и боковой вертикальным линиям: точка, 4 риски, косой крест и пусто (4 значения: 0-1-4-X); по горизонтальной линии: пусто, пусто, 4 риски, 4 риски (только 2 значения: 0-4 (0-0-4-4)).

Четкая кубическая форма отличает черкасовские находки и от предшествующих катакомбных и от синхронных срубно-андроновских фишек. Кубическая форма дает 6 «рабочих» граней. Знаки на гранях близки срубно-андроновским, но есть и отличия: одиночная точка и чистые (пустые) грани. Наличие последних сближает их с катакомбными фишками. На данный момент мы не можем уверенно сказать – изменение формы кубиков является результатом местного развития игры или привнесено извне.

Литература

- Евдокимов Г. Л.*, 1992. Погребения эпохи поздней бронзы Астаховского могильника. Киев.
- Стефанов В. И., Коряков И. О., Чемякин Ю. Л., Кузьминых С. В.*, 2001. Игральные кости из срубно-андроновских памятников Урала и Западной Сибири // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара.
- Науменко С. А.*, 2009. Отчет об археологических раскопках курганного могильника «Несветайский VI» в Мясниковском районе Ростовской области в 2008 году. Ростов-на-Дону.
- Санжаров С. Н.*, 1988. Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями // СА. № 1.
- Труды Новочеркасской археологической экспедиции, 2002. Вып. 6. Ростов-на-Дону.
- Юдин А. И.*, 2009. Погребения с астрагалами из Новопокровки-II: служители культа или «игроки»? // Археология восточноевропейской степи. Вып. 7. Саратов.

Н. Е. Рябогина

Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень

И. А. Идрисов

Институт геологии ДНЦ РАН, г. Махачкала

А. В. Борисов

*Институт физико-химических и биологических проблем
почвоведения РАН, г. Пущино*

ДИНАМИКА КЛИМАТА ГОРНОГО ДАГЕСТАНА В ГОЛОЦЕНЕ¹

До настоящего времени для горной зоны Дагестана не существовало надежных палеоклиматических реконструкций. Отсутствие информации о динамике климата существенно осложняло понимание историко-культурных событий в регионе, лишая исследователей палеоэкологического фона, на котором происходило становление, развитие и исчезновение древних культур. В связи с этим был проведен поиск опорного объекта, включающего отложения озерного или болотного происхождения большей части голоцена, с целью его последующего палеоботанического изучения и радиоуглеродного датирования. В качестве такого объекта было выбрано болото у с. Шотота Хунзахского района. Абсолютная высота участка – около 1900 м. Климатические условия плато характеризуются средней годовой температурой 6,7 °С, количество осадков в год – 570 мм. На юго-восточном участке торфяника Шотота мощность исследованных отложений составила 1,9 м. Верхняя часть представлена хорошо разложившимся осоково-травяным бурым торфом. С глубины 0,48 м залегает преимущественно вейниковый торф с остатками листьев (более 50% остатков вейника, при участии осок 20%, реже – тростника и кустарников). Ниже 1,3 м торф переходит в пластичную почвообразную прослойку, с 1,7 м начинается глеевый горизонт, который подстилают известняки. Структура пластичного базального слоя торфяника, отсутствие в его составе водорослей и остатков водных растений указывает на непрерывное функционирование болота без озерной стадии.

Отложения торфяника вырезаны из стенки дренажной траншеи сплошной колонкой в металлический профиль шириной 5 см. Химическая пробоподготовка верхней части профиля (до глубины 1,6 м) выполнена щелочным методом Поста. Извлечение пыльцы и спор из нижележащих отложений выполнено с применением сепарационного метода Гричука при использовании тяжелой жидкости ($CdJ_2 + KJ + H_2O$), с последующей обработкой плавиковой кислотой, без ацетоллиза. Анализ состава спор и пыльцы выполнен на световом биологическом микроскопе Микмед-2 при рабочем увеличении $\times 400$; минимальный подсчет *terrestrial pollen* – 300 ед. (большинство образцов – 600 ед.).

Параллельно было проведено датирование торфа послойно через каждые 10 см. Получено 17 радиоуглеродных дат. На их основании было установлено, что торфонакопление началось около 8 тыс. л. н. Таким образом, профиль отложений в болоте Шотота охватывает субатлантический, суббореальный и часть

---

¹ Исследование выполнено за счет средств Российского научного фонда. Проект 17-18-01406.

атлантического периодов голоцена. Подстилающие отложения формировались, вероятно, в бореальном и первой половине атлантического периода. Полученные результаты позволяют восстановить динамику природных условий для горной зоны Дагестана на протяжении практически всего голоцена:

9200–8900 кал. л. н. В этот период откладывался слой, подстилающий погребенную почву. Спорово-пыльцевой спектр отражает теплые, умеренно сухие условия.

8700–7800 кал. л. н. Период функционирования почвы до заболачивания. Общий характер изменений региональной растительности показывает, что климатические условия оставались теплыми, но постепенно сменились на более влажные с максимумом около 8000 кал. л. н.

7700–7400 кал. л. н. Начало болотной стадии. Климат этого периода характеризуется как теплый и умеренно влажный.

7400–6650 кал. л. н. Очень теплый климат при недостаточном увлажнении. Торф периодически пересыхает. В этот период плоские участки плато были заняты субальпийскими разнотравными лугами, но увеличилась доля более остепненных участков с можжевельником. Климатические условия позволяли подниматься лесному поясу с элементами термофильной растительности выше и формировать участки широколиственных лесов с липой и вязом, с папоротниками и кустарниковым ярусом по склонам.

6650–6000 кал. л. н. Теплый климат с периодами существенного увеличения увлажнения, особенно около 6500, 6300, 6140, 6000 кал. л. н. Изменения климата проявились в мезофитизации лугов, распространении переувлажненных лугов и дальнейшем расширении ареала широколиственных лесов. На близлежащей территории постепенно увеличивается доля вязово-грабовых лесов с примесью дуба, липы, березы, сосны и ясеня. Нижний ярус лесов, вероятно, формировали заросли можжевельника и бузины. Максимум пыльцы широколиственных пород служит индикатором относительно недалекого произрастания этих пород, которых сейчас в этом районе почти нет.

5900–5250 кал. л. н. Период резкого и продолжительного иссушения. Наиболее сильные засухи имели место около 6000–5900 кал. л. н., когда зафиксирован перерыв в осадконакоплении до 100 лет. Доминирующим типом растительности были разнотравные луга с ксерофитными элементами и можжевельником по склонам. Есть представители сорных и культурных растений, которые могут ассоциироваться с хозяйственной деятельностью. Единичные пыльцевые зерна граба, дуба и липы, а также других пород говорят об очень незначимом участии широколиственных лесов в растительном покрове.

5250–4600 кал. л. н. Начало тренда похолодания и увеличения увлажнения. Начало этого периода совпадает с увеличением эрозии и активизацией эолового переноса мелкозема при зимнем сухом промерзании почвы. Основным фон растительного покрова представлен разнотравно-злаковыми субальпийскими лугами. Вероятно, приблизительно с этого времени сосновые и березовые редколесья на северных склонах становятся в этом районе горного Дагестана основными элементами лесной растительности, почти полностью вытесняя широколиственные. Отмечается постоянное, но не интенсивное антропогенное влияние, связанное с земледелием.

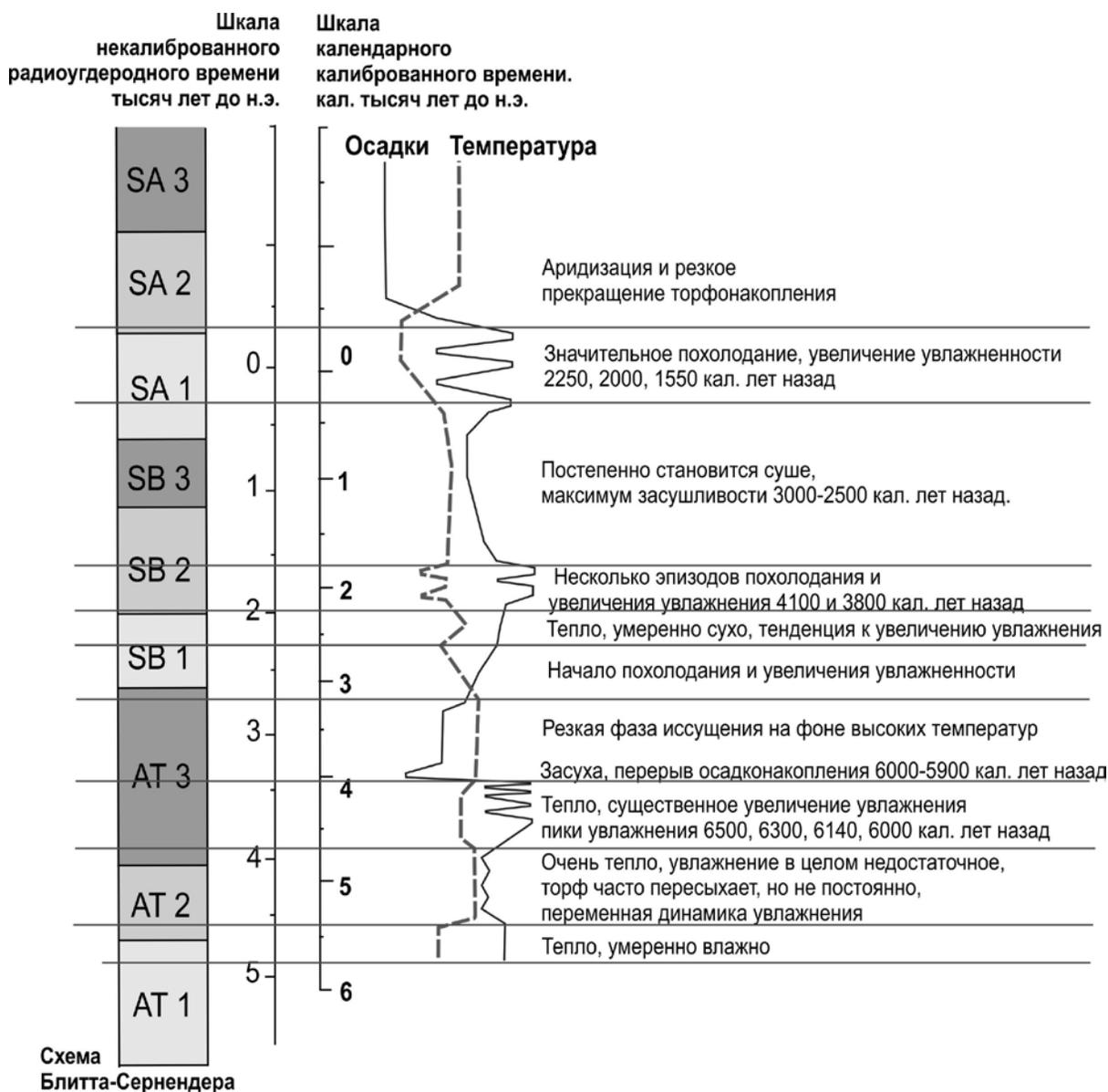

Рис. 1. Динамика климата в горной зоне Восточного Кавказа в голоцене

4670–4250 кал. л. н. Климат становится более теплым и умеренно сухим, но есть тренд на увеличение увлажнения. Отмечается общее сокращение площади лесов на склонах, возможно, из-за неблагоприятных условий летом – сочетания потепления и некоторого уменьшения увлажнения в начале интервала. В составе лугов увеличивается доля сухих ксерофитных сообществ с маревыми и злаками, хотя разнообразные сочетания горных лугов формируют основу облика растительности.

4250–3850 кал. л. н. В этот период отмечено несколько кратковременных эпизодов похолодания и увеличения увлажнения 4100 и 3800 кал. л. н., разделенные умеренно сухими прохладными интервалами. Плоские участки плато преимущественно были заняты лугово-ксерофитной растительностью, на склонах северной экспозиции – участки сосново-березовых редколесий, с редкой примесью

граба, дуба или вяза. Есть признаки пасквальной (пастбищной) растительности, но маркеров земледелия не выявлено.

3800–2300 кал. л. н. Этот период связан с потеплением и постепенным усилением аридности климата с максимумом засушливости около 2500–3000 кал. л. н. В составе растительности преобладают разнотравные субальпийские луга, сокращается доля сосновых редколесий на склонах. В это время появляются четко выраженные следы земледелия; в спорово-пыльцевых спектрах присутствует пыльца пшеницы.

2300–1600 кал. л. н. Период значительного похолодания при некотором увеличении увлажнения в периоды 2250, 2000, 1550 кал. л. н. Отмечается усиление эрозии и эолового переноса мелкозема как следствие сухих и очень холодных зим. Основной фон растительности составляют злаково-разнотравные луга, антропогенная нагрузка незначительная, но стабильная, выращиваемый вид злаков идентифицировать не удалось. Активизация зарастания склонов сосново-березовыми редколесьями. Впервые появляются буки – единственная широколиственная порода, которая может подниматься высоко и хорошо выдерживает холод в районах, где увлажнение составляет не менее 500 мм.

1500–750 кал. л. н. Критически низкий прирост торфа, фактически приостановление торфонакопления. Нет исследованных пыльцевых спектров. Возможно, резкая аридизация.

А. Г. Сеидов

*Азербайджанский государственный экономический университет,
г. Баку*

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ ТРУДА ЭПОХИ НЕОЛИТА ИЗ КАРААГАДЖА

В Садаракском районе Нахичеванской Автономной Республики Азербайджана были выявлены многочисленные археологические памятники, относящиеся к различным периодам истории.

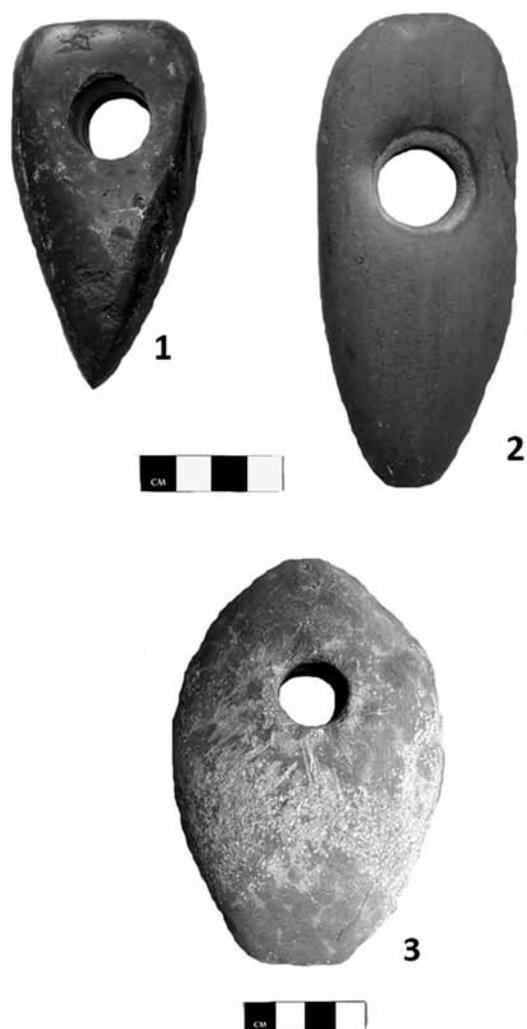
В изучении формирования экономики и выявления связей памятников Нахичевани с древними Ближневосточными странами особое место занимают поселения эпохи неолита и энеолита. До настоящего времени на территории Нахичеванской АР остатки материальной культуры позднего неолита и раннего энеолита были изучены только на поселении Кюльтепе I (*Бахшалиев В. и др.*, 2017. С. 542–567).

Поселение Караагадж расположено на востоке одноименного села, на Садаракской равнине. Поселение когда-то было разрушено во время ирригационных работ. Обнаруженные археологические материалы хранятся в Садаракском краеведческо-историческом музее. Эти археологические материалы охватывают длительный период – от неолита до средневековья (*Сеидов А. Г., Бахшалиев В. Б.*, 2011. С. 15–18).

Археологические исследования, проведенные в поселении Караагадж, показали, что самые древние находки на этой территории относятся к неолиту. Исследование памятника началось со сбора подъемного археологического материала. Среди них встречались орудия труда и керамические изделия различных периодов.

Во время изысканий нами были обнаружены два каменных топора. Один из них изготовлен из плотной черной породы диорита треугольной формы, в верхней части просверлено овальное отверстие (рис. 1, 1). Параллели этих орудий известны из курганов у хут. Новый Аршти (*Мунчаев Р. М.*, 1961. С. 55–56. Рис. 11). Особенностью обоих экземпляров является прекрасно отполированная поверхность. Второе орудие изготовлено из коричневой крупной гальки овальной формы, также с просверленным отверстием в верхней части (рис. 1, 2). Близкие аналоги этого орудия известны из слоя «1б» поселения Кюльтепе I, в котором были выявлены несколько просверленных каменных топоров (*Абибуллаев О. А.*, 1982. С. 284. Табл. IV, 1–3). Третье орудие передали нам жители с. Караагадж. Каменная мотыга изготовлена из гальки плотного серого песчаника, в верхней части просверлено небольшое овальное отверстие (рис. 1, 3). На рабочем краю орудия прослеживаются следы изнашивания. Аналоги этого орудия известны из поселения Шулавери (*Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н.*, 1970. С. 30. Рис. 8, 9). Однако караагаджский экземпляр по форме несколько отличается от них. Каменные орудия хорошо отшлифованы. Предполагаем, что эти орудия относятся к концу VII тыс. до н. э. – началу VI тыс. до н. э.

Эти находки показывают, что в эпоху неолита караагаджские земледельческие племена перешли к оседлому образу жизни и освоили мотыжное земледелие. Новые находки выдвигают необходимость изысканий поселений этого периода на территории Нахичевани.

Рис. 1. Поселение Карагадж Нахчыванской АР Азербайджана

Литература

- Абибуллаев О. А., 1982. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку.
- Бахшалиев В., Марфо К., Бртон Р. и др., 2017. Археологические исследования 2015–2016 годов в Кюльтепе // Археологические исследования в Азербайджане. Баку.
- Кушнарера К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970. Древние культуры Южного Кавказа. Л.
- Мунчаев Р. М., 1961. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. М.
- Сеидов А. Г., Бахшалиев В. Б., 2011. Садарак. Баку.

А. И. Таймазов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ СЛОЯ 23 РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ АЙНИКАБ 1

Стоянка Айникаб 1 расположена в горной части Республики Дагестан на высоте около 1540 м над уровнем моря. Культурные слои памятника связаны с рыхлыми отложениями центральной части водораздела р. Акуша и Усиша (бассейн реки Казикумухское койсу). Водораздел представляет собой сохранившийся от эрозии фрагмент древней платообразной поверхности. Высота водораздела над руслом р. Усиша составляет 220 м.

Археологический памятник исследовался в 2006–2009 и 2012–2014 гг. экспедициями Института археологии РАН и Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Всего за эти годы на различных участках памятника раскопано 73 кв. м. Общая мощность рыхлых отложений стоянки Айникаб 1 составляет не менее 14 м. В этой толще выделяются три пачки слоев, из них: две (нижняя и верхняя) сложены преимущественно крупнообломочным материалом, третья пачка (средняя) – из мелкозема с включением галечно-гравийных прослоек. Археологические находки содержатся в 26 слоях. Вся коллекция памятника составляет 1380 предметов. В слоях нижней пачки (слои 23, 24, 26) помимо каменных изделий обнаружены фрагментированные кости животных.

Слой 23 (в раскопах 1 и 2 соответствует слою 10) залегает на глубине 9 м от вершины памятника. Он изучен в разных раскопах на общей площади 58 кв. м. В геологическом отношении слой представляет собой рыхлый гравийно-галечно-валунник. В нем также обнаружена прослойка крупнозернистого песка темно-коричневого оттенка. Верхняя половина слоя насыщена включениями и скоплениями Fe-Mn. Толщина слоя составляет от 60 до 80 см. Залегание – горизонтальное.

Возраст слоя 23, из которого происходят рассматриваемые орудия, устанавливается по сумме геологических, палеомагнитных, палинологических и палеофаунистических данных (Амирханов, 2016; Таймазов, 2016). Рассматриваемый слой располагается в разрезе Айникаб 1 между уровнями, относящимися к палеомагнитным эпизодам Харамильо (1,07–0,99 млн. л. н.) и Олдувей (1,95–1,77 млн. л. н.) Палинологические спектры, выделенные в разрезе Айникаб 1, содержат пыльцу, характерную для раннего плейстоцена. В составе фауны слоя 23 определены зубы лошади Стенона (*Equus (Allohippus) stenorionis*). Остатки данного вида лошади по заключению палеонтологов не фиксируются в отложениях моложе 1,6 млн. л. н. Совокупность данных позволяет датировать слой 23 стоянки Айникаб 1 в интервале 1,8–1,1 млн. л. н., и в этих границах ближе к нижнему пределу указанного диапазона.

Каменная коллекция слоя 23 насчитывает 267 предметов. Сохранность находок хорошая. Несмотря на то что каменные предметы обнаружены в гравийно-галечной толще, признаки окатанности на них не прослеживаются. На некоторых изделиях фиксируется белая патина, чаще всего в виде небольших участков и пятен. Основным сырьем, из которого изготавливались орудия труда слоя 23, является меловой кремь. Единично использовались окремненный известняк

и известняк. Преимущественное использование кремня связано с его доступностью и лучшими качествами по сравнению с остальными видами сырья, встречающимися в окрестностях памятника. Кремневые пласты фиксируются в прилегающих к стоянке известняковых хребтах. По мере разрушения известняков кремневое сырье разносилось пролювиальными потоками по котловине вместе с другим обломочным материалом, поэтому часть кремневого сырья люди могли подбирать на поверхности рядом с местом своего обитания.

Структура коллекции слоя 23 соответствует остаткам долговременной стоянки-мастерской. Она включает изделия, связанные с первичным расщеплением, законченные орудия и производственные отходы, т.е. весь процесс обработки каменного сырья от простого раскалывания породы до целенаправленного изготовления орудий.

Орудия насчитывают 23 экз., или около 9% от всей коллекции. Орудийный набор включает как крупные изделия (*heavy duty tools*), так и орудия небольших размеров (*light-duty tools*). Среди орудий преобладают чопперы – 10 экз., или 43% всех изделий с вторичной обработкой. Заготовками для чопперов служили желваки и обломки кремня. В одном случае в качестве заготовки использована кремневая галька. Основным приемом оформления рабочих концов этих орудий была оббивка, различающаяся на краевую и захватывающую, одностороннюю и двустороннюю, альтернативную и противоположающую, продольную и поперечную. С помощью приема, называемого «обрубом», формировались боковые края и пятчатые части чопперов. Чопперы слоя 23 включают односторонние (рис. 1, 4) и двусторонние формы (рис. 1, 5–6) с различными модификациями лезвия (прямое, долотовидное, стрельчатое, скошенное). Один из чопперов имеет двойное (продольно-поперечное) лезвие (рис. 1, 6). Среди чопперов слоя 23 встречаются также крупные экземпляры. Таковыми для памятников раннего плейстоцена Центрального Дагестана принято считать орудия, вес которых составляет от 2 до 4 кг (Амирханов, 2013. С. 5).

Помимо чопперов группа макроорудий представлена пикообразными орудиями (3 экз.). Эти орудия морфологически близки к пикам, отличаясь от них меньшей тщательностью обработки. Оббивка здесь чаще всего сводится к приострению конца двух сходящихся краев заготовки. Пикообразные орудия не имеют симметрии, характерной для пиков, трехгранное или куполовидное поперечное сечение и срединной продольной грани.

Около половины всех изделий с вторичной обработкой слоя 23 составляют мелкие орудия (10 экз.). Размеры их – 4–6 см. Заготовками для этой группы орудий служили обломки кремня (3 экз.), отщепы (4 экз.) и обломки отщепов (3 экз.). Среди них диагностируются скребки (2 экз.; рис. 1, 1–2), орудие с ретушированной выемкой, остря (2 экз.) и близкие им морфологически шиповидные орудия (2 экз.; Рис. 1, 3). В изучаемой коллекции имеется изделие с двумя рабочими элементами, различающимися по форме лезвия. Одно из них – прямое, локализовано на продольном крае отщепа. Второе лезвие – слабовогнутое, расположено в дистальной части скола. В коллекции слоя 23 также имеются два изделия с ретушированными участками на заготовке. Ретушь у них частичная и не формирует какого-либо заметного рабочего элемента.

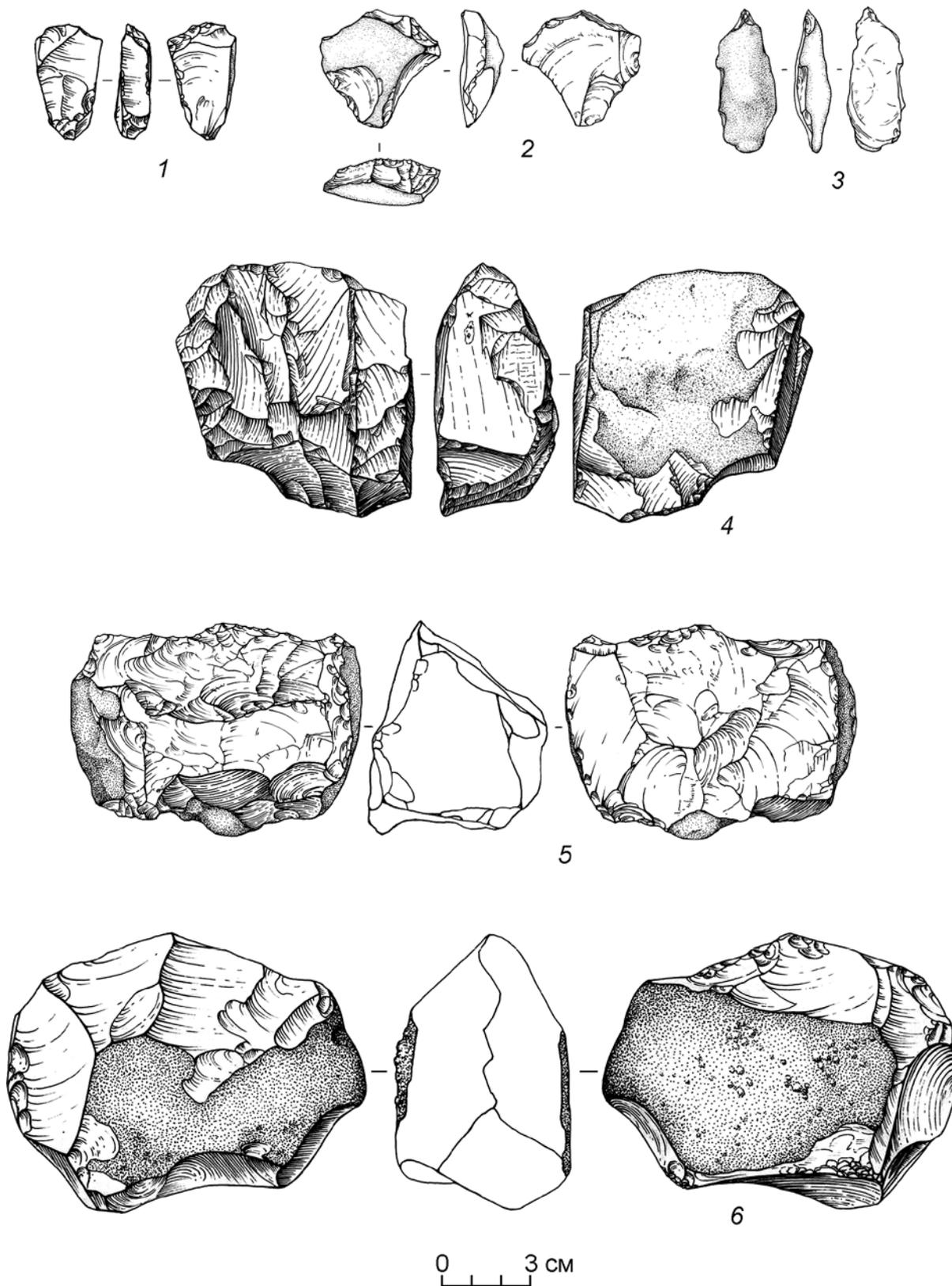

Рис. 1. Кремневые орудия слоя 23 раннепалеолитической стоянки Айникаб 1: 1, 2 – скребки; 3 – шиповидное орудие; 4–6 – чопперы.

Анализ каменного инвентаря слоя 23 стоянки Айникаб I показывает, что индустрия этого слоя не является монотонной. Каменные изделия включают различный набор орудий, среди которых преобладают крупные изделия, представленные разными типами чопперов и пикообразными орудиями. В качестве заготовок для орудий чаще всего использовались обломки и желваки кремня. Изделия на сколах-заготовках встречаются реже и, главным образом, среди мелкоразмерных орудий. По типологическому составу каменного инвентаря индустрия слоя 23 имеет сходство с материалами памятников классического олдована Восточной и Северной Африки, Аравийского полуострова, Южного Приазовья. Больше всего аналогий рассматриваемые материалы обнаруживают в инвентаре раннеплейстоценовых памятников Центрального Дагестана (Мухкай 1, Мухкай 2, Гегалашур 1–3). Олдованский характер каменной индустрии слоя 23 выражается не только в наборе представленных орудий и отсутствии среди них рубила – диагностического типа изделия ашеля, но и в технике первичного раскалывания камня. Одной из основных целей первичного раскалывания камня было получение мелких и средних отщепов с небольших нуклеусов (до 5 см высотой). Производство крупных отщепов в качестве заготовок, являющееся одним из важных атрибутов раннего ашеля, в каменной индустрии слоя 23 не фиксируется.

Литература

- Амирханов Х. А., 2013. Орудия-гигантолиты в индустрии олдована Дагестана // РА. № 3. С. 5–12.
- Амирханов Х. А., 2016. Северный Кавказ: Начало преистории. Махачкала: МавраевЪ. 352 с.: илл.
- Таймазов А. И., 2016. Новые данные по стратиграфии и датировке стоянки олдована Айникаб I // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Мат-лы Международной научной конференции. Грозный. С. 60–62.

Н. А. Тихонов

*Специальная астрофизическая обсерватория Российской академии наук,
п. Нижний Архыз*

НОВОЕ МАЙКОПСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У АУЛА ЗЕЮКО В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ¹

В 2015 г на вспаханном поле сотрудниками САО РАН были найдены фрагменты керамики, которые сотрудница Ставропольского краеведческого музея С. Кравцова предположительно отнесла к майкопской культуре. Дальнейшее изучение найденной керамики показало верность предположения. Поле, где была обнаружена керамика, занимает широкий мыс над аулом Зеюко в Карачаево-Черкессии. Керамика найдена в юго-западной части поля, а ее концентрация показывает, что центр поселения расположен за пределами распаханного поля. Поселение не отделено рельефом от напольной части мыса. На невспаханной части поля видны два ряда небольших всхолмлений, расположенных параллельно полю, связь которых с поселением не установлена.

Основную массу находок составляют фрагменты керамических сосудов разных размеров, которые можно разделить на группы по нескольким параметрам:

1. По цвету. Подавляющее большинство фрагментов имеет оранжевый или желто-оранжевый цвет и пачкающуюся поверхность. Примерно 5% фрагментов имеют темно-бурый или серый цвет. Обжиг оранжевой и серой керамики равномерный.

2. По составу теста. Оранжевая керамика сосудов малых форм сделана из хорошо отмученной глины без добавочных примесей. Такая же по цвету керамика сосудов крупных форм сделана из хорошо отмученной глины с добавками рубленых листьев пырея. Серая и бурая керамика в качестве добавки содержит мелкий кварцевый песок. Обжиг этой керамики, по сравнению с оранжевой, проводился при более высокой температуре, поверхность ее не пачкающаяся.

3. По назначению. Выделяются толстые (до 3 см) стенки и венчики сосудов большого размера, достигающие до 1,2 м в диаметре по венчику. Форма фрагментов этих сосудов показывает, что большей частью это были огромные котлы, хотя найден фрагмент и одного пифоса. Находки более 20 венчиков и только 2 фрагментов плоских днищ позволяет считать, что котлы были круглодонными. Венчики котлов имеют конический скос внутрь, что необходимо для использования крышек, вероятно, деревянных. Сосуды средних размеров (типа кувшинов), судя по количеству фрагментов, на поселении были наиболее многочисленны. Они имели округлое тулово, короткую горловину и отогнутый наружу венчик. Соотношение числа находок венчиков и донных частей показывает, что эти сосуды в большинстве были круглодонные. Найдено только 3 плоских донца, которые едва заметны на раздутом тулове сосуда. Фрагменты мисок представлены округлобокими формами с загнутым внутрь или наружу краями. Более редки (3 фрагмента из 15) миски с выгнутым наружу краем и ребром при переходе к нижней

---

¹ Автор выражает благодарность сотрудникам САО РАН Н. Калининой, Г. Коротковой и Е. Хафизовой за предоставленный материал и помощь в работе.

сужающейся части миски. Сита (10 фрагментов) представляют собой крупные миски с редкими отверстиями. Кружки – к ним условно отнесена вся тонкостенная керамика. Конструкция этих сосудов пока неизвестна. Почти вся керамика неорнаментирована, только на двух фрагментах найден орнамент в виде ряда неглубоких оттисков. Лощение на керамике отсутствует – возможно, из-за низкотемпературного обжига и смыва внешнего слоя со временем. Не найдено ни одной ручки, за исключением одного вероятного фрагмента.

Кроме фрагментов керамики на территории поселения найдены ладьевидные зернотерки, изготовленные из гранитных валунов. Из кремневых орудий встречаются призматические пластинки с режущим лезвием, вероятные вставки в орудия труда. Металл представлен бесформенной каплей меди и фрагментом бронзового серпа или ножа.

Судя по составу теста, качеству обжига, типу сосудов и почти отсутствию плоских днищ и ручек сосудов, керамику поселения Зеюко можно отнести к раннему этапу майкопской культуры. Наиболее близким аналогом является поселение около г. Усть-Джегута в Карачаево-Черкессии (*Нечитайло, 1978*).

Литература

Нечитайло А. Л., 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: «Наукова думка».

А. В. Шишлов, А. В. Колтакова, Н. В. Федоренко
Новороссийский исторический музей-заповедник, г. Новороссийск

ПОСЕЛЕНИЕ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАРЯ 1 У СТ. НАТУХАЕВСКОЙ Г. НОВОРОССИЙСКА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Поселение майкопской культуры Заря 1 выявлено в результате разведочных работ А. В. Шишлова в 2016 г. Памятник расположен в 5,3 км к западу от ст. Натухаевской г. Новороссийска и в 0,3 км к югу от хут. Заря Анапского района, на участке северного пологого склона горы Маскага. Поселение занимает мысообразный отрог, который с востока и с запада ограничен неглубокими оврагами, а с севера – р. Котлама. Площадь поселения составляет около 2,5 га. Культурный слой эпохи ранней бронзы перекрывают распаханые материальные остатки хутора начала XX в. и античного поселения V – первой половины III вв. до н. э. Культурный слой майкопского времени также поврежден пахотой. Толщина непотревоженного слоя составляет от 20 до 40 см.

При проведении разведочных работ на поселении было заложено 10 шурфов, в двух из них зафиксированы 2 хозяйственные ямы. Материал, полученный в результате проведенных работ, традиционно представлен фрагментами керамики, предметами из камня (зернотерки, отбойники, терочники) и кости (лощила). Следует отметить довольно многочисленные находки кремневых отщепов и орудий в подъемном материале, что не характерно для местных памятников.

Основной археологический материал на памятнике представлен фрагментами керамических сосудов. В качестве примера (рис. 1) показан керамический комплекс двух хозяйственных ям № 7 и № 8 (нумерация сквозная для всех ям, обнаруженных во время разведочных работ). В состав керамической коллекции из этих закрытых комплексов входят фрагменты красноглиняных, реже сероглиняных, сосудов из глины без минеральных примесей (1 класса, по С. Н. Кореневскому (*Кореневский*, 2004. С. 22)) и фрагменты серо-коричневых сосудов из глины с минеральными примесями (2 класса по Кореневскому). Классификация фрагментов сосудов закрытого типа и мисок была проведена по форме венчиков (*Резепкин*, 2009. Табл. 1; 2012. Табл. 1). Венчики сосудов закрытого типа представлены формой 3 (край оттянут наружу, лежит почти горизонтально) (рис. 1, 1, 3) и формой 4 (плавно отогнут наружу, шейка высокая) (рис. 1, 12–14), в единичном случае – формой 6а (край приострен, шейка прямая) (рис. 1, 2) (*Резепкин*, 2012. Табл. 1). Венчики мисок в большинстве представлены формой 2а (венчик сложнопрофильный, расположен под углом к тулову миски, край заovalен) (рис. 1, 8–10, 17, 18) и формой 3 (край венчика оттянут наружу, лежит горизонтально) (рис. 1, 5–7), в единичном случае формой 6 (край венчика загнут внутрь, закруглен, с внутренней стороны выпуклый) (рис. 1, 19).

Часть красноглиняных сосудов первого класса была украшена. Самый распространенный орнамент – в виде полос, нанесенных красно-коричневой краской (рис. 1, 1, 3, 5, 7, 11), – характерен для майкопских памятников в районе ст. Натухаевской (*Шишлов и др.*, 2013. Рис. 6, 1–10; *Шишлов и др.*, 2015. Рис. 2, 12, 13; *Шишлов и др.*, 2016. Рис. 1, 8). В одном случае зафиксирован пролощенный

Рис. 1. Поселение Заря 1. Керамический материал из хозяйственных ям. 1, 3-7, 12-18, 20 – яма № 8; 2, 8-11, 19 – яма № 7

зигзагообразный орнамент на горле сосуда закрытого типа (рис. 1, 4), аналогичный орнаменту керамики Псекупского поселения (*Резепкин*, 2003. С. 45. Рис. 1, 7). Он встречен и на поселениях Натухаевское 3 (*Шишлов и др.*, 2013. Рис. 6, 13) и Катусвина Кривица 2 (*Шишлов и др.*, 2015. Рис. 2, 1) в районе ст. Натухаевской. На поселении Заря 1 впервые встречен процарапанный волнообразный орнамент между двумя горизонтальными линиями, нанесенный по сырой глине на стенке сосуда из глины с минеральными примесями (рис. 1, 15), и орнамент в виде тонких косых насечек с внешней стороны венчика красноглиняной миски (рис. 1, 7).

Кроме фрагментов горшков и мисок были обнаружены фрагменты коричневоглиняной жаровни с лощением из глины с минеральными примесями (рис. 1, 20), аналогичные жаровням с поселения Натухаевское 3 (*Шишлов и др.*, 2013. Рис. 9, 3).

К новым формам, не встречавшимся на близлежащих майкопских памятниках, можно отнести фрагмент конусовидного дна серо-коричневого сосуда из глины с минеральными примесями (рис. 1, 16). Сосуд с похожим дном был зафиксирован в кургане № 24 в Усть-Джегутинском могильнике (*Мунчаев, Нечитайло*, 1966. Рис. 9, 2).

Кроме фрагментов разнообразных сосудов керамический материал представлен очажными приставками-конусами группы 3 «закубанского» или «псекупского» типа, по С. Н. Корневскому (*Корневский*, 2004. С. 40), так же являющимися характерными находками на всех ранее исследованных поселениях в районе ст. Натухаевской (*Шишлов и др.*, 2013. Рис. 7).

Поселение Заря 1 пополнило список поселений майкопской культуры, открытых в последние годы у ст. Натухаевской. Памятники компактно расположены в бассейне р. Котлама, это поселения Заря 1, Натухаевское 3 (*Шишлов и др.*, 2013), Катусвина Кривица 2 (*Шишлов и др.*, 2015), Орел 1 и Орел 3 (*Шишлов и др.*, 2014. С. 469). Поселение Заря 1 занимает крайне западное положение в этой группе. Расстояние от него до крайнего восточного поселения Натухаевское 3 составляет 5,7 км. Все эти памятники объединены не только географически, но и таким компонентом, как расписная керамика, что пока является их отличительным признаком от остальных известных памятников майкопской культуры.

Литература

- Корневский С. Н.*, 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.
- Мунчаев Р. М., Нечитайло А. Л.*, 1966. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике // СА. № 3. С. 133–151.
- Резепкин А. Д.*, 2003. Керамика Майкопской культуры с лощеным орнаментом // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар. С. 45–54.
- Резепкин А. Д.*, 2009. Миски из поселений Майкопской культуры. Классификация // Пятая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар. С. 317–324.
- Резепкин А. Д.*, 2012. Сосуды из поселений майкопской культуры: классификация // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: Мат-лы междунар. науч. конф. Махачкала. С. 125–128.
- Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В.*, 2013. Керамический комплекс поселения майкопской культуры Натухаевское-3 // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 12. Армавир, Краснодар, М. С. 13–27.

- Шишлов А. В., Колпакова А. В., Кононенко А. П., Федоренко Н. В.*, 2014. Работы Новороссийского исторического музея-заповедника // АО 2010–2013 гг. М. С. 442–443.
- Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В., Гей А. Н.*, 2015. Поселение Катусвина Кривица 2 – новый памятник майкопской культуры на Западном Кавказе (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 237. М. С. 113–125.
- Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В.*, 2016. Могильник Натухаевский-4 – новый памятник Майкопской культуры под Новороссийском (предварительное сообщение) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Мат-лы междунар. науч. конф. Грозный. С. 63–65.

В. Р. Эрлих

Государственный музей искусств народов Востока, г. Москва

Г. Л. Годизов

Северо-Кавказский филиал Государственного музея Востока, г. Майкоп

МЕГАЛИТИЧЕСКИЙ АНСАМБЛЬ ШУШУК-75-76: К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ АТТРИБУЦИИ

Начиная с осени 2015 г. Кавказская археологическая экспедиция Государственного музея Востока и ООО «Культурное Наследие» проводит охранно-спасательные исследования археологического комплекса Шушук на территории карьера природного гипса в окрестностях пос. Победа Майкопского района Республики Адыгея. Разведками и раскопками в 2015–2017 гг. экспедиции удалось выявить бытовые и погребальные комплексы постдольменного горизонта, относящегося к эпохе финальной бронзы (Эрлих, 2017; Эрлих, в печати).

В 2017 г. работы экспедиции на территории карьера были продолжены изучением комплексов Шушук-75 и Шушук-76, по-видимому, представлявших собой единый мегалитический ансамбль, расположенный на двух находящихся рядом выступах материкового гипса (рис. 1, 1).

В результате раскопок объекта Шушук-75 были зафиксированы 10 развалов лепных сосудов, оставленных в результате совершения тризн. Также были расчищены два скопления. В первом, помимо многочисленных фрагментов керамики, присутствовал кремневый наконечник стрелы в виде «ласточкина хвоста» (рис. 1, 3), а во втором – точильный камень.

Здесь же были обнаружены два погребения. Погребение 1 представляло собой разрушенную конструкцию постдольменного типа и было совершено на вершине холма. В погребении найдены бусы и пронизки из селенита (кристаллического гипса), бронзы и раковины (рис. 1, 6, 8, 9–16), серебряное височное кольцо (рис. 1, 17) и бронзовая каплевидная подвеска (рис. 1, 7). Весьма интересны подражания подвескам из зубов оленя, выполненные из местного гипса (рис. 1, 4, 5). Эти подвески имели двустороннюю орнаментацию: с одной стороны, выступ в виде бугорка, с другой – луновидную прорезь (мужское и женское начало?).

Второе погребение находилось на периферии всхолмления – в северном направлении от ее центра – и располагалось в дольменообразной конструкции (рис. 1, 2). Дольменная конструкция была впущена в гумусную промоину, находящуюся между двумя естественными всхолмлениями, причем при ее сооружении был частично подрезан естественный холм, на котором располагалось погребение 1 объекта Шушук-75.

Здесь были обнаружены как пяточные (фундаментные) плиты дольмена, так и боковые плиты, включая порталную (переднюю) плиту с фрагментом отверстия арочной формы, а также дольменная втулка. В погребении (рис. 1, 2) среди костей человека (6 индивидуумов, из которых 2 ребенка) было обнаружено более 100 находок: лепные сосуды, височные подвески из золота и серебра (рис. 1, 18–20), подвески из зубов оленя и других животных (рис. 1, 33–36), а также подражания им, выполненные из местного гипса, в т. ч. орнаментированные, аналогичные встреченным в погребении 1 объекта Шушук-75 (рис. 1, 31, 32), бусы

и подвески из селенита, в т. ч. подражания бронзовым грибовидным подвескам, обнаруженным в погребении 1 объекта Шушук-76 (рис. 1, 22–30).

К северу от этого сооружения была сделана прирезка, показавшая, что данный объект и соседний объект Шушук-76 представляют собой единый ансамбль. В прирезке обнаружено погребение, которое было совершено внутри крупных плит дольмена, имеющих выразительные следы обработки. В погребении найден фрагмент камня с петроглифом, представляющим собой четыре вертикальные черты, завершающиеся пятой – горизонтальной, селенитовая бусина (рис. 1, 39) и две бронзовые грибовидные подвески (рис. 1, 37, 38).

Анализируя культурную и хронологическую позицию данного комплекса, отметим, что данное сооружение несколько выбивается из круга постдольменных погребений могильника Шушук, для которых характерным признаком являются ящики-рамы с наличием иногда вторично использованных плит разобранных дольменов. Здесь обнаружен неразобранный поздний дольмен с арочным входом (погребение 2 объекта Шушук-75), аналогичный сооружениям дольменного могильника Шушук, исследованного А. Д. Резепкиным в 2010–2013 гг. (*Резепкин, 2013, 2013а, 2013б*) и находящегося в 500–700 м от исследуемого Кавказской археологической экспедицией археологического комплекса Шушук. В то же время погребение 1 объекта Шушук-76 с элементами рамы из плит дольмена может быть соотнесено с погребениями постдольменного типа. В материалах объекта Шушук-75 присутствуют архаические артефакты, восходящие к эпохе средней бронзы: наконечник стрелы в виде «ласточкина хвоста» (рис. 1, 3) и каплевидная подвеска (рис. 1, 7).

Кроме конструктивных деталей в рассматриваемых материалах имеются и другие соответствия с погребениями постдольменного горизонта, открытыми ранее в данном могильнике: подвески из зубов оленя и других животных, фаянсовая пронизь, бусы из селенита.

Определенное сходство с постдольменными материалами имеется и в орнаментации керамики, обнаруженной в обоих объектах. В этой связи интересна находка в заполнении погребения 1 объекта Шушук-76 фрагмента горла сосуда, оформленного рядами валиков (рис. 1, 40). Пока подобные фрагменты встречаются только на поселении Шушук постдольменного времени.

О хронологической близости всех трех погребений, обнаруженных на объектах 75, 76 и в прирезке, свидетельствуют перекрестные соответствия погребального инвентаря. Во всех трех погребениях встречены селенитовые бусы. В погребении 1 объекта 76 обнаружены бронзовые грибовидные подвески¹ (рис. 1, 37, 38), а в погребении 2 объекта 75 – подражания им, выполненные из селенита (рис. 1, 29, 30). Погребения 1 и 2 объекта 75 имеют аналогичные орнаментированные гипсовые подвески, подражающие подвескам из зубов оленя (рис. 1, 4, 5, 31, 32) и аналогичные серебряные височные подвески (рис. 1, 17, 19).

Таким образом, мегалитический ансамбль Шушук-75-76, в котором присутствуют как дольменные (Шушук-75, п. 2), так и постдольменные традиции погребального сооружения, являет собой определенную хронологическую проблему: содержимое дольмена одновременно или несколько позднее постдольменных

---

¹ Точные аналогии в культурах Кавказа эпохи поздней бронзы нам не известны.

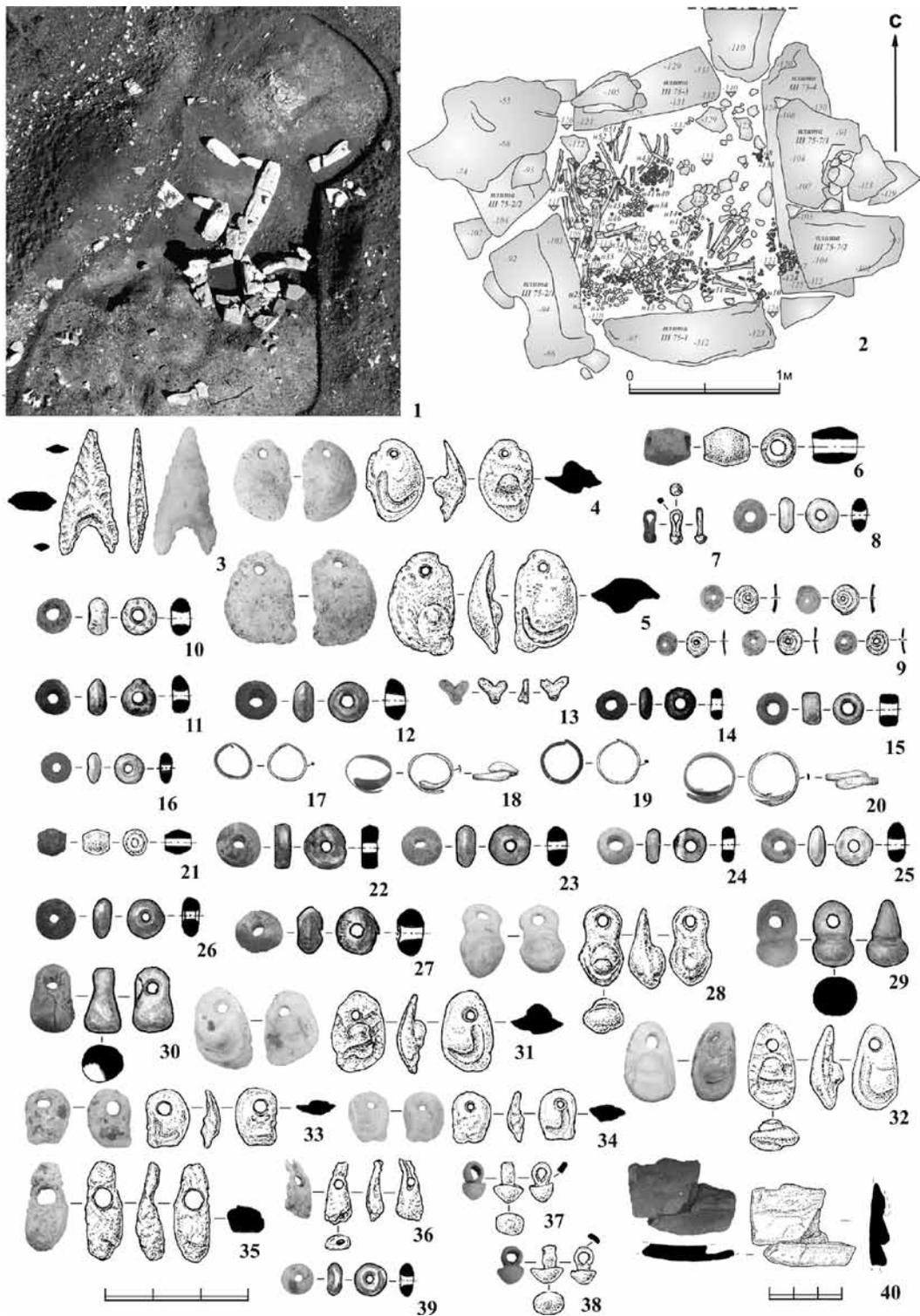

Рис. 1. Мегалитический ансамбль Шушук-75-76: 1 – вид на объекты Шушук 75–76 сверху; 2 – Шушук-75 погребение 2 (третий уровень расчистки); 3 – Шушук-75, наконечник стрелы из скопления 1; 4–17 – материалы из погребения 1 объекта Шушук-75; 18–36 – материалы из погребения 2 объекта Шушук-75; 37–39 – материалы погребения 1 объекта Шушук-76.; 40 – фрагмент сосуда из объекта Шушук-76 (3 – кремь; 4, 5, 10, 16, 31–32, 28, 30–32 – гипс; 6, 7, 13, 21, 37, 38 – бронза; 8, 10–12, 14–16, 22–27, 29, 39 – селенит; 9 – раковина, 17, 19 – серебро; 18, 20 – золото; 36–43 – кость; 40 – керамика)

погребальных сооружений. Мы можем предложить пока две версии для ее решения. Версия 1: первоначально на этом месте был сооружен дольмен между двумя всхломлениями, который вторично был использован населением постдольменного времени, которое почему-то его не разобрало. Версия 2: данный ансамбль относится ко времени перехода от дольменной к постдольменной традиции, когда сосуществовали два вида погребальных конструкций. Окончательные выводы, возможно, помогут сделать результаты абсолютного датирования образцов из данных сооружений.

Литература

- Резепкин А. Д.*, 2013. Вопросы относительной хронологии дольменов // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест. С. 365–369.
- Резепкин А. Д.*, 2013а. Комплекс украшений из дольмена Шушук в Адыгее // Третья Абхазская международная конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы / Отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум: РУП «Дом печати». С. 119–121.
- Резепкин А. Д.*, 2013б. Отчет о работах на дольменном могильнике Шушук в 2013 // Архив Национального музея Республики Адыгея.
- Эрлих В. Р.*, 2017. Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции Государственного музея Востока в 2016–2017 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. Б/н.
- Эрлих В. Р.*, в печати. Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе // КСИА. Вып. 249.

Археология финала позднего бронзового и начала раннего железного века

А. Б. Белинский

ООО «Наследие», г. Ставрополь

А. И. Иванчик

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

К ВОПРОСУ О ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОЙ КОЛХИДЫ И ЛОКАЛИЗАЦИИ ДИОСКУРИАДЫ В АРХАИЧЕСКИЙ И КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОДЫ

Побережье северной Колхиды (современной Абхазии) осваивалось греками с начала VI в. до н. э., что подтверждается находками фрагментов греческой керамики этого времени, обнаруженными на некоторых памятниках в этом регионе (Гюэнос, Эшерское городище и др.). Вопрос о локализации главного греческого города этого времени на этом побережье, Диоскуриады, однако, не может считаться решенным, несмотря на практически общепринятую с конца XIX в. точку зрения о месте ее расположения в прибрежной зоне Сухумской бухты. Но это мнение не было единственным, и некоторые исследователи справедливо отмечали отсутствие культурного слоя архаического и классического периодов на данной территории. Ни одно из приводившихся объяснений данного факта не может считаться убедительным. Большая часть свидетельств письменных источников указывает на месторасположение Диоскуриады у значительной реки в месте, где береговая линия имеет ярко выраженный изгиб (поворот). Анализ архивных космоснимков разного периода, а также исторической и современной картографии, данных топонимики, гидронимики, позволил определить перспективную территорию разведочных работ в районе мыса Искурей и залива Искурия (Скурча) восточнее современной дельты реки Кодор.

В 2017 г. совместная экспедиция АБИГИ им. Д. И. Гулиа и ООО «Наследие» под руководством И. И. Цвинария и А. Б. Белинского в ходе работ у современного села Балан обнаружила мощную цитадель размерами более 200×200 м с эскарпированными склонами и другими фортификационными сооружениями. Цитадель расположена в 300–250 м от берега бухты Искурия (Скурча). На верхней площадке были заложены 4 шурфа, которые, наряду с многочисленными керамическими комплексами и другими находками колхидской культуры, дали значительное количество импортной греческой керамики архаического облика, включая крупные фрагменты северо-ионийской ойнохой, стиля Wild-goat, датируемой рубежом VII–VI вв. до н. э. Кроме того на цитадели были зафиксированы участки с остатками архитектурных сооружений из местного камня и сырца. Слой с остатками архаического периода располагался непосредственно на материке, что свидетельствует о начале освоения и строительства цитадели именно в этот период. В слое отсутствуют остатки римского времени. У подножия цитадели выявлен культурный слой (в т. ч. с фрагментами колхидских амфор и черепицы) большого поселения, участками прослеженный на протяжении 1,5–2 км вдоль береговой

линии. Один из шурфов на поселении дал огромное количество однотипных фрагментов керамических ванночек из т. н. текстильной керамики, соотносимых многими исследователями с процессом производства соли. Возможно, это был участок солеварни, что может свидетельствовать о значительном развитии здесь данного производственного направления с самого раннего периода греческой колонизации. Следует отметить, что от этого места по долине р. Кодор проходят кратчайшие и удобные пути к перевалам на Северный Кавказ, которые функционировали еще в древности.

Первые предварительные результаты работ 2017 г. позволяют вновь поставить вопрос о локализации Диоскуриады, по крайней мере, в архаический и классический периоды, в рамках формирующегося греческого полиса на этой территории.

О. А. Брилева

Государственный музей искусства народов Востока, г. Москва

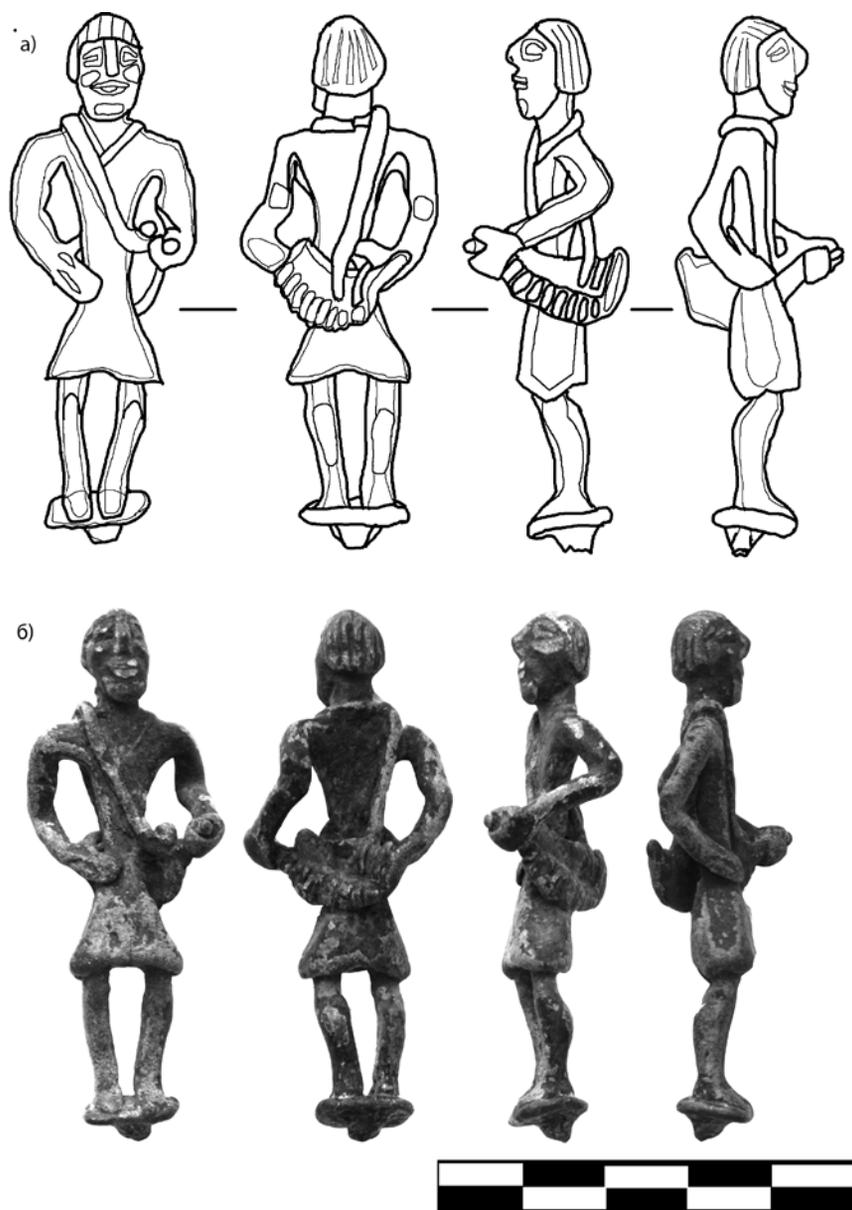
**ФИГУРКА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
АНТРОПОМОРФНОЙ ПЛАСТИКИ И.В. МЕГРЕЛИДЗЕ,
СОБРАННОЙ НА Г. КИДИЛАШАНИ ЛЕТОМ 1939 г.**

Летом 2015 г. в рамках проекта Русского географического общества (договор № 06/2014-ДП2) была осмотрена, сфотографирована и зарисована коллекция бронзовой антропоморфной пластики, хранящаяся в Горийском историко-этнографическом музее им. С. Макалатия под номером 7–40. Выражаю глубокую признательность сотрудникам музея за предоставленную возможность оперативной работы в фондах. Благодарю за участие к моему исследованию Лейлу Николаевну Панцхава, которая заботливо приехала в Гори и представила меня сотрудникам музея.

Коллекция связана с поездкой И. В. Мегрелидзе в Цунтинский район Дагестана в июле 1939 г. Он опубликовал коллекцию в 1951 г., написав, что она состоит из материалов, раскопанных им на г. Кидиলাшани и из покупок у местных жителей (*Мегрелидзе*, 1951. С. 285). Четкой градации между покупками и находками в публикации нет. Поскольку публикуемая фигурка из коллекции резко контрастирует с остальными предметами, позволю себе выдвинуть предположение, что она является покупкой у местных жителей. Остальные же фигурки коллекции, вероятно, были найдены при раскопках.

Единственная объемная скульптура коллекции высотой 6,5 см – фигура мужчины в одежде. Его голову украшает короткая прическа с ровно прочерченными прядями. Детали лица тщательно проработаны. Глаза изображены подковообразными валиками. Нос выступает треугольником. Губы обозначены валиками. Широкий подбородок подчеркнут, но не выступает. На шее – гривна (на это указывает заведенные назад края) или треугольный вырез одежды. Фигура подчеркнута мужская, с широким плечевым поясом и тонкой талией. Нижний край одежды показан с округлыми вырезами подола по центру и удлиннен по краям. Ноги слегка расставлены в коленях и соединены в ступнях. Фигура стоит на округлом постаменте, имеющем скол на нижней стороне. Вероятно, фигурка могла иметь крепление в виде петли или быть частью предмета, например, булавки.

Наиболее интересная деталь скульптуры – перекинутый через правое плечо предмет, обозначенный И. В. Мегрелидзе как «колчан» (по Мегрелидзе. С. 286). Личный осмотр фигурки показал, что однозначно трактовать предмет сложно. С одинаковым успехом «колчан» может быть сумкой, луком или холодным оружием. Уверенно можно лишь зафиксировать, что левая рука сжимает рукоять предмета, скрытого в «сумке». Предмет, рукоять которого сжимает мужчина, изогнут. Скорее всего, это холодное оружие. Указать на его внешний вид может целая серия фигурок, одетых сходным образом, в «полушубок» по И. В. Мегрелидзе (с. 287): воин из Гигатлинского клада держащий голову человека в левой руке и с висящим на боку холодным оружием (*Кажлаев*, 1972. С. 3–4; *Марковин*, 1986. Рис. 12.24; *Брилева*, 2012. Кат. 321); фигурка из Аргунского ущелья с луком и стрелами в руках и холодным оружием на боку (*Уварова*, 1902. Р. 47; *Брилева*, 2012. Кат. 486); ферт из с. Карата

Рис. 1. Объемная скульптура из сборов И. В. Мегрелидзе. а) – прорисовка; б) – фотографии

с головой на поясе и холодным оружием слева на боку (*Zakharov*, 1933. Fig. 81–82; *Брилева*, 2012. Кат. 571). По изгибу предмет в «сумке» ближе всего к холодному оружию, висящему на левом боку у воина из Гигатля, которое, в свою очередь, трактуют либо как скифский акинак с брусковидным навершием и почковидным перекрестием (*Давудов*, 1987. С. 55–57; 1991. Р. 73–78; *Горелик*, 1987. С. 50–53), либо как меч с чуть изогнутым почти прямым перекрестием (IV–VI вв. н. э.) (*Гаджиев*, 2001. С. 77; *Gadjiev*, 2006. Р. 199–212). Однако трактовка предмета как холодного оружия, акинака или меча, не объясняет поперечных выступов по периметру «сумки». Трактовка предмета, висящего на левом боку у воина, остается открытой. Надеюсь, что подробный рисунок и фотография скульптуры позволят коллегам выдвинуть новые версии трактовки предмета на боку и скульптуры в целом.

О. А. Брилева

Государственный музей искусства народов Востока, г. Москва

С. Л. Кравцова

Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве, г. Ставрополь

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА Г. СТРИЖАМЕНТ

Весной 2011 г. в Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве пришел мужчина средних лет, представившийся Фарухом. Он сказал, что приехал из ст. Новокатериновки, примыкающей на юге к горе Стрижамент. Рассказав, что они с другом безуспешно пытались заработать с помощью незаконных раскопок, он принес несколько коробок с археологическими предметами. Мужчина пояснил, что вещи лежали у него в гараже и, если сотрудники музея не согласятся взять вещи, он отдаст на переплавку. Заведующей отделом археологии С. Л. Кравцовой ничего не оставалось, как принять предметы в дар музею.

Гора Стрижамент разделена между двумя лесниками. Южная часть горы закреплена за лесничим Виктором Николаевичем Савельевым, проживающим в ст. Новокатериновской. Он нас заверил, что на его памяти в станице никогда не жил человек с именем Фарух. Вероятно, «Фарух» не хотел раскрывать своего истинного места проживания и имени. Но он с уверенностью указывал на гору Стрижамент как на место производимых им грабежей. Лесничие СКУ «Ставропольское лесничество», за которыми закреплена территория горы Стрижамент, Сергей Васильевич Гребенчук и Виктор Николаевич Савельев сказали, что регулярно встречают людей с металлоискателями и места их «раскопов» на территории горы.

Гора Стрижамент достигает отметки 832 м и является высшей точкой Ставропольского плато. Согласно приказу Министерства культуры Ставропольского края № 96 от 22 февраля 2008 г. среди списка утвержденных выявленных объектов культурного наследия Ставропольского края нет археологических памятников, расположенных на горе Стрижамент. Однако Н. А. Охонько в 1988 г. описал поселение на северном склоне горы Стрижамент (*Охонько*, 1988. С. 275). Оно «занимало лощину у самой вершины Стрижамента, хорошо защищенную естественными особенностями рельефа», с тонким культурным слоем (*Охонько*, 1988. С. 249). По сборам керамического материала Н. А. Охонько отнес памятник к предскифскому периоду VIII – первой половины VII вв. до н. э., оговорив, что «не исключено, что VIII в. – не крайняя граница и будет возможность передвинуть ее дальше» (*Охонько*, 1988. С. 258). Николай Анатольевич считал, что на поселении к скифскому периоду «жизнь прерывается полностью» (*Охонько*, 1988. С. 250). Он связывал поселение с первым этапом активного заселения Ставропольской возвышенности племенами западного варианта кобанской культуры с присутствием степных элементов.

В коробках оказались в основном металлические предметы различных эпох (от эпохи средней бронзы до позднего средневековья и деталей предметов вооружения начала XX в.).

К эпохе средней бронзы относится листовидный нож. Он принадлежит к типу 2 подтип 2–3 по классификации А. А. Клещенко, который характерен для северокавказских комплексов Южного Ставрополя, но может доживать «даже до финала эпохи средней бронзы» (Клещенко, 2011. С. 94).

К VIII – первой половине VII вв. до н. э. относится 2 предмета: биметаллический кинжал и бронзовая пронизь.

Литая уздечная бляха с петлей на обороте в виде разомкнутого квадрата на 4 столбиках украшена с внешней стороны 4-мя вытянутыми треугольными отверстиями, обращенными вершинами к внешней стороне. По размерам и внешнему оформлению она относится к III типу 1 варианта по В. И. Козенковой. Ближайшие аналогии им происходят из погр. 17 мог. Мебельная фабрика (Козенкова, 1995. С. 111. Табл. XXVIII.12). По способу крепления на обороте бляха находит аналогии среди обойм сиалковского типа группы 1. Н. И. Медведская считает, что «в Причерноморье на Северном Кавказе пронизи группы I в составе уздечки отсутствуют» (Медведская, 2013. С. 431, 433. Рис. 8). Однако В. Р. Эрлих относит такие уздечные пронизи к типу 4 и приводит примеры нахождения еще 3 экз. (из погр. 51 мог. Шиш 1; из окрестностей хут. Городской). Он считает, что в Закубанье подобные пронизи продолжают существовать в скифское время, доживая до середины VI в. до н. э. (Эрлих, 2007. С. 138. Рис. 202, 17, 18).

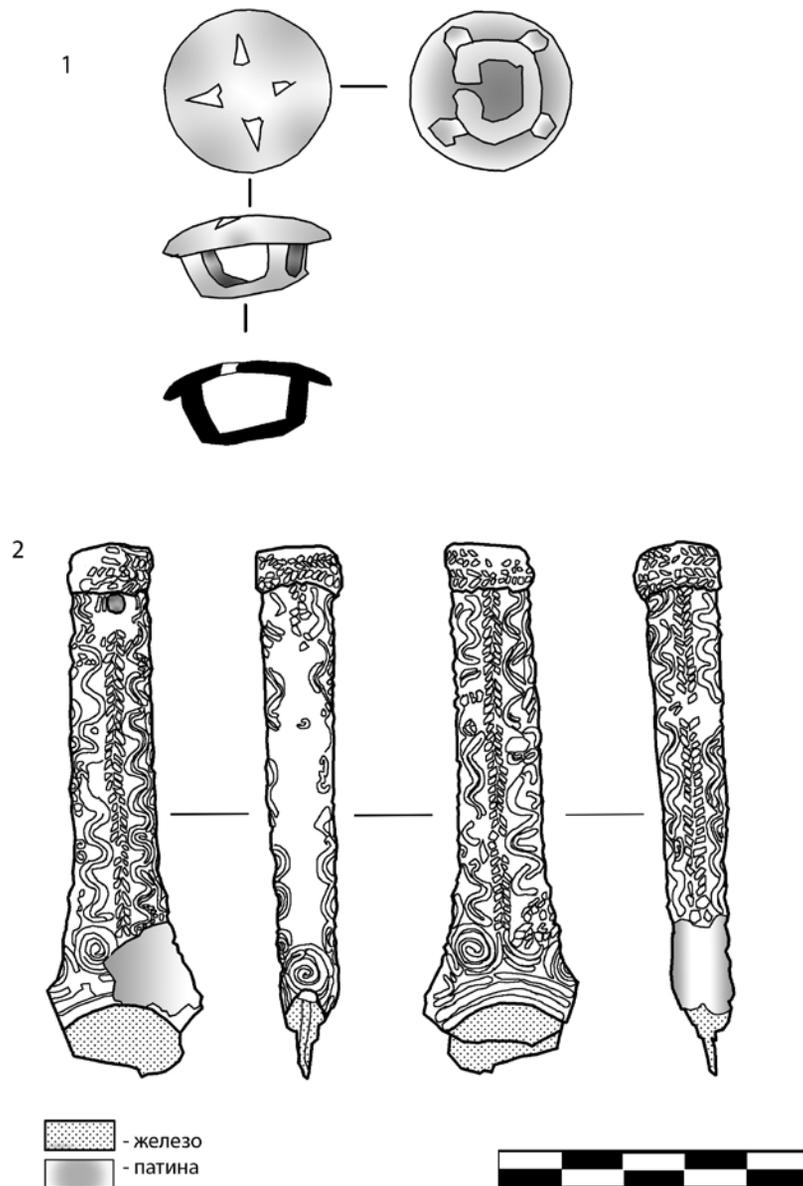
Биметаллический кинжал кабардино-пятигорского типа представлен небольшим фрагментом железного клинка и обильно украшенной бронзовой рукоятью с навершием в виде узкого валика (2 отдел), подпрямоугольного в плане с перекрестием в виде равномерно изогнутой дуги (тип 1) по В. И. Козенковой, со стволом рукояти округлой в сечении формы (отдел I) (Козенкова, 1995. С. 56–57. Табл. XI). По мнению В. И. Козенковой, высказанному в личной беседе, кинжал избыточным украшением рукояти указывает на позднее время его изготовления.

К периоду VI–IV вв. до н. э. относятся зеркало, разнообразные булавки (4 шт.), 1 игла, инструмент для выделки кожи, рыболовный крюк и крюк с втулкой для насадки на стержень. К предметам вооружения относятся бронзовый умбон от щита и бронзовая втулка от копья. Детали конской узды представлены ажурной литой бляшкой и 3 пряжками в виде колец, а также ворворкой.

Таким образом, бронзовый материал кобанского периода представлен как поселенческим материалом, так и материалом, который может быть связан с погребальными комплексами.

Кроме археологического материала кобанской культуры, в коробках находились предметы раннего средневековья: разнообразные железные стрелы; железное копьё; железные ножны и гарда от меча; железный нож; кольца из бронзового прута, в т. ч. с вставкой для камня; детали ременной гарнитуры; бронзовые подвески; бронзовые цепочки; круглые бронзовые диски.

В коробках находилось несколько штык-ножей и серпы. Эти находки могут подтверждать слова «Фаруха» о том, что они заходили на гору Стрижамент со стороны ст. Новоекатериновской. Ведь именно здесь, на южной части горы, находился «Ретришмент» – казачья крепость 1794 г. и солдатское поселение – хутор Темнолесский, позже – Стрижамент (есть на картах до 1954 г.). Казачья крепость здесь вместе со вторым пикетом на горе Недреманной контролировала проход из долины р. Кубань к долине р. Егорлык. Таковую же функцию могли выполнять

Рис. 1. 1 – литая бронзовая уздечная бляха; 2 – биметаллический кинжал кабардино-пятигорского типа

располагавшиеся здесь в более раннее время поселения от кобанского периода до средневековья.

В рамках недели археологии летом 2017 г. на лекцию одного из авторов тезисов пришел слушатель Александр Анатольевич Сазанцев. Он уже десятилетие свободное время проводит на горе Стрижамент. После мероприятия он рассказал, что открыл новый археологический памятник, похожий по наличию мощных фортификационных сооружений на Татарское городище, и хотел бы показать его археологам. Выехав на место, мы действительно увидели систему валов и ров, фундамент круглой башни, древние дороги – укрепленную территорию, похожую по структуре на фортификационную систему Татарского городища. Подъемный материал относится к салтово-маяцкой археологической культуре.

Выявленное городище находится в 16 км от Татарского городища, в зоне прямой видимости.

Дополняет контекст обнаруженного памятника фрагмент антропоморфной фигурки, найденной на горе Стрижамент в 1960 г. (*Березин, Савенко, 2004. С. 149*). Обстоятельства находки статуэтки неизвестны. Я. Б. Березин и С. А. Савенко связывают эту и подобные им фигурки (всего известно 3 экз.) с периодом расцвета Хазарского каганата и датируют VIII–X вв. Таким образом, фигурка с горы Стрижамент синхронна фортификационным сооружениям на Татарском городище и выявленному памятнику на горе Стрижамент и, вероятно, связана с ним.

Таким образом, на горе Стрижамент выявлено несколько новых археологических памятников от VIII–VII вв. до н. э. до позднего средневековья: кобанское поселение в северной части горы (описанное Н. А. Охонько); фортификационное сооружение с дорогами, валами и рвами типа Татарского городища в северной части горы; поселенческие и, не исключено, что и погребальные, на южной вершине горы от кобанского периода (с VIII–VII вв. до н. э.) до позднего средневековья. История заселения горы Стрижамент должна быть схожа с уже изученным памятником Татарское городище (*Березин, Каминский, Малашев, 2012. С. 46–47, 56–57, 61–62*).

С. Б. Бурков

Институт истории и археологии РСО-Алания, г. Владикавказ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА МАНИПУЛЯЦИИ С ЧЕРЕПАМИ В ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ У НАСЕЛЕНИЯ КАВКАЗА И ЗАКАВКАЗЬЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ – РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Обрядовые действия, связанные с декапитацией и демандибуляцией, фиксируются на широких пространствах Евразии и являются надкультурной практикой, широко распространенной во времени и пространстве: Западная Сибирь – энеолит, Северный Кавказ – Татарское городище, могильник № 2 (*Зайцева, 2005. С. 17; Прокопенко, 2014. С. 230*). В древности голова рассматривалась как сосредоточение жизни и местопребывание души, поэтому она была священной частью тела. Предполагалось, что после смерти человека его череп продолжает хранить духовные качества его владельца поэтому, завладев его головой, можно заставить его служить себе (*Сланов, Бурков, 2013. С. 49*). Древние люди полагали, что после смерти череп продолжает хранить свойственные человеку духовные качества. Их можно было поставить себе на службу, если овладеть черепом могущественного соплеменника или врага (*Рапопорт, 1971. С. 35–36*). По мнению Ю. А. Прокопенко, обряд отрубания головы у врага относится к культу бога войны (*Прокопенко, 2014. С. 227*). Косвенным подтверждением подобного предположения, на наш взгляд, может служить бронзовый пояс из погребения № 14 Астхиблурского могильника, на котором изображены т. н. головы врагов, привешенные к уздечкам двух всадников и их запасных коней. В том же могильнике в ряде захоронений были обнаружены и отдельные черепа (*Погребова, 2011. С. 246*). Традиция особого отношения к черепам и нижним челюстям фиксируется в погребальных практиках населения Евразии нижнего палеолита, продолжается в эпоху мустье, используется в неолите, продолжается в эпоху энеолита и бронзы.

Приемы особого отношения к черепам ранее умерших сородичей отмечены и в погребениях эпохи бронзы Кавказа и Закавказья. Наиболее рельефно археологически этот обычай зафиксирован в Закавказье, где отдельные черепа повсеместно встречаются в погребальных памятниках энеолита и ранней бронзы (*Кушнарева, Чубинишвили, 1970. С. 165; Хачатрян, 1975. С. 146–147*). Внушительный перечень погребений с особым отношением к черепу и нижней челюсти, происходящих из некрополей Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы – начального этапа раннего железного века, содержит монография М. Н. Погребовой. Зафиксированы случаи помещения черепов и нижних челюстей в отдельные ниши, в сосудах и на них – сверху, сосуд – вместо головы погребенного, расположение черепов в ряд или положенные вместе, обкладывание черепов камнями и деревом, расположение рядом с ними погребального инвентаря. Данный обряд присутствовал в подкурганых и грунтовых погребениях, в каменных ящиках и катакомбах (*Погребова, 2011. С. 72–73, 107, 127, 133, 144, 233–234, 245–246*).

Манипуляции с черепами были зафиксированы в погребениях эпохи бронзы и раннего железного века по обе стороны Главного Кавказского хребта, причем как в горно-предгорной, так и плоскостной зонах, в гробницах, каменных

ящиках и курганах (9/22 «Ассиновское курганы, п. 42, к. 3 и п. 43, к. 3 «Самашкинские курганы», п. 10 и 12 – Бельтинский могильник № 2, п. 3, к. 1 и п. 4, к. 1 – Чечня, «Константиновское плато», п. 3 – Ставрополье, «У путепровода» и п. 2 – Ингушетия. Подобная традиция фиксируется у жителей Кавказа и в дальнейшем: могильник у с. Сержень-Юрт, п. 11, Стырфаз, кромлех 10, п. 4, Казбекский клад, т. н. Гигатлинский воин.

Похожий обряд известен и у кочевников Восточного Предкавказья (Могильник «Бамутские сады», гр. I, к. 1). В последующем эта традиция продолжает встречаться в Дагестане (Карабудахкентский и Новолакские могильники) и у жителей предгорий Центрального Предкавказья (Чегемский курган-кладбище, п. 51). Информация о захоронении отдельных черепов в материалах Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. содержится в монографии Ю. А. Прокопенко (*Прокопенко, 2014. С. 230*).

Отдельного комментария требует предмет, изображенный подвешенным к лошадиной сбруе всадника на бронзовом поясе из п. 76 Тлийского могильника. Его изображение, по форме напоминающее человеческую голову, показано прикрепленным на длинном ремне к узде лошади. Данная традиция рядом исследователей связывается со скифами, как полностью соответствующая рассказу Геродота (*Техов, 2006. С. 230, 234, 236; Ильинская, 1982. С. 44–45; Прокопенко, 2014. С. 228*). По мнению М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского, это могла быть кормушка, привязанная к морде лошади (*Погрехова, Раевский, 1997. С. 56*). Но у Геродота речь шла о скальпах, подвешиваемых к уздечкам коней, тогда как черепа приносились скифами своему царю в качестве подтверждения своей храбрости, сведений об их подвешивании к узде нет (*Геродот, 1972. С. 202; Сланов, Бурков, 2013. С. 49*). В качестве аналогий Б. В. Техов приводит изображения с бронзового пояса из Астхиблурского могильника и фрагмента пояса из Кобанского могильника (*Техов, 2006. С. 235; Уварова, 100. С. 37. Рис. 41; Техов, 1977. С. 130*). Прорисовка пояса из Астхиблурского могильника у Б. В. Техова не очень четкая, поэтому обратимся к другому источнику (*Погрехова, Раевский, 1997. С. 136. Табл. XIV, IV – 11*). Среди прочих изображений на нем в правой части пояса представлены 2 всадника с запасными конями, у каждой лошади на сбруе, но не в районе предполагаемых удил, а у шеи, помещены (подвешены) предметы, которые условно могут считаться человеческими головами. По крайней мере, такой точки зрения придерживается Б. В. Техов (*Техов, 2006. С. 235*). По своей конфигурации (овальной формы, с двумя вырезами в нижней части) они напоминают человеческие черепа без нижних челюстей, без штрихов в их верхних частях, что для изображения на бронзовом поясе из погребения № 76 трактуется как волосы. Для условно переданных голов персонажей (всадника, лучников) данного пояса характерно наличие 2 выступов – вероятно, носа и нижней челюсти, которая в некоторых случаях трактуется как борода. У предмета, переданного подвешенным к сбруе лошади на чем-то, напоминающем кожаный ремень (?), имеется глубокая выемка подтреугольной формы, края которой в некоторых случаях воспринимаются как нос и нижняя челюсть, не имеющая бороды. Отсюда – трактовка всадника как взрослого воина, победившего своего более молодого врага. Среди известных нам изображений имеется лишь одна довольно реалистично исполненная фигура воина с четко прорисованной бородой из п. 419 Тлийского могильника (*Техов, 2001. С. 273. Табл. 71,*

б). На бронзовом кубке из Двина имеются изображения воинов-лучников, у которых головы переданы очень похожими на предмет, подвешенный к лошадиной узде из п. 76 Тли (*Погребова, Раевский, 1997. С. 147. Табл. XXII – а, тип IV – 9*). На изображении данного предмета из этого захоронения у М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского отсутствует точечное изображение в его верхней части (прорисовка глаза), тогда как на рисунке в монографии Б.В. Техова оно четко видно (*Техов, 2001. С. 240. Табл. 46, 12. С. 249. Табл. 49, 2*). Изображение т.н. головы с фрагмента пояса из Кобанского могильника похоже на подобные же предметы с поясов из п. 14 Астхиблурского могильника и п. 76 Тлийского могильника. Изображение воина с бронзового пояса из п. 419 Тлийского могильника интересно контуром его головы, у которой на подбородке видна борода, а с гладко обритого черепа за плечи свешивается вниз коса с вплетенными в нее дополнительными элементами (накосники?) (*Техов, 2001. С. 273. Табл. 71, 6*).

Исходя из сказанного, следует признать, что изображение на бронзовом поясе из погребения № 76 Тлийского могильника вполне соответствует закавказской изобразительной традиции середины – конца VIII в. до н.э. и не может быть истолковано в качестве доказательства скифской принадлежности данного персонажа.

Литература

- Геродот, 1972. История в 9 книгах. Л.*
- Зайцева О. В., 2005. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации. Автореферат диссертации к. и. н. Новосибирск.*
- Ильинская В. А., 1982. Изображения скифов времени преднеазиатских походов // Древности степной Скифии. Киев.*
- Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970. Древние культуры Южного Кавказа. Л.*
- Погребова М. Н., Раевский Д. С., 1997. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. М.*
- Погребова М. Н., 2011. История Восточного Закавказья: вторая половина II – начало I тыс. до н.э. (по данным археологии). М.*
- Прокопенко Ю. А., 2014. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 2. Ставрополь.*
- Рапопорт Ю. А., 1971. Из истории религии древнего Хорезма // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. VI. М.*
- Сланов А. А., Бурков С. Б., 2013. Значение обрядов обезглавливания и скальпирования в скифской военной культуре // Вестник СОГУ. Серия «Истрия и политология. № 3. Владикавказ.*
- Техов Б. В., 2001. Графическое искусство населения Центрального Кавказа в конце II–первой половине I тысячелетия до н.э. (по бронзовым поясам из Тли). Владикавказ, Цхинвал.*
- Техов Б. В., 2006. Археология южной части Осетии. Владикавказ.*
- Хачатрян Т. С., 1975. Древняя культура Ширака (III–I тыс. до н.э.). Ереван.*
- Уварова П. С., 1900. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Северного Кавказа. Вып. VIII. М.*

Е. Е. Васильева
Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

БРОНЗОВЫЕ ПОДВЕСКИ В ВИДЕ БАРАНЬИХ ГОЛОВ: ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ¹

Проблема систематизации бронзовых скульптурных изображений животных эпохи бронзы и раннего железного века не раз возникала перед исследователями, занимающимися археологией Северного Кавказа. И несмотря на некоторые попытки продвинуться в решении этой проблемы, существенных результатов достичь пока не удалось. В первую очередь это относится к бронзовым подвескам в виде бараньих голов. Большинство подвесок происходит из разграбленных во второй половине XIX в. комплексов с территории современных республик Северная Осетия-Алания, Южная Осетия и Кабардино-Балкария. Как правило, в фондах музеев хранятся находки, поступившие путем сборов или покупки у частных лиц. В тех же случаях, когда были произведены раскопки (например, Э. Шантра), находки труднодоступны для изучения. Существует вероятность их депаспортизации или даже утраты. Усложняет задачу и сам объект исследования. Все подвески индивидуальны, так как они сначала моделировались в воске, а затем отливались по утрачиваемым моделям (Минасян, 1991. С. 10).

В основу систематизации подвесок было положено сочетание разных морфологических признаков. Основные признаки, разделяющие подвески на разные типы, объединены в 3 группы – петля, рога и морда (Васильева, 2004. С. 7). Петля овальной или округлой формы может быть расположена с обратной стороны головы барана горизонтально, вертикально или под углом к скульптурному изображению. Место крепления петли различается в зависимости от ее положения. Горизонтально расположенная петля может крепиться к голове в основании рогов или к рогам. Горизонтальная петля-перемычка в виде короткого прямого стержня между рогами встречается только у подвесок, относящихся к протокобанской эпохе. Вертикальная петля у большинства кобанских подвесок находится между рогами и прикреплена в области основания рогов.

Рассмотрим подробнее некоторые типы подвесок с вертикальной петлей. Вероятно, одну из ранних групп изображений составляют подвески небольшого размера (размах рогов 2,2–4,7 см), найденные исключительно в памятниках Дигории. Основными признаками, позволяющими выделить данную группу, являются: закрученные в 1,5 оборота рога, у которых первый и второй виток рогов плотно прилегают друг к другу (первый виток направлен назад, а второй – в сторону); орнамент первого витка рогов углубленными поперечными насечками; неорнаментированная морда подпрямоугольной формы с глазами в виде точечных углублений, расположенными на лицевой стороне морды; изображение ноздрей в виде 2 углублений; орнамент лицевой стороны петли поперечными параллельными углубленными линиями. Помимо подвесок бараньи головки этого типа встречаются на секировидных пронизях, представляющих собой прямоугольной формы

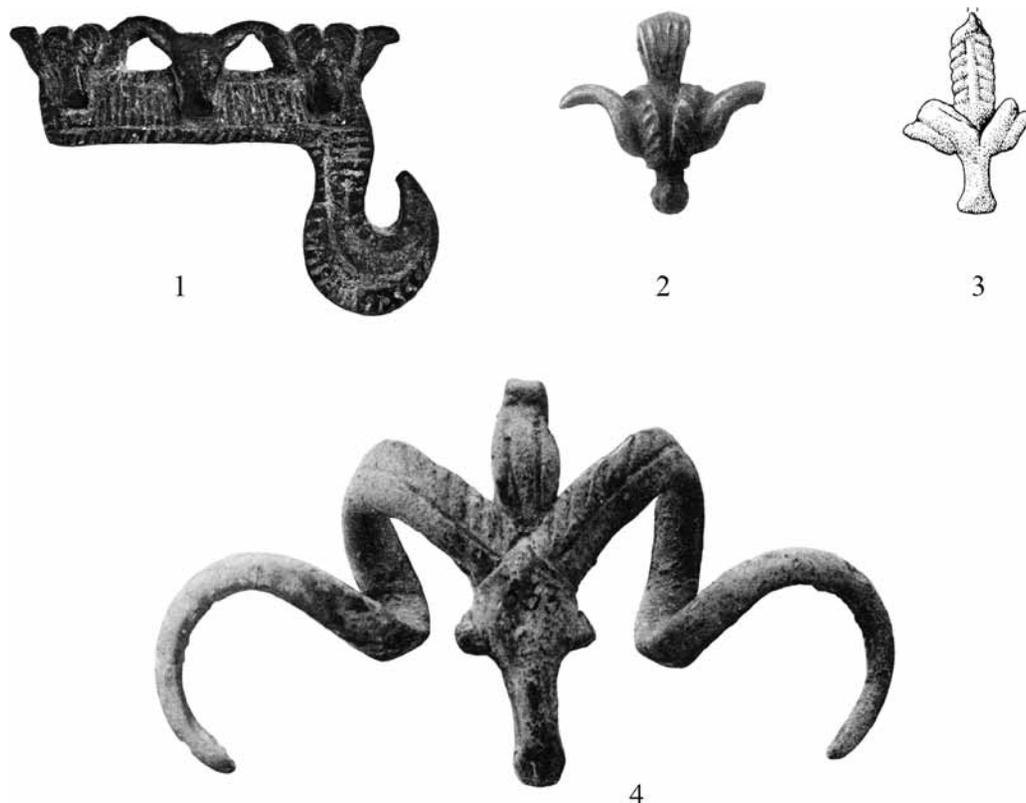
¹ Материалы подготовлены в рамках благотворительной программы поддержки проектов развития Государственного Эрмитажа Благотворительного фонда В. Потанина, грант № ГИЭ-11/17.

трубочки с крюком, похожие на топоры типа Фаскау 7 (по С. Н. Кореневскому) (рис. 1, 1). На обратной стороне трубочек имеется прямоугольная прорезь. Находки подобных пронизей без изображений животных происходят, например, из второго комплекса Эшерского дольмена, из могилы № 16 могильника Верхняя Рутха, обнаружены в Чегеме, в Кумбулте, Фаскау, погребениях могильника Брили (*Кюфтин*, 1940. С. 9, 11–12. Рис. 3; *Крупнов*, 1951. С. 49, 54–57. Рис. 19, 6). Секировидные пронизи с бараньими головками и подвески в виде бараньих голов в датированных комплексах не встречены, однако можно предположить, что они бытовали несколько позже, чем пронизи без головок.

Еще одна группа подвесок небольшого размера (размах рогов 2,8–4,9 см), своим происхождением, вероятно, связанная с предыдущей группой, также характерна для Дигорских памятников (рис. 1, 2). Основными признаками являются: закрученные в 1,5 оборота рога с плотно прижатыми друг к другу витками (первый виток направлен назад, а второй – в сторону); орнамент первого витка рогов, углубленными поперечными насечками; неорнаментированная морда овальной формы с небольшими круглыми объемными глазами. Орнамент петли, выполненный углубленными линиями, довольно разнообразен: поперечные и продольные линии; елочка, разделенная в центре двумя вертикальными параллельными линиями; продольные линии, расположенные под углом, соединяющиеся у основания петли. Большинство подвесок, как и подвесок предыдущего типа, происходит из могильника Фаскау.

Не раз отмеченная исследователями связь дигорских материалов с находками из памятников Баксанского ущелья находит подтверждение среди подвесок в виде бараньих голов (рис. 1, 3). Миниатюрные подвески (размах рогов 0,7–2,3 см), большинство которых происходит из могильника Заюково-3, имеют рога, витки которых плотно прижаты друг к другу и закручены от 1 до 2,5 оборотов (витки рогов параллельны друг другу), трапециевидную морду, глаза в виде едва заметных выступов, петлю, орнаментированную скульптурной косичкой (*Кадиева, Демиденко*, 2016. С. 86. Рис. 2, 15; 6, 7–19; 7, 6–9). Единичные находки подвесок этого типа известны из В. Баксана, погребения № 345 Тлийского могильника, из собрания Д. А. Вырубова в Чегеме (*Curtis, Kruszynski*, 2002. Fig. 8, 12; *Техов*, 2002. Табл. 12, 4; ГИМ Б-1368/121). Подвески датируются VIII или VIII – началом VII вв. до н. э. и, вероятно, как и дигорские экземпляры, образуют свой локальный тип изображения бараньей головы (*Техов*, 2002. С. 14; *Кадиева, Демиденко*, 2016. С. 86, 88).

Самую большую группу подвесок с вертикальной петлей составляют изображения барана с утрированными, раскидистыми рогами (размах рогов 4,7–15 см), закрученными на 1,5 оборота, витки которых не прижаты друг к другу (рис. 1.4). Ближайшая к голове часть рога до первого изгиба у головок этого типа довольно длинная и под углом поднята над головой. По сторонам удлиненной морды с расширенной лобной и носовой частью (носковая часть иногда выделена очень слабо или не выделена вовсе) расположены округлые объемные глаза. У большинства головок овальными углублениями изображены ноздри и выделен рот. Орнамент рогов, выполненный углубленными линиями, расположен на лицевой стороне первого витка рогов, и у большинства подвесок представляет собой продольную линию, идущую посередине рога, ограничивающую снизу вертикальные или перпендикулярные длине рога насечки. Подвески этого типа датируются очень широко: XII–VII вв. до н. э. (*Техов*, 1980. С. 14, 16, 27–28; *Техов*, 2002. С. 11–12; *Козенкова*, 1990.

Рис. 1. 1 – секировидная пронизь (могильник Фаскау, по Мошинскому, 2010, № 13); 2–4 – подвески в виде бараньих голов (2 – Кумбулта, по Уваровой, 1900, табл. ХСП. 5; 3 – Верхний Баксан, по Curtis, Kruszynski, 2002, fig. 8.12; 4 – Кобанский могильник, по Уваровой, 1900, табл. XXXV.3)

С. 67; Козенкова, 1996. Табл. I; Сокровища Алании, 2011. С. 60–61 и др.). Периодом Кобан Ша (вторая половина X–IX вв. до н. э.) датирует В. И. Козенкова погребение 9 Кобанского могильника с бараньими головками из раскопок Э. Шантра (Козенкова, 1996. Табл. I). Этой дате не противоречат и результаты радиоуглеродного анализа, проведенного Бедианашвили и Бодет (*Bedianashvili, Bodet*, 2010. P. 281, 282).

Подавляющее большинство подвесок этой группы найдено в Кобанском могильнике. Несколько экземпляров происходит из Кумбулты/Верхней Рутхи, Тлийского могильника. Отдельные находки зафиксированы в Эльхотовском могильнике, Чми, Камунте и Фаскау, Брили. Большинство подвесок с вертикальной петлей, составляющие другие группы, также происходят из Кобанского могильника. Масовость скульптурных изображений барана свидетельствует об его особом почитании среди местного населения, у которого он, возможно, являлся тотемным животным. Подвески в виде бараньих головок обнаружены в пределах центрального ареала кобанской культуры, а также в памятниках Баксанского ущелья, локальная специфика которых уже отмечалась исследователями (Козенкова, 1998. С. 68; Мошинский, Скаков, 2000. С. 208). Высказывание Г. Н. Вольной и Ф. Т. Найфоновой о том, что изображения барана в кобанской культуре связаны с разными породами и видами баранов, представляется спорным (Вольная, Найфонова, 2016. С. 6). Из-за отсутствия надежных хронологических привязок можно предположить бытование разных типов бронзовых бараньих головок на разных этапах кобанской культуры.

Г. Н. Вольная (Керцева)
Институт истории и археологии РСО-Алания,
Комитет по охране и использованию
объектов культурного наследия РСО-Алания, г. Владикавказ

ЗОО-АНТРОПОМОРФНЫЕ НАХОДКИ VI В. ДО Н.Э. В ГОРОДСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МУЗЕЕ БОЛОНЬИ И ИХ КОБАНСКИЕ И СКИФСКИЕ АНАЛОГИИ

В городском музее археологии Болоньи в экспозиции представлена коллекция антикварных бронз Болонского университета и болонского художника Филиппо Пеладжио Паладжи (Filippo Pelagio Palagi) (1775–1860). На планшете в конференц-зале VI выставлены предметы бронзовой торевтики, происходящие из северо-восточных районов современных Италии и Словении. Это коллекция бронзовых привесок с петлей в виде зоо- и антропоморфных объемных фигурок. Данные предметы датируются VI в. до н. э. Некоторые из них имеют аналогии в кобанском и скифском прикладном искусстве середины I тыс. до н. э. Среди них:

– бронзовая привеска с треугольным корпусом и двумя подвесками в виде **кисти руки**. Очень часто в некрополях Словении, такие привески, с подвесками или без, встречаются в области Венето (коллекция Паладжи). IT 78, на планшете в экспозиции № 27).

– бронзовая привеска в форме **кисти руки** (IT 55, на планшете в экспозиции № 28). Этот вид имеет широкое распространение, которое приходит из Словении в область Кампания, с повышенной концентрацией в регионах Адриатики (коллекция Паладжи).

Привески в виде редуцированной руки человека получили распространение на Северном Кавказе в кобанской культуре (Кобанский, Тлийский, Адайдонский мог., мог. Верхняя Рутха в пог. у с. Заюково, Верхний Баксан, с. Знаменское, с. Харачой и др.).

Две однотипные бронзовые привески в виде **сдвоенных протом баранов** (IT 64, 68, на планшете в экспозиции № 31, коллекция университета). Подвески представляют две сдвоенные протомы баранов с ногами и с петлей на спине. У животных горбоносые морды, крупные закрученные рога. Привески с подобной стилизацией встречаются в памятниках кобанской культуры как Северного Кавказа (с. Кумбулта, могильники Верхняя Рутха, Биайыхъаеу, Кобан), так и Центрального Закавказья (Тлийский могильник, Стефан Цминда у ст. Казбек, с. Гори, Садзегури), а также характерны для бронз Луристана и Амлаша.

Привеска в виде **сдвоенной протомы лошадей** с согнутыми в коленях ногами (IT 65). Ноги одной из протом фрагментированы. У животных изображена грива и торчащие уши. В нижней части холки каждой из конских протом имеются петельки для подвешивания. Эти привески имеют многочисленные аналогии из памятников Кавказа и Ближнего Востока.

Традиции изображения сдвоенных протом копытных животных на территории северного склона Центрального и Восточного Кавказа встречаются еще в эпоху бронзы начиная с XII–X вв. до н. э. и представлены бронзовой фигуркой

из Чегемского общества Нальчикского округа Терской области (Архив ИИМК. Д. 252, 1897 г.). Затем в X–VIII вв. до н. э. такие изображения встречаются на навершиях бронзовых булавок из Кобанского и Сержень-Юртовского могильников, могильника Фаскау и Аркаского поселения (Козенкова, 1972. С. 12–15).

Две бронзовые ажурные парные подвески (скорее всего, височные) в виде **круглого колеса с шумящими привесками в виде антропоморфных фигурок** (IT 70–71, на планшете в экспозиции № 30). Подвески идентичны, отличаются разной степенью сохранности привесок к ним. К внешней части колеса – ободу – прикреплены 5 спиц, идущие к внутреннему колесу – втулке. В верхней части колеса изображена голова антропоморфа с петлей на макушке. По сторонам от головы на ободе изображены стоящие фигуры животных, скорее всего, хищников. По ободу колеса располагаются вдавленные окружности. На подвесках имеются привески в виде 5 антропоморфных фигурок в юбочках, подвешенных за колечки к петелькам в нижней части колеса, на одном – 5 шт., а на другом – 7. Руки антропоморфов подняты вверх к голове.

Аналогичные композиции с изображением головы антропоморфа и животных по сторонам от него известны еще в VIII–IV вв. до н. э. на луристанских кольцах для поводьев и навершиях булавок, где схожая композиция также помещена в кольцо.

Изображение женского божества с поднятыми к голове руками и со львами по обеим сторонам от него – широко распространенный сюжет во второй половине IV в. до н. э., представленный на золотых «серьгах» из погребений скифянок, таких, как курган № 2 у с. Любимовка Херсонской обл., курган Толстая Могила, курган № 5 Мастюгинского могильника в Воронежской обл. Так же, как и на подвесках из музея археологии Болоньи, к щиткам «сережек» прикреплены цепочки с дисковидными или «амфоровидными» подвесками. Щитки подвесок выполнены в виде фигуры богини Табити. Руки ее подняты вверх. Иконография этого образа может быть соотнесена с чертами архаической Артемиды и Кибелы.

Схожая композиция с привесками из антропоморфных фигур известна на подвеске из Кобанского могильника первой половины I тыс. до н. э. На концах перекладины находятся фигурки птиц, обращенные в противоположные стороны. Здесь отсутствует центральная антропоморфная фигура, ее заменяет петля, к которой прикреплена перекладина. Подобные замены часто встречаются в композициях кобанской культуры, например, на навершиях жезлов из Казбекского клада. На рогах или головах животных, направленных в разные стороны, может присутствовать антропоморфный персонаж, но иногда он отсутствует. К перекладине с помощью петель прикреплены три скульптурные человеческие фигурки: двух танцующих женщин по краям и мужчины, которого кусает собака.

Аналогичные привески найдены в восточных Альпах и на территории равнинной и предгорной Словении.

Рассмотренные выше композиции представляют собой широко распространенную в древнем мире композицию «хозяин/хозяйка зверей», в которой центральная фигура или голова в центре композиции как раз и представляет этот персонаж, а по сторонам от нее находятся симметрично расположенные животные. На височных подвесках и серьгах к этой композиции добавляются шумящие привески, которые, видимо, играли определенную роль в их использовании.

Таким образом, в эпоху поздней бронзы – раннего железа на территории Южной, Центральной, Восточной Европы, Кавказа и Передней Азии на предметах мелкой бронзовой пластики встречаются аналогичные зоо-антропоморфные композиции – «хозяин/хозяйка зверей» и сюжеты в виде сдвоенных фигурок животных и редуцированной кисти руки человека. Такая схожесть композиций и сюжетов, на мой взгляд, может объясняться общими индоевропейскими корнями. Изучение композиций и сюжетов, происходящих из других территорий, позволяет дополнить картину в исследовании кавказских древностей.

А. Н. Габелия
Абхазский государственный университет,
Республика Абхазия, г. Сухум

О СВЯЗЯХ КАВКАЗА С КАРПАТО-ДУНАЙСКИМ МИРОМ В ДРЕВНОСТИ (НА ПРИМЕРАХ КОБАНСКОЙ И КОЛХИДСКОЙ КУЛЬТУР)

Как установлено многими исследователями, исторические процессы в древности были обусловлены постоянными культурно-экономическими, военными, миграционными контактами, в конце концов, культурными инновациями. Археологические культуры Кавказа, являясь изначально автохтонными, взаимодействовали с иными культурами, включаясь в общие цивилизационные процессы, протекавшие в окружающем мире. В разные исторические этапы эти контакты меняли свою форму. Как свидетельствуют археологические материалы, это были не односторонние, а обоюдные процессы, взаимодействовавшие и взаимовлияющие друг на друга.

Проблема это давно интересовала исследователей, и сходство отдельных предметов из археологических культур Кавказа с находками из Европы приводило к различным выводам. Одни исследователи, такие как Г. Вильке и О. Монтелиус, считали это сходство результатом миграционной волны с запада на восток. Другие утверждали, что интенсивное воздействие переднеазиатского культурного очага в эпоху раннего металла на Кавказ, на страны Центральной и Южной Европы стимулировало определенную общность исторического развития этих двух регионов при отсутствии прямых генетических связей между их населением. Третья точка зрения, поддержанная Е. И. Крупновым, В. А. Ильинской, А. И. Тереножкиным и др., сводилась к тому, что отдельные сходные признаки материальной культуры, наблюдаемые в начале I тыс. до н. э. на всем пространстве Восточной и Средней Европы, – результат воздействия киммерийцев, при этом часть исследователей предполагала физическое перемещение населения с востока на запад (Ф. Ганчар, Н. Л. Членова), а другая высказывалась за косвенное в широком смысле воздействие, основанное на межплеменных связях.

В последние десятилетия большой вклад в разработку этой проблемы внесла известный советский и российский археолог-кавказовед Валентина Ивановна Козенкова (1975, 2013). В последней ее монографии на основе научного анализа большой выборки археологического материала кобанская культура рассматривается как особая автохтонная цивилизация Кавказа, находившаяся во взаимном контакте с окружающим миром. Культура эта не только впитала в себя инокультурные элементы, но и интегрировала их материальную культуру в собственную. На основе изучения большого массива материала В. И. Козенковой удалось определить роль инокультурных элементов в формировании и развитии кобанской культуры и ее вклад в инокультурный мир.

Здесь считаю уместным отметить, что проблемой связей и взаимосвязей культур Кавказа интересовались многие исследователи – это А. С. и П. С. Уваровы, А. А. Иессен (1941), Б. Б. Пиотровский, Б. А. Куфтин, Е. И. Крупнов (1960), В. И. Козенкова, Б. В. Техов, М. Н. Погребова, Н. Л. Членова, М. М. Трапш (1970),

С.Л. Дударев (1999), Ю.Н. Воронов (2014), М.Т. Кашуба (2011), Р.М. Мунчаев (2003), А.Ю. Скаков, В.Е. Маслов, В.Р. Эрлих и др. Эту тему разрабатывали и многие зарубежные ученые: Р. Вихров, Ф. Гончар, Р. Гиршман, Д. Газдапустаи (1962), Я. Боузек, С. Райнхольд.

Исследователи пытались выделить либо материалы, свидетельствующие об инокультурных инфильтрациях, либо изделия с элементами синкретизма, возникшие в местной среде под воздействием инновации или же инфильтрации элементов кавказских культур в чужеродную среду. Удалось установить периоды нарастания интенсивности взаимного обмена с заметным превалированием контактов в области металлопроизводства, что особенно заметно для рубежа VIII–VII вв. до н.э. – это наиболее динамичный период включения кавказских материалов в общеевропейский процесс, было связанное, по мнению В.И. Козенковой, с передвижением ранних кочевников в степной зоне в IX–VIII вв. до н.э. Это просматривается главным образом по циркуляции специфических вещей: наборов оружия и всаднического снаряжения.

По мнению исследователей, инфильтрации на Кавказе на своем многовековом протяжении имели характер не только простого включения чужеродных изделий в местную среду, но присутствовали и более сложные явления, особенно, как отмечено выше, в области металлопроизводства и металлообработки. Другой заметной формой включения в местную культуру инноваций является использование импорта и, путем подражаний, укоренение его форм в местную культуру, что превращало их в традиционные изделия.

Систематическое изучение В.И. Козенковой памятников кобанской культуры подтвердило существование многовековых связей Кавказа с Карпато-Дунайским миром. Ей удалось выявить совокупность кавказских материалов, не имеющих генетических корней в местной среде, а также массив материалов из Средней Европы, которые по своему происхождению являются кавказскими.

Литература

- Воронов Ю. Н.*, 2014. Очерки истории Абхазии // Научные труды. Т. 4. Сухум.
- Газдапустаи Д.*, 1962. Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу. Автореф. дис. канд. ист. наук.
- Дударев С. А.*, 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир
- Иессен А. А.*, 1941. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л.
- Кашуба М. Т.*, 2011. Ранняя фибула из поселения кобанской культуры Змейское и северо-понтийские смычковые фибулы XI–X вв. до н.э. // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный.
- Козенкова В. И.*, 1975. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели) // Скифский мир. Киев.
- Козенкова В. И.*, 2013. Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.
- Крупнов Е. И.*, 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М.* 2003. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М.
- Трапиш М. М.*, 1970. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии // Труды. Т. 1. Сухуми.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДРЕВНЕЙ МЕДИЦИНЫ (ХИРУРГИИ)

1. Любой деятельности человека характерен свой сложный, исторический путь развития как с ошибками, так и открытиями с постоянным накоплением определенных знаний. Это касается и такой сферы, очень важной для жизнедеятельности и жизнеобеспечения человека, какой является сфера народной медицины, известная с древних времен.

2. Первым известным в истории врачом, о котором упоминается в древних записях на глиняных табличках, был некий Лукуя, который жил в Шумере около 2700 г. до н. э. По данным т. н. папируса Смита, изготовленном в Древнем Египте примерно в 1710–1690 гг. до н. э., уже в это время имелись специальные хирургические инструменты, например, медные иглы для зашивания ран.

3. Изучение новых данных из области истории древних культур, позволяет выяснить и те проблемы, которые связаны с древней медициной. Выясняется, что наиболее примитивными средствами медицины, несомненно, пользовались на заре становления человека. В качестве же известной системы знаний и практического учения медицина получила признание не только с учения Гиппократом, но и за несколько тысячелетий до него. Так, в Древнем Египте прославился знаменитый врач Имготеп, живший 5000 лет назад и обожествленный после смерти. Однако и на территории постсоветского пространства значительно раньше, уже начиная с неолита, прибегали к врачебным мероприятиям, эффект некоторых из них изумителен (*Рохлин*, 1965. С. 6). Археологические материалы говорят о большой древности хирургических вмешательств, производимых людьми, обладавших известным врачебным опытом. Об этом свидетельствуют находки из древних погребений Евразии, в т. ч. и Кавказа, в частности, Южной Осетии (Тлийский могильник эпохи бронзы и могильники более позднего времени: Стырфаз, Сохта, Аркнет, Паткнет и Велур и т. д.).

4. Яркие примеры хирургического вмешательства зафиксированы на Тлийском могильнике кобанской культуры эпохи поздней бронзы: в одном из погребений обнаружен череп со следами оперативного вмешательства, вероятнее всего, после тяжелого проникающего ранения. Прослежено полное заживление трепанационного отверстия с характерным наличием замыкающей пластинки, прикрывающей губчатое вещество (*diploe*). На черепе не было следов осложнений, т. е. не было растрескивания за пределами трепанационного отверстия.

5. Развитие медицинских знаний на древних территориях Восточной Европы, Египта, Древней Греции, Рима и в более отдаленных культурных регионах повлияло, конечно же, на их распространение в Центральном Кавказе, на территории которого в результате археологических исследований выявлен ряд артефактов, свидетельствующих об определенном развитии медицинских знаний у древнего населения Кавказа, в т. ч. и предков осетин кобанцев и тлийцев, ярких представителей эпохи поздней бронзы (II тыс. до н. э.). Интерес представляют найденные в Тлийском могильнике ножи-лопаточки, имеющие плоские

обоюдоострые напершия, переходящие в зауженные, кончающиеся колющим (округлого сечения) острием стержни, бронзовые пинцеты, иглы, которые применялись в хирургической практике народных лекарей-жрецов не только на Кавказе, но и в Передней Азии, Египте, Южной Месопотамии и т. д.

6. Человеческие черепа из захоронений Южной Осетии, на которых обнаружены прижизненные отверстия, с обработанными и зажившими краями, т. н. раны свидетельствуют в пользу того, что древнее население имело навыки ухода за «пациентом» после «операции», ограждая поврежденную поверхность от осложнений, в т. ч. при помощи снадобий, мазей из растений и иных средств. Интересно, что даже в XIX в. н. э. такие операции не проводились, да и сегодня весьма рискованны. Помимо сложнейших операций на черепе, проводились и операции (судя по материалам Тли, Стырфаза, Велура) на разных частях человеческого тела, в т. ч. и на конечностях, с применением не только лекарственных растений, но и серебра, золота и янтаря (фармакологические свойства которого были научно определены только в середине XIX в. н. э.). Уже в древности широко использовались душистые масла, бальзамы, и смолы, на что указывают неоднократно находимые, в т. ч. и в Южной Осетии, миниатюрные емкости-хранилища из бронзы, дерева, стекла (в античное время – бальзамарий).

Тема, которую мы затронули, очень интересна и предполагает дальнейшее серьезное изучение в контексте сферы древней медицины в ее сопоставлении с народной (в частности, осетинской) и современной медициной, с учетом данных, фиксируемых с эпохи бронзы.

ОРНАМЕНТЫ КЕРАМИКИ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Территория Кавказа с древних пор играет роль моста соединяющего цивилизации Востока и Запада. Люди начали заселять эту территорию уже с периода палеолита. На территории Кавказа, и в частности в Азербайджане, который был центром возникновения нескольких археологических культур, протекали важные исторические процессы. Предметом изучения археологов являются сложившиеся в период поздней бронзы Ходжалы-Кедабекская и Муганская археологические культуры. Характерной чертой этих культур, как и культур более раннего периода, являются особенности керамики. Керамика периода поздней бронзы наряду с орнаментами, дающими нам представление о культурной и духовной жизни, содержит также сведения о быте людей того периода.

Ареал распространения Ходжалы-Кедабекской культуры охватывает западную часть Азербайджана-Гарабаг, Гянджа-Газахскую зону, а также прилегающие к Азербайджану территории Грузии и Армении. Образцы муганской культуры были обнаружены на территории Муганской равнины, в Тальшских горах, а также в прилегающих к Азербайджану землях Ирана. Керамика этого периода украшена растительными и геометрическими орнаментами, изображениями животных. Кроме того сосуды нередко украшают антропоморфные мотивы. Орнаменты на керамике являются ценным источником для изучения религиозных верований, мировоззрения и повседневной жизни людей того периода. В качестве примера можно привести изображения птиц, которые считались олицетворением небосвода. Использование подобных орнаментов было связано со стремлением людей обожествить небесные объекты и процессы, происходящие на небесах. Одним из древних символов солнца считается свастика, она встречается среди наскальных изображений и на керамике, начиная с периода средней бронзы. Развитие земледелия привело к усилению культа Солнца, и это нашло свое отражение на орнаментах, украшающих сосуды: появляются многочисленные солнечные мотивы-свастики, спирали, иногда и сама форма сосудов была связана с обожествлением солнца.

На глиняных сосудах также встречаются изображения рогов и голов овна. Спиралевидные рога овнов тоже можно отнести к одному из солнечных символов. Наряду с этим надо отметить, что часто встречающиеся изображения овнов и других сельскохозяйственных животных, безусловно, свидетельствуют о развитии скотоводства. Обнаруженные во время раскопок в Мингячевире модели глиняных кибиток, относящиеся к периоду поздней бронзы, свидетельствуют, что люди того периода вели полукочевой образ жизни. Это является косвенным подтверждением развития скотоводства в Азербайджане. Встречающиеся на керамических сосудах изображения куланов, оленей, коз, волков и др. животных, скорее всего, можно связать с культом этих животных на территории Азербайджана.

Несмотря на развитие сельского хозяйства, на многих сосудах периода поздней бронзы встречаются изображения сцен охоты: по-видимому, охота, как

и прежде, играла важную роль в жизни людей данного периода. Геометрические орнаменты – различные зигзаги, меандры, точки и др. орнаменты, которыми украшали глиняную посуду, вероятно, отражали вкусовые предпочтения людей того периода. Орнаменты, украшающие керамику, изображения птиц, оленей и др. животных, сцены охоты и поклонения зачастую бывают аналогичны наскальным изображениям и изделиям, отлитым из металла. Рукоятки мечей, относящиеся к Муганской археологической культуре, выполнены в форме седла, что свидетельствует об обожествлении лошади на территории Азербайджана.

При изготовлении керамики учитывалась и сама форма сосудов. Образцы подобной керамики были обнаружены во время раскопок в Мингячевире. Экспонируемая в Национальном музее истории Азербайджана тарелка изготовлена из серой глины и украшена дугообразными линиями, которые символизируют солнечные лучи. Во время раскопок Товузчайского некрополя археологом Н. Мусебейли был обнаружен необычный глиняный сосуд. У горловины сосуда имеется небольшой выступ, выше которого расположены концентрические круги. На одном уровне с выступом изображены треугольники, направленные вершиной вниз, по-видимому, они символизируют солнечные лучи. Размер треугольников постепенно возрастает, а замыкающий круг треугольник расположен в противоположном направлении. Можно предположить, что таким образом были изображены восход и заход солнца. Тот факт что верхняя часть сосуда выкрашена в красный цвет при помощи охры не оставляет сомнений, что данный сосуд связан с культом Солнца.

В период поздней бронзы на территории Азербайджана происходил процесс распада родовой общины и образования новых государств. В это время появляются пинтадеры с различными орнаментами на поверхности, считавшиеся атрибутами власти.

А. И. Джопуа, В. А. Ньюшков
Абхазский государственный музей, г. Сухум

ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СУХУМА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК М. М. ТРАПША

В 2017 г. в Абхазии прошла очередная, пятая по счету, Международная абхазская археологическая конференция, посвященная 100-летию выдающегося первого археолога-абхаза М. М. Трапша. Следуя этому славному для нас юбилею, мы приурочили наш доклад к 100-летию со дня его рождения. Поскольку объем работы Михаила Мамедовича был огромным и затрагивал всю территорию Абхазии, мы ограничились только его исследованиями памятников Сухума и его окрестностей, ибо они дают колоссальный материал по истории не только древней Диоскуриады, но всего Восточного Причерноморья и Северного Кавказа, выходя далеко за рамки указанной территории.

Изучая богатое научное наследие, оставленное М. М. Трапшем, нельзя не заметить, что вначале его интересовали в большей степени вопросы истории Абхазии в период перехода от эпохи бронзы к эпохе раннего железа. Затем М. М. Трапш занялся также изучением древней истории главного города Абхазии – Сухума (Акуа).

Являясь опытным археологом–полевиком, он понимал, что разбросанные по различным коллекциям отдельные находки нуждаются в систематизации путем сопоставления их с материалами, выявленными во время раскопок. Для этого требовалось расширить сферу полевых изысканий, перейти к стационарным исследованиям древностей Сухума. Михаил Мамедович исследовал как периферию, так и центр города (к периферийным памятникам относятся Сухумская гора, Гуадиху, Красный маяк, участок Одынец, замок Баграта, а к памятникам центральной части города – территории Сухумской крепости и ее окрестностей). Комплексное исследование города было начато в 1951 г. и продолжалось до 1959 г.

Исследования Трапша позволили отнести появление первых поселений в районе современного Сухума к эпохе энеолита. В 1952 г. на горе Гуадиху, что севернее Сухумской горы, им были обнаружены специфические для данной эпохи предметы – каменный шлифованный топорик, каменное ткацкое пряслице, каменные грузила для ткацкого станка, а также фрагменты глиняных сосудов с богатой орнаментацией на стенках. За три года раскопок М. М. Трапш исследовал поселение энеолитического периода и обширный могильник VIII–II вв. до н. э. В то же время, существование энеолитических поселений на высоких холмах, окружавших Сухумскую бухту, позволяло предполагать, что и в пределах низменности, по берегам бухты, еще с эпохи энеолита проживало значительное население.

Находка М. М. Трапша бронзолитейных мастерских на Сухумской горе послужила поводом для утверждения о том, что Сухум в эпоху поздней бронзы и раннего железа являлся одним из главных центров металлургии для всего Западного Закавказья. В 1951 г. на Сухумской горе во время раскопок А. Н. Каландадзе и М. М. Трапш обнаружили остатки медеплавильной печи. Открытие было сделано на глубине 1 м от современной поверхности земли, были обнаружены ошлакованные массы, каменный молот для дробления руды, доставлявшейся из горных выработок, ступки, терки и т. д. Наличие клада топоров также говорит о существовании мастерской.

Раскопки М. М. Трапша, проведенные в 1952–1954 гг., показали, что в эпоху перехода от поздней бронзы к раннему железу южный склон Сухумской горы превратился в поселение полугородского типа. Также в 1956–1960 гг. в поселке Красный Маяк им был раскопан большой могильник, очевидно, принадлежавший поселению солеваров. Было исследовано 150 погребений XII–II вв. до н. э. Это был самый большой могильник данного времени на территории Абхазии, содержащий в основном богатый бронзовый инвентарь. Этот материал дал возможность говорить об имевшейся активной догородской жизни довольно многочисленного местного населения на том месте, где в дальнейшем возник древний предшественник Сухума. В 1956–1959 гг. в поселке Красный Маяк, между стеклозаводом и р. Гумиста, в культурном слое раннеантичного времени М. М. Трапш обнаружил остатки разрушенной гончарной печи, занимавшей площадь 4×5 м. Печь датируется раннеэллинистической эпохой, IV–III вв. до н. э.

В то же время изучение могильников Гуадику и Красный Маяк не могло не привести М. М. Трапша к исследованию процессов греческой колонизации, он уделил большое внимание памятникам раннеантичной эпохи, главным образом, связанным с территорией Сухума. Так, раскопки 1956–1959 гг. дали большой материал по культуре населения древнего Сухума. Также М. М. Трапш в 1954–1955 гг. в окрестностях Сухума изучал средневековое укрепление XI–XII вв. на горе Баграта и провел раскопки башни с остатками стен римского времени и нескольких погребений эпохи античности на усадьбе Одынца в северо-западной части г. Сухума.

Еще более интересные материалы были обнаружены в слоях, относящихся к позднеантичному периоду I–V вв. н. э., на месте существования древнего Себастополиса. В 1958–1959 гг. открыты и исследованы оборонительные сооружения, состоявшие из трех мощных стен. В 1959 г. М. М. Трапш совместно с Л. Н. Соловьевым продолжил работы, начатые в 1958 г., и раскопал гончарную печь IV в. н. э.

Подробное описание позднеантичной печи М. М. Трапш дал в своей монографии, посвященной древнему Сухуму: «... печь представляет собою прямоугольное сооружение, выложенное из обожженного огнестойкого кирпича на глиняном растворе, одетое с трех сторон – восточной, северной и западной – в массивный булыжный кожух, толщиной более одного метра». Размеры печи: ширина 6,25 м, длина 5 м. Таким образом, это было довольно крупное сооружение, горючим материалом в котором, судя по золе, служили дрова. Было установлено, что печь обеспечивала стройматериалом строящиеся здесь же помещения. В ней, как считается, одновременно могло обжигаться не менее 1000 шт. кирпичей и черепицы. Очевидно, что она принадлежит к числу крупных производственных сооружений на Черноморском побережье Кавказа. По мнению М. М. Трапша, нельзя исключать того, что в сухумской позднеантичной печи изготавливали также и пифосы, которые характерны для культуры Цебельдинских некрополей III–V вв. н. э.

Таким образом, изучение М. М. Трапшем археологических памятников позволило кавказоведам узнать очень многое о древней истории Абхазии и Восточного Причерноморья. Его работы обогатили новыми знаниями не только местную абхазоведческую школу, но и всю причерноморскую археологию. Достаточно напомнить также, что им была исследована получившая широкую известность в научных кругах знаменитая надгробная стела VI–V вв. до н. э., обнаруженная на дне Сухумской бухты.

С. Л. Дударев

Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир

БРОНЗОВЫЙ КИНЖАЛ ИЗ СОБРАНИЯ ДОНЕЦКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Из собрания ДОКМ происходит бронзовый кинжал (рис. 1) с рукоятью, имеющей грибовидное ажурное навершие, гладкий держак, плавно переходящий в уступы-плечики, и сужающееся книзу обломанное лезвие, на котором имеются сходящиеся под углом парные неглубокие каннелюры, вверху ограниченные выполненными в такой же технике полукружиями, образующими нечто вроде шляпок, обращенных вершинами к стволу рукояти (*Легенди степу*, 2004. С. 53. Рис. 4). При публикации он был отнесен к предскифскому времени, а рядом с его изображением публикаторы разместили изображения киммерийцев со знаменитой вазы из Ватикана, тем самым предельно понятно указав, с чьей деятельностью они связывают появление данного предмета в донецкой степи.

Закавказское происхождение этого кинжала сомнений не вызывает. Многочисленные образцы подобного оружия обнаруживаются в древностях эпохи поздней бронзы – раннего железа Восточной Грузии, где найдены многие десятки, если не сотни экземпляров кинжалов и мечей с близкой морфологией (*Picchelauri*, 1997. Taf. 38–45; 51–58). В восточногрузинских материалах есть и прямые, притом серийные, соответствия донецкому экземпляру среди кинжалов кахетинского типа (*Picchelauri*, 1997. Taf. 53, 799, 813; 54, 814–817, 822–828; и др.). К. Н. Пицхелаури датирует такие кинжалы отрезком 1250–1100 гг. до н. э. (*Пицхелаури*, 1972. Таблица-вклейка, 175, 997). С другой стороны, этот известный грузинский ученый полагает, что бронзовые мечи из Восточной Грузии типа IV₁, весьма сходные морфологически с указанными кинжалами, доживают до VIII–VII вв. до н. э. (*Пицхелаури*, 1979. С. 119). В этом смысле показательное мнение Н. Л. Членовой, которая обнаружила соответствия кахетинским кинжалам на ассирийских дворцовых ортостатах из Куянджика времен Ашшурбанапала (669–635/629) (*Членова*, 1976. С. 16). Таким образом, по Н. Л. Членовой, бытование кинжалов рассматриваемого типа имело место в середине VII в. до н. э.

Г. А. Ломтатидзе относил погребения Самтаврского могильника, расположенного к северу от Мцхета, содержавшего бронзовые кинжалы и мечи, в т. ч. очень близких к интересующим нас модификациям (с ажурным навершием, без перекрестия, с каннелюрами на лезвии и т. п.), к рубежу II–I тыс. – IX в. до н. э. (*Ломтатидзе*, 1974. С. 163).

По А. А. Мартиросяну, мечи, аналогичные восточно-грузинскому типу IV₁, встречаются в памятниках эпохи поздней бронзы Армении до XI в. до н. э. (*Мартиросян*, 1969. Таблица-вклейка «Памятники эпохи поздней бронзы (XIII–X вв. до н. э.) и начальных этапов освоения железа», VI, 3). Т. Н. Нераденко отмечает, что хронологический диапазон бытования кахетинских кинжалов в Восточном и Центральном Закавказье – XIII–VIII вв. до н. э. (*Нераденко*, 1986. С. 59). В то же время период проникновения кахетинских кинжалов на Северный Кавказ, согласно Т. Н. Нераденко, – это XII–X вв. до н. э. (*Кавказоведческая Школа В. Б. Виноградова*, 2013. С. 80).

В. И. Козенкова считает указанные кинжалы с территории кобанской культуры (КИО) местными подражаниями продукции мастеров Иоро-Алазанского бассейна и датирует их концом II – рубежом II–I тыс. до н. э. (*Козенкова*, 2013. С. 95).

Рис. 1. Бронзовый кинжал из Донецкого областного краеведческого музея

Как конкретный пример определения времени бытования кинжала кахетинского типа из Чечни приведем датировку находки из сел. Майртуп – рубеж II–I – начало I тыс. до н.э. (Дударев, 1973. С. 247–248; Даутова, Дударев, Власова, 1982. С. 69). Таким образом, бронзовое оружие, весьма близкое по морфологическим признакам к кинжалу из Донецкого музея, бытовало на Кавказе в XIII–VII вв. до н.э.

Теперь коснемся вопроса о том, как связана донецкая находка с иными древностями южного происхождения с территории Украины. В свое время А.И. Тереножкин перечислил целый ряд импортных предметов, «найденных в пределах киммерийской земли и Лесостепи» и привезенных с Кавказа, из области кобанской культуры (топоров, клепаных ситул, браслетов и т.п.). Он же отметил и то, что на юге Европейской части бывшего СССР выявлены и предметы ввоза из Закавказья – пояс, секира, кинжал и т.п. (Тереножкин, 1976. С. 170–171). При этом выдающийся ученый указал, что наиболее активные связи киммерийцев и их северных, и ближних, заднепровских соседей с Кавказом приходятся на новочеркасское время и пояснил, что привозные изделия использовались в качестве металла (т.е. сырья) для местного киммерийского и чернолесского бронзолитейного производства (Тереножкин, 1976. С. 171).

В 1979 г. С.Л. Дударевым была предпринята характеристика ряда бронзовых изделий колхидо-кобанского типа с территории Восточной Европы с уточнением их датировки и возможного ареала их происхождения (Дударев, 1979. С. 95–97). В дальнейшем данный автор обращался к теме проникновения кобанских бронз (особенно сосудов-ситул) в Поднепровье в связи с перемещениями ранних кочевников из Западной Азии в степи Юго-Восточной Европы не ранее рубежа VIII–VII вв. до н.э. (Дударев, 1999. С. 160–161).

Некоторые исследователи лесостепного Левобережья Днепра в 1980-е гг. также занимались изучением продукции колхидо-кобанского типа VIII – первой половины VII в. до н. э., образцы которой были выявлены под г. Красноградом, в пос. Васищево под Харьковом, у Лубен, у с. Калиновка Николаевской области, у пос. Коломак Харьковской области и т. д. (*Буйнов, Грубник-Буйнова, 1985. С. 111–113*). При этом крайне интересно то, что эти авторы представили результаты спектрального анализа двух последних находок и прямо отнесли их к импортным образцам (*Буйнов, Грубник-Буйнова, 1985. С. 112*). Бронзовые топоры и молотки северокавказского происхождения в левобережной Лесостепи ученые связали с присутствием здесь киммерийцев (*Буйнов, Грубник-Буйнова, 1985. С. 117*).

В дальнейшем вопросами импорта бронзовых изделий с Кавказа занимался С. В. Махортых. Он солидаризировался с авторами, считавшими, что распространению колхидо-кобанской продукции, которая оказалась востребованной в Северном Причерноморье и Лесостепи по причине упадка металлообработки на данной территории и в Карпато-Подунавье в позднем бронзовом веке, способствовали кочевые племена киммерийцев (*Махортых, 1992. С. 134–135*). Впоследствии это мнение было подтверждено исследователем (*Махортых, 2005. С. 300*).

Таким образом, многие специалисты, которые рассматривали вопрос о причинах появления кавказских бронз колхидо-кобанского типа на юге Восточной Европы, связывали их с деятельностью исторических киммерийцев. Как видим, в массе этих предметов встречались и артефакты, транзитом попавшие на данную территорию из Центрального и Восточного Закавказья, а возможно, и сделанные на Северном Кавказе в подражание привозным с юга. К ним, вероятно, относится и находка из Донецкого музея. Из сказанного ранее явствует, что наиболее поздние образцы названного выше закавказского оружия могли доживать и до VIII–VII и даже VII в. до н. э. и попадать в руки тех, кто либо вел обмен с киммерийским миром, либо прямо участвовал в акциях ранних кочевников в Закавказье и Западную Азию. Причем, говоря о возможной этнической принадлежности этих номадов, применительно к VII в. до н. э. нельзя исключать и отождествление ее с древнейшими скифами.

Но допустимо и то, что экземпляры, аналогичные кинжалу из Донецкого музея, были отражением связей более раннего времени, поскольку период наибольшего распространения их, как мы видели выше, в Восточной Грузии относится к XIII–XII вв. до н. э., да и на Северном Кавказе, по мнению некоторых специалистов, они бытовали не позже рубежа II–I тыс. до н. э. Об экспансии срубных племен в Предкавказье ранее уже писали М. И. Артамонов и В. А. Сафронов, датируя это событие соответственно серединой XIII в. до н. э. или рубежом XIII–XII вв. до н. э. В. И. Козенкова еще в конце 1980-х гг. относила на счет движения в южном направлении сабаатиновско-белозерских элементов срубной культуры появление на Кавказе ряда культурных компонентов Балкано-Дунайского региона (подробнее см.: *Дударев, 1991. С. 122–124*). Позднее она же подчеркивала активную посредническую роль очагов металлообработки срубной культуры в деле поддержания связей культур Подунавья и Северного Кавказа в конце II тыс. до н. э. (*Козенкова, 2004. С. 154*). В контексте деятельности названных очагов такие предметы, как кинжал из Донецкого музея, также могли попасть на юг Восточной Европы. В любом случае находки подобного рода являются свидетельством постоянных связей между территориями Северного Кавказа и Северного Причерноморья в эпоху поздней бронзы – раннего железа.

Э. Д. Зиливинская
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва
Н. С. Мальцева, Т. Ю. Московкина
ООО «Инженерно-технический центр специальных работ и экспертиз»,
г. Санкт Петербург

РАСКОПКИ АНТИЧНОЙ ВИНОДЕЛЬНИ НА ТАМАНИ

В мае–декабре 2017 г. в Темрюкском районе Краснодарского края проводились ширококомасштабные раскопки поселения Тамань 16 античного времени, расположенного в 2 км от станицы Тамань. Работы выполнялись археологическим отрядом ООО «Инженерно-технический центр специальных работ и экспертиз». В ходе археологических работ были обнаружены остатки винодельни.

Сооружение состояло из трех давяльных платформ с прессовым ложем и двух накопительных цистерн (рис. 1). Общие размеры давяльной платформы составляли 4,68×3,1–2,8 м. По всему периметру рабочей поверхности имелся небольшой бортик из камней, уложенных на ребре и вертикально. Платформа делилась на три части узкими бортиками, от которых прослеживались канавки. Поверхность двух боковых частей платформы была покрыта толстым слоем хорошо заглаженной цемянки, положенной в 3–4 слоя на вымостку из плотно пригнанного мелкого камня. Поверхность имела небольшой уклон в сторону резервуаров. Платформы соединялись с цистернами двумя желобами из ракушечника. В средней части платформы у ее дальнего края находилось прессовое ложе прямоугольной формы. Ближе к резервуарам располагалась площадка, покрытая цемянкой с углублением в средней части.

Напротив средней части давяльной платформы имелись опорные камни для крепления основания рычага прессы. Прессовое устройство, скорее всего, состояло из деревянного рычага, на который подвешивалась массивная каменная гиря. С двух сторон от винодельни лежали крупные аморфной формы камни с небольшим углублением по центру. Они, вероятно, играли роль опорных камней для рычажной системы.

Винодельня имела два резервуара. При их возведении была выкопана прямоугольная яма, которую по всему периметру обложили крупными камнями, положенными плоской стороной верх. Пол цистерн был выложен мелким и средним камнем, а стены – мелким и средним плоским камнем, очень плотно пригнанным друг к другу. Толщина стен – 35–40 см. Перегородка, которая разделяла цистерну на два резервуара, возводилась отдельно. Пол и стены резервуаров были обмазаны штукатуркой, при этом в верхней части слой штукатурки достигал всего лишь 0,2 см, а в нижней части и на полу – 0,7 см. Глубина южного резервуара достигала 1,65 м, ширина 1,24 м, северного резервуара соответственно 1,5 м, и 1,14 м. В северо-восточной части резервуаров были сделаны небольшие воронкообразные углубления для оседания пыли, обрывков мякоти и кожицы.

По своей структуре исследованная винодельня относится к композитным винодельческим комплексам с двумя стандартно расположенными резервуарами – тип К1–2 по Н. И. Винокурову (*Винокуров*, 1999. С. 25). О том, как использовались подобные винодельни, подробно пишет Е. М. Алексеева. Боковые площадки использовались для раздавливания винограда ногами и получения сока без мезги.

Рис. 1. Винодельня, вид сверху

В резервуарах сок отстаивался, и крупные частицы оседали в углублениях в дне. Мезгу после первичного отделения сока собирали в пористую тару и прессовали на средней площадке. В углубление складывали оставшиеся отжимки. Из чистого сока готовили тонкие вина, при прессовании мезги получались грубые вина с большим количеством дубильных веществ (Алексеева, 1997. С. 154–156). В резервуарах сок отстаивался, а затем разливался в бродильные емкости.

В комплекс винодельни на Тамани 16 входили расположенный рядом с ней колодец и ямы со следами вкопанных пифосов. Вероятно, в них и происходил процесс брожения.

Исследованная винодельня предварительно датируется I в. н. э. По своей конструкции она наиболее близка винодельне из Тиритаки I в. до н. э. и винодельне Г4 из Горгииппии II начала III в. н. э. (Алексеева, 1997. С. 154–155; Винокуров, 1999. С. 52). Однако есть и существенное отличие. Все известные до сих пор винодельни находились в городах внутри построек с капитальными стенами. Винодельня из Тамани находилась на периферии поселения, возможно, недалеко от виноградника. Она не имела мощных каменных стен по своему периметру, поэтому можно предположить, что это винодельня открытого типа. Скорее всего, над ней был сооружен легкий навес.

Литература

- Алексеева Е. М., 1997. Античный город Горгииппия. М.
Винокуров Н. И., 1999. Виноделие античного Боспора. М.

А. В. Иванов
Южный региональный центр археологических исследований,
г. Краснодар

**КУРГАННЫЙ НЕКРОПОЛЬ «ВЫШКА-1»:
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД, ХРОНОЛОГИЯ
И МЕСТО ПАМЯТНИКА СРЕДИ ДРЕВНОСТЕЙ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА V В. ДО Н.Э.**

В сезон 2015 г. экспедицией Южного регионального центра археологических исследований (г. Краснодар) были произведены охранные раскопки 29 курганов курганной группы «Вышка 1» (83 насыпи), расположенной в горах близ ст. Неберджаевской, Крымского района, Краснодарского края. Большая часть насыпей, исследованных в группе, курганами не являлись, а их появление связано с естественными процессами. Из раскопанных возвышенностей курганами были лишь 7 насыпей. Они отличались от естественных образований лишь чуть более крупными размерами. Возможно, что эти курганы не насыпались специально, а могилы впускались в природные возвышенности. Однако уверенности в этом нет – практически все они в той или иной степени потревожены грабителями. Лишь в некоторых курганах, где погребальные конструкции сохранились максимально полно, можно восстановить изначальный облик погребального сооружения и утвердительно говорить о них как об объектах, целенаправленно возведенных.

Погребения совершались по обряду труположения. Захороненные помещались как непосредственно на поверхности материковой скалы, так и в неглубоких, в плане аморфных, вытянутых пропорций ямах, сооруженных в этой скале. В одном случае яма была округлых очертаний. Судя по размерам и конфигурации ям, а так же по фрагментам непотревоженных грабителями костяков, погребенные лежали вытянуто на спине. Ориентировка устойчивая, в юго-восточном секторе. Погребенные – люди взрослые, единожды под насыпью отмечено детское погребение, причем непотревоженное. Вещи, сопровождавшие покойных, в тех случаях, когда была подготовлена погребальная яма, находились непосредственно в ней. Когда же захоронение производилось на поверхности скалы без углубления, то инвентарь мог находиться на скале внутри периметра насыпи. Особо отмечу традицию положения черепа коня, который всегда располагался в ногах погребенного.

Некоторые погребения окружались правильными в плане каменными кольцами-кромлехами, сложенными из крупных дикарных камней. Кладка была и одинарная, и до трех рядов в высоту, сложенная на сухую без закрепления. Диаметр колец не превышал 5–6 м. В одном случае под единой насыпью находилось сразу 3 подобных кольца.

Погребальный инвентарь небогат (но необходимо учитывать, что все погребения были ограблены), его состав сложен из категорий типичных для региона в целом. Посуда делится на две категории – лепную местную и кружальную импортную. Лепная посуда представлена фрагментами мисок и горшков. Сохранность такая, что выделить какие-то особенности сложно, лишь отметим,

что два горшка имели шейку, а один экземпляр, видимо, баночной формы, был декорирован воротничком под венчиком, орнаментированным вдавленными пальцами. Подобное оформление на меотских сосудах, как отмечали Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко, известно еще с протомеотского времени, применялось в VI–V вв. до н. э., встречается и на протяжении IV в. до н. э. (*Лимберис, Марченко, 2012. С. 36*). Такую же хронологию на основании новых материалов имеют они и в западных областях Кубани, и в Анапском регионе, где применительно к VI–V вв. до н. э. горшки с воротничком представлены значительно шире, чем на синхронных памятниках Средней Кубани. Они известны и на Тамани (*Камелина, 2009. С. 156–159*), однако в могильнике «Рассвет» таких горшков нет.

Не особо лучше сохранилась и импортная керамика. Встречены красноглиняная миска, сосуд, два кувшина и фрагментированный чернолаковый лекиф. Наиболее полно сохранилась миска. По материалам Афинской агоры она близка сосудам, входящим в группу, датирующуюся 480 г. до н. э. (*Sparkes & Talcott, 1970. P. 360. Fig. 1760, 1761, 1766*). Миски с выделенным и нависающим наружу венчиком известны в Таманском некрополе, в частности в погребении первой половины V в. до н. э. (*Гайдукевич, 1959. С. 175. Рис. 45, 1*), присутствуют они в могильнике у хут. Рассвет в комплексах последней четверти V в. до н. э. (*Крушкол, Новичихин, 2010. С. 111, 179. Рис. 120, 201*). Остальные сосуды настолько фрагментированы, что даже графической реконструкции подвергаются с трудом, лишь боспорское их производство не вызывает сомнений, впрочем, как и аттическое происхождение остатков лекифа.

Оружие представлено мечом, наконечниками дротиков и стрел. Наконечники дротиков миниатюрные, с длиной пера 5,5 и 7 см. В комплексах с оружием встречены различной длины втулки, которые, возможно, являются подтоками. Весьма оригинальная форма железных наконечников стрел – все они без исключения двулопастные, что контрастирует с региональной традицией изготавливать трехлопастные наконечники. Между тем двулопастные наконечники близкой морфологии (правда, в наборах с обыкновенными трехлопастными) были встречены во Владимирском могильнике (*Шишов, 2005. С. 304*). Единственный хорошо сохранившийся бронзовый наконечник стрелы сопоставим с типом 4 отдела II по А. И. Мелюковой, и датируется довольно широко – V–IV вв. до н. э. Что же касается меча, то это довольно типичный акинак, с бабочковидным перекрестием и волютообразным навершием. Такие мечи были широко распространены в скифском мире, по классификации А. И. Мелюковой они относятся к типу I отделу II (*Мелюкова, 1964. С. 53–54*). Есть они и в савроматских памятниках и укладываются в хронологический диапазон конца VI – начала V в. до н. э. (*Смирнов, 1961. С. 17*). Этим же временем они датируются и на Кубани (*Лимберис, Марченко, 2012. С. 54*), а в погребениях некрополя у хут. Рассвет они увязываются с материалами первой половины V в. до н. э. (*Новичихин, 2010. С. 228–230*).

Элементы конского снаряжения встречены в двух комплексах и представлены набором простых двукольчатых железных удил с S-образным двудырчатым псалием, с раскованными узкими и длинными лопастями, загнутыми в противоположные друг от друга стороны. Еще в одном погребении рядом с черепом коня находился псалий, подобный описанной выше схеме, только с короткими и широкими лопастями. Здесь же были найдены три небольших железных конуса,

которые могут трактоваться как ворворки в системе узды. Помимо этого комплекса ворворки находились еще в двух погребениях. Одна из них – бронзовая, близка экземпляру из погребения СК-2 127в, датированного второй-третьей четвертью V в. до н. э. (*Лимберис, Марченко, 2012. С. 115. Рис. 32, 3*).

В детском захоронении из инвентаря было представлено лишь кованное бронзовое зеркало диаметром 15 см, с не сохранившейся деревянной рукоятью, которая крепилась к диску двумя штифтами. Зеркала этого облика распространились в регионе в V в. до н. э., зафиксированы на античных некрополях (*Кашаев, 2009. С. 95*), в Закубанье (*Лесков и др., 2005*), в Прикубанье, в хорошо датированных импортами комплексах (*Лимберис, Марченко, 2012. С. 67*). Единственный найденный браслет изготовлен из овального в сечении прута, на концах ряды не симметричных насечек. Из украшений отметим бусы желтого глухого стекла с 6-ю выпуклыми желтыми глазками на зеленом прозрачном диске (новый тип) и пару простых височных колец в один оборот. Бытовые вещи представлены ножами, проколками и иглками.

На основании перечисленных предметов, большая часть из которых имеет широкие аналогии и проверенные хронологические позиции, можно датировать исследованные курганы в пределах V в. до н. э. Ряд признаков, среди которых совершение захоронений под индивидуальными насыпями, использование камня в погребальном обряде, как и расположение самого памятника в горах, в той или иной степени сближают курганы «Вышка-1» с варварскими комплексами круга некрополей Анапы–Новороссийска. Пожалуй, это первый памятник подобного облика, исследованный на северных склонах Кавказского хребта, что может в корне поменять устоявшееся представление о границах расселения приморских племен. Однако могильник имеет и целый ряд локальных особенностей. Во-первых, его планиграфия несколько отличается от организации некрополей Анапы–Новороссийска. Во-вторых, юго-восточная ориентировка погребенных находится как бы между устойчивой восточной, доминирующей в приморском регионе, и южной ориентировкой меотов Кубани VI–V вв. до н. э. Перечисленное демонстрирует очевидное своеобразие памятника, которое практически неизбежно в контактной зоне, на пограничье двух культурных образований, где он территориально и расположен.

А. А. Кадиева
Государственный исторический музей, г. Москва

С. В. Демиденко
Институт археологии РАН, г. Москва

ВЫТЯНУТЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-3 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В 2015–2016 гг.)

Исследование погребального обряда является одной из важнейших задач изучения кобанской культурно-исторической общности. Для западной кобанской культуры на сегодняшний день эта тема наиболее полно раскрыта в работах В. И. Козенковой. Исследовательница обобщила весь доступный для изучения материал, представленный в основном частично исследованными могильниками, в которых, как правило, из всего некрополя было раскопано несколько погребений. Разумеется, для более полных выводов стали необходимы раскопки широкими площадями и их публикация, снабженная детальным анализом погребального обряда. Для Кисловодской котловины таким памятником является могильник Клин-Яр III, детально исследованный экспедицией археологической лаборатории при Ставропольском государственном педагогическом университете под руководством А. Б. Белинского. Однако в остальном ареале западной кобанской культуры даже те памятники, в которых авторы раскопок изучили достаточно представительное число погребальных комплексов, материалы раскопок остаются по большей части недоступными научной общественности.

С 2014 г. Объединенная Северокавказская археологическая экспедиция ГИМ, КБГУ и ИА РАН ведет работы на могильнике Заюково-3. За четыре сезона работ было исследовано 113 погребений, располагающихся во временном диапазоне от VIII в. до н. э. до VII в. н. э. Настоящая работа посвящена 7 погребениям, относящимся к наиболее раннему этапу функционирования некрополя. Их объединяет две особенности: 1 – все захоронения совершены в прямоугольных грунтовых ямах (кроме погребения 28, длинные стенки которого были облицованы каменными плитами); 2 – все погребенные лежат в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад, кости рук вытянуты вдоль тела, кости ног также вытянуты и располагаются параллельно.

Женские погребения (4).

Погребение 53. Размеры могильной ямы – 1,92×0,78 м, глубина – 0,31 м. На шее погребенной находилось ожерелье из бронзовых бус и двух спиральных витых пронизок. В это ожерелье была включена полая фигурка птицы. На плечах погребенной остриями вверх лежали бронзовые булавки. На руках были надеты браслеты с загнутыми в волюты концами.

Погребение 55. Размеры могильной ямы составляют 1,8×0,65 м, глубина ямы – 0,23 м.

У левого плеча костяка была обнаружена керамическая кружка, стоящая на дне. На груди найдены две булавки, лежащие параллельно остриями в сторону левого плеча. У левого плеча погребенной находилась бронзовая полусферическая бляшка с перемычкой на обороте, лежащая перемычкой вверх. На груди

под подбородком и между булавками были обнаружены 4 бронзовые трубчатые пронизки и их фрагменты. У правого плеча найдено бронзовое овальное кольцо. К кольцу с юга примыкала зооморфная подвеска. На груди, примыкая с юга к одной из булавок, лежала бронзовая выпуклая бляха.

К востоку от стоп основного костяка были обнаружены кости человеческой стопы. Никаких других костей этого погребенного в захоронении не было.

Погребение 68. Размеры могильной ямы – 1,67×0,85 м, глубина – 0,5 м.

В районе верхней челюсти погребенной были обнаружены 2 височные подвески в 1,5 оборота. В области груди располагались 2 булавки, обращенные остриями вверх. Здесь же находился нагрудный убор, состоящий из 8 предметов: 2 подвесок в виде сдвоенных клыков, подвески, сделанной из наконечника стрелы-площика, полусферической бляшки и 4 спиральных пронизей.

Погребение 36. Размеры могильной ямы – 1,37×0,64 м. В погребении было обнаружено два женских костяка, судя по размерам, девочек-подростков.

На руке погребенной 1 был найден бронзовый браслет. У погребенной 2 с левой стороны нижней челюсти располагались детали ожерелья или нагрудного убора, состоящие из 9 бронзовых бусин и 2 фрагментов стеклянного бисера зеленовато-белого цвета.

Мужские погребения (2).

Погребение 28. Размеры могильной ямы – 1,75×0,6 м, глубина – 0,24 м. На правом плече погребенного лежала глиняная миска. К югу от миски находилось скопление миниатюрных бронзовых полусферических бляшек с перемычкой на обороте. На груди обнаружена бронзовая дуговидная фибула, располагавшаяся приемником к голове погребенного. На левом крыле таза находилась бронзовая коническая ворворка. У среза правого крыла таза острием вверх лежала бронзовая булавка. С южной стороны к этой булавке примыкает бронзовый слиток. Еще один слиток обнаружен под левым крылом таза и под костями пальцев левой руки погребенного. У левой ноги найдена еще одна булавка острием вверх. У правой ноги обнаружена бронзовая фишка. Между костями ног костяка, ниже колен, острием вверх лежала еще одна бронзовая булавка.

Погребение 60. Размеры могильной ямы – 1,92×0,65 м, глубина – 0,41 м.

Под подбородком погребенного были обнаружены две трубчатые витые пронизи. На груди стояла керамическая миска. С левой стороны у пояса лежал округлый предмет из мягкого слоющегося камня с просверленным в центре отверстием. Под тазовыми костями выявлены фрагменты железного предмета, вероятно, ножа. У левого колена с внутренней стороны находился каменный оселок с отверстием. К югу от правой ноги было обнаружено скопление наконечников стрел. У правого колена погребенного с внешней стороны найдена костяная ворворка.

Также к вытянутым погребениям относится погребение 59, обнаруженное при зачистке дна погребения 53. Большая часть погребения 59 была уничтожена вышеназванным более поздним захоронением, *in situ* сохранились только кости ног взрослого человека (пол не определен), судя по которым погребенный был уложен вытянуто на спине головой на северо-запад.

Обилие инвентаря в большинстве описанных погребений указывает на высокий имущественный и социальный статус захороненных в них людей обоих полов. Особенно ярко это видно на материалах женских могил, где погребенные

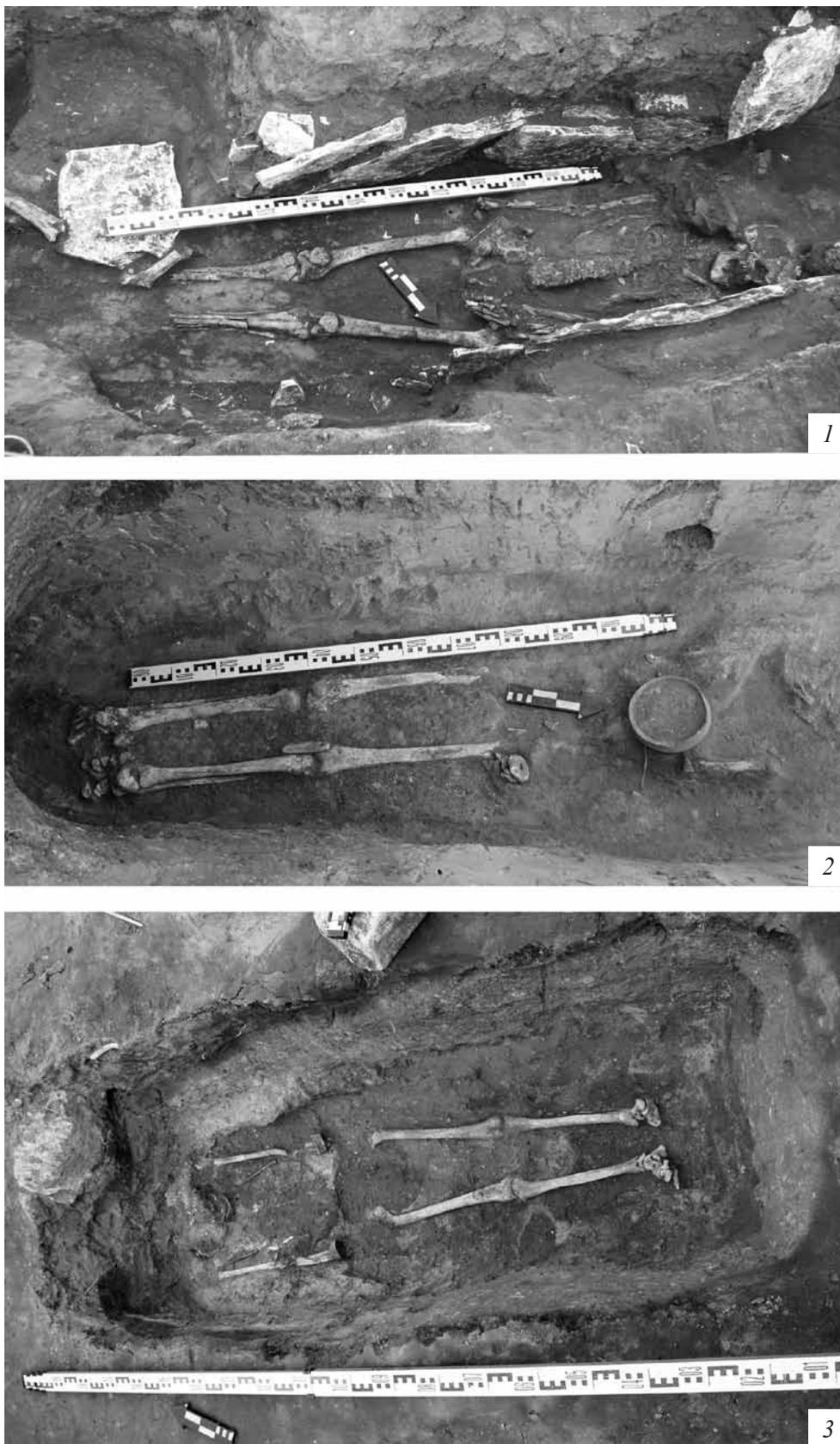

Рис. 1. Могильник Заюково-3: 1 – погребение 28; 2 – погребение 60; 3 – погребение 53

лежали в богатых бронзовых уборах. В мужских погребениях прослеживается различный социальный статус захороненных. Так, колчан со стрелами и округлый каменный предмет с отверстием, очевидно, являющийся навершием жезла, обнаруженные в погребении 60, указывают на воинский статус и принадлежность погребенного к облеченной властью элите. В то же время слитки бронзы под тазовыми костями погребенного из захоронения 28, а также отсутствие среди его инвентаря предметов вооружения могут отражать занятость этого мужчины в бронзолитейном производстве.

В предскифское время в горной зоне Северного Кавказа доминирует обряд захоронения в скорченном положении. Однако на могильнике Заюково-3 наблюдается иная картина. Из 29 исследованных на сегодняшний день погребений этого периода 7 (из них одно парное) совершены вытянуто на спине, 5 – скорченно на правом боку и 2 – на левом боку. Девять погребенных подверглись постпогребальному разрушению. Также из выборки исключены 7 детских костяков.

Вероятнее всего, происхождение обряда захоронения в положении «вытянуто на спине» уходит своими корнями в предшествующую эпоху поздней бронзы. В это время на ряде могильников Центрального Кавказа и Закавказья вытянутое положение погребенных бытует наряду со скорченным. На раннюю дату вытянутых погребений в прямоугольных ямах указывает и полное (за исключением фрагмента ножа в погребении 60) отсутствие в них железных предметов. Таким образом, можно предположить, что описанные выше погребения являются наиболее ранними захоронениями могильника Заюково-3.

А. Р. Канторович
Московский государственный университет, г. Москва,

В. Е. Маслов
Институт археологии РАН, г. Москва

СКИФСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК НОВОЗАВЕДЕННОЕ-III В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ: ТРИ СЕЗОНА ИССЛЕДОВАНИЙ

В 2015–2017 гг. Ставропольской экспедицией кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова¹ было раскопано 6 курганов скифского элитного могильника Новозаведенное-III в Георгиевском районе Ставропольского края. Данный памятник находится на западной окраине с. Новозаведенное, в 2,5 км к юго-западу от широко известного курганного могильника скифской знати архаической эпохи Новозаведенное-II.

Могильники Новозаведенное-II и Новозаведенное-III располагались близ поймы р. Кумы, где на краю высокой надпойменной террасы находилось несколько синхронных им поселений, ныне практически уничтоженных застройкой села и обрушениями береговых обрывов. Таким образом, скифские могильники двух разных эпох размещались в прямой видимости друг от друга, в хозяйственной зоне поселений.

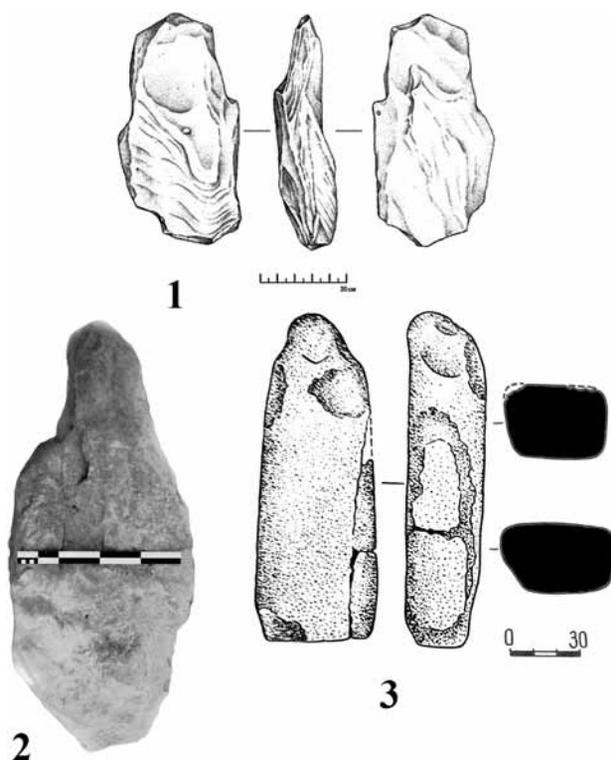
Курганная группа Новозаведенное-III некогда насчитывала более полутора десятка насыпей, которые в основном оказались уничтоженными в ходе хозяйственной деятельности. За три летних полевых сезона были исследованы 6 курганов – 2, 4–8. Все они оказались ограбленными в древности, как и курганы могильника Новозаведенное-II.

В результате раскопок могильника Новозаведенное-III выяснилось, что данный памятник датируется в рамках последней трети V–IV в. до н.э. Несмотря на эпохальные изменения в материальной культуре, удалось проследить прямую преемственность традиций погребального обряда и связанных с ними культовых обычаев, сложившихся еще в эпоху скифской архаики. Так, в курганах № 2, 6, 7, 8 были обнаружены столбообразные каменные стелы, разломанные грабителями и сброшенные вниз. Стелы первоначально, вероятно, стояли на вершинах насыпей. Камень для стел в ряде случаев, видимо, был привезен из района Кавминвод, не менее чем за 50 км от могильника.

Стела из сходного камня была найдена в заполнении могильной камеры к. № 6 могильника Новозаведенное-II, датированного в пределах второй четверти VI в. до н.э. (*Петренко и др.*, 2006. С. 381). Сходная ситуация со стелами, просевшими в результате ограбления в заполнение могильных ям, очевидно, прослежена и в ряде курганов эпохи архаики Нартанского 1-го могильника (*Батчаев*, 1985. С. 36. Табл. 30; 41, 31; 42; 47). Как и в Нартанском могильнике некоторые из стел (к. № 6 и 8), возможно, были грубо обработаны и имели условно выделенные голову и плечи (рис. 1).

---

¹ Раскопки проводились под руководством А. Р. Канторовича на средства экспедиционных грантов (проекты РГНФ № 15-01-18083е и 16-01-18092е, РФФИ № 17-01-18087).

Рис. 1. Каменные стелы: 1 – курган 6 могильника Новозаведенное-III; 2 – курган 8 могильника Новозаведенное-III; 3 – курган 16 могильника Нартан (по В.М. Батчаеву)

К культовым предметам, вероятно, относились мелкие разноцветные гальки, которые были найдены во всех без исключения могильных камерах могильника Новозаведенное-III. Данная традиция также имеет прямые аналогии в комплексах могильника Новозаведенное-II и Нартанского могильника (Батчаев, 1985. С. 27, 31, 32, 34, 36, 37, 41, 43. Табл. 26; 30; 32; 34; 36; 40; 42; 47; 52).

В пяти курганах группы Новозаведенное-III в могильных ямах, а еще в одном случае на поверхности погребенной почвы (к. № 4) были найдены плиты-терочки. Подобные плиты были обнаружены в ряде комплексов VII–VI вв. до н. э. в могильниках Нартан-I и Новозаведенное-II (Батчаев, 1985. Табл. 23, 22; 27, 16; 31, 7, 8; 37, 24; 45, 42; 48, 51, 52; 53, 17; Петренко и др., 2006. С. 391, 394. Рис. 1). Встречаются они и в более поздний период – в могильнике Нартан-II (Керефов, Кармов, 2009. Рис. 4, 23; 20, 24).

К устойчивым обрядовым чертам следует отнести также помещение в могильную яму конских туш. В курганах могильника Новозаведенное-III наряду с конскими костями обнаруживались остатки узды: бронзовые бляхи, бронзовые ворворки, бронзовые налобники, фрагменты железных удил. Очевидно, взнузданные кони были уложены во все погребения, но их останки были почти полностью уничтожены в ходе ограбления.

В 5 из 6 исследованных нами курганах могильника Новозаведенное-III были найдены предметы вооружения. Это стрелковые наборы из бронзовых, железных и костяных наконечников, фрагменты железных акинаков, меч синдо-меотского типа, железные и бронзовые пластины панцирей и боевых поясов, крепившиеся к кожаной основе с помощью бронзовых заклепок.

Были найдены также украшения одежды – золотые нашивные бляшки, булавки из золота, бронзы и кости, бусы и бисер из золота, стекла, фаянса, сердолика и янтаря, раковины каури. Особо выделим две бляшки-распределители ромбической формы с напаянными свастиками из зерни и вставками эмали из к. № 4. Сложность технологии и аналогии ювелирным изделиям свидетельствуют о том, что перед нами – продукция специализированных ювелирных мастерских. Серия золотых украшений со свастиками из зерни найдена в Вани в Западной Грузии (*Лорджипанидзе*, 1972. Рис. 197). В этом же кургане был найден краснофигурный арибаллический лекиф.

В 3 из изученных нами 6 курганов группы Новозаведенное-III были обнаружены предметы, оформленные в скифском зверином стиле. Три бронзовых конских нахрапника из к. № 7 выполнены в скифо-меотском зверином стиле и демонстрируют тесные связи местных скифов с Прикубаньем (*Эрлих*, 2011. С. 60, 81. Рис. 62, 7), как и 2 золотые нашивные бляшки с изображением синтетического копытного – «лосекозла» из к. № 2, 8 (*Канторович*, 2016. С. 89–102).

Фрагментированная роговая булавка из к. № 4, навершие которой оформлено в виде односторонней профильной головы хищника, соответствует серии обособленных голов, преимущественно волчьих, которые распространены по всей территории скифской археологической культуры, а также в Нижнем Поволжье и в Южном Приуралье. Также аналогии в степной зоне скифо-сибирского мира (в Северном Причерноморье, Нижнем Поволжье и Южном Приуралье) находит бронзовая «жаровня» из кургана № 5.

Сочетание в одном месте разновременных элитарных курганных могильников скифской знати с единым погребальным обрядом указывает на то, что центры власти, сложившиеся в эпоху архаики, сохраняли топографическую привязку на протяжении практически всей скифской истории. В Центральном Предкавказье, кроме Новозаведенного, известно только два подобных центра. Во-первых, это Нартанский I-й могильник, близ которого расположен целый куст курганных могильников VII–IV в. до н.э.: Нальчикский, Шалущинский, Вольноаульский, Нартан-2 (*Керефов, Кармов*, 2009. С. 3). Во-вторых, это Ставропольская возвышенность, где также известны скифские памятники от эпохи архаики до IV в. до н.э. и где находились крупные укрепленные городища.

Литература

- Батчаев В. М.*, 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Вып. II. Нальчик.
- Канторович А. Р.*, 2016. Образ лосекозла в скифском зверином стиле в свете новых находок на территории Ставрополя и Прикубанья // Археологія і давня історія України. 2 (19). Старожитності раннього залізного віку. Киев.
- Керефов Б. М., Кармов Т. М.* 2009. Нартан-2: Курганный могильник скифского времени. Нальчик.
- Лорджипанидзе О. Д.*, 1972. Ванское городище (Раскопки. История. Проблемы) // Вани. Археологические раскопки 1947–1969 гг. Т. I. Тбилиси.
- Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р.*, 2006. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное-II // Древности скифской эпохи. МИАР. № 7.
- Эрлих В. Р.*, 2011. Святилища некрополя Тенгинского городища II: IV в. до н.э. М.

М.Т. Каиуба

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

М.А. Кулькова

*Российский государственный Педагогический университет
им. А.И.Герцена, г. Санкт-Петербург*

А.М. Кульков, Н.С. Власенко, Н.А. Гаврилюк
Ресурсный центр «Геомодель» г. Санкт-Петербург

Э.Кайзер

Свободный университет Берлина, г. Берлин

БЕЛАЯ ПАСТА – НОУ-ХАУ В ПРОИЗВОДСТВЕ КЕРАМИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИЧЕРНОМОРСКОГО БАССЕЙНА¹

В начале I тыс. до н. э. у населения Черноморского бассейна широкое хождение имела высококачественная черная и светло-оранжевая лощеная посуда с геометрическим узором и белой инкрустацией. Хотя археологические контексты ясно показывают разные ее истоки, тем менее она обнаруживает явные общие признаки, особенно в мотивах геометрического узора и способа его заполнения («белая паста»). Сходство наряду со специфическими характеристиками такой посуды неоднократно обсуждалось в специальной литературе. Здесь упомянем краткую и емкую статью М. П. Грязнова, опубликованную полстолетия назад (*Грязнов, 1966. С. 31–34*), а из последних работ – два раздела в монографии И. В. Бруяко (2005. С. 52–73. Рис. 14). В этом последнем исследовании систематизированы данные по геометрической инкрустированной керамике Балкано-Подунавья, Северного Причерноморья и Кавказа с привлечением доступных материалов и принятых тогда датировок тех или иных культур, памятников и комплексов. И. В. Бруяко предложил оригинальную гипотезу о «делении геометрического ареала “северного полушария” Циркумпонтийской области на две самостоятельные ветви – балкано-причерноморскую и кавказско-крымскую» (*Бруяко, 2005. С. 67*). Он поддержал отмеченную многими авторами независимость происхождения геометрического стиля (*Бруяко, 2005. С. 69*) и выделил в «балкано-причерноморской ветви <...> степной ареал “геометрической” керамики» (*Бруяко, 2005. Рис. 14*).

«Геометрическая» керамика, найденная в погребениях ранних кочевников Северного Причерноморья, является одной из составляющих источниковой базы нашего исследования, начатого в 2016 г. Ее изучение проводится в сравнении с керамикой, происходящей из открытых и укрепленных поселений оседлого населения, проживавшего в X–VII вв. до н. э. в лесостепи – севернее степной зоны региона. Исследование проводится международным коллективом ученых из России, Украины и Германии. Впервые для таких материалов мы применяем междисциплинарный подход, позволяющий сопоставить естественнонаучные данные, традиционную археологическую классификацию/типологию

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта № 90 216, поддержанного Фондом Фольксваген (Германия).

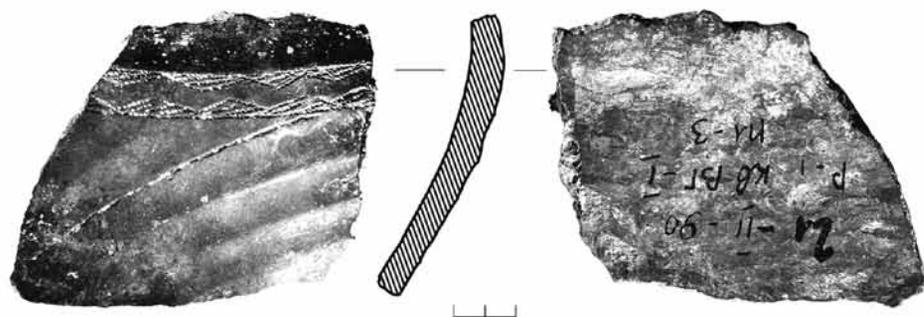
и культурно-историческую интерпретацию (см. *Кайзер и др.*, 2016. С. 33–40; *Кулькова и др.*, 2016. С. 348–352; *Kulkova et al.*, 2017. Р. 469–473; *Ветрова и др.*, 2017. С. 397–399). Современные, используемые нами аналитические методы изучения древней керамики включают петрографический, геохимический и микротомографию, а минералогическое изучение керамики проводится путем рентгенофазового, микронзондового энерго-дисперсионного и дифракционно-термического анализов. По возможности каждый образец, взятый от сосуда из раннекочевнического погребения, анализируется несколькими разными методами. Статистически достаточное число анализов проводится для керамики из поселений, охватывающих широкий хронологический диапазон от XI–X/IX вв. до н. э. (в степной зоне: Дикий Сад; в лесостепи: Сахарна Маре, Хлижень II и Суботив) до VIII в. до н. э. (в степной зоне: Орловка и Картал; в лесостепи: Шолдэнешть II и Жаботин, I горизонт) и VII – начала VI в. до н. э. (в лесостепной зоне: Немиров). С целью обнаружения источников глинистых материалов для изготовления керамики были отобраны образцы глинистых пород из 10 коренных обнажений, расположенных вблизи поселений и некоторых некрополей.

Результатом этих работ будет представительная база данных, используя которую можно обозначить особенности керамического комплекса той или иной культуры/группы, центры изготовления, возможные места сбыта, ареалы некоторых категорий сосудов и их функциональное использование и пр. В нашу задачу также входит выявить новые тенденции в производстве посуды, которая в начале раннего железного века имела хождение среди мобильного и оседлого населения Причерноморского бассейна. В перспективе подготовленная база данных будет находиться в открытом доступе.

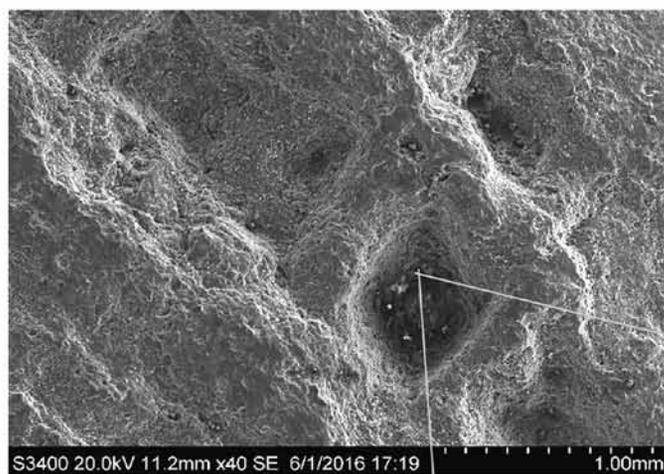
Одним из важных и пока не имеющих более-менее согласованного решения является вопрос места производства сосудов, найденных в степных раннекочевнических погребениях. Применяя традиционную археологическую классификацию с учетом имеющихся разработок по теме, сделанными предшественниками и современными коллегами, среди погребальной керамики ранних кочевников мы выявили сравнительно большую «фракийскую» группу (более 40 кубков, кубковидных сосудов, корчаг, черпаков и кувшинов). Часть сосудов, сопоставимых с сахарнянской керамикой IX – начала VIII в. до н. э., имеют геометрический узор с белой инкрустацией (*Кулькова и др.*, 2017. С. 409–411; *Кашуба и др.*, 2017. С. 55–56; *Кайзер и др.*, 2017. С. 137–151).

Известно, что инкрустация белой пастой – широко распространенный в древней Европе (от Испании и Италии до Карпатского бассейна и Малой Польши) способ заполнения углубленного узора, известный в неолите – раннем железном веке. Однако в Северном Причерноморье такой прием в керамическом производстве появляется лишь в конце XI в. до н. э., что документируется на посуде раннегальштатской культуры Козия-Сахарна в среднем течении Днестра.

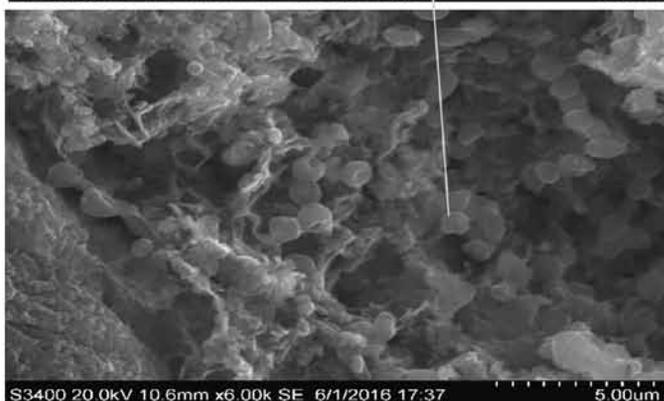
Нами впервые было проведено изучение белой пасты из Северного Причерноморья. Образцы взяты от сахарнянских сосудов из городища Хлижень II-*Ла Шанц*, Среднее Поднестровье (рис. 1), поселения Жаботин, Правобережное Поднепровье, а также отдельных степных погребений. Минеральный состав пасты определен с помощью микронзондового анализа (SEM-EDS). Общей особенностью состава практически всех образцов является присутствие высокотемпературных

1

2

Рис. 1. Среднее Поднестровье, городище Хлижень II-Ла Шану, культура Козия-Сахарна. Часть тулова чернолощеного сосуда с косыми каннелюрами и узким поясом геометрического узора из мелкозубчатого штампа, заполненного белой пастой (образец N1igeni 10): 1 – фрагмент; 2 – состав «белой пасты» под электронным микроскопом (100 мкм наночастицы, состоящие из биоапатита).

силикатов кальция, таких как волластонит. В составе большинства образцов белой пасты присутствовали гидроксиапатит (костная зола), каолинит, гипс и карбонат кальция. Эти данные сопоставимы с имеющимися результатами анализов, сделанных на европейских материалах. Так, на Балканах использование в составе пасты для инкрустации кальцита, костной золы, каолинита сохраняется

с неолита – бронзового века. В Северном Причерноморье инкрустирование и основные ингредиенты применяемой белой пасты появились в начале раннего железного века вследствие миграционных процессов, когда с появлением нового населения (оставившего культуру Козия-Сахарна) осуществился трансферт идей/технологий.

Носители культуры Козия-Сахарна принесли в регион технологию производства железа (см. *Кашиба*, 2013. С. 233 сл.). Естественнонаучные методы позволили выявить и другие новшества, ранее не столь очевидные. Мы зафиксировали инновационные изменения в подготовке белой пасты, а именно: высокотемпературный обжиг основных ингредиентов с получением *нового*, более прочного *синтетического материала* – волластонита. Это установлено впервые, речь идет о ноу-хау в производстве керамики. Видимо, развитие железообрабатывающих технологий могло способствовать созданию таких новых материалов – белой пасты для инкрустации. Качественные лощеные сосуды, имевшие узор с такой «новинкой», получили популярность среди степного населения, выступая знаковым изделием воинской субкультуры ранних кочевников Северного Причерноморья.

З. Квициани

Тбилисский государственный университет, Республика Грузия, г. Тбилиси

ДРЕВНЕЙШИЕ ЗОЛОТЫЕ ДЕНЬГИ НА КАВКАЗЕ. СВАНСКОЕ ЗОЛОТО

Как известно, золотая монета – общественное явление. В отличие от слитков, она не имеет естественного происхождения. Чеканка золотых монет, включая подражание статерам Александра и Лисимаха, всегда связана с уровнем развития производства и купли-продажи. Следовательно, исследование этого явления возможно в связи с историей конкретного общества. Золото всегда и везде является показателем богатства общества, имеющим 5 функций: 1) мера стоимости; 2) возможность оборота; 3) драгоценности; 4) платежеспособность; 5) деньги мира. Оно является предметом роскоши. Золотая монета легко переплавляется в слитки, а затем превращается в дорогое украшение. Из-за затраченного на нее труда, ее стоимость повышается, и так происходит постоянно.

Добыча золота в мире ежегодно увеличивается. Вашингтонский т. н. Институт золота традиционно в начале каждого года публикует статистические отчеты. В его составлении участвуют около трехсот компаний по всему миру и специализированные фирмы. Грузия также представлена среди стран-производителей золота. Она имеет древние традиции добычи и переработки золота. Археологические раскопки, проведенные в последние годы в Западной Грузии, в исторической Колхиде, превратили в реальность греческий миф о «богатой золотом Колхиде». Греко-римским авторам (Страбон, Аппиан, Плиний и др.) были хорошо известны сванские способы добычи золота. Более того, они заостряют внимание на деталях его добычи.

Недавними археологическими исследованиями был документально подтвержден факт существования местного промысла золота в долинах рек Ингури и Цкенисцкали. Кроме того, специалисты давно обратили внимание на необычную ситуацию, что Сванетия отличается обилием золотых монет античной эпохи. Факты их нахождения, начиная с XIX века, зафиксированы как в сокровищницах, так и в гробницах. Также богато сванское устное народное творчество, сванский фольклор.

В настоящее время на территории Грузии зафиксировано 400 случаев обнаружения золотых статеров Александра Македонского и Лисимаха. Отсюда на долю Сванетии приходится 390! Еще более впечатляют факты нахождения в Сванетии их грузинских подражаний, что заставляет нас думать, что чеканка подражаний золотых статеров в Сванетии производилась со II в. до н. э. и, по всей видимости, изготовлялись и в III в. н. э. Примером тому является подражание статеру Александра Македонского, найденного в 13-й гробнице позднеармазского периода в долине Кушанантагори, которая вместе с сопровождающими захоронение материалами датируется первой половиной III в. В нумизматической науке, когда на определенной территории наблюдается высокая степень конкретной монетной группы, сразу же начинается дискуссия об активном денежном обороте в регионе.

Вес копии статера Александра Македонского колеблется между 3,52–4,42–1,65–6,1 г. В соответствии со специальной литературой весовой ремедиум грузинских подражаний статеров Александра Македонского и Лисимаха колеблется от 1 до 5,5 г. Эпохой их распространения нумизматы считают I–II вв. н. э., что подтверждается и нашими материалами. Вместе с тем находка, сделанная в селе Верхнее Марги, не вмещается в эти стандарты: она весит 6,1 г, что должно указывать на ее более раннее происхождение, в частности, в III–II вв. до н. э. Как известно, выпуск т. н. подражаний был вызван рыночной конъюнктурой, в частности, большим спросом на эти иностранные золотые монеты на внутреннем рынке, дефицитом этих денег. Золотые монеты Александра Македонского и Лисимаха, одного из его преемников, стали источником таузериализации, накопления богатства. Это было связано с их авторитетом, высокой пробой и весом.

Экономическое пространство Грузии III в. до н. э. не принимало других денег. Военные походы Александра Македонского совершили переворот в истории чеканки монет. После завоевания Персии ее денежная система получила преобладающий статус почти во всем мире того времени. Монеты Александра Македонского получили интерлокальную цену. В то же время эпоха эллинизма (IV–II вв. до н. э.) во всем мире того времени является эпохой оживления экономической жизни и дотоле невиданного торгового оборота. В обширную международную сеть торговых отношений оказались вовлеченными не только Малая Азия, Месопотамия и Египет, но и более отдаленные страны – государства Средней Азии и Индия. Внешняя торговля в эллинистическую эпоху приобретает мировой характер, в котором участвует и Сванетия.

В это время отношения Колхиды с греческими городами Средиземноморья и Малой Азии еще более расширяются. Растут масштабы торгово-экономических отношений со странами эллинистического Востока (Египет, Сирия, Бактрия, Парфия и т. д.). Сваны не отстают от этих событий. Они принимают живое участие в денежно-товарных процессах, и этим объясняется обнаружение на территории Сванетии огромного количества золотых монет и их подражаний. Появление на расположенном по соседству со Сванетией Северном Кавказе импортных предметов совпадает с периодом, когда Римская империя устанавливала на побережье Черного моря свое господство. Таковыми являются, например, стеклянные изделия, монеты, серебряные и бронзовые фибулы, металлическая посуда, стеклянные позолоченные и из голубой пасты ожерелья и т. д. Не исключено, что для массового производства подражаний на рубеже древних и новых веков в древней Грузии использовалось и золото Сванетии.

На основании различных исторических источников, а также сохранившиеся до наших дней этнографические традиции, свидетельствующих о добыче и переработке золота, на основании химическо-металлографического анализа типологических и отдельных элементов нумизматических и синхронных археологических памятников было установлено, что в античную эпоху в Сванетии существовал монетный двор. Кто являлся эмитентом этих монет в Сванетии? В литературе единогласно признано, что когда на рынке тех или иных стран снижается ввоз популярных монет, пополнение спроса происходит посредством подражаний. Подражания отличаются от фальшивых монет, так как они имеют полноценную функцию денег. Эмиссию подражаний осуществляет правитель,

Рис. 1. Местные подражания золотых монет Александра Македонского и Лизимаха (Сванетия)

который несет ответственность за выпуск денег в стране. На это указывает и то, что часто подражания находят наряду с законными монетами.

Вполне приемлемо принять соображение о том, что появлению подражаний предшествовал интенсивный оборот оригиналов. Известны 400 случаев обнаружения статеров Александра Македонского в Сванетии. Логично, что здесь могла быть активная циркуляция подражаний.

Этот феномен денежно-товарной коммуникации характерен не только для Сванетии. Аналогичные явления, или факт выпуска подражаний золотых монет, наблюдался и у кельтов в эллинистическую эпоху. Отдельные кельтские общины и вожди племен в течение 300 лет в массовом порядке выпускали подражания монет Филиппа II и др. греческих металлических денег. Как подтверждают последние археологические раскопки, для их выпуска использовалось местное сырье. Изучено более 100 очагов производства золота, где было добыто более 70 т первичного сырья. Это подтверждает факт наличия золотых месторождений, которыми был весьма беден Рим. Кельтское золото стало причиной агрессии среди кельтов и галлов. Согласно сведениям Светония, «Божественный Юлий» Цезарь завладел таким огромным количеством золота во время войны с галлами, что оно значительно обесценилось в римских провинциях. По сванским преданиям, основной причиной нападения на их страну было местное производство золота. Это обстоятельство выявляется и в сведениях византийских историков V–VI вв. Одна из важных проблем многолетних иранско-византийских войн была связана не только с безопасностью проходов на Северный Кавказ, но и с попыткой контроля над производством золота в Сванетии.

Исследование обнаруженных на территории Колхиды (Сванетия) подражаний золотым статерам Александра Македонского и Лисимаха выявило достойные внимания многообразные вариации техники их изготовления (литье и чеканка, напайка деталей и т. д.). Детальный микрорентгеноспектральный анализ «кавказских статеров» и их сравнение с химическим составом золотых самородков выявили множество достойных внимания фактов. В изготовленных подобным образом изделиях встречаются идентичные минеральные вставки и микрокомпоненты

химических элементов в том же количестве, в той же форме и с теми же особенностями распределения, что и в золотых самородках.

Таким образом, результаты химико-технологического анализа исследуемых образцов документально подтверждают высокий уровень чеканки монет в Колхиде. Априори принято, что т. н. кавказские подражания Александру и Лисимаху изготовлены из местного сырья, потому что местные жители были привычны к этим золотым кладам и относились к ним с доверием. Как отмечали специалисты, такие т. н. варварские монеты, возможно, были выпущены находящимися в торговых отношениях вождями племен или инициированы частными лицами – «торговцами». Интересно, что по соседству с Грузией, в исторической Албании, объектами местного подражания являлись серебряные драхмы и тетрадрахмы Александра Македонского. Вероятно, подражание золотым статерам были привнесены из Грузии так же, как и на Северный Кавказ.

Все вышеизложенное дает нам возможность прийти к выводу, что «многонаселенная и золотом богатая Сванетия» не жила в какой-либо исторической эпохе замкнуто, что Сванетия с древнейших времен имела постоянную связь как с народами Северного Кавказа, так и др. соседних стран. Ее торгово-экономические контакты в античную эпоху восходят на все более высокий уровень, что хорошо подтверждено археологическими материалами.

М. Е. Клемешова
Институт археологии РАН, Москва

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
КЕРАМИКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ИЛЬИЧ-1

В данной работе приводятся результаты исследования исходного пластичного сырья и формовочных масс керамики из раскопа 2 из ям поселения эпохи поздней бронзы Ильич-1, расположенного на Таманском полуострове на северной окраине поселка Ильич Темрюкского района Краснодарского края. Раскопки на этом участке проводились в 2015–2016 гг. экспедицией Института археологии РАН под руководством А. В. Бонина¹ в связи с работами по прокладке энергокабеля при сооружении электросетевого энергопоста Российская Федерация – полуостров Крым. Поселение эпохи бронзы находилось под слоем поселения античного времени первых веков нашей эры (*Бонин А. В., Шаров О. В., 2016. С. 59*).

Были изучены 50 фрагментов керамики от разных сосудов из 10 объектов (ям) слоя поселения. Керамический комплекс поселения охарактеризован Р. А. Мимоходом как относящийся к белозерскому времени, XII–X вв. до н. э. Все исследованные фрагменты относились к горшкам различных типов и размеров (рис. 1). Из них 8 образцов имеют сплошное лощение внешней поверхности, 10 – внешней и верхней части горла с внутренней стороны. Режим обжига сосудов был различен: 11 сосудов обожжены в окислительной атмосфере, 26 – в восстановительной, 13 – в полувосстановительной.

Исследование проводилось методами технико-технологического анализа, разработанного А. А. Бобринским (*Бобринский А. А., 1978; 1999*), по свежим изломам черепков с помощью микроскопа МБС-10. Данные методы к керамике эпохи бронзы, происходящей с Таманского полуострова, применяются впервые.

Изученная керамика была изготовлена из слабожелезненной (42 сосуда) и среднежелезненной (7 сосудов) слабо- и среднезапесоченной глины во влажном состоянии с естественной примесью пылевидного песка с единичными включениями слегка окатанных песчинок 0,1–0,4 мм, 1 сосуд – предположительно из слабожелезненной среднезапесоченной илистой глины (*Клемешова М. Е., 2017. С. 228–233*) во влажном состоянии с естественной примесью песка той же размерности.

Были выделены следующие рецепты составления формовочной массы (табл. 1).

Примесь шамота в большинстве образцов керамики присутствует в концентрации 1:3–1:5, в двух сосудах – 1:6, дресвы различных видов – 1:5 и менее (в 62% случаев в концентрации менее 1:6). Примесь дробленой раковины в образце с раковинной содержится в концентрации ок. 1:4, морского ракушечного песка, состоящего из смеси сильно окатанных зерен кварцевого песка и фрагментов морской раковины размерами не более 1,2 мм, – ок. 1:2. В одном из образцов отмечена

---

¹ Глубоко признательна А. В. Бонину за возможность работы с керамикой и ее публикацию.

Таблица 1.

№ п/п	Состав ФМ	Кол-во сосудов	Лощение		Режим обжига		
			внеш.	внеш. и внутр.	окисл.	восст.	полу-восст.
1	Ил. гл. + Р + ОР	1 (2%)	1	-	-	1	-
2	Гл + П м. ракуш.	1 (2%)	-	-	-	-	1
3	Гл + Ш + Нав. выж.	31 (62%)	3	9	6	16	9
4	Гл + Ш + П + Нав. выж.	1 (2%)	-	-	-	1	-
5	Гл + Ш + Др (кварц) + Нав. выж.	7 (14%)	2	1	2	4	1
6	Гл + Ш + Др (кварц. песч.) + Нав. выж.	7 (14%)	1	1	2	3	2
7	Гл + Ш + Др (кварц. песч.) + Др (кварц) + Нав. выж.	2 (4%)	-	-	1	1	-
Всего		50 (100%)	7 (14%)	11 (22%)	11 (22%)	26 (52%)	13 (26%)

Примечания: ФМ – формовочная масса, Гл – глина, Ил. гл. – илистая глина, Ш – шамот, Р – раковина, ОР – органический раствор, П – песок, П м. ракуш. – песок морской ракушечник, Нав. выж. – навозная выжимка, Др (кварц) – кварцевая дресва, Др (кварц. песч.) – дресва из кварцевого песчаника.

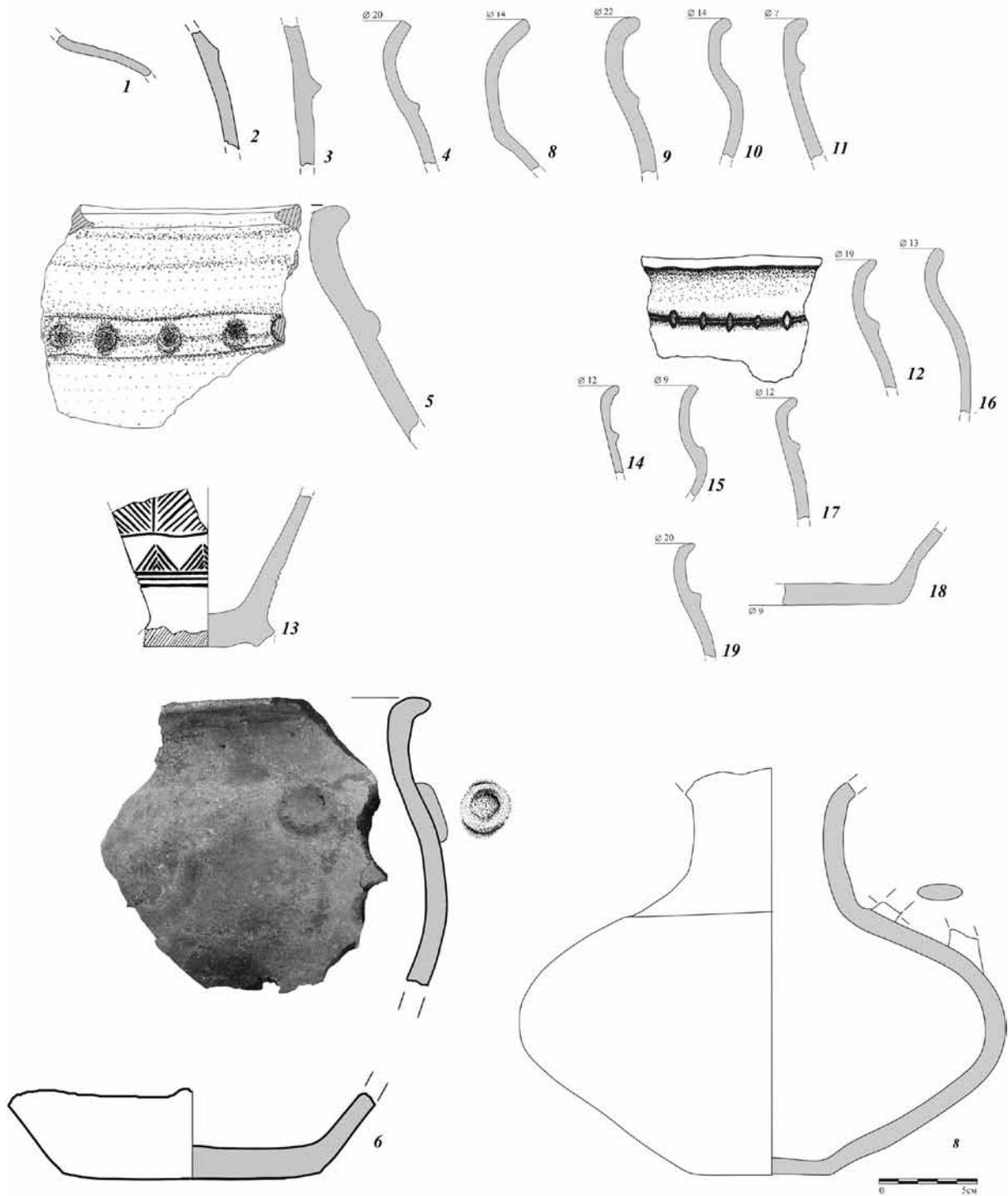
Таблица 2.

№ объекта	2	5	10	11	21	27	32	35	41	43
№ рецепта ФМ	№ 3	№ 3 № 5 № 6 № 7	№ 3	№ 6	№ 1 № 2	№ 3	№ 3 № 4 № 7	№ 3	№ 3 № 5	№ 3 № 5 № 6

искусственная примесь остроугольного кварцевого песка размерами 0,2–0,3 мм в концентрации ок. 1:5–1:6. Примесь органического раствора в образце из илистой глины с примесью дробленной морской раковины определяется по наличию черного жирного густого, слабо блестящего налета, наблюдаемого по всей плоскости свежих изломов черепка. Шамот и дресва использовались в основном с размерами частиц до 1 и до 2 мм, лишь в одном сосуде присутствует примесь крупного шамота (до 3 мм).

Наличие керамики с различными рецептами составления ФМ говорит о присутствии на поселении групп населения с различными культурными традициями изготовления посуды. Различия внутри этих групп в технологии обработки поверхности сосудов и режима обжига указывают на их внутреннюю культурную неоднородность. Керамика с различными рецептами ФМ была обнаружена в ямах на поселении в следующих сочетаниях (табл. 2).

Совместное обнаружение в объектах 5, 21, 32, 41 и 43 керамики, изготовленной в различных традициях составления формовочной массы, указывает на ее существование на поселении в одно и то же время. На основании этого можно предполагать также и одновременное пребывание на поселении носителей этих традиций.

Рис. 1. Керамика эпохи поздней бронзы поселения Ильич-1: 1 – ФМ-1; 2 – ФМ-2; 3–11 – ФМ-3; 12 – ФМ-4; 13–15 – ФМ-5; 16–17 – ФМ-6; 18–19 – ФМ-7. 1–2 – об. 21; 3 – об. 10; 4–5 – об. 2; 6 – об. 27; 7, 12, 18 – об. 32; 5, 8, 13, 14, 17, 19 – об. 5; 9–11, 15 – об.41; 16 – об. 43

Литература

- Бобринский А. А.*, 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука.
- Бобринский А. А.*, 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: издательство Самарского государственного педагогического университета. С. 5–109.
- Бонин А. В., Шаров О. В.*, 2016. Н. И. Сокольский и его батарейки (от укреплений к поселениям) // XVII Боспорские чтения. Керчь.
- Клемешова М. Е.*, 2017. О сырье для изготовления лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 // Древности Боспора. Вып. 21. С. 228–240. М.

В. И. Козенкова
Институт археологии РАН, г. Москва

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О КОБАНО-СКИФСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ: ЕДИНСТВО И ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ В ОЦЕНКЕ ОСНОВНЫХ ПОСТУЛАТОВ

Исполняется 80 лет с открытия Е. И. Крупновым важных для темы кобанских памятников. Впервые опубликованные в статье «Археологические памятники Ассинского ущелья» (*Крупнов, 1941*) данные осветили в новом ракурсе вопрос о соотношении материалов автохтонной культуры и выявленных среди них элементов скифской культуры. Дальнейшее исследование проблемы (*Крупнов, 1948, 1960*) показало, что в результате контактов с инокультурным окружением кобанская культура на позднем этапе (VII–IV вв. до н. э.), кроме собственного саморазвития, претерпела особую трансформацию в быту и незначительно в погребальном обряде. Поздний этап дал качественно новые формы посуды, особые типы украшений; железное оружие, часть которого было либо очевидно скифского типа, либо ему подражавшего (наконечники стрел, кинжалы). Иногда подражало степному конское снаряжение. Влияние испытал звериный стиль аксессуаров костюма, причем ряд образов переформатированы согласно вкусам местного населения.

В кобано-скифских взаимоотношениях выделяются следующие главные аспекты: 1 – причины трансформации кобанской культуры в VII–V вв. до н. э.; 2 – степень и глубина трансформации; 3 – проблема этнополитического сосуществования этих двух различных культур; 4 – хронологический аспект (вектор развития отношений). По ним существуют разные гипотезы. Какие-то из них получили подтверждение, часть потеряли свою актуальность. Однако многое еще остается предметом дискуссии. Взгляд на указанные аспекты претерпел со временем изменения. В 30-е годы XX столетия в археологии господствовала историко-хозяйственная стадильная система (*Пиотровский, Иессен, 1940; Иессен, 1941*). Но и тогда свой особый взгляд на эту схему выразил А. А. Иессен. Анализируя материалы из Моздока, он писал, «что применение термина “скифский” и здесь и в дальнейшем изложении является условным. Им обозначается стадильное состояние данной общественной среды.... Говорить об этническом единстве насельников Предкавказья и собственно “скифов” Северного Причерноморья затруднительно. Нет также оснований считать, что местное население в Закубаньи и на Тереке носило имя скифы» (*Пиотровский, Иессен, 1940. С. 28, сноска 2*). В материалах Каменномостского могильника в Кабардино-Балкарии исследователь различал «два различных комплекса – степной, отвечающей собственно “скифской” культуре, с одной стороны, предгорный и горный, теснейшим образом связанный с предшествующим этапом...» (*Иессен, 1941. С. 20*). Е. И. Крупновым была предложена другая гипотеза, а именно: столкновения элементов двух разных по происхождению культур, глубоко местной и кочевой, агрессивно милитаризованной, скифской (Алхасте, Нестеровский). В результате удалось «установить органическую связь Нестеровского могильника с подлинной скифской культурой» (*Крупнов, 1948*) и сформулировать заключение о том, «что в определенный

период бытования кобанской культуры на Северном Кавказе выявляются новые археологические объекты, представляющие иную культуру, именуемую скифской» (Крупнов, 1948. С. 31). Он полагал, что эти материалы могут «считаться пограничными представителями, отражающими скифскую культуру» (Крупнов, 1941. С. 182). К концу 50-х годов XX в. исследователь представил законченную концепцию о трансформации кобанской культуры в середине VII–IV вв. до н. э. и о ее культурном синкретизме в результате контактов со скифами. Особо указывалось, что полной замены автохтонной культуры не произошло (Крупнов, 1960). Яркие примеры усвоения чуждых (степных и иных) элементов населением поздней Кобани дает Луговой могильник VI–IV вв. до н. э. (Мунчаев, 1963). Здесь связи усматриваются не только со скифами, но и с культурой позднего Гальштатта Центральной Европы в результате походов (Козенкова, 2007). О связях «кобанцев» с Поволжьем свидетельствуют наконечники стрел в слое VII в. до н. э. поселения Сержень-Юрт (Козенкова, 2001). Другие данные также констатируют очевидное раннее неподвластно нейтральное сосуществование двух этносов. Скорее всего, после внезапного разорительного нашествия, но главным образом в конце VI – начале IV вв. до н. э. пришельцы стали нуждаться в экономических и военных ресурсах «кобанцев», что требовало другой системы взаимоотношений. Наконечники стрел с ромбическим пером в слое поселения Сержень-юрт свидетельствуют, что грозные события могли происходить во второй четверти – середине VII в. до н. э. Но и в конце его, и начале VI в. до н. э. уже отмечены признаки стабилизации на других поселениях (Нестеровское). Аналогичное развитие событий засвидетельствовано также и по могильникам центрального варианта (Тли, Кливана, Комарово), особенно в пограничной зоне Центрального Предкавказья (Абрамова, 1974). По первому аспекту можно привести и другие схожие примеры (могильники Гастон Уота, Новогрозненский и Пседахский могильники, Клинь-яр-2 и Клинь-Яр-3, Султангорский-3, могильник Уллубаганалы-2). В целом можно констатировать, что в оценке причины трансформации среди исследователей нет расхождений. Для оценки сути остальных аспектов имеет важное значение открытие собственно скифских курганов (Краснознаменский, Новозаведенное-I, Новозаведенное-II и Новозаведенное-III) датированных серединой VII–IV вв. до н. э. (Петренко, 2006; Петренко, Маслов, 1996; Петренко, Маслов, Канторович, 2000), что позволило «подтвердить постоянное пребывание степного кочевнического населения на территории Центрального Предкавказья» и создать здесь плацдарм для переднеазиатских походов (Петренко, 2006. С. 17, 52). Относительно третьего аспекта В. Г. Петренко полагает, что «в период походов степи Северного Кавказа были уже освоены скифами, создавшими здесь *политическое объединение с определенной социальной структурой*» (Петренко, 2006. С. 120). Были и альтернативные мнения (Кореняко, 1990; Кузнецова, 1992; 2015; Козенкова, 1996). Подобная концепция, разделяемая многими скифологами, вызвала среди кавказоведов дискуссию по поводу второго аспекта, т. е. степени и глубины трансформации поздней Кобани. Остро дискутируется вопрос о сути модели долгих контактов между двумя социумами. Не остался в стороне обсуждения и хронологический аспект (Виноградов, 1972; Ильинская, Тереножкин, 1983; Техов, 1980; 2002; Дударев, 1991; Дударев, Рунич, 1992; 1997. С. 22–26, 35–49; Махортовых, 1991; Ковалевская, 1984; 2005, С. 43–66; Мошинский, 2006 и др.). Так,

В. Б. Виноградов развил точку зрения Е. И. Крупнова о скифском нашествии в ареал Кобани, «познавшей мощь военных мобильных отрядов» кочевников, «диктовавших свою власть и волю» (Виноградов, 1972). Исследователь выделил три периода развития отношений: 1–50 лет VII и 15 лет VI в. до н. э. – период «покорности и зависимости» от степняков, но в то же время вовлечение «отдельных родоплеменных групп в *тесный альянс* со скифами, подразумевающий совместное участие союзников в азиатских походах» (Виноградов, 1972. С. 75, 78); 2 – начало VI в. до н. э. – все еще при «дальнейшем господстве над частью аборигенов», начало возвращения «кобанцев» из высокогорья как признак стабилизации обстановки (Виноградов, 1972. С. 79); 3 – VI–V вв. до н. э. – данные могильников демонстрируют «вполне мирный и дружественный характер... части племен» (Виноградов, 1972. С. 81). Теперь это уже «зачастую не *зависимое* население, ищущее защиту у “плетня сильных”, а вполне суверенные *готовые к обороне местные племена*, чьи отношения друг с другом и соседними *степняками* строятся по принципу “*вооруженного уважения*”» (Виноградов, 1972. С. 84, 85). Ученый пришел к выводу о том, что материал «не дает оснований для провозглашения... значительной этнической и культурной ассимиляции кавказцев со стороны степняков» (Виноградов, 1972. С. 180, 181). Касаясь второго аспекта, В. Б. Виноградов полагал, что многое определялось местом расположения центров проживания «кобанцев». В удаленности от степей это проникновение и интенсивность просматриваются меньше, чем в тех, что расположены в контактной зоне предгорий и равнины (Виноградов, 1972. С. 89, 90). Последнее подтверждено, в частности, мало подверженными скифскому влиянию материалами VI в. до н. э. Хумаринского поселения в верховьях р. Кубани (Абрамова, 1998; 1999). В отличие от этого горного памятника Султангорский III могильник на границе предгорий и равнины в конце VII–VI вв. до н. э. свидетельствует о длительном пребывании скифов на Северном Кавказе. То же самое подтверждают и данные пограничных поселения и могильника Уллубаганалы-2 конца VII – начала V вв. до н. э. По В. Б. Ковалевской, здесь уже «*сложноструктурированное и сильное в военном отношении*» местное сообщество на раннем этапе появления скифов рассматривало их как данность. Предполагалось, что это были взаимоотношения ближайших соседей, при которых «ведущая воинская роль скифов в этих взаимоотношениях была безусловна». Кроме того, они «отражали и союзнические отношения – участие кавказцев в скифских военных походах» (Ковалевская, 2005. С. 57). О доминировании скифов в плотном окружении «кобанцев» свидетельствует впускное погребение в кургане Прогресс-2 первой половины VII в. до н. э. (Березин, Маслов, 2016. С. 191–198) и могильник Пелагиада (Петренко, 1984) на Ставропольской возвышенности. Даже краткий обзор свидетельств показал, что по второму аспекту исследователей, несмотря на индивидуальную трактовку, много сходного. Только *политический аспект* взаимоотношений скифов и «кобанцев» в трудах разных специалистов выглядит неоднозначным и подчас противоречивым, поскольку базируется на данных лишь *косвенно* подтверждающих или опровергающих этот факт. Общим местом стало мнение о *тотальном* политическом господстве скифов в ареале Кобани (Ильинская, Тереножкин, 1983). С другой стороны, уже с VII в. до н. э. (т. е. сразу после погромов), вопреки логике, многие видели в «кобанцах» «союзников и соучастников походов» в Переднюю Азию (Виноградов, 1972. С. 42, 75–78, 86; Дударев, 1991.

С. 43, 45, 49) и участников «глубоких, длительных и постоянных» связей с пришельцами (*Махортых*, 1991 С. 101–105). Другие полагали, что политическое господство скифов было не равнозначное в разных частях региона (*Абрамова*, 1992). То, что «скифская дорога была *профублена при насильственном подавлении* всяких попыток воспрепятствовать продвижению скифов» (*Ильинская, Тереножкин*, 1983. С. 22), не подтверждается материалами могильника Тли. Двести шесть могил скифского периода (*Техов*, 1985; 2002) показывают, что автохтонная культура претерпела некоторые изменения за счет саморазвития бытовых предметов. Только в 13 из них имели место оружие скифского типа, т. е. несколько более 5% (*Техов*, 1980; 2002). Всего лишь один наконечник стрелы с удлинено-ромбическим пером найден в комплекте с акинаком в пог. 129 (*Техов*, 1980. Рис. 11, 32). Касательно четвертого аспекта, В.А. Ильинская и А.И. Тереножкин считали тлийские материалы скифского типа наиболее ранними и датировали их не VII–VI вв. до н. э., как другие, а только VII в. до н. э. (*Ильинская, Тереножкин*, 1983. С. 32). Но в целом о хронологическом векторе развития кобано-скифских взаимоотношений нет принципиальных споров. Эти отношения развивались примерно 300 лет: от захватнических военных конфликтов в начале контактов середины VII в. до н. э. до начала фактически полной стабилизации («взаимопроникновение двух разных... культур», по А.П. Мошинскому) вплоть до конца V в. до н. э. – начала IV в. до н. э. Разногласие касается только сроков длительности военной стадии. Большинство специалистов определяет ее в более чем в 50 лет (середина VII – начало VI в. до н. э.). Для горных районов, по В.А. Ильинской и А.И. Тереножкину, это был VII в. до н. э. Скорее всего, активные военные акции между скифами и отлично вооруженными «кобанцами», судя по обилию в местных могилах превосходного оружия и отсутствию хиатуса в слоях поселений (Сержень-юрт), продолжались менее одного поколения (*Козенкова*, 2001). К концу VII – началу VI вв. до н. э. между скифами и «кобанцами» возник консенсус, видимо, *неписаное соглашение* о разделении политической власти в регионе. Оно базировалось на *устных договоренностях* между верхами контактных сторон при соблюдении принципа «вооруженного уважения» (*Виноградов*, 1972). Бесспорно, при доминировании скифов сохранялось культурное взаимовлияние, в особенности в степном Предкавказье. Для этой части ареала можно говорить о политической власти скифов *в полной мере*. В ареале Кобани «*после первых столкновений... сложились* определенные отношения, *гарантирующие* беспрепятственное передвижение скифов через Кавказ в страны Передней Азии, тем более что археологические памятники не воссоздают картину *повсеместного уничтожения и разгрома* на путях скифского продвижения» (*Ильинская, Тереножкин*, 1983. С. 25). Более 20 лет тому назад (*Козенкова*, 1996) мною была предложена гипотеза модели политического консенсуса в форме своего рода *вооруженного нейтралитета*. Понятие предполагает адекватные взаимоотношения, основанные на *устной договоренности*. Они означали отказ обеих сторон от постоянных военных акций с сохранением оборонительного вооруженного потенциала. Соблюдение границы соприкосновения в условиях горного региона. Невмешательство в бытовой уклад соседей. Обоюдный обмен продукцией жизнеобеспечения, в т. ч. условиями использования зимних пастбищ в степной зоне, эпицентра обитания кочевников. О реальности существования близкой модели в древности доносит Лукиан (II в. н. э.) в диалоге «Токсарид, или

о дружбе» (гл. 44–55). Токсарид (V в. до н. э.) сообщал рассказ посланца скифов, обитавших вблизи Боспора. Вожди скифов поручили передать боспорцам ответ на их жалобу о якобы незаконных набегах скифов на их владения, в частности, на места пастбищ. «Скифы считают, – передал посланец, – что ни в данное время, ни впредь ваши пастухи не должны переходить на равнину, но пусть пасут стада до границы каменистой почвы. Грабители же, на которых вы жалуетесь, что они делают набеги на вашу землю, посылаются *не по общему решению*.... Если кто-то из них будет захвачен, то ты *в праве его наказать*... ». Примерно такой же баланс сил и условия сохранения социального спокойствия в кобано-скифских взаимоотношениях имели место и в исследуемом регионе. Более напряженными оставались отношения в центре постоянного обитания скифов в окружении населения Кобани. Поборы, данничество, захват скота, что не обходилось без сопротивления, а значит и не без карательных акций, судя по могильнику Пелагиада (Петренко, 1984). В этой части ареала Кобани особо активно шел процесс смешения населения разного по этносу. Данные показывают, «что территория Предкавказья к V в. до н. э. превратилась в провинцию скифской культуры. Важнейшими особенностями этого региона было наличие *значительных групп автохтонного населения и близость к Закавказью*» (Бурков, Маслов, 2007).

СКИФЫ ГЕРОДОТА ИЛИ БЕЗЫМЯННЫЕ ДРЕВНОСТИ

Более 100 лет назад А. С. Лаппо-Данилевский писал, что «без исторических источников нельзя конструировать историю человечества, о которой можно узнать только из них; ведь прошлое развитие человечества в его полноте не существует в настоящем, оно известно только по более или менее явным следам, какие оно оставляет в настоящем...» (*Лаппо-Данилевский*, 1910–1913/2006. С. 594).

Для скифологов основными историческими источниками являются древневосточные документы и произведения античных авторов. Наиболее обширные сведения о Скифии и скифах содержатся в «Истории» Геродота, четвертая книга которой посвящена их описанию. Она же позволила исследователям еще в XVIII–XIX столетиях идентифицировать со скифами археологические памятники, выявить новый источник (вещественный) и привела к рождению скифологии.

Однако совсем недавно В. Е. Масловым был оглашен тезис, суть которого состоит в том, «что реалии раннескифской эпохи были гораздо разнообразней повествования Геродота (*в чем никто и не сомневался – Т. К.*) и не вписываются в рамки его рассказа» (*Маслов*, 2016. С. 168). Замечание И. М. Дьяконова (*Дьяконов*, 1994. С. 116) о том, что попытки реконструировать историю Египта по труду Геродота были оставлены «более 100 лет назад», провозглашено весьма актуальным и для скифской археологии (*Маслов*, 2016. С. 168). Правда, исследователь упустил из виду, что около середины XIX в. египетские иероглифы были дешифрованы, а уже в следующем столетии язык древних египтян был восстановлен (*Шампольон*, 1950. С. 9–52; *Тураев*, 1913/1935). Однако это событие, которое вряд ли когда-нибудь затронет скифологию, не дало повода низвергать «Историю» Геродота ни раньше, ни в настоящее время (*Авдиев*, 1953. С. 140–142; *Суриков*, 2007. С. 7–25).

В. Е. Маслов, по его собственному выражению, «рискуя вызвать праведный гнев коллег», предложил «отказаться от насильственной интерпретации архаических “скифских” древностей по Геродоту», мотивируя это тем, «что подавляющее большинство археологов не владеет древними языками» (*Маслов*, 2016. С. 168).

Такой подход, во-первых, вызывает не гнев, а недоумение. Непонятно, почему речь идет о сведениях Геродота только для скифского архаического периода, ведь и его «История», и иная античная литература не ограничивается только этим временем. Непонятен также и призыв отказаться от того, что, как полагает автор, скифологи не знают. Но тогда нужно отказаться и от антропологии, металлографии, спектрального анализа, петрографии, палинологии и целого ряда различных методов датирования, поскольку ими занимаются не все скифологи и даже не все археологи.

Во-вторых, вызывает удивление призыв к коллегам «отказаться от насильственной интерпретации архаических “скифских” древностей по Геродоту», но отсутствует попытка осуществить это лично. А так как исследователь предлагает сделать такой шаг «по крайней мере на время» (*Маслов*, 2016. С. 168), то стоит пойти ему навстречу.

Для этого достаточно обратиться к материалам могильника у с. Новозаведенное–II на Северном Кавказе. Этот памятник авторы раскопок интерпретируют как скифский со ссылкой на Геродота: «использование в качестве перекрытия могилы бревенчатого наката, перекрытого камышом, и соломы как подстилки для тела специально отмечено Геродотом в его описании похорон скифского царя (Herod., IV, 71). О принадлежности могильника верхушке скифской кочевой орды говорит и набор погребального инвентаря» (Петренко, Маслов, Канторович, 2009. С. 225–234).

Отказавшись от трактовки памятника в соответствии с данными Геродота, мы получим следующие безымянные реалии: могильник Новозаведенное–II представлен курганами, близкими между собой по форме погребальных сооружений и обряда. В могильнике присутствуют предметы, аналогии которым выявлены на обширной территории в памятниках Восточной Европы и Ближнего Востока (далее – фиксация сходных предметов).

В таком контексте никакой «насильственной интерпретации архаических скифских древностей по Геродоту» не произойдет, ведь Геродот по поводу скифов на Северном Кавказе отметил только то, что они дважды прошли через этот регион в Переднюю Азию и обратно (Herod. I, 104; IV, 1–3). Это подчеркивал и Е. И. Крупнов. «Геродот, как известно, – писал ученый, – довольно подробно рисует картины жизни и быта обитателей степной полосы нашего юга до Дона включительно, а также народов Средней Азии. Сведениями же о населении центрального Кавказа, по-видимому, он не располагал совсем, почему эти районы и не упомянуты в его “Истории”» (Крупнов, 1960. С. 55).

Однако при анализе материалов могильника Новозаведенное–II, включающих керамический комплекс, было сделано определение, что выявленные сюжеты на сосудах появляются в самый начальный период сложения скифской культуры на Северном Кавказе (Петренко, Маслов, Канторович, 2009. С. 230–232).

Но если отказываться от толкования скифской архаики по Геродоту, то ни о какой скифской культуре на Северном Кавказе или на других территориях речи быть не может и в этом нужно быть последовательным, ограничившись констатацией безымянных «реалий». Позже, когда исследователь интерпретирует раскопки могильника Новозаведенное–III, датированного второй половиной V–IV вв. до н. э., отмечается, что его комплексы «демонстрируют очевидную преемственность с памятниками скифской культуры архаического горизонта» (Канторович, Маслов, 2017). Однако от «скифской культуры архаического горизонта» исследователь отказался, отвернувшись от Геродота, поэтому преемственность можно связывать только с безымянными древностями предшествующего времени.

Упрекая коллег в том, что ссылки на текст Геродота приводятся ими «очень свободно, зачастую без оглядки на хронологию самого труда», исследователь позволяет себе, адресуясь к указанию Геродота (Herod., IV, 21), высказать мнение, что «скифская культура в Центральном Предкавказье перестает существовать при переходе от эпохи “скифской архаики” VII–VI вв. до н. э. к эпохе “скифской классики” V–IV вв. до н. э.». Но Геродот, как уже говорилось, о Кавказе не писал, а ссылка, которая приведена, относится лишь к границе территории, принадлежавшей скифам: «за рекой Танаисом уже не скифские края» (Herod., IV, 21). Причем далее «pater historiae» указывает, что часть скифов, которая отделилась

от царских скифов, живет и за пределами отмеченных владений (Herod., IV, 22–23). Несмотря на то что все существующие интерпретации «отложившихся» скифов оказались недостаточно убедительными (Рассадин, 2004. С. 45–56), повода говорить о неточностях «отца истории» в данном случае нет.

Напротив, раскопки курганов могильника Новозаведенное–III продемонстрировали, что на территории Северного Кавказа и во второй половине V–IV вв. до н. э. находились люди, которые хоронили своих усопших в могилы, связанные погребальным обрядом с предшествующим временем (Канторович, Маслов, 2017а), а точнее, с его безымянными «реалиями». Этот памятник можно было бы интерпретировать как скифский, но так как от такого определения, обусловленного данными Геродота, мы отказались по просьбе В. Е. Маслова, то придется обозначить их как безымянные реалии-2. Такое определение можно заменить, но применять любые названия, связанные с именем скифов, после отказа от данных «Истории» Геродота, предложенного В. Е. Масловым, уже невозможно. Но что это даст науке? Безымянные древности и только.

И. Е. Суриков справедливо заметил, «что при желании в геродотовском труде можно найти сколько угодно недостатков. Но нужно ли это – придирчиво выискивать несовершенства? Любого автора следует оценивать прежде всего по его достоинствам, а не по недостаткам, по тому, что он нам дал, а не по тому, чего не дал» (Суриков, 2009. С. 389). Это в полной мере относится к «скифскому логосу», благодаря которому безымянные археологические реалии обрели свое имя и место не только в истории народов Северного Кавказа, но и всей Евразии.

Литература

- Авдиев В. И., 1953. История Древнего Востока. Л.
- Дьяконов М. И., 1994. Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке // РА. № 1. С. 108–116.
- Канторович А. Р., Маслов В. Е., 2017. Место могильника новозаведенное-III среди памятников Центрального Предкавказья URL: <http://scythia-sarmatia.ru/publish/> (дата обращения: 01. 10. 2017).
- Канторович А. Р., Маслов В. Е., 2017а. Раскопки могильника Новозаведенное-3 в 2015–2016 гг. URL: <http://scythia-sarmatia.ru/publish/> (дата обращения: 01. 10. 2017).
- Крупнов Е. И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Лаппо-Данилевский А. С., 1910–1913/2006. Методология истории. СПб.–М.
- Маслов В. Е., 2016. Раннескифская история и Геродот // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. М.
- Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р., 2009. Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Новозаведенное-II в 1991–2003 гг. // Археологические открытия 1991–2004. Европейская Россия. М.
- Рассадин С. Е., 2004. Скифы особые, отложившиеся от царских: вариант историко-археологической интерпретации // Восточная Европа в древности и средневековье. Минск.
- Суриков И. Е., 2007. Геродот и египетские жрецы (к вопросу об «Отце истории» как «Отце лжи») // Исседон (ΙΣΣΗΔΩΝ). Том IV. Екатеринбург.
- Суриков И. Е., 2009. Геродот. М.
- Тураев Б. А., 1913/1935. История древнего Востока. Курс лекций. Ч. 1. СПб.–Л.
- Шампольон Ж. Ф. 1950. О египетском иероглифическом алфавите. Л.

В. А. Ларенок, О. П. Ларенок
Ассоциация «Южархеология», г. Ростов-на-Дону

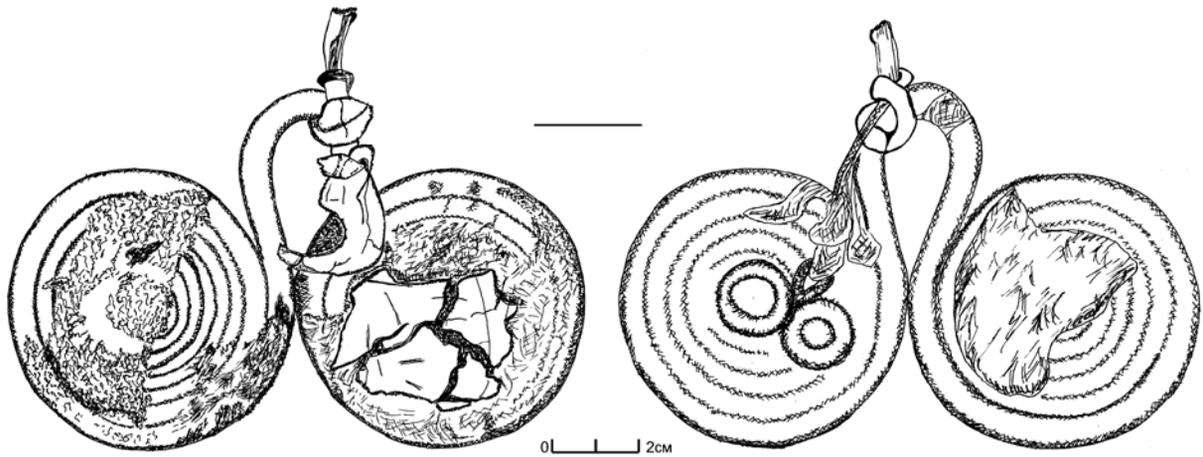
**БИСПИРАЛЕВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ ИЗ КУРГАНА № 5
КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА «БУРГУСТА 1»
КРАСНОСУЛИНСКОГО РАЙОНА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Летом 2017 г. по проекту реконструкции ГРС г. Гуково Красносулинском районе Ростовской области было проведено археологическое исследование курганного могильника «Бургуста 1», в состав которого входило 5 курганов. Курган № 5 состоял из нескольких насыпей. В нем было найдено 8 погребений. Основная насыпь, образованная над погребением № 11, относится ко времени культуры многоваликовой керамики, к нему было впущено близкое по времени погребение № 10. Над ними в эпоху поздней бронзы была сформирована насыпь с каменными ящиками.

В кургане № 5 было найдено уникальное для нашего региона женское погребение. Яма прямоугольной формы с деревянными перекрытиями, около которого был уложен жертвенный костяк лошади, ориентированный на север. Дно ямы посыпано белым веществом, предположительно, мелом. Погребенная лежала на правом боку в скорченном положении, головой на восток. На погребенной сохранились украшения костюма и головного убора либо повязки. Головной убор включал в себя расшивку пастовым бисером и бронзовыми дисковидными нашивками и свисавшими с него нитями-подвесками с нанизанным на них бисером, таким же, как на шапочке, и двурожковыми пронизьями из фаянса. Также сохранились другие элементы костюма: бусы из сердолика, бронзовые трубочки-пронизи, браслет из клыков собаки, расшивка накосника створками раковин. Особый интерес вызвали 2 биспиралевидные (или очковидные) подвески разных размеров, привязанные друг к другу кожаным ремешком (рис. 1). Они найдены в области поясницы и, по всей видимости, являлись частью накосника. Благодаря окислам бронзы ткань от костюма и кожаный ремешок крепления сохранились.

Хронологический диапазон распространения очковидных подвесок охватывает период от ранней бронзы до раннего средневековья. В зависимости от периода, территории распространения и пола носителя подвески претерпевают изменения, но сохраняют основные признаки. Например, мужские биспиралевидные подвески отличались от женских массивностью и крючком для крепления к поясу, расположенным сверху. Женские подвески имели меньшие размеры и могли крепиться к накоснику, ожерелью или головному убору (Техов, 2002. С. 273). Различны были и способы крепления к костюму: при помощи кожаных шнуров либо металлических колец (Егорейченко, 1991. С. 177). Найденные подвески в кургане по своим технологическим показателям более близки к северокавказским культурам, нежели к культурам Урала. Данный комплекс украшений датируется днепро-донской бабинской культурой и относится к женскому костюму (Литвиненко, 2011. С. 110, 115).

Аналогичный комплекс мужского и женского костюма был представлен Б.В. Теховым, по результатам археологических исследований в Южной Осетии (Техов, 2002).

Рис. 1. Курганный могильник «Бургуста 1», курган 5 погребение № 11. Биспиралевидные подвески

Биспиральные подвески встречаются в различных культурах и используются достаточно долгий промежуток времени. Занимая достаточно большие территории распространения, для нашего региона являются уникальной и информативной вещью.

Литература

Егорейченко А. А., 1991. Очковые подвески на территории СССР // СА. Вып. 2.

Литвиненко Р. А., 2011. Культурный круг Бабино: Название, таксономия и структура // КСИА. Вып. 225.

Техов Б. В., 2002. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-пресс.

Техов Б. В., 2006. Археология южной части Осетии. Владикавказ: Издательство Ир.

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко
Кубанский государственный университет, г. Краснодар

БОЕВЫЕ НОЖИ МЕОТОВ¹

В IV в. до н.э. в меотских некрополях правобережья Кубани резко возрастает число погребений с предметами вооружения. Об этом наглядно свидетельствуют материалы Прикубанского могильника, расположенного у восточной границы Боспорского царства. Количество воинских захоронений здесь составляет 35% от общего числа раскопанных погребений. В обязательный комплект вооружения входили железные наконечники копий, мечи и наконечники стрел. Кроме этого в 7 погребениях были найдены ножи большого размера (12 экз.). Судя по целым экземплярам, длина их достигает 42 см. Рукоятки обычно оформлены костяными накладками, закрепленными 2–4 заклепками. Среди ножей можно выделить **два варианта** по форме и сечению клинка. К **первому варианту** относятся однолезвийные ножи с прямой спинкой (рис. 1, 3). Они были найдены в погребениях № 39 (2 экз.), 173, 209, 224 (3 экз.), 235, 236, 352. Ко **второму варианту** – двулезвийные, с равномерно сужающимся к концу клинком. Ножи этого варианта представлены двумя экземплярами из погребения № 224 (рис. 1, 4, 5).

Погребения с боевыми ножами (кроме № 173) сопровождалось захоронениями взнузданных коней, т. е. принадлежали всадникам – элите меотского войска. Во всех погребениях присутствовали амфоры, по которым в большинстве случаев устанавливается узкая хронология комплексов.

Из погребения № 39 происходят две амфоры. Амфора Менды мелитопольского варианта (II–C) датируется второй – третьей четвертями IV в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 95). Этой дате не противоречит и вторая амфора не установленного центра производства (тип Солоха I).

К третьей четверти IV – началу III в. до н.э. относится кидская амфора пифоидного варианта II-B-1 ранней серии (Монахов, 2003. С. 106–107, 110) из погребения № 173.

В погребении № 209 отмечается редкий случай взаимовстречаемости двух мендейских амфор вариантов портичелло II-B и мелитопольского II–C, что позволяет датировать комплекс второй четвертью IV в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 92, 93, 95). Дата подкрепляется наличием в погребении чернолаковой солонки (Лимберис, Марченко, 2010. С. 337. Рис. 5, 4. Кат. № 40).

В погребении № 224 (рис. 1), где вместе были встречены ножи первого (3 экз.) и второго вариантов (2 экз.), присутствовали три амфоры: две средиземноморские не установленного центра (тип Солоха I) и фасосская развитой биконической серии II-B-2 второй – третьей четвертей IV в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 68, 69, 76). Фасосскую амфору по определению С. Ю. Монахова можно узко датировать серединой или, точнее, 60–40-ми годами IV в. до н.э. В комплексе присутствовал также чернолаковый болсал. Поступление сосудов этого типа в Северное Причерноморье прекращается к концу второй четверти IV в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2010. С. 327–328. Рис. 2, 7. Кат. № 16), поэтому хронологические рамки погребения можно ограничить серединой IV в. до н.э.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 18-09-00619 «Военное дело меотов правобережья Кубани (VI в. до н.э. - III вв. н.э.)»

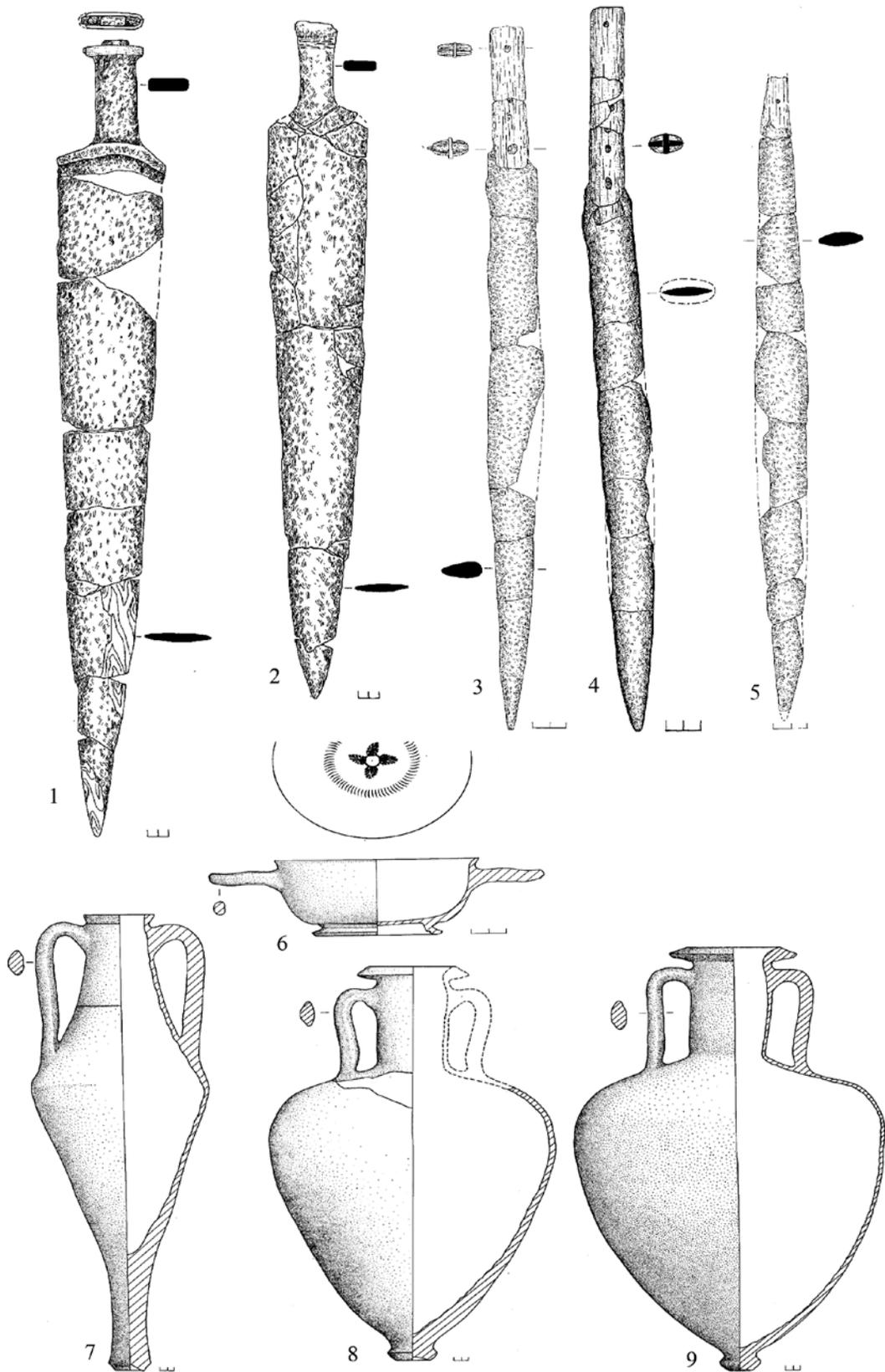

Рис. 1. Погребение № 224 Прикубанского могильника: 1, 2 – мечи железные; 3 – нож железный первого варианта (однолезвийный); 4, 5 – ножи железные второго варианта (двулезвийные); 6 – болсал чернолаковый; 7–9 – амфоры

В погребении № 235 были встречены амфоры Менды мелитопольского варианта II–С второй – третьей четверти IV в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 95) и гераклеяская конического типа, третьего варианта II-3, выпуск которых ограничивается 60–30-ми годами этого же столетия. (Монахов, 2003. С. 136, 144). Хронология амфор позволяет отнести комплекс к третьей четверти IV в. до н. э.

Датировка погребения № 236 опирается на хронологию синопской амфоры пифоидного типа II-A второй четверти IV в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 158). Центр производства второй амфоры пока не установлен.

Также две амфоры были найдены в погребении № 352. Первая – мендейская мелитопольского варианта II–С второй – третьей четверти IV в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 95). Вторая – клейменная (магистрат Еуфрон) гераклеяская амфора пифоидного типа, варианта I-4. Все клейменные амфоры этого варианта с именами магистратов датируются от середины 90-х до начала 70-х годов (Монахов, 2003. С. 128–131, 144). Деятельность магистрата Еуфрона В. И. Кац относит к группе 3 В и датирует 50-ми годами (Кац, 2007. С. 432). Исходя из датировки амфор, погребение следует датировать концом второй четверти IV в. до н. э.

Положение длинных ножей в погребении рядом с мечами и наконечниками стрел доказывает их функциональное назначение как боевого оружия. Так, в погребении № 39 оба ножа лежали острием на наконечниках стрел, параллельно друг другу. Рукоятку одного ножа перекрывал клинок меча, острие которого находилось поверх наконечников стрел. Таким образом, получается, что ножи лежали в колчане, по всей видимости, в специальном кармане-ножнах, а на колчан был положен меч. В погребении № 224 положение ножей также связано с колчаном, на который были положены два меча. Под одним из мечей наискосок лежал длинный нож, под вторым – комплект из трех длинных и одного короткого ножей. Еще один длинный нож лежал рукояткой ко второму мечу у нижней части клинка. В погребении № 236 длинный нож лежал параллельно мечу острием на наконечниках стрел, что также дает основание предположить наличие в колчане специального отделения для ножа. В погребении № 173 нож лежал под верхней частью клинка меча, рукояткой вверх – возможно, в особом футляре на деревянных ножнах меча. В погребении № 352 рядом с мечом параллельно лежали друг на друге два длинных ножа. На клинках сохранился тлен от деревянных ножен.

Боевые ножи, впервые выделенные на материалах Прикубанского могильника, пока не найдены в других меотских памятниках. Близкие по типу однолезвийные «кинжалы» с костяными накладками на рукояти, отличающиеся от прямых меотских ножей слегка изогнутым клинком, известны среди древностей иллиро-фракийского круга (Мелюкова, 1979. С. 95. Рис. 32, 7).

Литература

- Кац В. И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь–Керчь.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2010. Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника // Древности Боспора. Т. 14. М.
- Мелюкова А. И., 1979. Скифия и фракийский мир. М.
- Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров в керамической таре. Каталог-определитель. М.–Саратов.

Р. Х. Мамаев
Академия наук ЧР
Чеченский государственный университет, г. Грозный

С. Х. Исаев
Академия наук ЧР, г. Грозный

А. У. Ахмаров
Чеченский государственный университет, г. Грозный

НОВЫЕ КОБАНСКИЕ НАХОДКИ ИЗ СЕРЖЕНЬ-ЮРТА (ЧЕЧНЯ)

В марте 2014 г. в ЦАИ АН ЧР поступило сообщение об археологических находках в сел. Сержень-Юрт Шалинского района ЧР. При знакомстве с ситуацией на месте выяснилось, что на грунтовой дороге, ведущей от крайних домов на юго-западе селения к известному Сержень-Юртовскому комплексу кобанских памятников (Козенкова, 2001; Козенкова, 2002), в результате размыва и повреждения поверхности обнажились два скопления фрагментов керамики. К моменту осмотра их «обследовали» местные жители, извлекшие из первого бронзовый манжетовидный браслет, но не успевшие полностью раскопать второе, в котором, как и в первом, кроме нескольких раздавленных сосудов, оказались и бронзовые предметы, описание которых приводится ниже¹.

Наиболее заметной находкой здесь является литой боевой дважды изогнутый топор длиной 16,4 см с трещиной на проухе, декорированный изображениями двух пар рыб и змей (рис. 1, 1). Здесь же был найден бронзовый наконечник дротика (по мнению В. И. Козенковой – наконечник копья) длиной 19,4 см с поврежденным пером листовидной формы и двумя отверстиями в нижней части слабokonической втулки для крепления древка (рис. 1, 2). В состав комплекса входят два бронзовых браслета – зооморфный с четырьмя «зерненными» полосками на корпусе и манжетовидный с тремя продольными ребрами (рис. 1, 4–5); несколько фрагментов длинной тонкой бронзовой спирали диаметром 0,8 см и маленькое височное кольцо в 1,5 оборота диаметром 1,2 см, а также весьма редкая находка – 18 круглых выпуклых блях диаметром 6 см из тонкого бронзового листа и двумя отверстиями по краям для крепления, большинство из которых оказались фрагментированными (рис. 1, 6).

В целом весь набор бронзовых изделий состоит из образцов ведущих категорий металлического погребального инвентаря Сержень-Юртовского могильника, открытого Р. М. Мунчаевым и неоднократно рассмотренных его основным исследователем В. И. Козенковой (Козенкова, 1977; 2002): топор относится к типу I отдела I (аналог найден в погр. 37); наконечник дротика – к типу I отдела II (аналогичный – в том же погр. 37); зооморфный и манжетовидные браслеты – соответственно к первому подтипу VI типа и III типа (аналогичные найдены в погр. 53). Правда, упоминавшийся выше набор бронзовых блях, в отличие от длинной спирали и височного кольца, которых в Сержень-Юртовском могильнике немало

---

¹ Выражаем признательность за ценные консультации доктору исторических наук В. И. Козенковой.

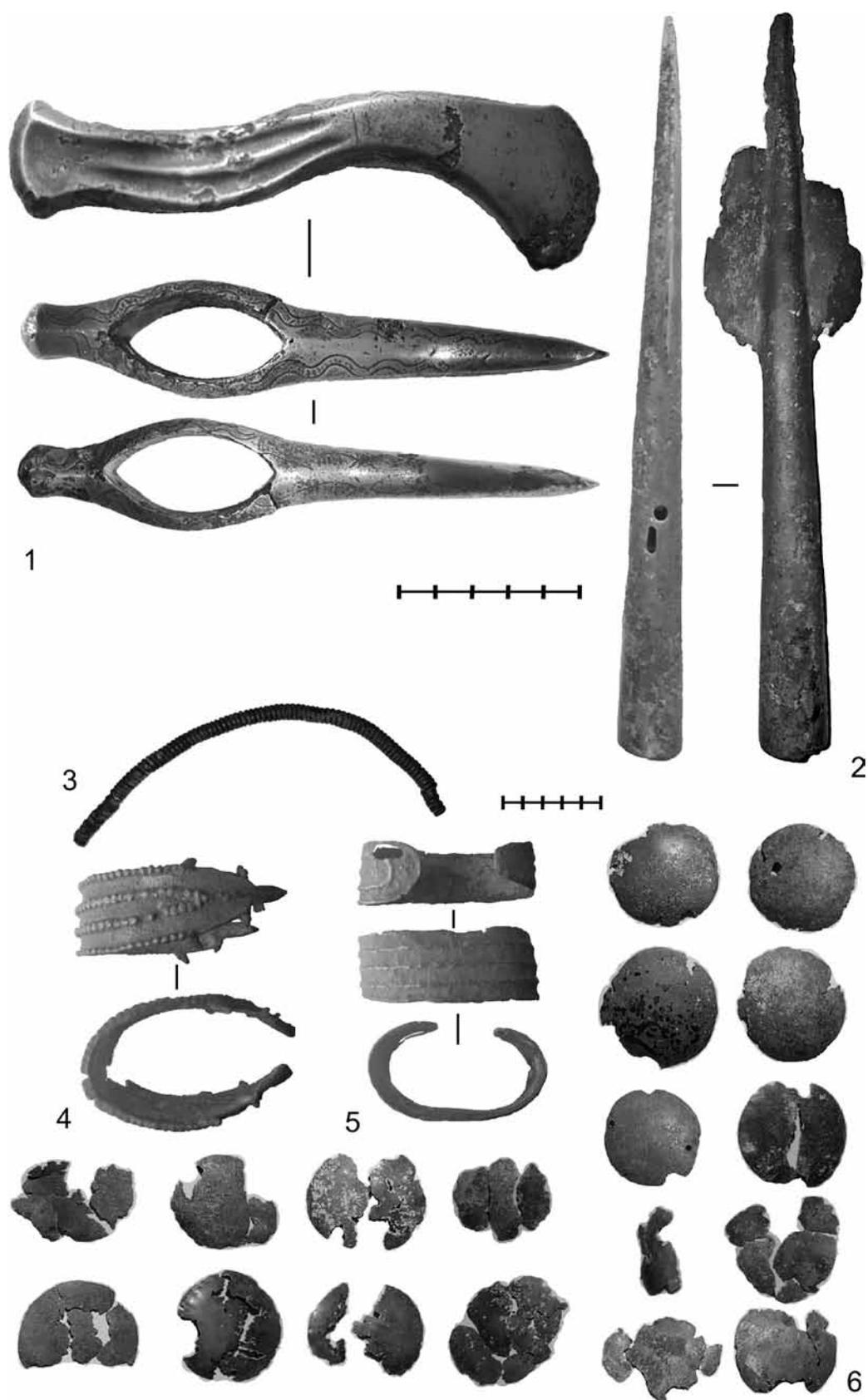

Рис 1. 1 – топор; 2 – наконечник дротика; 3 – спираль; 4 – зооморфный браслет; 5 – манжетовидный браслет; 6 – набор блях

(см., например, погр. 13), за все годы раскопок (включая и работы С. Л. Дударева – *Дударев, 2006*) был найден лишь однажды (погр. 24). Кстати, по словам местных жителей, эти бляхи лежали в грунте как бы двумя рядами, что вполне соответствует варианту их использования в качестве нашивок на перевязь-портупею, предложенному В. И. Козенковой.

Таким образом, оба местонахождения могут рассматриваться как остатки обычных для Сержень-Юртовского могильника грунтовых захоронений с большим количеством глиняных сосудов, причем второе, видимо, может быть отнесено к категории воинских по В. И. Козенковой (*Козенкова, 2002*).

Определение даты новых находок не создает особых проблем ввиду детально разработанной хронологии могильника: это X–IX вв. до н.э. Что касается определенной удаленности мест находок от известной территории могильника, то это вполне может объясняться уже установленным фактом «кустового» расположения его погребений.

Литература

- Дударев С. Л.*, 2006. Раскопки Сержень-Юртовского могильника в 1987 году // Материалы и исследования по археологии Северного-Кавказа. Вып. 6. Армавир.
- Козенкова В. И.*, 2001. Поселок – убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.
- Козенкова В. И.*, 2002. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. М.

Ю. В. Марченко, М. А. Котин
Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

НОВЫЙ ПАМЯТНИК КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ У СЕЛА ВЕРХНИЙ КУРКУЖИН КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В 2016 г. Северо-Кавказская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа проводила работы в селе Верхний Куркужин Баксанского района Кабардино-Балкарской республики. В процессе работ был выявлен ранее не известный науке памятник. Данный объект находится на склоне террасы, в опасной геологической зоне, где последние десятилетия происходят медленные оползневые процессы. Здесь, в образовавшемся разрезе, был обнаружен грунтовый могильник, относящийся к западному варианту кобанской культуры.

В ходе раскопок 2016 и 2017 гг. было исследовано два участка, общей площадью 400 кв. м. Раскоп I (116 кв. м) и раскоп II (284 кв. м) расположены вдоль линии обрывов на расстоянии 320 м друг от друга. По всей видимости, участки, где были заложены раскопы, являлись периферийными частями одного большого могильника, центральная часть которого уничтожена оползнем. Кроме того, на части территории памятника расположены огороды и грунтовая дорога, в которой видны каменные ящики.

Общее количество исследованных погребальных конструкций – 38, установленное количество погребенных – 41. В некоторых погребениях кости человека обнаружены не были, в первую очередь это связано с плохой сохранностью погребений (оползни, ограбления, лисьи норы).

На раскопе I было обнаружено 8 погребальных конструкций, 6 из которых совершены в каменных ящиках и 2 – в грунтовых ямах. При этом одно из грунтовых погребений (п. 8) было перекрыто каменным ящиком, в результате нарушения этого погребения в захоронении отсутствовала верхняя часть костяка погребенного.

Почти все погребения ориентированы по оси северо-запад–юго-восток, с незначительным отклонением к западу, исключением является погребение 5 с ориентировкой по линии северо-восток–юго-запад.

Все каменные ящики различаются по размерам. Самые большие каменные ящики на раскопе I содержали парные захоронения (п. 1, п. 2, п. 4, п. 5). В грунтовых ямах погребения были одиночными.

В процессе раскопок нами был зафиксирован уровень погребенной поверхности, на котором располагались камни оградок погребений, скопления фрагментов керамики и костей животных.

Погребальный инвентарь, обнаруженный на раскопе I, был представлен предметами вооружения, украшениями и деталями костюма, а также керамическими сосудами.

Бронзовые предметы на раскопе I встречены дважды. В погребении 4 была обнаружена бронзовая стержневидная булавка с гвоздевидной шляпкой, а в погребении 6 – бронзовые колокольчики-подвески с петелькой и железным язычком. Железные предметы представлены ромбовидным в сечении наконечником

железного копья (п. 1), фрагментами фибулы (п. 6), втульчатými трехгранными наконечниками стрел (п. 2 и п. 4), ножом с изогнутой спинкой (п. 6), ворворкой и конусовидными наконечниками (п. 2). Обнаруженные украшения – подвески, бусины, бисер, пронизки различных форм и размеров, были выполнены из гагата, янтаря и стекла. Керамические сосуды представлены корчагами, кубками и мисками.

Погребальный инвентарь раскопа I позволяет отнести эти захоронения к началу IV–III вв. до н. э.

На раскопе II было обнаружено 30 погребальных конструкций, а именно: 25 каменных ящиков и 5 грунтовых ям. Все они располагались углами по сторонам света с незначительными отклонениями. Погребальные конструкции имеют различные размеры, так как напрямую зависят от роста захороненного в них человека.

Погребальный инвентарь, найденный в комплексах раскопа II, разнообразен. Помимо обнаруженных на раскопе I категорий погребального инвентаря здесь были найдены: бронзовая подвеска в виде головы медведя и бронзовая стержневидная булава с елочным орнаментом (п. 5); железный листовидный наконечник копья и бронзовая фибула (п. 1); фрагменты пинцетов (п. 3 и 9); фрагменты железных булавок, соединенные бронзовой цепочкой, две бронзовые височные подвески (п. 4), бронзовая орнаментированная сферическая пронизь с прорезями (п. 6). Керамические сосуды также были представлены корчагами, кубками и мисками, но в отличие от сосудов, найденных на раскопе I, часть из них была орнаментирована. В ряде случаев орнамент окрашен белой и красной краской. В отличие от украшений, обнаруженных на раскопе I, здесь не было найдено гагатовых бус, но были обнаружены сердоликовые (п. 5). Стекланные и янтарные украшения также встречаются. Все обнаруженные наконечники стрел (22 экз.) выполнены из бронзы (двухлопастные, двухлопастные с шипом, трехлопастные и трехлопастные с шипом).

В целом обнаруженный на раскопе II археологический материал позволяет датировать погребения в пределах VIII–VI вв. до н. э.

Погребальный обряд захоронений, исследованных на обоих раскопах, имеет общие черты. Все каменные ящики были сооружены из плит известняка. Там, где *in situ* были обнаружены кости человека и глиняные сосуды, можно говорить о том, что корчаги всегда стояли в ногах погребенного. Зачастую внутри большой корчаги был помещен кубок с ручкой. Во всех случаях, где можно судить об ориентировке погребенных, ее можно условно обозначить как восточная, иногда с незначительными отклонениями. В 9 случаях погребенные лежали на правом боку и в 3 – на левом.

Общность погребального обряда в обнаруженных на обоих раскопах захоронениях не вызывает сомнений, однако имеют место и отличительные черты. Так, на раскопе I в грунтовых погребениях 7 и 8 были найдены кости собак, которые отсутствовали в остальных захоронениях могильника Верхний Куркужин. Вокруг некоторых каменных ящиков раскопа I были сооружены оградки из камней, которых не было на раскопе II. В половине случаев погребения, открытые на раскопе I, были парными, в то время как погребения раскопа II – одиночные. В погребениях, исследованных на раскопе I, дети были захоронены вместе

с женщинами (п. 4 и 5), в то время как детские погребения, обнаруженные на раскопе II, были одиночными и имели каменные ящики или грунтовые ямы небольших размеров. Интересным представляются погребения 16 и 19, где были обнаружены обработанные плиты. Аналогии этой черте погребального обряда есть в курганах 7, 9–11, 16–18, 20 Нартанского могильника (*Нагоев и др.*, 1979, № 7509а. Рис. 40-а, 54-а, 60, 92, 94-б, 104-а, 115-а, 115-б). Авторы раскопок считают эти плиты жертвенниками и относят к категории ритуально-культурных находок (*Батчаев, Барцева, Кереев*, 1985. С. 27), отмечая, что «это имеет прямые аналогии или близкие соответствия в древностях обширного «скифского мира» Евразии» (*Нагоев и др.*, 1979. № 7509. С. 109).

В результате исследования могильника Верхний Куркужин в 2016–2017 гг. были получены новые археологические и антропологические материалы, которые дают нам возможность уточнить черты погребального обряда западного варианта кобанской культуры.

Литература

- Батчаев В. М., Барцева Т. Б., Кереев Б. М.* 1985. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик.
- Нагоев А. Х., Бетрозов Р. Ж., Батчаев В. М.*, 1979. Отчет об археологических раскопках 1978–1979 гг. в районе с. Нартан // Архив ИА. Р-1. № 7509.
- Нагоев А. Х., Бетрозов Р. Ж., Батчаев В. М.*, 1979. Альбом иллюстраций к отчету об археологических раскопках 1978–1979 гг. в районе с. Нартан // Архив ИА. Р-1. № 7509а.

В. П. Мокрушин, Е. И. Нарожный
НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар

ВЕЩЕВОЙ ИНВЕНТАРЬ ПОСЕЛЕНИЯ «КИШПЕК-2» (КБР)

В 2009 г., в ходе строительства объездной федеральной автодороги «Кавказ» вокруг г. Нальчика и сел. Чегем II, раскопкам подверглось 3000 кв. м поселения «Кишпек-2» (*Доценко, Нарожный, Соков, 2013. С. 174–177; Нарожный, Савенко, 2010. С. 267–270; Мокрушин, Нарожный, 2017. С. 297–303*). Итоги раскопок памятника имеют важное научное значение. Среди материала поселения «Кишпек-2» хорошо представлена продукция бронзолитейного производства, в котором преобладают многочисленные стержневидные булавы, тип VI по В.И. Козенковой, с округлым сечением и заостренным нижним окончанием, с «головками» в форме «раскованной тонкой пластинки», свернутой трубочкой диаметром 0,6–0,9 см (в 1,5 оборота и в виде спирали – 2 экз.; чаще – в один, петелькой). Два экземпляра – вариант VI-1 с многочисленными аналогиями, в т. ч. из Молдовы и Украины (селища Тарасова Гора (Жаботинское) и Цахнауцы; Лубенецкое городище) (*Козлов, Мокрушин, Нарожный, 2016. С. 91. Рис. 1, 3; Покровська, 1952. С. 56; Тереножкин, 1976. С. 78, 88. Рис. 43, 1; 64, 1–7*). Еще одну находку (Тенетинка, курган 126) относят к самому началу VII, а, возможно, и к концу VIII в. до н. э. – «ранней ступени» жаботинского этапа (*Ильинская, 1975. С. 68, 147. Табл. XXVII, 11*).

Преобладают предметы варианта VI-2 (10 шт.), изготовленные из витой заготовки подквадратного сечения, такие же, как и в гробнице 1 могильника Терезе (*Козлов, Мокрушин, Нарожный, 2016. С. 91. Рис. 2, 4–7, 10, 12–14; Козенкова, 2004. Табл. 39, 4, 5*).

Двухлопастной наконечник стрелы, в соответствии с классификацией С.В. Махортых, можно отнести к отделу 4 (*Махортых, 2008. С. 85. Рис. 15*). Его хорошо выраженная втулка с одной стороны доходит до жала «боевой головки», а с другой – довольно слабо (7 мм) выступает наружу и более чем в 3 раза короче гладкого листовидного пера, самая широкая часть которого смещена к острию (рис. 1, 6). Особо отметим две согнутые крупные (77 и 93 мм) иглы с большими ушками, изготовленные из круглой в сечении проволоки диаметром 1,5 мм (рис. 1, 5, 7).

Интересен оселок укороченных пропорций из темно-коричневого плотного твердого песчаника (?): длина – 8,3 см, ширина – 2,8 см, толщина – 1,7 см (рис. 1, 4). Он – подпрямоугольный в плане; верхнее окончание несколько закруглено, нижнее слегка скошено; боковые грани слабовыпуклые; с одной стороны на расстоянии всего 5 мм друг от друга начато сверление двух отверстий для подвешивания диаметром 4,5–5 мм. Это весьма распространенная категория инвентаря в кубанских древностях, только на могильнике Клинь-Яр III в мужских захоронениях VIII – первой половины VII вв. до н. э. их обнаружено 22 экз. (*Белинский, Дударев, 2007. С. 7–8. Рис. 1, 4–6*).

Многочисленны вещи из терракоты: в первую очередь отметим вытянутую усечено-коническую застежку (?). Ее высота – 1 см, диаметр плоского основания – 1,9 см, диаметр центрального отверстия – 4–6 мм. Артефакт напоминает

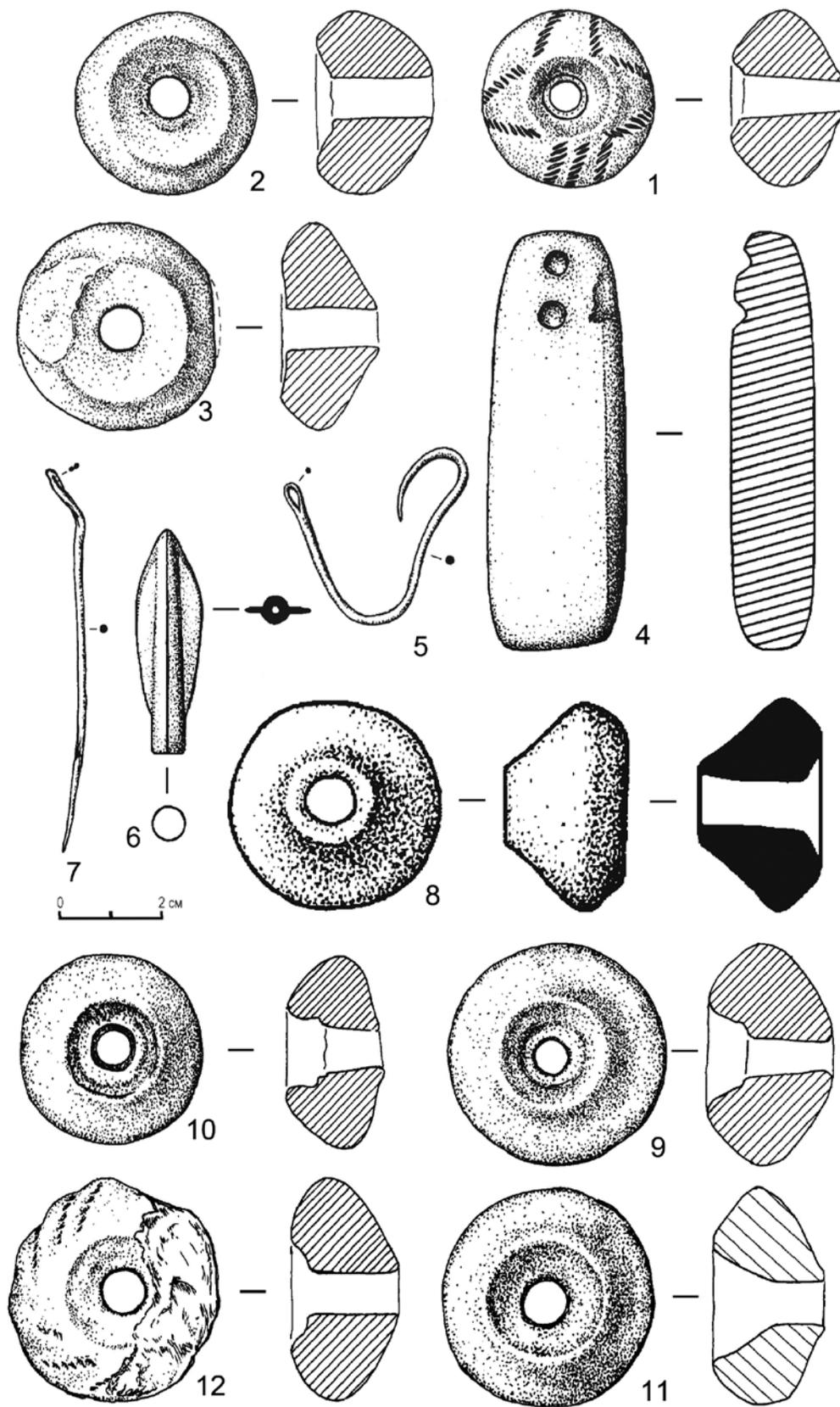

Рис. 1. Поселение «Кишпек-2». Вещевой инвентарь: 1-3, 8-12 – керамические пряслица; 4 – каменный оселок; 5-7 – изделия из бронзы: иглы, наконечник стрелы

глиняные пряслица типа I-I (по В. И. Козенковой), которые, правда, были в два и более раза крупнее описываемого предмета и имели довольно широкое распространение в пределах западного варианта кобанской общности (Козенкова, 1998. С. 26. Табл. VIII, 3). На той же территории в значительном количестве (97 экз.) рассеяны пряслица, почти всегда – глиняные, обычно встречающиеся около рук в захоронениях женщин; 14 из них – с орнаментированным основанием, преимущественно в виде симметричных 3-и 4-конечных резных фигур.

Преобладали изделия усечено-биконической формы (IV тип, 44 экз.), по сопровождающему инвентарю заупокойных комплексов датируемые в пределах VIII–VI вв. до н. э. (Козенкова, 1998. С. 26–27. Табл. VIII, 8–11). Вещи такого рода отмечены и в нашей коллекции: все они имеют круглую выемку в основании, глубиной от 0,1 до 1,2 см, но обычно в пределах 0,2–0,5 см. Центральное отверстие часто сужается с одного конца и достигает 0,6–0,9 см, в одном случае – 0,9–1,1 см. Господствовали пряслица варианта IV-2 (рис. 1, 2, 8, 9, 11, 12), у которых наибольший диаметр находился на уровне $\frac{1}{2}$ – $\frac{1}{4}$ высоты от основания, а соотношение высоты и максимального диаметра составляло 1:1,5–2,1. Два из них декорированы оттисками гребенчатого штампа, поставленными наклонно; в одном случае из отпечатков создана композиция в виде 4-лучевой звезды. Параметры рассматриваемых предметов: максимальный диаметр – 3,3 см; 3,6 см; 4,1 см; 4,4 см; 4,3 см; 4,4 см; высота – 2,1–2,5 см.

Из трех оставшихся изделий этой категории одно имеет простую колесовидную форму; его максимальный диаметр – 3,1 см, высота – 1,2 см; отношение высоты к наибольшему диаметру – 1:2,6; величина центрального отверстия – 0,6–1,4 см. Два другие предмета (рис. 1, 3, 10) принадлежат к варианту IV-1, куда включены приплюснутые пряслица. Их высота – 1,9 см; наибольший диаметр у одного – 3,8 см (несколько смещен к верхнему концу изделия), у второго – 4,1 см (сдвинут к основанию).

Исследованный памятник представлял собой весьма крупный ремесленный центр с насыщенным культурным слоем, который, вполне вероятно, снабжал продукцией цветной металлургии обширную округу. Можно предварительно предполагать, что основной период его функционирования приходился ориентировочно на первую половину VII в. до н. э.

Литература

- Белинский А. Б., Дударев С. Л., 2007. Оселки из раскопок могильника Клиньяр III под Кироводском // История и культура народов Северного Кавказа. Вып. 7. Пятигорск.
- Доценко И. В., Нарожный Е. И., Соков П. В., 2013. Охранно-спасательные исследования на трассе федеральной объездной автодороги вокруг г. Нальчик и сел. Чегем II в Кабардино-Балкарии // АО 2009 г. М.
- Ильинская В. А., 1975. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н. э.). Киев.
- Козенкова В. И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. В2–5.
- Козенкова В. И., 2004. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII вв. до н. э. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. V. М.

- Козлов М. С., Мокрушин В. П., Нарожный Е. И., 2016.* Поселение Кишпек-2 в Кабардино-Балкарии (предварительные итоги изучения) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Северного Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Грозный.
- Махортых С. В., 2008.* Культура и история киммерийцев Северного Причерноморья. Дисс. док-ра истор. наук. Киев.
- Мокрушин В. П., Нарожный Е. И., 2017.* Новые материалы предскифского времени с поселения Кишпек-2 в Кабардино-Балкарии // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. I. Барнаул.
- Нарожный Е. И., Савенко С. Н., 2010.* Поселение «Кишпек-2» – новый бытовой памятник позднекобанского времени Центрального Предкавказья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной научной конференции. Магас.
- Покровська Є. Ф., 1952.* Поселення VIII–VII ст. до н. е. на Тясміні // Археологія. Т. VII.

А. П. Мошинский
Государственный исторический музей, г. Москва

КОБАНСКИЕ ПИНТАДЕРЫ V–IV В. ДО Н. Э. ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ САУАР В ГОРНОЙ ДИГОРИИ

При раскопках позднекобанского поселения Сауар в Дигорском ущелье Северной Осетии экспедицией Государственного исторического музея в слоях V–IV вв. до н. э. были обнаружены два глиняных пинтадера и фрагменты двух каменных литейных форм для отливки не менее пяти различных пинтадеров.

Находок глиняных пинтадеров на территории центра кобанской культуры до сих пор не было, что связано с весьма небольшим количеством раскопанных здесь кобанских поселений. Формы для отливки пинтадеров до настоящего времени известны не были. Известен только один случай находки бронзового пинтадера (?), что вполне объяснимо, так как предметы такого назначения не клались в могилы, в отличие от глиняных штампов сохранялись долго и вероятность находки их на поселениях весьма мала.

Как принято считать, пинтадеры на Кавказе использовались для создания отпечатков на культовых хлебцах. Здесь надо отметить, что на поселении Сауар было найдено два миниатюрных глиняных предмета, трактованных как модели культовых хлебцев.

На пинтадерах из поселения Сауар изображения, вырезанные в негативе, читаются с трудом, но могут быть прекрасно прочтены на оттисках. Это свидетельствует, скорее всего, о том, что «картинка» наносилась (или, что более вероятно, размечалась) при помощи шаблона. Нами было ранее отмечено использование шаблона при нанесении изображения на модели для литья поясных пряжек с барельефными изображениями этого же времени, изготовленных, скорее всего, на этом же поселении.

На каменных литейных формах, напротив, вырезанные в позитиве изображения читаются четко и правильно. Технологические особенности данных литейных форм и литья по ним будут являться темой отдельной работы.

Оба найденных на поселении пинтадера содержат штампы, включающие в себя меандрический и свастические символы. При этом меандрический может быть условно разделен на несколько свастических знаков, два из которых отчетливо читаются на оттиске.

Одна из каменных литейных форм использовалась для отливки не менее четырех различных печатей, предполагающих оттиски: круглый с 12-конечным крестом в центре и пуансонными ямками, из которых сохранилось 8 (предположительно, их было 12); квадратный с меандрически-свастическим орнаментом (с 12 (?) отростками); двухвалютный (?) и полушарный с 7 (?) пуансонными ямками по периметру и одной в центре. Также на форме частично сохранилась разметка для еще одной печати, предположительно, также двухвалютной.

Во второй форме отливалась круглая печать, предполагающая оттиск с семью пуансонными углублениями по периметру и одним в центре.

Меандр является орнаментом, регулярно встречающимся на изделиях кобанской культуры начиная с «классического» времени: на поясных пряжках,

Рис. 1. 1, 3 – глиняные пинтадеры; 2, 4 – современные отпечатки с пинтадеров; 5, 6 – каменные литейные формы для отливки моделей пинтадеров

на лопастях топоров, на поверхности рога для питья и т. д. В позднекобанское время меандрический орнамент продолжает присутствовать на различных изделиях, например, на поясных пряжках «с кругами». Среди материалов из могильника Гапон Уота, на котором похоронены жители поселения Сауар, меандрический орнамент заполняет поверхность деревянной шкатулки и фрагментов аналогичного изделия (?) (интересно, что на фрагментах остались следы красного красителя). На самом поселении меандр в его классическом виде обнаружен на внутренней обмозке топки гончарного горна V в. до н. э.

Свастика также является знаком, достаточно часто встречаемым на кобанских артефактах как составляющая меандрического орнамента, так и отдельными знаками: на пряжках, топорах и пр. Распространен он и на пинтадерах, найденных на кобанских поселениях. Среди материалов поселения Сауар свастика присутствовала на глиняном пряслице.

Двойная спираль – символ, известный с глубокой древности, присутствует на кобанских изделиях достаточно широко. В частности, можно вспомнить очковидные подвески из комплексов VII–IV вв. до н. э. могильника Гапон Уота.

Чашечные углубления присутствуют в первую очередь на так называемых чашечных камнях. Чашечные камни – явление, распространенное на широчайших территориях в громадном хронологическом диапазоне. В Дигорском ущелье чашечные камни присутствуют на Лесгорском мысе и на мысу, находящемся в нескольких сотнях метров от него. Датировка чашечных камней очень часто затруднена отсутствием около них надежно датированного культурного слоя. На поселении Сауар в двух культовых комплексах установлены камни с чашечными углублениями. Они надежно датируются соответственно V и началом IV вв. до н. э. Каменная плитка с чашечными углублениями была вмонтирована в топочную камеру гончарного горна V вв. до н. э.

На поселении Сауар на специальной площадке из прокаленной глины около бронзолитейной мастерской среди более сотни округлых лунок, расположенных в хаотическом порядке, была выявлена круглая ямка, внутри которой в свою очередь по периметру располагались округлые лунки. Штамп на литейной форме фактически является миниатюрной копией этой ямки.

Изображение 12-конечного креста (с перемычками у его четырех концов) является для данной эпохи практически уникальным явлением.

Свастический орнамент обычно связывают с солярным культом. Меандрический – также. Двенадцатиконечный крест, возможно, тоже связан с солярным культом, но безусловно с астральным. Само количество оконечностей и предполагаемые 4 (?) группы по 3 ямки (то же и про 12 (?) отростков на свастическом штампе) наводят на мысль о лунарном культе. Необходимо отметить, что для позднекобанской культуры в Дигории использование цифровой магии особенно характерно, при этом числа 7, 12, 14 могли быть увязаны с лунными циклами. В этом контексте с лунарным культом может быть связан и штамп с семью ямками по периметру (возможно, и штамп с ямками в ямке). Изображение на пинтадере сочетания свастики и ямки, вероятно, говорит о сочетании солярного и лунарного культов, что весьма характерно для древних культов вообще. Семантическая трактовка двойных спиралей также так или иначе обычно связывается с астральными культами. То, что солярные и астральные культы связаны с культом плодородия, давно уже стало общим местом во всех работах, связанных с семантикой археологических артефактов. Таким образом, нанесение известных нам из поселения Сауар штампов на культовые хлебцы представляется весьма вероятным.

Изготовление культовых штампов с использованием литейных форм предполагает относительно большие серии, избыточные для жителей одного поселения. Судя по всему, данные предметы предназначались и для внешней реализации. Поселение Сауар, как это к настоящему времени надежно установлено, являлось производственным центром, на котором жили и работали металлурги и гончары. Отношение к металлургам и гончарам как к «колдунам» хорошо известно. Именно у них могли приобретать культовые предметы, которыми, безусловно, являлись металлические штампы – пинтадеры.

В. С. Патрушев

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

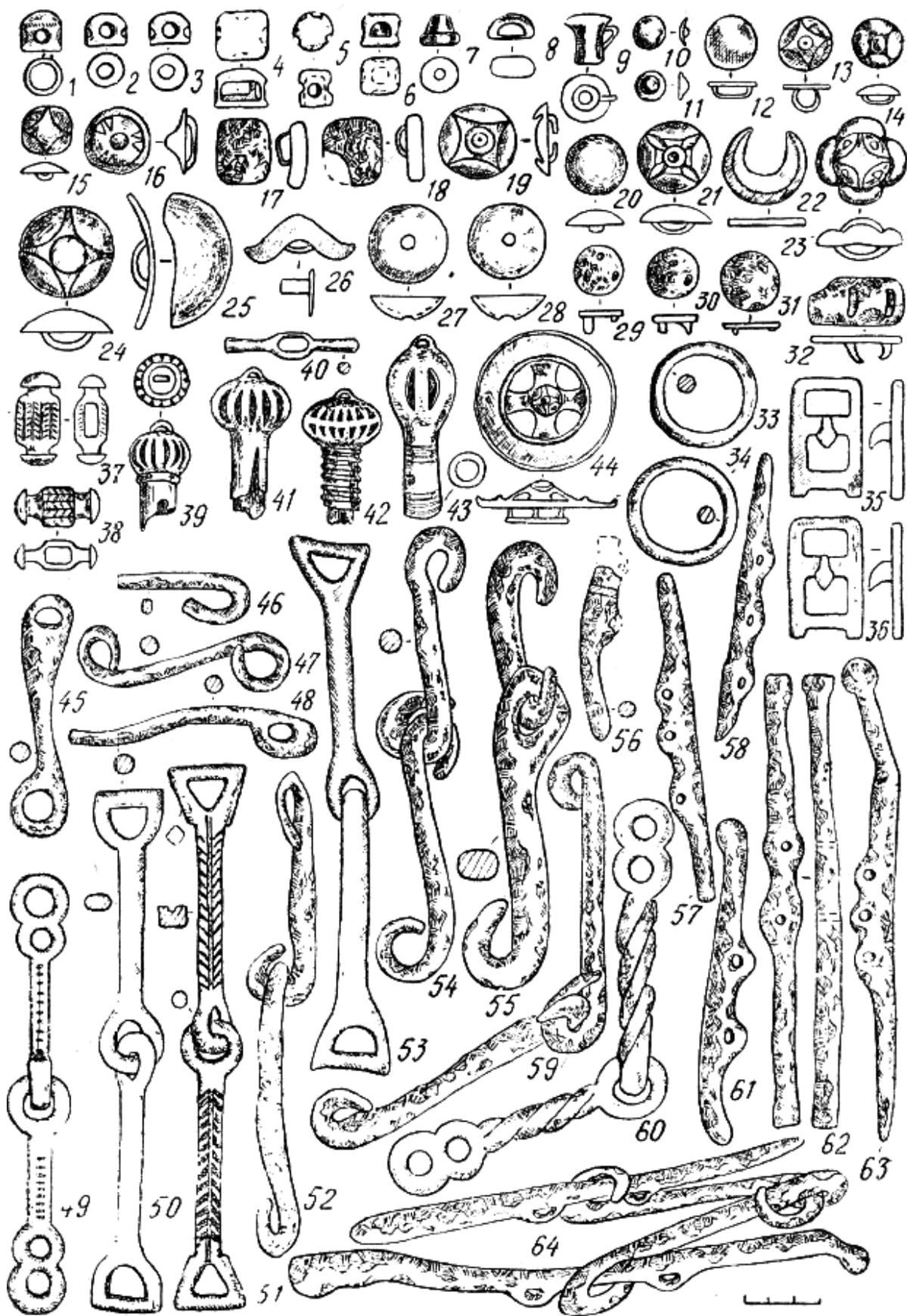
УЗДЕЧНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАЧАЛА ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА ВОЛЖСКИХ ФИННОВ (К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ С НАСЕЛЕНИЕМ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

Материалы раскопок могильников Марийского края начала эпохи железа свидетельствуют об интенсивных связях волжских финнов с населением Северного Кавказа. В частности, значительная часть предметов конской сбруи Старшего Ахмылова находит аналогии на Северном Кавказе (*Вальчак*, 2009. Рис. 27, 2; 33, 1 и др.; *Патрушев*, 1984. Рис. 53в, V; *Патрушев, Халиков*, 1982; *Кузьминых, Чижевский*, 2014. С. 101–137; *Халиков*, 1977, С. 218–227).

Многочисленные находки частей конской узды из могильников Марийского края можно сгруппировать по их назначению. Это удила, псалии, бляшки-пронизи, кольца, накладки, бляшки от ремней и навершия (рис. 1). Две первые группы из них классифицированы А. Х. Халиковым (1977. С. 218–227). Сравнительная датировка подобных изделий с южными комплексами представлена автором (*Патрушев*, 1984. Рис. 53в, V). По комплексам Старшего Ахмыловского могильника VII – началом VI вв. до н.э. датированы комплексы со стремечковидными удилами (п. 383; *Патрушев, Халиков*, 1982. Табл. 63, 1; п. 524; рис. 1, 50, 51, 53). Железные однокольчатые удила (8 экз.; рис. 1, 45–48, 52, 54, 55, 59, 64) в Марийском Поволжье появляются в основном в VI в. до н.э. (*Патрушев*, 1984. Табл. XI–XII; *Халиков*, 1977. С. 222). В большинстве случаев этим же временем датируются находки из Поднепровья и Северного Кавказа (*Либеров*, 1956. Табл. 1; *Иессен*, 1956. С. 112–114; *Галанина*, 1977. Табл. 18, 4. С. 35; *Воронов*, 1980. Рис. 3, 36. С. 205 и след.). Различия между ахмыловскими экземплярами проявляются лишь в характере оформления колец, длине и толщине стержня.

Псалии (6 экз.; рис. 1, 56–58, 61–64) более разнообразны по форме. Судя по южным аналогиям и сопровождающим датированным комплексам могильников Марийского края, трехдырчатые и трехпетельчатые псалии более ранние, чем двухпетельчатые (*Вальчак*, 2009. С. 12–15; *Иессен*, 1956. С. 112–114; *Ильинская*, 1975. С. 105; *Тереножкин*, 1974; *Смирнов*, 1961. С. 82; *Халиков*, 1977. С. 224–226).

Остальные многочисленные предметы конской упряжи Старшего Ахмылова по назначению могут быть подразделены на следующие группы. Первая группа бляшки-пронизи для ремней, различающиеся по форме верхней части: I тип – с выпуклым верхом; по форме боковых отверстий выделяются две разновидности – с круглыми (п. 104; рис. 1, 1–3) и овальными (кв. Д/11 раскопа 1962 г.; рис. 1, 4) отверстиями; II тип – с плоским верхом, также с круглыми (под. мат. 1963 г.; рис. 1, 5) и сегментовидными (п. 257; рис. 1, 6) боковыми отверстиями. Вторая группа – пронизи различных типов: I – пластинчатые с выпуклым верхом и сегментовидным отверстием (рис. 1, 8); II – такие же с овальными отверстиями (*Патрушев*, 1984. Рис. 48, 9–11); III – пластинчатые прямоугольных очертаний, ажурные с внутренней стороны (*Патрушев*, 1984. Рис. 48, 19); IV – массивные конусовидных очертаний с круглым отверстием (рис. 1, 7; *Патрушев*, 1984. Рис. 48, 14); V – костыльковидные пронизи (рис. 1, 37–38, 40).

Ременные бляшки по форме внешней поверхности также подразделяются на несколько типов. I – плоские трех видов: А – круглые, с дуговидными петлями (разновидность 1; рис. 1, 12–13) или штырьками вместо петли (разновидность 2; рис. 1, 29–31); Б – прямоугольные, все с петлями для крепления (рис. 1, 17–18, 32); В – «лунницы» дуговидных очертаний без петли (разновидность 1; рис. 1, 22) или дуговидными петлями для крепления (разновидность 2; Патрушев, 1984. Рис. 48, 16–17; 52, 26). II – выпуклые трех видов: А – круглые, без петли (разновидность 1; рис. 1, 11, 27–28) с дуговидной петлей (разновидность 2; рис. 1, 10, 14–16, 19–21, 24), со сложным кольцевидным приспособлением для крепления на штырьках (разновидность 3; рис. 1, 44); Б – четырехлепестковой формы с дуговидной петлей (рис. 1, 23); В – в форме «лунницы» с дуговидной петлей (рис. 1, 25).

Выделяются также подпружные ажурные прямоугольных очертаний рамочки с выступающим язычком (рис. 1, 35–36) и ременные кольца (рис. 1, 33–34).

Особую группу предметов уздечной принадлежности образуют наверхия двух типов: I – грибовидных очертаний с боковой петлей (рис. 1, 9); II – со сферической верхней частью, завершающейся дуговидной петлей и цилиндрическими приемниками (рис. 1, 39, 41–43).

Благодаря кавказским аналогиям удалось уточнить даты целого ряда ахмыловских находок (Патрушев, 1984. Рис. 53в, V, 11–22).

Многочисленны аналогии бляшкам-пронизям из раскопок Старшего Ахмылова. Близкие находки из погр. 104 (рис. 1, 1–3; VI в. до н.э.), изделия с выпуклым верхом и круглыми боковыми отверстиями известны из Кармир-Блур (VI в. до н.э.; Пиотровский, 1950. Рис. 61), савроматского памятника Мечет-Сай (VI в. до н.э.; Смирнов, 1961. Рис. 55, 5). Массивные бляшки-пронизы с овальными боковыми отверстиями найдены, кроме Ахмылова, у хутора Алексеевского близ Невинномыска (вторая половина VIII в. до н.э.; Иессен, 1954. Рис. 7, 3. С. 117–118), в могильнике Сержень-Юрт (VII в. до н.э.; Козенкова, 1977. Табл. XVII, 9. С. 78 и след.). Близкие изделия с выпуклым верхом и сегментовидными боковыми отверстиями происходят с Северного Кавказа (VII–VI вв. до н.э.; Уварова, 1900. Табл. XXXVI, 4; Козенкова, 1975. С. 65) и савроматской территории (VI–V вв. до н.э.; Смирнов, 1961. Рис. 51, 5).

Многие предметы образуют определенные уздечные наборы, позволяющие датировать их более точно. Комплекс погребения 383 (рис. 1, I, 3), датируемый по кинжалу, бронзовым и железным наконечникам стрел (Патрушев, 1984. Рис. 47, 5–8), железному наконечнику копья (Патрушев, 1984. Рис. 53, III,

Рис. 1. Уздечные принадлежности волжских финнов (Старший Ахмыловский могильник: 1–3 – п. 104; 4 – кв. Д/11-1962; 5 – находка 1963 г.; 6 – п. 257; 7, 8, 19, 37, 50, 51 – п. 383; 9 – п. 441; 10–12, 27, 28, 31–36, 64 – п. 900; 13 – кв. Ч/11 раскопа р. 2 1969 г.; 14 – п. 7; 15 – кв. Е/23 раскопа 1963 г.; 16 – п. 288; 17, 18, 29, 30, 54, 61 – п. 563; 20, 60 – п. 509; 21, 22 – п. 55; 23 – п. 248; 24, 25 – п. 465; 26 – п. 36; 38, 39 – п. 161; 40, 41 – п. 523; 42, 53 – п. 524; 43 – кв. У/8 раскопа 1966 г.; 44 – п. 273; 45 – кв. 3/1 раскопа 1967 г.; 46 – кв. Е/15 раскопа 1975 г., 47 – кв. Ч/15 раскопа 2 1969 г.; 48 – кв. Б/2 раскопа 1975 г.; 49 – п. 136; 52, 62 – п. 1002; 55 – п. 605; 56 – п. 812; 57, 59, 63 – п. 110; 58 – п. 525; 11–28, 33–44, 49–51, 53, 60 – бронза; 29–32, 45–48, 52, 54–59, 61–64 – железо

8) второй половиной VII – началом VI в. до н. э., содержит две пары стремечко-видных удил, пронизи трех типов, бляшку с четырехлепестковым орнаментом (рис. 1, 7, 8, 19, 31, 50–51) Богатый набор конской узды содержат погребения 563 (VI в до н. э., рис. 1, 17–18, 29–30, 54, 61), 900 (рис. 1, 10–12, 27–28, 31–36, 64; начало VI вв. до н. э.: *Патрушев*, 1984. Табл. XI). По два предмета от уздечных наборов встречены в погребениях 509 (рис. 1, 20, 60) и 524 (рис. 1, 42, 53; вторая половина VII – начало VI вв. до н. э.).

Литература

- Вальчак С. Б.*, 2009. Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М.
- Иессен А. А.*, 1954. Некоторые памятники VIII–VI вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
- Ильинская В. А.*, 1975. Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев.
- Козенкова В. И.*, 1975. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром // Скифский мир. Киев.
- Кузьминых С. В., Чижевский А. А.*, 2014. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. № 3. Казань.
- Патрушев В. С., Халиков А. Х.*, 1982. Волжские ананьинцы. М.
- Патрушев В. С.*, 1984. Марийский край в VII–VI вв. до н. э. Йошкар-Ола.
- Пиотровский Б. Б.*, 1950. Кармир-Клур. Т. I. Ереван.
- Смирнов К. Ф.*, 1961. Вооружение савроматов. МИА. № 101. М.
- Тереножкин А. И.*, 1974. Дата мингечаурских удил. СА. № 4.
- Уварова П. С.*, 1900. Могильники Северного Кавказа. МАК. Вып. VIII. М.
- Халиков А. Х.*, 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII–VI вв. до н. э. М.

А. Ю. Погребной

Ставропольское президентское кадетское училище, г. Ставрополь.

Н. А. Тихонов

*Специальная астрофизическая обсерватория Российской академии наук,
п. Нижний Архыз*

НОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРИСУТСТВИЯ МЕОТОВ В ВЕРХНЕМ ПРИКУБАНЬЕ?

Летом 2014 г. на осыпавшихся бортах старых силосных канав сотрудниками САО РАН были найдены фрагменты лощеной керамики. Указанные канавы расположены в конусе выноса правого берега ручья Куцего в 6 км к северу от ст. Исправной, КЧР.

Собранный материал представлен разнообразными фрагментами сосудов: 37 венчиков сосудов, 14 ручек, 18 донных частей, одна почти целая кружка и крупные фрагменты кувшинов. Вся керамика лепная, ее цвет – серый, черный и бурый. Лощение присутствует у большинства фрагментов. Типовой состав венчиков сосудов: 8 – мисок, 22 – кувшина и корчаг, 5 – кружек, 1 – кубышка, 1 – пифос. Плоские донца принадлежат кувшинам и мискам. Одно донце имеет поддон и относится к крупному сосуду типа миски. Ручки сосудов в сечении имеют овал. Крепились верхней частью либо к венчику, либо к средней части тулова. Пять ручек (36%) украшены вертикальными прорезными линиями. Венчики и бока сосудов украшены бедно. На 4 фрагментах стенок сосудов присутствуют конические налпы, которые в двух случаях расположены на ребре поверхностей сосудов (биконические стенки). На 8 фрагментах боковых стенок сосудов виден орнамент в виде систем прорезных прямых линий, пересекающихся между собой, или ряда широких каннелюр. На 4 плоских краях венчиков сосудов виден орнамент в виде прямых, пересекающихся между собой линий.

По другую сторону р. Куцего, на кукурузном поле холмистой возвышенности прослеживается поселение кобано-сарматского времени. От указанных силосных канав оно расположено в 400 м. Керамика, найденная там, в большинстве своем относится к кобанскому времени. Однако нет никакого пересечения находок из силосных канав и кукурузного поля. Керамика кукурузного поля отличается от керамики силосных канав р. Куцего по цвету, присутствием значительного количества песка в исходной массе, наличием орнамента на многих фрагментах, формой перехода стенок сосудов в донце, малым числом ручек сосудов и полным отсутствием орнаментированных ручек. С большой долей уверенности можно предположить, что кобанское население этого места не пересекалось во времени с населением р. Куцего, поскольку и в находках из силосных канав нет кобанской керамики. Следовательно, насельники р. Куцего не могли быть кобанцами.

Кроме кобанской керамики на кукурузном поле присутствует керамика сарматского времени. Она отличается от кобанской другим составом глиняной массы, наличием зооморфных ручек и фрагментами мисок с характерным для сарматского времени профилем венчиков. Эта керамика имеет некоторое сходство с керамикой Зилгинского и Андрейаульского городищ (Кузнецов, 1986; Аржанцева, Деотик, 1989; Гмыря, 1980).

В последние десятилетия становится популярной гипотеза широкого распространения меотской культуры вдоль Кубани. Известия о меотах – одном из крупнейших автохтонных этнических образований Северо-Западного Кавказа – дошли до нас благодаря сообщениям ряда античных авторов. Однако в настоящее время все большее число исследователей предлагает рассматривать термин «меоты» в качестве более широкого понятия «меотской археологической культуры».

Вопрос о локализации меотской культуры неоднократно затрагивался на страницах научных публикаций. Н. В. Анфимов располагал меотские племена от Восточного Приазовья до бассейна Нижней и Средней Кубани. При этом рассматривая памятники восточнее р. Лабы, он склонен был относить их не столько к меотской, сколько к «**синхронной ей другой культуре**» (Анфимов, 1966). О наличии на территории Карачаево-Черкесии зоны стыка кобанской и прикубанской (протомеотской) культур, на основе которых формировался локальный вариант, вобравший в себя их черты, писал и Е. И. Крупнов. Своеобразие археологической культуры от левобережья Кубани до Большого Зеленчука он объяснял влиянием скифо-сарматского мира при сохранении автохтонных форм (Крупнов, 1957; Крупнов, 1960).

В. И. Козенкова отмечает трансформацию западного варианта кобанской культуры в середине VII–IV вв. до н. э., с одной стороны, под влиянием скифо-сарматских и сарматских импульсов, а с другой – миграцией на восток носителей меотской культуры. Свидетельством последнего стало появление и численное увеличение обломков меотской керамики в слоях местных поселений (Козенкова, 1986). Наиболее заметные перемены такого рода наблюдаются в «**зоне смешения памятников кобанской культуры с инокультурными группами**», охватывающей междуречье Урупа и Большого Зеленчука.

Анализируя находки Хумаринского поселения (VI–V вв. до н. э.) М. П. Абрамова указывает, что некоторые из тонкостенных сероглиняных лощеных неорнаментированных сосудов имели поддоны. Ручки кружек, кувшинов и даже тарных сосудов орнаментированы продольными желобками или слегка вдавленными линиями. В ряде случаев они соединяли край венчика сосудов с широкой частью тулова, иногда дополняясь округлыми зооморфными деталями в виде выступов или налепов (Абрамова, 1999). Все перечисленные черты М. П. Абрамова предлагает отнести к локальным особенностям кобанской культуры, западную границу которой она определяет бассейном Урупа. Однако часть этих признаков, таких как наличие у многих сосудов поддонов, оформление верхнего прилепа ручек от края венчика сосудов, форма сечения ручек с прогибом по верхней поверхности или обеим поверхностям, вполне соответствует признакам меотской керамики (Анфимов, 1951). Более того, совпадение керамики Хумаринского поселения с находками у р. Куцега происходит по всем ключевым признакам.

Могли ли меоты оставить следы своего пребывания у р. Куцега? Сравнение керамики показывает некоторое сходство. Найденная сероглиняная лепная кружка подобна кружкам из Уляпского могильника (Лесков и др., 2005). Вся керамика р. Куцега лепная, как и керамика ранних меотов. Расположение на сосудах налепов на ребрах биконических сосудов также напоминает меотскую керамику. Но на этом подобие заканчивается. Ни на каких памятниках меотов нет сосудов

с характерными рифлеными ручками. Нет их, например, и на Татарском городище, где в большом количестве найдена керамика кобанской, сарматской и меотской культур (*Березин и др., 2012*).

Находки рифленых ручек не ограничиваются только Хумаринским поселением и р. Куцым. В осыпающихся берегах Подорванной балки (Нижний Архыз) найдены совершенно аналогичные ручки. Там же была найдена и кобанская керамика. Фрагменты керамики, подобные керамике р. Куцего, найдены на Шоанинском поселении. Таким образом, население, оставившее керамику на Хумаринском поселении, занимало довольно обширную территорию. Но вопрос: кто это был – остается открытым.

Авторы благодарны сотрудникам САО РАН Н. Калининой, Г. Коротковой и Е. Хафизовой за предоставленный материал и помощь в работе.

Ю. С. Половинкина

ООО «Научно-исследовательский институт археологии и древней истории
Северного Кавказа», г. Ставрополь

НОВЫЕ НАХОДКИ СКИФСКИХ СТЕЛ НА ТЕРРИТОРИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Антропоморфные изваяния относятся, наряду со «скифской триадой», к числу наиболее ярких индикаторов скифской культуры. Их выявление в конкретной местности доказывает присутствие определенного этноса на территории обнаружения подобных стел (Ольховский, Евдокимов, 1994; Белинский, Ольховский, 1996), поэтому очередная находка такого памятника вызывает несомненный интерес.

В данной статье представлены три новых скифских антропоморфных стелы, происходящие с территории Ставропольского края.

Стела 1 обнаружена на левом берегу р. Кубань, в с. Балахоновское Кочубеевского района.

Стела изготовлена из плотного известняка и представляет собой подпрямоугольный в сечении столб с округлым верхним окончанием и отбитой нижней частью. Поверхность выветрена. Сохранившаяся длина изделия – 1,32 м, ширина – 0,27–0,42 м, толщина – 0,3 м. Основание изваяния утрачено. Верхняя часть оформлена в виде человеческой головы, выделены покатые плечи.

Имеющиеся на стеле антропоморфные черты сильно стилизованы и моделированы неглубоким рельефом. Детали лица не проработаны. Руки, контуры которых преданы прямыми линиями, согнуты под прямым углом и сложены «на животе». Линия, проходящая от кисти правой руки под углом вверх, может интерпретироваться как плеть. Значение изогнутых линий, проходящих горизонтально от нижней части головы стелы до верхнего окончания плеч, не вполне ясно. На тыльной стороне неглубоким рельефом выполнен позвоночник. Аналогичная ложбинка имеется на левой боковой грани.

Стела 2 находилась на кургане «Дохлый», расположенном на правом берегу р. Калаус в Апанасенковском районе.

Стела изготовлена из рыхлого, светло-желтого известняка, представляет собой прямоугольный в сечении столб, в виде полуовала выделена голова. Нижняя часть стелы утрачена. Сохранившаяся максимальная высота монумента – 0,78 м, ширина в нижней части – 0,55 м, выделенной головы – 0,32 м, толщина – 0,36 м. Морфологически это изваяние относится к антропоморфным столбам. Какие-либо элементы антропоморфизма или атрибуты отсутствуют.

Поверхности изваяния обработаны и покрыты с одной стороны – надписью, выполненной арабскими буквами, с другой – солярными символами. На поверхности стелы, покрытой надписью, – сколы, находящиеся на ее туловище; на противоположном фасе – сколы в нижней части. Сохранившаяся надпись переводится как «Дата 1298 (по Хиджре соответствует 1880/1881 гг.) ...Умерший и прощенный...» (перевод И. В. Волкова).

Изваяние утрачено.

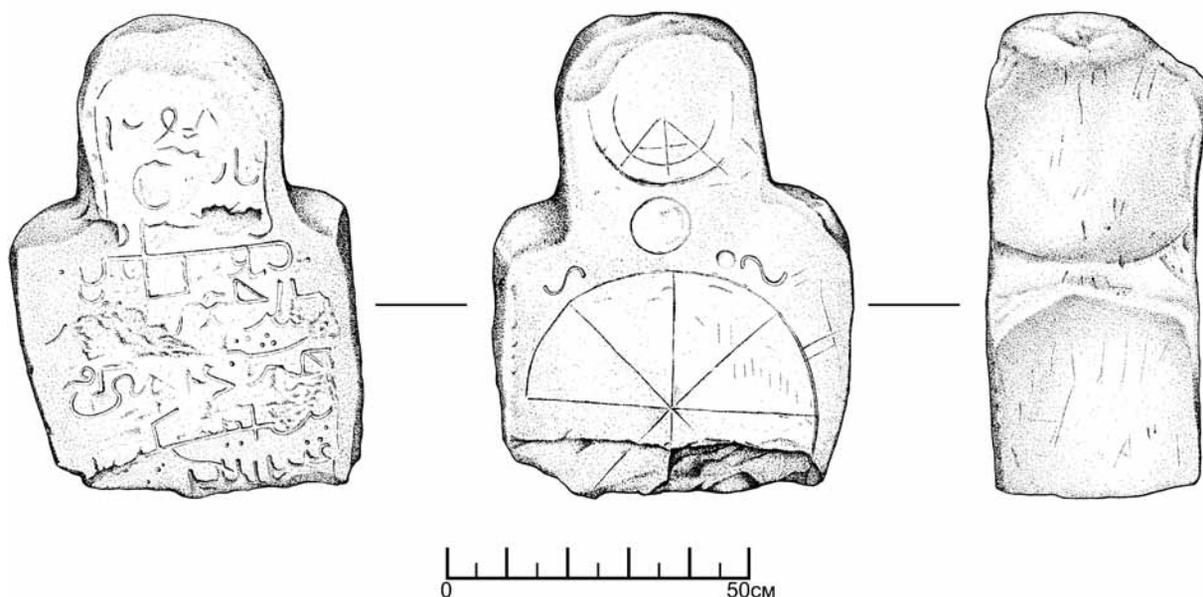

Рис. 1. Скифская стела с кургана «Дохлый»

Стела 3 (раскопки А. Р. Канторовича) обнаружена на дне могильной ямы погребения 1, кургана 6 могильника Новозаведенное 3, расположенного на левобережном плато среднего течения р. Кумы, в Георгиевском районе.

Стела изготовлена из рыхлого, светло-желтого известняка, ее поверхности сильно повреждены в результате водно-эрозионных процессов, низ, вероятно, обломан в древности. Максимальная высота изделия – 0,52 м, ширина – 0,19–0,274 м, толщина – 0,07–0,13 м. Памятник относится к антропоморфным столбам, в плане подпрямоугольный, выделены голова, на которой обозначен овал лица и непропорциональные плечи. Прочие черты антропоморфизма и атрибуты на стеле отсутствуют.

Столбообразная форма, особенности изображения антропоморфных элементов и предметного репертуара на Балахоновской стеле позволяют включить ее в группу самых ранних северокавказских скифских изваяний VII–VI вв. до н. э.

Связь с насыпью, на которой была найдена стела с кургана «Дохлый», вызывает сомнения. Вероятно, изваяние было принесено и переиспользовано местным туркменским населением. Наиболее приоритетным районом происхождения памятника представляется бассейн р. Кумы. В этом ареале только по Куме исследован значительный массив скифских погребений и памятники монументальной скульптуры (Ольховский, Евдокимов, 1994; Ольховский, 2005). Пока возможно говорить лишь о широкой датировке изваяния в рамках VII–IV вв. до н. э., более вероятным представляется его отнесение к раннескифскому периоду.

Нахождение стелы из Новозаведенного 3 *in situ*, в погребении определяет его четкие хронологические рамки – IV в. до н. э. Аналогии в Предкавказском регионе данной стеле этого же времени не известны, но они достаточно широко представлены в Причерноморье и, реже, в Крыму. До обнаружения новозаведенского изваяния группа стел V – рубежа IV–III вв. до н. э. на Ставрополье была представлена тремя антропоморфами, обнаруженными в 1995 г. в верховьях р. Егорлык, в нижней части балки Беспутки (Белинский, Ольховский, 1996). Однако

данные памятники выполнены в абсолютно ином изобразительном каноне – относятся к статуарным рельефам и плоским скульптурам с богатым набором антропоморфных черт и предметов. Новозаведенское же изваяние крайне примитивно и отражает определенный процесс деградации части скифской скульптуры, происходящий в IV в. до н. э. (*Белозор, 1986*). Причем если стелы из Беспутки демонстрируют крымское влияние (*Белинский, Ольховский, 1996*), то аналогии Новозаведенской стеле в большем объеме выявлены на территории Причерноморья.

Рассмотренные стелы тяготеют к районам преимущественной концентрации скифских изваяний на Ставрополье, в частности к бассейнам рек Кума и Кубань, что подтверждает высказывание В. С. Ольховского, о том что «каждая региональная группа (изваяний) может быть разделена на локальные группы, тяготеющие к бассейнам крупных и средних рек» (*Ольховский, Евдокимов, 1994*). К этим территориям тяготеют так же и разновременные скифские и скифоидные погребальные комплексы. Преобладают раннескифские изваяния, но находка стелы из Новозаведенного показывает, что внутри локальных групп уже не наблюдается единства в хронологическом отношении.

Ю. А. Прокопенко
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

**ЭЛЕМЕНТЫ АНТИЧНЫХ КУЛЬТОВ
В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ –
НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ СКЛЕПОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ III–II ВВ. ДО Н. Э.**

Доклад посвящен анализу семантики антропоморфных изображений на предметах, выявленных в гробницах склеповых могильников III–II вв. до н. э. Центрального Предкавказья, связанных с влиянием античной культуры. Представлена характеристика вещей, традиционных для античной погребальной обрядности. Это монеты – «оболы мертвых», бляшки с античными сюжетами (нереида на гипсокампе – морском чудовище: конь с рыбьим хвостом), медальоны – горгонейоны и детали терракотовых ожерелий (статуарные изображения женской головки, пальметки и др.). Результаты семантического анализа сюжетов, особенностей их мифологической составляющей позволяют все изображения, открытые в гробницах склеповых могильников, отнести к культу мертвых.

В III – начале II вв. до н. э. определенное влияние в религиозном смысле на население Центрального Предкавказья оказывала культура античных городов Северного Причерноморья. С этим связано распространение в Предкавказье каменных гробниц – склепов, характерных для погребальной традиции греков, а также синдов и знати меотов. В некоторых погребальных комплексах Ставропольской возвышенности, района Кавминвод и предгорий Центрального Предкавказья присутствуют вещи, традиционные для античной погребальной обрядности. Это монеты, бляшки с античными сюжетами, медальоны – горгонейоны и детали терракотовых ожерелий.

Кроме античных монет в погребениях нередко находки терракотовых медальонов с изображением Медузы горгоны и др. Позолоченные медальоны – горгонейоны – типичная находка для многих районов Прикубанья. Картирование находок свидетельствует об их проникновении вглубь материка вдоль речной системы Кубани.

В гробницах склеповых и др. могильников Центрального Предкавказья III – начала II вв. до н. э. также наблюдается значительное количество таких изделий античного производства. Это медальоны, обнаруженные в склепах № 1, 3, 4 и 5 могильника № 2 Татарского городища (*Кудрявцев А. А., Кудрявцев Е. А., Черкасов, 2009*), в Чегемском могильнике (*Миллер, 1888*) (рис. 1, 7), в долине Чегема и Баксана – коллекция Е. Зичи (2 экз.) (*Zichy, 1897*) (рис. 1, 5, 6). Отличаются от перечисленных выше медальоны с изображением богини Деметры и костяной медальон с изображением Афины (?) в шлеме из могильника Камунта (*Уварова, 1900*) (рис. 1, 8, 9).

Важно отметить, что наиболее яркие черты Медузы горгоны (которая представлялась некогда владычицей всех стихий) – хтонизм, связь с водой и конями – не менее характерны и для змееногой богини-прародительницы. И тот, и другой образ равно связаны со змеями (змееновость или змееволосость, а также змеиный пояс у Горгоны) и с грифонами (*Раевский, 1985; Шауб, 2007*). По мнению

Рис. 1. Предметы, связанные с античным культом мертвых, из памятников Центрального Предкавказья: 1, 7 – Чегемский мог. (по В.Ф. Миллеру); 2, 8, 9 – мог. Камунта; 3–6 – долины рек Чегема и Баксана (коллекция Е. Зичи); 10 – скл. Каменная Могила. 8 – кость, 10 – золото, остальные – терракота.

А. А. Малышева, древнее население связывало образ Медузы горгоны с могущественными подземными силами, имеющими непосредственное отношение к погребальному культу. Змеевидные волосы горгоны на бронзовых доспехах, судя по всему, были значимым элементом изображения для их обладателя (Малышев, 1993).

Одновременно с горгонейонами распространялись ожерелья из терракотовых подвесок в виде женской головки, сосульковидных привесок, а также пальметок (хут. Раздольный, склеп № 2 могильника № 1 Татарского городища, склеп у пос. Быкогорка, склеп у г. Медовой, Чегемский мог., долина Чегема и Баксана (коллекция Е. Зичи), мог. Камунта, склеп Кобу-Баши) (рис. 1, 1–4) (Прокопенко, 2014).

Все перечисленные терракотовые антропоморфные подвески представляют собой рельефное статуарное изображение женской головки. По мнению А. В. Пьянкова, подвески в виде головки молодой женщины могут изображать богиню, связанную с культом мертвых. Например, Деметру или Кору-Персефону. В качестве доказательства автор приводит факт находки в Ольвии терракоты атрибутированной как изображение Кору-Персифоны и датированной эллинистическим временем (Пьянков, 1998).

В склепе «Каменная могила» были обнаружены 3 штампованные бляшки квадратной формы из золотой фольги. На бляшках в квадратной рамке

из псевдозерни изображена морская нимфа nereida верхом на гиппокампе. Нимфа (в фас) изображена сидящей боком. В левой руке нимфа держит лук, а правой опирается на круп чудовища, изображенного в профиль (рис. 1, 10). Можно предположить, что в данном случае речь идет об античном сюжете, связанном с морской нимфой Фетидой. Она рождает прославленного героя Ахилла. Когда он теряет доспехи, Гефест, по просьбе Фетиды, изготавливает новые, и Фетида доставляет их сыну... (Кинжалов, 1998).

Ахилл – божество, связанное как с морем, так и со смертью. Сопоставляя этот сюжет с аналогичными ему изображениями везущих оружие Ахиллу nereid на височных подвесках и бляшках из погребений Большой Близницы (склеп № 1 – височная подвеска, склеп IV – бляшка), а также на деревянных украшениях анапского саркофага, можно предположить семантическую связь всех этих изображений с представлениями о морском путешествии умершего в страну блаженных (Шауб, 2007).

Таким образом, все отмеченные изображения, открытые в гробницах склеповых могильников, связаны с культом мертвых.

Карта распространения античных монет, бляшек с античными сюжетами, керамических горгонейонов и терракотовых ожерелий с позолотой в Предкавказье маркирует регион, население которого в то время выделялось сходством своих культурно-религиозных традиций.

Т. В. Рябкова

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

ФОРМИРОВАНИЕ РАННЕСКИФСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА В ЗАКУБАНЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАРШИХ КУРГАНОВ КЕЛЕРМЕСА)

О существовании хронологического промежутка между возведением «старших» и «младших» насыпей Келермесского могильника свидетельствуют данные топографии, радиоуглеродного датирования и состав вещевых наборов. Последовательность сооружения насыпей была следующей: курган 31 (2В), затем курган 27 (1В), следующим был сооружен курган 29 (4Ш), после него – курган 24 (3Ш) и 23 (2Ш) (*Алексеев, Рябкова, 2013. С. 16*).

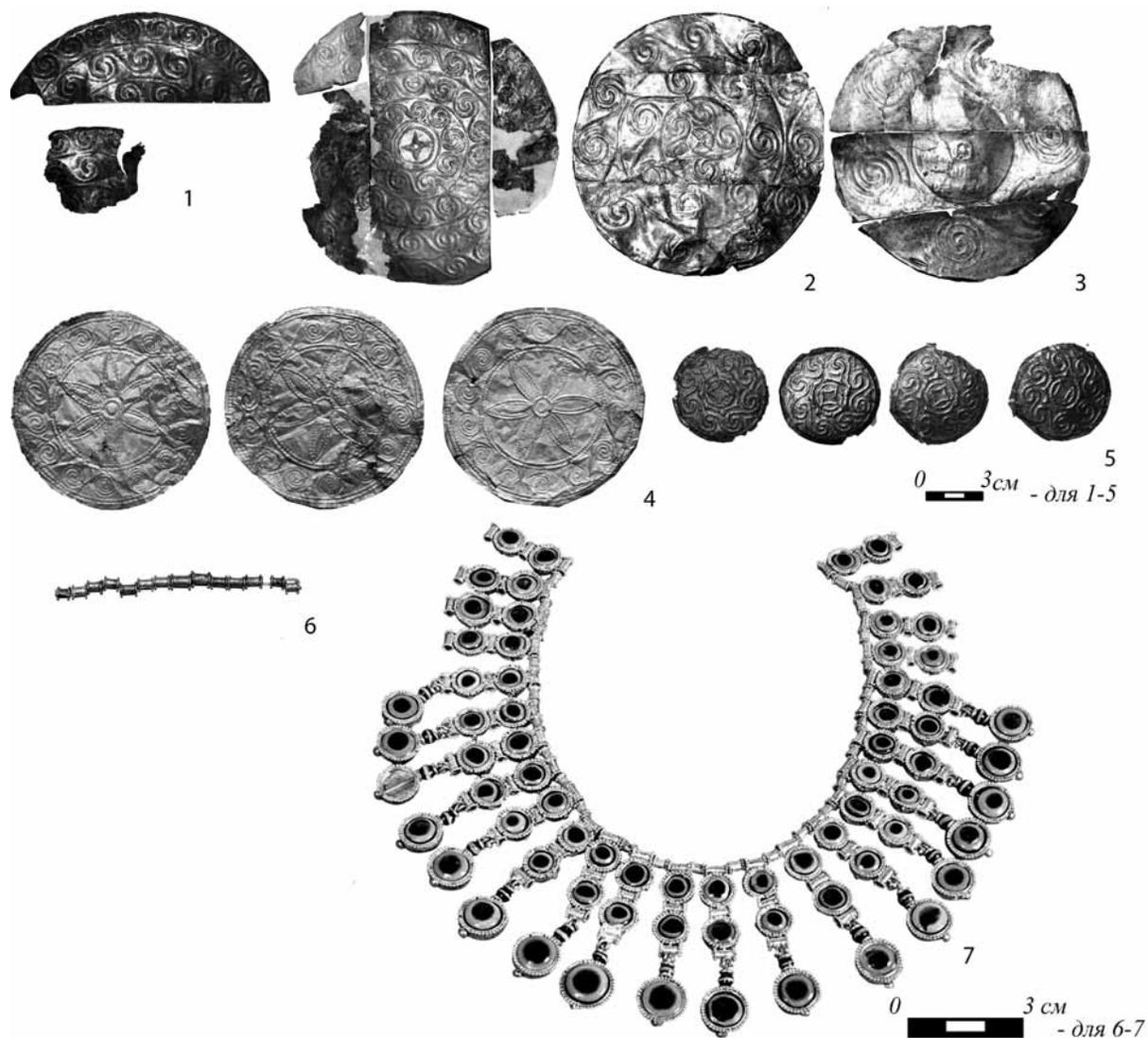
Это, равно как и данные о комплексах находок в каждом из курганов, позволяют проследить развитие материальной культуры и перемены политической ситуации в регионе, обуславливавшей вектор культурных взаимодействий.

Массовые захоронения верховых коней – наиболее яркая инновация Келермеса, связанная своим происхождением с востоком Евразии. Традиция масштабных конских захоронений была впервые зафиксирована в царском кургане Аржан, что позволило М. П. Грязнову предположить принадлежность лошадей с различной экипировкой различным подчиненным общественным подразделениям (*Грязнов, 1980. С. 50*). Этим же обстоятельством, вероятно, объясняется и разнообразие уздечных наборов Келермеса (*Галанина, 1997. С. 70*). Наличие в материалах самого раннего кургана Келермеса инокультурных предметов показывает, что кочевники принесли на запад своеобразный эталон политического устройства. В материалах древнейшего кургана 2В центрально-азиатские по происхождению предметы представлены наиболее масштабно: к ним относятся дисковидное зеркало и шлемы кубанского типа, происхождение которых связывают с Китаем (*Алексеев, 2003. С. 46–48*). Генезис шаровидных прорезных наверший также связан с территорией Китая. Вероятно, именно западно-чжоусские экземпляры положили начало эволюции наверший как на территории Китая, так и в Закубанье (*Рябкова, 2016. С. 217–218*). Узда двенадцати жертвенных коней украшена изображениями в скифском зверином стиле. От деревянных составных псалиев, представленных исключительно в старших курганах Келермеса, сохранились лишь костяные зооморфные наконечники в виде головок барано-птицы, барана, конского копыта. Впервые составные псалии зафиксированы в кургане Аржан (*Грязнов, 1980. С. 26; Смирнов, 2005. С. 91*). Особое значение юго-западной части могилы подчеркивалось расположением лошадей в золотых уздечных украшениях (рис. 1, 1, 2). Многорядный орнамент в виде концентрических кругов из «бегущих спиралей» с ромбовидным знаком в центре, украшавший обкладки уздечных фаларов, часто использовался в декоре предметов крито-микенского круга (*Higgins, 2014. Pp. 52–54, 99 и др.*). Сходным образом декорированные круглые украшения из тонкой золотой фольги известны в материалах микенских гробниц XVI в. до н. э. (рис. 1, 4) и существовали в этом регионе на протяжении геометрического периода (могильник Приниас, Крит, IX–VIII вв. до н. э.). В репертуар раннескифской культуры декор мог попасть через посредничество культур

Закавказья (*Раевский, Погребова, 1997. С. 87*), где существовал и в раннескифское время (рис. 1, 5). Уздечные комплекты лошадей 15 и 16 включали крупные уздечные бляхи, имеющие аналогии в материалах предскифского времени Кубани (Кубанский, п. 50; Чишхо, п. 1, Псекупс) и Приднепровья (Уросоая, к. 1 п. 4, Черкассы и др.). Вероятно, именно эти лошади символизировали участие нескифских племен Закубанья в ритуале царских похорон. Показателем контактов с Закавказьем являются находки обломков бронзовой ситулы и крупного бронзового сосуда с двумя ручками.

Материалы следующего по времени кургана 1В выглядят значительно представительнее: в нем сохранилось множество вещей, демонстрирующих рост мощи и влияния скифского объединения, а так же взрывообразное развитие культуры, обусловленное активным взаимодействием с народами Закавказья и Передней Азии. Об использовании нехарактерной для бронзолитейного дела Восточной Европы традиции свидетельствует технология изготовления котла с гладкими боковыми ручками: он был отлит по восковой модели с использованием широкого литника, подведенного к внутренней поверхности поддона (*Галанкина, 1997. С. 152*). Наряду с 10-ю невзнузданными 6 лошадей имели узду, украшенную золотыми обкладками с многорядным орнаментом в виде «бегущей спирали» (рис. 1, 3), у 3-х лошадей узда была украшена костяными пронизьями в зверином стиле. Две лошади имели бляхи, выполненные в технике перегородчатой инкрустации (*cloisonné work*), широко распространенной в северо-восточном Закавказье (*Рябкова, 2014а. С. 164*). Из пятнадцати наверший три выполнены в скифском зверином стиле – в виде голов мулов и головы хищной птицы, два повторяют форму наверший с шаровидными бубенцами из кургана 2В. Навершия с биконическими прорезными бубенцами воспроизводят некоторые признаки предметов с вращающимися фигурами на якоревидных стержнях, которые были распространены в Закавказье в XVII–XIV вв. до н. э. Характерно, что именно они отличаются и по составу бронзы с большим процентным содержанием олова. Из украшений сохранились 3 нашивные бляшки на одежду и остатки золотого ожерелья с трубчатými бусинами-пронизками, но обоих концах которых припаяна тонкая проволока (рис. 1, 6). Значительным сходством с этими пронизьями характеризуются детали золотого ожерелья из 2-й гробницы Нимруда (рис. 1, 7), где был обнаружен саркофаг царицы Ябы (*Yaba*), супруги Тиглат-Паласара III (744–727 гг. до н. э.) По данным исследования, в саркофаге были обнаружены два погребения – нижнее может быть соотнесено с царицей Ябой, а атрибуция верхнего осложнена тем, что на предметах упоминаются имена цариц Банити, жены Салманасара V (726–722 гг. до н. э.) и Аталии, жены Саргона II (721–705 до н. э.) (*Hussein, Altaweel, Gibson, 2016. P. 13–14*). В любом случае, вещи из саркофага датируются в границах 744–704 гг. до н. э. Верхней границей для ожерелья можно считать конец VIII в. до н. э. Вероятно, детали ожерелья из Келермеса могут быть отнесены к близкому временному отрезку и могли попасть в комплекс скорее в результате торгового или дипломатического обмена, а не военного грабежа.

В материалах кургана 4Ш (29?) зеркало из электра и пластина – обкладка горита – представляют собой предметы малоазийского производства, хотя сопоставление их с этим курганом вызывает сомнения (*Галанкина, 1997. С. 40*). Все прочие вещи относятся к числу кочевнических: в декоре золотых уздечных

Рис. 1. 1 – Келермес, 2В, конь 6 (ГЭ, инв. №№ 2737/156,157); 2 – Келермес, 1В, конь 13 (ГЭ, инв. №№ 2737/8, 9,50); 3 – 1В, конь 14 (ГЭ, инв. №№ 2737/23–25); 4 – Микены, могила V (Национальный археологический музей, Афины, № 640); 5 – Нартан, к. 20 (по: Батчаев, 1985 Табл. 48, 54); 6 – Келермес, 1В (ГЭ, инв. №. 2737/3); 7 – Нимруд, Tomb II (по: Hussein, Altaweel, Gibson. 2016, pl. 50)

украшений использованы исключительно мотивы скифского звериного стиля, впервые появляются золотые обкладки деревянного сосуда, котел с рельефными изображениями козлов на ручках. Колчаные наборы из курганов Шульца невозможно разделить по комплексам, но среди материалов, приписываемых 2–4 курганам, массово представлены двухлопастные наконечники с ассиметрично-ромбическим пером, аналогичные центрально-азиатским. Наличие таких наконечников считается признаком проникновения кочевников в Причерноморье (Рябкова, 2014в. С. 246). Навершие воспроизводит признаки архаичных наверший из кургана 2В, но отличается более крупными размерами, составом металла, ромбовидный знак был выгравирован на нем уже после отливки (Рябкова, 2016. С. 219).

Таким образом, мы видим, что по материалам старших курганов Келермеса, к которым следует относить 2В, 1В и 4Ш (29?) можно установить, что интенсивные мирные контакты с Закавказьем, характерные для эпохи курганов Веселовского, неожиданно прекращаются в эпоху кургана 4Ш, комплекс которого выглядит своеобразным «обращением к истокам». Материалы следующего по времени кургана 3Ш показывают преобладание малоазийской и восточно-греческой культурной традиции, но это вопрос иного исследования.

Литература

- Алексеев А. Ю.*, 2003. Хронография Европейской Скифии. СПб.
- Алексеев А. Ю., Рябкова Т. В.*, 2013. Относительная хронология скифских Келермесских курганов // Шестая международная кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Галанина Л. К.*, 1997. Келермесские курганы. М.
- Грязнов М. П.*, 1980. Аржан. Л.
- Раевский Д. С., Погребова М. Н.*, 1997. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. М.
- Рябкова Т. В.*, 2014а. Изделия с перегородчатой инкрустацией в предскифских и раннескифских памятниках // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани. Том II. Казань.
- Рябкова Т. В.*, 2014б. Три костяных псаля из Прикубанья в коллекции Эрмитажа // Археологические вести. Вып. 20. СПб.
- Рябкова Т. В.*, 2014в. Курган 524 у с. Жаботин системе памятников периода скифской архайки // РАЕ. № 4. СПб.
- Рябкова Т. В.*, 2016. Навершия с шаровидными прорезными бубенцами из раннескифских памятников Закубанья // Кавказ и степь на рубеже эпохи бронзы и раннего железа. М.
- Смирнов Н. Ю.*, 2005. К вопросу о составных псалях эпохи поздней бронзы – начала РЖВ на востоке Евразийских степей // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул.
- Damerji M. S.*, 2008. An introduction to the Nimrud tombs // New Light on Nimrud: Proceedings of the Nimrud Conference 11th–13th March 2002, London: British Institute for the Study of Iraq in association with the British Museum.
- Higgins R.*, 2014. Minoan and Mycenaean Art. London.
- Hussein M., Altaweel M., Gibson McG.* Nimrud The Queens' Tombs // Baghdad- Chicago. 2016.

А. Ю. Скаков

Институт археологии РАН, г. Москва,

З. Г. Хондзия

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа

АН Абхазии, г. Сухум

А. И. Джопуа

Абхазский государственный музей, г. Сухум

НОВАЯ НАХОДКА ЭЛИТНОГО КОМПЛЕКСА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В АБХАЗИИ

В 2013 г. в с. Абгархук Гудаутского р-на Абхазии «черными копателями» было уничтожено богатое погребение эпохи раннего железа – вытянутое труположение на спине, головой на юг, в 0,2 м южнее находилось конское захоронение. Часть вещей удалось собрать и передать в Абхазский государственный музей.

Комплекс относится к бзыбской позднеколхидской культуре VI–IV вв. до н. э. и вполне вписывается в общий контекст ее погребального обряда (ингумация, на спине). При анализе всей совокупности данных о погребальном обряде данного региона эпохи ранней античности можно предполагать, что со временем вытянутые погребения на спине начинают преобладать, вытесняя иные формы погребального обряда, в первую очередь, скорченные погребения. Спорадически на всем протяжении данного хронологического периода продолжают встречаться кремационные погребения в оссуариях. Ориентировка костяков неустойчива, но преобладает западная, юго-западная и северо-западная. Поэтому необычна южная ориентировка нашего захоронения, более типичной была бы юго-западная, хотя встречается и юго-восточная. Крайне неустойчиво и положение рук погребенных. Обращает на себя внимание значительная вариабельность погребального обряда как в рамках одного микрорегиона, так и в рамках одного могильника. Несмотря на исчезновение вторичных захоронений, преемственность погребального обряда по отношению к предшествующему периоду не вызывает сомнений.

Сопутствующие захоронения коней (или конских черепов с уздой) встречены в погребениях 4–5 и 10 из Куланурхвы, погребениях 7–8 из Красного Маяка, комплексе 1977 г. из Нижней Эшеры. Наиболее ранним из них является комплекс из Куланурхвы (погребения 4–5), который по узде и оружию можно датировать в рамках второй половины VII – первой половины VI вв. до н. э. Погребения 7–8 из Красного Маяка датируются второй половиной VI – первой половиной V вв. до н. э., а комплекс из Нижней Эшеры – концом VI в. до н. э. Таким образом, захоронения с конями из Абхазии не образуют единого хронологического пласта и являются чертой погребального обряда местной элиты на протяжении не менее чем столетия.

Обнаруженные фибулы (2) и колокольчики (3) принадлежат к характерным для бзыбской позднеколхидской культуры типам. Более распространенной является фибула с пластинчатым подромбическим или подовальным расширением на средней части дужки, ее особенности – миниатюрность и упрощенная система декора (рис. 1, 2). К гораздо более редкому типу относится фибула с прорезью

на дужке и рельефным декором (рис. 1, 3). Один из колокольчиков, с вертикальным рифлением по слегка раздутому тулову, может быть отнесен к колокольчикам «казбекского типа» (Скаков, 2017) (рис. 1, 4). Второй колокольчик, с несколько округлой верхней частью корпуса и крупной выступающей за его пределы овальной петлей, украшен над прорезью рельефным декором в виде двойной спирали (рис. 1, 6), третий колокольчик имеет конусовидный корпус и крупную петлю округлой формы, у него, в отличие от двух описанных выше, сохранился железный язычок (рис. 1, 5).

Необычно наверху булавки в виде «павлиньего пера» (рис. 1, 1), которое выглядит как более усложненный вариант характерных для бзыбской позднеколхидской культуры булавок с ажурным навершием, типологически предшествуя им. У известных нам булавок из абхазских памятников, даже наиболее близких к нашему экземпляру, то есть имеющих дуговидную перекладину сверху, лучей всего три, оформление и декор гораздо более скромные.

Уникальны для региона две бляшки с изображениями звериных личин (рис. 1, 9, 10). Отдаленные аналоги бляшкам с изображением вытянутой морды животного можно усмотреть в Хошеутове и Новопривольном (Саратовское Поволжье). Отметим также две бляшки с плоскими грибовидными шляпками, украшенные линейным кольцевым орнаментом и косыми насечками (рис. 1, 8). Найдены бронзовые целый браслет и $1/2$ браслета с листовидными расплюснутыми концами со следами орнаментации, наконечник копья, янтарная бусина. Типологические близкие браслеты хорошо известны, их можно датировать в рамках VI в. до н.э. Относительно ранние позднеколхидские комплексы Бзыбской Абхазии зачастую включают бронзовые наконечники копий и можно уверенно говорить о возможности совместной встречаемости бронзовых и железных наконечников копий в комплексах VII–VI вв. до н.э. Аналогичные янтарные бусы известны в ряде погребений Красномаякского могильника, причем именно в тех, которые могут считаться относительно ранними среди позднеколхидских комплексов Абхазии.

Многочисленные фрагменты листовой бронзы (в т.ч. с заклепками), две псевдовитые ручки и удлинненный стержень (вероятно, дужка для подвешивания), видимо, относились к «ситуле-ведерку». Фрагменты с упрощенным изображением бегущей спирали (в два ряда, по кругу, обрамленные и разделенные пуансоном) (рис. 1, 11) и гравированными зооморфными изображениями (по стилю отличающимися от характерных кобано-колхидских) (рис. 1, 12) относились, вероятно, к крышке «ситулы-ведерка». Сосуд с крышкой, украшенной близким декором, известен в погребении 11 в Вани (середина V в. до н.э.). Фрагменты листовой бронзы (в т.ч. с гофрированием, что нехарактерно для «ситул-ведерок»), обнаруженные в районе покрытого окислами бронзы черепа, относились, предположительно, к обивке щита. В погребении (1940 г.) из Ахул-абаа близ Сухума щит также находился, судя по имеющемуся плану, над головой погребенного, перекрывая ее и уложенный рядом инвентарь. В наш комплекс входил также несохранившийся бронзовый уздечный набор.

Найдены также две подвески из кабаньих клыков (рис. 1, 13), костяная накладка с валиками и прорезными линиями, бронзовые цепочка, обоймочка, фрагмент гривны, колечко, стержень, свинцовая каплевидная подвеска (рис. 1, 7),

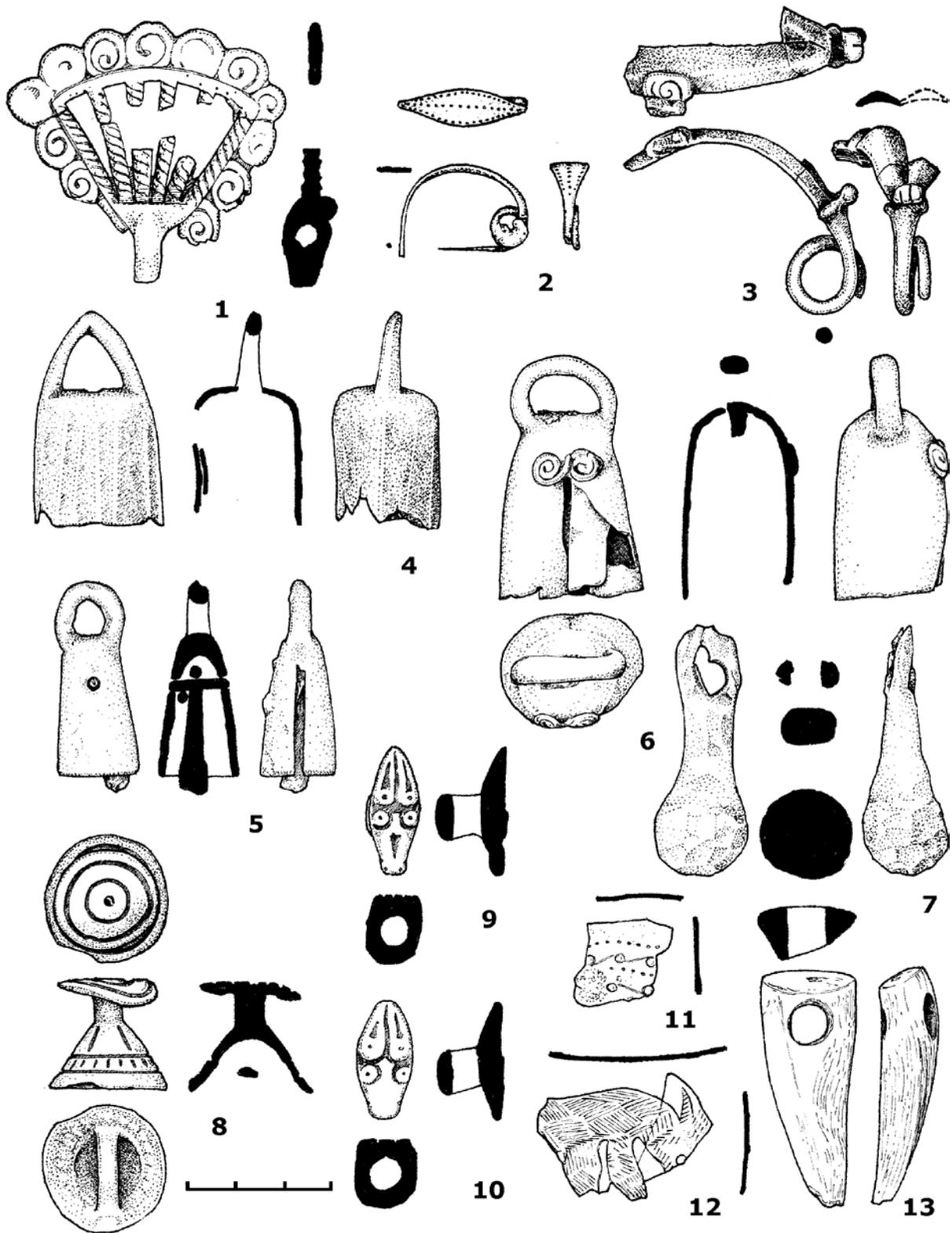

Рис. 1. Часть инвентаря погребения (2013 г.) из с. Абгархук (Абхазия)

колечко из олова, две сердоликовые бусины, оселок с отверстием, железные копья и их фрагменты, обломки ножей, шило, 2–3 плохо сохранившихся наконечника стрел. Являться хронологическими реперами и культурными маркерами эти предметы не могут. Отметим лишь, что подвески из кабаньих клыков не характерны для древностей Колхиды и также могут указывать на северо-восточное направление связей (Нижнее Поволжье и т. д.). Там же находит аналогии пронизь в виде овального кольца с рельефным ребром по центру. Связи Северо-Западной Колхиды с регионом Нижнего Поволжья ранее не прослеживались.

Несмотря на ущербность публикуемого комплекса, мы имеем новое элитное воинское погребение эпохи раннего железа из Бзыбской Абхазии. Такие комплексы наиболее часто встречаются в двух регионах, связываемых нами с бзыбской позднеколхидской культурой, – в районе современного Сухума и в ближайших окрестностях современной Гудауты. Вероятно, именно здесь находились местные племенные центры.

Значительная часть найденных изделий имеет широкую датировку в рамках VI–IV вв. до н. э., но ее можно сузить до второй половины VI – первой половины V вв. до н. э. Именно на VI в. до н. э. указывают бронзовый наконечник копья, браслеты, янтарная бусина многогранной формы, шарообразные сердоликовые бусины. Навершие булавок является прототипом известных в местной культуре булавок с ажурным навершием, типологически находясь в самом начале этой серии. Бляшки с грибовидными шляпками восходят к прототипам, характерным для памятников VIII – первой половины VII вв. до н. э.

А. А. Сланов

Институт истории и археологии РСО-Алания, г. Владикавказ

КРЕПОСТЬ «ЗЫЛДЫ МÆСЫГ (КРУГЛАЯ БАШНЯ)»

Практически все историко-архитектурные памятники Южной и Северной Осетии относятся к эпохе Средневековья. Вместе с тем здесь имеется единственное укрепление, имеющее аналоги в древностях Закавказья эпохи бронзы (начало I тыс. до н. э.) (Мещанинов, 1932). В глубине общества называемого Урс-Туалта (Белые Туалы), на южном склоне Большого Кавказского хребта, у подножия Кадласанского перевала, на скальном плато располагается укрепление, называемое «Зылды мæсыг» («Круговая башня», «Башня округа») или «Зылд» («Круг») (рис. 1). Оно находится в неприступном месте, расположенном вдали от водных источников, куда добраться можно только пешком.

Форма крепости настолько примитивна, что возникает мысль о древности данного укрепления, представляющего собой стену, выложенную в форме круга на вершине холма, возвышающегося на скальном плато Хуыртæ над с. Ходз, с западной стороны примыкающего к обрыву. Стена сложена из огромных необработанных камней методом сухой кладки и достигает местами 5 м, по гребню проходит парапет. Сооружение имеет единственный небольшой вход в северной части.

Крепости посвящено немало публикаций: В. А. Газзаев (Газзаев, 1927), Е. Г. Пчелина (Пчелина, 1934), Б. А. Куфтин (Куфтин, 1949), Б. В. Техов (Техов, 1967), Р. Г. Дзаттиаты (Дзаттиаты, 2002). Ее принято называть «циклопической» из-за массивных камней, из которых сооружено укрепление. Подобные крепости относят к урартской эпохе и наиболее широко они представлены на территории современных Армении и Азербайджана. Исследователи отмечают их главные черты: «Кладка состоит из двух рядов неотесанных камней, величиной в среднем 1 м на 60 см. Камни неровной величины и неровной формы, но они подогнаны один к другому, причем в этих целях производились частичные отколы без тески и тем более без полировки поверхности. Два ряда таких камней не соприкасаются друг с другом, оставляя свободное пространство между получившимися параллельными рядами. Это свободное пространство заполнено более мелким камнем при полном отсутствии какого-либо связующего вещества. При такой манере кладки густо наброшенный камень сдерживается упомянутыми выше двумя рядами камней большей величины» (Мещанинов, 1932. С. 12). Таким образом, сухая кладка считается отличительной особенностью строительной техники данного периода, поскольку позднее каменная забутовка цементируется, получая собственную устойчивость, а наружный ряд камней превращается в облицовку. Что касается формы циклопических крепостей, то это, как правило, стена округлой формы без башен, имеющая единственный вход прямоугольной формы. Все известные укрепления располагаются в горных каменистых местностях.

Западная часть крепости Зылд осыпалась в обрыв, но вряд ли первоначально она представляла замкнутый круг. При диаметре крепости около 30 м и длине стены в 200 м для ее обороны требовалось не менее 100 чел. (из расчета 1 боец на 2 м). Эта цифра превосходит военный потенциал любого близлежащего села и даже ущелья, т. е. укрепление имеет по меньшей мере масштаб всего общества. Поскольку

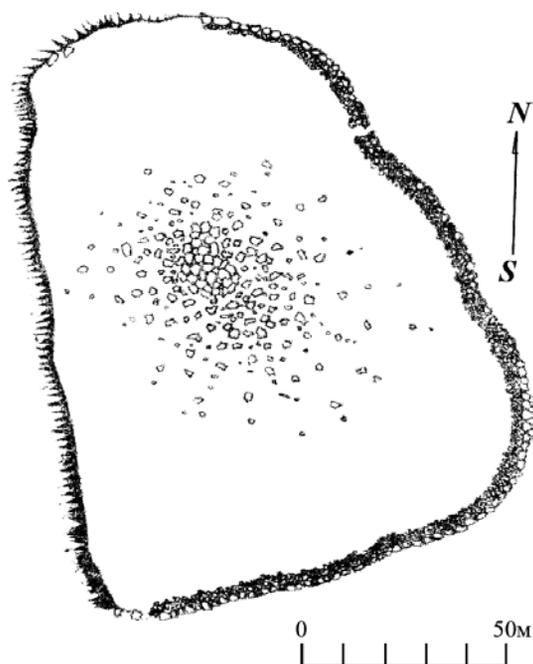

Рис. 1. План крепости Зылд (по Б.А. Куфтину)

главное значение в расположении Зылды мәсыг играет ее труднодоступность, можно предположить, что это уникальный пример крепости-убежища, используемой лишь в экстренных случаях, во время крупномасштабных вражеских нашествий. В пользу данной теории может служить и тот факт, что крепость-убежище расположена в центре общества, вблизи Едыса – самого крупного населенного пункта. Подтверждение этому можно найти в исторических источниках.

В «Хронике ксанских эриставов» (XV в.) описывается поход грузинских эриставов на Урс-Туалта (Магран Двалетию) в конце XIV в. Судя по тексту, ксанский эристав Виршел прошел по «дороге Ачабетской» вдоль ущелья р. Б. Лиавы до Рука, а навстречу ему арагвский эристав Сурамели прошел через Тырсыгом и Урс-Туалта, не добившись успеха: «Тогда собрались вместе мтиулы арагвские от Зедазени до Дариали. И предводительствовал ими эристав их Сурамели. Эти все перед тем сражались у скалы Ходжской два дня и потеряли они пять человек именитых и был убит воспитатель их эристава. Но не могли нанести вреда двалам того селения» (ПЭ, 1979. С. 38). С учетом приведенного описания в историческом источнике Магран Двалетии, не вызывает сомнения идентификация Ходжской скалы с окрестностями селения Ходз, где и расположена крепость Зылд. Вероятно, именно она и упоминается в ходе этого похода: «И на второй день пришли (войска Виршела – С. А.) в Кара и сожгли крепость и пять селений, и хизаны этих селений укрылись в овраге горном, в месте высоком, в расселине скал, не доступном ни с какой (стороны). Проникло войско в укрепленное место (непрístupности которого), если описать, нельзя поверить» (ПЭ, 1979. С. 37).

В научной литературе нет единого мнения по поводу времени создания крепости, ввиду того что проведение на ней археологических исследований не представляется возможным. Мы склонны датировать эпохой поздней бронзы, но допускаем ее функционирование и в период Средневековья.

Литература

- Газзаев В. А.*, 1927. «Зылды маъсыг». Цыклопты амад // *Фидиуаг*. № 6. Цхинвал. (на осет. яз.).
- Дзаттиаты Р. Г.*, 2002. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ.
- Куфтин Б. А.*, 1949. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси.
- Мещанинов И. Н.*, 1932. Циклопические сооружения Закавказья / ИГАИМК. Т. XIII. Вып. 4–7. ПЭ, 1979. Тбилиси.
- Пчелина Е. Г.*, 1934. Крепость «Зильде Машиг» // СЭ. № 3. Л.
- Техов Б. В.*, 1967. К вопросу изучения средневекового городища «Царциаты калак» в с. Едис Джавского района // План работы и тезисы докладов научной сессии ЮОНИИ. Цхинвал.

Н. Ю. Смирнов
ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург

**«СЛЕДУЯ ПО КОЛЕЕ ИХ КОЛЕСНИЦ...»:
СЮЖЕТ КОЛЕСНИЧНОЙ ОХОТЫ НА ОЛЕНЯ
НА ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ**

Доклад посвящен сопоставлению двух предметов, украшенных изображениями сцены колесничной охоты на оленя, и анализу традиции, стоящей за широким распространением подобных сюжетов на территории Евразии.

Один из рассматриваемых предметов происходит из Закавказья, с территории Армении. Это бронзовый пояс с гравированными изображениями из погребения № 14 могильника Астхиблур (*Погребова, Раевский, 1997. Табл. XIV, IV-11*), конца II – начала I тыс. до н.э. Второй – из провинции Ляонин в Китае. Это костяная или роговая «накладка на лук», украшенная гравировкой, из могилы № 102 в Наньшаньгэнь (*Комиссаров, 1988. Рис. 74. С. 90*). Погребение относится к культуре верхнего слоя Сяцзядань, конца эпохи бронзы.

При очевидных, но незначительных разночтениях в трактовке сюжета, сцена, изображенная на этих предметах, несомненно, одна и та же. Подобное совпадение сюжетных сцен в орнаментации предметов, происходящих с разных концов горно-степной евразийской ойкумены, не является случайным, а свидетельствует об определенных закономерностях в развитии идеологических представлений в культурной среде обществ конца эпохи бронзы – начала раннего железного века на огромном пространстве между Армянским нагорьем и Великой Китайской равниной.

В период позднего бронзового века на обширной территории Евразии распространяются структурно, а часто и морфологически, схожие сцены, зафиксированные разнообразно проявленной изобразительной традицией (торевтика, петроглифика, резьба по камню и кости), за которыми достаточно легко опознается один и тот же сюжет: колесничная охота на оленя.

Все подобные сцены имеют подчеркнуто ритуальный характер, что становится особенно понятным при анализе их повторяющейся структуры и учете контекста: декорированные элементы парадно-погребального костюма или детали вещей, входивших в состав «сопроводительного инвентаря» умершего, комплексы наскальных изображений («святилища»), надгробные или поминальные стелы.

«Охотник на оленя» – мужская ипостась, что нередко акцентируется обнаженностью персонажа, позволяющей показать его половую принадлежность. В тех случаях, где достоверно определяется оружие «охотника на оленя», преобладает лук, т.е. выстрел из лука – наиболее часто фиксирующееся действие. Особенно это характерно для восточных регионов евразийской горностепной полосы. На западе Евразии «охотник на оленя» может быть вооружен копьем и иметь защитное вооружение: щит и шлем. В целом, даже без проведения частотного анализа, можно отметить, что изображаемое вооружение персонажа напрямую зависит от характерного для конкретной культурной среды реального оружейного комплекса. Иногда при материализации в определенном регионе или типе

памятника (или в разновидности предмета) сюжет колесничной охоты на оленя может цитироваться в сокращенном виде, по принципу *pars pro toto* – исчезает оружие, или даже сама колесница. Но и в таком купированном виде он вполне уверенно опознается.

Несомненно, что за широким распространением в изобразительной традиции, связанной с ритуальной сферой жизни древних обществ Евразии, сюжета колесничной охоты на оленя, стоит феномен «колесничного койнэ». А за ним, в свою очередь, угадывается и феномен индоевропейской общности, о который сломано немало копий в процессе научных баталий последних полутора веков.

Литература

- Комиссаров С. А.*, 1988. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы // История и культура Востока Азии. Новосибирск.
- Погрелова М. Н., Раевский Д. С.*, 1997. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. М.

Н. И. Сударев

Институт археологии РАН, г. Москва

С. Л. Соловьев

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

О. В. Шаров

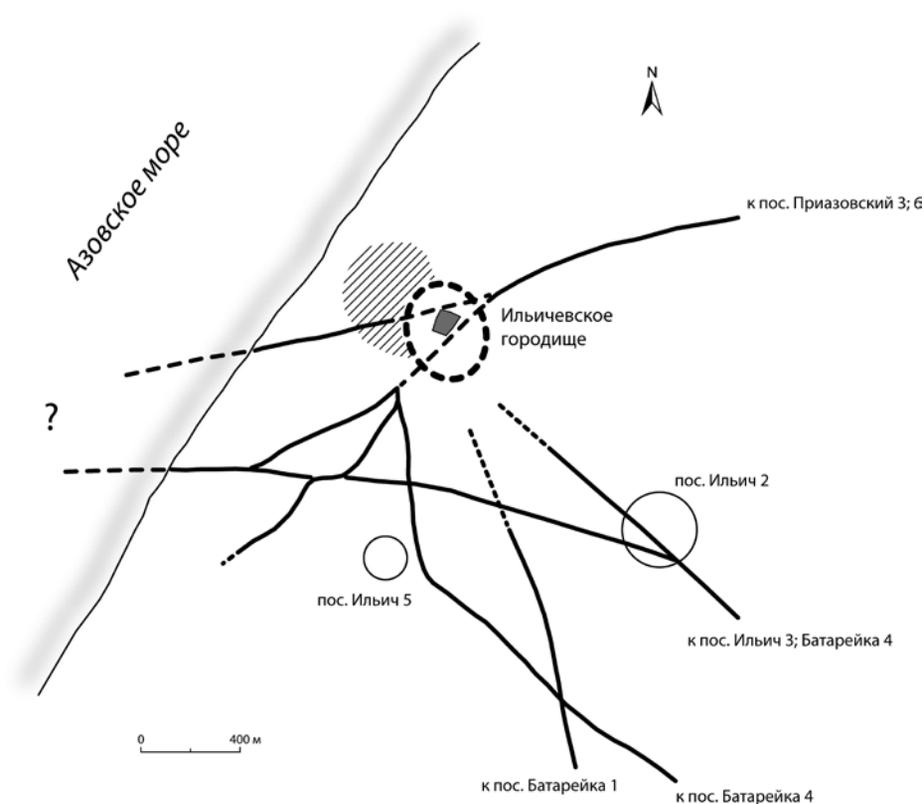
Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

До недавнего времени считалось, что Таманский полуостров накануне и в период греческой колонизации представлял собой пустынную территорию (*Паромов, Гей, 2005. С. 332*). Например, вывод А. А. Завойкина совершенно однозначен: «А на Таманском п-ове... никаких следов обитания непосредственных предшественников или современников колонизации обнаружить не удастся». Нами уже высказывалась ошибочность подобного суждения (*Иванов, Сударев, 2013. С. 176–186*), однако наше мнение продолжает оспариваться рядом исследователей (*Завойкин, 2013. С. 166, сноска 11*).

За последние 10 лет было выявлено не менее 40 новых поселений и некрополей эпохи поздней бронзы-раннего железного века, часть из них раскопана (*Кияшко, 2017. С. 17–26, Соловьев, 2017. С. 185–191, Шаров, 2016. С. 127–129*). Также велись масштабные работы в Крыму и в соседних с Таманью регионах. Мы можем говорить не просто о наличии местного населения на Тамани в догреческий период и во время колонизации, но и о различиях между локальными группами населения.

Поселение Ильич 1 располагается у северо-восточной окраины пос. Ильич и представляет собой комплекс разновременных поселений и некрополей. Все они расположены на пересечении трех важнейших дорог Таманского полуострова, идущих с востока в сторону Северной переправы (*Паромов, 1998. С. 217–220. Рис. 2; Гарбузов, Сударев, 2015. С. 135–141. Рис. 2–5*). Данные дороги сформировались еще в эпоху ранней и средней бронзы и продолжали функционировать вплоть до нового времени. Они являлись основными путями сообщения и связывали Северную переправу с внутренними территориями Прикубанья. Предполагаемая точка пересечения этих дорог (и связанный с этим перекрестком пункт) была уничтожена береговой абразией и располагалась приблизительно в 500 м к западу от линии современных обрывов (см. об этом подробнее: *Гарбузов, Сударев, 2015. С. 138–141. Рис. 5*). Судя по высокому рангу дорог, которые к нему вели, поселение должно было быть весьма значительным. Его логично соотнести с городом Киммеридой (Киммериком) древних авторов. Проблемы локализации и периодизации Киммериды всесторонне рассмотрены А. А. Завойкиным в специальных работах (*Завойкин, 1999*). По его мнению, на этом месте в VI–V вв. до н. э. располагался автономный полис Киммерик, входивший в Афинский морской союз и упомянутый в податном списке Афинской Архе за 425/4 гг. до н. э. (*Завойкин, 1999. С. 114–120*). Следует отметить, что большинство наиболее ранних и крупных греческих поселений Таманского полуострова основаны на пересечениях более древних дорог,

Рис. 1. Условная схема древних дорог в районе Ильичевского городища по данным аэрофотосъемки (учтены снимки 1943, 1958 и 1970 гг.). (по: *Гарбузов, Судаев*. 2015)

существовавших с догреческого времени, и, так или иначе, коррелируют с догреческими поселениями и курганами в их округе (подробнее об этом см.: *Иванов, Судаев*, 2012. С. 192–193). Таким образом, открытие в западной части Ильичевского поселения комплексов и слоев догреческого периода является вполне прогнозируемым. Неожиданным оказалось качество выявленных остатков, которое соответствует высокому уровню культуры оставившего их населения.

На данном участке было открыто 8 каменных колодцев и 20 объектов эпохи финальной бронзы – раннего железного века, в т. ч. каменные колодцы, большое каменное сооружение – система водосборников, фильтровочных колодцев и большое «водохранилище» и т. д. Возникновение данных комплексов относится к сабакинской культуре, часть материала относится к белозерской культуре, наличие протомеотских материалов позволяет расширить датировку до VIII–VII вв. до н. э.

Видимо, это довольно сложная система сбора воды, предполагающая сбор и сохранение грунтовых вод водоносного слоя, на уровне которого расположены данные сооружения. Наличие разноуровневых сооружений предполагает систему фильтрации и сохранения дождевой воды. Кроме того, данная система имеет сходство с водосборными системами, основанными на сборе конденсата. Такие системы известны на территории Крыма, однако датируются значительно более поздним временем. Однако стоит отметить мощный слой органики и угля на дне помещения 1 и находки лепной керамики и костей лошадей на уровне водоносного слоя в помещении 3, что предполагает какое-то иное использование данного комплекса на позднейшем этапе. Данные комплексы интересны прежде

всего тем, что они показывают нам, что население, предшествовавшее грекам, было оседлым, обладало знаниями по гидрологии и навыками каменного строительства. Данный факт довольно уверенно коррелирует с материалами раскопок последних лет на Таманском полуострове, а также в Крыму.

Поселение эпохи бронзы – раннего железного века занимает значительную площадь. В восточной части поселения открыто большое количество объектов, датируемых также периодом раннего железного века – позднеархаическим периодом. Среди лепной керамики преобладают формы, характерные для белозерского, протомеотского и раннемеотского керамического комплексов (Соловьев, 2017. С. 185–191). Но наиболее важным результатом данных исследований является то, что ряд комплексов наряду с лепной керамикой местного населения содержал и архаическую античную керамику, которая датируется от третьей четверти VI в. до н. э.

Можно сделать некоторые предварительные выводы:

1. В эпоху поздней бронзы с территории Северо-Западного Причерноморья и Прикарпатья через территорию Крыма продвигаются племена сабагиновской культуры. Исходя из имеющихся данных, они колонизовали Таманский полуостров и, вероятно, часть Анапского региона. Позднее ее сменяет белозерская культура.

2. В VIII–VII вв. до н. э. на данную территорию с востока продвигаются носители протомеотской культуры Прикубанья. Однако говорить о смене населения на данной территории представляется преждевременным.

3. Данное население доживает до периода греческой колонизации и не позже третьей четверти VI в. до н. э. вступает с греками в контакт.

Исследования данного поселения позволяют не только пролить свет на существование и культуру догреческого населения Таманского полуострова, но и впервые достоверно зафиксировать контакты этого населения с греческими колонистами.

Литература

- Гарбузов Г. П., Сударев Н. И., 2015. Немецкие аэрофотоснимки времен ВОВ как источник данных по археологии Азиатского Боспора // Древности Боспора. Т. 19. М.
- Завойкин А. А., 1999. Периодизация истории Киммериды // Древности Боспора. Т. 2. М.
- Завойкин А. А., 2013. Боспорские греки и «Азиатские варвары» в период архаики – раннего эллинизма // Scripta antiqua. № 3.
- Иванов А. В., Сударев Н. И., 2013. Об автохтонном населении Тамани накануне колонизации // Древности Боспора. Т. 17. М.
- Кияшко А. В., 2017. Исследование поселения эпохи поздней бронзы на Таманском полуострове // Journal of Cultural Relics. Busan. Vol. 31.
- Паромов Я. М., 1998. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. Т. 1. М.
- Паромов Я. М., Гей А. Н., 2005. Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове // Древности Боспора. Т. 8. М.
- Соловьев С. Л., 2017. Охранная археология в зоне мостового перехода через Керченский пролив (из опыта работы Античной новостроечной экспедиции ИИМК РАН) // Бюллетень ИИМК РАН: (охранная археология). № 6. СПб.
- Шаров О. В., 2016. Новые комплексы протомеотской эпохи на Тамани // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. Грозный.

Н. Н. Терехова, В. И. Завьялов
Институт археологии РАН, г. Москва

КАВКАЗСКИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ЖЕЛЕЗНОГО ИНВЕНТАРЯ ИЗ ПАМЯТНИКОВ СТЕПНОЙ СКИФИИ¹

В истории развития железообрабатывающего производства Северной Евразии особое место занимает скифский период. Скифскую эпоху характеризует сосуществование двух взаимосвязанных групп населения с различным хозяйственным укладом: степные кочевники (собственно скифы) и оседлые обитатели лесостепи (с признаками скифской материальной культуры).

В архаичный период скифской культуры (VII–VI вв. до н. э.), связанный с постоянной подвижностью населения степей, необходимые продукты ремесленного труда скифы получали у лесостепных племен, главным образом за счет военных набегов. Процесс перехода части степного населения к оседлому и полуоседлому образу жизни приходится на конец V – первую половину IV в. до н. э. В это время в степи появляются крупные производственные центры, в которых происходит становление различных видов ремесел. Особую значимость приобретают металлургическое и железообрабатывающее производства.

В этом плане особый интерес представляет Каменское городище (рубеж V–IV–III в. до н. э.), где, по данным Бориса Николаевича Гракова, обнаружены непосредственные признаки железообрабатывающего производства (многочисленные находки железной руды, железных шлаков, кусков кричного железа, фрагментов глиняных горнов с отверстиями для сопел, кузнечного инструментария (зубил, пробойников), полуфабрикатов и заготовок). Б. Н. Граков пришел к выводу, что «Каменское городище явно было постоянным поселением оседлых мастеров-металлургов в этой стране скифов-кочевников» (1954. С. 123).

Получить технологические характеристики кузнечной продукции, представление об общем уровне развития этой отрасли производства и даже установить источник технологических знаний можно обратившись к результатам металлографических анализов. Первый опыт металлографического исследования кузнечных артефактов из памятников степной Скифии был осуществлен группой Бориса Андреевича Шрамко. На основании полученных результатов исследователи пришли к выводу о том, что на Каменском городище изготавливались только технологически простые изделия из железа и стали (*Шрамко и др.*, 1986. С. 168).

Позднее к материалам Каменского городища из раскопок Н. А. Гаврилюк обратилась Д. П. Недопако (2005). Полученные им данные отличаются от результатов, представленных группой Б. А. Шрамко, и, в частности, позволяют говорить об использовании при изготовлении кузнечных изделий с Каменского городища таких приемов, как цементация и термическая обработка.

Учитывая разногласия в полученных аналитических данных и исключительную важность материалов крупного ремесленного центра скифского мира, мы решили вновь обратиться к материалам Каменского городища.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-06-00051.

Отобранная для металлографического исследования коллекция (39 предметов) происходит из раскопа IX, культурный слой которого датируется Б. Н. Граковым серединой IV–III в. до н. э. (1954. С. 229). В результате проведенных аналитических исследований удалось установить, что значительная часть кузнечных изделий была изготовлена с применением высокотехнологичных для раннего железного века приемов, таких, как получение качественной цементованной стали, разнообразных видов термической обработки (мягкая закалка, закалка с отпуском, нормализация). Владение такими приемами предполагает длительный опыт работы с черным металлом; естественно возникает вопрос об источнике подобных знаний.

Имеющиеся на сегодняшний день данные археометаллографических исследований свидетельствуют о том, что все перечисленные приемы были уже известны на рубеже II–I тыс. до н. э. в материалах из Закавказья (могильники Самтавро, Бешташени, клад у селения Удэ) (*Тавадзе и др.*, 1977). В VIII в. до н. э. приемы цементации и термообработки распространены на Центральном Кавказе (Тлийский могильник) (*Вознесенская*, 1975), а в VII–VI вв. до н. э. – на Северном Кавказе (Сержень-Юрт, Ульские курганы) (*Терехова*, 2002; 2015). На территории Скифии подобные технологии впервые обнаружены в памятниках лесостепной зоны, в частности, в слоях VI в. до н. э. на Бельском городище (*Шрамко И. Б.*, 1994). По мнению И. Б. Шрамко, производственные центры Лесостепной Скифии формировались в условиях тесных связей с Кавказом. Объясняется это не только торговым обменом, но и продвижением части населения из областей Северного Кавказа и Прикубанья на север в лесостепь (*Шрамко И. Б.*, 1994. С. 43). Можно полагать, что среди этого населения были и носители кавказских производственных традиций, инкорпорированных в местную среду.

Пока невозможно однозначно ответить на вопрос были ли кузнецы Каменского городища выходцами из лесостепных центров или непосредственно с Кавказа. Но источником распространения в Скифии таких инновационных технологических приемов являются именно кавказские центры железообработки.

Достаточно определенно можно говорить о том, что исследованные нами артефакты из Степной Скифии являются **продукцией мастеров, работавших в кавказских производственных традициях.**

Литература

- Вознесенская Г. А.*, 1975. Технология производства железных предметов Тлийского могильника // Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука.
- Граков Б. Н.*, 1954. Каменское городище на Днепре // МИА. № 36. М.: Академия наук СССР.
- Недопако Д. П.*, 2005. Технологічні дослідження залізних виробів зі скіфського Кам'янського городища // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Зпоріжжя: Дике Поле.
- Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Н., Абесадзе Ц. Н. и др.*, 1977. К истории железного производства в древней Грузии // Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Тбилиси. Вып. 2. (На груз. яз. Рез. рус).
- Терехова Н. Н.*, 2002. Технологические традиции в обработке черного металла из могильника Сержень-Юрт // В. И. Козенкова. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. М.

- Терехова Н. Н.*, 2015. Железные изделия из Ульских курганов в контексте кузнечного ремесла скифской эпохи // А. И. Иванчик, А. М. Лесков. Ульские курганы. Культурно-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. М.-Берлин-Бордо.
- Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.*, 1986. К вопросу о железообрабатывающем ремесле в степной Скифии // СА. № 2.
- Шрамко И. Б.*, 1994. Развитие кузнечного ремесла у племени бассейнов Ворсклы и Псла в скифскую эпоху // Древности-1994. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков.

Г. В. Требелева

Институт археологии РАН, г. Москва

С. М. Сакания

Абхазский институт гуманитарных исследований, г. Сухум

Г. Ю. Юрков

Институт металлургии и материаловедения РАН, г. Москва

З. Г. Хондзия

Абхазский институт гуманитарных исследований, г. Сухум

Т. Ю. Шведчикова

Институт археологии РАН, г. Москва

**МАРКУЛЬСКОЕ ГОРОДИЩЕ:
ОТ АНТИЧНОСТИ ДО ГЕНУЭЗСКОГО ВРЕМЕНИ.
(РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 2013–2017 гг.)**

Маркульское городище было открыто в 2013 г., тогда же были проведены и первые исследования (*Требелева и др.*, 2015. С. 292–301).

В 2014 г. были произведены раскопки на территории находящегося на городище храма, а также заложены 7 шурфов на территории комплекса на плато. В ходе раскопок было вскрыто внутреннее пространство храма общей площадью 17 кв. м и заложены траншеи (шириной 0,5 м.) с внешней стороны, с целью определения уровня заглубления фундамента (площадь траншей – 3 кв. м). Кроме этого было заложено 4 разведывательных шурфа.

Раскопки внутри церкви были проведены до уровня пола, представляющего собой известковую цемянку. С запада и с юга с наружной стороны к стенам была сделана прирезка двух квадратов (1А и 1Б), шириной 0,5 м. Целью прирезки было расчистить вход и выяснить уровень залегания фундамента. Вход в храм находился с западной стороны, прямо напротив алтаря. Фундамент заглублен ниже уровня пола на 0,31 м. Кладка лежит на галечно-глиняном скальном грунте.

В 2015 г. продолжались раскопки на территории вокруг храма: была вскрыта территория между храмом и стеной ограды с юга (квадраты 1/15–4/15), общей площадью 19,7 кв. м. Квадраты 1–3 расположены на прихрамовой территории с южной стороны: между самим храмом и стеной храмовой ограды. Квадрат 4 был разбит для выяснения геометрии каменной вымостки из квадрата 1, став, по сути, его продолжением на 1,5 м к северу. В ходе раскопок был вскрыт культурный слой общей глубиной на 0,5 м ± 0,1 см, разбитый на 5 штыков. В квадрате 3 было найдено сохранившееся безынвентарное погребение, множество разрушенных погребений было обнаружено во всех квадратах. Все антропологические находки для системного изучения и анализа переданы в лабораторию группы физической антропологии ИА РАН.

В 2016 г. была вскрыта территория между квадратом 1А у западной стены храма и храмовой оградой. Вскрыты квадраты до материка, в котором были пробиты могильные ямы, обнаружено коллективное захоронение, которое исследовалось в 2017 г. Всего в нем было обнаружено 13 индивидов. Мощность культурного слоя составила от 0,6 до 1 м.

В 2017 г. кроме доследования квадрата с запада от храма была также вскрыта территория к северу от храма. Квадрат вскрывал территорию до стены ограды и снаружи ее. Внутри стены ограды захоронений не было, зато снаружи стены было обнаружено коллективное захоронение. Останки лежали беспорядочно. Такое ощущение, что они были сброшены друг на друга. Всего было захоронено 9 индивидуумов.

Среди находок, найденных в ходе раскопок: многочисленные фрагменты строительной керамики (керамиды, солены, кирпичи (плинфы)), фрагменты пифосов, столовых сосудов. Есть орнаментированные фрагменты, профильные части. При зачистке престола был найден железный наконечник, лавровидной формы, черенковый, с резко выраженным ребром. Подобного типа наконечники встречаются в погребениях на территории Абхазии, датируемых IV–V вв. (*Трапиш*, 1971. Табл. XI, XXXI, XXXIV).

Керамический материал изготовлен в основном из двух типов глин. Первый – это красная глина, плотная, хорошо вымученная с небольшим количеством примесей. Второй тип – это красная глина, более темная, ближе к коричневой или бурой, рыхлая, с большим количеством примесей (песок, шамот, известковые крупинки, почвенные железистые образования). Первый тип глины характерен в основном для памятников эпохи раннего средневековья, второй – для эпохи развитого (*Трапиш*, 1975. С. 131–132).

Статистическая обработка керамики показала, что по итогам раскопок за три года доля первого типа в общем объеме керамики составила 79%, а доля второго типа – 21%. Максимальный процент второго типа (23%) был получен в ходе раскопок 2014 г. на самом храме. В основном за счет остатков строительной керамики (черепица). Минимальный процент (16%) – в результате раскопок 2016 г., и это за счет того, что в разведывательных шурфах, заложенных на склоне городища, керамика второго типа отсутствовала. Если исключить из расчетов керамику, полученную из шурфов, то процент второго типа вырастет до 20. Кроме этих двух типов встречалась также серая глина и немного лепной керамики, но на фоне красноглиняной керамики ее процент не велик – 2%. Также 6% от общего числа керамики составила бурая глина плотного замеса. Кроме керамики местного происхождения была обнаружена и импортная керамика (1%) из белой и розовой глины.

Кроме исследований на вершине плато также проведены разведки на склонах. Здесь было заложено 5 шурфов. В трех из них материал был стандартный: перемешанный слой со средневековой керамикой, аналогичной керамике с верха плато, т. е. с территории городища. Но два шурфа дали весьма интересный материал: это шурф № 2 и шурф № 5.

Шурф № 2 интересен тем, что мы на глубине 30 см попали на погребение. Это оказалось захоронение женщины, как позже определили антропологи, примерно 30–39 лет. По бусинам и характеру погребения оно датируется IV–VI вв. Более необычный материал дал шурф № 5. Заложено он был ближе к стене. Размер шурфа 1×1 м, ориентирован бортами по сторонам света. Выбран на глубину примерно 30–40 см. Находки достаточно многочисленные. Особый интерес среди находок представляют стенка чернолакового сосуда и ручка амфоры типа Колхида IB₂, также датируемая II в. до н. э. (*Внуков*, 2012. С. 5–15). Интересен и фрагмент

антефикса из плотной розово-белой глины, который тоже характерен для античной традиции. Античные находки на территории данного городища встречены нами впервые.

В 2017 г. рядом с этим шурфом был заложен еще один небольшой раскоп (2×3 м). Территория эта является частной собственностью и занята под посадки ореха, поэтому и размеры раскопа и ориентация были выбраны так, чтобы нанести минимальный ущерб хозяину. В ходе раскопа были найдены еще 7 фрагментов чернолаковой керамики (небольшой фрагмент ручки, два фрагмента доньшка и стенки), множество амфорных ручек. Анализ керамического материала, полученного в 2017 г., еще предстоит сделать. Интересна ручка с налетом с изображением рогов барана.

Таким образом, по результатам анализа керамического материала, полученного в ходе исследований на городище в 2014–2016 гг., можно сделать предварительный вывод о том, что храм существовал с IV по XIV вв., но само городище, с большой долей вероятности, существовало еще до возведения храма, не исключено, что с античных времен.

Также были проведены антропологические исследования, целью которых стали: оценка сохранности костного материала, половозрастная идентификация, оценка встречаемости патологических признаков, а также изучение степени мобильности группы при помощи изотопного анализа зубной ткани. Антропологическое исследование обнаруженных захоронений показало, что средний возраст смерти – 36,6 лет, а также выявило массивность как характерную особенность местного населения на ранних этапах бытования комплекса.

Исследования городища планируется продолжать.

Литература

- Внуков С. Ю.*, 2012. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА. № 4. С. 5–15.
- Трапи М. М.*, 1971. Культура Цебельдинских некрополей // Труды в 4 т. Т. 3 / Отв. ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси.
- Трапи М. М.*, 1975. Материалы по археологии средневековой Абхазии // Труды в 4 т. Т. 4 / Отв. ред. А. Х. Халиков. Сухуми.
- Требелева Г. В.*, *Сакания С. М.*, *Юрков Г. Ю.*, 2015. Маркульский археологический комплекс // КСИА. Вып. 237. С. 292–301.

К. В. Чугунов
Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

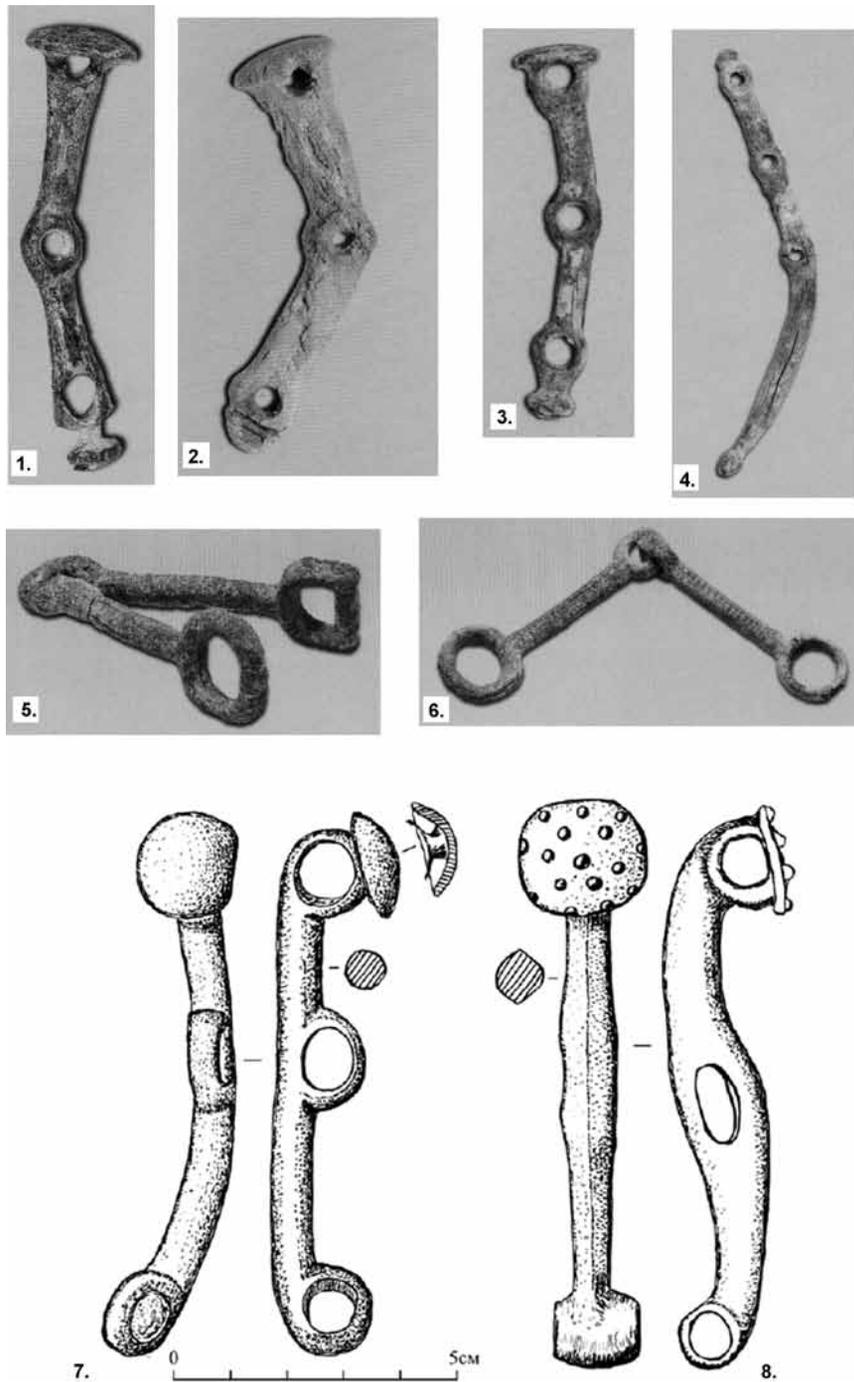
ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ЕВРОПЫ И АЗИИ В ПРЕДСКИФСКОЕ ВРЕМЯ: СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ДАННЫЕ

После раскопок кургана Аржан в Туве М. П. Грязнов (1983) выделил аржано-черногоровскую фазу развития степных культур Евразии. Радиоуглеродное датирование образцов показало календарный интервал от 807 до 772 г. до н. э. (Зайцева и др., 2007). Соответственно, сооружение кургана Аржан относится к рубежу IX–VIII вв. до н. э., что дает первую опорную дату для начала эпохи ранних кочевников в азиатской горно-степной зоне.

Однако еще до радиоуглеродного датирования очевидные параллели черногоровскому пласту древностей Северного Причерноморья в материалах кургана Аржан предоставили возможность прибегнуть к европейским разработкам для определения хронологической позиции начального этапа эпохи ранних кочевников. Это сразу после раскопок было сделано М. П. Грязновым и А. И. Тереножкиным (Тереножкин, 1976. С. 210; Грязнов, 1980; 1983). Действительно, уздечные комплекты, а также роговые украшения узды, очень близки ранним черногоровским (Вальчак и др., 1996. С. 29; Вальчак, 2009). Роговые бабочковидные бляхи, в свою очередь, сопоставлялись с бронзовыми аналогами из горизонта IVB Хасанлу (Иванчик, 2001. С. 214), что подтверждает датировку памятника рубежом IX–VIII вв. до н. э. независимо от радиоуглеродных определений.

В таких же хронологических рамках находятся раннеананьинские комплексы и «клад» погребения могильника Клинь-яр III на Северном Кавказе, где найдены аналогии уникальной для азиатских древностей кольцевидной пряжке с перемычкой из Аржана (Смирнов, 2015. С. 105–108). Появление оленных камней в Европе на черногоровском этапе убедительно показал А. А. Ковалев, одновременно очертив круг находок черногоровского облика в восточной зоне степи (Ковалев, 2000). К ним, в частности, относятся некоторые типы наконечников стрел, на что мне тоже приходилось обращать внимание (Чугунов, 2006; 2017).

Как правило, исследователи, приводящие аналогии на востоке для западных находок предскифского и раннескифского времени, объясняют их миграционным импульсом в Европу из Азии. Исключения редки. Так, некоторые западные аналогии предметному комплексу Аржана происходят равным образом и с Кавказа, и из ананьинских могильников Волго-Камья. Изучение этих соответствий привело Н. Ю. Смирнова к выводу о приоритете европейских регионов в вопросе происхождения прототипов (Смирнов, 2015. С. 108). Действительно, надо признать, что приводимые сопоставления еще не указывают однозначное направление культурного влияния в это время. С вектором миграции, направленным с востока, вероятно, можно уверенно согласиться только для распространения традиции каменных стел. Если же внимательно рассмотреть остальные аналогии, то они не абсолютны. Например – псалии типа Черногоровка отличаются от найденных в Аржане симметричным оформлением окончаний в виде грибовидных шляпок. У аржанских изделий нижний конец оформлен выступом с перехватом

Рис. 1. 1–6: детали уздечных комплектов из могильника Мохучахань – по (Синьязян Моху..., 2016); 7, 8: псаалии из случайных сборов в Минусинской котловине (Минусинский музей им. Н. М. Мартьянова) – по (Шульга, 2013)

в основании, и такая особенность никогда не отмечена среди европейских находок. Встречены же псаалии аржанского типа (помимо тувинского кургана) только в наиболее ранних комплексах бийкенской культуры Горного Алтая. Эти роговые изделия в могильнике Курту II использовались еще без удили, а в элитном комплексе Ак-Алаха-2 найдены с удилами со стремевидными внешними окончаниями.

Бронзовые и роговые трехдырчатые псалии аржанского типа недавно найдены в могильнике Мохучахань недалеко от Урумчи (*Синьцзян Моху...*, 2016; *Чугунов*, 2017) (рис. 1–3). С псалиями находились удила, в основном с кольцами малого диаметра, но встречены и стремевидные (рис. 5,6). В одном случае зафиксирован прямоугольный рельеф на грызлах кольчатых удил. Важно, что, помимо псалиев аржанского типа, в одной из могил вместе с черепом лошади обнаружен изогнутый трехдырчатый псалий (Рис. 4), аналогичный изделию, обнаруженному в черногооровском погребении 5 кургана 7 у с. Красная Деревня (*Лукашов*, 1984. С. 157–161). Для образцов из ряда могил Мохучахань получена серия радиоуглеродных дат, которые не моложе IX в. до н. э. (*Синьцзян Моху...*, 2016. С. 352, 353).

На первый взгляд, материалы могильника Мохучахань позволяют синхронизировать его с Аржаном, что уже было отмечено (*Чугунов*, 2017). Вероятно, этот памятник даже несколько раньше тувинского комплекса, так как псалии, найденные в нем, по гораздо отчетливее выделенным муфтам вокруг отверстий более похожи на тип Сержень-Юрт, который С. Б. Вальчак считает исходным для псалиев типа Черногоровка (*Вальчак*, 2009. С. 89). Однако то, что в могильнике, насчитывающем около 250 комплексов, не обнаружено предметов, выполненных в зверином стиле, сближает культуру населения, оставившего некрополь в Синьцзяне, с предскифским пластом древностей Восточной Европы.

К числу признаков, имеющих, возможно, западное происхождение, можно отнести изредка встречающийся орнамент на грызлах удил из азиатских памятников. Наличие его только на двух удилах в обширной коллекции Аржана говорит само за себя. Соответственно, нельзя исключать западные импульсы в формировании конского снаряжения восточных комплексов.

Типологические различия при общем сходстве псалиев аржанского типа и черногооровских изделий позволяет предположить для них наличие общих прототипов.

В связи с этим необходимо рассмотреть конское снаряжение, известное по случайным находкам в ареале тагарской культуры. Несмотря на то что предметы обнаружены вне комплексов, П. И. Шульга считает возможным предполагать, что именно в Минусинской котловине еще в эпоху поздней бронзы появились первые металлические удила, а многие псалии – типологически более ранние, чем найденные в Аржане, и не имеют соответствий на соседних территориях (*Шульга*, 2013. С. 53). Действительно, псалии с грибовидными шляпками на одном из завершений очень архаичны (рис. 7,8) и не исключено, что их овальные средние отверстия или петли могли служить для пропуска кожаных ремней. Большинство удил из Минусинской котловины относятся к типам с дополнительным отверстием в основании внешних окончаний, что, по мнению П. И. Шульги, указывает на формирование уздечного комплекта здесь под влиянием населения северных провинций Китая (*Шульга*, 2013. С. 60). Но если предположить обратный вектор трансляции традиций, то тогда территория Минусинской котловины может выступать генерирующим центром формирования уздечного комплекта. Однако надо признать, что случайный характер находок пока позволяет лишь сделать осторожное предположение, основанное на типологическом архаизме псалиев, известных на этой территории.

Безусловно, формирование комплекса конского снаряжения в предскифское время явилось следствием сложных разнонаправленных контактов в степях Евразии.

Механизм их пока трудноуловим археологически, однако очевидно, что после освоения верхового коня перемещения населения, транслировавшего все новшества в этой сфере, происходили быстро. Это доказывается синхронностью рассмотренных комплексов. В основном движение было направлено с востока на запад и принесло среди прочего в Предкавказье и Причерноморье традицию установки оленных камней.

В тоже время нельзя исключать, что комплекс снаряжения лошади на рубеже IX–VIII вв. до н. э. в Центральной Азии сформировался не без влияния западных прототипов. Возможно, культурный импульс был связан с раннечерногоровской культурной средой и на территорию Тувы проник опосредованно, через Синьцзян.

Литература

- Вальчак С. Б., Мамонтов В. И., Сазонов А. А., 1996. Ранние памятники черногоровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир – М. С. 23–44.
- Вальчак С. Б., 2009. Конское снаряжение в первой трети 1 тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М. 292 с.
- Грязнов М. П., 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л. 1980.
- Грязнов М. П., 1983. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Вып. 12. Кемерово. С. 3–18.
- Зайцева Г. И., Чугунов К. В., Алексеев А. Ю., Дергачев В. А., Васильев С. С., Семенцов А. А., Кук Г. Т., Скотт Е. М., ван дер Плихт Й., Боковенко Н. А., Кулькова М. А., Бурова Н. Д., Лебедева Л. М., Юнгер Х., Соннинен Э., 2007. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: мат. конф., посв. 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, 9–12 апреля 2007 г. СПб. С. 251–262.
- Иванчик А. И., 2001. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени // Степные народы Евразии. Т. 2. М.
- Ковалев А. А., 2000. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М. С. 138–180.
- Лукашов А. В., 1984. Новый памятник VIII–VII в. до н. э. в Заволжье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 157–161.
- Синьцзян Моху чухань муди, 2016 / Синьцзян вэйу'эр цзычжицю вэньу каогу яньцуйсо бяньчжу (Могильник Мохучахань в Синьцзяне / Сост. Институт археологии и культуры СУАР). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ (на кит. яз.). 400 с.
- Смирнов Н. Ю., 2015. Курган Аржан-1, Волго-Камье и Северный Кавказ: неочевидные связи // Поволжская археология. № 2 (12). С. 104–113.
- Тереножкин А. И., 1976. Киммерийцы. Киев, 1976. 222 с.
- Чугунов К. В., 2006. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда. Том II. Новосибирск. С. 69–71.
- Чугунов К. В., 2017. Проблемы датирования азиатских материалов эпохи ранних кочевников и вопросы их синхронизации с древностями Восточной Европы // Старожитності раннього залізного віку / Археологія і давня історія України. Випуск 2 (23). Київ. С. 484–499.
- Шульга П. И., 2013. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н. М. Мартянова). Новосибирск. 2013. 149 с.

В. Т. Чишев

Институт истории и археологии РСО – Алания, г. Владикавказ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА АДАЙДОНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Адайдонский некрополь расположен в высокогорной части РСО – Алания, в верховьях р. Ардон, в межгорной Зарамагской котловине (Чишев, 2008, 2009, 2012). Преимущественно на некрополе располагаются захоронения кобанской культуры. В то же время в процессе раскопок были выявлены и погребения, относящиеся к более раннему периоду и другой культурной атрибуции. Кобанские комплексы могильника представлены погребениями большого хронологического диапазона. От времени второй половины 2 тыс. до н.э. – вплоть до скифского времени. Погребальный обряд памятника отличается разнообразием. Это и ингумация с вытянутым на спине или скорченным положением тел и кремация. Ряд ранних погребений могильника совершены на наш взгляд по обряду «очищения костей» или «очищения от плоти» перед захоронением.

Среди погребений отличающихся хорошей сохранностью и погребально-го сооружения и содержащегося в нем комплекса присутствует ряд захоронений произведенных в прямоугольных гробницах, близких по типу длинному каменному ящику. К числу таких относится гробница № 112 могильника. По длинной оси гробница ориентирована точно по линии север–юг. Покрытие состояло из сланцевых плит и валунов. Продольные стены на высоту 90 и 80 см были сложены из крупных валунов. Торцевые – из сланцевых плит, с добавлением валунов. Ширина внутреннего пространства – 60 и 45 см. Длина – 302 см. Пол гробницы тщательно выложен сланцевыми плитами, примыкающими друг к другу.

Несмотря на то, что и погребальное сооружение и богатый сопроводительный погребальный инвентарь свидетельствуют о принадлежности данного захоронения к нерядовым представителям «адайдонских кобанцев», как такового костяка в гробнице не обнаружено. Только на полу, в середине гробницы, с некоторым смещением к ее южной половине компактно располагались фрагментированные трубчатые кости от ног и рук двух взрослых людей (возможно, и трех). Кости были уложены друг на друга параллельно длинной оси погребального сооружения.

Размещение погребального инвентаря создает картину раскладывания предметов по контуру (схеме) имитирующему нахождение верхней части человеческого тела в вытянутом на спине положении, с руками, вытянутыми вдоль тела. У северной торцевой стены гробницы на полу была уложена бронзовая диадема с несомкнутыми, несколько зауженными концами и отверстиями в них. Южнее, в области «груди» находились стержневидные бронзовые булавки нескольких типов, цилиндрические витые пронизи, сердоликовые бусы и другие украшения. Еще далее к югу, у западной и восточной стен, на «запястья» были уложены 4 браслета, по два вместе. У западной стены, рядом с браслетами, у «правой руки» располагалась votивная бронзовая булава с четырьмя выступами. Еще одна такая булава находилась отдельно в середине погребения. Далее к югу был расположен «пакет» с трубчатыми костями.

Южная часть в точности, зеркально, повторяет расположение инвентаря северной половины гробницы, с тем отличием, что булавки здесь других типов, присутствуют привески в виде топора – секиры, и у самых костей, и отчасти под ними, находились два бронзовых цельнолитых кинжала и два копья с раскрытой втулкой из этого же металла. Примечательно, что две массивные бронзовые стержневидные булавки были уложены здесь строго параллельно друг другу.

Анализ погребального обряда данной гробницы свидетельствует, что она использовалась для неоднократных захоронений, во всяком случае, не менее двух. На наш взгляд, в случае с погребением № 112 и рядом других, мы наблюдаем захоронение, где присутствует обряд «освобождения костей от плоти». Очищенные от плоти кости (более точно – часть костей) первого захоронения, которому отводилась южная половина гробницы (так как в этой части были зафиксированы предметы вооружения, то, возможно, они принадлежали мужчине), были размещены в середине погребального сооружения, с некоторым смещением к югу. Вокруг них и далее к югу, вплоть до южной торцевой стены, аккуратно выложен сопроводительный материал. При втором захоронении кости второго костяка были уложены поверх костей первого, а сопутствующие предметы аналогично размещены в северной части гробницы.

Инвентарь гробницы – пластинчатые и литые браслеты овальной формы; крупные булавки с пятью выступами, привески в виде топора-секиры; булавки с крупным дисковидным навершием, цельнолитой кинжал, грушевидные бронзовые навершия булав с 4 круглыми выступами, диадемы, булавка с навершием украшенным фигуркой птицы, булавки с конусовидной головкой, булавки с 5 выступами, один из которых – клиновидный, находят аналогии в кавказских археологических материалах второй половины 2 тыс. до н. э. из Кумбулта (В. Рутхи), Стырфаза, Тли, Нули, Квасатали, Цоиси и др. (*Крупнов*, 1960. С. 470. Табл. XLVIII, 12; *Техов*, 1977. С. 10. Рис. 7, 2–6; с. 30, рис. 28, 16; С. 39, рис. 40, 8; С. 52, рис. 51, 1–3; с. 57, рис. 54; 2000, с. 162, илл. 23, с. 163, илл. 24, с. 166, илл. 27, 1–11; с. 170, илл. 31; *Куфтин*, 1949. Табл. XVIII, 1; табл. VII, 1; *Козенкова*, 1996. С. 91. Рис. 34, 55, 60–63; *Абесадзе*, 1974. С. 76. Табл. 3, 51–53, 54–55, 57–58, с. 77, табл. 4, 80; *Кореневский*, 1981. С. 31. Рис. 9, 1–2; *Motzenbäcker*, 1996. Taf. 27, 9, 64, 5, 76, 9–10, 78, 8, 86, 7).

Каким способом кости очищались от плоти перед захоронением в гробнице 112 и ряде других погребений Адайдонского могильника, пока не ясно. Это могло быть и вторичное захоронение (после пребывания тела какое-то время в грунте) и способ «выставления тел» стервятникам для освобождения от плоти, близкий практике древнеиранских «башен молчания» – дахмам. Во всяком случае, высокогорье Алагирского ущелья, где и расположен Адайдонский могильник, и сегодня населяют многие виды хищных птиц. Также здесь зафиксированы и стервятники (могильник, бородач – ягнятник, стервятник, черный гриф, белоголовый сип) (Красная книга РСО – Алания. С. 162, 165–168). Вероятно, в древности, с более обширной для них кормовой базой, их количество было больше. Возможно, «очищение» от плоти происходило и каким-либо третьим способом.

Насколько широко этот обряд присутствует в некрополе, можно будет судить после комплексного исследования всех материалов могильника.

Литература

- Абесадзе Ц. Н.*, 1974. К истории медно-бронзовой металлургии триалетской культуры // Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Т. 1. Тбилиси.
- Козенкова В. И.*, 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.
- Корневский С. Н.*, 1981. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука.
- Красная книга РСО – Алания*, 1999 // Министерство охраны окружающей среды РСО – А. Владикавказ.
- Крупнов Е. И.*, 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Куфтин, Б. А.*, 1949. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси.
- Техов Б. В.*, 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.
- Техов Б. В.*, 2000. Новый памятник эпохи поздней бронзы в Южной Осетии (стырфазские кромлехи). Владикавказ.
- Чшиев Х. Т.*, 2008. Раскопки Адайдонского могильника кобанской культуры в 2006–2007 гг.: Предварительные итоги исследования // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов.
- Чшиев Х. Т.*, 2009. Традиции и инновации в археологии Кавказа (по материалам кобанской археологической культуры) // Проблемы всеобщей истории и политологии Владикавказ.
- Чшиев Х. Т.*, 2012. Эпоха поздней бронзы – раннего железа Северной Осетии. Кобанская культура // История Осетии. Владикавказ.
- Motzenbäcker I.*, 1996. Sammlung Kossnierska. Bestandskataloge. Band 3. Berlin: Museum für Vor – und Frühgeschichte.

В. Р. Эрлих

Государственный музей искусств народов Востока, г. Москва

ФИНАЛ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ПРЕДГОРЬЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА. НОВЫЕ ДАННЫЕ

Памятники финала бронзового века Северо-Западного Кавказа изучены пока явно недостаточно. На момент составления сводки памятников, предшествующих протомеотской группе, их количество ограничивалось 14–16 погребениями в степной зоне и несколькими Поселениями (*Эрлих*, 2007. С. 27–31. Рис. 4–11). Практически все они находились в равнинной зоне и, очевидно, являлись субстратом протомеотских памятников центрального варианта. На территории предгорий было известно лишь поселение Лесное, на момент лишь тезисно опубликованное. Здесь существовал хиатус более 700 лет между памятниками дольменной культуры эпохи средней бронзы и протомеотскими.

За истекшие 10 лет ситуация с субстратом протомеотских памятников несколько изменилась. Были открыты новые поселения эпохи финала бронзового века, в т. ч. и на территории, относящейся впоследствии к протомеотским памятникам предгорного варианта, – поселение Деметра вблизи Майкопа (*Эрлих*, *Болелов*, 2014), а также на Тамани (*Шаров*, 2016).¹

Существенным открытием явились раскопки А. Д. Резепкиным дольменного могильника эпохи поздней бронзы Шушук, надежно доказавшие доживание дольменной культуры, по крайней мере, до срубного времени (*Резепкин*, 2013, 2013а, 2013б).

В 2015 г. Кавказской экспедицией музея Востока было начато исследование могильника и поселения археологического комплекса Шушук, находящегося в 500–700 м от одноименного дольменного могильника, которое позволило выделить комплексы постдольменного горизонта, относящиеся к финалу бронзового века (*Эрлих*, 2017; *Эрлих*, в печати).

Погребальные комплексы постдольменного горизонта характерны своеобразными ящиками-рамами, в которых часто вторично использовались плиты разобранных дольменов. Погребальный инвентарь представлен украшениями из зубов оленя, бронзовыми височными кольцами, каменными бусами. В керамическом инвентаре погребений встречаются горшки на низких кольцевых поддонах, сосуды с прочерченным орнаментом, сосуды с парными «сосцевидными» налестками и выступами-ручками.

На поселении, напротив прочерченная орнаментация горшков встречается гораздо реже, зато присутствуют крупные сосуды, горло и венчик которых сформирован из жгутов глины, образующих характерный «многоваликовый» орнамент (рис. 1, 1–2). Фрагменты подобной валиковой керамики уже встречались на поселении Деметра. Близкая керамика имеется на поселениях Гум-Баши и Рансырт

---

¹ Несмотря на то, что автор отнес представленные комплексы поселения Ильичевка к протомеотскому времени, материал, демонстрировавшийся на XXIX Крупновских чтениях в г. Грозный, позволяет его относить к финалу эпохи поздней бронзы.

(Карачаево-Черкесия)². Сосуд с аналогичным оформлением горла недавно обнаружен в Абхазии вблизи перевала Алаштраху. У ряда протомеотских сосудов предгорного варианта подобные черты сохраняются уже в редуцированном виде (Эрлих, 2007. Рис. 134, 12–15; Черных, Сазонов, 2013. С. 62. Рис. 13, 3,4). Имитация подобных валиков у ранних протомеотских черпаков из могильника Фарс/Клады делалась углубленной гравировкой.

На поселении, как и в могильнике, встречены кубковидные сосуды для питья с петельчатыми ручками – прототипы протомеотских черпаков (рис. 1, 3–7). Пока уникальны черпаки, встреченные на поселении с «двуствольными» ручками и ручкой, имеющей валики с насечками (рис. 1, 4–6). Из других находок на поселении Шушук следует отметить подвески и оселок из камня с просверленными двусторонними отверстиями (рис. 1, 8); фрагмент каменного сверленного топора (рис. 1, 9); лезвийную часть бронзового топора (рис. 1, 14), массивное бронзовое четырехгранное шило (рис. 1, 15); изделия из кости – проколку и булавку (рис. 1, 12–13). В составе стада населения, оставившего поселение, преобладает крупный рогатый скот, несколько меньшее количество костей мелкого рогатого (козы или овцы) скота. Встречаются кости и зубы свиньи и лошади.

Абсолютная дата данного поселения получена в лаборатории г. Майнца по углю из нижних штыков шурфа, «попавшего» в помойку, находящуюся в карстовой промоине – MAMS-28352–2980 ± 24 BP (Cal. σ 1258 –1131 BC. σ 1273–1122 BC. В реальности эта дата может быть несколько моложе, так как получена по углю массивного дерева, возможно дуба, возраст которого мог быть 100–200 лет³.

К финалу поздней бронзы, по-видимому, можно отнести и нарушенное бульдозерной траншеей при прокладке улицы грунтовое парное погребение с частичной кремацией в каменном ящике-раме, открытое у хут. Гавердовского на окраине Майкопа весной 2017 г.

По поверхности оно представляло прямоугольную раму размером 4,2×2,6 м из крупных валунов, ориентированную длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Внутри рамы находилась мелкая окатанная галька. После выборки гальки в северо-западной части рамы обнаружено большое угольное пятно, вытянутое с севера на юг. Размеры пятна, имеющего неправильную форму, около 2×1 м. В районе пятна и рядом с ним обнаружены обожженные кости двух погребенных. Ориентировка первого погребенного предположительно северная. Обожженные кости черепа, зубы и длинные кости второго погребенного находились в центре ямы у южной окраины угольного пятна. Первоначальное положение этого костяка и ориентировка не определимы. При погребенных обнаружены остатки 8 лепных сосудов и не менее 8 фрагментированных бронзовых височных подвесок в 1,5 оборота и 3 кремневых отщепа.

Три сосуда имеют орнаментацию в виде треугольников, выполненных прорисованными линиями либо штампом, имитирующим шнур. Один сосуд имеет

---

² Благодарю А.Б. Белинского за возможность ознакомиться с материалами отчета об этих исследованиях.

³ В то же время необходимо заметить, что по новым радиоуглеродным данным, полученным недавно, значительно понижены даты памятников кобяковской культуры до рубежа XV–XIV вв. до н. э. (Потанов, 2012. С. 297).

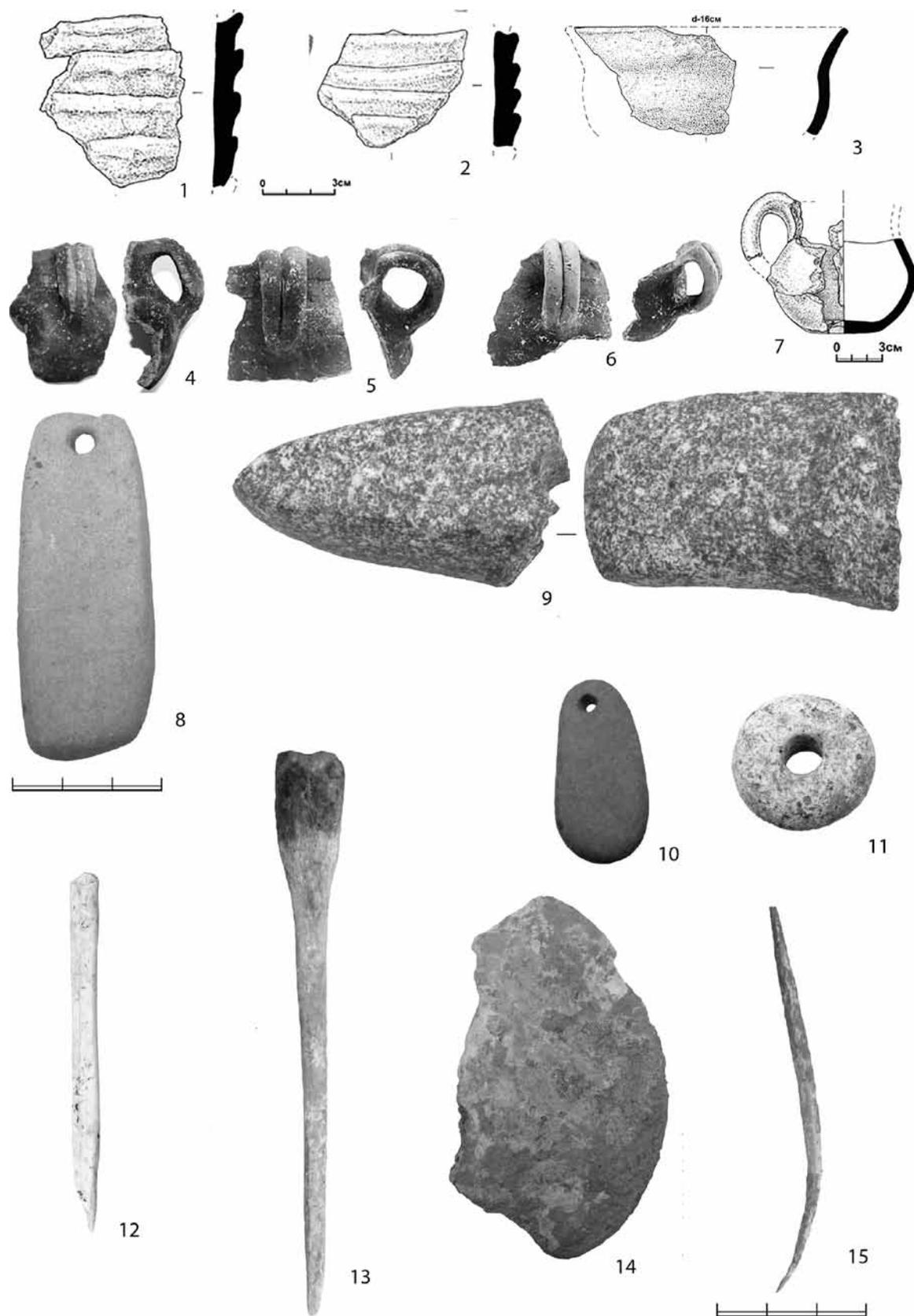

Рис. 1. Материалы поселения археологического комплекса Шушук. 1-7 – керамика; 8-11 – камень, 12, 23 – кость; 14, 15 – бронза

вертикальную петельчатую ручку. Два сосуда имеют горизонтальные выступы ручки в виде парных налепов. Один неорнаментированный горшочек имеет валик, образованный отдельно сформованным и прилепленным венчиком.

Форма и орнаментация сосудов находит близкие параллели с керамикой погребальных и ритуальных объектов археологического комплекса Шушук. Валиковое оформление венчиков сосуда фиксируется и в материалах поселения Деметра, расположенного в нескольких километрах от Гавердовского могильника (Эрлих, Болелов, 2014).

Не противоречит этому и находки бронзовых металлических височных колец, выполненных из уплощенной либо округлой проволоки и имеющих пристроенные концы. Подобные височные привески из бронзовой ленты с заостренными концами в памятниках Нижнего Подонья и Предкавказья выступают как определенные маркеры финала эпохи поздней бронзы (Потапов, 2010. С. 155–157). Среди территориально близких параллелей является височная подвеска с заостренными концами из п. 7 кургана 11 Михайловского могильника в Закубанье, относящегося к финалу эпохи бронзы (Шарафутдинова, Каминский, 1988. С. 217. Рис. 2, 1). Встречены подобные височные кольца и на памятниках постдольменного горизонта (Эрлих, 2017; Эрлих, в печати), а также в позднебронзовом дольменном могильнике Шушук, исследованным А. Д. Резепкиным (Резепкин, 2013а. С. 120. Рис. 1–4, 6).

Пока уникальны особенности обряда данного погребения. По всей видимости, оно относилось к грунтовому могильнику, так как остатков курганной насыпи в защищенном профиле бульдозерной траншеи нами не обнаружено. Само погребальное сооружение – раму из валунов, имитирующую каменный ящик, – можно сопоставить с сооружениями постдольменного горизонта археологического комплекса Шушук. В то же время обнаруженная здесь частичная кремация на месте обоих погребенных пока не находит аналогий среди погребальных памятников Северо-Западного Кавказа. Кремации на стороне известны для памятников перехода к железному веку кобанской и колхидской культуры (Терезе, Джантух и др.), а также характерны для погребений конца бронзового века Средней Европы. Безусловно, мы можем рассматривать появление этого обряда в Северо-Западном Предкавказье в эпоху финала бронзового века как результат внешнего воздействия.

Литература

- Потапов В. В., 2010. Пластинчатые височные кольца и подвески на Нижнем Дону и в Предкавказье // РА. № 1.
- Резепкин А. Д., 2013. Вопросы относительной хронологии дольменов // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар.
- Резепкин А. Д., 2013а. Комплекс украшений из дольмена Шушук в Адыгее // Третья Абхазская международная конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы. Сухум.
- Резепкин А. Д., 2013б. Отчет о работах на дольменном могильнике Шушук в 2013 г. // Архив Национального музея Республики Адыгея.
- Шарафутдинова Э. С., Каминский В. Н., 1988. Михайловский могильник конца эпохи поздней бронзы в Закубанье // СА. № 4.

- Шаров О. В.*, 2016. Новые комплексы протомеотской эпохи на Тамани // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа // XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной археологической конференции. Грозный.
- Черных Е. Н., Сазонов А. А.*, 2013. Курган и поселение у хутора Грозный // Историко-археологический альманах. Вып. 12.
- Эрлих В. Р.*, 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.
- Эрлих В. Р., Болелов С. Б.*, 2014. Поселение «Деметра» и неизвестный ранее керамический комплекс эпохи перехода к железному веку // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. М.
- Эрлих В. Р.*, 2017. Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции Государственного музея Востока в 2016–2017 гг. // Архив ИА РАН. Фонд Р-1.
- Эрлих В. Р.*, в печати. Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе // КСИА. Вып. 249.

Археология сарматского времени и раннего Средневековья

Г. Е. Афанасьев

Институт археологии РАН, г. Москва

НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НОВЫХ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ САРМАТО-АЛАНСКИХ ОБРАЗЦОВ

С появлением возможности извлечения ДНК из палеоантропологического материала, с усовершенствованием методик и оснащения генетических лабораторий изменился традиционный подход к использованию археологического источника в качестве маркера миграций населения или компонента этногенетических построений (*Молодин и др.*, 2013). Стало очевидным, что и археологические, и антропологические наблюдения важно сопоставлять с результатами палеогенетических исследований антропологического материала (*Llamas et al.*, 2016). Первые шаги в изучении ДНК населения, обитавшего в I тыс. на Северном Кавказе и в Волго-Донском междуречье, уже сделаны. Получена информация о митохондриальной ДНК и Y-хромосомной ДНК у носителей сарматской и аланской культуры на Северном Кавказе, носителей лесостепного (*Чез и др.*, 2012; *Афанасьев и др.*, 2015а; 2015б; 2016), степного (*Klyosov et al.*, 2017. P. 17–21) вариантов салтово-маяцкой культуры в Донецко-Донском междуречье и у представителей аланоготского населения Крыма (*Brandt, et al.*, 2013. P. 361–378). Эти исследования были ориентированы на изучение женской и мужской линии индивидов. Дополнительную более глубокую и широкую информацию дает анализ генетических маркеров, расположенных на парных хромосомах, которые одинаковы и у мужчин, и у женщин – аутосомных ДНК маркеров.

В 2015–2016 гг. международной группой генетиков и археологов на базе Центра геогенетики Музея естественной истории Дании и университета Копенгагена разрабатывался проект, посвященный генетической истории народов Евразии. Его результаты будут опубликованы в журнале *Nature* (*De Barros Damgaard et al.*, in Press). Исследовательскую базу составили 137 образцов палеоантропологического материала в хронологических рамках последних 4 тыс. лет и 502 образца представителей 16 этнических групп современного населения этой территории, протянувшейся почти на 8 тыс. км. Одним из аспектов научной проблемы стало исследование генетических характеристик аланского населения Северного Кавказа в контексте их гипотетической связи с носителями сарматской культуры на Нижнем Дону. К сожалению, изложение глобальных вопросов генетической истории народов Евразии не позволило авторам в должной мере раскрыть интересующую нас северокавказскую тематику. Существенным методическим недостатком этой работы явилось отсутствие в базе данных для сравнительного анализа современных осетинских образцов, на что я обращал внимание П. Де Барроз Дамгаарда в процессе работы над материалом. Но этот промах в какой-то степени может быть восполнен зафиксированным недавно расположением на шкале ДНК

современных североосетинских образцов между образцами раннего бронзового века Армении, образцами иранских зороастрийцев и современными балкарскими, кабардинскими и черкесскими образцами (High-resolution K=13 analysis). Кроме того, очевидна и недостаточная глубина проработки Y-хромосомной ДНК, что не позволяет сопоставлять полученные результаты с базами Family Tree DNA и др.

Для лабораторной работы мною были отобраны 30 образцов: 11 средне-сарматской культуры (I в. н. э.) Нижнего Дона, 13 аланской культуры Северного Кавказа (IV–XIV вв. н. э.) и 6 салтово-маяцкой культуры (VIII–IX вв. н. э.) из лесостепной зоны Донецко-Донского междуречья. Из них только 19 образцов оказались пригодными для полного секвенирования. Коллекция базировалась на материале из подкурганых погребений средне-сарматской культуры могильников Чеботарев V, Чеботарев IV, Несветай II, Несветай IV и Камышеватский X (раскопки Р.А. Мимохода и П.С. Успенского, антропологическая экспертиза Т.Ю. Шведчиковой); из погребений аланской культуры: катакомбного погребения Бесанского могильника (раскопки Ф.С. Дзуцева, антропологическая экспертиза С.Ю. Фризен), двухкамерного бескурганного погребения Левоподкумского I могильника (раскопки Д.С. Коробова, антропологическая экспертиза С.Ю. Фризен и Н.Я. Брезиной), катакомбных погребений Архонского и Дагомского могильников (раскопки Э.Ю. Шестопаловой, антропологическая экспертиза С.Ю. Фризен и И.К. Решетовой), катакомбных погребений Змейского могильника (раскопки М.А. Бакушева, антропологическая экспертиза С.Ю. Фризен); и, наконец, из погребений лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры в Донецко-Донском междуречье: катакомб Подгоровского и Дмитровского могильников (раскопки А.В. Сарapulкина, антропологическая экспертиза И.К. Решетовой).

Возраст образцов определялся в соответствии с археологической хронологией, которая в ряде случаев уточнялась датами, полученными с применением ускорительного масс-спектрометра в Центре хронологии C¹⁴ Белфастского университета. Установлено, что археологической датировке ниже-донских средне-сарматских образцов Iв соответствует дата C¹⁴ – 1933 BP. Возраст образца из погребения 2 двухкамерной бескурганной могилы 1 Левоподкумского I могильника определен 1533 BP. Две калиброванные кривой IntCal13 даты – 1283 BP и 1116 BP – получены для образцов салтово-маяцкой культуры. В целом же, представленная для генетического анализа коллекция охватывала период с I в. по XIV в. (табл. I), а в рамках IV–XIV вв. она группировала носителей катакомбного обряда захоронений с аланским антропологическим обликом, традиционно отождествляемых с известными по письменным источникам алано-асскими группами.

Многомерный статистический анализ генетических характеристик показывает, что ниже-донская средне-сарматская выборка имеет очень тесные связи с двумя средне-сарматскими образцами 2000 BP и 1961 BP (DA26, DA30) (мт ДНК – U4a2, Y-ДНК – I2b) из изученного А.В. Логвиным и И.В. Шевниной могильника Бестамак и исследованного В.В. Евдокимовым, А.А. Ткачевым и А.М. Ситовым могильника Наурзум, а также с тремя кангюйскими образцами 1592 BP, 1600 BP, 1738 BP (DA121, DA123, DA125) из раскопанного Б.Н. Нурмуханбетовым Кок-Марданского могильника в Казахстане (мт ДНК – H6a1a, C4a1, U2e2a1), образуя с ними единый полигон, который ближе всего тяготеет к современному

Таблица 1.
Исследованные образцы из сармато-аланских погребений

Номер	Могильник	Погребение	Дата	Культура	Пол	мт ДНК	Y-ДНК
DA134	Чеботарев V	Кург.1-п.2	1933 BP	Сарматская	муж.	П	?
DA141	Несветай II	Кург.33-п.1	I в.	Сарматская	муж.	A+152+16362	?
DA145	Камышеватский X	Кург.2-п.1	I в.	Сарматская	муж.	U2e1h	R
DA143	Несветай IV	Кург.3-п.1	I в.	Сарматская	жен.	U4b1a4	-
DA144	Чеботарев V	Кург.6-п.1	I в.	Сарматская	муж.	H28	R1
DA139	Чеботарев V	Кург.1-п.1	I в.	Сарматская	жен.	U2e1h	-
DA136	Несветай II	Кург.37-п.1	I в.	Сарматская	муж.	A+152+16362	R1
DA142	Несветай II	Кург.2-п.2	I в.	Сарматская	муж.		R1
DA162	Бесланский	Кат.439	II-IV вв.	Аланская	муж.	H13a2c	?
DA243	Левоподкумский I	П1/2	1533 BP	Аланская	муж.	W1	R1
DA161	Архонский	Кат.11	VI-VIII вв.	Аланская	муж.	X2f	?
DA146	Дагомский	Кат.18-п.3	VII-VIII вв.	Аланская	жен.	HV2a1	-
DA160	Дагомский	Кат.15	VII-VIII вв.	Аланская	жен.	U4d3	-
DA188	Подгоровский	Кат.12-п.1	1116 BP	Салтовская	муж.	I5a4	?
DA189	Дмитровский	Кат.172-п.2	VIII-IX вв.	Салтовская	муж.	J1b4	R1
DA190	Дмитровский	Кат.171-п.1	1283 BP	Салтовская	муж.	U1a1c1	?
DA164	Змейский	Кат.182-п.2	X-XIV вв.	Аланская	жен.	H5	-
DA183	Змейский	PI-кат.23-п.2	X-XIV вв.	Аланская	муж.	J1c11a	?
DA182	Змейский	PI-кат.12-п.3	X-XIV вв.	Аланская	муж.	U5a	?

населению Поволжья. Нет никакой значимой связи между характеристиками средне-сарматских и кангюйских образцов с образцами из северокавказской аланской коллекции. Этот факт привел П. Де Барроз Дамгаарда, М. Сикору, К. Кристиансена и Э. Виллерслева к выводу о том, что сарматы не приняли участие в формировании аланского генофонда. Но данное предположение требует перепроверки путем исследования генетических характеристик поздне-сарматских образцов, так как, по мнению ряда кавказоведов, именно поздние сарматы дают импульс к возникновению на Северном Кавказе аланской культуры.

Результаты изучения северокавказских аланских образцов оказались для многих историков и археологов неожиданными. Их генетические характеристики очень близки образцам (DA31, DA35) 3207 BP из склепов 199–16 и 211–46 (мт ДНК – HVOa, J1b1a1 + 146) могильника Лчашен Мецамор. Тот факт, что аланы имеют общий клад с населением самого раннего железного века Армении, вероятно, свидетельствует о значительной роли кавказского субстрата в формировании аланского генофонда. По этой же причине практически все образцы представителей современного кавказского и иранского населения, которые были в распоряжении датских генетиков, группируются в этом кластере, но рядом с ними размещаются и ягнобцы, и памирские таджики (рис. 1). Один аланский образец явно дрейфует в Центральную Азию, располагаясь между средневековыми тюрками, кипчаками, карлуками, современными туркменами и таджиками. Другой смещается к западу и соседствует с образцами венгерских скифов и гальштадскими образцами.

Возникают и методические вопросы, связанные с этномаркирующими признаками погребального обряда. Широко распространенную точку зрения, что на Северном Кавказе раннесредневековый катакомбный обряд маркирует алан,

Рис. 1. Место аланских образцов на кавказской ветви евразийского дерева ДНК (по *P. De Barros Damgaard et al*)

а двухкамерные усыпальницы – это традиция субстратного населения, ставят под сомнение результаты палеогенетической экспертизы образцов из подкурганного катакомбного погребения 1 и из камеры 2 бескурганной катакомбной двухкамерной усыпальницы 1 Левоподкумского I могильника. Оба образца принадлежат к мужской линии R1 и к женской линии W1 (исследования проводились независимо друг от друга в Центре геогенетики Музея естественной истории Дании и в лаборатории современной антропологии Фуданьского университета в Китае), хотя глубина их изучения не позволяет однозначно утверждать наличие или отсутствие близких родственных связей.

В процессе анализа образца (DA147), происходящего из катакомбы 17 Дагомского могильника, был обнаружен штамм чумы. П. Де Барроз Дамгаард считает, что эта пандемия проникла по шелковому пути из Китая в Европу в конце гуннского периода. Можно вспомнить, что в свое время А. П. Рунич также писал о зафиксированных сотрудниками лаборатории Пятигорской санитарно-эпидемиологической станции следов чумы на костных остатках погребенных в скальных могильниках VIII в. в окрестностях Кисловодска. В этом он видел причину, по которой северокавказские аланы переселились в бассейн Среднего Дона, дав импульс формированию там салтово-маяцкой культуры.

Анализ генетических характеристик носителей аланского варианта салтово-маяцкой культуры в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья показал, что полигон изученных образцов в значительной степени перекрывает полигон северокавказских аланских образцов, что свидетельствует о доминирующем вкладе северокавказских алан V–VIII вв. в генофонд донских алан VIII–IX вв. Этот вывод еще раз подтверждает сделанное ранее и на археологическом, и на антропологическом материале предположение о миграции в середине VIII в. части северокавказских алан в бассейн Дона. Но один салтовский образец так же, как и аланский, тяготеет к европейскому кластеру постбронзовой эпохи.

Обращает на себя внимание тот факт, что носители аланской культуры и лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, катакомбного обряда погребения и аланского антропологического облика, имея присущие кавказскому субстрату генетические характеристики, в VIII–IX вв. использовали для письма, согласно G. Vekony, и общетюркский язык, и праосетинский язык, что документируют выполненные графемами прото-роваша и раннего степного роваша надписи Маяцкого и Хумаринского городищ (Hosszú, 2013. P. 40–44, 142–189). О.А. Мудрак допускает, что там кроме праосетинского использовались и нахские языки. В опубликованных G. Hosszú текстах фигурируют знакомые нам по письменным источникам этнонимы: находящаяся в землях Шести-Савиров на реке Дану (Дон) страна **Асов**, где по заказу Onagh Tegin'a была построена крепость-дворец Маяцкое городище, и народ северокавказских **асов**, называвший построенное для Öd Tegin'a Хумаринское городище дворцом Ödün'a или Ödüg'a. Автор одной из хумаринских надписей особо подчеркнул, что он – горный **ас** (Tughalas), чтобы, как полагают комментаторы предложенных переводов, противопоставить себя этнической принадлежности строителей этой крепости (<http://s155239215.onlinehome.us/turkic/14Khazars/HosszuGKhazarRuneWritingsEn.htm>).

Как видим, междисциплинарный подход к этногенетическим реконструкциям в контексте общей алано-асской проблематики приводит к взаимно дополняемым и проверяемым выводам о родстве северокавказских и донских алан-асов, об их кавказских корнях и делает эти заключения более убедительными. Необходимы дальнейшие исследования палео-ДНК раннесредневекового населения Северного Кавказа. Для правильного понимания процесса формирования генофонда алан особо актуально изучение палео-ДНК представителей кобанской культуры и носителей сарматской культуры в предгорьях как потенциально возможных обладателей тех специфических генетических характеристик кавказского субстрата, которые были зафиксированы у носителей аланской культуры IV–XIV вв.

Литература

- Афанасьев Г. Е., Добровольская М. В., Коробов Д. С., Решетова И. К. Новые археологические, антропологические и генетические аспекты в изучении донских алан // КСИА. Вып. 237. М. 2015а. С. 64–79.
- Афанасьев Г. Е., Вень Ш., Тун С., Ван Л., Вэй Л., Добровольская М. В., Коробов Д. С., Решетова И. К., Ли Х. Хазарские конфедераты в бассейне Дона // Естественные научные методы исследования и парадигма современной археологии. М. 2015б. С. 146–153.
- Афанасьев Г. Е., Гатюев Д. С. Генетические исследования алан II–IX вв. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. Грозный. 2016. С. 181–183.
- Молодин В. И., Пилипенко А. С., Чикишева Т. А., Ромащенко А. Г., Журавлев А. А., Поздняков Д. В., Трапезов Р. О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н. э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – 220 с.
- Чёз А., Ланго П., Менде Б. Г. Археогенетическое исследование материалов салтовской и древневенгерской культур (предварительное сообщение) // Старожитності Лівобережного Подніпров'я. Київ – Полтава. 2012. С. 94–101.
- De Barros Damgaard P., Marchi N., Rasmussen S., Peyrot M., Renaud G., Korneliusen T., Moreno-Mayar J. V., Winther Pedersen M., Goldberg A., Usmanova E., Baimukh. anov N., Loman V., Hedeager L., Pedersen A. G., Nielsen K., Afanasiev G., Akmatov K., Aldashev A., Ashyk Alpaslan A.,

- Baimbetov G., Bazaliiskii V., Beisenov A., Boldbaatar B., Boldgiu B., Dorzhu Ch., Ellingvag S., Erdenebaatar D., Dajani R., Dmitriev E., Evdokimov V., Frei K., Gromov A., Goryachev A., Hakonarson H., Hegay T., Khachatryan Z., Khashkhanov R., Kitov E., Kolbina A., Tabaldiev K., Kukushkin A., Kukushkin I., Lau N., Margaryan A., Merkyte I., Mertz I., Mertz V., Mijiddorj E., Moiyesev V., Mukhtarova G., Nurmukhanbetov B., Orozbekova Zh., Panyushkina I., Pieta K., Šmrka V., Shevnina I., Logvin A., Štolcová T., Tashbaeva K., Tkachev A., Tulegenov T., Voyakin D., Yepiskoposian L., Undrakhbold S., Varfolomeev V., Weber A., Kradin N., Allentoft M., Orlando L., Nielsen R., Sikora M., Heyer E., Kristiansen K., Willerslev E.* 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppe» // Электронный ресурс: [https://www.nature.com/articles/\(in Press\)](https://www.nature.com/articles/(in Press)).
- Brandt G., Haak W., Blechschmidt C., Karimnia S., Alt K.W.* Die Völker der Krim im Frühmittelalter - Anwendung und Potential der Paläogenetik in Bezug auf archäologische Fragen // Die Höhsiedlungen im Bergland i der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Band 113. Mainz. 2013. S. 361–378.
- High-resolution K=13 analysis of the European admixture in Chinchorro DNA / Электронный ресурс: <https://genetiker.wordpress.com/2017/03/20/high-resolution-k-13-analysis-of-the-european-admixture-in-chinchorro-dna/>
- Hosszú G.* Heritage of Scribes. The Relation of Rovas Scripts to Eurasian Writing Systems. Budapest. Rovas Foundation. 2013. – 339 p.; Электронная версия дешифрованных рунических текстов с комментариями лингвистов-тюркологов к предложенным переводам: [http://s155239215.onlinehome.us/turkic/14KhazarHosszuG KhazarRuneWritingsEn.htm](http://s155239215.onlinehome.us/turkic/14KhazarHosszuG%20KhazarRuneWritingsEn.htm)
- Klyosov A., Faleeva T.* Excavated DNA from Two Khazar Burials // *Advances in Anthropology*. 2017. № 7. P. 17–21.
- Llamas B., Valverde G., Fehren-Schmitz L., Weyrich L.S., Cooper A., Haak W.* From the field to the laboratory: Controlling DNA contamination in human ancient DNA research in the high-throughput sequencing era // *STAR: Science & Technology of Archaeological Research*. 30 Nov 2016 // Электронный ресурс: <http://dx.doi.org/10.1080/20548923.2016.1258824>

А. Н. Бабенко, А. Ю. Сергеев, Д. С. Коробов
Институт археологии РАН, Москва

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗООГЕННОГО ОТЛОЖЕНИЯ ГУМ-БАШИ (КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИЯ)

В 2015 г. на территории Карачаевского района Карачаево-Черкесской Республики в ходе полевых работ Кисловодской экспедиции ИА РАН под руководством Д. С. Коробова по изучению следов древнего и средневекового скотоводства в окрестностях перевала Гум-Баши был обнаружен и изучен ряд каменных загонов для скота (Коробов и др., 2017). Поблизости от загона Гум-Баши 1 в скальных выходах г. Гум-Баши на высоте около 2100 м над у.м. был также обнаружен грот. Проход к гроту перекрыт калиткой, сделанной хозяином кошары, расположенной чуть ниже по склону. Кошара существует с 90-х гг. прошлого столетия. В настоящее время, по словам хозяина кошары, грот изредка используется для укрытия стада овец.

По этнографическим данным нередко на Кавказе пастухи в качестве временных укрытий для скота использовали скальные навесы, гроты и пещеры (Гамкредидзе, 1968; Шаманов, 1972). В результате длительного использования такого рода стоянок на дне постепенно накапливаются зоогенные отложения, часто представляющие собой скопления помета животных. При изучении подобных отложений различными методами можно получить уникальную информацию, отражающую общий состав растительности района, климатические изменения и сезонность использования стоянок (Савинецкий и др., 1992; Carrion et al., 1999; Бабенко, 2012 и др.). Кроме того, при использовании укрытия самими пастухами в отложениях могут сохраняться остатки культурных растений, керамика и угли, являющиеся датировочным материалом.

В ходе полевых работ в наиболее широкой части грота Гум-Баши был заложена небольшая разрез (70×70 см). Толща, мощностью 42,5 см, имеет слоистое строение и состоит из пометных слоев с примесью угля и золы в нижней и средней частях. Сплошной колонкой отобрано 26 образцов, изученных спорово-пыльцевым анализом. Две пробы (42–35 и 16–25 см) отобраны для археоботанического анализа и четыре – для радиоуглеродного: три образца подготовлено для датирования сцинтилляционным методом и один – для AMS-датирования.

В нижних слоях зоогенного отложения Гум-Баши 1, на глубине 42–35 см, обнаружен фрагмент раннесредневекового сосуда. С этих же глубин получена одна радиоуглеродная дата MAMS-33991 при AMS-датировании¹ зерна проса обыкновенного (*Panicum miliaceum*) – 1208±24 (cal 2σ AD 722–887). Таким образом, мы можем говорить о том, что нижний слой отложения сформировался в VIII–IX вв. н. э.

Выделение пыльцы проводилось согласно стандартным методикам (Faegri, Iversen, 1989). По результатам спорово-пыльцевого анализа зоогенного отложения

---

¹ Авторы выражают глубокую признательность С. Хансену и С. Райнхольд (Германский археологический институт) за помощь в проведении AMS-датирования образцов в радиоуглеродной лаборатории Центра археометрии Курта Энгельхорна в г. Мангейм (Германия).

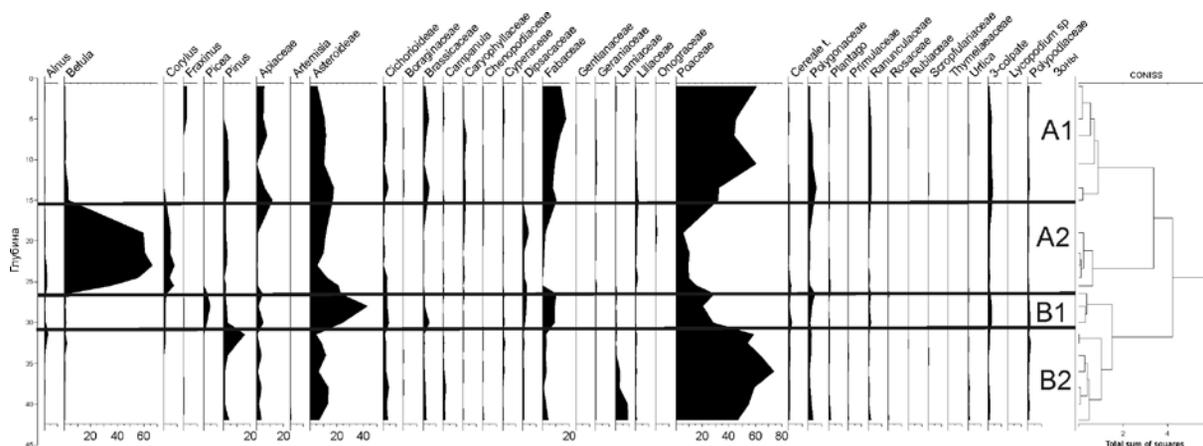

Рис. 1. Спорово-пыльцевая диаграмма зоогенного отложения Гум-Баши 1

Гум-Баши построена пыльцевая диаграмма (рис. 1), на которой можно выделить две зоны с подзонами. В спорово-пыльцевых спектрах отложения, за исключением подзон В1 и А2, преобладают злаки (*Poaceae*, 40–60%), которые и в современный период составляют большую долю альпийских лугов района. В подзоне В1 на спорово-пыльцевой диаграмме выделяется период появления пыльцы ели, которая может служить индикатором более влажных условий. Увеличение же доли сложноцветных (*Asteroideae*) в этот же период, вероятнее всего, отражает период максимальной пастбищной нагрузки на луговые сообщества изучаемой территории. Отдельным комплексом выделяется период, характеризующийся большой долей пыльцы березы (*Betula*) в спектре (до 50–60%) (подзона А2). Данный комплекс выделен в пределах однородного пометного слоя с включением углей. Наиболее правдоподобным объяснением является использование пастухами для костра веток березы в весенний период. В пользу этого предположения можно также указать то, что в этих слоях встречаются группы пыльцы березы (максимальное количество в слое 20–18 см – 9 групп), попавшие не при переносе зрелой пыльцы по воздуху, а непосредственно из пыльников.

Нижняя проба, отобранная для археоботанического анализа, содержит обугленные зерна проса обыкновенного (81 зерновка). Большая часть зерновок сохранила при себе остатки чешуй. Полученные материалы свидетельствуют о том, что пастухи, посещавшие навес Гум-Баши 1 в VIII–IX вв. н. э., приносили с собой просо, где его и очищали перед употреблением в пищу. Причем транспортировалось оно неочищенным, так как чешуи предохраняли зерна и обеспечивали лучшую сохранность при непредсказуемых погодных условиях. Из этнографических данных известно, что для лучшего отделения чешуй просо подсушивали на солнце, раскладывая малыми порциями, или слегка подогревали в духовке до температуры 40–50 °С (*Moreno-Larrazabal et al.*, 2015). Вероятно, по какой-то случайности часть этих зерен попала в очаг и сгорела, что и зафиксировано здесь. Подобные находки известны в пещерных отложениях на Северном Кавказе, например, в Гумском гроте, хотя просо относится в данном случае к позднему бронзовому веку (*Trifonov et al.*, 2017).

При разборе второй пробы обнаружены фрагменты пометин мелкого рогатого скота (МРС). Макроостатков культурных растений не найдено. Обе

археоботанические пробы похожи по составу дикорастущих растений и содержат семена луговой и рудеральной растительности.

Представленные результаты изучения зоогенного отложения Гум-Баши I являются предварительными. Их предварительность во многом связана с недостаточностью датирования отложения. Но даже уже по полученным данным мы можем говорить об уникальности изученного материала. При помощи естественно-научных методов нам удалось установить использование грота пастухами для приготовления пищи и укрытия МРС, сезонность посещения грота и подтвердить существование отгонного альпийского скотоводства.

Таким образом, результаты исследования такого нетрадиционного для исследователей объекта, как зоогенные отложения, являются уникальным источником информации о растительности региона и хозяйственной деятельности человека.

Литература

- Бабенко А. Н.*, 2012. Влияние выпаса скота на динамику растительности пустыни Негев (Израиль) в голоцене по палинологическим и археологическим данным // РА. № 3. С. 137–142.
- Гамкрелидзе Б. В.*, 1968. Из истории скотоводства в Ингушетии // КЭС. Вып. 2. Тбилиси. С. 237–247.
- Коробов Д. С., Бабенко А. Н., Сергеев А. Ю., Чернышева Е. В., Борисов А. В.*, 2017. Комплексные исследования каменных загонов и скальных навесов для содержания скота в окрестностях Кисловодска // Материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием «Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика». Пушкино, 22–24 мая 2017 г. Пушкино. С. 107–112.
- Савинецкий А. Б., Князев А. В., Квавадзе Э. В.*, 1992. Интерпретация спорово-пыльцевых спектров экскрементов животных // Историческая экология диких и домашних копытных. История пастбищных экосистем. М. С. 4–24.
- Шаманов И. М.*, 1972. Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX – начале XX в. // КЭС. Вып. 5. М. С. 67–97.
- Carrion, J. S., Scott L., Vogel J. C.*, 1999. Twentieth Century changes in mountain vegetation in the eastern Free State, South Africa, derived from palynology of hyrax dung middens // Journal of Quaternary Science. V. 14 (1). P. 1–16.
- Faegri K., Iversen J.*, 1989. Textbook of pollen analysis. Chichester.
- Moreno-Larrazabal A., Teira-Brión A., Sopelana-Salcedo I., Arranz-Otaegui A., Zapata L.*, 2015. Ethnobotany of millet cultivation in the north of the Iberian Peninsula // Vegetation History and Archaeobotany. V. 24 (4). P. 541–554.
- Trifonov V. A., Shishlina N. I., Lebedeva E. Yu., van der Plicht J., Rishko S. A.*, 2017. Directly dated broomcorn millet from the northwestern Caucasus: Tracing the Late Bronze Age route into the Russian steppe // Journal of Archaeological Science: Reports. V. 12. P. 288–294.

М. А. Бакушев

ООО «Археологическое общество Кубани», г. Ростов-на-Дону

А. В. Борисов

*Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пущино*

Н. Е. Рябогина

Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень

МИГРАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА НА РУБЕЖЕ ЭР¹

Картографирование археологических памятников албано-сарматского времени на территории Дагестана показывает, что на рубеже эр их основная масса сконцентрирована в приморской полосе и в предгорных районах при практически полном отсутствии памятников в горах и высокогорьях. Факт наличия в горах многочисленных археологических памятников других эпох опровергает возможное предположение о слабой археологической изученности горных и высокогорных районов.

На схеме (рис. 1, 1) видно, что раннее албано-сарматское время IV–II вв. до н. э. представлено небольшим количеством археологических памятников, расположенных почти во всех высотных зонах и не создающих каких-либо очагов концентрации.

На рубеже эр (рис. 1, 2) большая часть памятников, как уже отмечалось, расположена на Прикаспийской равнине и в предгорьях при почти полном отсутствии в горах и высокогорьях. В это время схожая картина наблюдается и на территории Чеченской Республики и Азербайджана. Исключение составляет лишь расположенный в горной зоне Дагестана Цархи-гоцинский могильник первых веков новой эры (датируется по фибуле «Avcissa»). Надо отметить, что могильник не исследован (местным учителем истории лишь переданы вещи из разрушенного склепа).

Начиная с III в. н. э. наблюдается рост количества поселений и могильников в горах (рис. 1, 3). При этом высокогорные районы по-прежнему остаются малонаселенными. Процесс роста числа поселений с указанного времени происходил непрерывно и уже к периоду раннего средневековья привел к пику заселения горных районов.

Косвенно на слабую заселенность на рубеже эр среднегорной зоны и высокогорий Дагестана указывают и такие маркерные предметы, как антропоморфные статуэтки. Все известные образцы антропоморфной пластики албано-сарматского времени датируются либо последней третью I тыс. до н. э., либо уже временем перехода к раннему средневековью.

Нами выдвинута гипотеза, что в основе процесса уменьшения или полного исчезновения населения в горных районах Дагестана на рубеже эр лежат две группы факторов, связанные с изменением климата и политической обстановкой на Северо-Восточном Кавказе в этот период.

Реконструкция климатической ситуации в рассматриваемый период основана на данных палинологических исследований торфяника у с. Шотода Хунзахского

¹ Исследование выполнено за счет средств Российского научного фонда, грант 17-18-01406.

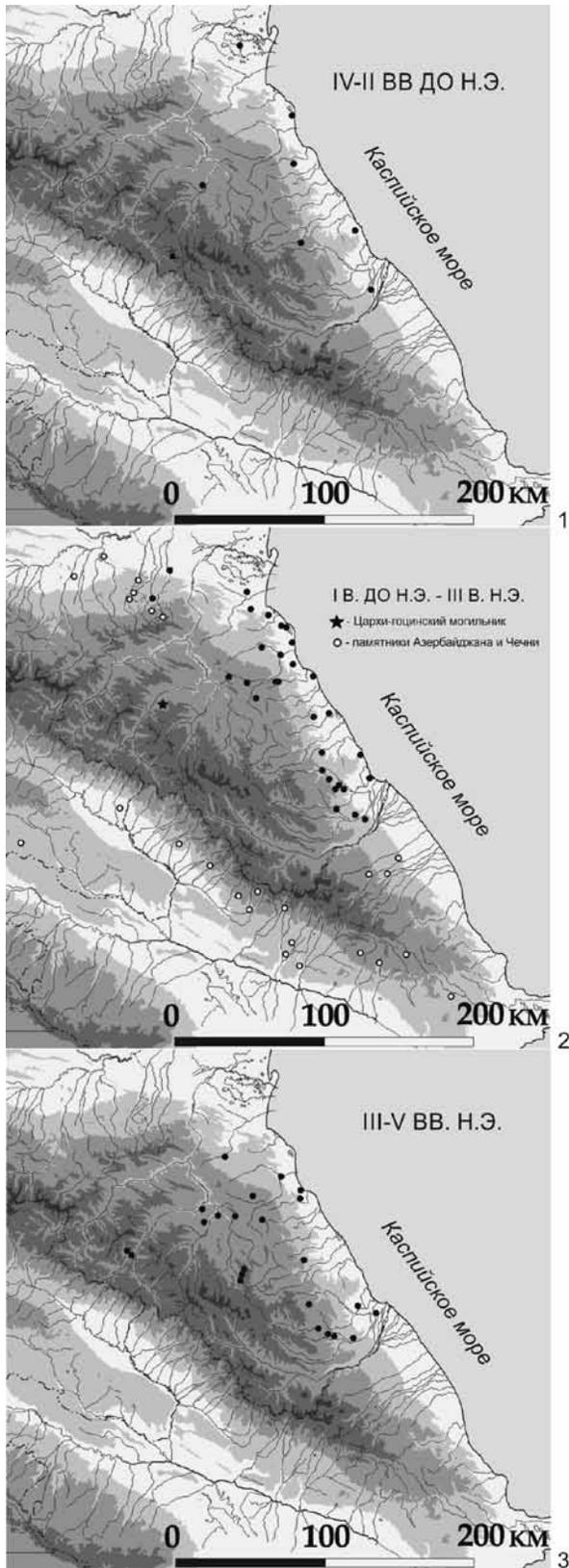

Рис. 1. Карты Северо-Восточного Кавказа с обозначением археологических памятников Дагестана рубежа эр

района (см. статью Н. Е. Рябогиной с соавторами в настоящем сборнике). Интервал IV в. до н.э. – середина IV в. н.э. (калиброванная дата – 1680–2420 л.н.) представлен отложениями торфа на глубине 33–43 см. Анализ данных о скорости торфонакопления показывает, что в целом этот период характеризовался умеренным увлажнением с возрастанием нормы осадков около III в. до н.э., а также в I и V вв. н.э., которые были разделены более продолжительными эпизодами сокращения доли осадков. В целом, общему улучшению увлажнения в рассматриваемую пору предшествовал достаточно длительный засушливый период, финал которого приходится на время около VI в. до н.э.

Температурные условия менялись более существенно. Палинологические и макроботанические данные указывают на то, что с IV в. до н.э. начинается активное зарастание склонов сосново-березовыми редколесьями, причем вероятно это проявляется повсеместно в регионе. В это же время изменяется и состав широколиственных пород: кроме редких участков с примесью дуба, вяза и липы впервые появляются леса с буком и увеличивается участие граба. Обе эти породы хорошо выдерживают холод, отличаются морозоустойчивостью и могут подниматься достаточно высоко в горах, не требовательны к увлажнению почвы. Данные об изменениях в составе древесных пород однозначно указывают на заметное похолодание; при этом наиболее холодные интервалы, вероятно, приходятся на время около II в. до н.э. и II в. н.э. Существенно возросла площадь лесов по долинам и склонам северной экспозиции. Облесение склонов, причем именно за счет сосны и березы, наблюдается в первой половине субатлантического периода

голоцена в разных районах Кавказа. С похолоданием II в. до н.э. связано резкое снижение антропогенного прессинга: в пыльцевых спектрах нет признаков земледелия, только незначительное количество пыльцы пастбищных сорняков.

Признаки антропогенного преобразования ландшафтов также существенно варьировали на протяжении рассматриваемого периода. Маркеры земледелия в виде стабильного участия пыльцы сорняков в спектре, а также по пыльце культурных злаков отмечены в отложениях, датированных IV в. до н.э. и I–III вв. н.э. В слоях III в. н.э. удалось идентифицировать вид культурных злаков – пшеница и ячмень (примерно в равных пропорциях). Им сопутствуют сорные растения, расселяющиеся на полях – различные представители семейства зонтичных и капустных, а также гречишка и конопля. Другая группа сорных растений, вероятно, связана с жильем и выпасом – марь, подорожник, чертополох, бодяк и др., что указывает на довольно интенсивное заселение региона. Одним из маркеров природных условий можно считать экстремальный подъем зольности торфа, особенно в отложениях, датированных III в. н.э., который, по-видимому, указывает на усиление эрозии и эолового переноса мелкозема с распаханых участков в зимний период.

С похолоданием в горах и высокогорьях Дагестана в последние века до новой эры неминуемо должно было осложнить ведение традиционного образа жизни и привычного цикла землепользования. На этом фоне улучшение увлажнения с III в. до н.э. сделало природный фон на Прикаспийской равнине более приемлемым для хозяйства. Вероятно, для периода последних веков до новой эры речь может идти не об исчезновении населения среднегорной и высокогорной зон, а об их миграции на равнинную и в предгорную зоны. Время и продолжительность этого предполагаемого процесса достоверно не известны, ввиду недостаточности исследованных памятников и данных хронологии.

Одновременно на Прикаспийской равнине и в предгорьях в период со II в. до н.э. создаются достаточно благоприятные политические условия, связанные с замыканием Прикаспийской равнины с севера сарматизированными группами мигрантов, оставивших в районе Махачкалинского прохода во II–I вв. до н.э. такие погребальные памятники, как Зеленоморский курган-кладбище, курган Хунтуп, Манаскентский могильник. С момента последних веков до новой эры основное количество городищ и могильников концентрируется к югу от зоны расселения кочевых мигрантов, практически стыкуясь с ней. В контактной зоне расположены такие памятники, как Карабудахкентский (I–III вв. н.э.) и Таркинский могильники (I–II вв. н.э.), в которых было зафиксировано смешение местной культуры и культуры кочевых мигрантов. По мнению А.А. Кудрявцева, южной границей продвижения сарматских племен был район современного г. Избербаш. Возможно, что выдавливание кочевников за Сулак в I – начале II в. н.э. произошло, в том числе, и под влиянием местного населения. Земли южнее Дербента в этот период попали в сферу влияния Кавказской Албании. На Прикаспийской равнине и в предгорьях местные племена, помимо земледелия и скотоводства, получили возможность также участвовать в транзитной меновой торговле, став посредниками между богатыми земледельческими и ремесленными районами Закавказья и кочевниками.

Дальнейшие исследования в этом направлении позволят более детально представить миграционные процессы, динамику климата и политическую ситуацию в Дагестане на рубеже эр.

В. Г. Бездудный
Лаборатория археологической геофизики, г. Ростов-на-Дону
У. Ю. Кочкаров
Институт археологии РАН, г. Москва
А. Ю. Айбазов
*Центр археологических и этнографических исследований КЧГУ
имени У. Д. Алиева*

ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ (МАГНИТОМЕТРИЧЕСКИЕ, ГЕОРАДАРНЫЕ) РАБОТЫ НА ХУМАРИНСКОМ ГОРОДИЩЕ (ПОЛЕВЫЕ СЕЗОНЫ 2010-2012 гг.)¹

Хумаринское городище расположено в Карачаевском районе Карачаево-Черкесской Республики. В период 2010–2012 гг. исследовалось комплексом геофизических методов Лабораторией археологической геофизики совместно с ИА РАН, под руководством У. Ю. Кочкарова. Исследования были сосредоточены в центральной и южной части городища. Современная территория городища используется под выпас скота; в 1960–1990-х гг. вся площадь городища распахивалась, причем в начале проводилась его плантажная вспашка. По свидетельствам старожилов, глубина плантажа доходила до 0,5–0,6 м. Культурный слой в местах плантажной вспашки переотложен. На поверхности участков геофизических исследований встречаются камни, в том числе со следами обработки. Было сделано предположение, что, возможно, плантаж мог неполностью разрушить остатки предполагаемых сооружений южнее башни, в центральной и южной части городища. Первоначальные исследования ставили перед собой задачу попытаться выявить остатки сооружений либо конструкций на исследуемой территории.

В конце полевого сезона 2010 г. проведены геофизические (магнитометрические) работы. Применялся магнитометр POS-2 в его градиентометрической (двухканальной) модификации, в режиме вертикального градиента. Сеть измерений велась с точностью 0,5×0,5 м. Исследована площадь 13 750 кв. м, проведено 29 192 физических наблюдений магнитного поля. По всей площади исследований наблюдается множество мелких и крупных всплесков магнитного поля от наличия современного металла в пахотном слое. На одном тестовом участке на местность вынесены места всплесков магнитного поля и проверены металлодетектором. Проверка показала присутствие современных фрагментов железа.

Площадка перед «главными воротами» не дала контрастных аномалий, которые могут быть связаны с элементами внутреннего строения городища и его отдельных сооружений. Площадка в центре южной половины городища также не дала аномалий, которые возможно было бы соотнести с остатками древних конструкций. Лишь в юго-западной части городища, в рамках площадки № 3, непосредственно в западной части городища, наблюдается ряд аномалий, возможно, связанных с археологическими объектами.

В летний сезон 2011 г. продолжены геофизические (магнитометрические) работы. Исследована площадь 3744 кв. м, сделано 8108 физических наблюдений

³ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ проект №18-09-00641 А.

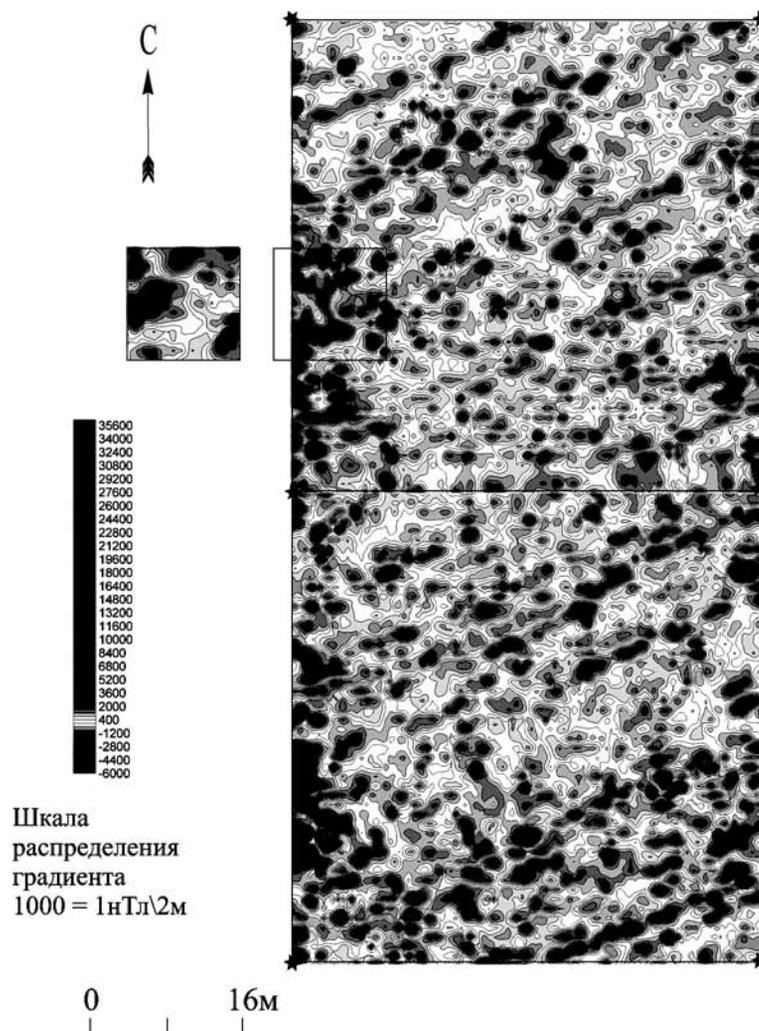

Рис. 1. Распределение магнитного поля на участках исследования

магнитного поля. Проведено уточнение выявленных аномалий магнитного поля под стенами в юго-западной части городища (Бездудный, Кочкаров, 2015. С. 10–11).

Подтверждается выявленная в 2010 г. в этом месте аномалия магнитного поля, связанная с наличием здесь археологического объекта (рис. 1). Последующие раскопки выявили рядом с валом землянку и косторезную мастерскую (Кочкаров, Тоторкулов, 2012. С. 344–345; Кочкаров, 2014. С. 240–244). Полученные данные практически на всех участках позволяют говорить об аномалиях магнитного поля, связанных с современной человеческой деятельностью. После удаления (фильтрации) паразитных всплесков магнитного поля, можно говорить о наличии линейных аномалий по всей площади исследования, ориентированных по линии северо-восток – юго-запад. Происхождение их связывается с остатками борозд от вспашки. Ярко выраженных аномалий, которые могут быть связаны с остатками строений, конструкций и других элементов внутренней планировки городища, не наблюдается.

Еще одной из задач геофизического исследования была попытка выявить местоположение остатков водопровода, сооруженного из керамических

толстостенных труб. Водопровод функционировал до проведения плантажной вспашки. После плантажа водовод и колодец прекратили свое функционирование, и их местоположение было утеряно. Была исследована площадка полосой 150 на 10 м, с ориентировкой запад–восток, перпендикулярно предполагаемому расположению водовода. Анализ полученных данных на этой площадке позволяет говорить только об аномалиях магнитного поля, связанных с современной человеческой деятельностью. Наблюдается множество мелких и крупных аномалий от наличия металла в пахотном слое. Аномалий, которые могут быть однозначно отождествлены с остатками водопровода, в рамках границ площадки геофизического исследования (магнитометрия) не выявлено. Возможное объяснение заключается в том, что водопровод, если он и проходил через исследуемые участки, был уничтожен плантажной вспашкой.

Осенью 2012 г. были проведены георадарные исследования. Исследована площадь в 1760 кв.м. Для георадиолокационной съемки применялся георадар МАРС300-4, с рабочей частотой антенн 300 МГц и четырьмя жестко увязанными профилями. Один проход позволял получать 4 георадарных профиля на расстоянии 32,5 см между собой. Ширина полосы охвата георадара за один проход – 130 см. Георадарные данные на участках фиксируют слабые структуры на глубинах ниже глубины вспашки. Скорее всего, георадар зафиксировал геологическую подоснову участка и скальные выходы под поверхностью исследования. Также прослеживаются линейные изменения в грунте на всей площади участков георадарного исследования. Вероятно, георадаром были также зафиксированы остатки борозд плантажной вспашки.

На основе проведенных комплексных геофизических исследований можно говорить об отсутствии в центральной и южной части Хумаринского городища остатков стационарных сооружений и конструкций. Вероятно, эта территория в древности использовалась для легких наземных сооружений, которые, скорее всего, уничтожены распашкой и не фиксируются геофизическими методами. Остатки сооружений зафиксированы под западным валом как геофизическими методами, так и археологическими исследованиями. Дальнейшие археологические исследования (шурфовки и раскопки), а также бурение в местах аномалий помогут уточнить полученные геофизические данные.

Литература

- Бездудный В. Г., Кочкаров У. Ю.*, 2015. Опыт применения геофизического метода исследований на Хумаринском городище в КЧР // Вторая международная конференция «Археология и геоинформатика». М.
- Кочкаров У. Ю.*, 2014. К развитию ремесла на Хумаринском городище, Карачаево-Черкесия // КСИА. Вып. 236.
- Кочкаров У. Ю., Тоторкулов Н. Х.*, 2012. Новые исследования на городище Хумара в верховьях Кубани // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала.

А. Е. Безматерных
ООО «Археологическое общество Кубани», г. Ростов-на-Дону

ПОСЕЛЕНИЕ «ГОСТАГАЕВСКОЕ ЗАПАДНОЕ 2» (РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК 2016 г.)

Поселение «Гостагаевское Западное 2» было выявлено в 2015 г. Памятник расположен на территории муниципального образования город-курорт Анапа, на пологом склоне водораздельного хребта левого берега р. Шкуратка. В центральной части поселение разделено неглубокой промоиной, оставленной ныне уничтоженным запашкой ручьем. Размеры поселения, судя по границам распространения подъемного материала, составляют 350×130 м. Весной 2016 г. участок поселения площадью 6000 кв. м был исследован отрядом экспедиции ООО «ФНК» (Липецк) по Открытому листу автора.

В ходе работ были выявлены остатки наземной постройки с сырцовым очагом, три хозяйственные ямы и три погребения. Кроме того, в разных частях поселения были выявлены скопления камней, в том числе линейные – возможно, остатки фундаментов наземных построек жилого или хозяйственного назначения.

Постройка (объект 11) была зафиксирована по распространению глиняной обмазки и фрагментов керамики. В границах постройки располагался глинобитный наземный очаг.

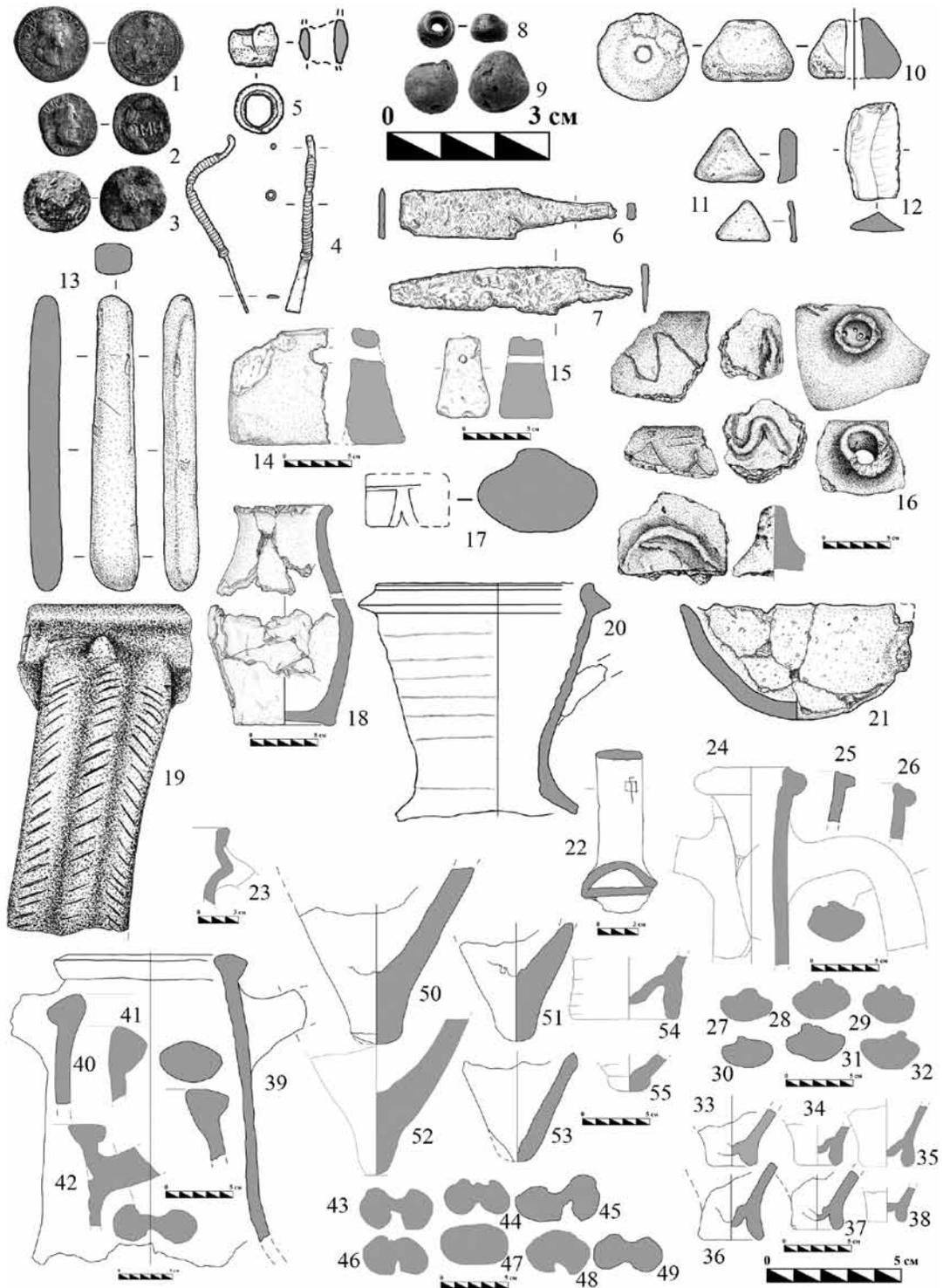
Ко времени бытования поселения (I–III вв. н. э.) относится погребение 2, обнаруженное в процессе разбора постройки на стыке четвертого и пятого пластов. Захоронение было совершено под полом постройки. Скелет погребенного (подростка 12–15 лет) располагался на правом боку головой на запад, ноги согнуты в коленях. Инвентарь представлен гагатовой бусиной (рис. 8), очевидно находившейся на груди покойника.

Погребение 1 безынвентарное. В погребении 3 у головы костяка найдены фрагменты лепного сосуда, в районе шейных позвонков находились сильно окисленные янтарные бусы (рис. 1, 9). Датировка погребений затруднена.

Выявленные в районе постройки три хозяйственных ямы не содержали материала. В то же время в ряде квадратов на уровне четвертого пластов отмечены скопления керамики. Можно предположить, что некоторые хозяйственные ямы были неглубокими – не заглублены в материк и не фиксировались в слое.

Комплекс находок из слоев поселения «Гостагаевское Западное 2» хронологически укладывается во вторую половину I – конец III вв. н. э. Основная часть материала концентрируется на уровне третьего и четвертого пластов. Датировка устанавливается по нескольким категориям находок, которые описаны ниже.

На поселении найдены 3 медные монеты (рис. 1, 1–3). Одна из них в хорошем состоянии и определяется как динарий боспорского царя Савромата II (186–196 гг.) (рис. 1, 1). Две другие – сестерции (рис. 1, 2, 3). Штамп первой указывает на чеканку боспорского царя Риметалка и датируется промежутком 20–30 гг. II в. н. э. Штамп третьей с аверса не читается, позволяя датировать монету не уже чем конец I–II вв. н. э. Таким образом, датировки монет очерчивают нижнюю границу возникновения поселения.

Рис. 1. Поселение Гостагаевское Западное-2, материалы из раскопок. 1-3 – медные монеты; 4 – бронзовая фибула; 5 – бронзовая пронизь; 6-7 – железные ножи; 8-9 – бусины; 10 – ткацкое грузило; 11 – керамическая фишка; 12 – фрагмент кремневого орудия; 13 – каменный оселок; 14 – очаговая подставка; 15 – трапециевидное грузило; 16 – фрагменты лепных сосудов; 17 – клеймо на ручке амфоры; 18 – лепной сосуд; 19 – декорированная ручка сероглиняного сосуда; 20 – горло гончарного кувшина; 21 – лепная пиала; 22 – ручка с граффито; 23 – фрагмент амфоры Кх 1; 24-38 – фрагменты светлоглиняных амфор; 39-55 – фрагменты красноглиняных амфор

Металлические находки представлены изделиями из бронзы – фибулами (в частности, проволочная одночленная фибула группы 15 серии 1 с узкой ножкой (лучковые подвязные фибулы), 4 варианта по А. К. Амброзу с обмоткой спинки (рис. 1, 4) датируется второй половиной (концом?) II – первой половиной III в. н. э.). Также была найдена бронзовая бусина (или часть пронизи) (рис. 1, 5). Вторая группа – фрагменты железных ножей (рис. 1, 6, 7).

Керамика на памятнике представлена набором, характерным для поселений античной Кубани. Это амфорная тара, толстостенные крупные сосуды, гончарная хозяйственная и столовая посуда, кружальные сероглиняные сосуды и лепная керамика.

Толстостенные сосуды (стационарная тара) представлены фрагментами пифосов и толстостенных корчаг.

Амфорная тара представлена тремя группами сосудов.

Во-первых, это узкогорлые светлоглиняные сосуды, с ручками, профилированными продольными ребрами, на небольшой ножке (рис. 1, 24–38). Такие амфоры отличаются небольшим размером. Глина светлая, от светло-оранжевой до белесой, а также розоватая, с примесями песка и пироксена. В основном, это амфоры Гераклеи, тип CIV (по С. Ю. Внукову), с узким горлом и узкой ножкой. Их датировка дает основной диапазон существования поселения – вторая четверть I–III вв. н. э. Розовым оттенком черепка, примесями крупного пироксена и большей, нежели у Гераклеи, плотностью отличаются синопские амфоры. К ним относится фрагмент профилированной ручки с клеймом на боковой стороне (рис. 1, 22). Клеймо сильно затерто, читается крупная буква «А».

Во-вторых, это разнообразные широкогорлые амфоры большой вместимости из красной или розовой глины (рис. 1, 39–55). По происхождению это сосуды боспорского производства, а также различных ремесленных центров Крымского полуострова. Ручки массивные, в сечении округлые, овальные или овальные с профилированием канавками и ребрами (рис. 1, 43–49). Датировка этих сосудов укладывается в конец II–IV вв. н. э.

В-третьих, фрагменты коричневоглиняных амфор из Восточного Причерноморья – Kx1 по С. Ю. Внукову (рис. 1, 23). Их производство привязывается к территории современных Грузии и Абхазии (Диоскуриада (римский Себастиополис), окрестности античного Питиуса). Датируются в пределах II–IV вв. н. э.

Гончарная керамика представлена фрагментами небольших римских краснолаковых столовых сосудов открытых форм (тарелок или пиал), а также красноглиняной хозяйственной керамикой (фрагменты кувшинов (рис. 1, 20), в т. ч. с витыми ручками и крупных ойнохой). Хозяйственные сосуды в основном причерноморского производства. Кроме того, выделены фрагменты сосудов, вероятно, средиземноморского происхождения.

Сероглиняная кружальная керамика (меотского и синдского производства) представлена фрагментами столовых и хозяйственных сосудов: мисок, кувшинов и корчаг. Отдельно можно упомянуть фрагмент венчика кувшина с ручкой, декорированной тремя рядами косых насечек по наружной поверхности (рис. 1, 19).

На поселении выявлены фрагменты хозяйственных лепных сосудов баночной формы и горшков (рис. 1, 18). На данном типе керамики встречается орнамент в виде конических, а также вытянутых по горизонтали или вертикали

налепов. Встречается также орнамент в виде «лунниц» и декоративных ручек-налепов (рис. 1, 16). Кроме того, найдено несколько фрагментов лепной столовой посуды (мисок) и археологически целая пиала (рис. 1, 21).

Прочие находки представлены пряслицами (рис. 1, 10), ткацкими грузиками (рис. 1, 15), рыболовными грузилами, очажными подставками (рис. 1, 14), сырцовыми кирпичами, каменной пулей для пращи, каменными и керамическими лопатами, оселками из плотной мелкозернистой породы (рис. 1, 13), бусами из полупрозрачного голубого стекла, гагата, янтаря. Следует отметить также несколько близких по размерам треугольных фишек, изготовленных из стенок гончарных сосудов, которые были обнаружены в районе постройки (рис. 1, 11).

Упомяну также фрагменты глиняной обмазки построек и очагов, высушенных на солнце или обожженных, иногда с отпечатками органики (травы, дерева, тростника).

Подводя итог можно сказать, что «Гостагаевское Западное 2» – это небольшое земледельческое поселение, вероятно, относящееся к хоре Горгиппии. Согласно современным исследованиям, в античности Витязевский лиман являлся частью Черного моря. Следовательно, поселение находилось относительно недалеко от морского побережья. Таким образом, р. Шкуратка и море могли быть альтернативным путем сухопутному для доставки продукции поселения в город. Доказательством плотной связи поселения с Горгиппией служит состав керамической тары. То, что на площади раскопа 6000 кв. м зафиксировано всего одно достоверное жилище и несколько цепочек плоских камней, позволяющих остатками фундаментов, позволяет предположить хуторской, возможно сезонный, характер поселения.

И. О. Гавритухин,
Институт археологии РАН, г. Москва
А. А. Кадиева,
Государственный исторический музей, г. Москва
А. И. Торгоев
Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

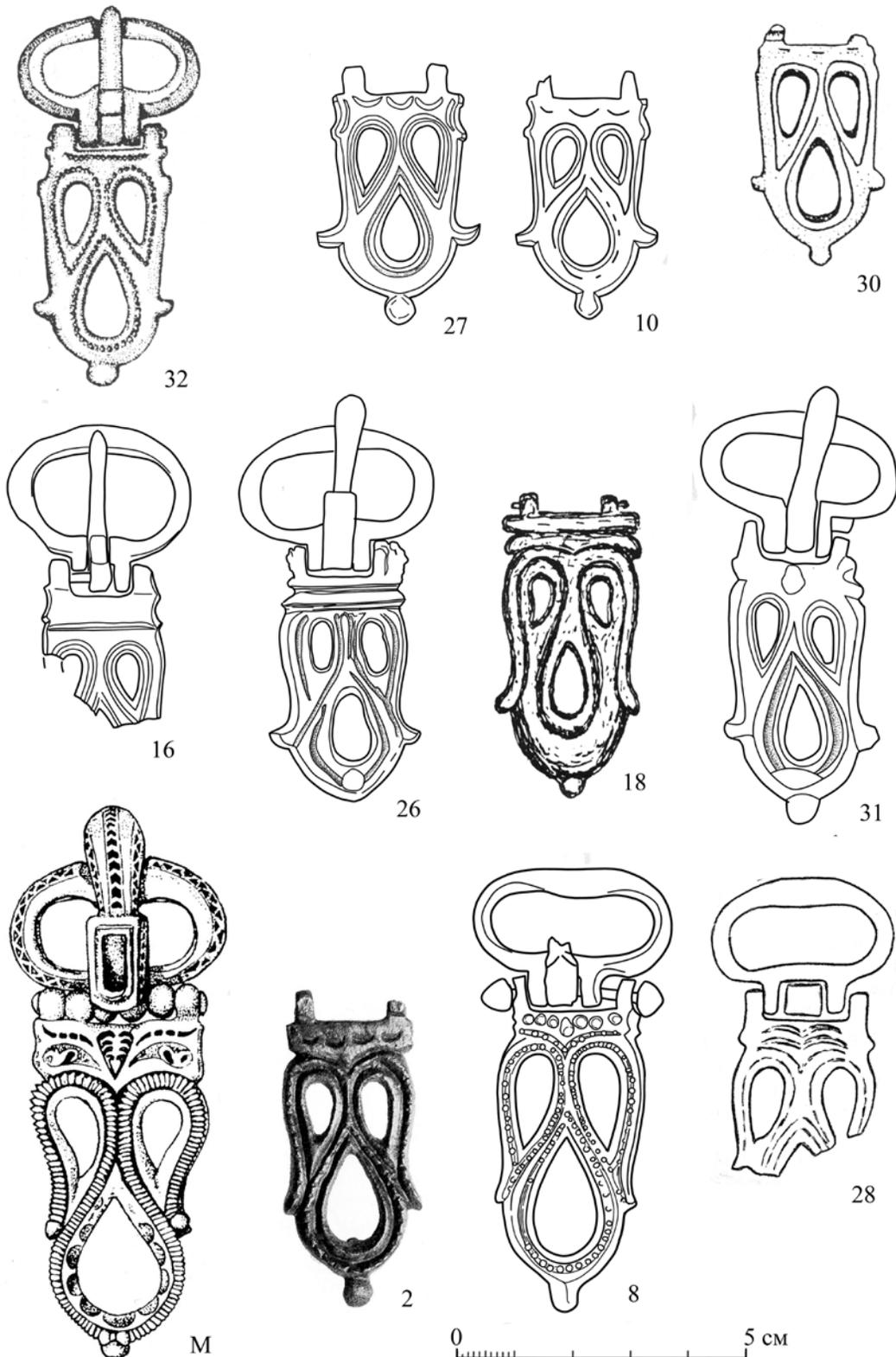
КАВКАЗСКАЯ СЕРИЯ ПОДРАЖАНИЙ ПРЯЖКАМ ТИПА МИТИЛЕНА

На данные пряжки обратила внимание В. Б. Ковалевская (1979. С. 30–31), выделив их в тип 30 отдела II. Она учла 11 экз. с Северного Кавказа и 1 экз. из Казахстана (как шарнирные, так и цельнолитые), без аргументации датировав их концом VI–VIII вв. и рассматривая как северокавказскую продукцию по «западным» образцам. Наиболее полно они изучались М. Шульце-Дёррламмом, которая выделила их в тип E24, учла 16 пунктов находок от Поволжья до Эгейского моря и Ирана, указала на наличие иберийского варианта и цельнолитых реплик в Паннонии (тип Болы – Желовце) и, опираясь на комплексы с монетами, отнесла формирование типа к концу VI – началу VII вв., датировав его не позднее середины VII в. (*Schulze-Dörrlamm*, 2009. S. 77–79).

И. О. Гавритухин в ряде докладов (конец 1990-х гг.; не опубликованы) рассматривал пряжки из клада в Митилене на о. Лесбос (рис. 1, 8) в контексте византийских пряжек схожей формы, сделанных из драгоценных металлов, указав на ряд локальных серий их имитаций. Как подражание образцу из Митилены с прорезями на обойме он рассматривал не менее двух серий, известных в основном на западе Балкан и в Среднем Подунавье (отчасти соответствуют типу Болы – Желовце), и одну, сохранившую шарнирную конструкцию и распространенную преимущественно на Северном Кавказе. Ей и посвящена данная работа.

Нами учтено более 30 экз. кавказской серии не менее чем из 25 пунктов, в ряде случаев уточнены данные о находках (см. каталог; рисунок). Это позволяет более детально рассмотреть кавказскую серию, выделяя этапы переработки образцов. Наиболее близки прототипам те, что имеют на обойме четко выраженную площадку, орнаментированную наиболее близко образцу из Митилены, иногда рельефные валики вокруг прорезей имеют нарезки, также имитирующие исходник (№ 2, 8, 17). Дату определяет клад в Митилене с 30 монетами, позднейшие из которых – императора Ираклия, выпущенные в 613–629/630 гг.

Пряжки следующего этапа имеют площадку с крыловидной орнаментацией (№ 6, 19, 20, 24, 28, 29) или поперечными бордюрами (№ 5, 7, 16, 25), иногда совмещая эти элементы (№ 18). Есть экземпляры с деформированной или упрощенной площадкой (№ 3, 31). Для датировки ранних образцов показательным является погребение в Талли-Малиян с монетой Хосрова II (591–628 гг.), соотносимое с контекстом до арабского завоевания Ирана. Кат. 113 Мокрой Балки по керамике относится В. Ю. Малашевым к периоду Шб, датированному 620/630–670/680 гг. (*Гавритухин*, 2001). Комплексы из Чир-Юрта датированы около середины – второй половины VII в. (*Гавритухин, Казанский*, 2006. С. 323). В Даргавсе обойма рассматриваемой пряжки нашита на ремень узды, т. е., скорее всего, использована

Рис. 1. Образец из Митилены (М) и подражания кавказской серии (позиции соответствуют номерам в каталоге): М, 2 – по *Schulze-Dörrlamn*, 2009; 7 – рис. И. О. Гавритухина; 8, 10, 16, 27, 31 – рис. А. И. Торгоева; 31 – рис. А. А. Кадиевой; 18 – рис. А. П. Рунича; 26 – рис. И. О. Гавритухина; 28 – рис. А. К. Амброза; 30 – по *Хайнрих*, 1995; 31 – рис. А. А. Кадиевой; 32 – по *Айбабин*, 1990

вторично. Погребение 286 в Старом Бадиково временем не ранее середины VII в. датирует плоская сьюльгама/бляха с длинными «усами» и очень широкими «крыльями» иглы (Ахмедов, 2010. С. 12–13).

К более типологически поздним относятся пряжки с зауженной площадкой и/или спрямленными боками, резко выделенными боковыми выступами, закрепляя тенденцию, проявившуюся на предшествующем этапе. Особая вариация, с прорезями, окаймленными точками, представлена в Причерноморье и, пока в единственном экземпляре, на Северном Кавказе (№ 1, 20, 32). Локальный вариант в центральной части Северного Кавказа характеризуется площадкой, украшенной тремя дугами (№ 10, 27). Находка из кат. Г в Чми (№ 30) предельно упрощена. Цельнолитые пряжки на Кавказе и из погр. 922 в Шокше (Мордовия) являются дериватами кавказской серии или связаны с балкано-дунайской линией переработок пряжек типа Митилена. Экземпляр из Красного Маяка (№ 15) – один из примеров совмещения элементов рассматриваемых пряжек и пряжек других типов. Этот этап датируется не ранее середины VII в., не исключая «захода» в VIII в.

Ряд находок из Ирана позволяет ставить вопрос о том, что образцы для переработок на Северном Кавказе могли быть получены именно через Иран, где известны и другие пряжки византийского круга. Или же кавказскую серию делали как в Иране, так и на Кавказе, где производство таких вещей не прекратилось в связи с арабским завоеванием.

Каталог

ГИМ – Государственный исторический музей (М); ГЭ, ОВ – Государственный Эрмитаж (С-Пб), Отдел Востока; ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры (С-Пб); К. – Ковалевская, 1979.

1. Аксаково / *Трайкова*, 2017. С. 246, № 403. Табл. 46, 403.
2. Амлаш / *Schulze-Dörrlamm*, 2009. S. 77; Abb. 283.
3. Архон, кат. IX / К., № 618.
4. «Византия» / *Schulze-Dörrlamm*, 2009. S. 78; Abb. 26, 16.
5. Гунделен / К., № 619. Табл. XIII, 8.
6. Даргавс, кат. 27 / *Дзаттиаты*, 2014. Табл. XLVII, 25.
7. Джагаинский 1, скальная мог. 30 / *Ковалевская*, 2005. Рис. 117, 61; уточнение С.Н. Савенко.
8. Жаман-Каргалы, курган, раскопанный Ж.-А. Кастанье в 1909 г. / *Мякишева*, 2017. С. 341. Фото 5.
9. Едыс, погребение 8 / *Дзаттиаты*, 2006. Рис. 11, 10.
10. Камунта, покупка у Комарова/ ГИМ: Оп. 1635/411 / К. № 620.
11. Камунта, случайная находка. ГЭ, ОВ: № 1092 / К., № 621.
12. Камунта, случайная находка. ГЭ, ОВ: № 1428 / К., № 622.
13. Кас-и-Абу-Наср / *Whitcomb*, 1985. Fig. 64h.
14. Кас-и-Абу-Наср, в помещении / *Whitcomb*, 1985. Fig. 64e.
15. Красный Маяк, разрушенное погребение / *Ларенок*, 2013. Рис. 13, 2.
16. Кумбулта, покупка у Дзелихова / ГИМ, № 20227-66, Оп. Б 1641/162 / К., № 623.
17. Лермонтовская скала 2, кат. 1/1981 / Информация С.Н. Савенко.
18. Луначарка 1, погр. 32/ Информация С.Н. Савенко.
19. Мокрая Балка, кат. 113 / *Афанасьев, Рунич*, 2001. Рис. 125, 4.
20. Нальчик, из коллекции Агжигитова / ГЭ, ОВ: № СК-97.
21. Сев. Кавказ, из коллекции Ольшевского / ГЭ, ОВ: № КЗ-1428.
22. Как 21 / Фотоархив ИИМК РАН: № Q.503.38.
23. Как 21 / Фотоархив ИИМК РАН: № Q.503.38.
24. Старое Бадиково, погр. 286 / *Петербургский*, 2011. Рис. 222, 7.
25. Талли-Малиян, погр. U-168 / *Balcer*, 1978. Pl. Пб.
26. Хасаут, склеп 5/1979 / К., № 625; уточнение С.Н. Савенко.
27. Чегем, покупка у Вырубова/ ГИМ: № 38370, Оп. Б 1368/208. Лит.: К., № 624.

28. Чир-Юрт (раскопки Костюченко), погр. 53а / Ковалевская, 2005. Рис. 52, 7.
29. Какт. 28, погр. 56в / Ковалевская, 2005. Рис. 55, 4.
30. Чми, катакомба Г / Хайнрих, 1995. Табл. XVI, 4.
31. Чми (Верхний), из коллекции Филимонова/ ГИМ 54746: Оп. Б. 466/458.
32. Эски-Кермен, склеп 249 / Айбабин, 1990. Рис. 44, 7.

Литература

- Айбабин А. И.*, 1990. Хронология могильников Крыма позднееримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, этнографии и истории Таврии. 1. С. 3–86, 175–241.
- Афанасьев Г. Е., Рунин А. П.*, 2001. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М.
- Ахмедов И. Р.*, 2010. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. С. 7–34. М.
- Гавритухин И. О.*, 2001. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Малашев В. Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. С. 40–49, 146–148. М.
- Гавритухин И. О., Казанский М. М.*, 2006. Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V–VI вв. // Археологические вести. 13. С. 297–344.
- Дзаттиатты Р. Г.*, 2006. Царциатские памятники: Едысское городище и могильники. Владикавказ: Ир.
- Дзаттиатты Р. Г.*, 2014. Аланские древности Даргавса. Владикавказ: Ир.
- Ковалевская В. Б.*, 1979. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М.
- Ковалевская В. Б.*, 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Пущино.
- Ларенок П. А.*, 2013. Раннесредневековые погребения курганного могильника Ливенцовский II // Хазарские древности. С. 193–209. Аксай.
- Мякишева О. А.*, 2017. Материалы Оренбургской ученой архивной комиссии // IX Оразбаевские чтения. С. 340–343. Алматы.
- Петербургский И. М.*, 2011. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск.
- Трайкова Л. А.*, 2017. Колангюжно от Долен Дунав – края на III– начало на VII в. София.
- Хайнрих А.*, 1995. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // *Alanica*. III. С. 184–258. Владикавказ.
- Balcer M.* Parthian and Sasniancjin and Burials // *Iran*. № 16. 1978. P. 86–92.
- Schulze-Dörrlam M.*, 2009. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschlage im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. T. II. Mainz.
- Whitcomb D.*, 1985. Before the roses and nightingales. Excavations at Qasr-I Abu Nasr, Old Shiraz. NY.

М. С. Гаджиев
*Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала*

К. Б. Шаушев
ООО «НПЦ туризма и краеведения», г. Махачкала

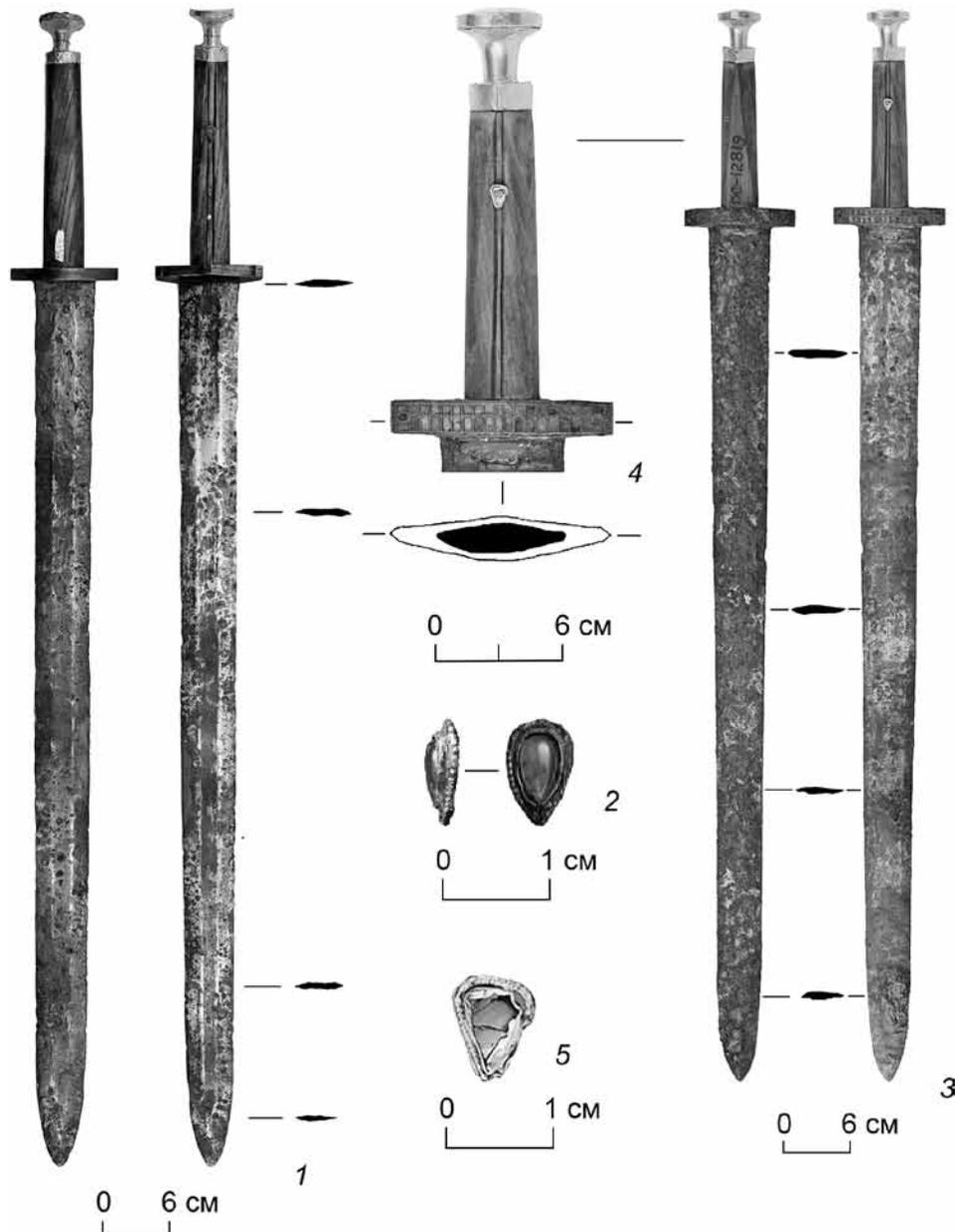
МЕЧИ V В. Н.Э. ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ИНГУШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ КРАЕВЕДЕНИЯ ИМ. Т. МАЛЬСАГОВА

В фондах Ингушского государственного музея краеведения им. Т. Мальсагова (г. Назрань)¹ хранятся два меча, найденных на территории Ингушетии и поступивших в музей в 2013 г. К сожалению, точное место и обстоятельства обнаружения мечей, а также сопутствующие им находки неизвестны. Мечи поступили в музей уже в «отреставрированном виде» (до осмотра специалистами), рукояти (деревянные накладки) обоих мечей и гарда меча № 1 являются результатом реконструкции «реставратора».

Меч № 1 – железный двулезвийный (рис. 1, 1) (общая реставрированная длина меча – 103 см), с прямым, постепенно суживающимся к подтреугольно-закругленному концу клинком уплощенного шестигранного сечения. На клинке на обеих поверхностях – долы. Клинок длиной 80,2 см с широкой (5,3 см) пятой. Рукоять и перекрестие меча реставрированы, на поверхности клинка сняты коррозионные наросты. Судить о точной длине штыря рукояти без разбора деревянных обкладок рукояти не представляется возможным; наличие и форма исконной гарды у меча не ясны, так как у данного экземпляра – современное деревянное перекрестие. Фигурное навершие рукояти меча плакировано золотым листом. На современной деревянной обкладке рукояти закреплена подлинная золотая накладка (размеры – 1,4×0,7×0,4 см), представляющая каплевидной формы лист с напаянным ободком гнезда, край которого декорирован небольшими насечками (имитирующими псевдозернь), с сердоликовой вставкой (рис. 1, 2).

Меч № 2 – железный двулезвийный (рис. 1, 3) (общая реставрированная длина меча – 95,5 см), с прямым, слегка деформированным, постепенно суживающимся к подтреугольно-закругленному концу клинком уплощенного шестигранного сечения. Клинок длиной 80,5 см с широкой (5,9 см) пятой. Имеет массивное железное напускное перекрестие ромбовидной формы и фигурное навершие, плакированное золотым листом с проходящей по краю 4-х рядной линией мелких вдавлений. Судить о точной длине штыря рукояти, покрытой современными деревянными обкладками, не представляется возможным. Гарда декорирована в технике клуазоне в виде двойного арочного поля (размеры поля 9,2×1,3 см) с круглыми вставками по краям и инкрустацией гнезд светло-желтоватыми и светло-зеленоватыми стеклянными вставками (рис. 1, 4). На современной деревянной обкладке рукояти закреплена миниатюрная золотая каплевидной формы

¹ Благодарим директора музея М. З. Сагова, зам. директора ЦАИ им. Е. И. Крупнова У. Б. Гадиева и сотрудника музея З. М. Местоеву за оказанное содействие при работе с данными находками.

Рис. 1. Мечи из коллекции Ингушского государственного музея краеведения им. Т. Мальсагова (г. Назрань): 1-2 – меч № 1; 3-5 – меч № 2

накладка (размерами $1 \times 0,8 \times 0,2$ см) с ободком из псевдозерни и сердоликовой вставкой в глухом касте (рис. 1, 5). Накладка и вставка имеют повреждения.

Особого внимания заслуживает форма и плакировка золотым листом на верхний рассматриваемых мечей, близких по этим показателям мечам, которые Иштван Бона отнес к так называемому «персидскому» типу (Bona, 1991. S. 39. Fig. 12). М. М. Казанский и А. В. Мастыкова также склонны относить по типу рукояти эти мечи – в частности, из погребения Совхоза Калинина в Крыму и погр. 61 могильника Цибилуим-1 в Абхазии – «к числу восточных, возможно, сасанидских» (Казанский, Мастыкова, 2009. Рис. 4, 1). Обращает внимание, что меч из Цибилуима-1 также имеет гарду, инкрустированную в технике клуазоне двумя рядами

полукружий-арок. Этот меч М. М. Казанский рассматривает как иранский и датирует V в. н. э. (*Казанский*, 2011. Рис. 3, 3). Но ближайшей аналогией мечу № 2 по декору гарды является меч из разрушенного погребения у с. Дмитриевка (*Засеукая*, 1994. С. 168. Табл. 10, 8, 9; *Казанский*, 2007. С. 125. Рис. 44, 6) и меч из погр. 479 могильника Дюрсо (*Вона*, 1991. S. 66. Fig. 22, 2; *Засеукая*, *Казанский*, *Ахмедов*, *Минасян*, 2007. С. 109. Рис. 35, 3, 5; *Казанский*, 2007. С. 125. Рис. 44, 7), имеющие почти аналогичную орнаментику перегородчатой инкрустации. Они относятся к типу 3 по типологии ранневизантийских мечей, разработанной М. М. Казанским (*Kazanski*, 2001. Fig. 3; *Казанский*, 2007. Рис. 44).

Золотые каплевидные накладки с сердоликовыми вставками на рукоятях публикуемых мечей находят аналогию на рукояти меча из жертвенного места V в. н. э. Батасек в Венгрии (*Вона*, 1991. S. 142. Fig. 56). Отметим, что накладки на рукоятях мечей, но иной формы, встречены также на ряде данных предметов V в. н. э.: мечи из кургана 5 Тураево (*Вона*, 1991. S. 39. Fig. 12, 5; *Казанский*, 2007. Рис. 54, 5), из разрушенного погребения в Муслюмово (*Вона*, 1991. S. 39. Fig. 12, 4; *Засеукая*, 1994. Табл. 43, 8; *Казанский*, 2007. Рис. 54, 4), из могильника Печ-Иседпустав Венгрии (*Вона*, 1991. S. 120. Fig. 47) и из кургана № 2 могильника Брут 1 (*Габуев*, 2010. Рис. 1, 3).

Упомянутые мечи исследователи датируют V в. н. э. По приведенным аналогиям навершию рукояти и перекрестию с перегородчатой инкрустацией меч № 2 также следует отнести к V в. н. э. Ему по наличию плакировки навершия золотым листом, каплевидной золотой накладкой на рукояти и форме клинка близок меч № 1, который также можно датировать указанным временем.

Мы склоняемся к мнению, что публикуемые мечи следует относить к корпусу сасанидских мечей (см.: *Masia*, 2000. P. 185–289). Они дают дополнительную информацию по импорту предметов вооружения на Северный Кавказ в гуннский период и выступают свидетельством бурных военно-политических событий на Кавказе в V в. н. э., особенно в середине этого столетия. В числе «огромных сокровищ», которые кочевники и северокавказское население получали от Сасанидского Ирана за участие в тех или иных военных акциях и о которых сообщает, в частности, Егише (1971. С. 170), могли быть и престижные мечи, украшенные в технике клуазоне. Заметим, что такие орнаментальные детали и мотивы, как «сердечки», «чешуйки» и др., встречающиеся на полихромных изделиях, выполненных в технике клуазоне, были характерны для сасанидской торевтики.

Литература

- Габуев Т. А.*, 2010. Меч из кургана № 2 у с. Брут в Северной Осетии и система подвески всаднических мечей // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. Луганск.
- Егише*, 1971. О Вардане и войне армянской (рус.). Пер. с древнеарм. акад. И. А. Орбели, подготовка к изданию, предисловие и примечания К. Н. Юзбашяна. Ереван.
- Засеукая И. П.*, 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.
- Засеукая И. П.*, *Казанский М. М.*, *Ахмедов И. Р.*, *Минасян Р. С.*, 2007. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.

- Казанский М. М.*, 2011. Иранские кинжалы V в. из некрополя Цибилиума // Проблемы археологии Кавказа. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум.
- Казанский М. М.*, 2007. Приложение № 1. Ранневизантийские мечи с инкрустированной гардой // *Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С.* Морской Чулек. Погребения знати в Приазавье и их место в истории племен Восточного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.
- Мастыкова А. В., Казанский М. М.*, 1991. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. Сборник посвящен юбилею И. П. Засецкой. СПб.
- Bona I.*, 1991. Das Hunnenreich. Stuttgart: Theiss Vlg. 394 s.
- Kazanski M. M.*, 2001. Les epees “orientales” a garde cloisonnee du Ve–VIe siècle // E. Istvánovits and V. Kucsár, eds. International connections of the barbarians in the Carpathian Basin in the 1st – 5th centuries AD: Proceedings of the International Conference held in 1999 in Aszód and Nyíregyháza. Debrecen. P. 389–418.
- Masia K.*, 2000. The Evolution of Swords and Daggers in the Sasanian Empire // *Iranica Antiqua*. Vol. 35. P. 185–289.

В. П. Глебов

Археологическое научно-исследовательское бюро, г. Ростов-на-Дону

САРМАТЫ В ПРЕДКАВКАЗЬЕ В I – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ II ВВ. Н.Э.

Долгое время считалось, что южной границей среднесарматской культуры в восточной части волго-донского междуречья являются калмыцкие степи. Отдельные комплексы среднесарматского облика в Предкавказье рассматривались как оторванные от основного ареала культуры. Однако открытие новых среднесарматских погребений в различных районах Центрального и Восточного Предкавказья позволяет пересмотреть эту точку зрения.

В. Ю. Малашев, разделивший среднесарматские древности Предкавказья на несколько периодов, отнес к раннему этапу (I – первая половина II вв. н. э.) ряд памятников: Армавир к. 2; Бударка 3 к. 2; Айгурский 2 к. 5, 10, 11, 14, 15, 16; Кобийский, гр. 1 к. 5, 8, 9, 10, 12 (Малашев, 2016. С. 10–11). Задачей статьи является анализ среднесарматских комплексов I – первой половины II в. н. э. в Предкавказье. Наиболее интересны семейно-родовые могильники Кобийский гр. 1 и Айгурский 2. Курганы с сарматскими захоронениями в обоих могильниках расположены цепочками. Все погребения совершены под индивидуальными насыпями по одному или два в кургане, впускных в более ранние курганы нет. Погребальные сооружения – подквадратные или широкие прямоугольные могильные ямы, изредка узкие ямы и подбои. Погребенные во всех случаях уложены вытянуто на спине, часто по диагонали ямы, ориентированы за редким исключением в южный сектор.

Многие комплексы содержат хроноиндикаторы, позволяющие установить достаточно узкую дату. Прежде всего, это фибулы. Застежка из к. 5, мог. Кобийский гр. 1 – со сплошным приемником, раскованной спинкой, короткой 4-витковой пружиной – принадлежит к группе т. н. воинских фибул. В настоящее время такие застежки принято датировать в рамках конца I в. до н. э. – середины I в. н. э. (Кропотов, 2010. С. 59–62). Фрагментированная лучковая фибула с обвитой проволокой спинкой (Бударка 3, к. 2) относится, вероятно, к варианту 2 серии 1 лучковых фибул, дата: вторая половина I – начало II в. н. э. (Кропотов, 2010. С. 72–74).

Зеркало типа IX по А. М. Хазанову – с боковой петелькой, валиком и выступом-умбоном (Кобийский, гр. 1, к. 8), может быть датировано I в. н. э., возможно, не исключая начала или *первой половины II в. н. э.* (Абрамова, 1971. С. 129; Скрипкин, 1990. С. 153; Габуев, Малашев, 2009. С. 132–133). По другой версии, массовое распространение таких зеркал в памятниках Предкавказья относится к первой половине I в. н. э. (Марченко, 1996. С. 27. Рис. 5). Отметим, что кобийское зеркало, судя по таким деталям, как высокий рельеф и массивная петелька с отверстием у основания, еще напоминающая ручку, довольно раннее в рамках этого типа. Экземпляр из п. 2, к. 11 мог. Айгурский 2 принадлежит к редкой разновидности зеркал типа IX – без выступа-умбона в центре диска (вариант 4 по И. И. Марченко). Такие зеркала происходят из комплексов I–II вв. н. э. (Марченко, 1996. С. 25–27). Фрагментированные зеркала из п. 1, к. 5 мог. Айгурский 2, скорее всего, относятся к типам VI (небольшого диаметра без валика и ручки) и VIII (с коническим выступом-умбоном и клиновидной ручкой – т. н. бактрийский тип). Зеркала обоих

типов появляются еще в раннесарматское время, но наибольшее распространение получают в I в. н. э., главным образом в первой половине столетия (*Скрипкин, 1990. С. 152; Марченко, 1996. С. 20, 23; Глухов, 2005. С. 45–48*).

Керамическая посуда представлена лепными и кружальными сосудами различного происхождения. В Кобийском гр. 1 преобладают кувшины меотского производства, в Айгурском 2 – лепные сосуды. Показательно почти полное отсутствие посуды местного предкавказского производства. Исключение составляют два сосуда из к. 9 мог. Кобийский гр. 1: кувшин с туловом грушевидной формы и петельчатой зооморфной ручкой из Центрального Предкавказья и кувшинчик вытянутых пропорций с приподнятым сливом из Восточного Предкавказья.

Из прочего инвентаря следует отметить вещи, характерные для среднесарматской культуры: мечи с кольцевидными навершиями (Кобийский гр. 1 к. 5, 10, Айгурский 2 к. 14 п. 1, к. 15 п. 1), в одном случае сохранились деревянные ножны с симметричными боковыми выступами-лопастями; трехлопастные черешковые наконечники стрел (Кобийский гр. 1 к. 5, 10, 12; Айгурский 2 к. 14 п. 1, к. 15 п. 1), в т. ч. наконечники с невысокой подтреугольной головкой с широким основанием и с коротким черешком, свойственные для этапа развитой среднесарматской культуры (*Глебов, 2001. С. 21–23; Глухов, 2005. С. 63–64*); комплекты из большой и малой курильниц (Кобийский гр. 1 к. 8, Айгурский 2 к. 11, п. 2); небольшой бронзовый котелок с зооморфными ручками в виде козлов (Бударка 3 к. 2) типа XI-1А по С. В. Демиденко (*Демиденко, 2008. С. 22*).

Исследователи суммарно датируют вышеописанные комплексы I – первой половиной II в. н. э. (*Бабенко, Березин, 2009. С. 306; Малашев, 2016. С. 10–12*), однако наиболее надежные хроноиндикаторы – «воинская» фибула, зеркала типов VI и VIII – указывают на I в. н. э., вряд ли намного позже середины столетия. Лишь комплекс из к. 2 мог. Бударка 3, возможно, заходит во II в. н. э.

Версия о том, что сарматы, оставившие могильник Кобийский гр. 1, находились в Предкавказье уже достаточно долгое время, основанная на ошибочной атрибуции посуды из сарматских погребений как местной (*Березин, Ростунов, 2011. С. 74–75*), не может быть принята. В. Ю. Малашев совершенно справедливо указывает, что в погребальном инвентаре кобийских сарматов вещи местного предкавказского производства единичны, и что сарматское население на данной территории появилось, скорее всего, на протяжении жизни поколения людей, захороненных в курганах (*Малашев, 2016. С. 11*).

Наличие в могильниках Кобийский гр. 1 и Айгурский 2 наряду с мужскими погребениями захоронений женщин и детей говорит о переселении в Предкавказье семейно-родовых групп кочевников, а не о продвижении воинских отрядов. Для определения исходных районов этой миграции рассмотрим географию памятников среднесарматской культуры соседних регионов. Исследователь среднесарматской культуры Волго-Донского междуречья А. А. Глухов выделяет в этом регионе три района концентрации среднесарматских памятников (*Глухов, 2005. С. 87 сл.*):

Район I. Левобережье Нижнего Дона от дельты до Аксая Курмоярского на северо-востоке, включая среднее течение Сала.

Район II. Район наибольшего сближения Дона и Волги от Аксая Курмоярского до р. Сухой Караган на севере.

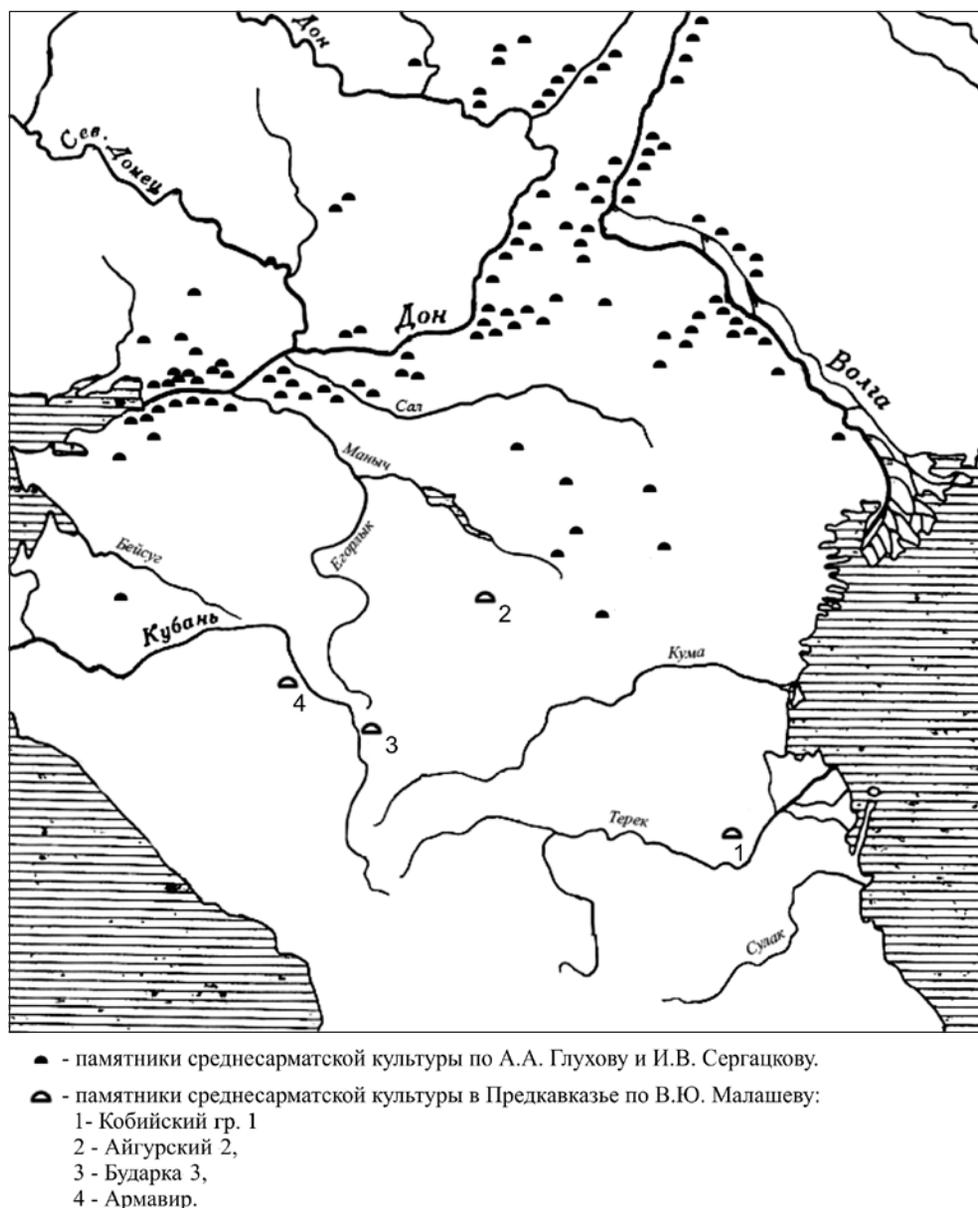

Рис. 1. Карта памятников среднесарматской культуры

Район III. Правобережье Волги от Волгограда до Астрахани и территория Калмыкии.

По А.А. Глухову, памятники III района обладают значительным своеобразием в сравнении с памятниками первых двух районов. Во-первых, для погребального обряда памятников III района характерно преобладание курганов средней величины при отсутствии крупных насыпей, высокий процент основных погребений (75%), большое количество широких прямоугольных и квадратных могильных ям, преобладание ориентировок на юго-запад, юг – юго-запад, отсутствие захоронений в насыпях курганов и др. Во-вторых, памятники Астраханского правобережья Волги и Калмыкии выглядят довольно поздними и носят черты сформировавшейся среднесарматской культуры без включения в нее раннесарматских элементов. В районе III неизвестны могильники, подобные

Новому, Первомайскому VII (районы I и II), в которых сочетаются признаки ранне- и среднесарматской культур. Вещевой комплекс большинства сарматских погребений района III содержит инвентарь, в основном характерный для второй половины I в. н. э. – первой половины II в. н. э. (Глухов, 2005. С. 111).

Нетрудно заметить, что среднесарматские памятники Калмыкии и Предкавказья практически синхронны и весьма близки в плане погребальной обрядности. Картографирование их показывает, что наиболее южные памятники среднесарматской культуры в Калмыкии смыкаются с группой выявленных в Предкавказье комплексов среднесарматского облика (Сергацков, 2002. С. 24–25, карта-схема 1; Глухов, 2005. С. 146–147, рис. 1; 2; Малашев, 2016. С. 68. Рис. 1). Очевидно, что в I в. н. э. носители среднесарматской культуры не только заселили районы современной Калмыкии, но и продвинулись дальше на юг вплоть до предгорий Кавказа (рис. 1).

Присутствие в Предкавказье в первых веках н. э. значительных групп средних сарматов заставляет по-иному взглянуть на этнокультурные процессы в этом регионе. Более чем вероятно, что с появлением носителей среднесарматской культуры в Центральном и Восточном Предкавказье связано исчезновение памятников сарматов II–I вв. до н. э. (отождествляемых с сираками) – впускных в более ранние курганы, в узких ямах, катакомбах или подбоях, обычно с западной ориентировкой погребенных (Березин, Ростунов, 2011. С. 74). Можно считать доказанным участие средних сарматов в сложении этнокультурных образований Центрального и Восточного Предкавказья – группы памятников круга Андрейаульского городища и аланской культуры Северного Кавказа (Габуев, Малашев, 2009. С. 149; Малашев, 2016. С. 61).

Примечательно, что памятники среднесарматской культуры пока неизвестны в Западном Предкавказье, где погребальные комплексы сираков также исчезают в начале – первой половине I в. н. э. В степном Прикубанье в настоящее время открыто лишь несколько погребений среднесарматского облика у хут. Кавказский на р. Бейсужек-Левый (Шевченко, 2003. С. 51–57). Очевидно, отсутствие среднесарматских памятников в более южных районах объясняется тем, что правобережье р. Кубань и Закубанье в рассматриваемое время были заняты другими группировками кочевников, оставившими т. н. Зубовско-Воздвиженскую группу памятников и «Золотое кладбище» (Гущина, Засецкая, 1989; 1994).

Литература

- Абрамова М. П., 1971. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.
- Бабенко В. А., Березин Я. Б., 2009. Сарматские погребения могильников Айгурский 2 и Барханчак 2 (Северное Ставрополье) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX. Ставрополь.
- Березин Я. Б., Ростунов Е. В., 2011. Сарматские захоронения Кобийского могильника // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 12. Армавир.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.

- Глебов В. П.*, 2001. О новых типах наконечников стрел среднесарматской культуры Нижнего Подонья // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар–Анапа.
- Глухов А. А.*, 2005. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. Волгоград.
- Гущина И. И., Засецкая И. П.*, 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. – II в. н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.
- Гущина И. И., Засецкая И. П.*, 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.
- Демиденко С. В.*, 2008. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.). М.
- Кропотов В. В.*, 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев.
- Малашев В. Ю.*, 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н. э. М.
- Марченко И. И.*, 1996. Сираки Кубани. Краснодар.
- Сергацков И. В.*, 2002. Анализ сарматских погребальных памятников I–II вв. н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Среднесарматская культура. М.
- Скрипкин А. С.*, 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.
- Шевченко Н. Ф.*, 2003. Сираки и аорсы в степном Прикубанье // РА. № 1.

*Л. Б. Гмыря, В. А. Саидов, К. Б. Шаушев, Ю. А. Магомедов
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала*

ИССЛЕДОВАНИЕ РУБАССКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ СЕРЕДИНЫ VI В. (РАСКОПКИ 2016 г.)¹

Рубасская археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН в 2016 г. провела полномасштабные раскопки монументального фортификационного сооружения, расположенного в 20 км к югу от Дербента, вблизи с. Коммуна Дербентского района РД. Памятник расположен в низовьях р. Рубас, на ее левом, низком берегу. Охранные раскопки этого объекта, проведенные в 2014 г., выявили его типологическую близость с Дербентской каменной фортификацией середины VI в. На площади 40 кв. м были выявлены 2 строительных объекта. Первый являлся монументальным сооружением арочной конструкции, каменные плиты перекрытия которого имели длину 2,4–2,6 м. На втором объекте был расчищен 2-м участок внешнего фасада крепостной стены (сохранившаяся высота 2,2 м), сооруженного из крупных обработанных каменных блоков постелистым способом. Особенность внешнего фасада стены состояла в ее ступенчатой конструкции.

В 2016 г. в рамках исследовательского проекта РФФИ «Монументальная система стратегической обороны на Восточном Кавказе в эпоху Великого переселения народов» были проведены широкомасштабные исследования Рубасской фортификации, имевшие цель выявить ее структурные элементы, определить хронологию сооружения и функциональное назначение. Площадь раскопочных работ в 2016 г. составила 200 кв. м, что в 5 раз превышает площадь исследований в 2014 г. Объем раскопок был обусловлен открытием в 2016 г. мощной фортификационной стены дугообразной формы.

1. В процессе раскопок была определена конструкция монументальной дугообразной стены, состоявшая из 2-х фасадов и внутренней забутовки. Фасады сложены из обработанных крупных каменных блоков, забутовка состояла из рваного камня с включением мелкой гальки и утрамбованного грунта.

2. Было выяснено, что фасады монументальной дугообразной стены построены с использованием разных технологий. Восточный выпуклый фасад сооружен постелистым способом (горизонтальные ряды кладки). Западный вогнутый фасад – частично постелистым способом (сохранившийся верхний уровень) и по технологии «тычок-ложок» (укладка блоков на ребро, попеременно лицевой и боковой частями).

3. Определено, что при сооружении внутреннего западного фасада стены были использованы супер крупные каменные блоки (длина до 2 м), чем в кладке восточного фасада (длина 1,3–1,6 м).

4. Открыта ступенчатая структура восточного округлого фасада монументальной стены. Определено функциональное назначение ступенчатой конструкции,

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00064 – «Международная система стратегической обороны на Восточном Кавказе в эпоху Великого переселения народов».

Рис. 1. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. Вид с востока (фото с беспилотного летального аппарата).

использование которой обусловлено необходимостью придания внешнему фасаду дугообразной формы.

5. Внешний, восточный фасад стены расчищен на высоту 2,2 м (10 рядов кладки). По нашим подсчетам, при сооружении исследованного участка восточного фасада длиной 10 м было использовано 170 каменных блоков разного размера. Внутренний, западный фасад стены вскрыт на уровень 4-х рядов кладки. Толщина исследованного участка крепостной стены дугообразной формы составила 4 м.

6. На основе анализа материалов раскопок выяснен характер постфактных манипуляций с разрушенным фортификационным объектом. Разрушенные в древности участки стены были разобраны и снивелированы на одном уровне. Удалены были также и каменные завалы, примыкавшие к стене. Время проведения этих работ пока не установлено. Предположительно, каменные блоки Рубасской стены были использованы при строительстве или реставрации других фортификационных объектов региона.

7. В процессе исследования объекта был разобран значительный объем каменных завалов в котловане со строительными остатками, образованными в процессе хищнической выемки в 2014 г. 30 крупных каменных блоков из конструкции фортификации местными жителями. Площадь поврежденного участка составила 56 кв. м, глубина образовавшегося котлована составила 3 м. Под завалами удалось выявить кладку нижнего уровня южного участка западного фасада дугообразной стены, благодаря чему протяженность южного фасада стены была восстановлена на протяжении 20 м.

8. Выяснено, что длинная, дугообразная стена имеет продолжение к ЮВ (в сторону русла реки) и к СЗ (в сторону передовой линии гор).

9. Определены технологические приемы обработки крупных каменных блоков и способы их транспортировки к месту укладки. Выявлен перечень скрепляющих составов (известковый, грунтовый, мелкоракучечный).

10. На строительном объекте № 1 выяснена арочная структура монументального сооружения, перекрытого сверхкрупными каменными плитами длиной 2,4–2,6 м. Несмотря на его близкое расположение к западному фасаду дугообразной стены (1,4 м), связь обоих сооружений пока не установлена. Возможно, она нарушена в результате удаления из конструкции части блоков местными жителями.

11. Произведена аэрофотосъемка открытых конструкций Рубасской фортификации с использованием беспилотного летательного аппарата. Высокое качество съемок и их повышенная информативность дают возможность получить дополнительные данные о природно-географических особенностях расположения Новооткрытой фортификации на р. Рубас, о ее структуре и военно-технической значимости. Съемка объекта летательным аппаратом были осуществлены при содействии администрации Дербентского района РД.

Археологическое изучение Рубасской фортификации, предпринятое в 2016 г., находится на начальном этапе. К тому же оно осложнено частичным разрушением в 2014 г. этого памятника. Раскопками монументальной фортификации на р. Рубас в 2016 г., несмотря на ряд проблем, получены важные данные, дающие возможность значительно расширить современные представления об организации международной системы стратегической обороны на Восточном Кавказе в эпоху Великого переселения народов.

*Л. Б. Гмыря, В. А. Саидов, А. М. Абдулаев,
Ю. А. Магомедов, К. Б. Шаушев, М. Ш. Сайтудинов*
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПАЛАСА-СЫРТСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА IV–V ВВ. (КУРГАННЫЕ ГРУППЫ № 6 и 7)¹

Паласа-сыртская археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН в 2015–2016 гг. продолжила исследование Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв., расположенного на возвышенности Паласа-сырт в долине р. Рубас, вблизи с. Рубас и с. Коммуна Дербентского района Республики Дагестан. Изучались обособленные курганные группы № 6 и 7, которые входили в состав крупного участка могильника, занимавшего восточный край южного массива Паласа-сыртской возвышенности. Курганные группы № 1–5 были исследованы в 2009–2014 гг. Курганная группа № 7 находилась в средней части этого участка, на расстоянии около 2 км от его северной оконечности. Она располагалась к югу в непосредственной близости от курганной группы № 6. Обе группы захоронений разделены пологой ложбиной, вытянутой с запада на восток.

Исследование курганных групп № 6–7 Паласа-сыртского могильника было обусловлено необходимостью получения новых данных о закономерностях и времени формирования правобережного массива могильника, о принципах выделения обособленных групп погребений, влиянии этнокультурного и социального факторов на состав погребальной обрядности, о значении природных особенностей Паласа-сыртской возвышенности в выборе форм погребальных сооружений, о причинах наличия инновационных явлений в погребальных традициях в обособленных группах курганов, расположенных в непосредственной близости друг от друга. Всего было исследовано 14 курганов, по 7 в каждой группе. В основном погребения были индивидуальными, но в группе № 6 под одним курганом (№ 1573) находилось два погребения, в группе № 7 – под двумя курганами было по два захоронения.

При исследовании курганных групп № 6 и 7 необходимо было не только установить характерные особенности основных показателей культурных традиций населения, но важно было сравнить проявления погребальных традиций, состав вещевых комплексов, особенности социальных влияний на погребальный обряд обособленных групп захоронений, находящихся в непосредственной близости друг от друга.

Предполагалось, что основные этнокультурные показатели обеих обособленных групп погребений будут схожими. Сравнительный анализ материалов курганных групп № 6 и 7 показал, что ряд характеристик, таких, как планиграфия захоронений, ведущая форма погребальных сооружений, ориентировка входных ям и погребальных камер катакомб, размеры погребальных камер, ориентировка погребенных практически полностью совпадают.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 15-01-18027е и № 16-01-18020е «Археологические исследования Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.».

Планиграфия могил на участках обеих групп была линейная, включающая три ряда захоронений, ориентированных по восточной кромке возвышенности Паласа-сырт. Более четкое формирование рядов погребений фиксируется в группе № 6.

Ведущей формой погребальных сооружений в обеих группах была катакомба, но если в группе № 6 все погребения были совершены в катакомбах, то в группе № 7 процент их использования составил 77,7. В группе № 7 имелись и погребения в подбоях. Виды катакомб в обеих группах также несколько отличаются. При использовании одинаковых видов (Т-образные и угловые катакомбы) в обеих группах, в группе № 6 практиковались захоронения и в Г-образных катакомбах (37,5%).

Ориентировка входных ям катакомб в обеих группах выдержана в секторе СЗ–ЮВ с отклонениями к востоку или западу, как и ориентировка погребальных камер в секторе СВ–ЮЗ.

Во входных ямах катакомб обеих групп имелись угловые ступени, но в курганной группе № 6 их использование составляет 37,5%, а в курганной группе № 7–71,4%.

Среди погребальных камер катакомб обеих групп встречаются достаточно большие, превышающие в длину 2 м. Но в курганной группе № 6 имеется только одно такое погребение, а в группе № 7 – четыре погребения из семи (57,1%).

Ориентировка погребенных, захороненных в катакомбах, в обеих группах одинаковая – ЮЗ с небольшими отклонениями. Исключением в обеих группах погребений является захоронение ребенка в подбойной могиле группы № 7 (курган 1560, погр. 2), у которой входная яма ориентирована аналогично входным ямам катакомб (СЗЗ–ЮВВ). Ребенок же был ориентирован в СЗ сектор. В то же время погребенная в другом подбое из группы № 7 (курган 1568) была ориентирована в ЮЗ сектор, так как погребальное сооружение было ориентировано аналогично камерам катакомб. Чем была вызвана необходимость иной ориентировки умершего ребенка, в отличие от основной части захороненных на участке курганной группы № 7, пока определить трудно.

Что касается инвентаря обеих групп погребений, то общим для них является наличие керамики и металлических пряжек. Но сравнить керамические наборы не представляется возможным вследствие различной представленности в инвентаре (в курганной группе № 6 сохранился один сосуд, в курганной группе № 7 – пять сосудов). То же относится и к пряжкам. В курганной группе № 6 представлено 2 пряжки, в курганной группе № 7–4 пряжки. Форма их разная, причем в курганной группе № 6 пряжки имели четко выраженные хронологические показатели (рамка с утолщением спереди, хоботковый язычок). Обращает на себя внимание, что все экземпляры пряжек курганной группы № 7 изготовлены из железа, тогда как в группе № 6 – из бронзы.

Отличие в составе инвентаря обеих групп погребений, несмотря на ограбление могил, состоит в большем его разнообразии в курганной группе № 7. В инвентаре трех погребений женщин имелись фрагменты височных привесок специфической формы, в одном погребении находились проволочные серьги петлевидной формы, что не представлено в курганной группе № 6. В курганной группе № 7, в отличие от курганной группы № 6, имелись также ножи (2 погребения),

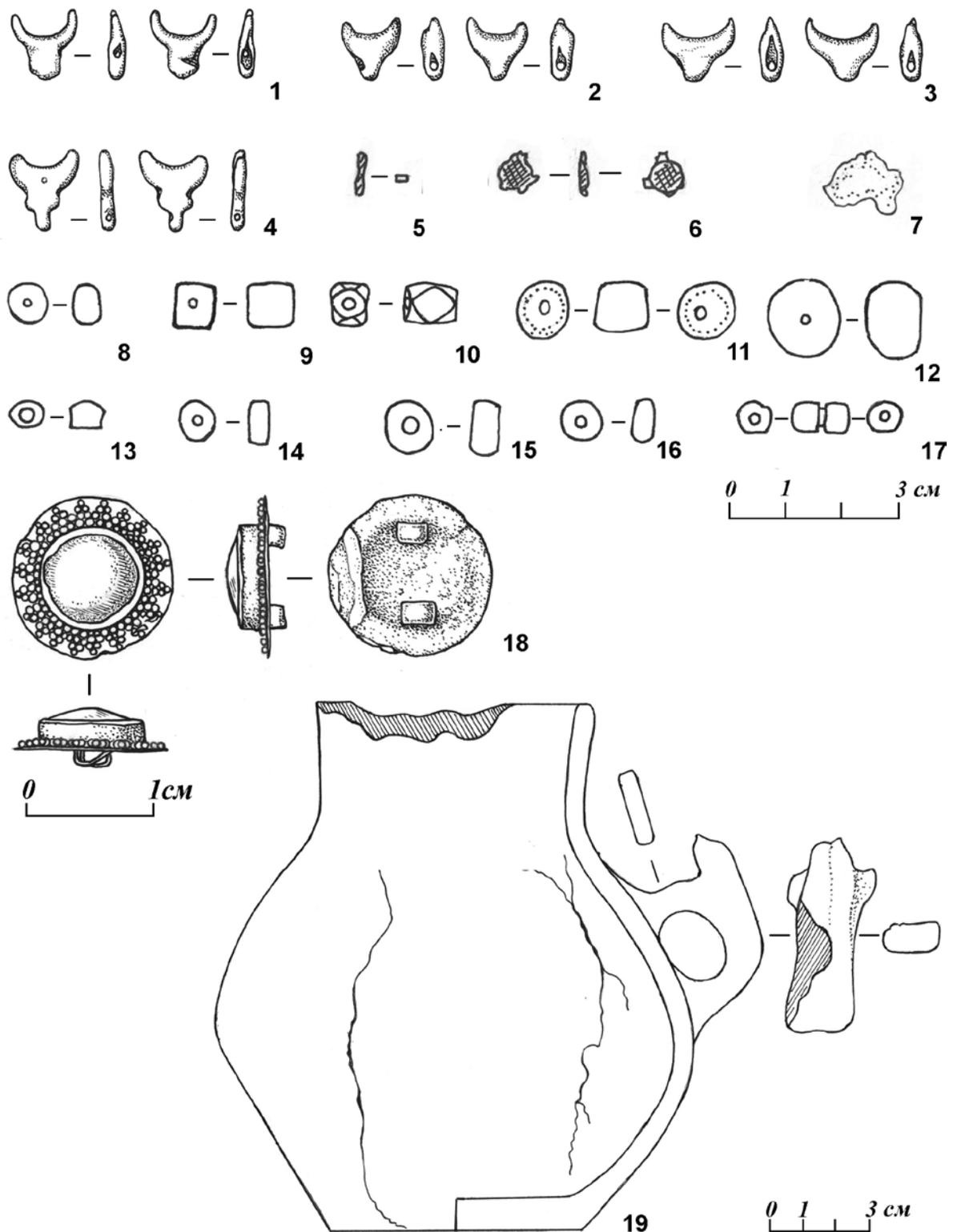

Рис. 1. Курганный могильник Паласа-сырт. Курганная группа № 6. Курган 1577: 1-4 – подвески; 5 – фрагмент бронзового изделия; 7 – фрагмент железного изделия; 8-17 – бусы; 18 – золотая бляшка; 19 – керамический сосуд (1-3, 8-10, 13, 15, 17 – стекло; 11, 14, 16 – сердолик; 12 – горный хрусталь; 4 – перламутр)

геометрические фигурки из мела (1 погребение), кремневое кресало штыревидной формы с прокаленным концом (1 погребение). Но в инвентаре курганной группы № 7 практически не сохранилось наборов бус (обнаружена 1 бисерина в погребении кургана 1567), в то время как в курганной группе № 6 бусы и подвески имелись в двух погребениях. Например, в ограбленном женском погребении (курган 1577) помимо керамического сосуда (рис. 1, 19) сохранились 4 подвески в виде бычьих голов (рис. 1, 1-4), 10 бусин (рис. 1, 8-17) и золотая подвеска, украшенная зернью (рис. 1, 18).

Если признать социальный характер формирования обособленных групп захоронений, а для большинства из них – семейный (мужчины и женщины разного возраста и дети), то требуют детального анализа факты разнохарактерности погребального инвентаря как в пределах отдельной группы, так и расположенных рядом групп. Возможно, значимость стандартизации в материальной культуре кочевых сообществ Прикаспийского Дагестана была менее важной, нежели традиции духовной культуры.

По итогам исследований курганных групп № 6 и 7 Паласа-сыртского могильника опубликованы 7 статей, авторами которых являются руководитель проектов РГНФ Л. Б. Гмыря и исполнители проектов – В. А. Саидов, Ю. А. Магомедов, И. А. Идрисов. Отметим, что статьи носят не только информационный характер, в них также освещены проблемы, связанные с диссертационными работами исполнителей проектов.

А. А. Горбенко, **В. М. Косяненко**
*Азовский историко-археологический и палеонтологический
музей-заповедник, г. Азов*

РЕДКИЕ ФИБУЛЫ ИЗ НЕКРОПОЛЯ КРЕПОСТНОГО ГОРОДИЩА (г. АЗОВ)

Крепостное городище и могильник расположены в центре г. Азова Ростовской области и входят в округу поселений античного Танаиса. Раскопки памятника продолжают давно, но наиболее интересными они стали в послевоенные годы, когда возобновил свою деятельность Азовский музей-заповедник.

Одной из наиболее информативных категорий украшений, полученных в результате археологических исследований памятника, являются фибулы. Среди них есть редкие единичные экземпляры. Необычная фибула-брошь встречена в погребении 5 (КЛ)2014 (рис. 1, 1). Она имеет щиток в форме сидящего голубя. Изображение стилизованное, но подчеркнуты голова, туловище и хвост. Застежка пружинная. Дата подобных фибул – конец I–III в. н. э. (*Амброз*, 1966. С. 35. Табл. 15, 21). В этом же погребении обнаружена также фибула «Авцисса», что позволяет установить дату комплекса – первая половина I в. н. э.

Еще одна фибула-брошь с шарниром из двух стоек представлена в инвентаре погребения 10 (К)1972 (рис. 1, 2). Щиток круглой формы с небольшими округлыми выступами по краю. В центре лицевой поверхности имеется небольшое отверстие, вокруг которого проштампованы три вписанные друг в друга окружности с точечным орнаментом между ними. Вместе с фибулой найдена редкая подвеска из гешира от портупейного ремня, которая датируется I в. н. э. (*Алексеева*, 1978. С. 15. Табл. 22, 52).

Необычная фибула ромбической формы с завитками по углам происходит из погребения 6 (Д)2014 (рис. 1, 3). В середине бронзового щитка имеется рельефный круг, в центре которого расположен невысокий железный стерженек. Застежка – шарнир из двух стоек. Фибула датируется второй половиной I – первой половиной II вв. н. э. (*Амброз*, 1966. С. 33. Табл. 15, 5). Обнаруженная в некрополе Крепостного городища фибула может быть отнесена к I в. н. э.: набор краснолаковой керамики и бронзовое зеркало из комплекса характерны для этого времени.

К более позднему времени относится фибула-брошь с эмалью из погребения 1 (Л)2004 (рис. 1, 4). Она кольцевидной формы с четырьмя симметрично расположенными выступами округлой формы. Края кольца и выступов украшены мелкой насечкой. Вставки на диске подпрямоугольной формы бирюзового цвета, а на выступах – темно-оранжевого. Сохранились остатки шарнирного механизма. Фибула относится к группе шайбообразных с эмалью по европейской классификации (*Vadaj*, 1988–1989. С. 84). Фибулы этой группы в основном датируются первой половиной II в. н. э. Эта дата подтверждается и сопутствующими нашей фибуле находками: бронзовому зеркалу, скорее всего, китайского происхождения, и ранним формам гешировых бус (*Горбенко, Косяненко*, 2011. С. 25).

Подведем итоги: фибулы-броши из некрополя Крепостного городища найдены в единичных экземплярах. Эту картину распространения фибул-брошей мы

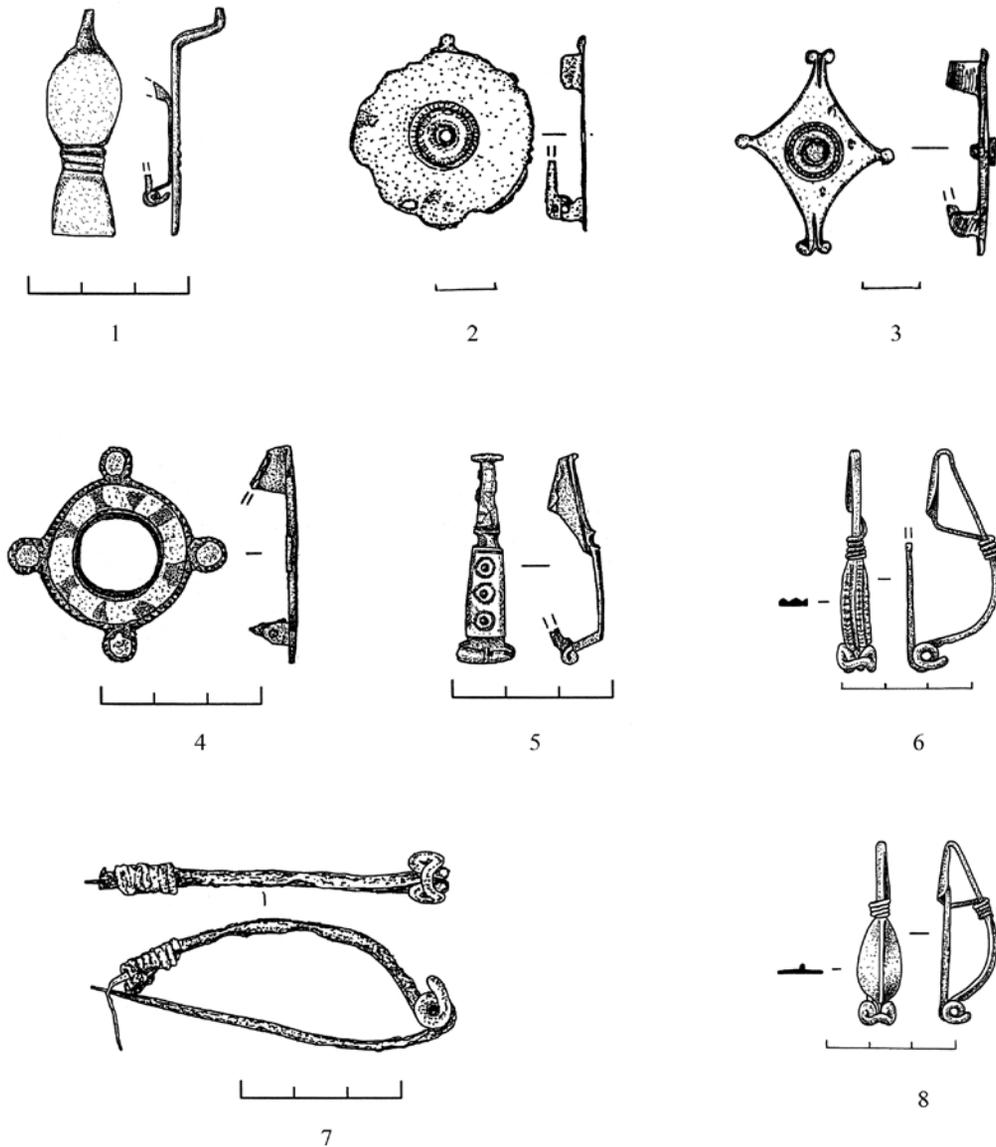

Рис. 1. Крепостное городище. Фибулы

наблюдали и на других памятниках I–III вв. н. э. в низовьях Дона. Более распространенными являются раннеримские шарнирные дуговидные фибулы, прежде всего «Авциссы». В некрополе Крепостного городища их найдено несколько экземпляров в погребениях и вне комплексов. Аналогичные фибулы в Европе датируются первой половиной I в. н. э. (Амброз, 1966. С. 26. Табл. 4, 9–15). Комплексы находок с нашими фибулами не противоречат этой дате.

Из серии раннеримских шарнирных дуговидных фибул интересна застежка из переотложенного грунта, обнаруженная на территории Крепостного городища. Она имеет пластинчатую дужку, сужающуюся к закрытому приемнику с горизонтальным выступом в верхней части. Дужка отделена от приемника углублением и украшена кружками из металла более светло-желтого цвета «под золото» (рис. 1, 5). Пока это единственная фибула, украшенная другим металлом. Исходя из данных Амброза, фибула датируется I в. н. э. (Амброз, 1966. С. 26).

В некрополе Крепостного городища также нечасто встречаются лучковые фибулы «лебяжинской группы». В погребении 18 (К)1972 фибула имеет подпрямоугольную орнаментированную спинку, а из погребения 5 (О)1988 у двух застежек – узкие выпуклые спинки, орнаментированные продольными ребрами, а у третьей – расширенная овальной формы спинка с ребром. Большинство таких фибул датируется I в. н. э., но заходят и в первую половину II в. н. э., в первую очередь декорированные продольным ребром (Амброз, 1966. С. 56. Табл. 10, 4–6).

Следует отметить, что в некрополе Крепостного городища обнаружены застежки со следами ремонта (рис. 1, 7).

Среди памятников первых веков нашей эры округа Танаиса с середины I в. н. э. наблюдается массовое распространение фибул более простых форм, изготовленных из проволоки.

Литература

- Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г-1–12. М.
- Амброз А. К., 1966. Фибулы Юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д 1–30. М.
- Горбенко А. А., Косяненко В. М., 2011. Некрополь Паниардуса (Крепостного городища) // Донские древности. Вып. 11. Азов.
- Yaday A. Y., 1988–1989. Die sarmatischen Denkmale des komitatus Szolnok // Antaeus communications ex instituto archaeologico academiae Scientiarum Hungaricae 17–18.

Р. Г. Дзаттиаты

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований,
г. Владикавказ*

П. С. Успенский, З. Х.-М. Царикаева (Албегова)

Институт археологии РАН, г. Москва

ОРУЖИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА VII–X ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ ДАРГАВССКОГО МОГИЛЬНИКА

Оружие занимало важнейшее место в жизни средневековых племен Северного Кавказа, а предметы вооружения образуют одну из ярких слагаемых материальной культуры кавказских племен. В аланских некрополях Центрального Кавказа оружие довольно распространенная находка, изучению этой категории погребального инвентаря посвящено немало работ исследователей. Постоянное накопление нового материала требует его дальнейшей систематизации и осмысления, что делает изыскания в этой области весьма актуальными.

Даргавский катакомбный могильник, расположенный в Алагирском районе Республики Северная Осетия–Алания, исследуется Р. Г. Дзаттиаты с 1993 г. Автором работ издана монография, посвященная результатам раскопок 78 катакомбных погребений, 2 каменных гробниц, каменного ящика и 11 захоронений лошадей. Непрерывное функционирование могильника на протяжении как минимум VII–X вв., разнообразный погребальный инвентарь позволяют проследить изменения в вещевом комплексе, происходившие в течение столетий, что важно для разработки локальной хронологической шкалы аланских древностей региона.

В 78 катакомбах некрополя выявлено более 200 предметов вооружения, ставших предметом исследования авторского коллектива. Целью работы стала разработка типологии отдельных категорий вооружения VII–X вв., изучение эволюции выделенных типов и изменений в наборе оружия на разных этапах существования могильника.

Весь комплекс вооружения можно условно разделить на две большие группы: 1) оружие ближнего боя; 2) оружие дальнего боя и таранного удара. К *первой* группе относится длинноклинковое вооружение, боевые топоры, кистени, ко *второй* – лук, стрелы и копья. Длинноклинковое вооружение разделено на два отдела: однолезвийные клинки без изгиба (3 экз., рис. 1, 1, 2) и слабоизогнутые сабли (9 экз., рис. 2, 3–6), вместе с ними зафиксировано три типа наверший рукояти (рис. 1, 7–9) и 5 типов перекрестий (рис. 1, 10–15). Из деталей ножен в погребениях выявлены 11 наконечников, 9 скоб и портупейные петли (рис. 1, 16–22).

Одной из самых многочисленных категорий вооружения являются боевые топоры (51 экз.). Они разделены на две подгруппы: однолезвийные (рис. 2, 2–8) и двулезвийные (рис. 2, 9–25).

Единичной находкой представлен кистень (рис. 2, 1).

Во вторую группу объединены предметы стрелкового вооружения, представленные в погребениях железными деталями и деревянными фрагментами колчанов (рис. 1, 25–31), фрагментами древков (рис. 1, 23, 24) и наконечниками стрел (86 экз.). Используемые даргавским населением стрелы по форме пера

разделены на три отдела (рис. 1, 32–40). К деталям колчана относятся колчаные крюки (8 экз., рис. 1, 26, 27) и петли (9 экз., рис. 1, 28, 29), крылатые бляхи (1 экз., рис. 1, 31), а также фрагменты деревянных частей (рис. 1, 25, 30). Также во вторую группу включены железные наконечники копий (5 экз.), которые по форме пера разделены на 2 типа (рис. 1, 41, 42).

В развитии комплекса вооружения жителей Даргавсской котловины выделяется три периода.

В погребениях раннего этапа существования могильника (VII – начало VIII в.) выявлены только наконечники копий. Среди них преобладают наконечники с пиковидным пером типа 1. Следует отметить, что ранних погребений немного, и они отличаются малочисленностью инвентаря.

В следующий период (середина VIII–IX вв.) происходит изменение набора вооружения: в его составе появляются предметы стрелкового, длинноклинкового оружия и боевые топоры; при этом из погребений исчезают копья. Лишь 2 копья найдены в комплексах середины VIII – начала IX вв. Следует учитывать, что погребений этого периода примерно в 4,5 раза больше, чем погребений предыдущего периода. Длинноклинковое вооружение представлено преимущественно саблями со слабоизогнутым клинком с обоюдоострым окончанием. В оформлении сабель используются перекрестия типов 1, 2, 4 и навершия рукоятей типов 1–3 (рис. 1, 7–12, 14). Вопрос о появлении длинноклинкового вооружения у населения Даргавсской котловины ранее VIII в. остается открытым. Имеющиеся на сегодняшний день данные не позволяют ответить на него утвердительно. Как уже говорилось, выборка погребений VII в. очень небольшая. Однако наличие обломков этого вида вооружения в комплексах могильника Мокрая Балка, датированных временем со второй четверти VII в., позволяет предполагать возможность его синхронного появления в Даргавсе.

Среди наконечников стрел господствующими являлись черешковые трехлопастные (рис. 1, 32, 33), реже встречаются трехгранные наконечники (рис. 1, 34), единичны плоские и рамчатые стрелы (рис. 1, 36, 39).

Широкое распространение с середины VIII в. получают боевые топоры (рис. 2, 2–5, 7, 9, 13, 19). Этот вид вооружения, похоже, не встречается у носителей катакомбного обряда погребения до середины VIII в. Фиксируется их полное отсутствие в материалах таких опорных могильниках, как Мокрая Балка, Чир-Юрт. Наличие боевых топоров в наборе оружия носителей аланской культуры Доно-Донецкого региона говорит о принятии их на вооружение либо близко ко времени миграции алан в данный регион с Северного Кавказа, либо о распространении новых форм ведения боя у указанных групп населения уже после переселения. Необходимо отметить, что типы топоров Даргавса и носителей катакомбного обряда Доно-Донецкого региона несколько отличны: если катакомбах Северного Кавказа распространены преимущественно двулезвийные топоры, то в Доно-Донецком регионе однолезвийные, что в некоторой степени сближает их с погребениями биритуальных могильников Северо-Западного Кавказа.

Для следующего периода, который датируется концом IX–X вв. характерен практически тот же набор вооружения, что и для предыдущего. Изменения происходят в типах используемого оружия. Появляются новые типы топоров с плавными дугообразными контурами клинков, со взаимноперпендикулярными

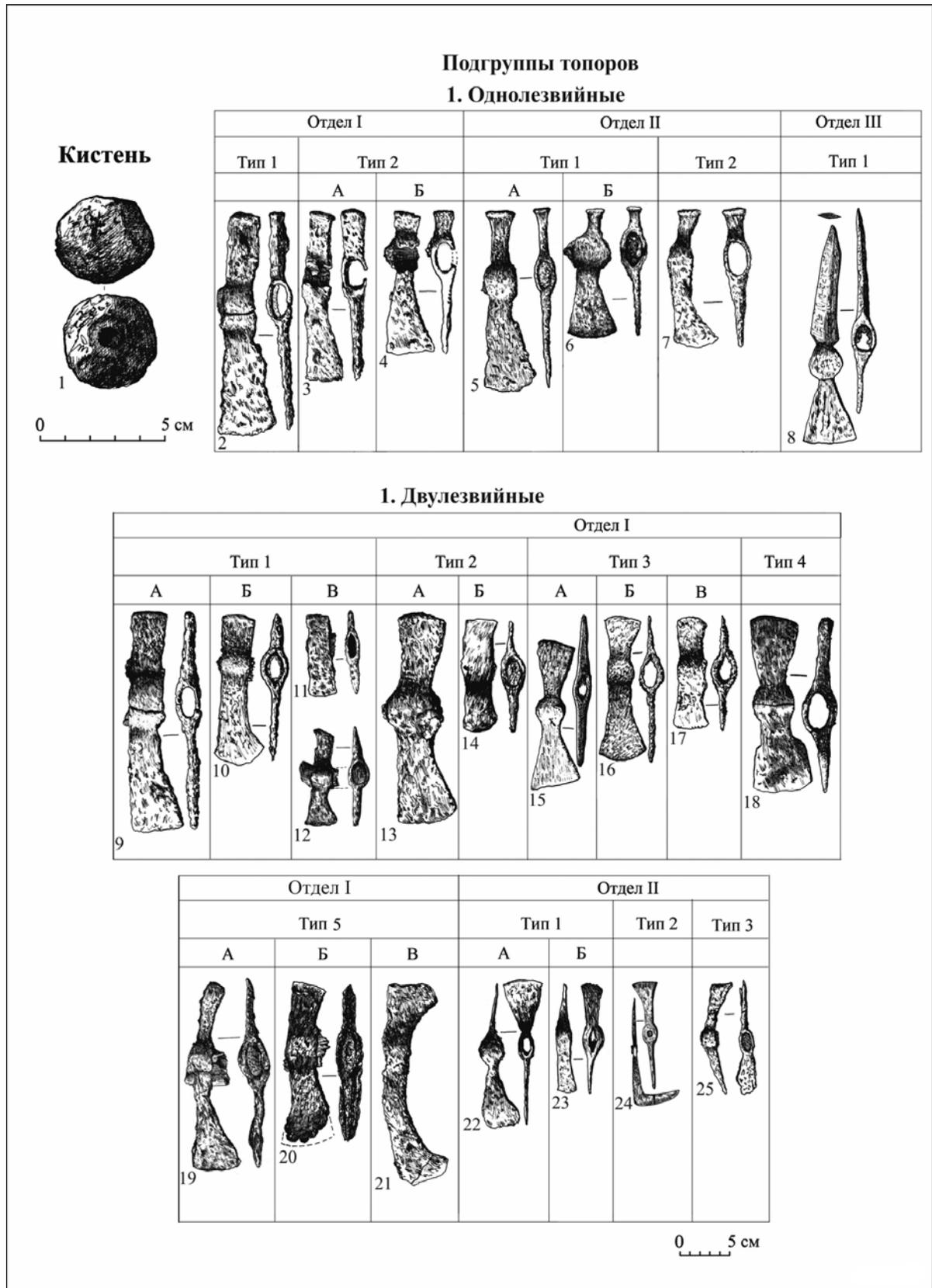

Рис. 2. Даргавский могильник. Классификация топоров. Кистень

лезвиями, распространяются вотивные подражания крупным формам (рис. 2, 6, 8, 10–12, 15–18, 21–25). Прослеживается смена в наборе наконечников стрел: трехлопастные наконечники все еще используются, но начинают вытесняться стрелами с плоским пером (рис. 1, 37, 38), единичными находками представлены наконечники типа двурогий срезень (рис. 1, 40). Появляются сабли типа 2 (рис. 1, 6). Количество вооружения на этом этапе заметно возрастает.

В погребениях всех этапов нет предметов защитного вооружения: панцирей, кольчуг, шлемов, щитов, что позволяет предположить отсутствие у населения средне- и тяжеловооруженной конницы. Однако данные предметы ввиду сложности их изготовления и дороговизны могли не использоваться в погребальном обряде. Вероятно, паноплия легкой конницы могла включать т. н. «мягкий» доспех.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в период VII – начала VIII в погребальном инвентаре из предметов вооружения встречаются только копья. Из-за малой выборки погребений этой группы мы не можем утверждать, что копья были единственным и основным типом вооружения у населения. С середины VIII в. у даргавского населения происходит изменение набора вооружения. Его полный комплект в последние два периода включает лук и стрелы, длинно-клинковое вооружение, боевые топоры и кистени. Последний период характеризуется увеличением количества оружия в погребениях. В целом рассмотренный набор вооружения позволяет говорить, что в основе военной организации населения Даргавской котловины находилась легковооруженная конница и пешее войско. Оружейный комплекс Даргавса аналогичен наборам синхронных катакомбных могильников Северной Осетии.

И. И. Елкина, А. С. Пахунов, Е. Г. Дэвлет, У. Ю. Кочкаров
Институт археологии РАН, Москва

ШЕРСТЯНЫЕ КОВРЫ В ТРАДИЦИЯХ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА АЛАН VIII–IX ВВ. (СОХРАННОСТЬ И ИССЛЕДОВАНИЕ)¹

Среди предметов погребального обряда алан VIII–IX вв. важную роль занимают ковры. Ковер расстилали на дно могилы, предварительно вырубленной в скале, затем на него укладывался умерший. Скальные могильники Подорванной и Мощевой балки, расположенные на территории Карачаево-Черкесской Республики, обладают уникальными природными условиями, которые способствовали сохранности одежд и др. предметов из органических материалов. При исследованиях внутреннего пространства захоронений в некоторых из них, кроме фрагментов одежд, были зафиксированы остатки шерстяных погребальных ковров.

В 2017 г. в рамках проекта были исследованы фрагменты шерстяных ковров, полученные в разные годы при изучении могильников и хранящиеся в фондах ГИМ, Государственного Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника им. М. О. Байчоровой и Зеленчукского районного краеведческого музея им. С. Ф. Варченко. При работе с образцами использовалась многовариантная фотофиксация: фотосъемка в видимом свете, фотосъемка видимой люминесценции, фотосъемка в отраженных УФ лучах, фотосъемка в отраженных ИК лучах и многоугольная теневая фотосъемка. Были получены высококачественные снимки, которые позволили максимально выявить структуру волокон и ткачества каждого образца.

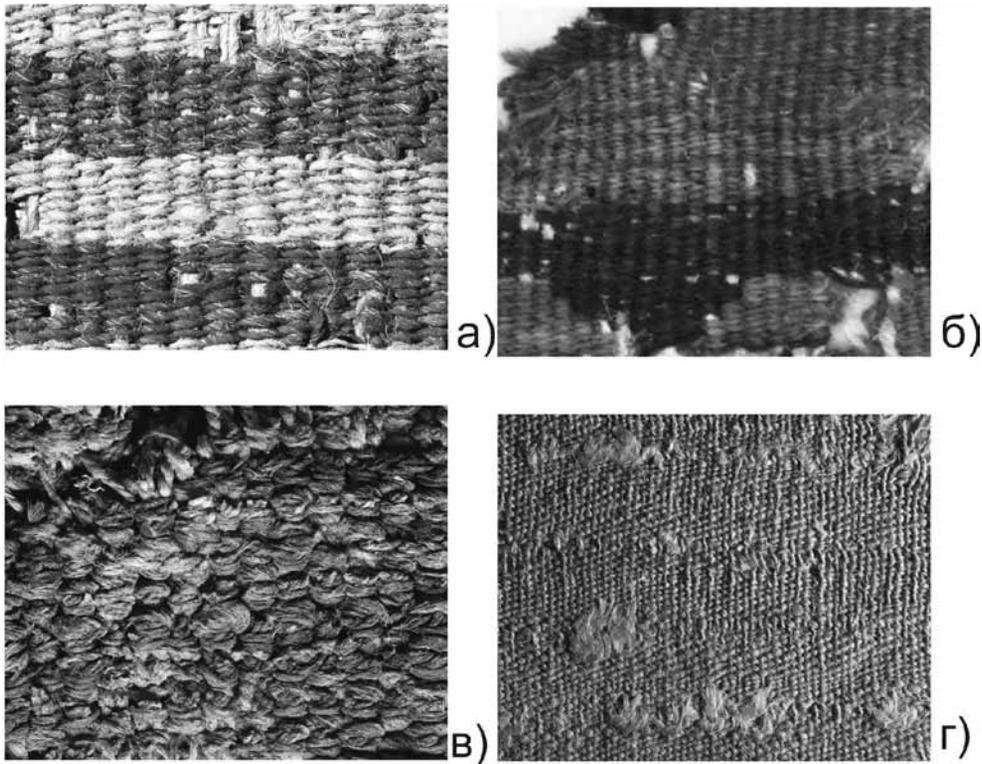
В дальнейшем для каждого исследуемого образца сделано следующее:

- описание природы, структуры и качества текстильных волокон;
- определены толщина и крутка нитей;
- проведен структурный анализ ткачества (определен тип переплетения и плотность);
- выявлены ткацкие ошибки; даны цветовые характеристики;
- определены наличие или отсутствие красителей;
- определен вид изделия (ткань, ковер);
- проведен сравнительный анализ с известными ранее шерстяными изделиями.

На основе полученных данных выполнены графические реконструкции и схемы переплетений шерстяных образцов. Также был проведен сравнительный анализ с ранее опубликованными фрагментами из фондов других музеев.

Изучение показало, что для погребального обряда алан VIII–IX вв. использовались ковры, довольно разнообразные по материалу, качеству, технике изготовления и декору (Елкина, Пахунов и др., 2017. С. 223–232). Материалом для всех ковров служила овечья шерсть, однако качество ее существенно различается в зависимости от происхождения сырья. Среди исследованных фрагментов нами выделены три основные группы: безворсовые ковры, ворсовые ковры и ковры в полосу, образованную одним рядом ворса.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ проект № 17-01-00406-ОГН ОГН-А.

Рис. 1. Структура ткачества погребальных ковров: а)–б) безворсового ковра, в) ворсового ковра, г) ковра в полоску, образованную одним рядом ворса

Безворсовые ковры представлены двумя видами, сильно отличающимися друг от друга:

а) ковры местного изготовления из грубых шерстяных нитей в основном неокрашенных (темных и светлых тонов), низкого качества прядения. Ковры имеют довольно простой орнамент, состоящий из горизонтальных и вертикальных полос, образованных чередованием нитей утка разных тонов по длине основы;

б) импортные полихромные ковры (гобелены) со сложным растительно-геометрическим орнаментом. Ковры отличают высокое качество волокон, тонкие нити и их ровное прядение, высокая плотность нитей по утку, разнообразие цвета. Орнамент создают цветные утки. Каждый цветной уток «работает» в пределах только одного орнаментального элемента.

Вторую группу представляют ворсовые ковры. Они сотканы с использованием техники «двойного турецкого узла». Ряды, образованные узлами, создают на лицевой поверхности сплошной ворс. Для ткачества таких ковров использовались как окрашенные, так и неокрашенные нити темных и светлых тонов. Качество прядения нитей удовлетворительное.

Третья группа – ковры в полоску, образованную одним рядом ворса. Полосы из одного ряда ворса проходят по поверхности ткачества горизонтальными полосами через каждые 18–20 мм, образуя довольно своеобразную фактуру ковра. Для изготовления таких ковров использовались нити относительно тонкие, однако прядение неоднородно по толщине. Низкое качество нитей также отмечено и в их окрашивании.

Таким образом, для погребального обряда использовались ковры из овечьей шерсти, однако качество ее довольно разное и зависит от происхождения сырья. Наиболее качественная шерсть отмечается в группе привозных безворсовых полихромных ковров (гобеленов).

Техника изготовления и декорирования ковров местного производства более лаконична – использовалась упрощенная технология крашения, что привело к выцветанию с течением времени. Для орнаментации некоторых изделий зачастую использовались комбинации неокрашенных нитей светлых и темных тонов вместо более затратной процедуры крашения.

Литература

Елкина И. И., Пахунов А. С., Кочкаров У. Ю., Гринько А. Е., Дэвлет Е. Г., 2017. Шерстяные изделия из могильников Мошевая и Подорванная Балки (VIII–X вв.): качество сырья и технология изготовления. ПИФК (4). С. 223–232. Магнитогорск.

М. В. Ельцов, С. Н. Удальцов

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ СРЕДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНЫХ ЕРГЕНЕЙ¹

Совместно с археологической экспедицией Волгоградского государственного университета были проведены почвенно-археологические исследования трех курганов среднесарматского времени (I в. н. э.) расположенных у с. Перегрузное Октябрьского района Волгоградской области (курганная группа Перегрузное-1, курганы № 45, 51, 52 – *Балабанова и др.*, 2014). Могильник расположен на плоской вершине межбалочного водораздела, ориентированного в направлении восток-запад. Абсолютные высоты – около 90 м. Курганы расположены на пашне. Прилегающий участок с естественной растительностью занят типчаково-полынной ассоциацией с проективным покрытием 60–70%. В геоморфологическом отношении территория представляет собой западный склон Северных Ергеней, полого спускающийся к долине р. Дон. С поверхности она сложена лессовидными карбонатными суглинками. Район исследований находится в восточной периферийной части ареала каштановых почв на границе с пустынно-степной зоной.

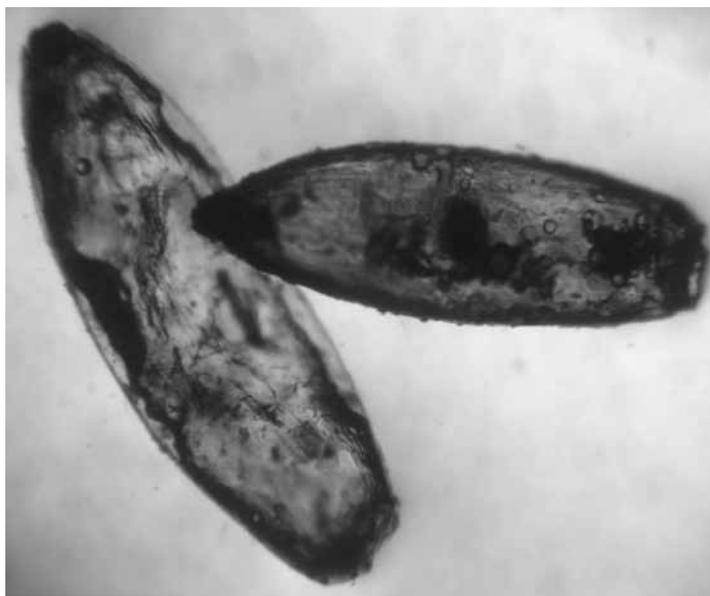
В ходе исследований удалось изучить древний рельеф поверхности и структуру почвенного покрова территории. Почвенный покров среднесарматского времени представлен корковыми, мелкими, средними и глубокими солонцами, каштановыми солонцеватыми и несолонцеватыми и луговато-каштановыми почвами.

Изученные курганы были сооружены на естественных микроповышениях высотой 20–50 см. Насыпи изначально имели округлую форму и примерно равные размеры: максимальный «диаметр» составлял 22–25 м, высота достигала 3 м (в момент раскопок высота курганов составляла около 1 м, диаметр 35–40 м). При сооружении насыпей применялась «блочная» технология с использованием в качестве строительного материала грунтовых блоков, вырезанных из верхнего слоя древней почвы в форме куба или параллелепипеда. Как правило, эти блоки-кирпичи представляли собой горизонты A1 и B1 (белесого и красновато-бурого цвета соответственно) солонцов и каштановых почв. Вырезка грунтовых блоков осуществлялась за пределами насыпи кургана.

Можно отметить следующие конструкционные особенности исследованных археологических памятников. Так, на древней поверхности кургана № 45 в 1 м к востоку от основного (центрального) погребения была сооружена грунтовая площадка в форме равностороннего треугольника с длиной стороны около 8 м. Серовато-желтого цвета материал площадки представлял собой гомогенную смесь верхнего гумусового горизонта A1 и материала почвообразующей материнской породы, залегающего на глубине 70–80 см и извлеченного при создании

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект «Преємственность и трансформация в развитии культур раннего железного века Нижнего Поволжья по данным археологии, палеоантропологии, палеоэкологии и палеогенетики» №17-11-34006.

Рис. 1. Семена рогоза из погребения

могильной ямы. Мощность грунтовой площадки в центральной части была около 20 см, постепенно уменьшаясь к периферии до 5–10 см. В кургане № 51 обнаружены два синхронных погребения среднесарматского времени. Они находились на выровненных участках с полностью срезанным (на глубину 5–10 см) верхним гумусовым горизонтом (гор. А1), имеющим подтреугольную форму площадью 23–25 кв. м. Под насыпью кургана № 52 также были зафиксированы участки со срезанным верхним горизонтом почвы. Срезка производилась в виде разомкнутой с юга округлой полосы шириной 2–4 м, расположенной по периферии насыпи.

Особый интерес представляют данные, полученные при изучении основного погребения кургана № 45. На дне могильной ямы строго в границах фрагментарно сохранившейся деревянной конструкции (вероятно, настила или носилок), на которой были расположены останки погребенной, был обнаружен слой рыхлого материала органического происхождения, состоящий из мелких (преимущественно 1–3 мм) белесых образований овальной формы (рис. 1). Под некоторыми костями скелета мощность слоя достигала 5 мм. Изначально эти объекты были диагностированы нами как пупарии (ложнококоны) мух (*Demkin et al.*, 2014). Последующие исследования опровергли это предположение. Данные образования являются остатками семян рогоза (*Typha* sp.). Рогоз – широко распространенное крупное многолетнее корневищное растение, достигающее в высоту 2 м и образующее заросли вдоль водоемов. Цветки рогоза собраны в характерные бурые колосовидные соцветия (султаны), образующие пух при созревании семян. Скорее всего, тело умершей было положено на матрас, набитый пухом рогоза. Следует отметить, что рогоз имеет широкое применение в настоящее время (*Губанов и др.*, 2002): пух используют для набивки подушек, листья употребляют для изготовления плетеной посуды, циновок, веревок, стебли применяют как строительный материал. Возможно также употребление корневищ рогоза в пищу. Вероятно, что полезные свойства этого растения были известны человеку и в эпоху раннего железа.

Современные данные по палинологии, почвоведению, ботанике свидетельствуют о тесной связи Ергенинской возвышенности и Предкавказских степей. Так, существует мнение (Матишов, Калмыков, 2013), что на территории Ергенинской и Ставропольской возвышенностей, минимум до эпохи Средневековья, существовали сплошные водораздельные лесные массивы, которые являлись связующим звеном между лесами Северного Кавказа и Русской равнины. Несомненно, между данными территориями происходил постоянный культурный обмен. Памятники сарматского времени известны на территории Ергеней, Предкавказья и Горного Кавказа. Одной из актуальных проблем северокавказской истории сарматского периода является вычленение культуры ранних алан. Именно к среднесарматскому времени (I – первая половина II вв. н.э.) относят их появление в предкавказских степях. Данный факт отразился в особенностях погребального обряда как населения равнин Северного Кавказа, так и прилегающих регионов.

Литература

- Балабанова М. А., Перерва Е. В., Клепиков В. М., Кривошеев М. В., Демкин В. А., Ельцов М. В., Скрипкин А. С., Удальцов С. Н., Яворская Л. В., Дьяченко А. Н., 2014. Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований. Волгоград. 360 с.
- Губанов И. А. Кисилева К. В. и др., 2002. Иллюстрированный определитель растений Средней России в 3 т. Т. 1. Папоротники, хвощи, плауны, голосеменные, покрытосеменные (однодольные). С. 129. М.
- Матишов Г. Г., Калмыков Н. П., 2013. Представление об истории современных ландшафтов Ергенинской возвышенности и Ставропольского выступа // Вестник Южного научного центра. Т. 9. № 2. С. 32–37. Ростов-на-Дону.
- Demkin V. A., Klepikov V. M., Udaltsov S. N., et al., 2014. New aspects of natural science studies of archaeological burial monuments (kurgans) in the southern Russian steppes Journal of Archaeological Science. Vol. 42. February. P. 241–249.

М. О. Жуковский

АНО «Современные технологии в археологии и истории», г. Москва

У. Ю. Кочкаров

Институт археологии РАН, г. Москва

О. С. Чагаров

*Центр археологических и этнографических исследований КЧГУ
имени У. Д. Алиева*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЫСОКОТОЧНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ МОДЕЛИ ПОВЕРХНОСТИ ХУМАРИНСКОГО ГОРОДИЩА ДЛЯ АНАЛИЗА ЕГО ПЛАНИГРАФИИ И СИСТЕМЫ УКРЕПЛЕНИЙ¹

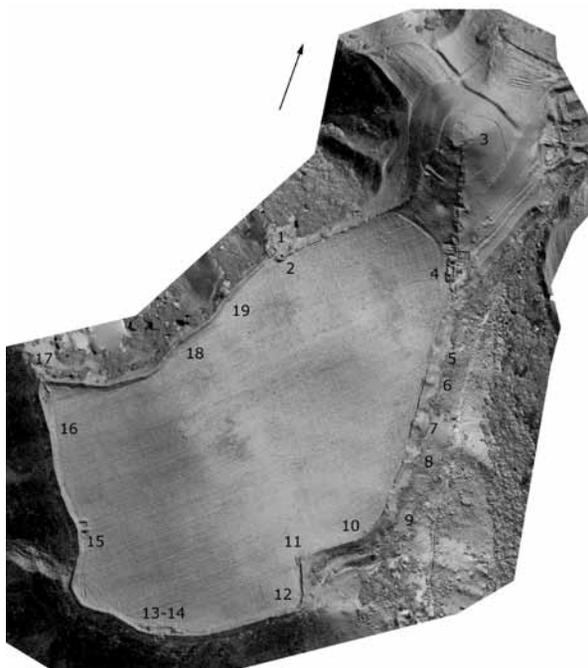
Высокоточная трехмерная компьютерная модель поверхности городища Хумара была создана весной 2016 г. методом фотограмметрической обработки результатов низковысотной аэрофотосъемки территории памятника, осуществленной беспилотным летательным аппаратом (БПЛА) на площади около 50 га (рис. 1). В ходе компьютерной обработки материалов аэрофотосъемки, проведенной в автоматическом режиме в программном обеспечении Agisoft Photoscan Pro, было получено облако точек высокой плотности (около 0,8 млрд. ед.), характеризующее с высокой степенью достоверности микрорельеф поверхности городища. Погрешность единичных измерений (точек) облака заведомо не превышает 0,1 см, общая допустимая относительная погрешность модели – не более 10 см.² Облако сформировано в локальной метрической системе координат памятника. Из облака точек методом триангуляции была получена так называемая твердотельная модель, послужившая основой для создания геометрически корректного ортофотоизображения городища и построения цифровой модели его поверхности (ЦМП). Благодаря тому, что съемка была проведена в оптимальное время года, когда высота покрывающей площадку городища растительности минимальна, полученная виртуальная модель поверхности повторяет микрорельеф территории Хумары (ЦМР). Компьютерная модель микрорельефа Хумаринского городища не только позволяет осуществить трехмерную визуализацию памятника в различных представлениях и ракурсах, но и является продуктивным аналитическим инструментом, дающим возможность выявить характерные особенности планировки и пространственной организации городища, скрытые в его микрорельефе.

Городище Хумара занимает мысовой останец скальной гряды, формирующей обрывистый восточный склон долины р. Кубань. Площадка городища полностью занимает плоскую вершину каплевидного останца, лежащего на высоте около 1100 м над уровнем моря. Крутые скальные склоны останца формируют естественные оборонительные рубежи городища по всему периметру за исключением северо-восточной оконечности площадки, где на искусственно подсыпанном холме расположена

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ проект №18-09-00641 А.

² Методика создания трехмерных моделей поверхности с помощью фотограмметрических алгоритмов была многократно апробирована на целом ряде памятников археологии центральных и южных областей России, в числе которых Гнёздовский археологический комплекс (Смоленская область), Фанагория (Краснодарский край) и многие другие. Достоверность получаемых результатов подтверждена сериями независимых инструментальных измерений.

Рис. 1. Теневая высотная модель поверхности Хумаринского городища

цитадель, доминирующая над прилегающей местностью. Крутые склоны холма, занятого цитаделью, практически полностью перекрывают прямой въезд на территорию городища, оставляя лишь два узких прохода по бокам. Этой природной особенностью в полной мере воспользовались строители Хумаринской крепости, к описанию фортификации которой мы еще вернемся. С точки зрения микрорельефа площадка городища делится на две зоны – западную и восточную, отличающиеся разным направлением экспозиции склонов: преимущественно западным для первой и восточным – северо-восточным для второй. Двучастное членение площадки косвенно подтверждается разным направлением старой распашки городища, отчетливо зафиксированной в модели. В пределах каждой из зон расположено по одному пологому холмообразному возвышению диаметром около 140–150 м. Территория городища окружена крепостной стеной, представляющей собой в современном микрорельефе задернованную валообразную насыпь, заключающую остатки каменной кладки и следующую по краю площадки непосредственно по линии перегиба склона. Общая протяженность стены, взятая по гребню, составляет чуть более 2 км. Площадь ограниченной ею крепости – около 20,4 га по внешнему контуру укреплений.

Главные ворота, расположенные в 270 м к юго-западу от цитадели, сооружены в специально устроенном изломе оборонительной стены, фланкированном двумя башнями прямоугольных очертаний. Ось ворот ориентирована параллельно линии стены, которая на участке к востоку – северо-востоку от ворот немного отступает от края скалы, создавая длинный узкий подход – дефиле – к въезду в крепость протяженностью около 150 м. С юга проход ограничен линией крепостной стены, с севера – крутым обрывом скального останца, ширина образованного дефиле составляет в самом узком месте не более 3–3,5 м, позволяя проехать лишь одной повозке либо двум всадникам. Непосредственно перед воротами проход расширяется, образуя небольшую подтреугольную въездную площадку шириной до 18 м. Удаляясь

от ворот, подъездная дорога огибает холм цитадели, формируя еще одну теснину более скромной протяженности (около 45 м) и около 3 м шириной, следующую вдоль крутого естественного склона. Миновав участок склона, дорога выходит на ровную подквадратную накопительную площадку – эспланаду размером около 71 63 м. Очевидно, что как эспланада, так и проход вдоль склона контролировались с доминирующей над ними башни цитадели. Эспланада и холм, увенчанный цитаделью, отделены от прилегающего поля ровом, хорошо прослеживаемом в микрорельефе. По всей вероятности, в период функционирования крепости ров отделял все ее сооружения, прорезая скальный останец от края до края. В настоящее время юго-восточная оконечность рва спланирована, однако в остальном он сохранил свои очертания. Протяженность рва составляет чуть более 170 м, общая реконструируемая длина сооружения должна была достигать 250 м. Сохранившаяся ширина – около 6–7 м. Ров следует по линии СЗ–ЮВ: прорезает ровную площадку к северу от цитадели, оконтуривает ее холм по основанию и замыкается у устья ущелья, ограничивающего останец, занятый городищем, с востока. У подножия холма цитадели с севера через ров был, вероятно, перекинут небольшой «мостик». Следы его обустройства выражены в микрорельефе.

К югу от «цитадели» с внешней стороны крепостной стены расположено святилище. Оно повернуто относительно общей линии укреплений, акцентируя сакральную ориентацию по сторонам света. Вокруг сохранившегося квадрата основания святилища прослеживается небольшой перибол, сформированный невысокой протейхизмой. Примечательно, что контуры последней соосны линии крепостной стены.

Еще один вспомогательный въезд на городище, возможно, располагался в изломе его южной стены. Небольшие ворота (калитка) были устроены в башне, еще две ближайшие башни, удаленные на 65 и 85 м, также контролировали подход. Скальная тропинка, ведущая к воротам, хорошо прослеживается в микрорельефе, соединяясь с основной тропой, поднимающейся по ущелью, ограничивающему городище с востока.

Цитадель крепости, как уже отмечалось, занимает плоскую вершину искусственно подсыпанного холма высотой около 40 м. Профиль холма демонстрирует два небольших уступа, что может свидетельствовать об искусственном эскарпировании склонов и формировании дополнительных контуров укреплений. Площадка на вершине холма невелика, ее площадь едва достигает 370 кв. м. На площадке прослеживаются контуры двух прямоугольных сооружений.

Виртуальная модель микрорельефа Хумаринского городища позволяет произвести подсчет числа башен (бастионов), включенных в основной оборонительный контур крепости. Их было не менее 19, учитывая цитадель: 5 по северо-западной стене, 5 – по южной и 8 – по восточной (обозначены цифрами на рис. 1). Западная сторона крепости, видимо, считалась неприступной.

В заключение отметим, что строителями Хумары был в полной мере использован естественный фортификационный потенциал места ее расположения, крепость в прямом смысле этого слова «встроена» в ландшафт. Примечательно, что даже камень для сооружения стен мог добываться прямо на месте – из края скального останца, по периметру которого с помощью компьютерной модели зафиксированы вырубываемые правильной прямоугольной формы с четкими гранями, однако это предположение еще ждет дальнейшего подтверждения полевыми работами.

З. П. Кадзаева

Институт истории и археологии РСО-Алания, г. Владикавказ

КАТАКОМБА С ПРЕССОВАННЫМИ И ЛИТЫМИ РЕМЕННЫМИ ДЕТАЛЯМИ ИЗ САДОНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Садонский могильник находится в окрестностях горного селения Верхний Садон в Северной Осетии. Все погребения могильника относятся к раннесредневековому этапу аланской культуры. Среди исследованных комплексов выделяется катакомба 68, инвентарь которой содержит литые и прессованные ременные детали разных стилей, предметы вооружения и снаряжение коня. Предметы, найденные в катакомбе, принадлежат одному мужскому погребению. Катакомба была ограблена (?) во время функционирования могильника, однако вещи возвращены в могилу, вход закрыт, входная яма засыпана.

Большинство находившихся в садонском погребении поясных и сбруйных разностильных украшений изготовлены прессовкой из тонкого серебряного листа. На поверхности большинства накладок имеется тонкий и ровный слой золота (технология золочения не определена). Вогнутые части накладок для придания им большей прочности были заполнены веществом серого цвета. Благодаря этому заполнению сохранялась форма накладок и держались крепежные детали. Иногда при изготовлении накладок использовались бронзовые каркасы, служившие для укрепления конструкций (рис. 1, 26). Накладки крепились к ремню с помощью петлевидных и скобовидных проволочных креплений или штифтов с пластинчатыми обоймами (рис. 1, 28, 29, 30).

Из предметов вооружения в камере находились железные наконечники стрел, фрагментированный сложносоставной лук, а также фрагмент боевого ножа (рис. 1, 36, 41–44, 46). К сбруйным украшениям и снаряжению коня (кроме удила и стремян) достоверно можно отнести большие тяжелые прессованные накладки с изображением личины и лежавшие под стремянами две подпружные железные пряжки (рис. 1, 6, 39, 40). К украшениям сбруи относятся также дисковидные серебряные накладки с одним и двумя штифтами (рис. 1, 23, 24, 27), небольшие накладки с изображением личины (рис. 1, 22), полусферические бляшки (рис. 1, 25, 33) и дисковидные прессованные накладки со скошенными краями (рис. 1, 34). Возможно, в состав сбруйного набора входили выполненные в одном стиле маленькая литая пряжка с лировидной рамой и прессованные серебряные наконечники (рис. 1, 2, 5).

Отмеченная выше серебряная пряжка (Рис. 1, 2) похожа на образец, найденный в могиле всадника у селения Арцыбашево (*Монгайт*, 1961. С. 82. Рис. 37, 2). Кроме пряжки, в арцыбашевском комплексе есть также похожие на садонские ременные наконечники, удила и наконечники стрел.

В погребении 2 кургана 3 Сивашовки найдены остатки деревянного седла с железной кольчужной обкладкой («бармицей») передней луки, предназначенной для защиты всадника от «фронтального копьёвого удара справа от головы лошади» (*Комар и др.*, 2006. С. 247, 293. Рис. 24, 4). Эта «бармица» из Сивашовки очень похожа на тяжелую кольчужную деталь, найденную в садонской катакомбе (рис. 1, 52), она почти такой же формы и размера, так же деформирована.

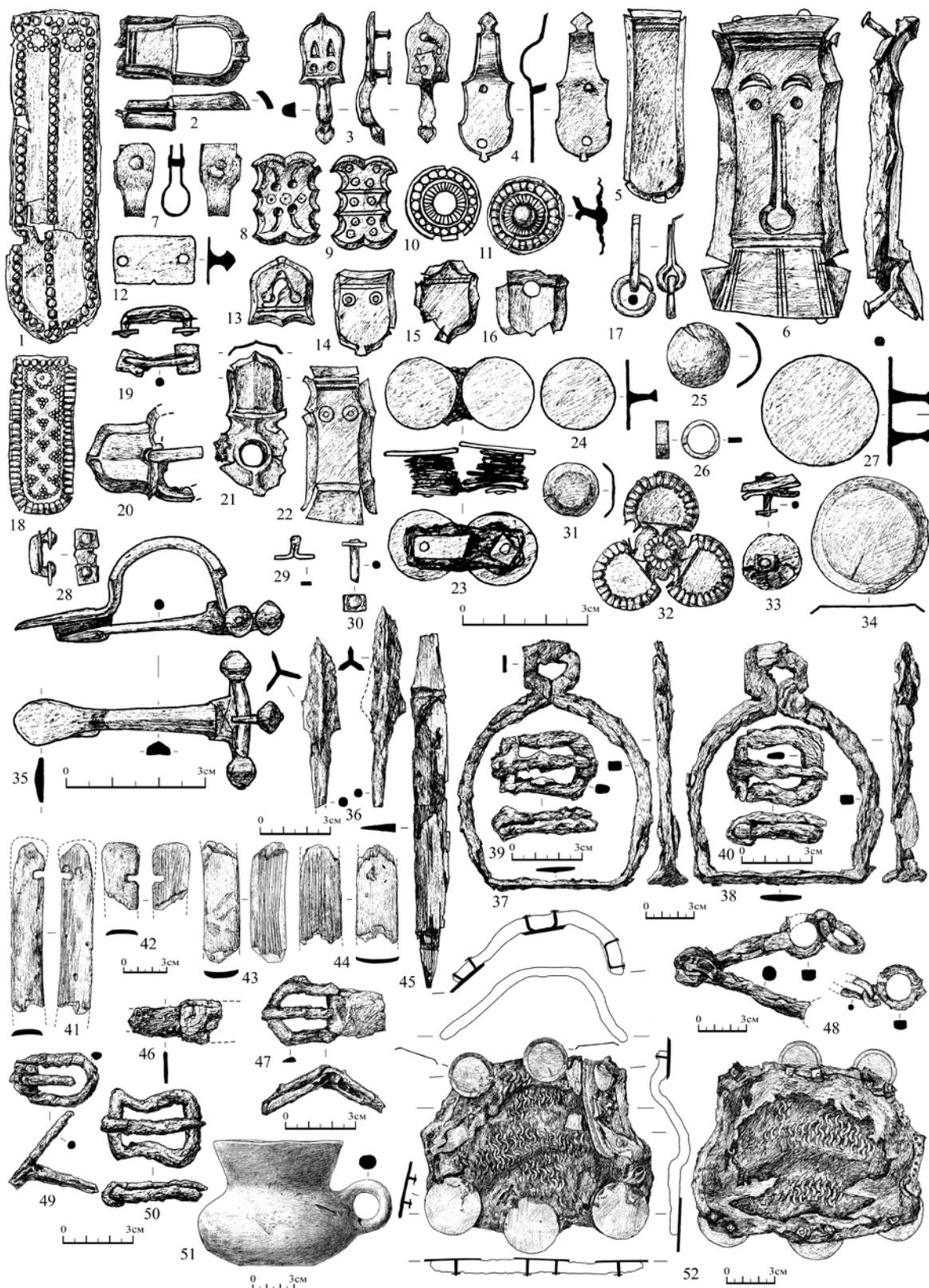

Рис. 1. Садонский могильник. 1-52 - инвентарь катакомбы 68. 1, 8-11, 13-15, 18, 32 - прессованное серебро с золочением; 5, 6, 16, 20-22, 25, 31, 34 - прессованное серебро; 2-4, 12, 23, 24, 27 - серебро; 7, 17, 19, 26, 28-30, 33, 35 - бронза; 36-40, 45, 46-50 - железо; 41-44 - кость; 51 - глина; 52 - железо, накладки серебряные

На лицевой стороне детали сохранились фрагменты кожаных ремней, а на внутренней – фрагменты от большого куска выделанной кожи. Снизу к изделию прикреплены три литые серебряные дисковидные накладки с двумя штифтами. Верхнюю часть изделия украшают три серебряные дисковидные прессованные накладки со скошенными краями. Каких-либо креплений, с помощью которых деталь могла бы прикрепляться к луке седла, не найдено, в отличие от сивашовской, которая крепилась с помощью гвоздиков. Кроме кольчужной детали в садонской катакомбе есть ряд других находок, аналогии которым имеются в погребении из Сивашовки: удила, лировидная пряжка, накладки на лук, обоймы, дисковидные накладки и крепежные детали к ним, боевой нож, стрелы. А. В. Комар и соавторы датируют погребение из Сивашовки 3-й четвертью VII в. (*Комар и др.*, 2006. С. 309). К более раннему времени, к первой трети VII в., относят погребение из Сивашовки И. О. Гавритухин и А. М. Обломский (*Гавритухин, Обломский*, 1996. С. 91).

В погребальном наборе катакомбы 68 вместе с удилами находились железные стремяна со спрямленной подножкой (рис. 1, 37, 38). По мнению исследователей, подобные стремяна не известны в комплексах более ранних, чем последняя треть VII в. от Карпатской котловины до Сибири (*Амброз*, 1973; *Гавритухин, Малашев*, 1998. С. 63). Спрямленная подножка у округлых стремян появляется, по крайней мере, в горизонте Перещепино (*Гавритухин*, 2005. С. 420).

Зерненным наконечникам, находившимся в садонском погребении (рис. 1, 1, 18), по стилю близки ременные детали из комплексов в Уч-Тепе и Арцыбашево, которые датируются исследователями по-разному, но в рамках VII в. Время бытования стиля зерненных накладок на памятниках Кисловодской котловины относится к периоду IIIa согласно предложенной И. О. Гавритухиным и В. Ю. Малашевым периодизации (*Гавритухин, Малашев*, 1998. С. 60–61). К этому же периоду относятся и литые накладки с «геральдической» пластиной и крючком, завершающимся звериной головкой (как на рис. 1, 3) (*Гавритухин, Малашев*, 1998. С. 60–61; *Гавритухин*, 2005. С. 400). Находившиеся в садонской катакомбе Ж-образные накладки (рис. 1, 8, 9) распространены на большой территории и датируются VI–VII вв. (*Ковалевская*, 2000. С. 160; *Гавритухин, Обломский*, 1996. С. 90). Также широко датируются детали поясных наборов с орнаментами в виде «галочки», «запятой», «замочной скважины» и кружочков. Прессованные дисковидные накладки со скошенными краями в сочетании с прессованными накладками-розетками (рис. 1, 10, 11, 31, 34) встречаются на памятниках Аварского каганата в рамках «1 среднеаварского» периода (620/640–660/680) (*Гавритухин*, 2001. С. 107–109. Рис. 34, 3, 12, 23, 26, 32, 40, 46).

В погребальном наборе катакомбы 68, кроме перечисленных предметов, находились обойма для подвешивания, накладки, кольцо с зажимом, кавказская Т-образная фибула, нож, пряжки и кружка (рис. 1, 4, 7, 12, 17, 35, 45, 47, 49–51).

Приведенные выше аналогии позволяют отнести комплекс катакомбы 68 из Садонского могильника к периоду IIIa – 620/630–670/680 гг. (к третьей четверти VII в.) согласно шкале древностей Кисловодской котловины по И. О. Гавритухину и В. Ю. Малашеву, но наличие в погребальном инвентаре стремян со спрямленной подножкой предполагает, видимо, более позднюю дату в рамках последней трети VII в.

Литература

- Амброз А. К.*, 1973. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. № 4. М.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М.*, 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Гавритухин И. О., Малашев В. Ю.*, 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // КЕС. № 2. С. 28–86. Самара.
- Гавритухин И. О.*, 2001. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. II. Донецк.
- Гавритухин И. О.*, 2005. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (Элементы ременной гарнитуры) // Хазары. Т. 16. Иерусалим–Москва.
- Ковалевская В. Б.*, 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.
- Комар А. В., Кубышев А. И., Орлов Р. С.*, 2006. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Евразии в эпоху средневековья. 5 / Хазарское время. Труды по археологии. Донецк.
- Монгайт А. Л.*, 1961. Рязанская земля. М.

М. М. Казанский
Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, г. Париж

А. В. Мастыкова
Институт археологии РАН, г. Москва

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ПРЯЖКИ НА КАВКАЗЕ (СЕРЕДИНА V – СЕРЕДИНА VI В.)

В средиземноморском бассейне выделена серия ранневизантийских пряжек (*Kazanski, 1994; Schulze-Dörrlamm, 2002*), распространение которых в той или иной степени маркирует связи с Византией. Некоторое количество таких изделий известно в западной и центральной части Кавказа.

К их числу относятся пряжки с декором в стиле перегородчатой инкрустации с овальным кольцом, полукруглым щитком и геометрическим декором, происходящие из погребения 2 некрополя Шапка – Юстинианов Холм-3 и погребения 1981 г. могильника Шапка – Верин Холм в Абхазии (рис. 1, 1, 2). Оба захоронения относятся ко второй половине V – раннему VI в. Эти экземпляры принадлежат большой группе средиземноморских пряжек, распространенных от Причерноморья и Балкан до Северной Африки и Франции (*Kazanski, 1994. P. 141–144; Schulze-Dörrlamm, 2002. S. 101–103*).

Также из погребения 2 могильника Шапка – Юстинианов Холм-3 происходит еще одна пряжка с овальным кольцом и прямоугольным щитком, украшенным вставками, перегородки между которыми образуют декор в форме креста (рис. 1, 3). Еще одна подобная пряжка была найдена в погребении 20 могильника Байтал-Чапкан на Верхней Кубани (рис. 1, 4). Параллели этим изделиям хорошо представлены в византийской зоне. Они известны на византийских памятниках дунайского пограничья, в Малой Азии, в Иллирикуме, а также у соседей Византии, гепидов Среднего Дуная (*Kazanski, 1994. P. 151; Schulze-Dörrlamm, 2002. S. 115–119*). Считается, что подобные пряжки более характерны для мужского костюма. Однако для эпохи переселения народов хорошо известны случаи, когда вещи, попадая в инокультурную среду, не считаются более «мужскими» или «женскими».

Одна позолоченная пряжка с овальным кольцом, прямоугольным щитком, украшенным кабошоном в центральной части происходит из погребения 1 могильника Лар в Абхазии (рис. 1, 5). Аналогичные ей изделия известны в Средиземноморье, а именно в Палестине, Сирии, Греции, Италии, а также в Крыму и датируются они, вероятнее всего, поздним V – первой половиной VI в. (*Kazanski, 1994. P. 147, 148; Schulze-Dörrlamm, 2002. S. 123–129*).

Из этого же погребения в Ларе происходит также еще одна пряжка с овальным кольцом и прямоугольным щитком, имеющим греческую надпись (рис. 1, 6). Прямые аналогии для нее нам неизвестны, однако в данном случае средиземноморское происхождение этой пряжки несомненно, тем более что известны малоазийские пряжки с греческими надписями на овальном щитке (*Schulze-Dörrlamm, 2002. Abb. 48, 50*).

В Кабардино-Балкарии, в Озоруково, в ограбленном погребении была найдена пряжка с овальным кольцом и инкрустированным прямоугольным щитком, где перегородки между инкрустациями образуют Андреевский крест (рис. 1, 7).

Прямых параллелей такому декору мы не знаем, но по остальным признакам эта пряжка принадлежит средиземноморской группе изделий, представленной практически по всему Средиземноморью и датированной в рамках второй половины V – первой половины VI в. (*Kazanski*, 1994. P. 145–155).

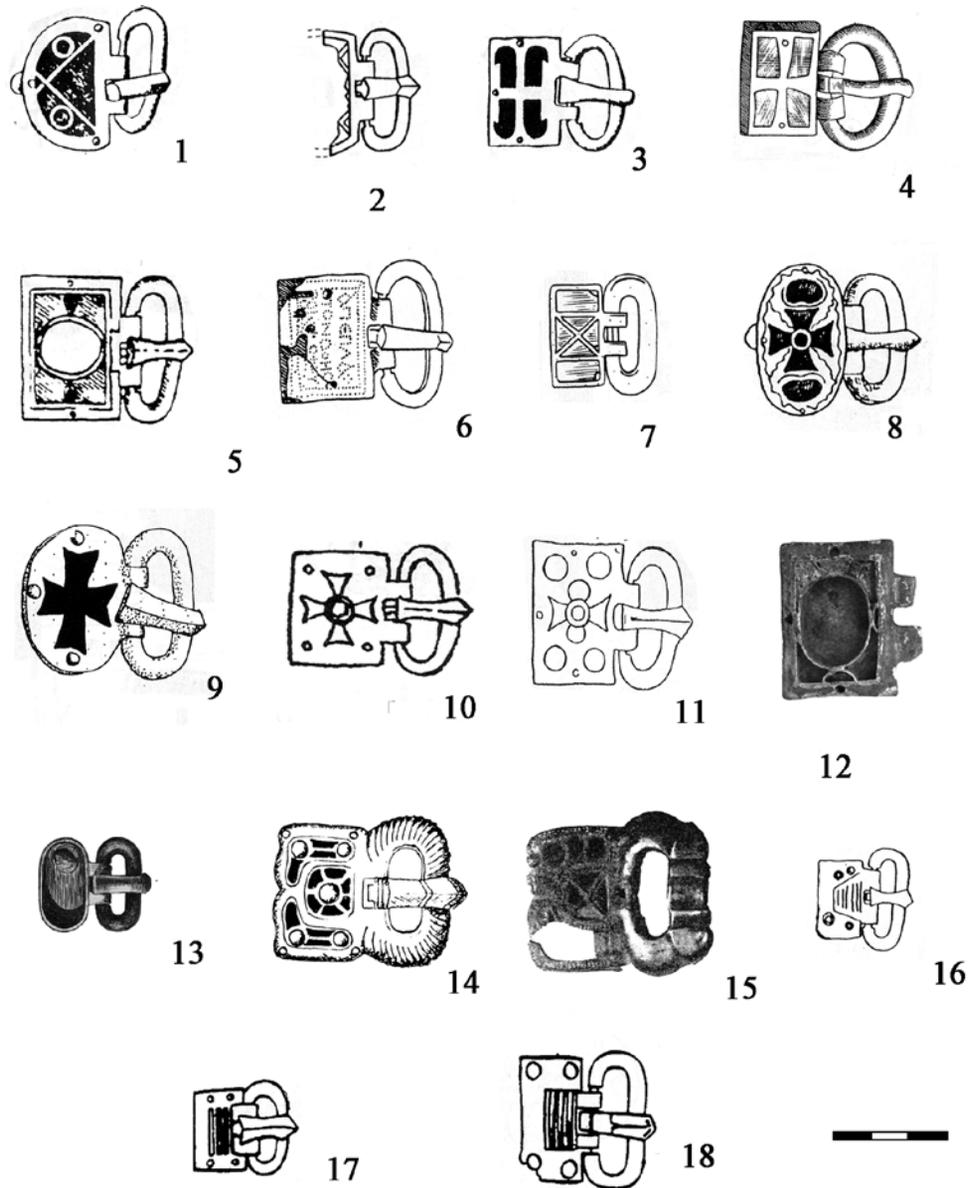
Явно средиземноморские пряжки с овальным кольцом и овальным щитком, инкрустированным крестообразным декором, были найдены в погр. 121 могильника Мокрая Балка в Пятигорье, а также в погр. 14 могильника Шапка – Абгызраху в Абхазии (рис. 1, 8, 9). Они имеют параллели в Малой Азии и в Крыму, их дата также соответствует, скорее всего, второй половине V – первой половине VI в. Учитывая зону их распространения, речь, видимо, идет о каком-то понтийском ателье (*Kazanski*, 1994. P. 155, 156; *Schulze-Dörrlamm*, 2002. № 78, 79).

Еще две пряжки с инкрустированным крестообразным декором, но с прямоугольным щитком происходят из Абхазии, из упоминавшегося выше могильника Шапка, а также из погребения Гагра-Цихерва (рис. 1, 10, 11). Судя по типу меча из погребения в Гагре, эти пряжки должны датироваться V – ранним VI в., а их распространение свидетельствует в пользу их производства в понтийских мастерских, может быть, тех же самых, где изготавливались и пряжки с крестообразным декором на овальном щитке (*Kazanski*, 1994. P. 156, 157).

В погребении 2.1936 г. Пашковского могильника № 1, в приношении, был найден прямоугольный щиток пряжки, инкрустированный белым и синим стеклом (рис. 1, 12). Пряжка, вне всякого сомнения, относится к числу средиземноморских, скорее всего византийских. Наиболее близкая параллель ей известна в Сицилии (*Kazanski*, 1994. P. 147. Fig. 8, 9). В целом похожие пряжки распространяются в Греции, Палестине, Сирии, Италии, Причерноморье, Малой Азии, Египте, отдельные находки попадают на Западные Балканы и меровингский Запад (*Kazanski*, 1994. P. 147; *Schulze-Dörrlamm*, 2002. Abb. 43, 47; *Мастыкова*, 2009. С. 62; *Мастыкова и др.*, 2016. С. 13).

В том же погребении 2.1936 г. Пашковского могильника № 1 была обнаружена бронзовая со следами позолоты пряжка с овальным массивным кольцом и овальным щитком, имеющим гнездо для инкрустации крупной овальной пластиной или кабошоном (рис. 1, 13). Подобные пряжки очень широко распространены в Европе и в Средиземноморском бассейне с середины V в. по первую половину VI в. (*Kazanski*, 1994. P. 138–141; *Schulze-Dörrlamm*, 2002. S. 84–94). Поскольку инкрустированный декор не сохранился, поиски прямых параллелей затруднены. Отметим, однако, что такие пряжки разных размеров на сегодняшний день известны только в западной половине северокавказского региона (Пашковский могильник № 1, Дюрсо) (*Мастыкова*, 2009. С. 59, 60; *Мастыкова и др.*, 2016. С. 13).

В «вождеском» погребении 10 на могильнике Лермонтовская скала 2 в Пятигорье, а также в депаспортизированных материалах из Кабардино-Балкарии (*Казанский*, *Мастыкова*, 2001. Рис. 4, 1; 10, 4) имеются две малые пряжки, щиток которых украшен двумя развернутыми *face à face* птичьими головами (рис. 1, 14, 15). Одна такая же пряжка происходит из Керчи. Подобный декор, явно восходящий к римским художественным традициям, известен и на элементах поясной гарнитуры из Италии (Ландриано) и австрийских Альп (Глобазиц) (*Казанский*, 2016. С. 221–224. Рис. 20, 10, 11).

Рис. 1. Ранневизантийские пряжки Кавказа: 1, 3 – Шапка – Юстинианов Холм-3, погр. 2; 2 – Шапка – Верин Холм, погр. 1981 г.; 4 – Байтал-Чапкан, погр. 20; 5, 6 – Лар, погр. 1; 7 – Озороково; 8 – Мокрая Балка, погр. 121; 9 – Шапка – Абгыздраху, погр. 14; 10 – Гагра-Цихерва; 11 – Шапка; 12, 13 – Пашковский могильник № 1, погр. 2.1936 г.; 14 – Лермонтовская скала 2, погр. 10; 15 – Кабардино-Балкария; 16 – Бароновка; 17 – Дюрсо, погр. 479; 18 – Дюрсо, погр. 291

Наконец, три пряжки с овальным кольцом и прямоугольным щитком, украшенным рифлением, происходят из погребения Бароновка в Абхазии, а также из погребений 291 и 479 могильника Дюрсо под Новороссийском (рис. 1, 16–18). Почти все известные находки подобных пряжек происходят из причерноморского бассейна (Кавказ, Крым, Добруджа). Одна находка отмечена в западном Иллирикуме, одна – в Иордании и еще одна – далеко на севере, в могильнике Марвеле в Литве. Такое распространение позволяет говорить о понтийском производстве данных пряжек (*Kazanski*, 1994. P. 162–164; *Казанский*, 2013).

Итак, на Кавказе фиксируется серия разнообразных средиземноморских пряжек второй половины V – первой половины VI в., указывающая на связи древнего населения этого региона со Средиземноморьем, прежде всего с Византией. Присутствуют как понтийские типы пряжек, так и общие для всего средиземноморского бассейна. Отмечается концентрация средиземноморских пряжек в Абхазии. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что связи Кавказа с Византией осуществлялись через Абхазию, а также через Боспор Киммерийский, где также имеются средиземноморские пряжки.

Литература

- Казанский М., Мастыкова А.*, 2001. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI вв. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки / Ред. В. И. Марковин. М.: ИА РАН. С. 138–161.
- Казанский М. М.*, 2013. Ранневизантийская пряжка из могильника Марвеле в Средней Литве // *Stratum plus*. № 5. С. 163–174.
- Казанский М. М.*, 2016. Водные пути из Балтики к Черному морю в позднеримское время и в эпоху переселения народов // *Stratum plus*. № 4. С. 191–240.
- Мастыкова А. В.*, 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М.: ИА РАН. 502 с.
- Мастыкова А. В., Казанский М. М., Сапфрыкина И. А.*, 2016. Пашковский могильник № 1. Т. 2. Исследование материалов Пашковского могильника № 1. М.–СПб.: Нестор-История. 372 с.
- Kazanski M.*, 1994. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve – VIe siècles // *Archéologie Médiévale*. XXII. P. 137–198.
- Schulze-Dörrlamm M.*, 2002. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Teil 1: Die Schnallen ohne Beschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 258 S.

Д. С. Коробов
Институт археологии РАН, г. Москва

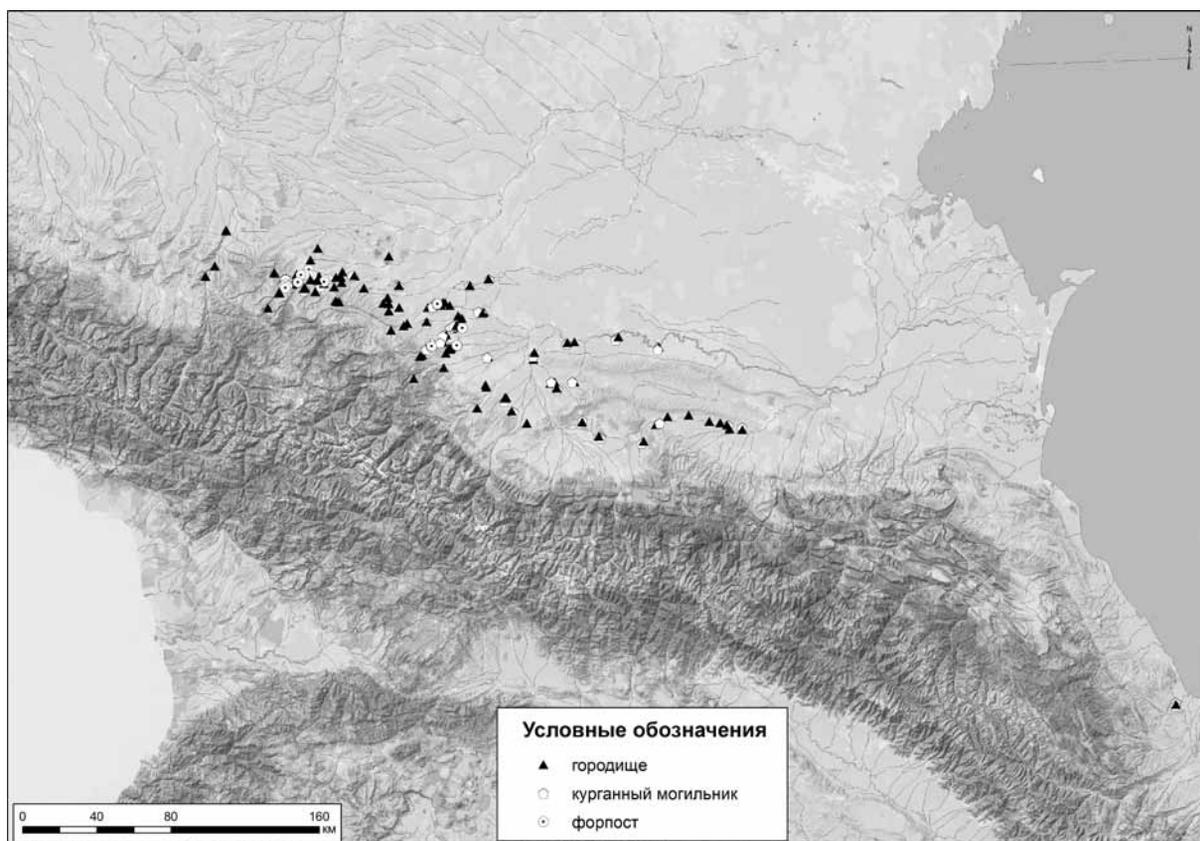
ГОРОДИЩА И МОГИЛЬНИКИ РАННЕГО ЭТАПА АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ПО ДАННЫМ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ

Аланская культура Северного Кавказа является предметом изучения историков и археологов уже более ста лет. При этом наименее изученным оказался ранний период возникновения и становления аланской культуры, ограниченный II–IV вв. н.э. Несмотря на то, что первые погребальные памятники алан, относящиеся к этой эпохе, были исследованы в Чечне А.А. Бобринским еще в 1890-х гг. (ОАК 1882–1888. С. ССLVI–ССLXIII), а первые крупные городища изучались в ходе работ Северокавказской экспедиции ГАИМК во главе с А.А. Миллером начиная с 1920-х гг. (*Деген-Ковалевский*, 1935), долгое время древности раннего этапа аланской культуры не получали необходимого анализа и интерпретации в археологической литературе.

Настоящее исследование призвано восполнить существующий пробел в изучении земляных городищ раннего этапа аланской культуры в Центральном Предкавказье, выделенных в особый вид памятников с начала 1970-х гг. (*Чеченов*, 1971; *Кузнецов*, 1973). Проведенное картографирование этих поселений, осуществленное с помощью данных дистанционного зондирования (ДДЗ), призвано очертить в общем виде данный феномен на карте Северного Кавказа.

Как правило, речь идет о крупных многочастных сооружениях, состоящих из выделенной цитадели, нескольких укрепленных холмов и неукрепленного посада, которые устроены с помощью эскарпирования склонов естественных возвышенностей, устройства рвов и земляных валов. Они сопровождаются крупными могильниками с катакомбными погребениями, расположенными под невысокими курганными насыпями. Исследования конца 1980-х гг. на одном из крупнейших подобных городищ в Северной Осетии – Зилгинском – впервые дали обоснованные материалы для отнесения основного этапа обитания на нем ко II–IV вв. н.э., хотя жизнь продолжалась здесь вплоть до VII в. н.э. (*Arzhantseva et al.*, 2000). Материалы того же времени дают многочисленные катакомбные погребения, раскопанные на обширнейшем Бесланском курганном некрополе, относящемся к Зилгинскому городищу. Аналогичная ситуация наблюдается и для других исследованных земляных городищ Центрального Предкавказья – Брутского в Северной Осетии, Алхан-Калинского в Чечне, Экажевского в Ингушетии, Пегушинского в Ставропольском крае, Паласа-сыртского в Прикаспийском Дагестане (*Габуев*, *Малашев*, 2009. С. 145–146).

Расположение на равнинных незалесенных территориях и яркие внешние признаки в виде рвов, валов, эскарпированных склонов, подкурганных погребений дает широкие возможности использования ДДЗ для изучения и картографирования земляных городищ раннего этапа аланской культуры (II–IV вв.). Настоящее исследование было посвящено накоплению информации, полученной из открытых источников (космоснимки геосервера Google.Earth, находящиеся в открытом доступе в сети Интернет). Распознаваемые на космоснимках

Рис. 1. Результат картографирования земляных городищ и курганных могильников раннего этапа аланской культуры с помощью ДДЗ

земляные городища и сопровождающие их подкурганные могильники были картографированы в виде точечного слоя и включены в географо-информационную систему (ГИС). Накоплен архив из более чем 600 изображений земляных городищ и сопровождающих их подкурганных могильников, полученных с использованием космических снимков высокого разрешения 2003–2017 гг. В результате анализа этих доступных автору данных дистанционного зондирования были нанесены на карту 111 земляных городищ, 35 так называемых форпостов (отдельно стоящих укрепленных холмов, служивших очевидно в качестве сигнально-сторожевых укреплений), 36 курганных могильников, сопровождающих городища (рис. 1).

Следует отметить, что прежде всего осуществлялась попытка локализации городищ, известных в археологической литературе. Это памятники, ставшие своего рода классическими для древностей раннего этапа аланской культуры (упоминавшиеся выше городища Алхан-Кала, Брут, Зилги, Экажево, Паласа-сырт, а также подвергавшиеся в недавнее время широкомасштабным исследованиям городища в Ставропольском крае Новопавловское, Пегушинское, Энергетик). Наибольший массив земляных городищ был локализован по данным археологической карты Кабардино-Балкарии (Чеченов, 1969). Из упоминаемых в данном издании 96 городищ и форпостов 79 могут быть отнесены к земляным, 25 из них так и не были локализованы, для 44 месторасположение установлено

с высокой степенью определенности, а 10 городищ и форпостов нанесены на карту предположительно.

Было также локализовано месторасположение земляных городищ, упоминаемых в своде археологических памятников Карачаево-Черкесии Е. П. Алексеевой (1992), в обзорной статье о разведках по р. Сунже Т. М. Минаевой (1958). Всего определено местонахождение для 66 известных по литературе городищ, 8 форпостов и 10 курганных могильников. Месторасположение 16 городищ, 5 форпостов и 24 могильников установлено впервые при анализе космических снимков. Следует при этом отметить, что сведения о них могут фигурировать в местных органах охраны памятников, однако они еще не получили своего освещения в археологической литературе.

Проведенное исследование позволило впервые в отечественной археологии очертить географически яркий феномен становления аланской культуры Северного Кавказа. Картографирование земляных городищ, проведенное с помощью данных дистанционного зондирования открытого доступа, дает в руки исследователям прекрасный инструмент их дальнейшего изучения, которое можно проводить в ходе будущих полевых работ, а также осуществлять в камеральных условиях. В будущем это поможет дать более подробную характеристику особенностей фортификации и создать классификацию оборонительных структур земляных городищ раннего этапа аланской культуры. Весьма вероятно расширение числа памятников, которые потенциально можно отнести к раннеаланским городищам, в ходе привлечения новых данных дистанционного зондирования и более подробного изучения уже имеющихся.

Литература

- Алексеева Е. П.*, 1992. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.: Наука. 216 с.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю.*, 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ТАУС. 468 с.
- Деген-Ковалевский Б. Е.*, 1935. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции // Известия ГАИМК. Вып. 110. М.–Л.: ОГИЗ. С. 11–28.
- Кузнецов В. А.*, 1973. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII веках // СА. № 2. С. 60–74.
- Минаева Т. М.*, 1958. Археологические разведки в долине реки Сунжи // Сборник трудов историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института. Вып. 13. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во. С. 413–444.
- ОАК, 1882–1888. Отчет Императорской археологической комиссии за 1882–1888 годы. С.-Петербург, 1891.
- Чеченов И. М.*, 1969. «Древности Кабардино-Балкарии». Нальчик: Эльбрус. 152 с.
- Чеченов И. М.*, 1971. Средневековые городища Кабардино-Балкарии // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в СССР в 1970 г. (археологические секции). Тбилиси: АН СССР; АН ГрССР. С. 204–206.
- Arzhantseva I. A., Deopik D. V., Malashev V. Y.*, 2000. Zilgi – Early Alan Proto-City of the First Millennium AD on the boundary between Steppe and Hill Country // Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age / Ed. par: M. Kazanski, V. Soupault. Leiden; Boston; Köln: Brill. P. 211–250. (Colloquia Pontica; № 5).

И. В. Ксенофонтова

Государственный музей искусства народов Востока, г. Москва

КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ФАЯНСА В СОБРАНИИ ГМВ

За годы работы (с 1982 по 1989 гг.) Кавказской археологической экспедицией ГМВ на Северном Кавказе (Краснодарский край и Республика Адыгея) была собрана коллекция изделий из египетского фаянса, представляющая собой группу амулетов и мелких украшений. Хронологически (основываясь на датировке комплексов) материал делится на две группы: первая половина IV в. до н. э. и I–III вв. н. э.

Первая группа немногочисленна. Почти все вещи происходят из ритуального комплекса кургана 5 Уляпского могильника. Комплекс вещей, найденных на центральном сооружении кургана, и прежде всего амфорные клейма, позволяют датировать его первой половиной IV в. до н. э.

Амулет условно нами отнесен к серии изображений Богини на троне (рис. 1, 1). Другой амулет относится к группе фигурок карликообразного бога Бэса (рис. 1, 2). Из того же комплекса 5 кургана происходят две бусины одного типа и варианта, хотя с различными характеристиками (рис. 1, 6), в т. ч. крупная 10-дольчатая округлой формы (рис. 1, 7). В состав коллекции входят также три пирамидальных подвески (рис. 1, 3).

На плахе с золотыми бляшками было обнаружено большое количество бисера из египетского фаянса. Вероятно им, как и бляшками, была расшита ткань. Наиболее интересная вещь, изготовленная с использованием амулета из египетского фаянса из комплекса 5-го кургана – золотой перстень со вставкой в виде астрагала (рис. 1, 5). К этой же группе относится обнаруженная в погребении 3 уляпского кургана 12 подвеска бирюзового цвета в виде шишки (рис. 1, 4).

Следующая группа материала более многочисленна, однако набор вещей стандартен и не отличается большим разнообразием. Происходят эти вещи из погребений могильников у хуторов Чернышев, Штурбино и аула Ново-Вочепший. Наиболее полно исследован Чернышевский могильник. Погребения, в которых был обнаружен интересующий нас материал, относятся к I–II вв. н. э.

Пронизи в виде скарабеев – 15 экз. (рис. 1, 8), пронизи с изображением лежащего льва – 11 экз. (рис. 1, 15), пронизь в виде собаки (рис. 1, 10), пронизь в виде лягушки (рис. 1, 9), пронизки в виде алтарика – 2 экз. (рис. 1, 11), пронизка в виде личины (вероятно, Медузы горгоны) (рис. 1, 17), амулеты в виде гениталий – 4 экз. (рис. 1, 16), амфоровидная подвеска (рис. 1, 13), подвеска в виде тройной грозди винограда (рис. 1, 14), подвеска в виде руки, сложенной в кукиш (рис. 1, 12), биноклевидная подвеска (рис. 1, 18). Что касается бус и бисера, нет необходимости останавливаться на описании каждого предмета отдельно. В основном это реберчатые бусины различных размеров и разной проработки.

Представляет интерес ряд вопросов: значение предметов из Египта (стеклянных, мелких изделий из египетского фаянса и бронзы) для населения как городов – колоний Северного Причерноморья, так и окружающей территории (в среде населения хоры и местных племен), пути проникновения этих предметов

в Причерноморье и далее вглубь ойкумены, а также центр их производства. Эти вопросы рассматривались достаточно подробно многими исследователями. Выводы их в основном схожи, ключевые пункты изложены в работах Б. Б. Пиотровского. Одна из них – «Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза» (1958). Основные выводы автора:

1) древнеегипетские культы получили широкое распространение в синкретической религии эллинизма;

2) многие божества потеряли свой локальный характер, приобрели чисто греческие черты, распространившись в различных местах ойкумены, часто превращались в местные амулеты;

3) вглубь страны, в т. ч. в северокавказский регион, эти предметы попадали посредством торговли, центрами которой были Пантикапей и Ольвия;

4) в Северное Причерноморье эти предметы попадали при посредстве милетской торговли, связывавшей Египет с Грецией, другим посредником был Родос;

5) основной поставщик – Навкратис;

6) допускается возможность существования новых мастерских в римское время.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о путях проникновения вглубь варварской территории египетских амулетов. Б. Б. Пиотровский отмечает, что торговые связи «еще в древности» могли осуществляться как через перевалы между Закавказьем и Северным Кавказом, так и через Черное море (*Пиотровский*, 1958. С. 23). Набор вещей, размещенный на ритуальной площадке кургана 5, включает такое количество предметов греческого производства, что иного пути, как из Причерноморья, невозможно себе и представить.

В римское время, к которому относится вторая группа нашего материала, амулеты из египетского фаянса получают очень широкое распространение. В связи с этим Б. Б. Пиотровский допускает, что египетские амулеты, оторвавшись от родной почвы, получив широкое распространение, стали изготавливаться в самых различных местах. Правда, автор несколько противоречит сам себе: после рассмотрения большого числа предметов, найденных на обширной территории от Урала до Средней Азии, и обнаружения полного сходства между ними он делает вывод, что они распространялись из одного центра (*Пиотровский*, 1958. С. 27). А. К. Коровина допускает, что «часть амулетов изготавливалась в местных мастерских в тех городах, где было развито гончарное производство и стеклоделие» (*Коровина*, 1972. С. 111). Основанием для этого вывода послужил простой способ их изготовления и то, что в таких крупных центрах Северного Причерноморья, как Ольвия, Херсонес, Пантикапей, Фанагория, было найдено наибольшее число египетских и подражающих египетским амулетов. Однако эти посылки кажутся недостаточными для столь серьезного вывода. Более убедительного доказательства производства изделий из египетского фаянса в Северном Причерноморье мы не имеем. Пока что не обнаружено даже малейших остатков промышленных отходов, не говоря уже о мастерских ни в одном из перечисленных городов. Кроме того, при наличии подобного производства теряет смысл производство имитаций, подражающих египетским амулетам. А таковые были обнаружены и в городах с предполагаемыми мастерскими. Е. М. Алексеева допускает,

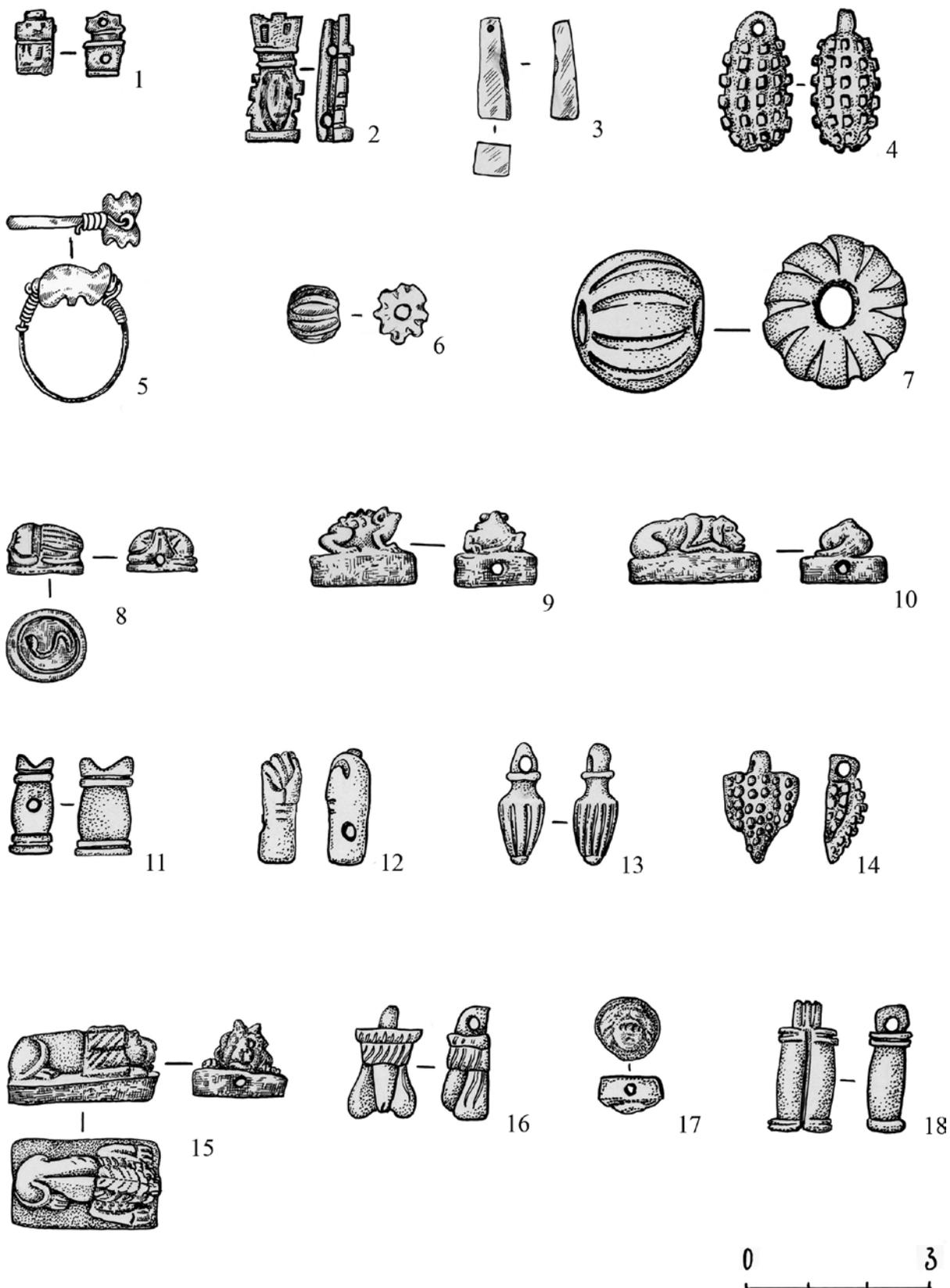

Рис. 1. Коллекция предметов из египетского фаянса в собрании ГМВ

что Навкратис мог возродить старое мастерство в эллинистическое и римское время, хотя возможно, что при наличии сырья производство могло быть освоено во многих местах (Алексеева, 1975. С. 27). Однако гипотеза о местном северопричерноморском производстве поздней группы украшений также вызывает у нее сомнения.

Предметы, хранящиеся в нашей коллекции, соответствуют стилистическим признакам, составу и цвету материала, которыми отличаются навкратийские фаянсовые изделия.

Подводя итоги, надо сказать, что в основном находки Кавказской археологической экспедиции ГМВ не противоречат основным выводам исследователей. Коллекция изделий из египетского фаянса, полученная экспедицией, невелика. Ценность ее заключается главным образом в том, что, за некоторыми исключениями, каждый предмет в ней привязан к хорошо датированному конкретному комплексу, что дает больше возможностей для изучения и датировки этих и подобных им вещей, не имеющих паспорта.

Литература

Алексеева Е. М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. М.
Коровина А. К., 1972. Фаянсовые подвески из некрополей Тирамбы и Фанагории // ВДИ.
№ 1.

Отчеты КАЭ за 1982, 1985, 1986, 1987, 1988 гг.

Пиотровский Б. Б., 1958. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА. № 1.

А. А. Мальцев

Институт археологии РАН, г. Москва

Д. О. Дрыга

Московский государственный университет геодезии и картографии

В. В. Моор

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР АЗИАТСКОГО БОСПОРА В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ, ТОПОГРАФИЯ И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ¹

Эпоха Великого переселения народов для обширных пространств северо-причерноморского региона характеризуется процессами постепенного запустения, упадка хозяйственной и политической системы. Этим обстоятельством объясняется отсутствие бытовых памятников данного периода в юго-восточной части азиатского Боспора (*Ковалевская*, 1981. С. 90–92. Рис. 57; *Гавритухин, Пьянков*, 2003. С. 187–191. Рис. 12). Открытие в 2013 г. городища с мощными фортификационными сооружениями, датированного ранневизантийским временем (IV–VII вв.), стало заметным событием.

Крепость занимала выгодное географическое и стратегическое положение (рис. 1): она возведена в приосевой части последнего значимого отрога на северо-западной оконечности Главного Кавказского хребта, который в древности, как и в настоящее время, делил территорию на различные природные зоны и при этом, по-видимому, являлся своеобразным мостом, издавна соединявшим два региона: северный, где преобладала степь, и южный – покрытый лесами предгорья.

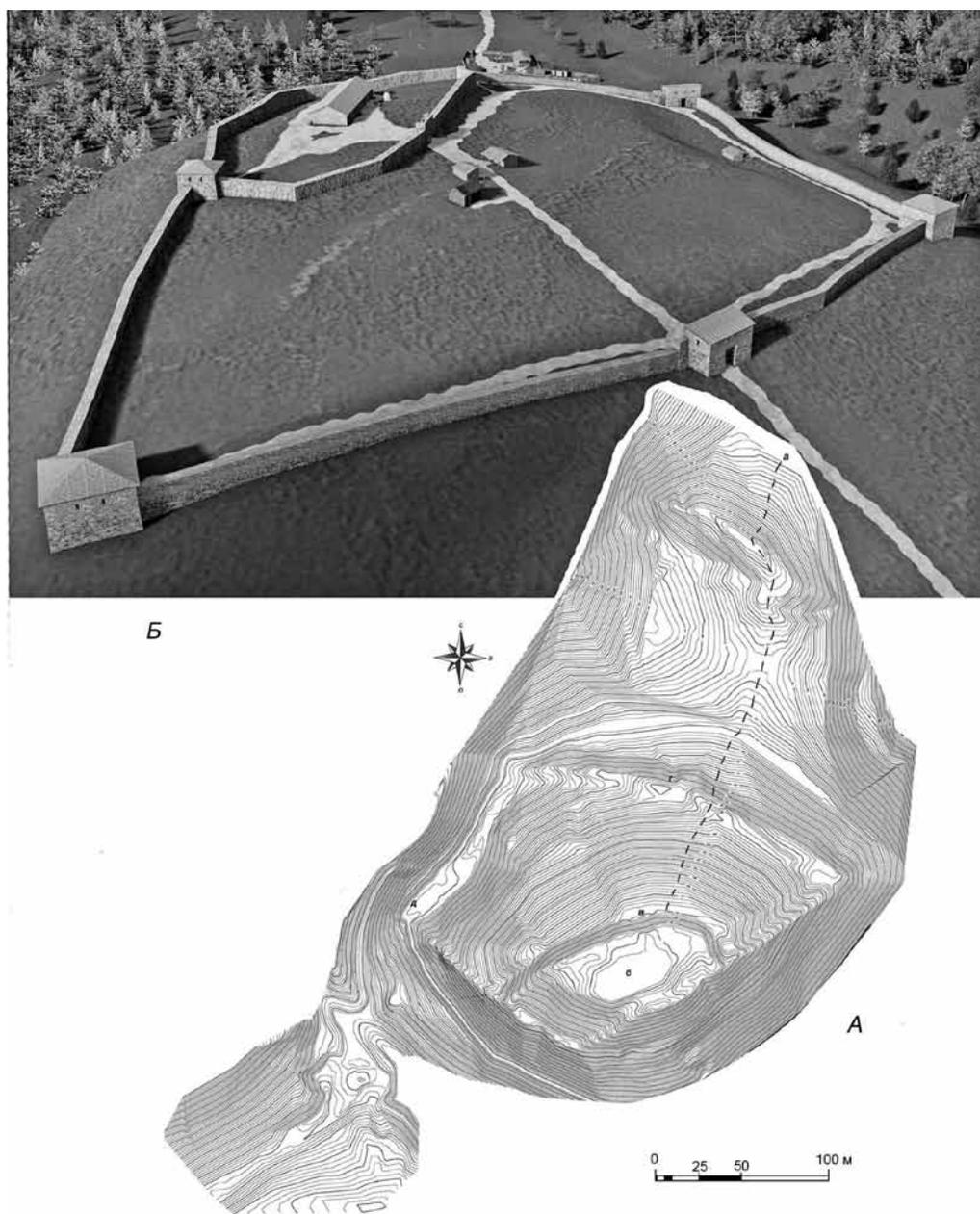
Применение в ходе работ неdestructивных методов (топосъемка городища (рис. 1А) и магниторазведка) позволило не только получить данные об особенностях двух поясов оборонительных сооружений, защищающих монументальное сооружение общественного назначения, но и построить стратегию археологических раскопок, в ходе которых были получены важные данные о конструктивных особенностях наиболее важных составляющих этой фортификационной системы.

Сооружения крепости занимают практически всю площадь (2,7 га) мыса неправильной, близкой к четырехугольной формы. Рельеф мысовой части очень сложен: ее территории соответствуют абсолютные отметки в интервале 294–280 м, крутизна склонов достигает 40°.

Периметр верхней площадки мыса (цитадели) был защищен сырцово-каменной или турлучной стеной, сооруженной на земляной насыпи. В северной части насыпи в 2017 г. был открыт проезд на цитадель. В грубой кладке сооружения были использованы раннехристианские надгробия. Остается пока открытым вопрос о наличии в поворотных точках башенных сооружений.

Исследование монументального сооружения на цитадели было завершено в 2017 г. Фасы стен сохранились на высоту до 0,6–0,7 м (3–4 ряда кладки). Кладка, несмотря на воздействие склоновой деформации, особенно ощутимой на продольной северо-восточной стене, сохранила четкую порядную структуру. В здание

¹ Работы выполнены при поддержке РФФИ, проект № 17-29-04313 офи_м.

Рис. 1. Городища ранневизантийского времени (IV–VII вв.) в Азиатской части Боспора: А – топографический план; Б – 3D-реконструкция

вели дверные проемы шириной ок. 1,6 м. В продольных стенах они расположены попарно. Основание порогов сложено из трех рядов изделий короткоцилиндрической формы (видимо, барабаны колонн) из ракушечника и замощено сверху тонким известняковым плитняком.

Расчищенные завалы строительного камня позволяют реконструировать высоту стен здания в пределах 1 м. Остатки залежавших в здании продольно обгоревших дубовых плах вперемешку с обломками кровельной черепицы сопровождаются прослойками золы и сырцовый обмазки. Этот горизонт образован остатками рухнувшего при пожаре перекрытия, которое по античной традиции было черепичным и двускатным.

Пространство между валами цитадели и внешним оборонительным поясом обширно и составляет ок. 2 га. Значительный уклон поверхности важен для задач фортификации, но он создавал много трудностей для хозяйственной деятельности.

Значительных усилий при сооружении крепости требовало устройство внешнего оборонительного контура общей протяженностью ок. 675 м. Раскопками выявлены кладки основания сырцово-каменной оборонительной стены, шириной 1,0–1,1 м, из крупных плит местных пород (известняк и песчаник). В местах стыковки с другими участками внешнего оборонительного контура фиксируются обширные площадки – остатки башенных сооружений.

Доступ в крепость был возможен со стороны черноморского побережья. Насыпь дороги, ведущей к въезду, проложена через глубокий овраг. Небольшой мысообразный выступ размерами 5×10 м на склоне городища позволяет предположить, что изначально попасть в крепость можно было по (подъемному?) мосту.

В северной части внешнего оборонительного контура было открыто монументальное проездное сооружение из долины р. Гостагайки. Его основой является стена, ориентированная по оси валообразной насыпи и сохранившаяся на высоте 2,6 м. Чтобы компенсировать воздействие склоновой деформации, с внешней стороны стены были, судя по кладке встык, пристроены контрфорсы.

В ходе раскопок было расчищено внутреннее пространство проездного сооружения длиной примерно 6,5 м; на проезжей части шириной 3 м прослежена кладка каменного порога. Кладки фасов стен внутреннего пространства ворот сильно обожжены и имеют значительный крен внутрь. Надо полагать, что дубовые ворота при осаде были сожжены, конструкция перекрытия надвратного сооружения рухнула и завалила проезд строительным камнем вперемешку с древесным углем и сырцовой крошкой.

Масштаб строительной деятельности при возведении крепости свидетельствует о значительных административных ресурсах властителей этого центра. К строительству были привлечены высокопрофессиональные специалисты, владеющие приемами античной строительной техники по возведению сырцово-каменных сооружений. Отмечен дифференцированный подход к строительному материалу: при создании парадных конструкций использовался привезенный издалека ракушечник, а при строительстве периферийных оборонительных сооружений – местный камень (песчаник и известняк). Возможно, что доставка строительных материалов и возведение крепости были многолетней повинностью населения Азиатского Боспора.

Благодаря исследованиям 2013–2017 гг., получены материалы для создания версии 3D-реконструкции объекта археологического наследия ранневизантийского времени (рис. 1Б). Большие трудности представляло получение полной фотограмметрической модели комплекса.

Литература

- Гавритухин И. О., Пьянков А. В.*, 2003. Могильники III–IV веков // Археология СССР. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. М.
- Ковалевская В. Б.*, 1981. Западное Предкавказье // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

А. В. Пьянков

ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция», г. Краснодар

Т. В. Юрченко

ГБУККК «Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына»

ДВА ВИЗАНТИЙСКИХ СОЛИДА ИЗ ПЕРВЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ В КРАСНОДАРСКИЙ МУЗЕЙ

Формирование коллекции византийских золотых монет Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника (далее КГИАМЗ), насчитывающей более 250 экз., имеет длительную и не простую историю. Первой монетой, переданной в Екатеринодарский музей, стал солид императора Льва III и Константина V (720–741 гг.), найденный в 1894 г. в станице Курчанской (*Пахомов*, 1926–1966. № 791). Этот византийский золотой пропал во время революции и гражданской войны. Как известно из письма И. Е. Гладкого, директора Кубанского музея в 1910–1924 гг., в 1919 г. музей был разгромлен красноармейцами, а некоторые ценные экспонаты похищены и распроданы на рынках города (*Корсакова*, 1998. С. 50, 51).

Следующие византийские золотые поступали в Краснодарский музей в 20–40-е годы прошлого века. До 1950 г. в фондах музея хранились уже 4 монеты. Один из них, легкий солид императора Юстиниана I (527–665 гг.) из курорта Горячий Ключ, переданный в музей до 1927 г., и номисма стамена из раскопок Убинского могильника 1941 г уже опубликованы в научной печати (*Пьянков*, 2011. С. 74–79. Рис. 1; *Пьянков, Юрченко*, 2016. С. 211–214. Рис. 1).

Этой работой авторы восполняют имеющийся пробел и вводят в научный оборот еще два византийских солида из ранних поступлений.

1. Солид императора Юстиниана I (527–565 гг.); *d*: 16,5×16 мм, *вес*: 2,6 г., *золото*, *проба* 980–990, *с. о.*: 6 час. (рис. 1, 1). КГИАМЗ, № Ф1–355.

Л. с.: бюст императора Юстиниана I, анфас; безбородый, в кирасе и в шлеме с гребнем, на шлеме жемчужная диадема, по сторонам лица жемчужные подвески, правая рука поднята и держит державу с крестом, левую руку скрывает щит с изображением всадника поражающего пешего воина копьем. В поле, справа от головы, процарапано граффито в форме косоугольного креста. Легенда: «D [N IVS] TINIANVS P P AVG».

О. с.: фигура, стоящего в полный рост ангела, анфас, с короткими волосами, в длинной тунике и плаще; в правой руке – крест на длинном древке, переданный отдельными точками, в левой руке – державу с крестом; справа в поле многолучевая звезда. Легенда: «VIC[T]ORI [A] AVGGG B», под обрезом: «[C]ONO[B]».

Сохранность: монета заметно потерта, имеет царапины и следы ударов, сильно обрезана по краю, имеется два сквозных отверстия (в шлеме Юстиниана I и с противоположной стороны ближе к краю).

Происхождение солида Юстиниана неизвестно. Монета поступила Краснодарский музей до 1949 г., года, когда была составлена опись монет Особой кладовой. Монета не значится в сводах Е. А. Пахомова и В. В. Кропоткина (*Пахомов*, 1926–1966; *Кропоткин*, 1962; 1965). Это при том, что Е. А. Пахомов посещал

Рис. 1. Солиды собрания Краснодарского музея-заповедника: 1 – солид императора Юстиниана I (528–565 гг.), происхождение неизвестно; 2 – солид императора Ираклия (610–641 гг.), найден в ст. Крымской

Краснодарский музей в 1950 г. и переписывался с Н. В. Анфимовым в 1950-е гг. (Пьянков, 2011. С. 74, 75). Видимо, исследователь не только не видел этот византийский солид, но и не знал о его существовании. Хотя горячеключевской солид Пахомов также не держал в руках, но получил о нем информацию, вероятно, от Н. В. Анфимова и включил его в свой свод (Пахомов, 1926–1966. № 1573; Пьянков, 2011. С. 74–79. Рис. 1).

Публикуемый солид Юстиниана I относится к позднему типу и в каталоге двух нумизматических собраний Думбартон Оукс и Виттемора выделен в **тип 8a** датированный в пределах **538–545 гг.** (DOC, 1992. P. 62, 63, 70. Вариант: Pl. XIII, 8b).

По классификации Вольфганга Хана солид Юстиниана I, на лицевой стороне которого – погрудное изображение императора анфас, с державой в правой руке и с обозначением 2-й оффицины на оборотной стороне, относится к **типу 6**, датирующийся **538–541 гг.** (Hahn, 1973: 47, 48, 108. Taf. 15, 6². Prtab. VI, 6).

Солиды Юстиниана I этого типа на Северном Кавказе известны в небольшом количестве. Кроме горячеключевской находки были зафиксированы 1 экземпляр в Камунте в 1882 г. и 1 экземпляр в Терской области в конце XIX в. (Кропоткин, 1962. № 138, 2; 143, 1). В 1975 г. был найден клад на Ильичевском городище на Тамани, состоящий из позднебоспорских статеров и 5 солидов Юстиниана I

(Фролова, Николаева, 1978. С. 173–179. Рис. 2, 5–9). И наконец на территории Фанагорийского городища в 2006 г был найден еще один солид того же императора, но со знаком оффицины «Θ» (Абрамзон, 2013. С. 40. Цвет. вкл. 7, 9).

№ 2. Солид императора Ираклия (610–641 гг.); *d*: 20 мм, *вес*: 4,4 г., *золото*, *проба* 980–990, *с. о.* 7 час. КГИАМЗ, № Ф1–354.

Л. с.: бюст императора Ираклия слева, и бюст его сына Ираклия Константина справа, анфас; Ираклий с короткой бородой и усами, Константин безбородый, его фигура заметно меньше фигуры императора, оба в хламидах застегнутых на левом плече круглой фибулой с подвесками, на головах простые короны с крестами; между фигурами сверху в поле изображен равноконечный крест. Легенда: «dd NN [hЄRACLICЄS Є]τ hЄRA CON P AV».

О. с.: изображение креста на голгофе в 3 ступени; вертикальная и горизонтальная ветви заканчиваются поперечными гастами с круглыми утолщениями на концах. Легенда: «VICTORI[A] AVGV Є», под обрезом: CONOB.

Сохранность: монета потерта, погнута, имеются многочисленные вмятины и царапины; у Ираклия Константина аккуратно процарапаны усы в виде двух параллельных горизонтальных линий.

Монета найдена в районе ст. Крымской и в 1938 г. передана в Краснодарский музей гражданином Бофа (так в документации).

Описанный солид Ираклия находим в сводах Е. И. Пахомова (Пахомов, 1925–1966. № 1575) и В. В. Кропоткина (*Кропоткин*, 1962. С. 21. № 12). Полноценно монета не вводилась в научный оборот, и ее изображения не публиковались.

В каталоге собрания Думбартон Оукс и Виттемора солиды Ираклия и его сына Ираклия Константина, подобные публикуемому, в простых коронах и с обозначением 5 оффицины буквой «Є» выделены в **тип 13d** и датированы в пределах **616–625 гг.** (*DOC*, 1993. P. 217, 250. Cat. 13d1–3. Варианты: Pl. VIII, 13e.2, 13i).

По классификации Вольфганга Хана солид Ираклия и Ираклия Константина, на лицевой стороне которого – погрудное изображение императоров, соправитель заметно меньше ростом Ираклия, с державой в правой руке и с обозначением 5-й оффицины на оборотной стороне, но без дополнительных знаков в поле, отнесены к **типам 18 и 19**, датированным также в пределах **616–625 гг.** (*Hahn*, 1981: 83–88, 212. Taf. 1, 18, 19. Prtab. I, 18, 19).

Солиды императора Ираклия и его сына Ираклия Константина – частые находки на Северном Кавказе. Сегодня известно около двух десятков таких находок в XIX–XX вв., включая варварские подражания им и индикации снятых с них (см. *Кропоткин*, 1962. С. 30. № 138, 7, 9; 1965. С. 171, № 21 (131); *Пахомов*, 1926–1966. С. 37, № 1575; *Путинцева*, 1961. С. 256, 262; *Ртвеладзе, Рунчи*, 1971. С. 219, 220; 1976. С. 154; *Гусев*, 1995. С. 11–14. Фото 1, 1–3; 2, 1–4; *Завьялов, Пьянков*, 2016. С. 30–32; *Пьянков, Юрченко*, 2017. С. 51, 54. Рис. 1, 2).

Публикуемые материалы являются результатом работы авторов над каталогом византийских монет из Особой кладовой КГИАМЗ.

И. В. Рукавишникова
Института археологии РАН, г. Москва
М. Ю. Меньшиков
ООО «Столичное археологическое бюро», г. Москва.
И. И. Воробьев
Ассоциации «Южархеология», г. Ростов-на-Дону

ИССЛЕДОВАНИЯ НОВОГО БИРИТУАЛЬНОГО МОГИЛЬНИКА ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Данная работа посвящена могильнику, выявленному в ходе разведок 2014 г. и раскопанному в 2015 г. отрядом Института археологии РАН.

Памятник назван по расположенному рядом хут. Карла Маркса (Краснодарский край). Территория памятника распахана, насыпь на современной дневной поверхности не выражена. При исследовании всей толщи земли до материкового горизонта не было выявлено каких-либо конструктивных элементов насыпи. В стратиграфических разрезах хорошо читались только пахотные горизонты.

Общая площадь исследования составила 1600 кв. м и была изучена в соответствии с методикой исследования курганов. В процессе снятия перемещенного распашкой верхнего слоя пахоты были найдены: отдельные фрагменты средневековой керамики и развалы сосудов (рис. 1, 1, 2), керамическое пряслице, железный наконечник стрелы, шило, удила, бронзовые накладки (рис. 1, 8, 11), а также серебряный дирхем с отверстием (Умаййады, Васит, 12 [x] г. х. = 739–747 гг. – определение В. С. Кулешова). На уровне –70 – –90 см от современной дневной поверхности в слое древней распашки (?) были зафиксированы комплексы с кремациями. Всего было исследовано 15 таких погребений и 1 вещевой комплекс. Границы ям не читались. Ниже лежащий горизонт содержал четыре ингумационных погребения: три вытянутых на спине с западной ориентировкой, без инвентаря (два – мужских и одно – женское) и одно погребение на левом боку, ориентированное на северо-запад, инвентарь которого представлен тремя бронзовыми браслетами и кувшином.

В центре нашего исследования находятся погребения с кремациями. Расположение их на территории памятника, возможно, системно и центрировано относительно наиболее яркого и богатого погребения 1. Некоторые из погребений частично повреждены распашкой, поэтому часть предметов была выявлена на удалении от погребальных комплексов.

Выделяются три группы близких по времени комплексов: безурновые кремационные погребения, которые содержат элементы воинского инвентаря; погребения-кремации в толстостенных круговых сосудах и один комплекс, который содержит богатый инвентарь, но останки человека в каком-либо виде отсутствуют. Возможно, последний случай является кенотафом. Кремации выполнены на стороне, поэтому костных останков немного (антропологические определения д. и. н. М. В. Добровольской).

Воинские безурновые погребения. Погребение 2. Инвентарь погребения состоял из сложенной кольчуги с различными креплениями колец и четырехчастного пластинчатого шлема с навершием и бармицей. Наступательное вооружение

представлено наконечником пики и умышленно деформированной саблей с составной рукоятью. Также в состав погребального инвентаря входил кувшин (рис. 1, 4).

Погребение 3. Погребение включало комплекс из 3 керамических сосудов и бронзового котла, внутрь которого были помещены железные стремена, псалии с удилами и вилка для мяса. В этом же комплексе была обнаружена золотая дутая серьга с зернью (рис. 1, 14).

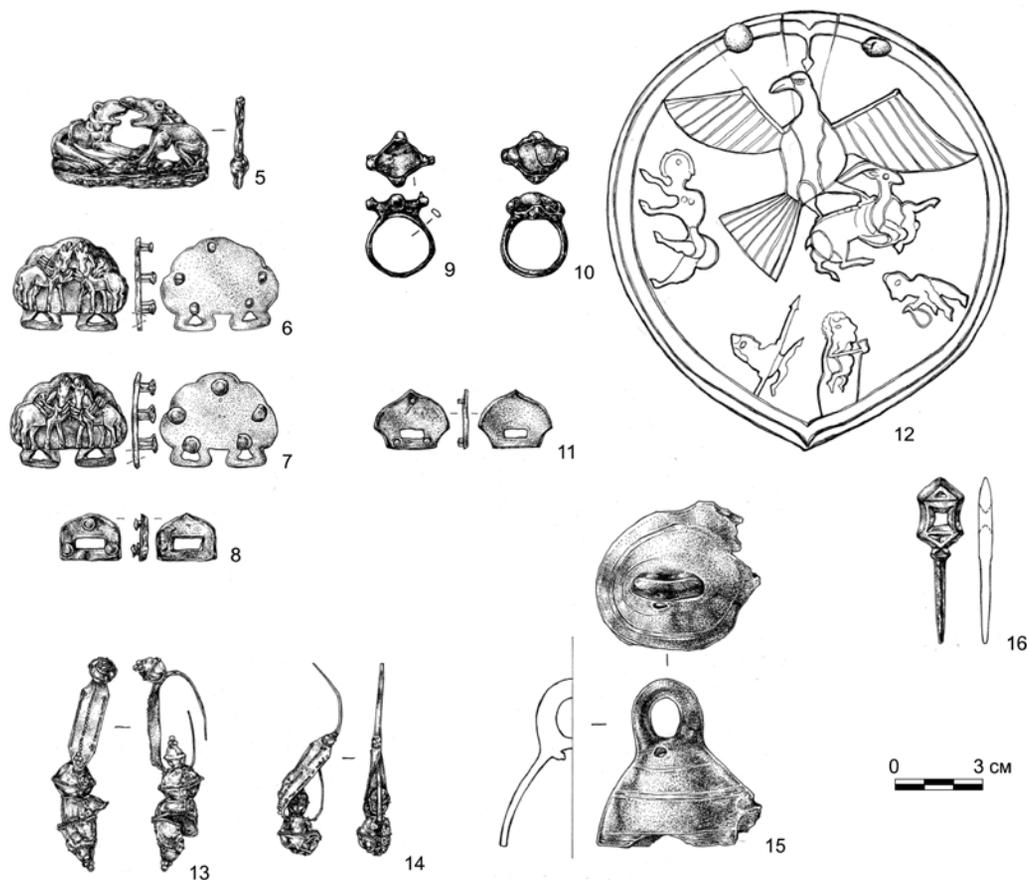
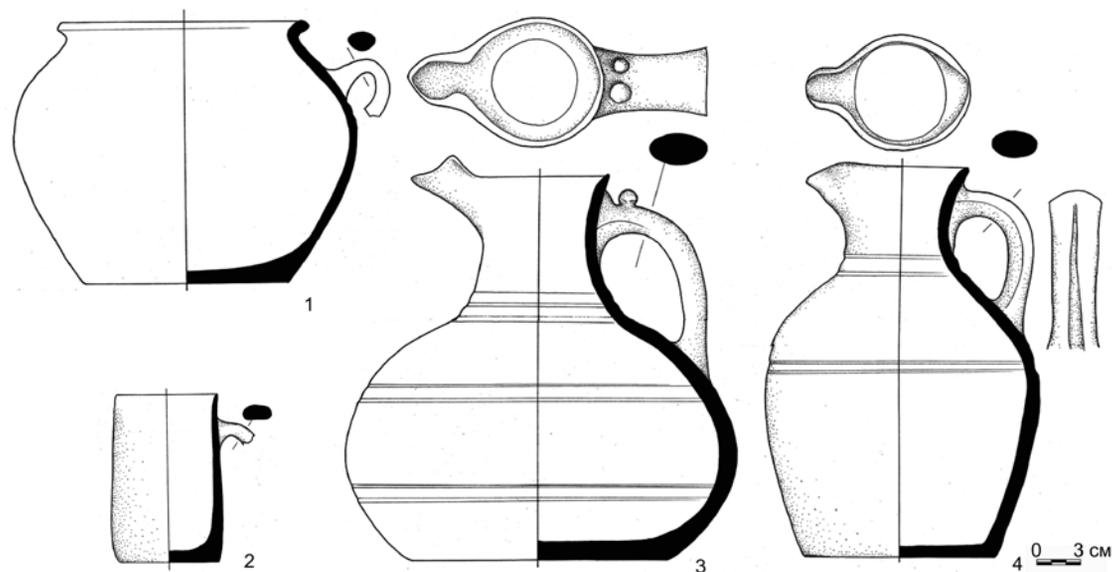
Погребения 4, 8, 9, 10 в погребальном инвентаре содержали сложенные железные сабли. Помимо сабли в погребении 4 был найден серебряный перстень со вставкой из зеленого стекла (рис. 1, 10), в погребении 8 – большая горевшая глазчатая бусина и удила с псалиями. В погребении 9 помимо сабли инвентарь был представлен тонкостенным ойнахоевидным кувшином и крупным бронзовым колокольчиком (рис. 1, 15).

Самое представительное погребение 1 располагалось несколькими ярусами. Данный комплекс интересно сравнить с погребением 134 Борисовского могильника (*Саханев, 1914. С. 118, 119*). Многие предметы были подвергнуты преднамеренной порче. Фрагментов кальцинированных человеческих костей было мало. В верхней части погребения располагался частично деформированный распашкой бронзовый котел, ниже были расчищены сероглиняный приземистый кувшин с налестами на ручке (рис. 1, 3) и очажная цепь. Следующий ярус погребального инвентаря был представлен скоплением железного оружия (копья, сложенная сабля) и элементов узды (стержневидные псалии с удилами, стремена, железная, возможно, подпружная пряжка). Еще ниже выявлен комплекс парадной серебряной конской сбруи, который включал умышленно деформированные нагрудные конские бляхи, среди которых центральная с гравированной мифологической сценой (рис. 1, 12), ременные накладки с геральдическими композициями крылатых лошадей (рис. 1, 6, 7), биметаллическое кресало (рис. 1, 5), начельник. Помимо этого здесь же были найдены деформированные серебряные сабельные ножны.

Аналогии изображениям известны на Северном Кавказе. Изображение крылатых лошадей – тулпаров и борьбы зверей восходит и к нартовскому эпосу, и скифо-сарматской, и, отдельно, кобанской традиции.

Погребения в урнах. Три погребения совершены в толстостенных круговых сосудах. По количественному составу костей погребения в урнах представлены более полно. Две из трех урновых кремаций содержат сопроводительный инвентарь. В погребении 5 несколько железных предметов плохой сохранности. Погребение 11 содержало различные украшения: бронзовые, стеклянные и каменные бусины, железный браслет, а также две деформированные золотые серьги с длинным щитком и дутыми бусинами с зернью и серебряный перстень (рис. 1, 9, 13). Третье погребение было безынвентарным, но содержало фрагменты черепа собаки, среди кальцинированных костей человека.

Комплекс со снаряжением коня и всадника. Кенотаф (?). Кроме кремаций был расчищен комплекс предметов, который не содержал кремированных останков. В данный момент комплекс находится еще на стадии изучения и реставрации. В настоящее время выявлено, что в него входят многочисленные предметы снаряжения коня и всадника: пика, стремена с выраженной петлей, топорик, железные

Рис. 1. Находки из погребальных комплексов с кремациями. 1, 2, 8, 11 – распаханый слой могильника. 3, 5–7, 12 – погребение 1; 4 – погребение 2; 14 – погребение 3; 10 – погребение 4; 15 – погребение 9; 9, 13 – погребение 11; 16 – кенотаф; 1–4 – сосуды керамические; 5 – кресало биметаллическое. Бронза, железо; 6–8, 11 – ременные наклад-ки. Белый металл, бронза; 9–10 – перстни со вставками. Белый металл, стекло; 12 – бляха упряжная. Белый металл, позолота; 13–14 – серьги. Желтый металл; 15 – колокольчик. Бронза; 16 – наконечник стрелы. Бронза

наконечники стрел, умышленно деформированная сабля, лука седла, железные детали колчана, ножи и стержневидные псалии. В данном комплексе был найден прорезной наконечник стрелы (тип 56) (*Медведев*, 1966. С. 71) (рис. 1, 16).

Комплекс всего памятника включает близкие между собой по хронологии и этнокультурной традиции элементы снаряжения верхового воина-кочевника, широко распространенные как на Кавказе, так и в степном Причерноморье. При этом прослеживаются местные традиции производства керамики и северокавказские традиции торевтики. Все это позволяет отнести выявленные кремации и синхронный им комплекс всаднического снаряжения к IX–X вв. н. э., к кругу кремационных погребений Северо-Западного Кавказа. Близкие аналогии найдены среди погребений четвертого периода бытования могильника Дюрсо (*Дмитриев*, 1979; *Крым*, 2003. С. 203, 204), в Борисовском могильнике (*Саханев*, 1914), в могильнике Молдаванка (*Пьянков*, *Тарабанов*, 2004) и др.

Литература

- Дмитриев А. В.*, 1979. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо. Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья // КСИА. Вып. 158. М.
- Крым*, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века, 2003 / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М.: Наука.
- Медведев А. Ф.*, 1966. Ручное метательное оружие (луки и стрелы, самострелы). М.: Наука.
- Пьянков А. В.*, *Тарабанов В. А.*, 2004. Воинский комплекс 25 из Молдовановского могильника // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир.
- Саханев В. В.*, 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // Известия Императорской археологической комиссии. СПб. Вып. 56.

МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КАМЕННОГО ЯЩИКА БЛИЗ ДАГЕСТАНСКОГО СЕЛА ТЕЛЕТЛЬ

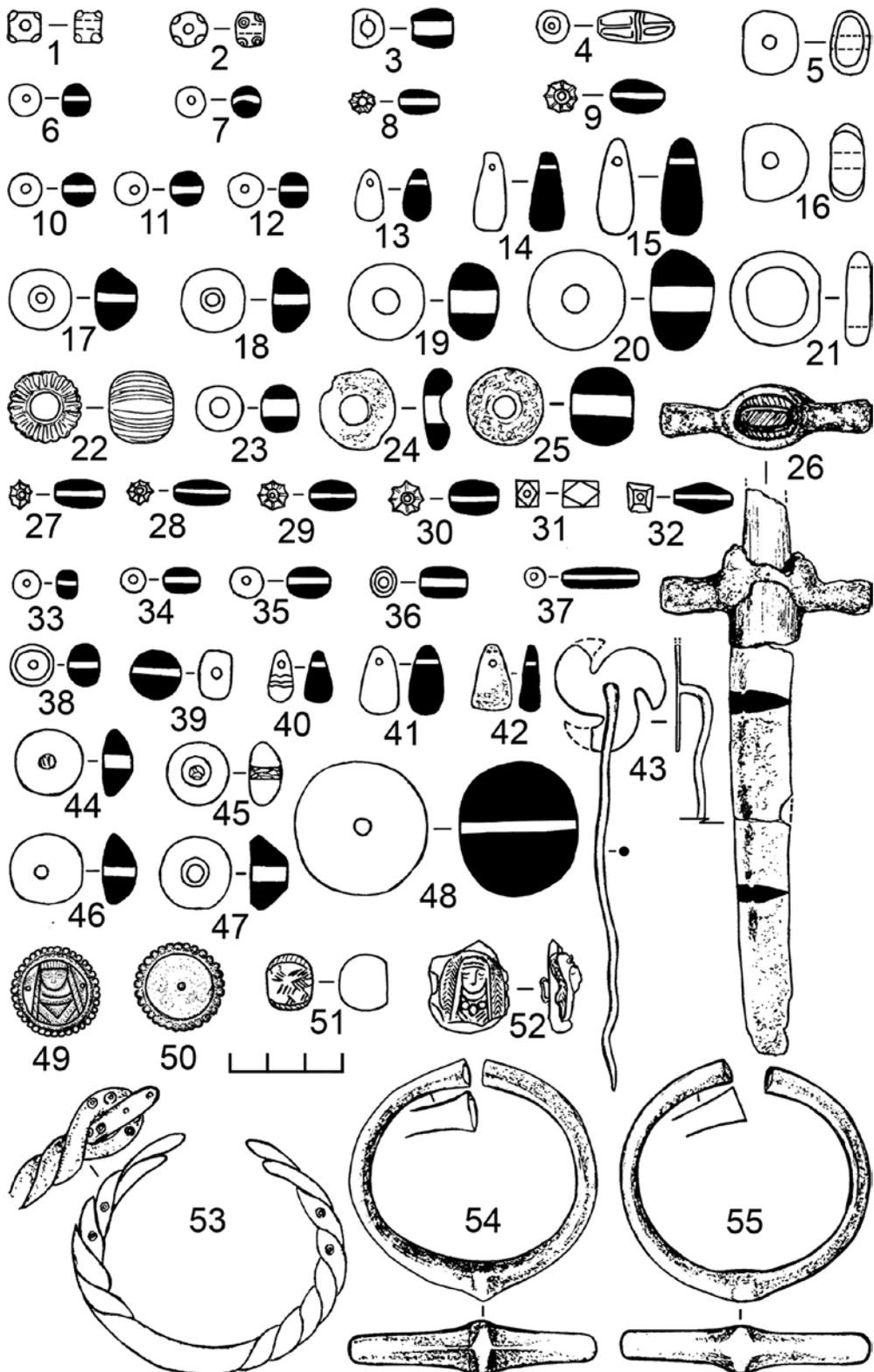
Летом 2002 г. в ДГОИАМ (ныне – Национальный музей Республики Дагестан) были доставлены украшения, предметы туалета и железный нож, происходящие из разрушенного при строительных работах погребального сооружения в 4 км к югу от с. Телетль Шамильского района, в местности *Paqlalda g'oylo* у подножия священной горы Тли-мээр (в пер. с авар. – «Седло-гора»). Оно представляло собой каменный ящик длиной ок. 2,5 м и шириной св. 1 м, сложенный из вертикально поставленных плит и перекрытый двумя массивными плитами. По словам информаторов, могила располагалась в южном склоне горы, вход в склеп был с юга, погребенные лежали ногами к выходу, вероятно, вытянуто на спине. Кстати, такое же расположение и вход в склепы, с погребенными вытянуто на спине, ногами к выходу отличали и известный Агачкалинский могильник, исследовавшийся в 1948–1951 гг. К. Ф. Смирновым и в 1980–1983 гг. М. Г. Магомедовым. Материалы Агачкалинского могильника до сих пор не изданы, за исключением нескольких обобщающих статей (*Смирнов, 1951; Шейхов, 1952; Магомедов, 1987*).

Найденные в могиле четыре керамических сосуда не сохранились – были разбиты нашедшими и выброшены, а стеклянные сосудики и несколько золотых предметов, со слов информаторов (Гаджимурадов Ш., Гусейнгаджиев Г.), были проданы. Среди этих золотых изделий мне довелось увидеть золотую бляшку, почти идентичную найденной в Агачкалинском могильнике К. Ф. Смирновым в 1949 г. в склепе № 2 (*Смирнов, 1951. С. 115. Рис. 50, 10*) и представляющую собой золотую бляшку, окаймленную псевдозернью, с голубой пастовой вставкой (в глухом касте) с погрудным изображением женщины (рис. 1, 49). Образ агачкалинской «мадонны» схематичен: на овальном лице показаны глаза, нос, на голове – покрывало или диадема, косы, покрытые косыми насечками, свисают по обе стороны головы; шею окаймляет дуга, видимо, имитирующая или ожерелье, или горловой вырез платья, ниже на платье показан V-образный вырез. По бокам изображения имеются два мелких отверстия, очевидно, для пришивания бляшки к одежде; петля оборотной стороне обломана. Среди находок в Агачкалинском склепе № 2 имеется еще одна подобная по форме бляшка, но, к сожалению, с обломанными пастовой вставкой и петелькой на оборотной стороне (рис. 1, 50).

Кроме указанной золотой бляшки, аналогичной бляшке из Агачкалы, зафиксированный инвентарь из разрушенного погребения близ с. Телетль представлен также следующими предметами:

1. Железный однолезвийный нож с прямым перекрестием со слегка расширенными концами и с чуть горбатой спинкой; около спинки по обе стороны лезвия проходят продольные желобки. Нож коррозирован, обломан в двух местах. Длина сохранившейся части вместе с черенком – 15 см (рис. 1, 26).

2. Бронзовые литые браслеты с тремя утолщениями (в середине и на концах) – 2 экз. (рис. 1, 54–55). Концы конусовидно утолщены и обрублены.

Рис. 1. Разрушенный склеп из с. Телеть, Горный Дагестан. Инвентарь: 1-4, 6-15, 17-20, 22-25, 27-42, 44-48 - бусы (1-4, 23-25 - паста, 6-15, 17-20, 22-горный хрусталь, 27-42, 48 - сердолик); 5, 16, 21 - заготовки для гемм; 26 - нож (железо); 43 - булавка (бронза); 49-50, 52 - пуговицы (золото, фаянс); 51 - гемма (сердолик); 53-55 - браслеты (бронза); 1-48, 51-55 - Телеть, 49-50 - Агачкала.

D – 6,5 см. Такие браслеты часто встречаются в комплексах VII–XI вв. в горном и предгорном Дагестане (Атаев, 1963. С. 57).

3. Витые проволочные браслеты с концами, оформленными в виде змеиных головок. На браслеты нанесены пунсоны, обозначающие глаза и украшающие – 2 экз. (рис. 1, 53). Аналоги рассматриваемых браслетов представлены, в частности, среди материалов Аркаского и Кулинского могильников IX–XIII вв. (Лавров, 1954; Мунчаев, 1958. С. 50; Котович и др., 1959. С. 284). Такие витые браслеты в Дагестане, имеющие религиозную нагрузку, дожили до этнографической современности.

4. Головная булавка с острым концом и головкой в виде вихревой трехлопастной розетки (рис. 1, 43).

5. Бусы: шарообразные, овальные, каплевидные и ребристые: из пасты – 7 экз. (рис. 1, 1–4, 23–25), горного хрусталя – 15 экз. (рис. 1, 6–15, 17–20, 22), сердолика – 24 экз. (рис. 1, 5, 16, 21, 27–42, 48), стеклянные глазчатые бусы синего и зеленого цвета – 2 экз. (рис. 1, 1, 2), в т. ч. 1 экз. – с внутренней позолотой. Одна бусина из горного хрусталя имеет ребристую поверхность (рис. 1, 22); подобной формы сердоликовые бусы (рис. 1, 27–30) имели продетую через отверстие бронзовую проволоку. Среди крупных сердоликовых бус имеются три заготовки для гемм-печаток (рис. 1, 5, 16, 21). Представленный набор бус датируется в диапазоне VII–XI вв. (Ковалевская, 1973. С. 62–79).

6. Гемма-инталия из светлого сердолика (рис. 1, 51) с изображением птицы (петух?), выполненной в объемно-штриховой манере. Гемма представляет образец позднесасанидской (VI–VII вв.) глиптики, находки которой не малочисленны на территории Дагестана, в т. ч. в составе комплексов рассматриваемого времени (Гаджиев, 1987. С. 139–151), что отражает их долгое бытование.

7. Бронзовая нашивная бляшка с вставкой в глухом касте из египетского фаянса с погрудным барельефным изображением женщины (рис. 1, 52). Бронзовая оправа местами деформирована. На обороте имеется петля для пришивания. Образ женщины показан в головном уборе типа покрывала, в платье с V-образным вырезом на груди и в ожерелье из трех крупных бус. Черты лица изображены условно. Портрет женщины окаймляют с двух сторон широкие ленты с елочным орнаментом, создающие иллюзию ниспадающих кос. Данное украшение по форме и мотиву изображения очень близко вышеописанной бляшке из Агачкалинского могильника (рис. 1, 49) и аналогичной ей из разрушенного захоронения близ Телетля.

Разрушенное погребение близ с. Телетль, очевидно, фиксирует местонахождение здесь могильника, который, судя по происходящим из него предметам, можно синхронизировать с Агачкалинским могильником VIII–XI вв.

Литература

- Атаев Д. М., 1963. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала.
- Гаджиев М. С., 1987. Памятники сасанидской глиптики из Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана. С. 139–151. Махачкала.
- Ковалевская В. Б., 1973. Производство и импорт средневековых бус Дагестана // МАД. Т. III. С. 62–79. Махачкала.

- Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Путинцева Н. Д.*, 1961. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана // МАД. Т. III. С. 271–286.
- Лавров Л. И.*, 1953. Археологические разведки в Дагестане 1947 и 1950 годов // СМАЭ. Т. XIV. С. 256–259. М.-Л.
- Магомедов М. Г.*, 1981. Исследования Агачкалинского могильника // АО 1980. С. 108–109. М.
- Магомедов М. Г.*, 1984. Исследования Агачкалинского могильника // XIII Крупновские чтения. ТД. Майкоп.
- Магомедов М. Г.*, 1987. Украшения из Агачкалинского могильника (по раскопкам 1980 г.) // Художественная культура средневекового Дагестана. С. 29–137. Махачкала.
- Мунчаев Р. М.*, 1958. Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 г. // КСИИМК. Вып. 71. С. 41–51.
- Смирнов К. Ф.*, 1949. Отчет об археологических исследованиях в Дагестане в 1949 г. // Фонд «Археология» НМ РД им А. А. Тахо-Годи.
- Смирнов К. Ф.*, 1951. Агачкалинский могильник – памятник хазарской культуры Дагестана // КСИИМК. Вып. 38. С. 113–119.
- Шейхов Н. Б.*, 1952. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник: по материалам Агачкалинского могильника // КСИИМК. Вып. 46.

С. М. Сакания, Г. А. Сангулия
Абхазский институт гуманитарных исследований,
Республика Абхазия, г. Сухум

РАННЕАБХАЗСКИЙ ХРАМ В СЕЛЕ ТАМЫШ

Исследуемый нами храм расположен в центре села, напротив средней школы, у прибрежной шоссеиной дороги, недалеко от древней усадьбы удельных князей Чачба (Шервашидзе). Выбор места и статус владетельного рода, возможного заказчика объекта, воздвигнутого на покровительствуемой территории, указывает на его неординарное значение. Развалины храма были известны ученым, но объект оставался и остается неисследованным до сих пор, почему и возникают кривотолки и остатки храма сравниваются (*Виноградов, Белецкий, 2015. С. 95*) с совершенно иными объектами, вроде Геджирского храма из другого района Абхазии, с иным, более укороченным планом, без заплечиков при переходе продольных стен в апсиду и без наличия притвора (*Воронов, 2002. С. 334–362. Рис. 11, 16*). Ошибочная поздняя датировка основана на сомнительном утверждении, что весь Тамышский храм сложен грубо, из одного булыжника. При этом не учитываются план и внутреннее убранство здания, стратиграфические данные, полевые исследования, которые здесь не были проведены. По этим и другим причинам храм, несмотря на свою доступность, не только не атрибутирован типологически, но и не определен хронологически, вследствие чего он по умолчанию считается объектом развитого и даже позднего Средневековья, как значится и в «Списке памятников Очамчирского района».

Храм визуально исследовался в 2006 г. сотрудниками бывшего Государственного управления историко-культурного наследия. Предварительные обмерные работы и зарисовки провели В. Л. Кварандзия и С. М. Сакания. Впоследствии архитектор Т. В. Зантария выполнил чертеж плана храма. В 2014 г. были проведены первые археологические разведывательные работы, в комплексе с обстоятельными натурными исследованиями, группой в составе С. М. Сакания, Г. А. Сангулия, И. А. Джопуа, но в связи с ликвидацией организации и роспуском штатного персонала полевые работы были отложены до лучших времен. Но по сегодняшний день продолжается работа с материалом, в т. ч. источниковедческие и историографические разыскания с целью обнаружения неизвестных зарисовок, снимков, планов и литературных данных.

Отметим, что еще в 1950-е гг. храм посещала экспедиция М. М. Трапша, первого абхазского археолога-кавказоведа, и оставила краткое описание и фотоснимок. Тогда еще лучше сохранялись отдельные элементы сооружения: оконный проем в апсиде, высота стен, заполнение швов кладки. Но Тамышский храм упоминался еще раньше, в первых списках храмовых сооружений Абхазии, составленных в XIX в.

Исследуемый храм представляет собой зальное сооружение с выступающей апсидой полукруглой формы. С западной стороны у храма имеется притвор, вписывающийся в общий контурный план. Остатки руин апсидной стены позволяют констатировать и в настоящее время, что в этом храме изначально были три алтарных окна. Стены храма возведены с использованием булыжников и окатышей,

с незначительной обработкой на лицевых сторонах, но ровно колотыми. Такая кладка с последующей штукатуркой, окраской и облицовкой достаточно хорошо известна среди памятников V–VI вв. н. э. Здесь применена и кирпичная кладка, но она не регулярная. Местами в кладке встречается тесаные блоки и плинфы. Необходимо указать на то, что на ряде участков иногда камни естественной формы также уложены в четкие ряды с соблюдением перевязи. Нами зафиксированы случаи последовательного применения блоков в 2, 3, 5 и более последовательностей, в т. ч. случаи порядковых повторений таких примеров. В таких случаях возможно изначальное положение *in situ*. Весьма вероятный остаток такого положения представляет собой нижний ряд блоков апсиды на уровне дневного горизонта. Но думается, что кирпич и тесаные блоки использовались и в процессе функционирования храма, во время ремонтно-восстановительных работ, так на ряде участков последовательность нарушена и зафиксирована разница в растворе.

Продольные стены местами сохранились на высоту до 4 м. Но на некоторых участках они сильно разрушены, и поэтому в настоящее время определить места расположения оконных проемов на них сложно. Наружные размеры храма по осевой линии запад-восток на уровне цокольной части 1800 см, включая и притвор. Ширина основного объема храма по линии север-юг 860 см. Толщина продольных стен 95–100 см. Внутренняя ширина основного объема храма и его длина равна 660 см. Ширина алтарного полукружия равен 500 см. Алтарный полукруг слегка вытянут, но при этом подковообразность не выражена. Апсидное полукружие имеет внушительные заплечики, которые равны толщине продольных стен, т. е. 95–100 см. Заплечики присутствуют также и в алтарной части, но они меньше внешних. Ширина внутренних заплечиков равна 76–80 см. Думается, при такой толщине продольных стен можно предположить, что в этом храме было применено каменное сводчатое перекрытие.

Поскольку упомянутое выше высказывание ошибочно связывается с другим храмом, то и построение сравнительного анализа лишается оснований. А между тем кроме маленьких заплечиков и крупных, по своей длине, как в данном случае, существуют и средние (тхубынского типа), также большие, имеющие переходной характер, при этом все они объединяются наличием апсиды полукруглой формы.

Обращает на себя и то, что наряду с характером ранней кладки с применением колотых каменных блоков, квадров и кирпичей, нами зафиксирован факт применения тесаных правильных каменных плит пола толщиной 5 см, размером 30×30 см. Интерес представляет и материал первого шурфа, проложенного вдоль апсиды и стены, который дал стекло (фрагмент бальзамария) и керамику с датировкой VI–VII и VIII–X вв., частично смешанную с останками последующих захоронений. Но красноглиняные образцы ранних форм со светло-коричневыми по цвету обжига, замесу глины и технологии формовки образцами указывают на эти два хронологических горизонта. Эта ситуация вкупе с некоторой потревоженностью погребений, что обычно для таких категорий памятников, требует от нас дальнейших широких исследований объекта. Думается, что наши исследования и анализ всего доступного материала в настоящее время дают более определенную дату, нежели далекие сравнения, которые, как мы убедились, ошибочны.

На наш взгляд Тамышский храм представляет определенный интерес благодаря своему плану. Как было отмечено, в храме апсидное полукружие выступает

наружу. Подобные апсиды имеют широкую дату по времени от IV до VII–VIII вв. Наибольшее их применение приходится на V–VI вв. Именно в это время на всем Черноморском побережье и на территории Грузии, в Придунайских странах, таких как Болгария, и в странах Югославии, подобные апсиды встречаются достаточно часто. В раннехристианскую эпоху они известны и на территории современной Италии. Безусловно, для уверенной и точной датировки Тамышского храма необходимы и другие материалы, но их можно получить только путем археологических исследований.

В Тамышском храме, как нами определено, имелись три алтарных окна. Характер проломов на этих местах наталкивает нас на мысль, что внутренние щеки оконных проемов были параллельными, как в Цандрипшском храме. Этот элемент также способствует сужению времени постройки. На территории Абхазии подобные параллельные щеки встречаются, как нам представляется, до VIII в. Что же касается наружных широких заплечиков, то их появление в культовой архитектуре также было существенным признаком. В качестве примера можно привести нижний храм крепости Анакопии, названный Солдатским. Понятно, что появление этого храма связано с возведением крепостной стены, что также уточняет время его возведения в пределах VI–VII вв. И начало функционирования рассматриваемого нами храма можно также связать с этим же временем, а конец VII и начало VIII вв. считать крайней верхней датой, что подтверждает и массовый материал. Но этот этап может относиться уже ко времени функционирования храма, некоторых последующих подзахоронений и отдельных работ по ремонту и перестройке здания, возведенного у главной прибрежной дороги Абхазского (Абазгского) царства и древней области (страны) Апсилии. Отсюда же по путям, ведущим на Северный Кавказ через села Кутол, Джгиарда и Атара, где также было велико влияние первых лиц абхазского общества Ачба и Чачба, несомненно, осуществлялись разносторонние контакты с Аланией, Касахией, Зихией и Русью. Известные факты взаимообогащения и распространения культур и идей цивилизованных христианских стран не исключают положительный результат поисков аналогий к данному характерному памятнику эпохи.

Литература

- Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В.*, 2015. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. М.
- Воронов Ю. Н.*, 2002. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV в.) // ПИФК. Вып. 12. М.–Магнитогорск.

Г. А. Сангулия

*Абхазский институт гуманитарных исследований,
Республика Абхазия, г. Сухум*

Т. М. Кармов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

НОВАЯ НАХОДКА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ЛАМЕЛЛЯРНОГО ДОСПЕХА НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ

В ходе археологических работ в 2012–2017 гг. силами российско-абхазской экспедиции были обследованы и раскопаны участки слоя на территории цитадели Хашупсинской крепости в Гагрском районе Республики Абхазии. Среди полученного материала заслуживают внимания находки элементов защитного вооружения – железных пластинок доспеха (Сангулия Г. А., Кармов Т. М., 2013. С. 84). Всего было найдено 7 пластинок. Пластинки имели прямоугольную форму и при одинаковой ширине в 2–3 см их длина варьировалась от 4 до 6 см. Некоторые пластинки были слегка выгнуты. У отдельных экземпляров число отверстий доходило до 12. По характеру расположения отверстий можно заключить, что они все расположены в определенной последовательности для соединения пластин друг с другом. Толщина пластинок не превышала 2 мм. Большая часть этих фрагментов защитного вооружения была собрана при обследовании грабительских отвалов на цитадели крепости в 2012–2014 гг. И только в 2015–2016 гг. две пластины были обнаружены непосредственно *in situ* в культурном слое северо-западной части цитадели, практически на материке, вместе с обрывками кольчуги.

Необходимо отметить, что находки фрагментов доспеха такого типа – не частое явление для археологии Абхазии и восточного Причерноморья в целом. В Абхазии известен только один факт обнаружения элементов защитного вооружения похожего типа.

Более ста пластин от панциря было зафиксировано в Цебельде. Среди них фигурировало несколько типов – прямоугольные продолговатые пластины (ширина 2 см длина 6–8 см), от 5 до 10 круглых отверстий с боковым вырезом. Самые крупные пластины авторы публикации отнесли к персидскому доспеху. А находки самого доспеха связали с военным противостоянием в Цибилиуме персов и византийцев в 550–556 гг. (Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., 1987. С. 124–125. Рис. 8, 21, 22). Однако, несмотря на сходство, пластины из Цебельды отличаются как характерным боковым вырезом, так и расположением отверстий.

Если рассматривать аналогии на соседних территориях в рамках Восточного Причерноморья или Западного Предкавказья, то можно упомянуть доспех из погребения на Госпитальной улице в Керчи (Кубарев, Ахмедов, Журавлев, 2003. С. 204–221. Рис. 1), а также доспех из раскопок в Краснодарском крае (Ишаев, 2013. С. 194. Рис. 2).

Наиболее представительна и схожа с находками из Хашупсы серия находок, которая происходит из аварских памятников с территории преимущественно Карпатской котловины и Балканского полуострова. Из последних работ, посвященных анализу и обзору находок ламеллярных пластин «аварского» круга, необходимо отметить статью сербского археолога Ивана Бугарского, который

не только дал сводку обнаруженных фрагментов с территории Сербии и прилегающих территорий, но и рассмотрел морфологию этого доспеха, акцентируя внимание на некоторых технических деталях (например, обтягивание кожей краев пластин) (*Bugarški, 2005. С. 171*).

Среди исследователей преобладает мнение, что доспехи этого типа были привнесены с востока аvaraми и потом распространились в Европе и Средиземноморье, на территории Византийской империи. На территории Средней Азии – раннесредневекового Согда – известно значительное количество находок панцирных пластин с вырезами. Например, при раскопках замка-храма Джартепа найдены пластины от доспеха. Еще одними находками из другого согдийского храмового комплекса VI – начала VII в. являются остатки нескольких доспехов в городище Канка – более 1500 экз. целых пластин и их обломков, а также обрывки кольчуги (*Богомолов, 1997. С. 97*). Сохранились относительно большие (30 x 12 см) фрагменты панциря из спекшихся пластин. По-видимому, так же, как и в Джартепа, доспехи были развешены на одной из стен храма и представляли собой дары или трофеи. По данным автора, насчитывается 12 типов пластин, среди которых имеются экземпляры с вырезным краем.

В целом, необходимо отметить, что подавляющее количество изображений панцирей, в составе которых использованы пластины с вырезным краем, приходится на Среднюю Азию, Восточный Туркестан и северные приграничные районы Китая. Это вполне может указывать на возможный регион происхождения панцирей подобного типа.

Также, вероятно, можно согласиться с мнением большинства исследователей о том, что впервые в раннем Средневековье подобный род защитного вооружения был занесен в Европу аvaraми. А это, в свою очередь, увязывается с их центрально- или среднеазиатским происхождением. В таком культурно-историческом контексте и следует рассматривать фрагменты доспеха (или доспехов) из Хашупсы и предварительно датировать хронологическим отрезком VI–VIII вв. н. э.

Литература

- Богомолов Г. И.*, 1997. Панцирный доспех с городища Канка // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 28. С. 79–85. Самарканд.
- Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х.*, 1987. Крепость Цибилиум – один из узлов Кавказского лимеса Юстиниановской эпохи // Византийский временник. Т. 48. С. 116–132.
- Гаврилова А. А.*, 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.–Л.
- Ишаев В. А.*, 2013. Ранний образец восточноевропейского средневекового панциря (защитный доспех из раскопок в Краснодарском крае) // КСИА. Вып. 228. С. 191–199.
- Кубарев Г. В., Ахмедов И. Р., Журавлев Д. В.*, 2003. Катакомбное погребение с доспехом с Госпитальной улицы г. Керчи: (предварительная информация) // Боспорские исследования. Вып. 3. С. 204–221.
- Кызласов Л.*, 1981. Тюхтякская культура древних хакасов // Степи Евразии в эпоху средневековья. С. 54–59. М.
- Сангулия Г. А., Кармов Т. М.*, 2013. Охранно-спасательные работы на территории Хашыпсинского заповедника Гагрского района // Четвертая Международная Абхазская археологическая конференция. «Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур». Тез. докл. С. 82–85. Сухум.
- Bugarški Ivan*, 2005. A contribution to the study of lamellar armour // Стариана. LV. P. 161–179.

ПРЕДМЕТЫ ИЗ КОЖИ С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Большинство органических материалов, таких как кожа, ткань и дерево, плохо сохраняется в археологических памятниках. Между тем даже незначительный фрагмент кожи может нести существенную информацию о материале, способе выделки, особенностях кроя изделия. Плохая сохранность или специфика предметов с кожей требует применения соответствующих методик реставрации и консервации.

В данной работе представлены результаты реставрационных исследований фрагментов кожаных ремней с металлическими пряжками, детали упряжи с пряжками и накладками, а также отдельные фрагменты кожаных изделий из коллекций ГИМ из раскопок разных лет.

В большинстве случаев была проведена сухая очистка кожи под микроскопом. Такой способ позволил выявить, следы прошивки, длину стежка, толщину и вид нитей, выявить проколы от иглы, их размеры, вид шва.

Способ выделки двух предметов (№ 5, 8) позволил применить пластификацию в полиэтиленгликоле, в ходе которой удалось смягчить кожу предметов, исправить деформации, выявить следы кроя, декоративного тиснения.

Степень сохранности кожи на некоторых предметах, позволила провести микроскопические, микрохимические и гистохимические исследования, так же на одном предмете были отобраны образцы на элементный анализ, получен анализ пигмента на коже из декоративных вставок серебряных бляшек. С помощью микроскопических и гистохимических исследований подтверждено, что для изготовления ремней в большинстве случаев использовались жилы животного.

1. Пряжка с фрагментом кожаного ремня (оп. Б 1709/186) (рис. 1, 1) IV–V вв. Могильник Камунта, собрание П. С. Уваровой. Пряжка имеет овальную бронзовую сегментовидную в сечении рамку и железный язычок, загнутый за рамку и достигающий до ее середины. Контекст находки неизвестен. Поверхность кожи рыхлая, способ выделки – сыромятная кожа. Ремешок цельнокроеный, с прорезью для язычка, продет сквозь рамку пряжки, сшит в два слоя кожаными шнурами. Возможно, присутствуют следы ремонта.

2. Пряжка бронзовая с фрагментом кожаного ремня (оп. Б 2145/11) (рис. 1, 2) IV–V вв. Могильник Сынчыкъла-1, погребение 8, раскопки А. А. Кадиевой. Пряжка с округлой рамкой и хоботковым зооморфным язычком, заходящим за ее середину. Обойма пряжки пластинчатая, орнаментированная пунсоном. Пряжка обнаружена в каменном ящике в слое мокрой глины. Фрагмент кожаного сыромятного с минимальной обработкой ремня выявлен под металлической обоймой в процессе расчистки под микроскопом. Обнаружены следы прошивки жильными нитями по всей поверхности фрагмента.

3. Фрагменты оголовья конской сбруи с серебряными бляшками геральдического облика (оп. Б 1757/579, 580, 587, 588, 592, 593, 606, 606, 612) (рис. 1, 3) VII в. Могильник Чми, раскопки Д. Я. Самоквасова. Бляшки оголовья выполнены

Рис. 1. Предметы с кожаными элементами с территории Северного Кавказа из собрания Отдела археологических памятников ГИМ. 1, 7, 8 – Камунта; 2 – Сынчыкъла; 3, 4 – Чми; 5, 6 – Галиат

в виде птичьих голов, крестов, сдвоенных геральдических щитков, Т-образных геральдических ременных окончаний. Сбруя обнаружена в камере катакомбы.

4. К этому же комплексу относится фрагмент поясного набора (Т-образная бляшка с геральдическим щитком, на обороте которой сохранился фрагмент кожаного плетеного ремня (оп. Б 1757/574) (рис. 1, 4).

Кожа ремней сыромятная, тонкая, поверхность светлая, рыхлая. Края кожаных полосок загибались на лицо до середины, один из краев перекрывал другой, продольный шов «вперед иголка» проходил посередине. С внешней поверхности ремней были отобраны образцы белого налета на элементный анализ, также получен анализ пигмента на коже из декоративных вставок серебряных бляшек. С помощью микроскопических и гистохимических исследований подтверждено, что для изготовления ремней уздечки использована жила животного.

Предметы № 5–7 обнаружены в склепе могильника Галиат. Раскопки Е. И. Крупнова 1935 г. Вторая – третья четверть VIII в.

5. Два фрагмента кожи (оп. Б 1215/242). В процессе реставрации была проведена пластификация кожаных фрагментов в полиэтиленгликоле, исправлены деформации. На одном из фрагментов выявлены следы обувного кроя, проколы переметочного шва, поперечное декоративное тиснение.

6. Фрагмент сбруйного ремня с железной пряжкой (оп. Б 1215/198) (рис. 1, 5). Вторая – третья четверть VIII в. Могильник Галиат, раскопки Е. И. Крупнова. Кожаный ремень пронизывают бронзовые штифты, к которым первоначально крепились бляшки из золотой фольги. Штифты утапливались в мастику, заполнявшую бляшки с оборотной стороны.

Ремень шит из сыромятной кожи с гладкой поверхностью. Кусок кожи сложен в три слоя вдоль, прошит по краям жильной ниткой швом «вперед иголка». Ремень продет сквозь пряжку, закреплен бронзовым штифтом.

7. Пряжка с остатком ремня (оп. Б 1215/187) (рис. 1, 6). Пряжка бронзовая цельнолитая с овальной рамкой и вытянутым щитком. Язычок железный. Пряжка крепилась на ремень из сыромятной кожи двумя штифтами. Следов прошивки не обнаружено.

Все находки из могильника Галиат были обнаружены в склепе с закрытым дромосом. Предметы находились на полу склепа, камера которого была частично заполнена просыпавшейся в щели перекрытия землей.

8. Кожаный наборный пояс с пряжкой, наконечником и 12 бляшками. (оп. Б 1761/21, 23). Вторая – третья четверть VIII в. Могильник Песчанка, катакомба 5. Раскопки И. А. Владимирова. Основа пояса представляет собой полосу кожи, согнутую по краям. Каждая бляшка крепится к поясу тремя штифтами через промежуток 2,1 см. С обратной стороны бляшки заполнены глино-смоляной мастикой темного цвета. Пряжка бронзовая цельнолитая с рифленой овальной рамкой и орнаментированным щитком. Пояс обнаружен *in situ* в районе тазовых костей погребенной, захороненной в закрытой камере катакомбы. Пояс изготовлен из тонкой дубленой кожи. Основа пояса представляет собой кусок тонкой кожи, прямоугольной формы, согнутой по краям. Края загнуты наизнанку встык, без прошивки. Была проведена пластификация в полиэтиленгликоле, исправлены деформации. Проведенные микроскопические, микрохимические и гистохимические исследования мастики, использовавшейся для фиксации металлических

накладок на кожаном ремне, показало наличие глинистых минералов с добавками природной смолы и воска.

9. Семь фрагментов пояса с пряжкой и остатками бляшек (оп. Б 1709/221–227) (рис. 1, 7). Датировка не ясна. Предположительно позднее Средневековье. Могильник Камунта, собрание П. С. Уваровой. Пряжка ажурная литая без язычка. Бляшки округлые штампованные. К основе пояса крепятся на штифтах. Контекст находки не известен.

Все ремешки изготовлены из сыромятной кожи с рыхлой поверхностью. Два фрагмента цельнокроеные, ремешки без прошивки. На трех фрагментах кожа сложена в три слоя, по краям декорирована «продержкой» жильными нитями, слои были закреплены штифтами с бляшками. Один фрагмент сшит из полоски кожи, края которой загнуты наизнанку и прошиты встык.

10. Аппликация ажурная с геометрическими и растительными элементами (оп. Б 1709/188) (рис. 1, 8). Датировка не ясна. Предположительно позднее Средневековье. Могильник Камунта, собрание П. С. Уваровой. Контекст находки не известен. Исправление деформаций позволило выявить проколы от иглы в центре и по краям декоративных элементов аппликации. Предположительно аппликация пришивалась швом «назад иголка», функциональный шов по краю был декорирован дополнительной прошивкой «через край».

Таким образом, комплексный подход к реставрации и консервации предметов, в состав которых входят различные материалы, в т. ч. кожа, на примере предметов из собрания ГИМ позволяет получить больше информации о предмете в целом, способе его изготовления и бытования. Важно отметить, что даже небольшой фрагмент кожи, сохранившийся под металлической деталью, позволяет существенно умножить информацию об изделии, поскольку выясняются такие детали, как ширина и форма ремня, способ выделки кожи, диаметр иглы, состав нитей и пр. Показательно, что исследованию подвергались как предметы из раскопок последних лет, так и предметы, более столетия хранящиеся в музейном фонде.

И. Н. Храпунов
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь

СКЛЕПЫ С КОРОТКИМИ ДРОМОСАМИ В ПРЕДГОРНОМ КРЫМУ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Во многих могильниках предгорного Крыма открыты склепы одинаковой конструкции. Они состоят из прямоугольной в плане входной ямы размерами 2,5–3×0,7–1,2 м, прямоугольной или трапециевидной в плане погребальной камеры размерами 2,5–3×2,8–4 м, а также соединяющего их дромоса. Расстояние между передней стенкой входной ямы и погребальной камерой составляло 0,3–0,8 м, между стенками дромоса – 0,5–1 м. Вход в дромос делали в виде арки высотой 0,6–0,7 м. Он закрывался каменными плитами.

В погребальной камере совершали, как правило, 4–8 захоронений, расположенных в один ярус (рис. 1).

Первые склепы подобной конструкции появились в первой половине III в. н. э. Приблизительно на рубеже III–IV вв. н. э. их количество резко возрастает. В IV в. н. э. большинство погребений в Крымских предгорьях совершали в таких склепах.

Исследователи не раз высказывали мысль о том, что склепы с короткими дромосами появились в Крыму в результате миграции на полуостров северокавказского населения. Главный аргумент в пользу этой гипотезы заключается в следующем. В раннеримское время в Крыму нет склепов с дромосами. Их прототипы следует искать в культуре ранних алан Северного Кавказа, где склепы с дромосами известны со времен ее формирования. На этом основании, подкрепленном некоторыми дополнительными данными, строится гипотеза о переселении в Крым части предков северокавказских средневековых алан.

Гипотеза о переселении северокавказского населения в Крым встретила возражения, базирующиеся на отличиях крымских и северокавказских склепов. Они заключаются в следующем. На Северном Кавказе склепы перекрыты курганными насыпями, а в Крыму они входят в состав больших грунтовых могильников. На Кавказе склепы предназначались для погребения 1–2 чел., а в Крыму – 4–8. В Крыму в большинстве случаев погребенных клали ногами или головами к входу в погребальную камеру, а на Кавказе – перпендикулярно длинной оси входной ямы. В Крыму потолки погребальных камер плоские, а на Кавказе стрельчатые.

Узкие и короткие дромосы создавали значительные технические трудности при выкапывании погребальных камер, а также при внесении в них людей и лошадей. Последних приходилось разрубать на части и складывать в погребальной камере в относительном анатомическом порядке, поэтому трудно представить, чтобы погребальные сооружения столь специфической конструкции возникли независимо в двух регионах.

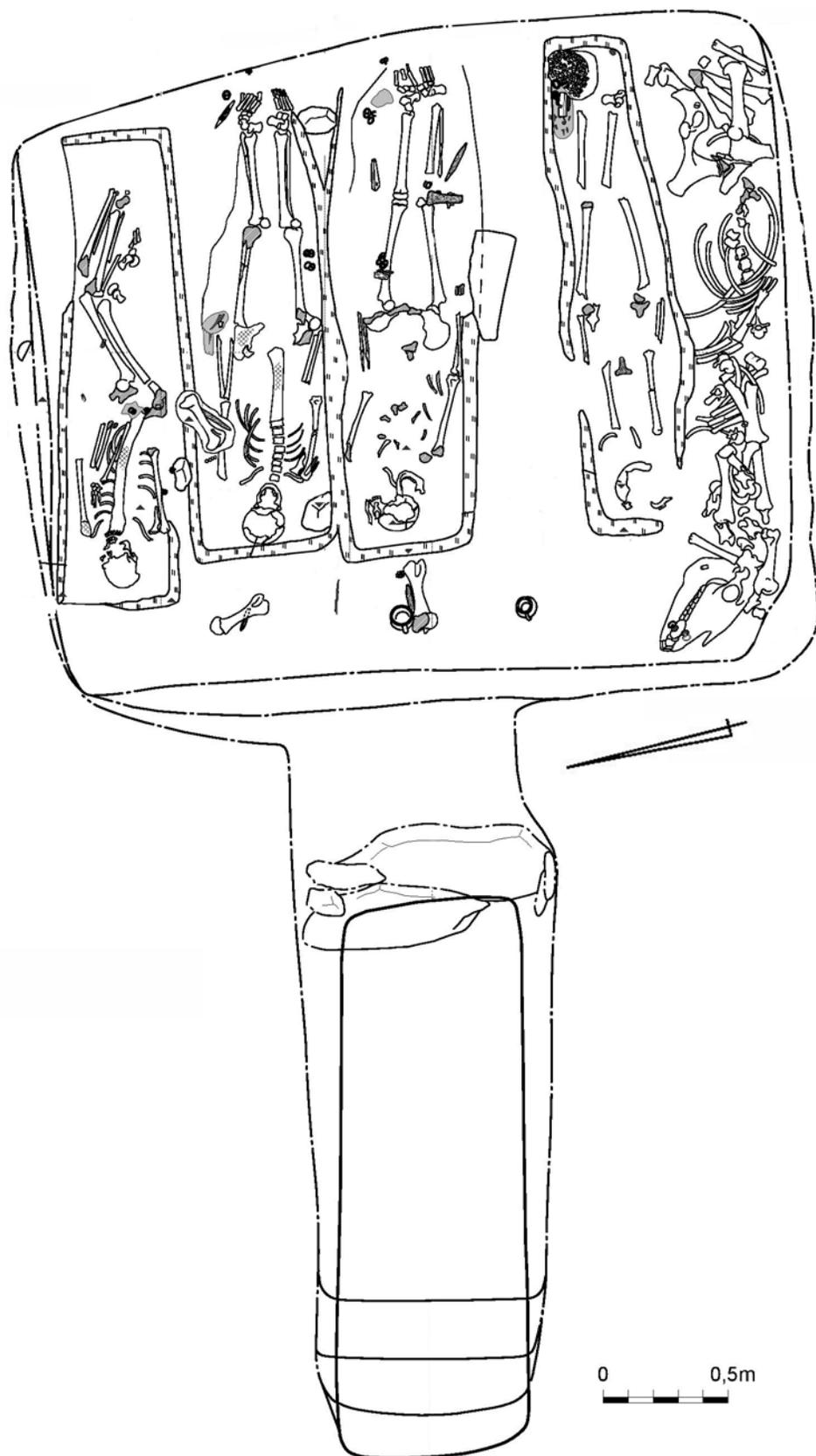

Рис. 1. Могильник Опушки. Склеп № 133. План

Н. Ф. Шевченко

*Краснодарский государственный историко-археологический
музей-заповедник имени Е. Д. Фелицына, г. Краснодар*

КУРГАНЫ И КУРГАНООБРАЗНЫЕ ВОЗВЫШЕННОСТИ В СТЕПНОМ ПРИКУБАНЬЕ (ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ)

1. Во время полевого сезона 2017 г. Приазовская экспедиция АНО «НИЦ», г. Саратов должна была исследовать 5 курганов, расположенных на правой надпойменной террасе р. Кубань, юго-восточнее ст. Анастасиевская Славянского района Краснодарского края (рис. 1, 1). Все насыпи имели высоту до 1 м и размытый распашкой контур диаметром около 30 м. В степном Приазовье подобные конструкции археологи определяют как земляные курганы с возможным набором погребений от эпохи бронзы до позднего Средневековья. Искусственные насыпи подобного размера, возведенные над одним захоронением или группой синхронных комплексов без впускных могил разных эпох, – редкость.

Курганы, назначенные для исследования, были строго вытянуты в линию вдоль насыпи грунтовой дороги на протяжении около 1 км, в пахоте отсутствовал подъемный материал, а размытые контуры четырех из них позволяли усомниться в определении их как памятников археологии.

2. Проведенные работы показали, что ни одна из насыпей не была, как ожидалось, курганом эпохи бронзы и среди них можно выделить три вида объектов, исключительно редких для территории Восточного Приазовья:

- курган эпохи раннего средневековья;
- естественная возвышенность с досыпкой в раннем железном веке и впускными захоронениями;
- естественная возвышенность с захоронениями раннего железного века.

Единственный в группе курган (№ 1 «курганная группа 4 насыпи») предварительно датируется в пределах IX в. н. э. и включает центральное захоронение с сопутствующим ритуальным комплексом (рис. 1, 2). Высота насыпи – 0,4 м. Центральное погребение 1, впущенное с уровня погребенной почвы, состояло из обширной овальной ямы, вытянутой по линии север-юг, и уступчатых заплечиков, на которых с западной стороны открыто парное захоронение лошадей (рис. 1, 3). В яме находилась деревянная конструкция типа сруба или массивного шатра, внутри которого, вероятно, помещалось тело человека, и набор сопроводительного инвентаря. В вещевой набор входила керамика, железный меч, железный шлем, возможно, две кольчуги, железные пряжки, фибулы, железные стремяна, серебряные поясные накладки и пр. После захоронения деревянная конструкция была сожжена, яма засыпана грунтом и над ней возведен курган. В восточной части насыпи находилось сопроводительное ритуальное захоронение (погребение 2) в виде овальной ямы с заплечиками, на которых лежало деревянное перекрытие (рис. 1, 4). На перекрытии находился костяк лошади, после тления дерева просевший внутрь. На дне ямы найден набор железных предметов, в т. ч. механический замок, предположительно, от крупной деревянной шкатулки.

Четыре остальных объекта, условно определенных как «курганы», являются естественными возвышенностями с впускными захоронениями от I до II

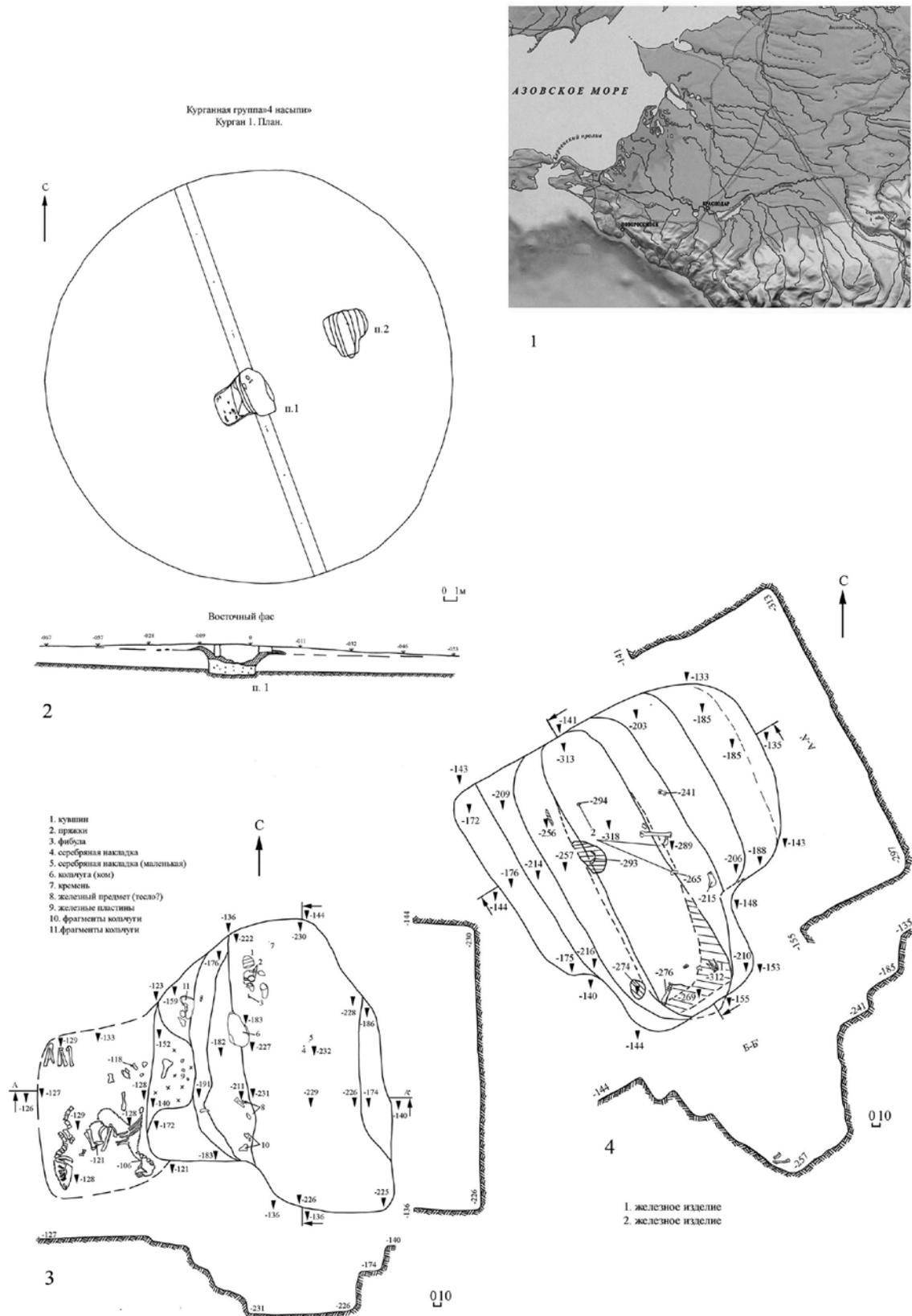

Рис. 1. 1 – карта Краснодарского края с указанием места расположения могильников в районе ст. Анастасиевская; 2 – «курганный группа 4 насыпи». План и разрез кургана № 1; 3 – курган № 1, погр. 1; 4 – курган № 1, погр. 2

в каждом. Погребения в этих возвышенностях относятся к сарматскому времени, за двумя исключениями:

– погребение 3 (курган № 2 «курганная группа 2 насыпи»). Представляет собой сосуд эпохи средней бронзы, впущенный в естественную возвышенность. Следы костяка отсутствуют, и комплекс условно определен как погребальный;

– погребение 1 (курган № 2 «курганная группа Коржевский 3»). Комплекс раннескифского времени включает захоронение человека, поверх которого лежал полный скелет взрослой особи лошади. В инвентарь входит лепной сероглиняный сосуд с биконическим туловом.

3. В бронзовом веке для всей равнинной территории Западного Кавказа характерно захоронение умерших в земляных курганах, контуры которых, даже небольших, хорошо определяются на местности. Последующие подзахоронения делаются в уже существующие насыпи. В раннем железном веке курганная традиция продолжается в виде подзахоронений. В степи естественные возвышенности для погребений практически не используются, хотя надо признать, что факты приспособления естественных холмов под могильники удается зафиксировать крайне редко, так как они не попадают в зону археологических работ.

4. Исключением может считаться территория Таманского полуострова, где неоднократно отмечены случаи захоронения в курганообразных холмах. Наиболее известна гряда вулканических возвышенностей у мыса Тузла, поставленных на охрану как курганы. Раскопанные в них погребения относятся к железному веку и, вероятно, представляют собой подкурганный комплекс. Однако без должной аргументации они были сопоставлены с ближайшими античными некрополями (Голубев, Тищенко, Устаева, 2008).

5. Так называемые курганы, исследованные в 2017 г., были расположены буквально на границе Приазовской низменности и Таманского полуострова и тоже включали впускные погребения раннего железного века. Для I тыс. до н.э. эта граница является не только географическим понятием, но и разделом между областью с государственным устройством и миром кочевых племен.

6. Оседание кочевников на землях азиатского Боспора хорошо известно, в первую очередь эти факты связаны с расселением сарматских племен. Большую часть исследованных комплексов тоже можно связать с сарматским кругом памятников, в котором на всей территории Приазовья доминирует курганная традиция погребения. Работать с памятниками в зоне межкультурных контактов всегда очень сложно, особенно когда в материале смешиваются античные традиции с традициями кочевников и обширного мира оседлых племен. В погребальных комплексах с этих территорий, в первую очередь, меняются обрядовые характеристики, такие как ориентировка, набор инвентаря, особенности могильных конструкций и т.п. Это обычная практика. Но в данном случае, возможно, фиксируется процесс размытия курганного обряда погребений, в ходе которого исчезают устойчивые маршруты кочевания, забрасываются родовые могильники, а любая возвышенность может стать местом захоронения в силу лишь внешнего сходства с курганной насыпью.

7. Территориальная локализация таких могильников позволяет рекомендовать при проведении разведок в Нижнем Прикубанье обращать внимание не только на выраженные курганы, но по возможности учитывать характерные возвышенности, которые могут быть объектами культурного наследия.

Археология развитого и позднего Средневековья

А. Ю. Андреева

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль

А. С. Антипова

*АО «Институт по реставрации памятников истории и культуры
“Спецпроектреставрация”», г. Москва*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 2013–2017 гг. НА БАШЕННЫХ КОМПЛЕКСАХ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

Джейрахско-Ассинский музей-заповедник привлекает к себе исследователей, путешественников и туристов на протяжении нескольких веков. Изучение региона началось с XVIII в. в направлении этнографических особенностей местного населения, что также включало фиксацию археологических, градостроительных и архитектурных объектов, разительно отличавшихся от евразийской поселенческой и архитектурной традиции (Крупнов, 1964). Большой вклад в изучение ингушской архитектуры был внесен советскими специалистами в 1970-х и 1980-х годах XX столетия, что нашло отражение в создании Джейрахско-Ассинского государственного историко-культурного и природного музея-заповедника и Государственного природного заповедника «Эрзи» (рис. 1, 2). Однако в отсутствии четкого и последовательного плана работ, без разработанной непосредственно для данных памятников методики процесс их изучения и реставрации постепенно угас, в чем, разумеется, сыграли роль и печальные для Кавказа события конца прошлого столетия. В настоящий момент из зафиксированных в Ингушетии древних сооружений (более чем 2 тыс.) больше половины находится в частично или крайне руинированном состоянии, лишь только отдельные постройки можно обозначить как сохранившиеся.

Архитектура горной Ингушетии – это преимущественно каменные сооружения квадратной или прямоугольной формы, разной этажности, в зависимости от их назначения. Это, прежде всего, боевые, полубоевые и жилые башни, склеповые, культовые, а также разнообразные хозяйственные постройки. Следует также упомянуть различные инженерные сооружения (например, водопроводы и мельницы). Практически без исключения это собрано в комплексы, включающие весь набор указанных типов памятников. При этом одной из самых интересных особенностей ингушских поселений, нередко называемых «городами», является их планировочная структура.

Вайнахские (да и вообще все горные) поселения, подобно живой среде, росли по мере увеличения численности их жителей. Вплотную к первым каменным зданиям пристраиваются новые сооружения, формируется 2-я и 3-я линии застройки – иногда их число доходит до 4 и 5, что, например, нами выявлено

на поселении Верхний Лейми. При этом передвижение людей внутри комплекса могло происходить как по улицам, сформированным, подобно коридорам, стенами башенных и хозяйственных сооружений, так и по крышам (рис. 1, 1). К примеру, здесь же в Верхнем Лейми в процессе наших исследований были зафиксированы участки каменного мощения внутренних улиц, переходы в виде каменных лестниц, а также, на многих наиболее сохранных каменных сооружениях, следы системы надземных проходов, связывавшей отдельные части комплекса.

Нами выявлены также отдельно стоявшие каменные сооружения, как правило, сильно разрушенные. Вероятно, некоторые из них – это остатки неоднократно упоминаемых исследователями мельниц. Например, развалины такой одноэтажной постройки были обнаружены на слиянии двух ручьев – притоков р. Гулойхи, ниже поселения Меллери. Интересно, что здесь, как и в аналогичных сооружениях, внешние стены, выполненные из камня, не имеют привычных для башенных построек гнезд или консолей, что, скорее всего, свидетельствует о бывших здесь упрощенных деревянных конструкциях, имевших дополнительные внутренние опоры. Предположительно, тут была применена стоечно-балочная система перекрытий архаичного типа, известная нам по различным дворовым и хозяйственным постройкам кавказских горцев (не только ингушей): вертикальные деревянные бревна-стойки, нередко выполненные из ствола разветвленного дерева, между которых зажимается внешняя обвязка и промежуточные балки деревянной кровли из жердей с глиной.

Интересен и источник выше поселения Фолхан, где сохранилась каменная чаша для сбора воды, откуда последняя перетекает в выдолбленное из крупного ствола дерева деревянное корыто и далее, выходя из отверстия в его торце, свободно течет по земле. При более подробном рассмотрении был обнаружен ход – углубление в земле, шедшее по рельефу до первых башенных и дворовых построек Фолхана. Возможно, ранее здесь был проложен деревянный желоб, доносивший часть воды до поселения.

Сложная взаимосвязь всех упомянутых сооружений говорит нам о необходимости комплексного подхода при их исследованиях, консервации или восстановлении. Таковой методики до сих пор не существует. В настоящий же момент в Ингушетии создалась тенденция реставрации отдельных сооружений в рамках одного поселения. Эта специфика – результат сегодняшней бессистемной реставрации, утратившей методы работы с комплексами объектов в целях общей регенерации историко-культурной территории. Комплекс (достопримечательное место, культурный ландшафт) может состоять из наземных и подземных сооружений, из окружающего ландшафта, зеленых насаждений, малых архитектурных форм, нематериальных памятников истории и пр., и пр., что, в конечном счете, и составляет памятник, подлежащий реставрации.

Кроме того, в ингушских башенных комплексах и других постройках горного региона сконцентрированы объекты, объединяющие признаки памятника архитектуры с признаками объекта археологии (в т. ч. это склепы и ранние сооружения, например, мало изученные «циклопические» строения). Методика определения типологии объектов культурного наследия на территориях Северного Кавказа в настоящее время также не выработана. Проектирование в области сохранения памятников было бы эффективно проводить на уровне территорий,

придавая им структуру достопримечательного места, включающего в себя памятники архитектуры, археологии, градостроительства и ландшафтного искусства.

Невозможно решить проблемы сохранения башенных городов Ингушетии без привлечения специалистов разных направлений, в т. ч. археологов, топографов и пр. Методика таких комплексных исследований проработана, например, на территории достопримечательного места «Древний город Херсонес Таврический», где руинированные строения отнесены к типологии объектов археологического наследия, а поселенческая структура определена как достопримечательное место, причем это относится не только к центральному ядру античного города, но и к его сельскохозяйственной округе, т. н. хоре, сохранившей по сей день обрабатывавшиеся земельные наделы с остатками различных, в т. ч. технических, сооружений (рис. 1, 3). Такой подход дает возможность эффективно проводить исследования, консервацию, реставрацию и регенерацию коллективами специалистов различных научных отраслей. И если в ближайшее время таким же образом не поменять направление и методику сохранения памятников археологии, архитектуры и градостроительства в Ингушетии, следы «цивилизации галгайцев», те исторические, во многом уникальные особенности быта и уклада жизни местного населения, еще век назад освидетельствованные нашими предками, будут утрачены окончательно, оставшись лишь в отдельных экспозициях музеев и на страницах книг.

Литература

Крупнов Е. И., 1964. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность // СА. № 1.

А. С. Антипова, Н. В. Смирнов
АО «Институт по реставрации памятников истории и культуры
“Спецпроектреставрация”», г. Москва

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ ИНГУШСКИХ БАШЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ И ВОПРОСЫ ИХ СОХРАНЕНИЯ

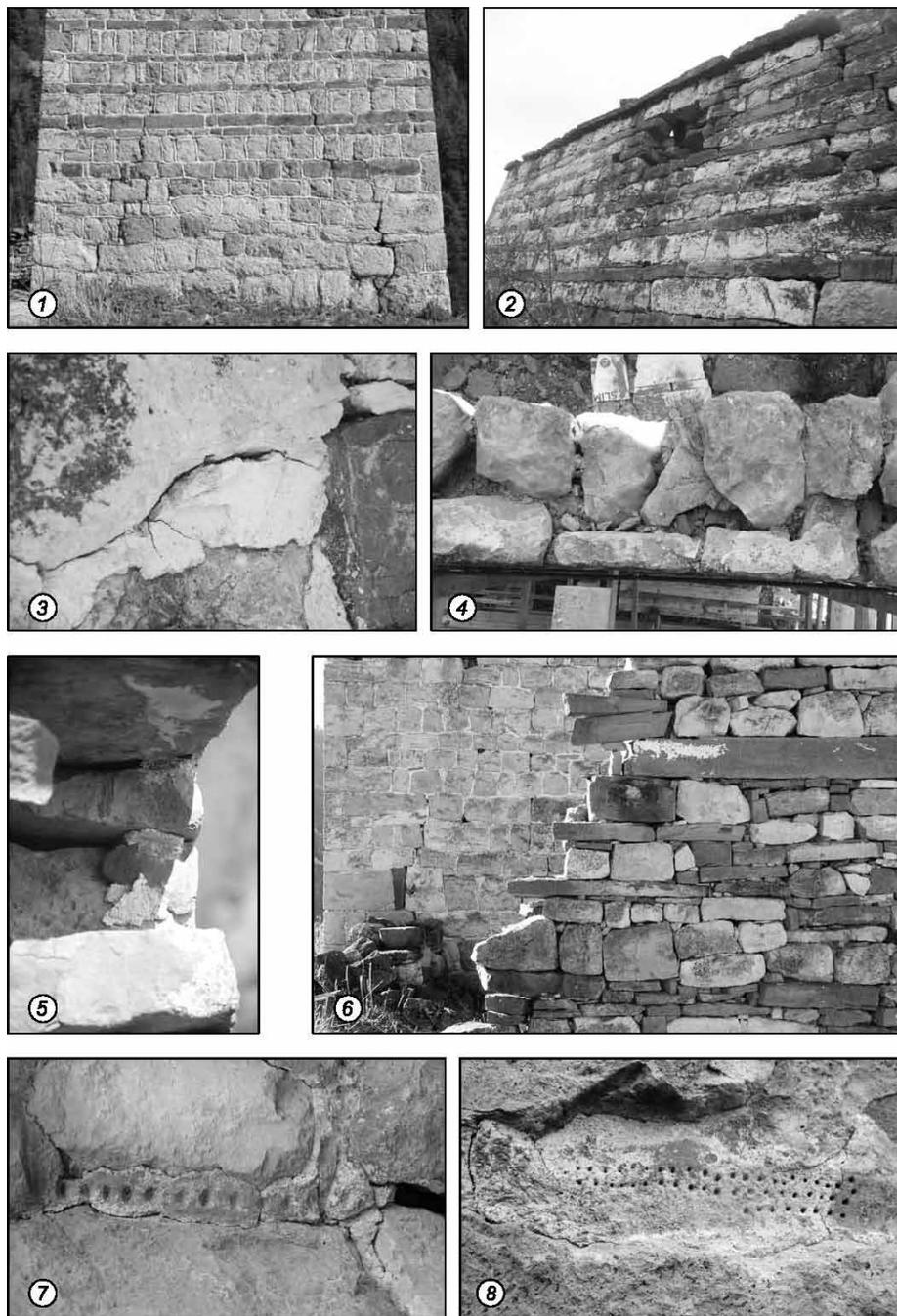
Исследования башенных комплексов Горной Ингушетии, производившиеся нами в 2013–2017 гг., позволили выявить ряд особенностей технологии строительства каменных сооружений, во многом обусловленных самой средой обитания вайнахских зодчих.

По большей части такие комплексы ставились на стратегически важных точках, на участках земли, не пригодной для возделывания и для выпаса скота – зачастую на выходе скальной породы. При этом каждый камень основания ложился на специально подготовленную горизонтальную площадку, а сами каменные блоки имели большие габариты и хорошую подтеску друг к другу. За счет толщины кладки и высокого мастерства каменщиков достигалась высокая сплоченность основания, фактически приобретавшего характеристики фундамента. До сих пор основание башен, как правило, не имеет серьезных проблем и подвижек. Скальное основание, однако, имеет свои особенности и дефекты: сланцевые породы в рассматриваемом регионе очень сыпучи и зачастую разрушение скалы начинается быстрее, чем разрушение основания башни, и можно увидеть промытые и осыпавшиеся скальные образования под нависающим углом сооружения. Данная проблема зачастую решалась с помощью докладки эрозированной скалы каменной стеной-контрфорсом.

Реже в качестве основания стен построек использованы естественные грунты осадочного ледникового происхождения. При исследовании подобной материковой породы под основанием боевой башни Мэлериинского замка (с. Ляжги) были обнаружены фрагменты сцементированной извести, что говорит о приеме строительного укрепления и уплотнения грунта перед возведением здания.

В нижнем объеме кладки башенных построек (а также склепов) использовались, как правило, крупные, иногда необработанные блоки. Такими же крупными блоками перевязаны углы построек, тогда как заполнение между ними могло быть выполнено как рядовой, так и полигональной, схожей с мозаикой, кладкой. При этом она устраивалась в два ряда с чередованием горизонтальных рядов камней, перевязывающих кладку на всю толщину стен.

Более архаичное исполнение кладки стремится к рядовому возведению, когда через два или три ряда подтесанных валунов выкладывали крупные плиты сланца толщиной от 80 до 150 см, выполняющего функцию крепкой перевязки. Подобные строения выделяются издали, привлекая внимание четкостью и лаконичностью кладки, чьи ряды подчеркнуты сланцевыми темными плитами на фоне светлых блоков (рис. 1, 1, 2). Прием использования продольных плит в кладке отмечен и в других регионах Кавказа, зачастую в сооружениях встречаются включенные в кладку более тонкие плиты сланца, являющиеся своего рода горизонтальными стабилизаторами при подвижке кладки во время землетрясений.

Рис. 1. 1 – полубоевая башня в с. Мэллери; 2 – двор полубоевой башни в с. Меллери; 3 – фрагмент кладки с раствором боевой башни Мэлеринского замка; 4 – кладка боевой башни Малеринского замка после снятия верхнего ряда камней; 5 – фрагмент кладки в разрезе, с. Пялинг; 6 – фрагмент раствора кладки жилой башни, с. Мецхал; 7 – фрагмент раствора кладки жилой башни, с. Мецхал

Полигональная кладка характеризуется старинным ингушским высказыванием: «Кхера кхерийна бага оттаи» – «Чтобы один камень цеплялся за рот другого». Ее принцип в том, что сцепление кладки происходит за счет точной подборки друг к другу малообработанных блоков. При переборке во время реставрации боевой башни Мэлеринского замка было отмечено, что каменные блоки не столько подтесаны в ряды,

сколько имеют обработку по фасадной стороне для создания единой ровной плоскости, тогда как внутри башен зачастую кладка выходит неровной поверхностью необработанных каменных блоков или валунов гранитных пород.

Таким образом, кладки всех построек можно разделить на два схожих типа: при одинаковой конструктивной схеме с перевязкой «зацепкой» во всех направлениях и при четко выраженных горизонтальных рядах. Похоже, что чем архаичнее и старше постройка, тем более упорядочена ее кладка, качественно выполнена подборка камней, сами блоки применены крупнее, преимущественно из одной-двух пород, заготовленных специально для данной башни. У более поздних построек кладка хаотичнее, из разных пород камней, включая и речные гранитные валуны. Связано это, видимо, с активным вторичным использованием материала с руинированных сооружений.

Основным отличием кладки башенных построек от «классической» в нашем понимании кладки является использование раствора в качестве так называемого шовного наполнителя, а не в системе кладочного связующего. При исследовательских и реставрационных производственных работах было отмечено следующее: мягкий известковый материал устраивался на толщину 5–10 см от лицевой поверхности с двух сторон стены и при установке каменных блоков друг на друга заполнял пустоты, которые образовывались в лицевом шве из-за неровности нижних и верхних краев блоков (рис. 1, 5). Таким образом, он как бы выполнял функцию зачеканивающего материала по лицевым швам кладки.

Иногда для надежной опоры использовались подкладочные, плоские, осколки камней, посаженные также на раствор. Излишки раствора зачастую подминались в швы специальным инструментом. Нами была выявлена форма лопатки-мастихина с каплевидным плоским наконечником, оставившей следы на растворных швах кладки (рис. 1, 3). В свою очередь внутреннее пространство между лицевыми каменными блоками заполнялось мелким каменным боем, оставшимся, скорее всего, от подтески блоков. Внутри самой кладки раствор в качестве связующего не применялся. Пазухи заполнялись осколками (щебнем) от обработки камня (рис. 1, 4). Хозяйственные сооружения, в отличие от всех остальных, чаще возводились вообще без применения раствора или с зачеканкой пустот глиной (рис. 1, 6), тогда как остальные постройки сохранили не только шовный наполнитель в виде раствора, но и обмазку стен. Обмазка, в свою очередь, была как декоративной (наличники проемов), так и чисто функциональной. Наряду с обмазкой наружных стен (иногда с вводом пигмента – охры), некоторые хозяйственные и жилые постройки с внутренней стороны обмазывались подручным материалом – земля, навоз, солома, глина.

После ряда инструментальных исследований, в т. ч. инженерных, было обнаружено, что стены, выполненные из камня в технике «на сухую», обеспечивают хорошую сейсмостойкость сооружения. При данной технологии появляется возможность подвижки камней относительно друг друга в горизонтальной плоскости во время землетрясения. Таким образом, сооружения горцев, особенно высотные, не являются жесткими монолитными строениями. Кладка здесь стабильна за счет общей массивности и великолепного технического мастерства зодчих. Однако в случае подвижки, вызванной подземными толчками, тело башен гасит горизонтальные смещения возможностью свободного хода, и башни не разрушает эффект «хлыста». Свободно колеблясь без надлома конструкции, высокие

сооружения выдерживают резкие удары с постепенно затухающим колебанием до полной остановки движения конструкции.

В ходе исследований башен проводились и химико-технологические исследования их строительных растворов. Они, как правило, состоят из извести (вяжущего), доломитовой муки (многими технологами она принимается за гипс, однако в данном регионе в таких объемах гипс не встречается, доломит же разрабатывается по сей день), природного казеина (или другого клеевого составляющего, молочной сыворотки, например), сланцевой крошки – наполнителя. При этом в зависимости от пропорции составляющих его компонентов в рамках одной постройки может встречаться раствор как крепкий, наподобие камня, так и крайне слабый. «Кладочный» раствор в системе сухой кладки с фасадной и внутренней стороны имел свои особенности, связанные с технологией мастеров. Встречается, но реже, обработка инструментом при поддавливании раствора в кладку, как это было описано выше. Однако в большей части случаев раствор имеет обработку с двух сторон, схожую с «двухсторонней подсечкой», знакомой нам по кирпичным кладкам (рис. 1, 1). Данный способ обработки швов довольно часто встречается на участках ремонтных кладок, что может свидетельствовать о распространении этой технологии в поздний период (XVIII в. и вплоть до начала XX столетия).

Швы кладки изнутри сооружений также зачеканивались раствором, зачастую с использованием инструмента и выполнением двусторонней подрезки. При реставрации Мэлеринской боевой башни были отмечены вставленные в раствор между камнями длинные (до 12–15 см) стебли травы, выполнявшие функцию армирования шовного материала. Их использование было закономерно: армирование производилось по участкам зачеканки раствора в местах наибольших зазоров между камнями.

Есть и ряд других особенностей раствора в кладке, несущих, по всей вероятности, некоторый информационный аспект, значение которого нами не установлено. В ряде построек (жилые башни в селении Фолхан, Мецхал, Верхний и Нижний Лейми) встречены вмятые в лицевую плоскость шовного раствора точки и вертикальные засечки (рис. 1, 7, 8). Подобные элементы встречены на разных уровнях по стенам, имея разное количество обозначений (как точечных, так и наклонных линейных).

Такая система строительства, выработанная поколениями мастеров региона горной Ингушетии, обязует внимательнее отнестись к характеру разрушений башен и выбору способа их реставрации. В настоящий момент одно из основных мероприятий при консервации построек, особенно руинированных, состоит в инъектировании. Однако, учитывая технологию возведения данных сооружений, мы приходим к выводу, что в случае с сооружениями в два и более этажей любое сплочение кладки может быть губительно для всей постройки в случае сейсмической активности в регионе.

Таким образом, всякое вторжение в исходную аутентичную систему устройства башенного сооружения должно быть продумано и обосновано. Необходимо и дальше изучать творения зодчих древности, наблюдая за процессами природы и «поведением» сооружений в разных условиях. Нарботка обширной базы сведений по технологическим особенностям различных строений даст возможность систематизировать типы построек, установить временные и территориальные привязки и проследить «авторство» сооружений в связке с уже известными нам по дате и имени мастера башнями.

Е. А. Армарчук
Институт археологии РАН, г. Москва

СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ XI–XIV ВЕКОВ: ТРАДИЦИОННЫЕ ЧЕРТЫ И ПРИВНЕСЕННЫЕ «СТЕПНЫЕ» ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТУРЫ

Культура населения побережья Черного моря от Анапы до Геленджика X–XIV вв. археологически вырисовывается неоднородной. Среди памятников наиболее изучены **курганные могильники**, делящиеся на две группы: **биритуальные** XI–XIII вв. с кремационными и ингумационными погребениями под одной насыпью или под разными насыпями, но в одном могильнике, и **моноритуальные** с ингумационными погребениями XIII–XIV вв.

Биритуальные могильники характеризуются щебнисто-земляной насыпью с каменной обкладкой, оградкой, вымосткой или наброской. *Первый вид погребений* – кремационные XI–XIII вв. Сожжение совершалось на стороне, прах с вещами захоранивался в сосудах. Сопроводительный инвентарь: бытовые предметы, украшения и детали одежды, иногда – глиняные кувшины или стеклянные сосуды. От 30 до 40% этих погребений – воинские с оружием; две трети воинских – с захоронениями коней с упряжью. Оружие и доспехи укладывались возле урны или рядом с конем.

Второй вид – разнообразные ингумации XI–XIII вв., впущенные в курганы с кремациями, без сопровождающих конских. Принадлежат детям, реже – взрослым; ограниченно снабжаются вещами и в основном синхронны кремациям. В устройстве могил по-разному используется камень. Ориентировка – от восточной до юго-западной. В мужских погребениях присутствует какое-либо оружие при отсутствии упряжи; в женских – украшения и бытовые предметы; в детских – нож, кресало, подвески из раковин и единичные бусины.

Этим погребениям близки грунтовые ингумационные погребения в межкурганном пространстве (например, с каменным закладом и в каменном ящике, которые выявлены в Цемдолинском курганно-грунтовом могильнике).

Третий вид – немногочисленные ямные ингумации воинов XII–XIV вв. (часто с сопровождающим конским, т. н. кочевнические) в курганах с кремациями и без них, вкрапленных в могильники этой группы. Локализуются от Анапы до станицы Раевской. Ориентировка неустойчивая с преобладанием западной, в устройстве могил использован камень. Оружие и доспехи располагаются возле воина. Иногда содержат стеклянные или глиняные сосуды. Кроме упряжи дважды обнаружены остатки седел с орнаментированными обкладками. Из них выделяются погребения в дубовых колодах и дощатом гробу могильника у Раевской.

Четвертый вид – впускные ингумации в каменных ящиках XIII–XIV вв. (см. ниже).

Земляные и щебнисто-земляные **моноритуальные** курганы второй группы с ингумациями XIII – начала XV вв. с более крупными насыпями, часто имеют обкладку рваным камнем.

Первый вид погребений – в каменных ящиках с плоским перекрытием, размещенных на древнем горизонте или вкопанных в материк, без сопровождающих

конских и упряжи. Доминирует западная и южная их ориентировка. Мужчинам клали оружие, шлем и бытовые предметы; женщинам – украшения, копоушку, ногтечистку, зеркало, предметы рукоделия и обихода; детям – ножичек. Часто содержат золотоордынские монеты. Характерны неоднократные подзахоронения и наличие сосудов с питьем.

Второй вид – единичные захоронения воинов-лучников в каменных ящиках конца XIII – начала XIV вв., без сопровождающих конских. Отличаются деталями обряда и наличием показательных колчанов с орнаментированными накладками.

Курганы второй группы демонстрируют новые типы вещей и посуды и меньшее разнообразие погребений на исследуемой территории в золотоордынское время.

Грунтовые могильники изучены мало. Могильник у станции Гостагаевской включал погребения XIII–XV вв. в каменных ящиках и обложенных камнем грунтовых ямах. Некрополь в урочище Андреевская щель сочетал кремационные и ингумационные погребения X–XII вв.

Поселения X–XIII вв. копались мало, исследованные характеризует потревоженный вспашкой культурный слой. На поселениях Глебовское и Борисовка следы жилищ не обнаружались, но наличие обмазки турлучных построек говорит о специфическом домостроительстве, свойственном полукочевым и недавно перешедшим к оседлости народам. В противоположность этому на Гостагаевском поселении XI–XV вв. зафиксированы остатки каменных кладок строений и каменные цоколи стен. Это позволяет связать Гостагаевский комплекс памятников с местным компонентом населения.

В итоге культура Северо-Восточного Причерноморья X–XIV вв. выглядит пестрой, двойственной. **Традиционные ее черты:**

1 – обряд ингумаций в могилах с каменными конструкциями. В носителях этого обряда видят местный этнос – «зихов» письменных источников, фигурирующих с раннего средневековья.

2 – керамический комплекс. Ведущие формы круговой посуды (одноручные кувшины со сливом, кружки, кувшинчики, корчаги с внешним рифлением) и технология их изготовления продолжают прежнюю линию развития гончарства.

3 – торгово-экономические связи с Византией, ее малоазийской ойкуменой и Крымом, преимущественно через мореплавание. В X–XIII вв. в регион старыми путями поступал товар в пифосах из Крыма и амфорах из Трапезунда. В XIII–XIV вв. из Крыма и Византии стали привозить поливную посуду.

4 – сохранение кавказских, материковых связей. Об этом свидетельствует налаженный в XI–XII вв. ввоз армянской и грузинской стеклянной посуды; в XIII–XIV вв. меняются типы и поставщики этой посуды, она поставляется больше из Средиземноморья. Далее, аланское влияние, прослеженное в металлообработке и кузнечестве.

Явления «степного» происхождения:

1 – субкультура носителей кремационного погребального обряда X–XIII вв. Этому сообществу свойственна этническая замкнутость, главенствующая роль всадничества, дружинная воинская организация. Его материальную культуру отличает разнообразие оружия и упряжи развитых форм, характерное для кочевников Евразии и не свойственное местному населению.

Обряд трупосожжения массово появляется здесь и в Западном Закубанье в VIII в. и практикуется по XIII в. В его носителях видят «касогов» русских летописей (они же «кашаки» арабских источников), тюркоязычную либо угорскую группировку, переселенную сюда каганом для укрепления рубежей Хазарии.

2 – курганный обряд погребения. Время его появления здесь пока неясно, но в конце XI в. курганы уже существовали. Их распространение связано с приходом кочевнических группировок, которые пока не удастся определить.

3 – половецко-кипчакское присутствие доказывают ингумационные погребения с конем XII–XIII вв. и погребения воинов-лучников рубежа XIII–XIV вв. Их отличают седло и колчаны с орнаментированными костяными накладками и детали погребального обряда.

4 – отсутствие долговременных поселений с капитальным домостроительством. Специфика культуры носителей обряда трупосожжения намекает на их полукочевой образ жизни, что может объяснять отсутствие стационарных поселений с капитальными жилищами. Решение этого вопроса – дело будущего, требующее необходимых раскопок селищ.

С XIII в. в Северо-Восточном Причерноморье набирают силу новые явления, вызванные образованием и ростом Золотой Орды и включением данной территории в ее сферу. Дуальность или противоречия, о которых шла речь, сглаживаются, меняет свой облик материальная культура, население становится более однородным.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ В ДОЛИНЕ р. МОКРАЯ БУЙВОЛА НА СТАВРОПОЛЬЕ

В среднем течении р. Кумы среди ее левых притоков выделяется р. Мокрая Буйвола. Ее истоки расположены на Прикалаусских высотах Ставропольской возвышенности, в зоне лесостепи, в окрестностях с. Высоцкое Петровского района. На участке до с. Гофицкое Петровского района ее основной исток р. Малая Буйвола принимает ряд левых и правых притоков. Далее р. Мокрая Буйвола течет на восток, к излучине р. Кумы. Около г. Буденновска она образует в устье естественный лиман, озеро Буйвола. В этом месте возник золотоордынский город Маджар.

В источниках XVIII в. упоминаются прежние названия реки – Бибала, Бирума. В долине реки на всем ее протяжении известны средневековые погребальные памятники. М. В. Андреева исследовала в окрестностях с. Ореховка погребение средневекового кочевника (*Атавин*, 2008. С. 154).

В 1899 г. в с. Александрия (совр. Благодарненский район) крестьянами в ходе добычи камня из кургана было разрушено парное погребение с каменным надгробием, состоящим «из двух каменных обтесанных плит». Рядом с погребенными был обнаружен фрагмент керамического сосуда (*Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 1899 г. № 20. Л. 1*).

В 1989 г. В. Л. Державин исследовал половецкое погребение конца XI–XII в. в курганном могильнике Сухая Падина 1 в окрестностях г. Благодарный (*Державин, Чаидзе*, 2008. С. 100, 101. Рис. 1). В 1988 г. в окрестностях с. Спасское Благодарненского района на левом берегу реки было исследовано подкурганное позднекочевническое погребение (*Андреева, Новикова*, 2001. С. 12, 13. Рис. 5).

В 2012 г. в ходе раскопок курганного могильника «Буденновск-5» было исследовано несколько погребений половецкой и золотоордынской эпох (*Бабенко*, 2012). В 1997 г. в ходе раскопок курганного могильника «Буйвола-1» в кургане 2 было обнаружено 2 сфероконауса (*Березин*, 2006. С. 204–205. Рис. 1). В 2013 г. в погребении 8 кургана 7 курганного могильника «Буденновск-10» было обнаружено погребение с северной ориентировкой. Ряд признаков указывает на его датировку временем после XV в. (*Бабенко*, 2013).

На возможное наличие в долине Буйволы в золотоордынскую эпоху бытовых памятников указывают ряд архивных источников. Э. Д. Зиливинская опубликовала акварели М. М. Иванова с видами мавзолеев в долинах Кумы и Буйволы. Известный русский живописец застал в 1782 г. развалины крупного поселения к западу от Маджара выше по течению Буйволы. Об этом свидетельствует подпись к акварели: «Река Байвала вдали от Мажар» (*Зиливинская, Капарулина*, 2013. С. 94. Рис. 9). Руины мавзолеев показаны на фоне лесостепной растительности, которая могла произрастать ближе к истокам реки.

И. А. Гильденштедт приводит ценные сведения о маршруте из Царицына в Маджар через Ергени, долины правого притока р. Калаус р. Айгурки и долину Буйволы: «От Кок Айгир (долина Айгурки – В. Б.) 10-й день пути идет на Хан

Шокрак, т. е. Ханский колодец, покрытый большим камнем. На 11-й день достигают заблаговременно к полудню реки Бибала (Мокрая Буйвола – В. Б.) и расположенного у нее большого холма Хантибе и оттуда вдоль Бибала к вечеру достигают Маджара» (*Гильденштедт*, 2002. С. 305). В текст И.-А. Гильденштедта могут быть внесены небольшие уточнения, касающиеся этимологии ряда географических объектов: «Кок-Айгир» – «Синий жеребенок» и «Хан Шокрак» – «Ханский источник». Урочище Хан Шокрак может быть локализовано в окрестностях с. Спасское Благодарненского района. Здесь имеются источники пресной воды – балка Колодезная и упоминаемый А. И. Твалчрелидзе в 8 верстах северо-восточнее села т. н. «Пробитый» колодец (*Твалчрелидзе*, 1991. С. 452). Холм Хантибе нуждается в локализации. Сохранившееся до конца XVIII в. указание на связь долины Айгурки, урочища Хан Шокрак и холма Хантибе с некими «татарскими» ханами свидетельствует о возможной локализации маршрута перекочевок ханских ставок и прохождении торговых маршрутов на территории Центрального Предкавказья.

В. А. Кузнецовым была предложена локализация пункта Miçaha на месте «разоренного города Хаха, к югу от Маджара, как это показано на карте Кавказа Георга Трайтеля 1774 г. » (*Кузнецов*, 2002. С. 136). Но, судя по недавно опубликованной им карте, этот город располагался к западу от Маджара, в верховьях р. Мокрая Буйвола, на Прикалаусских высотах Ставропольской возвышенности, в окрестностях совр. с. Высоцкое, между истоком р. Малая Буйвола и ее правым притоком р. Козинка (*Кузнецов*, 2015. С. 119. Рис. 1).

Нельзя исключать тождественность этого «города» поселению с мавзолеями на акварели М. М. Иванова. Это могло быть крупное поселение, располагавшееся на пересечении древнего маршрута вдоль р. Калаус и маршрута, соединявшего Маджар с побережьем Черного моря. Отсюда можно было продвигаться как прямо на запад, через Янкульскую котловину в бассейн Кубани, так и на Ставропольские высоты и далее на запад. В любом случае, населенный пункт, расположенный на карте Г. Трайтеля, нуждается в более точной локализации.

Таким образом, архивные источники и археологические материалы свидетельствуют об освоении долины р. Мокрая Буйвола в половецкую эпоху, возникновении здесь поселений в золотоордынскую эпоху и проживании здесь кочевого населения в период запустения Маджара после XV в. Особое значение имеют опубликованные В. А. Кузнецовым и Э. Д. Зиливинской архивные материалы для поиска новых бытовых памятников. Вероятно, что округа Маджара располагалась не только в долине Кумы, но и по ее притокам. На пахотных полях к западу от Буденновска часто встречаются фрагменты золотоордынской керамики. Возможно, это остатки распаханых поселений.

Литература

- Андреева М. В., Новикова Л. А., 2001. Курганы у села Спасского Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II: Археология, антропология, палеоклиматология. М.
- Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 1899 г. № 20. Л. 1.
- Атавин А. Г., 2008. Погребения и святилища средневековых кочевников междуречья Волги и Дона // Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина. М.

- Бабенко В. А.*, 2012. Отчет о раскопках курганного могильника «Буденновск-5» на территории Буденновского района Ставропольского края в 2012 году (Открытый лист № 1015, форма № 4) // Архив ИА РАН. Р-1.
- Бабенко В. А.*, 2013. Отчет о раскопках на территории Буденновского района Ставропольского края в 2013 году (Открытый лист № 1641) // Архив ИА РАН. Р-1.
- Березин С. Я.*, 2006. Два новых сфероконаса с территории Ставрополя // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 6. Армавир.
- Гильденштедт И. А.*, 2002. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб.
- Державин В. Л., Чхаидзе В. Н.*, 2008. Средневековое кочевническое погребение из курганного могильника Сухая Падина I в Ставропольском крае // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 9. Армавир.
- Зилевинская Э. Д., Капарулина О. А.*, 2013. Неизвестные рисунки маджарских мавзолеев из фондов Государственного Русского музея // Очерки средневековой археологии Кавказа: к 85-летию со дня рождения В. А. Кузнецова. М.
- Кузнецов В. А.*, 2002. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ.
- Кузнецов В. А.*, 2015. Верхний Джулат. Нальчик.
- Твалчрелидзе А. И.*, 1991. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Репринт издания 1897 г. Ставрополь.

М. А. Бакушев
ООО «Археологическое общество Кубани», г. Ростов-на-Дону

А. С. Леонтьева
Институт археологии РАН, г. Москва

ПОГРЕБЕНИЯ В ДРОМОСАХ КАТАКОМБ ЗМЕЙСКОГО КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА

В 2013–2014 гг. в ходе работ на Змейском катакомбном могильнике в Северной Осетии было исследовано 117 катакомб и 654 грунтовые могилы X–XIII вв. н. э. При этом был зафиксирован погребальный обряд, ранее не встречавшийся на могильнике. Речь идет о погребениях в дромосах катакомб. Всего было исследовано 76 подобных погребений в 26 катакомбах и 9 дромосах без камер.

Рассматриваемые погребения были разделены на 4 типа: 1 – погребения в заполнении или в полу дромосов катакомб с камерами, 2 – погребения в заполнении или в полу дромосов катакомб без камер, 3 – подбойные погребения в дромосах катакомб с камерами, 4 – подбойные погребения в дромосах катакомб без камер.

Двенадцать погребений 1 типа содержали 14 костяков, 8 из них найдены в заполнении дромосов. Погребенные в заполнении были положены по длинной оси катакомб на расстоянии 0,3–4,28 м от входа в камеру катакомбы. Они находились в заполнении на высоте от 0,13 до 2,07 м от нижней точки дромоса. Один костяк располагался на 3 плитах из песчаника, уложенных на заполнение, 6 погребений располагались в полу дромоса в прямоугольных неглубоких выемках длиной от 1,46 до 2,29 м, шириной от 0,27 до 0,62 м, глубиной от уровня пола от 0,16 до 0,33 м. Погребения содержат 14 скелетов, уложенных вытянуто на спине головой в южный сектор (определены 2 мужчин 45–55 лет, 3 женщины 35–45 лет, 3 женщины 20–35 лет, 45–55 лет и старше 55 лет, 2 детей в возрасте 1–7 лет, 1 подросток, 1 новорожденный и 1 плод; здесь и далее определения С. Ю. Фризена). Некоторые скелеты были потревожены. В 5 погребениях зафиксированы бусы, серебряные височные витые кольца из проволоки, бронзовые серьга, полушарные накладки, пуговица и подвеска, серебряная подвеска, железный крест и кувшин.

Погребения 2 типа совершены на расстоянии от 0,2 до 1,37 м от торцевой стенки дромоса. В 4 случаях из 5 они были в полу дромоса. Ямы ориентированы по длинным осям дромосов и имеют размеры: длина – от 1,65 до 2,2 м, ширина – от 0,32 до 0,44 м, глубина – от 0,21 до 0,3 м. Одно погребение было устроено в заполнении дромоса на высоте 0,24 м от нижней точки дромоса. Погребения содержат 6 скелетов, уложенных вытянуто с ориентировкой в южный сектор (определены 2 мужчин 35–45 лет и 45–55 лет, 2 женщины 45–55 лет и старше 55 лет, 1 ребенок 1–7 лет и 1 взрослая женщина). В 3 погребениях из 6 выявлен погребальный инвентарь. Это бронзовая и серебряная серьги, железный нож, кувшин и серебряные подвески.

Погребения 3 типа зафиксированы в 25 случаях в восточной стенке дромоса и в 22 случаях в западной стенке. Погребения сооружались в 0–4,2 м от входа в камеру, на высоте от 0,01 до 2,58 м от наиболее глубокой точки дромоса.

Размеры подбоя: длина – от 0,56 до 2 м; ширина – от 0,15 до 0,6 м; высота свода – от 0,1 до 0,45 м. Некоторые подбои имеют порог или уступ, таким образом, дно подбоя располагается выше или ниже пола дромоса. В 3 случаях в дромосах катакомб на краю могил выявлены камни, возможно, опознавательные знаки. В 2 случаях в полу дромоса зафиксированы небольшие углубления прямоугольной формы, вероятно, от кольев, с помощью которых могла фиксироваться закладная деревянная конструкция для подбоя. В подбоях дромосов катакомб похоронено 58 чел. (определены 2 мужчин 35–45 лет, 3 мужчин 45–55 лет, 1 мужчина старше 55 лет; 3 женщины 35–45 лет, 1 женщина 45–55 лет, 1 женщина старше 55 лет, 1 плод, 14 новорожденных, 22 ребенка 1–7 лет и 5 детей 7–12 лет, 2 подростка 13–15 лет). Погребенные были уложены вытянуто на спине головой на юг. Тринадцать скелетов находятся в перемещенном состоянии. Погребальный инвентарь найден в 22 погребениях. Это бусы, бронзовые проволочные серьги, бронзовые или серебряные проволочные височные кольца, серебряные подвески, бронзовые пуговицы, 9 кувшинов и 8 горшков, кашинные подвески, пастовые пуговицы с резным краем, бронзовые серьга с полым шариком, шпилька, кольцо, полушарные накладки, железные кольца, нож, костяная проколка, стеклянный стакан.

Погребения 4 типа сооружались в 0–1,83 м от южной торцевой стенки, на высоте от 0,83 до 0,9 м. Размеры подбоя: длина – от 0,89 до 2,1 м, ширина – от 0,33 до 0,67 м, высота свода – от 0,15 до 0,5 м. Этот тип подбоев также имеет уступы или пороги, в результате чего дно подбоя в некоторых случаях находится выше или ниже дна дромоса. В одном случае на краю подбоя был найден камень, возможно, опознавательный знак. В подбоях этого типа были найдены кости 13 чел. (определены 2 мужчин старше 55 лет, мужчина 45–55 лет, женщина 20–35 лет, 2 женщины старше 55 лет, 1 женщина 45–55 лет, 3 детей 1–7 лет, 2 детей 7–12 лет и 1 плод). Погребенные были уложены вытянуто на спине головой в южный сектор. Кости 2 чел. были найдены в скоплении. В 6 погребениях обнаружен погребальный инвентарь: бронзовые или серебряные серьги, бронзовые или серебряные пуговицы и подвески, бусы, 2 горшка и водолей, фрагменты стекла и, возможно, гвоздя.

Статистическая обработка значений высот расположения подбойных погребений в катакомбах Змейского могильника показала, что детей до 7 лет хоронили выше (среднее значение – 1,3 м от пола дромоса), чем детей 7–12 лет (1,08 м) и взрослых (0,66 м). Также можно утверждать, что высота подбоя не предполагает наличие гроба. Выявлено, что кувшины в подбойных погребениях встречаются у новорожденных в 22%, а у детей – в 78% случаев. Горшки у новорожденных выявлены в 25%, а у детей 1–7 лет – в 75% случаев. У детей от 7 лет и старше керамическая посуда не обнаружена. Вероятно, данная категория инвентаря позволяет зафиксировать возраст прохождения обряда инициации в аланском обществе. При этом у погребенных, начиная с возраста 7–12 лет, появляется угольная подстилка, что может быть косвенным подтверждением данной версии.

Аналогии описанному обряду известны на нескольких катакомбных могильниках. Наиболее ранние аналоги погребений в дромосах на могильнике Клиньярь III датируются концом II–IV вв. н. э. Погребения совершены в западных стенках дромосов. Вход в подбой закрыт плитами и диким камнем. Скелеты лежат

вытянуто, ориентированные головой к входу в камеру. Относящиеся к концу эпохи раннего средневековья подобные погребения имеются и на Верхне-Салтовском могильнике (ВСМ)-II (дромос кат. 21), на ВСМ-1, кат. 6 и 67, ВСМ-III, кат. 24, ВСМ-IV, № 58, 59, 64, 120, 124. Подбой устроены как в левой, так и в правой стенках дромосов с камерами на уровне пола, а также в дромосах без камер. В подбоях похоронены дети, в основном 4–10–12 лет. Часть погребений содержала инвентарь – керамическую посуду и украшения. В дромосе катакомбы 27 катакомбного могильника Кольцо-Гора X–XII вв. зафиксированы остатки деревянного гроба. Дромос катакомбы 5 Римгорского могильника содержал погребение, заглубленное в пол дромоса. Покойный лежал вытянуто на спине головой к входу в камеру.

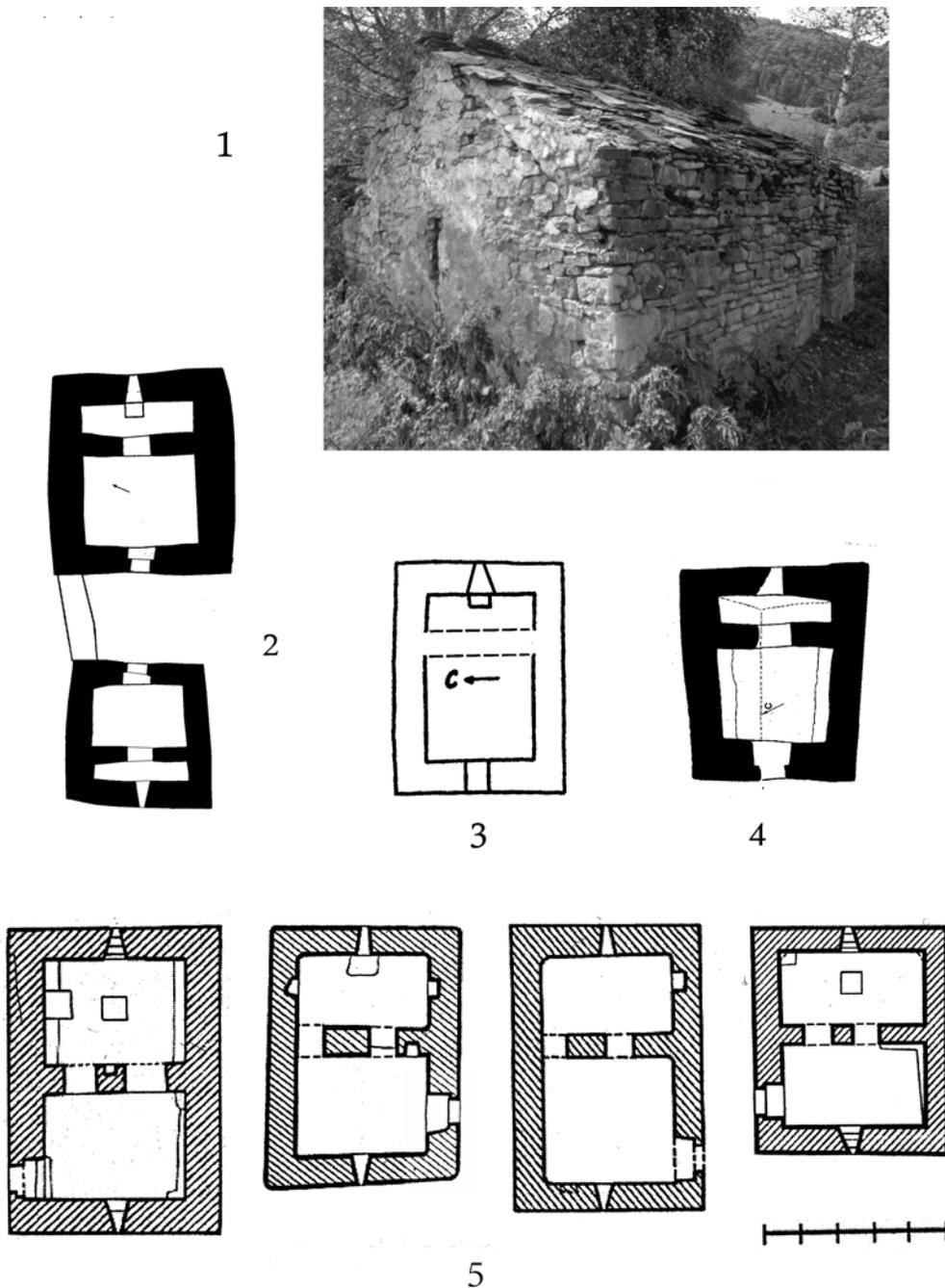
Исследователи связывают погребения в дромосах на ВСМ с зависимым населением (В. С. Аксенов, М. В. Хоружая) или «... со специфическим характером смерти ребенка...». Более многочисленные материалы Змейского могильника показывают, что подобным образом погребались представители всех половозрастных групп с инвентарем, аналогичным инвентарю в камерах катакомб, что позволяет подвергнуть сомнению устоявшиеся версии. Факт нахождения на этой же территории обширного грунтового синхронного могильника, на котором захоронение зависимого населения было бы более вероятным (на что указывал В. А. Кузнецов), несомненно, требует более детального исследования этого явления и разработки новых гипотез.

Д. В. Белецкий
Независимый исследователь, г. Москва

ХРАМЫ «ДИГОРСКОЙ» ГРУППЫ И ИХ МТИУЛЬСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Три памятника, находящиеся в горной Дигории: комплекс Авд-дзуар в Галиате, церковь в селении Фараската и Сатайи-Обау на могильнике Донифарс-Лезгор, составляют особую группу осетинских храмов-святилищ (напр.: *Миллер*, 1882. С. 259; *Кузнецов*, 1977. С. 151–155, 195–196; *Тменов*, 1996. С. 164–167, 169–170, 416–418; *Белецкий*, 2011. С. 29–36; 40–42 и далее; он же, 2008. С. 46–48; он же, 2010. С. 79–83). Принадлежность их к христианству горского «этнизированного» толка очевидна. Это четырехугольные в плане постройки со сравнительно редким для «сакральных» сооружений Осетии ложносводчатым перекрытием, причем храмы в Галиате и Фараската внешне выглядят как издревле распространенные в Закавказье однефные «зальные» церкви. Вместе с тем, некоторые формы «дзуаров» данной группы (например, невысокие проемы-лазы в Галиате и Сатайи-Обау, напоминающие лазы в склепах), без сомнения, связаны с северокавказской (прежде всего, осетино-вайнахской) архитектурно-этнографической традицией. Для нашей темы важно, что указанные строения обладают особенностью, не имеющей аналогов в Осетии: их «наос» и алтарное пространство на всю высоту интерьера разделены простенком со стрельчатым проемом. При этом «алтарная преграда» близка по толщине несущим стенам, хотя не имеет самостоятельного конструктивного значения. Благодаря археологическим исследованиям, удалось установить, что церковь-усыпальница Сатайи-Обау сооружена во второй половине XV века. К тому же периоду, по всей видимости, следует относить Авд-дзуар и церковь в Фараската с их абсолютно идентичной внутренней структурой.

Очевидно, что постройки «дигорской» группы не являются сугубо локальным архитектурным и этнографическим явлением. Но если искать аналогии их необычной организации интерьеров, сочетающейся с «варварскими» строительными приемами, то в пограничных с бассейном Ирафа районах ничего схожего мы не находим. Поиск параллелей приводит нас в Мтиулетию, которая, вместе с историческими грузинскими землями от верховий Терека до горной Рачи с послемонгольского времени в течение нескольких столетий являлась контактной зоной для грузинского, осетинского и вайнахского населения. Здесь, в ущелье реки Арагви, в селениях Квемо и Земо Млета, Арахвети и Чохелни сохранились четыре храма (*Description of the Monuments...*, 2008. P. 217; 253; 324; 342), имеющих схожие черты с описанными памятниками горной Дигории. Это небольшие ложносводчатые зальные церкви с нередко встречающейся в грузинском зодчестве прямоугольной бесконховой алтарной частью. Важно, что в этих церквях алтарь отгорожен от пространства для молящихся не традиционной для Грузии невысокой и тонкой преградой, а простенком, упирающимся в свод перекрытия. Единственная параллель этому – постройки «дигорской» группы с подобным разделяющим интерьер простенком и ложносводчатым перекрытием. Найденная аналогия, кажется, подкрепляется и на уровне технологических приемов:

Рис. 1. 1 – Чохелни; 2 – комплекс Авд-дзуар (обмер Белецкого Д. В.); 3 – церковь в Фараската (по Кузнецов В. А., Тменов В. Х.); 4 – Сатайи-Обау (обмер Белецкого Д. В.); 5 – планы Арахвети, Земо и Квемо Млета и Чохелни

так, у всех упомянутых храмов – и дигорских, и мтиульских, кладка этой «алтарной преграды», несомненно, единовременной со всем объемом, не перевязана со стенами и сводом.

Указанные памятники Мтиулетии в литературе датируются условным позднесредневековым временем, однако можно допустить, что они близки по времени описанным «дзуарам», или же сооружены незначительно раньше их. Впрочем, до проведения серьёзных комплексных обследований, это остаётся

умозрительной версией. В любом случае, связь двух групп церковных сооружений ущелий Арагви и Ирафа представляется очевидной: несмотря на то, что их сходство не абсолютное, оно выражено в очень характерных и важных элементах.

Этнографические аналогии, подтверждающие отмеченные выше архитектурные параллели, проследить сложнее – данные о средневековой Дигории и, в частности, о ритуалах в храмах «дигорской» группы крайне ограничены. Чуть ли не единственный обряд, зафиксированный в указанных памятниках – устраивавшееся в «Авд-дзуаре» вызывание дождя во время засухи (Миллер, 1882. С. 259), что вполне вписывается в неоднократно отмеченное в этой части ущелья особое почитание «громовика» Ильи Пророка – Уациллы, распространенное вообще по всему Кавказу (см. напр.: Белецкий, 2011. С. 36, 43, 58–59). Традиционно первую часть в названии Авд-дзуара переводят как «семь» (от осетинского числительного), из чего даже возникла версия о связи святилища со скифским семибожием. Но северокавказские ученые почти не учитывают тот факт, что культы, включающие вызывание дождя, были чрезвычайно распространены и на территории Грузии, причем в подавляющем числе примеров это увязывалось именно с почитанием пророка Ильи. В большинстве случаев в народе такие обряды именуются «молением об *авдари*». Термин «*авдари*», использующийся по сей день в живом языке, четко этимологизируется из грузинских слов «ав» – «злой, плохой» и «дари» – «погода»¹. Широко распространены были как специально построенные святилища «дар-*авдарт* салоцави» (дословно – «святилище погоды-непогоды»), так и отдельные ритуалы «авдари» в храмах (напр. в Пшави и Хевсурети: *Очиаури*, 1991. С. 198; Он же, 1988. С. 57–58). Яркий пример тому – знаменитая церковь Троицы в Хеви («Гергетис Самеба»), в которой хранилась «авдрис хати» (или «саавдро» – «для плохой погоды»; «хати» – «икона»), выносившаяся в засуху и с молитвой о дожде обмывавшаяся в источнике (*Макалатиа*, 1934. С. 222–231). Различные обряды по вызыванию «авдари» известны и в соседнем ущелье реки Арагви (*Макалатиа*, 1930. С. 37). Это, в частности, вынос чтимой иконы в храме св. Георгия Ломисского, являющемся важнейшим святилищем в том районе, где расположены описанные выше мтиульские памятники (*Kiknadze*, 2009. Р. 255). Важно отметить, что «Хевская Троица» и храм Ломиса издревле почитаются как грузинским, так и осетинским населением Мтиулетии, Ксани, Хеви и Трусо (ср.: *Белецкий*, 2011. С. 45–53). Представляется, что грузинские параллели дают все основания для альтернативной трактовки названия (как и функции) дигорского Авд-дзуара.

Итак, перед нами очередное свидетельство постоянного взаимовлияния и обмена опытом между соседними народами Кавказа, жившими в рамках единого культурного пространства, существовавшего, зачастую, без четких этнических границ. Надо отметить также, что Мтиулетия связана с Дигорией несложными перевальными путями – через Трусо, Двалетию, Касары и Уалладжир можно попасть к Уаллагкому, где расположен Галиат. Однако до конца механизм возникновения в разных областях Кавказа двух групп памятников со сходными чертами не совсем ясен – ответ на этот вопрос может быть получен при дальнейших исследованиях.

---

¹ Ср. с западногрузинским культом «Айтар» (см. напр.: *Джанашия*, 1916. С. 80–81).

Литература

- Белецкий Д. В.* 2008. Сатайи-Обау и северокавказские родовые храмы // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ.
- Белецкий Д. В.* 2010. Сатайи-Обау. К вопросу о датировке позднесредневековых «горских» построек // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси,
- Белецкий Д. В.* 2011. Материалы к изучению позднесредневекового зодчества Северного Кавказа // Историко-филологический архив. Вып. 7. Владикавказ.
- Джанашия Н.* 1916. Религиозные верования абхазов // Христианский Восток. Т. IV. Вып. 1. Петроград.
- Кузнецов В. А.* 1977. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе.
- Макалатиа С.* 1930. Мтиулети. Тбилиси (на груз. яз.).
- Макалатиа С.* 1934. Хеви. Тбилиси (на груз. яз.).
- Миллер В.* 1882. Осетинские этюды. Ч. 2 / Ученые записки императорского Московского университета. Отдел историко-филологический. Вып. II. М.
- Очиаури А. А.* 1988. Календарь грузинских народных праздников (Хевсурети). Тбилиси (на груз. яз.).
- Очиаури А. А.* 1991. Грузинские народные праздники в нагорной части восточной Грузии (Пшави). Тбилиси (на груз. яз.).
- Тменов В. Х.* 1996. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ.
- Description of the Monuments of Georgian History and Culture.* 2008. Book 2. Tbilisi (in Georgian).
- Kiknadze Z.* 2009. Andrezi (The Religious-mythological Oral Traditions of the Highland of Eastern Georgia). Tbilisi (in Georgian).

С. Г. Боцаров, Ю. Д. Обухов, А. Г. Ситдиков
Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук
Республики Татарстан, г. Казань

**ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ГОРОД МАДЖАР
В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ЕВРАЗИИ.
ПО МАТЕРИАЛАМ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ (2015 – 2017 гг.)**

В 2015–2017 гг. совместной археологической экспедицией «Каффа» Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан и Института археологии Крыма РАН, при содействии Краеведческого музея села Прасковья в рамках работ по выполнению государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2019 годы)» проводились археологические исследования Маджарского городища периода Золотой Орды.

Городище Маджары стоит на государственном учёте, как памятник археологии федерального значения. Занимает площадь около 110 га, современное русло реки Кума делит его на две неравные части. Меньшая левобережная часть находится под застройкой юго-восточной окраины города Будённовск (Ставропольский край). Бóльшая правобережная часть занимает земли сельскохозяйственного назначения муниципальных образований сёл Покойное и Прасковья (Обухов, 2014. С. 416).

Исследования 2015 г. велись на раскопе XI (по общей нумерации раскопок на городище) и шурфе I; в 2016 г. изучался раскоп XII и шурф II; в 2017 г были завершены работы на раскопе XII и проведены земляные работы на раскопе XIII.

Этими зондажами было начато изучение центральной и северной частей части средневековой городской территории золотоордынского города Маджара. Археологические исследования проводились с целью выяснения стратиграфической ситуации в центральной части средневекового городища и поисков следов монументальных зданий. Возможность нахождения на Маджарском городище следов средневековых кирпичных и каменных построек отрицалась предыдущими исследователями (Зилвинская, 2000. С. 46) и имеет крайне важное значение для археологического изучения города Маджары.

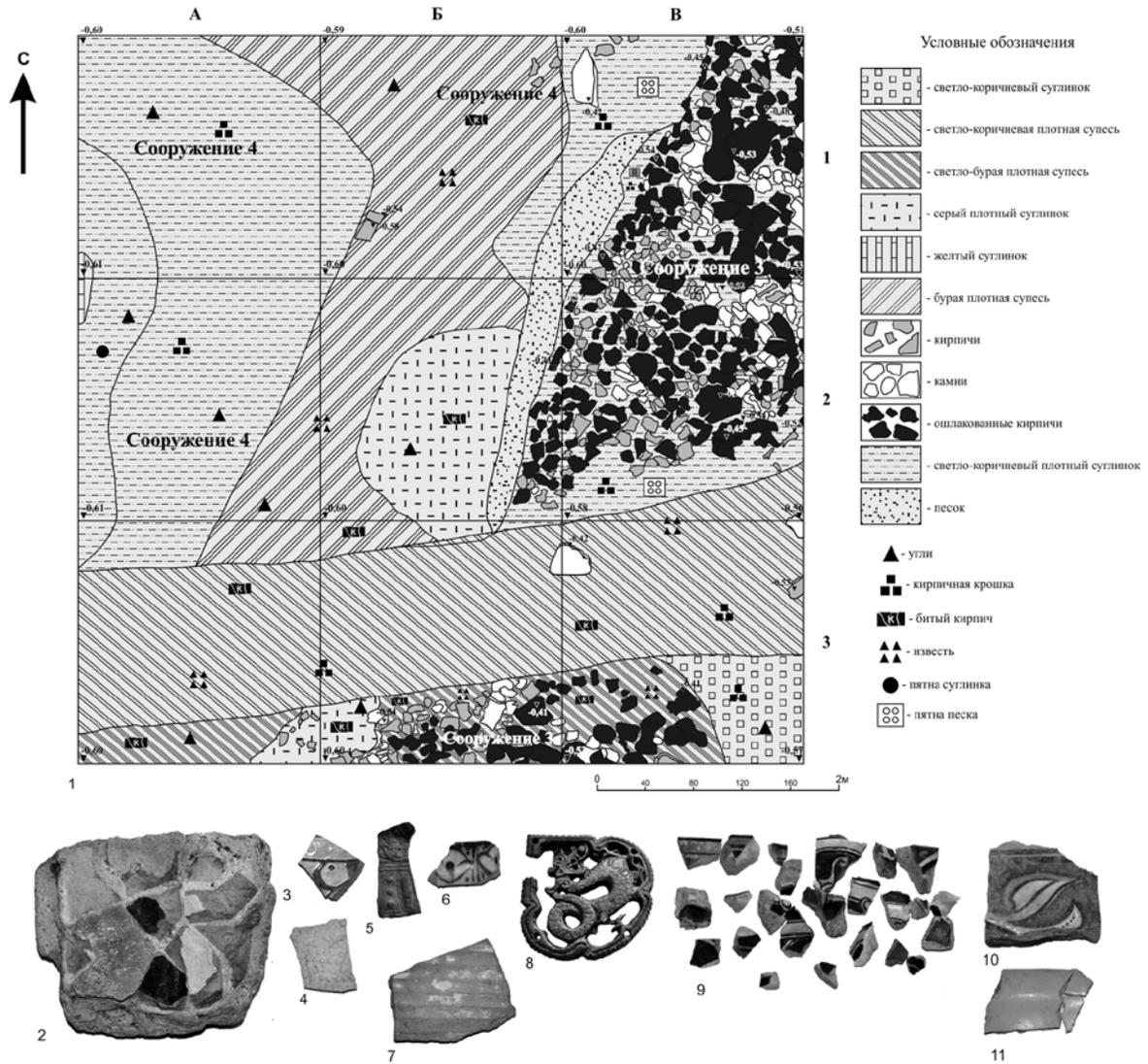
Раскоп XI (общая площадь 36 кв. м.) и шурф I (4 кв. м.) находились в центральной части городской территории на одном обрабатываемом поле в 676 м. восточнее поймы реки Кумы. Работы 2016 г. на раскопе XII (общая площадь 36 кв. м.) и шурфе II (4 кв. м.) позволили существенно дополнить имеющиеся данные по стратиграфической картине восточного участка центральной части средневекового Маджарского городища. С целью выяснения ситуации в северной его части был заложен раскоп XIII (48 кв. м). Археологические работы на изучаемых участках средневековой городской территории ранее не производились.

Места для раскопок были выбраны не случайно. На месте раскопа XI, в сельскохозяйственной распашке, фиксировалось большое количество глазурованных изразцов. Шурф I был заложен на южном склоне искусственного оросительного канала, в месте, где в борту канала хорошо видны были остатки деструктированной кирпичной кладки (Валиев, 2015. Л. 3). Раскопы XII, XIII и шурф II были заложены после комплекса предварительных исследований, выполненных геофизическими методами в местах выявления наиболее ярких аномалий.

В процессе археологических работ на раскопе XI общей площадью 36 кв. м частично изучены 11 объектов золотоордынского периода разного времени и назначения – 5 построек, 4 хозяйственные ямы и 2 столбовые. Суммарная мощность культурного слоя составляет 1,04–1,20 м. Установлено, что жилая застройка этого участка средневековой городской территории начинается в 10–30 гг. XIV в., в годы правления хана Узбека. В 40–50 гг. XIV в. происходит перепланировка исследуемого участка. На месте ранних сооружений возводят крупную кирпичную постройку, украшенную глазурованными изразцами (предположительно, мавзолей). Монументальная кирпичная постройка, украшенная изразцами, разрушается в период 60–80 гг. XIV в. и полностью разбирается на камень в Новое время. В результате археологических исследований была собрана коллекция индивидуальных находок (305 предметов) и массового материала, относящихся к хронологическому диапазону от 10 до 80 гг. XIV в., и включающая в себя предметы из железа и меди, монеты, фрагменты глазурованной и неполивной посуды, железные шлаки (*Бочаров, Ситдиков, 2016. С. 192–197*).

Работами на раскопе XII и шурфе 2 было установлено, что жилая застройка на исследуемом участке средневековой городской территории появляется в 10-е гг. XIV в., в годы правления хана Узбека. Зачищен участок средневековой городской улицы, вымощенной битым и бракованным кирпичом, и часть кирпичной стены жилой усадьбы. Датировать верхний горизонт улицы можно 50-ми гг. XIV в. – годами правления хана Джанибека. Так же выявлен новый (ранее в Маджарах не известный) культурный слой, датируемый временем правления хана Тохтамышша (1380–1395 гг.), с остатками монументального здания, украшенного полихромными изразцами и связанного с чугунолитейным и бронзолитейным производствами. Мощность культурных напластований, с учётом впущенных в материк сооружений, достигала от 1,7 до 2,69 м. Получена коллекция из 233 индивидуальных находок. Из них 60 медных монет. 17 медных предметов. 3 свинцовые пломбы. Самая многочисленная категория – керамика (149 фр.), 39 глазурованных изразцов, 40 поливных сосудов, 21 фрагмент кашинных сосудов, 20 фрагментов импортных амфор, пифосов, штампованных сосудов.

Раскоп XIII в плане прямоугольной формы, мощность культурных напластований, с учётом впущенных в материк сооружений, достигала 1,9 м. В ходе исследования были обнаружены: кирпичная вымостка, повреждённая современной распашкой, траншея (неясного назначения). В ходе исследований на раскопе XIII была зафиксирована стратиграфическая ситуация, соотносимая с двумя хронологическими периодами. I слой – втор. пол. XX – нач. XXI в связан с сельскохозяйственным освоением и механической распашкой этого участка, содержал большое количество средневековых артефактов. II слой – период 70–е годы XIII в. – 20-е гг. XIV в. связан с появлением археологических культурных напластований на Маджарском городище. На данном участке собрано 139 индивидуальных находок. Из них 38 медных монет. Помимо них, 8 медных предметов. 3 свинцовые пломбы. Самая многочисленная категория – керамика (79 фр.), преимущественно импортная, среди которой преобладают фрагменты амфор группы «Трапезунд» (49 шт.). Следующая по количеству – нижеволжская керамика (8 фрагментов, из них 6 – кашин). Также найдены фрагменты поливных сосудов из Юго-Восточного Крыма (3 шт.) и 2 фрагмента, предположительно, византийских сосудов. Керамика маджарского производства представлена (помимо массовой неполивной) 3 фрагментами поливных сосудов и 4 фрагментами глазурованных изразцов.

Рис. 1. Маджарское городище. Раскоп XII – 2016 год. 1 – план раскопа на 6 пласте с участком городской мощёной улицы. Находки: 2 – изразец (Нижняя Волга); 3 – фрагмент поливного сосуда (Юго-Восточный Крым); 4 – стенка штампованного сосуда (Юго-Восточный Крым); 5 – стенка штампованного сосуда (Хорезм); 6 – фрагмент кашинного сосуда (Юго-Восточный Крым); 7 – фрагмент амфоры группы «Трапезунд» (Византия), 8 – костяная накладка (Нижняя Волга?); 9 – фрагменты кашинного изразца (Нижняя Волга или Хорезм?); 10 – кашинный изразец (Нижняя Волга или Хорезм?); 11 – фрагмент кашинного сосуда, псевдоселадон (Нижняя Волга)

Начатые в 2015 г. экспедицией «Каффа» археологические исследования золотоордынского города Маджар даже на небольшой площади показали широкое разнообразие археологических находок и высокую интенсивность наполнения ими культурного слоя городища. В ходе работ были найдены импортные красноглиняные и поливные сосуды китайского, среднеазиатского, византийского, крымского, русского и иранского производства, которые наглядно иллюстрируют культурные и торговые связи города Маджар в Средние века и отмечают его ключевое географическое положение на пересечении путей из Китая и Средней Азии в Причерноморье и из столичного золотоордынского Поволжья в Закавказье и Византию.

Д. Э. Василенко
НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар
Д. С. Кравченко
Институт археологии РАН, г. Москва

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРОГРАММНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ЗРИТЕЛЬНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ РАЙОНА ПСЕАШХИНСКОГО ПЕРЕВАЛЬНОГО ПУТИ

Псеашхинский перевальный путь – один из основных транскавказских торговых и скотопрогонных путей, действовавших в Средние века, – был выделен Ю. Н. Вороновым.

Согласно его выводам, путь начинался в районе современной Хосты, затем шел вблизи Воронцовской пещеры, откуда, обойдя с запада теснину Ахцу, спускался в Красную Поляну, достигал Пслуха и оттуда поднимался к перевалу. Фортификационные сооружения, расположенные вблизи пути, были объединены им в единую серию по характерным строительным приемам и сопровождающему археологическому материалу. Время функционирования всей системы было определено Ю. Н. Вороновым в пределах второй половины VI–VIII вв., с возможным продлением этой даты до IX–X вв. (Воронов, 2006. С. 189).

За последнее десятилетие были уточнены данные о количестве и мощности крепостей, фланкирующих этот путь, и времени их функционирования (Василенко, 2016. С. 16–17).

Программное моделирование зон видимости памятников археологии эпохи средневековья в районе Псеашхинского перевального пути было проведено с целью определения возможности существования здесь единой сигнальной системы оповещения и контроля.

Для моделирования было выбрано 22 объекта, на 10 из которых ранее были проведены полномасштабные археологические исследования.

Территориально объекты расположены в 6 микрорайонах (табл. 1).

Моделирование зон видимости осуществлялось с помощью стандартных инструментов геоинформационной программы Global Mapper 17. Общий анализ расположения памятников и их зон видимости производился в ГИС открытого доступа QGIS. Модуль анализа видимости с заданной точки использует трехмерную матрицу высот, полученную по данным ASTER GDEM.

Результаты моделирования приводятся в соответствующей таблице зон видимости и зрительной взаимосвязи (табл. 1). Расстояния даны в километрах. Для визуализации таблицы построено два графа (рис. 1, 1, 2).

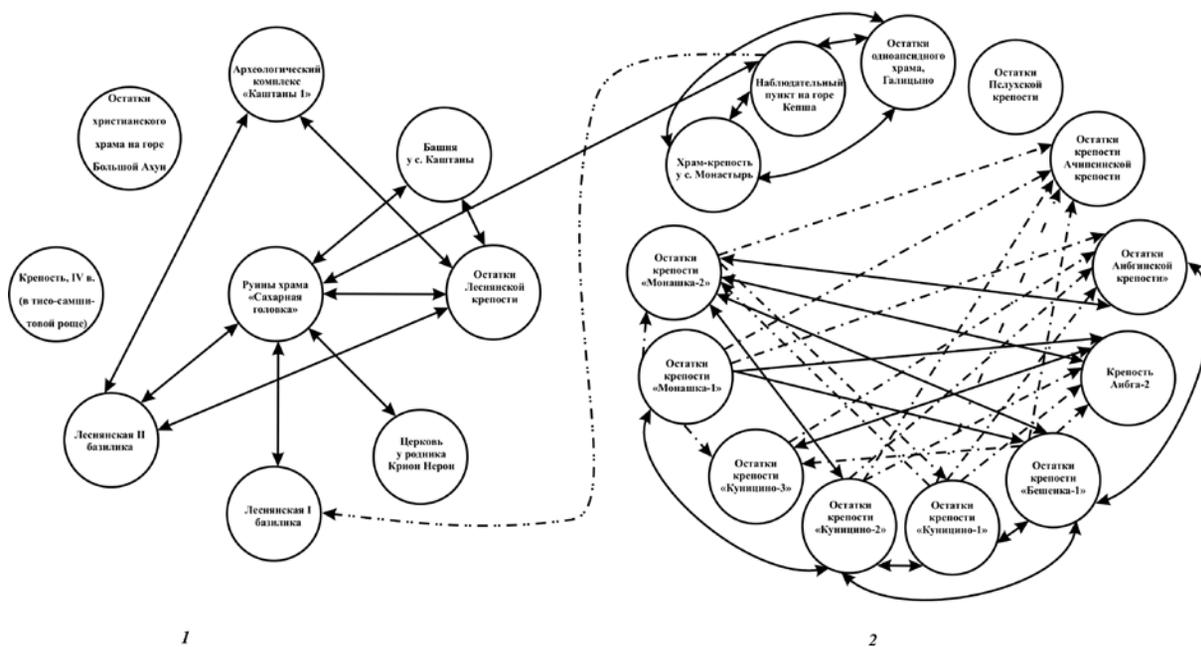
Максимальный радиус видимости ограничен 10 км. Подобный предел дальности имеет экспериментальное подтверждение (Коробов, 2006).

Выводы, сообщаемые далее, носят предварительный характер.

1. Памятники междуречья рек Хосты и Агуа (табл. 1, 7, 8) (крепость в тисо-самшитовой роще и остатки христианского храма на г. Большой Ахун), не имеющие четко установленных датировок (Хабибуллин, 2010. С. 44; Виноградов, Белецкий,

Таблица 1.
Зоны видимости и зрительная взаимосвязь памятников района Песашинского перевального пути

№ п.п.	Название памятника	Название памятника																						
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	
1	Археологический комплекс «Каштаны I»			6		7,8																		
2	Башня у с. Каштаны			5,8		7,9																		
3	Остатки Леснянской крепости	6	5,8			2,2		5																
4	Церковь у родника Крион Нерон							6																
5	Леснянская I базилика							4,3																
6	Леснянская II базилика	7,8																						
7	Крепость в тисо-самшитовой роще																							
8	Остатки христианского храма на г. Большой Ахун																							
9	Руины храма «Сахарная головка»		4,6	5	6	4,3	8,2																	
10	Наблюдательный пункт на г. Кешша					6,6				10,1	7,3	2,5	7,8											
11	Остатки одноапсидного храма, Галицыно									10,1	7,3	4,8												
12	Храм-крепость у с. Монастырь																							
13	Остатки Пелухской крепости																							
14	Остатки Анципнской крепости																							
15	Остатки Аибгинской крепости																							
16	Крепость Аибга-2																							
17	Остатки крепости «Бешенка-1»																0,9	3	1,5	2	3	1,7	2,7	
18	Остатки крепости «Куничино-1»																0,9	4	2,3	2,6	3,4	2,7	3	
19	Остатки крепости «Куничино-2»																6,7	3	4	2,5	3	4	1,3	1,2
20	Остатки крепости «Куничино-3»																9	1,5	2,3	2,5	0,5			1,4
21	Остатки крепости «Монашка-1»																9,6	2	2,6	3	0,5			2
22	Остатки крепости «Монашка-2»																7,5	1,7	2,7	1,3	1,5	2		
																	7,7	2	3	1,2	1,4	1,8		

Рис. 1. Графы зон видимости и зрительной взаимосвязи памятников района Псеашхинского перевального пути: 1 – памятники междуречья Агуа и Хосты, Хосты и Кудепсты; 2 – памятники долины Мзымты

2016. С. 94–95), демонстрируют отсутствие зрительных связей как друг с другом, так и с памятниками междуречья Хосты и Кудепсты;

2. Все памятники междуречья Хосты и Кудепсты (табл. 1, 1–6, 9), кроме археологического комплекса «Каштаны 1», датирующегося в широком хронологическом диапазоне II–XII вв., имеют взаимную видимость с руинами храма на горе Сахарная головка – наиболее высокой точке превышения (603 м) над долиной. Археологический комплекс «Каштаны 1» находится в зрительных взаимосвязях с Леснянской II базиликой, возведение которой отнесено ко второй половине VI в. (Виноградов, Белецкий, 2016. С. 146) и остатками Леснянской крепости, время возведения и функционирования которой в настоящее время не установлено. Возможно, это свидетельствует в пользу достаточно ранней датировки этого памятника.

3. Памятники долины Мзымты (от Дзыхринского прижима до теснины Ахцу) (табл. 1, 10–12) – храм-крепость у с. Монастырь и остатки одноапсидного храма Галицино – находятся в зрительных взаимосвязях. Необходимость дублирования их с помощью наблюдательного пункта на горе Кешша, расположенного на самой высокой точке правого борта ущелья Ахцу (920 м), непонятна. Этот наблюдательный пункт на грани видимости находится также в зрительной взаимосвязи (10,1 км) с руинами храма на горе Сахарная головка. Небезынтересна односторонняя зрительная связь пункта с Леснянской I базиликой.

4. Памятники правого борта ущелья Ахцу (южного склона хребта Ахцу) – остатки крепостей Куницыно 1–3 и Монашки 1–2 находятся в прямых и опосредованных зрительных взаимосвязях друг с другом (табл. 1, 18–22). Также они имеют зрительные связи с крепостями Краснополянской котловины. Взаимосвязи прослежены только с Аибгинскими крепостями и остатками

крепости «Бешенка-1». С наиболее крупной крепостью этого микрорегиона – Ачипсинской – они находятся в односторонней зрительной связи. Крепости ущелья Ахцу не находятся в зрительных связях с наблюдательным пунктом на горе Кепша.

5. Памятники Краснополянской котловины (табл. 1, 14–16). Аибгинские крепости не имеют зрительных взаимосвязей с Ачипсинской.

6. Единственный фортификационный памятник, обнаруженный при слиянии рек Пслух и Мзымта, – Пслухская крепость (табл. 1, 13) – не имеет зрительной связи с Ачипсинской крепостью. Возможно существование опосредованной зрительной связи через крепость в котловине Роза Хутор. Однако в настоящее время существование этой крепости оспорено (Диденко, 2006. С. 396).

Таким образом, можно констатировать, что памятники определенных микрозон либо не находятся в зоне видимости и зрительной взаимосвязи с памятниками других микрозон, либо эти связи весьма слабы.

Наиболее сильные связи обнаруживают крепости правого борта ущелья Ахцу и памятники южной части Краснополянской котловины.

Небольшие территории микрозон, на которых расположены памятники, свидетельствует скорее о том, что в Средние века эти сооружения являлись локальными сигнально-сторожевыми постами, служащими для оповещения местного населения о возможной опасности.

Литература

- Василиненко Д. Э., 2016. Памятники археологии эпохи средневековья на территории г. Сочи (Краснодарский край): накопление материалов, введение в оборот новых сведений, изменение представлений об их хронологии и интерпретации // Развитие взглядов на интерпретацию археологического источника. Материалы Всероссийской научной конференции. М.
- Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В., 2016. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. М.
- Воронов Ю. Н., 2006. Колхида в железном веке // Ю. Н. Воронов. Научные труды. Т. I. Сухум.
- Диденко Н., 2006. Пслухская крепость // Первая Абхазская международная археологическая конференция «Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия», посвященная памяти Ю. Н. Воронова. Сухум.
- Коробов Д. С., 2006. Применение модуля 3D-Analyst для изучения системы оповещения у алан Кисловодской котловины // Археология и геоинформатика. Вып. 3 [Электронный ресурс]. М. CD-ROM.
- Хабибуллин А. Н., 2010. Хостинская крепость // Вопросы истории фортификации. № 1.

В. В. Верещагин

ООО «Ростовская археологическая экспедиция»

Л. Э. Голубев

Экспертная группа по археологии Краснодарского отделения ВООПИиК

ВОИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ЛОШАДЬМИ ИЗ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ «ГОСТАГАЕВСКАЯ-1» И «Гос.№258»

Курганные могильники «Гос. № 258» близ ст. Натухаевской и «Гостагаевская-1» расположены в 7 км друг от друга. Они имеют одинаковые планиграфические характеристики курганов. Главное их различие – использование каменных крепид в курганных насыпях в первом могильнике. Во втором они не были зафиксированы.

В могильнике «Гос. № 258» исследовано четыре комплекса с погребениями коня. В трех из них животные лежали на левом боку головой на запад, ногами от покойного: (к. 95, п. 4 (рис. 1), к. 103, п. 1; к. 104, п. 1). В к. 100, п. 2 лошадь лежала к югу от покойного на левом боку головой на восток (*Верещагина, 2015*).

Похожие воинские погребения с конями были исследованы в могильнике «Гостагаевская-1». Всего их было пять: к. 57, п. 2 (вероятно, кремация или кенотаф); к. 10, п. 1; к. 9, п. 2 (рис. 2); к. 49, п. 3; к. 14, п. 2. Два из них были сильно повреждены строителями. Еще одно погребение взнузданного коня из к. 14 было кенотафом или частью п. 1 (на расстоянии 2 м) (*Голубев, 2015*). Туши взнузданных коней из этого могильника во всех случаях лежали слева, т. е. к северу от покойника, в яме на приступке или сверху на погребенной почве рядом (параллельно) с погребальной ямой. За исключением погребения лошади из к. 14, где она лежала на правом боку головой на запад.

Комплексы погребений человека и лошади не всегда были центральными. В к. г. «Гос. № 258» в насыпях № 100 и № 103 погребения человека и лошади были, вероятно, впускными. В насыпях № 95 и № 98 они располагались по центру насыпи. Курган № 104 был индивидуальный, содержал всего одно погребение человека и лошади.

В могильнике «Гостагаевская-1» практически все комплексы человека и лошади располагались в центральной части насыпи, за исключением погребения из кургана № 49. В индивидуальном кургане № 10 погребение человека и лошади располагалось на краю насыпи в юго-восточном секторе. Таким образом, видно, что первое захоронение в насыпи не всегда должно располагаться в центре.

В набор конской упряжи входили кольчатые удила без псалий, подпружные пряжки от одной до двух и пара стремян, относящихся по классификации Е. А. Армарчук к типу III (*Армарчук, 2006. С. 170*), согласно типологии А. Н. Кирпичникова – к типу VIIa (*Кирпичников, 1973. С. 89*), по Г. А. Федорову-Давыдову – к типу «В» (*Федоров-Давыдов, 1966. С. 12*). В погребении из кургана 9 могильника «Гостагаевская-1» были найдены костяные детали декора седла.

Детали одежды представлены бронзовыми грибовидными пуговицами и бронзовыми кольцами от шаровар. Предметами обихода в погребениях были в основном небольшие ножи и калачевидные кресала. Вооружение представлено наконечниками стрел и колчанными петлями. Сабли были во всех погребениях, кроме комплекса из к. 100 к. г. «Гос. № 258». Сабли лежали слева от покойников острием к голове и рукоятью к бедру. В кремационном погребении из кургана

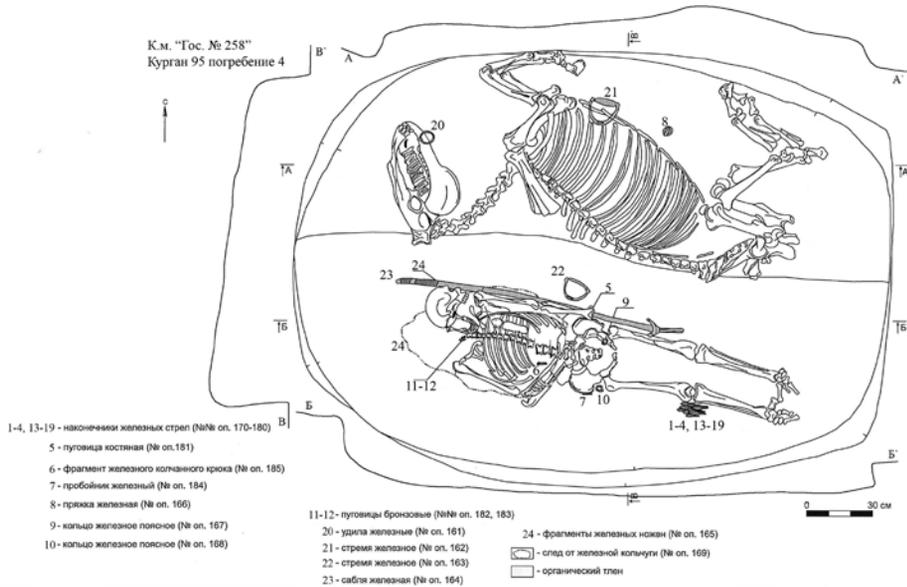

Рис. 1.

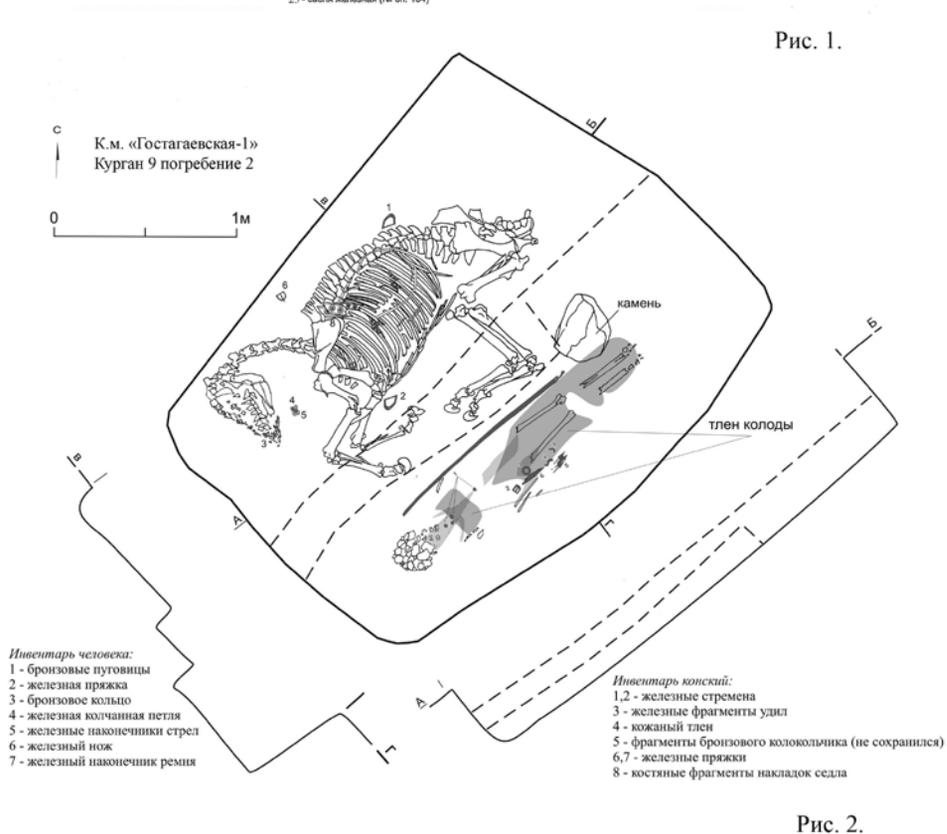

Рис. 2.

57 к. г. «Гостагаевская-1» сабля находилась между передних ног лошади, острием к голове, в «Цемдолинском» курганно-грунтовом могильнике близ Новороссийска в кургане 4 в двух захоронениях лошадей сабли лежали вдоль холки, острием к крупу (Армарчук, Дмитриев, 2014. С. 79).

Все подобные комплексы принадлежат воинам, входящим в дружинные сословия (Армарчук, 2004. С. 9–11; Армарчук, Дмитриев, 2014. С. 57). Большинство могильников, содержащих погребения, сопровождающиеся захоронением коня, сосредоточены на северо-восточном побережье (Армарчук, 2006; Армарчук,

Дмитриев, 2014. С. 13). Рядом с этими памятниками были частично исследованы и другие похожие могильники. Так, судя по описанию Н. И. Веселовского, по схожему обряду были осуществлены погребения в могильнике в урочище Макитра (Веселовский, 1896. С. 83). В могильнике «Натухаевский-4» из 26 погребений лошадей, сопровождающих как ингумационные, так и кремационные погребения, 23 лежали на правом боку, преимущественно головой на запад, с сезонными отклонениями (Шишлов, Колпакова, Федоренко, 2016. С. 257). Захоронения взнузданных коней зафиксированы и в Убинском могильнике, расположенном в Восточном Закубанье. По мнению Е. И. Нарожного, дружинные могильники региона могут относиться к поздним тюркским захоронениям «Черных клобуков» (Нарожный, 2000А. С. 23; 2010. С. 38; Нарожный, Плотов, 2009. С. 277–279).

По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, отдельные погребения XIII–XV вв., содержащие захоронения коня и конской упряжи, в контексте протоадыгских могильников свидетельствуют о проникновении в среду местных племен кочевников (Федоров-Давыдов, 1966. С. 250–251). Согласно разработанной классификации Г.А. Федорова-Давыдова, подобные погребения относятся к типу XIV, когда лошадь, находящаяся на приступке, и человек ориентированы на запад (Федоров-Давыдов, 1966. С. 125). Обряд захоронения с конем рассматривался как кочевнический и С.А. Плетневой (Плетнева, 1958. С. 173). Схожие погребальные конструкции с приступком (когда конь находится слева и выше покойного, преимущественно с западной ориентировкой) С.А. Плетнева относила к торкам, входившим в «Черно-клобукский» союз (Плетнева, 1958. С. 139, 223. Рис. 47). Известный кавказовед Е. П. Алексеева рассматривала погребения с конем как половецкие, считая, что такой обряд не характерен для оседлого населения Северного Кавказа. Вместе с тем эта исследовательница считала, что погребения с отдельной оснасткой верхового коня могли принадлежать предкам современных адыгов (Алексеева, 1964. С. 183). Однако обряд захоронения с конем у средневековых предков современных адыгов встречается задолго до появления на Северо-Западном Кавказе половцев (Зеленский, Пьянков, Схатум, 2011. С. 187) и не может быть основным признаком кочевнического происхождения этих погребений. По мнению В. Н. Чхаидзе, причерноморский ландшафт Кавказа никак не мог подходить для ведения кочевого хозяйства (Чхаидзе, 2009. С. 419–422). И.А. Дружинина, проанализировав археологические материалы и данные антропологии, приходит к выводу, что в Нижнем Закубанье в XIII в. из нескольких этнических групп, обитавших в регионе до прихода монгольских завоевателей, на базе единой материальной культуры и обряда начинает формироваться полиэтническая группа «черкесов» (Дружинина, 2016. С. 2018). Предварительный антропологический анализ материалов из могильников «гос. № 258» и «Гостагаевская-1» показал, что человеческие останки относятся к европеоидной расе.

Литература

- Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.
- Алексеева Е. П. Материальная культура черкесов в средние века // ТКЧИННИИ. Серия историческая. Вып. IV. Ставрополь, 1964.
- Армарчук Е. А. Археологические признаки дружинного сословия по материалам могильников Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII вв. // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докладов. М., 2004.
- Армарчук Е. А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья в X–XIII веков. М., 2006.

- Армарчук Е. А., Дмитриев А. В.* Цемдолинский курганно-грунтовый могильник. М.-СПб. 2014.
- Верещагина Е. Л. Отчет об археологическом исследовании курганного могильника «Гос. № 258» в МО городе-герое Новороссийске Краснодарского края в 2015 году. М., 2015.
- Веселовский Н. И.* Отчет о раскопках, произведенных в 1894 г. старшим членом Императорской Археологической Комиссии Н. И. Веселовским // ОАК за 1894. СПб. 1896.
- Верещагина Е. Л.* Отчет об археологическом исследовании курганного могильника «Гос. № 258» в МО городе-герое Новороссийске Краснодарского края в 2015 году. М., 2015.
- Гадло В. А.* К этнической истории адыгских племенных объединений (сагины-шегаки) // XIII Крупновские чтения. Майкоп, 1984.
- Гадло В. А.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории Русского княжества на Северном Кавказе. СПб. 2004.
- Голубев Л. Э.* Отчет об археологических раскопках курганного могильника «Гостагаевская 1» в МО городе-крорте Анапа Краснодарского края в 2014 год. Краснодар, 2015.
- Дружинина И. А.* Нижнее Закубанье в XIII–XIV вв.: на границе культур и природных зон // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы седьмой международной конференции, посвященной памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 215–218
- Зеленский Ю. В., Пьянков А. В., Схатум Р. Б.* К вопросу о происхождении кочевников в Северо-Восточном Пичерноморье и Западном Закубанье в XI–XV вв. // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю. Н. Воронова). Сухум, 2011.
- Кирпичников А. Н.* Снаряжения всадника и верхового коня на руси в IX–XIII вв. // САИ, вып. Е1–36. Л., 1973.
- Нагоев А. Х.* Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 3. Нальчик, 1987.
- Нарожный Е. И.* Северный Кавказ в XIII–XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореф. док. диссертации. Владикавказ, 2010.
- Нарожный Е. И.* Черные клабуки на Северном Кавказе. О времени и условия переселения // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Археология восточноевропейских лесостепи. Вып. 14. Воронеж, 2000 А.
- Нарожный Е. И., Плютов В. И.* Костяные орнаментированные накладки на луки из средневековых кочевнических захоронений XI–XV вв. (некоторые аспекты изучения) // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009.
- Плетнева С. А.* Печенег, торки и половцы в южнорусских степях // МИА № 62. 1958.
- Стрельченко М. Л.* Особенности погребального обряда могильников Северо-Западного Кавказа XIII–XV вв. // ДК. Вып. 19. Краснодар, 2003.
- Тешев М. К.* Адыгейские погребальные сооружения в развитом и позднем средневековье в Туапсинском районе и на Черноморском побережье Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.
- Фёдоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.
- Чхаидзе В. Н.* Кочевники XI–XIV вв. в степном Предкавказье: вопросы терминологии и этнической принадлежности // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009.
- Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В.* Средневековые погребения курганно-грунтового могильника Натухаевский-4 под Новороссийском (предварительное сообщение) // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2017.

А. Ю. Виноградов
НИУ Высшая школа экономики, г. Москва

Ю. А. Казачков
Издательство «Медиалайн», г. Москва

Д. В. Капитанов
Независимый исследователь, г. Долгопрудный

КРЕСТОВО-КУПОЛЬНЫЙ ХРАМ В ХОСТЕ – ЗАБЫТЫЙ ПАМЯТНИК «АБХАЗСКОЙ ШКОЛЫ» X ВЕКА

В августе 1915 г. при строительстве Черноморской железной дороги в приморском парке Хосты были открыты остатки церкви, до этого частично задержанные, а частично служившие каменоломней; к востоку от них был также открыт могильник с погребениями в каменных ящиках. Стены храма очистили, вскрыли два погребения (внутри храма, около северной двери, и снаружи, около южной) и соорудили над развалинами мост. В 1917 г. по заданию Императорской археологической комиссии А. П. Лебедеванская осмотрела и описала развалины храма, а также сняла с них план и разрезы (*Архив ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 752*). После Октябрьской революции 1917 г. Лебедеванская вынуждена была оставить археологию, и ее отчет, как и сам храм, в течение ста лет оставался неизвестным исследователям. В настоящее время церковь находится, судя по всему, под железнодорожной насыпью в районе пансионата «Кавказ». Все фактические сведения о нем мы можем почерпнуть только из отчета Лебедеванской (рис. 1).

Храм, ориентированный на юго-восток (отклонение на юг – $79^{\circ} 40'$), был расположен почти на самом берегу моря (на высоте 1,92 м от его уровня) и имел небольшие размеры (длина внутри – 12,75 м, ширина – 7,5 м). Снаружи центральная апсида – пятигранная, с удлиненными крайними гранями, а боковые – полукруглые; изнутри все апсиды имели слегка эллипсоидную форму и были сужены относительно «нефов». Храм относится к сложному (с вимами) типу вписанного креста. Между узкими вимами (ширина – 0,5 м) были узкие проходы такой же ширины. Крупный купол (сторона подкупольного квадрата – 3,8 м) и своды храма опирались на 4 круглых в сечении столпа (диаметр – 0,8 м), которым отвечают пилястры (ширина – 0,5 м, вынос – 0,15–0,2 м) на северной, западной и южной стенах, причем боковые пилястры напротив западных столпов смещены почему-то немного к востоку. На фасадах этих стен (толщина – 0,95 м) этим пилястрам отвечают завершившиеся арками лопатки аналогичной ширины, кроме восточных углов здания, где лопатки смещены немного к востоку, но значительно шире (ширина – 1,15 м), занимая всю ширину вимы и заходя на апсиды: они служат своеобразными контрфорсами. Западные ячейки храма вдвое шире восточных (ширина – 3,25 м против 1,4–1,45 м), за счет чего посередине их внешних стен размещено по дополнительной лопатке. В храм вели 3 двери (ширина – 1,15–1,3 м), размещенные посередине центральных ячеек северной, западной и восточной стен.

Стены храма, сохранявшиеся местами на высоту до 2,5 м, были сложены из разновеликих прямоугольных плит известняка на извести с примесью морского песка. Из таких же плит, но бóльших размеров, был сложен фундамент стен

и столпов (глубина – 0,5–0,6 м), шире их на вынос пилястров и лопаток, а также полы, сохранявшиеся в дверях храма. Находки некоторого числа плинфы указывают, что из нее, вероятно, были сложены подпружные арки, а находки черепицы – на черепичную кровлю. Поверхности стен как внутри, так и снаружи, были покрыты аналогичным известковым раствором с примесью морского песка, но более мелкого, чем в кладочном растворе (песок внутренней облицовки еще мельче). На сохранившихся фрагментах внутренней обмазки следов росписи не прослеживалось.

Лебедянская не дала ни анализа, ни датировки Хостинского храма, ограничившись лишь указанием аналогий для многогранной центральной апсиды, в т. ч. в сочетании с полукруглыми боковыми (церкви Св. Евгения в Трапезунте и в Мокви). Однако нет никакого сомнения, что данный памятник относится к «абхазской» архитектурной школе конца IX–X в. Такие элементы, как сложный план типа вписанного креста, удлинение западных ячеек, повсеместное использование пилястров, кладка из известняковых плит, роднят его с целой группой крестово-купольных храмов этой школы, причем он относится к наиболее простому их типу – без нартекса и притворов (как в Мсыгхуа). А такие элементы, как сочетание пятигранной центральной апсиды с полукруглыми боковыми и, особенно, разделка внешних стен лопатками, позволяют сузить круг аналогий до соседнего храма в Лоо (хотя различается расположение лопаток на углах здания) и, соответственно, датировать временем ок. 955–965 гг. Таким образом, церковь в Хосте с географической точки зрения представляет собой недостающее звено между храмами в Лоо и Веселом.

Однако от всех храмов «абхазской» школы церковь в Хосте отличает форма столпов – круглых, сложенных из клиновидных плит. Их появление вместо традиционных для «абхазской» школы крещатых столпов можно объяснить только подражанием родственным ей архитектурным традициям Трапезунта и Херсона с их мраморными колоннами. Таким образом, храм в Хосте представляет собой наиболее «эллинизирующий» памятник «абхазской» школы, относящийся к последнему этапу ее существования и демонстрирующий своеобразный архитектурный эксперимент.

А. Ю. Виноградов

НИИ Высшая школа экономики, г. Москва

Д. В. Каишанов

Независимый исследователь, г. Долгопрудный

В. В. Понарядов

*Институт языка литературы и истории Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

РУКОПИСЬ ШОГЕНОВА – УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ПИСЬМЕННОСТИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В собрании А. С. Фирковича Российской национальной библиотеки наше внимание привлекла очень поздняя греческая рукопись (ф. 946, оп. 1, д. 1093), состоящая из 10 разрозненных листов (на одном стоит помета Х. М. Лопарева от 18.09.1915 г.). Два похожих листа хранятся в фонде А. М. Шёгрена Национальной библиотеки Финляндии в Хельсинки (ф. 209, коробка 19, конверт «Бек-Мурзин, Н. Ш.»; указание А. И. Алиевой, фотографии выполнены И. Мирошниковым) – их академику отправил в июле 1840 г. из Пятигорска Шора Ногмов. По его словам, рукопись принадлежала *узденю* (дворянину) Исмаилу Шогенову, скончавшемуся в 1830 г., и переходила в его семье от отца к сыну.

По свидетельству Фирковича, в 1849 г. некий Шогенов, который проживал в ауле Атажуко Атажукина на Баксане, использовал рукописи для врачевания, «читая их по-своему диким голосом нараспев, присваивая каждой букве особое название и уверяя всех, что это название разных ангелов и духов, призываемых им на помощь». Шогенов продолжал свою деятельность еще в 1867 г., когда его книги безуспешно пытался увидеть Н. А. Нарышкин.

Как уверял Шогенов Фирковича, рукописи были списаны «его дедом с книги, писанной на коже». Поэтому нельзя исключить того, что с предком Шогенова в 1732 г. встречался генерал-майор Д. Ф. Еропкин, которому «баксанский житель принес книгу величиной в десть, написанную на пергамене, и объявил о ней, что он ее и другой никто в Кабарде читать не умеют, только кладут больным на головы, и от того оные выздоравливают». Известно, что такого рода обычай среди черкесов существовал уже в XVII в. Причем если в начале этого столетия *шогены* (зadolго до того этим словом обозначали христианских священников) еще как-то могли читать по-гречески, то к XVIII в. эти знания были утеряны.

Текст в рукописи записан наклонным поздним минускулом, без лигатур и диакритики, но с сокращением *nomina sacra*; слова разделены двоеточиями, но не всегда верно. Заголовки выполнены с применением красных чернил, встречаются примитивные инициалы и разделители-плетенки. По формату, почерку и водяным знакам очевидно, что оба фрагмента представляют собой части одной рукописи, но только л. 2–8 из РНБ следуют друг за другом без лакун. Состав рукописи следующий.

НБФ, л. [1]: Лк 2, 18–20 (Евангелие на вечерне Рождества; без начала); л. [1–1 об.]: Мф (в рукописи ошибочно – Ио) 1, 18–20 (Евангелие на утрени Рождества; без конца).

Л. [2–2 об.]: Мф 1, 18–23 (Евангелие на утрени Рождества; без конца; повторно).

Мф (в рукописи ошибочно – Ио) 10, 16–22 (Евангелие на среду 3-й недели Великого поста и на службу мучеников); л. 8 об.: Мк (только заголовок).

Л. 9–9 об.: календарь, без начала и конца, на февраль (24 февр.: тропарь свт. Власию Аморийскому: «Божественное прозябение...», без начала), март (25 марта: тропарь Благовещения: «Днесь спасения нашего главизна...»), апрель (тропарь св. Георгию (ἡαος κερκε): «Яко пленных свободитель...») и май (2 мая: тропарь свт. Афанасию Великому (θουνη): «Столп был еси православия...», без конца).

Л. 10–10 об.: порядковые номера 28-летнего солнечного цикла «ромейской» пасхалии (определено П. В. Кузенковым); л. 10 об.: текст на тюркском языке, записанный греческими буквами.

Рукопись представляет собой фрагменты сокращенного лекционария (апракоса), который содержал выписанные несколько беспорядочно и с повторами евангельские чтения на утрени и литургии важнейших праздников (Рождества, Благовещения, Преображения), воскресные, общие святым (мученикам) и, возможно, постовые, а также календарь с тропарями избранным праздникам и святым и пасхалией.

Греческие текст содержит многочисленные отступления от нормы, особенно в области вокализма: регулярно взаимозамещаются звуки *e* и *i*, *o* и *u*. Это явление, несомненно, связано с трехгласием адыгских языков, в т. ч. кабардинского. В области консонантизма можно отметить редкую замену *g* на *k*, смешение *pt* и *p*.

На полях евангельской части имеются схолии, содержащие в т. ч. имена, причем негреческие – вероятно, для поминовения.

Отдельный интерес представляет тюркский текст на последнем листе, слегка обрезанном по правому краю. Он состоит из 14 строк и разбит на «параграфы», обозначенные греческими числами от 1 до 5. Последний параграф оформлен differently от предыдущих: он записан мелкими буквами и обведен. Текст читается и переводится следующим образом (цифры в первом столбце обозначают параграфы в рукописи, надстрочные цифры во втором – номера строк, в третьем столбце – интерпретационная транскрипция).

1	¹ ωθεορεμ : τερκεγα ² ελλαργαν :	oši urim ter ki yalbaryan	Тот грек говорит, что молился.
2	κουμελι(.) ³ τεν : εσαγαντιν : κουη(.) ⁴ ανη : κεμες : κουμελη : ε(.) ⁵ μανπουλερ:	köñili(n)den isaya din qoy(y)anı kim is<e>köñili iman bulir	От сердца то, что он исповедует религию Иисусу. Кто-то сердцем найдет веру.
3	ασεμαν(.) ⁶ παρσα : πακ : ανταθο(.) ⁷ ρα : ηαχσεπουληρ :	asiman(da) barča pak anda so(η)ra yaxši bolir	На небе все чисто. Там потом будет хорошо.
4	⁸ τεγερταν : τεθετεση(.) ⁹ τερ : кемκουμελεσεε(.) ¹⁰ τουρεр : кетотт : олер : κ(.) ¹¹ лер : κουμελεαν : εγα(.) ¹² арса : ηαχσεπουлеρ :	tejer<i>den tese de aytir kim köñil<i> ese(n)turir haydut ölir k(i ö)lir köñili<n>en ege(rb) arsa yaxši bolir	Говоря же о Боге, рассказывает, что сердце его спокойно. Разбойник умрет, так умрет. Сердцем своим если пойдет, будет хорошо.
5	¹³ απηα : χατου : ηα(σ)επ : ταγαλομε ¹⁴ αχαματ : χουτ : χα(.....) : кара	... qatı yazıp tağallum e<t> ... qara	... крепко запиши и выучи ... смотри

В языковом отношении – это кыпчакский диалект, более близкий к крымско-татарскому, чем к тюркским языкам Северного Кавказа. В пользу этого говорит начальное *y*- в ряде слов на месте карачаево-балкарского и кумыкского *ǰ*, неразвитость губного сингармонизма, употребление специфического суффикса *-nep*. В то же время не исключено существование на Северном Кавказе в период составления текста исчезнувших на сегодня переходных диалектов, которые, сближаясь с крымско-татарским языком, не входили напрямую в его систему. Текст может быть написан на таком диалекте, и в таком случае объясняются отдельные отклонения от особенностей крымско-татарского языка – например, неожиданное полногласие (*köñili*, *asıman*, *teñeri* вместо *köñli*, *asman*, *teñri*). С другой стороны, они могут объясняться тем, что составитель текста писал на крымско-татарском, но знал его несовершенно, и влияние его родного языка привело к появлению отклонений от ожидаемых фонетических явлений.

Этот разделенный на короткие параграфы и записанный греческими буквами тюркский текст в рукописи, которая использовалась во врачебных обрядах, вызывает в памяти свидетельство Якова Рейнегтса. По его словам, «татарские муллы» использовали греческое письмо для «тайных молитв» против болезней, а без амулетов, написанных греческими буквами, местные жители не выходили из дома и не садились верхом.

Греческие рукописи продолжали бытовать на Кавказе в XIX в. Фиркович получил от майора Атажуко Абукова копию старой рукописи, снятую за Кубанью и схожую «как почерком, так и содержанием» с манускриптом Шогенова. Д. Л. Кодзоков приобрел в Ардоне книгу, в которой «начертания чисто греческие» перемежались «словами тарабарской грамоты». Однако на сегодняшний день 12 листов рукописи Шогенова – единственный сохранившийся свидетель последних этапов истории греческой книжности на Северном Кавказе.

*М. С. Гаджиев, А. И. Таймазов,
А. Л. Будаичиев, А. М. Абдулаев, А. К. Абиев
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала*

ОТКРЫТИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ РАННЕМУСУЛЬМАНСКОГО НЕКРОПОЛЯ В ДЕРБЕНТЕ

В 2015 г. Дербентская новостроечная археологическая экспедиция ИИАЭ ДНЦ РАН провела спасательные археологические раскопки в средней части Дербента за пределами средневекового шахристана, в 130 м к СЗ от башни № 15 (по нумерации Е. А. Пахомова) северной оборонительной стены середины VI в. н. э.

В ходе работ на раскопе XXXIII были вскрыты культурные напластования (4 слоя общей толщиной до 2,4 м), включавшие поливную и неполивную керамику, обломки стеклянных сосудов и браслетов, медные монеты и т. д., относящиеся к арабскому и предмонгольскому периоду (VIII – начало XIII в.).

Датировка слоев опирается как на керамические комплексы слоев, так и на хронологически показательные индивидуальные находки (стеклянные браслеты, бронзовый наконечник пояса) и монеты. Культурные напластования фиксируют активное использование данной территории, расположенной за пределами архитектурно выделенного шахристана. Несмотря на наличие мощных напластований, содержащих артефакты, кости животных, древесные угольки и перемежающихся с зольно-угольными и органическими прослойками, на данной территории не выявлены какие-либо архитектурные и хозяйственно-бытовые постройки. Характер слоев позволяет сделать заключение о расположении здесь городской свалки бытовых отходов, вынесенной за пределы шахристана. Прекращение функционирования этого участка в ближайшей округе Дербента, как и многих других объектов на территории города, связано с монгольскими вторжениями XIII в., в результате которых значительно сократились численность населения и территория обживания города.

В ходе работ на раскопе выявлены два уровня средневековых мусульманских захоронений, представляющих два хронологических периода: XV–XVII вв. (погребения 1, 2, впущенные в слой 2 XI – начало XIII в.) и конец VIII – начало IX в., к которому относятся погребения 3–27. Данные погребения впущены в культурный слой 4 и в материковую почву с уровня границы слоев 3 и 4, где фиксировались материковые выкиды из могильных ям, т. е. стратиграфическое положение погребений 3–27 указывает на то, что они были совершены вслед за прекращением отложения слоя 4 и до начала отложения слоя 3.

Выявленные захоронения представляют три типа погребальных конструкций: 1) подбойные могилы (16 погребений); подбой устраивался в южной продольной стенке входной ямы немного ниже ее дна; большинство подбоев имели заклады из сырцовых блоков (рис. 1, 1); 2) грунтовые ямы с закругленными и реже подпрямоугольными углами (8 погребений) (рис. 1, 2); 2) грунтовая яма, обложенная вдоль продольных стенок сырцовыми блоками (погр. 9) (рис. 1, 3). Погребения (дети, подростки, взрослые) ориентированы по оси В–З, иногда с небольшим отклонением к югу, головой на запад. Захоронения безынвентарные, совершены

в вытянутом положении. Большинство погребенных (17) лежали на правом боку, 6 погребенных – на спине, 1 – совершенно на животе (вероятно, покойник, положенный на боку, «завалился» на живот). Руки вытянуты вдоль туловища, иногда слегка согнуты в локтях, ноги также вытянуты и в некоторых случаях немного подогнуты в коленях, череп обращен лицевыми костями на юг по направлению киблы. Сохранность всех скелетов плохая.

Датировка погребений базируется на указанном их стратиграфическом положении и нумизматических находках из слоев 3 и 4. В слое 3 обнаружено 7 медных монет, из них 2 определимых, найденных в средней и нижней части: медный фельс чекана ал-Баба (Дербент) 178 г.х./794–5 г. и медная монета ранних Аббасидов¹. Из нижележащего слоя 4 происходит 19 монет, в т. ч. 8 определимых: 2 медных монеты ранних Аббасидов; два медных фельса чекана наместника Баккара б. Муслима ал-Укайли (769–771) 153 г.х./770–1 г.; медный фельс чекана наместника Марвана б. Мухаммада (732–744) 121–122 гг.х./738–9 гг.; медный фельс, вероятно, чекана Марвана б. Мухаммада; медный фельс чекана ал-Баба (Дербент) 113 г.х./731 г.; медный фельс чекана ал-Баба (Дербент) 104 (9) г.х./722 (727) г. Данные монетные находки вместе с другими индивидуальными находками и керамическими комплексами датируют слой 4 VIII в., а слой 3 – IX–X вв.

Стратиграфическая позиция данных погребений, учитывая датировку слоев 3 и 4 и отсутствие между слоями стерильной прослойки, позволяет отнести их к короткому хронологическому диапазону конца VIII – начала IX в.

Интерес вызывает местоположение выявленного раннемусульманского некрополя – за пределами шахристана к северу от северной городской оборонительной стены, т. е. на территории *дар ал-харб* – «территории войны» (или *дар ал-куфр* – «территория неверия»). Такой статус территория к северу от Дербента (араб. Баб ал-абваб) сохраняла с начала первого появления здесь арабов в середине VII в., на протяжении всех арабо-хазарских войн и, очевидно, вплоть до IX в. Последняя крупная арабо-хазарская война произошла в 763–764 гг. (вторжение хазарского полководца Растархана). После этого ситуация на арабо-хазарской границе постепенно начала стабилизироваться, исключение составил набег хазар в 799/800 г.

Таким образом, датировка открытого мусульманского могильника концом VIII – началом IX в. (возможно, начало – первая половина IX в.) соответствует сложившейся после 764 г. спокойной ситуации на арабо-хазарском пограничье (*ас-сагр*). Выявленный некрополь является наиболее ранним датированным мусульманским могильником в Дербенте.

Здесь целесообразно затронуть вопрос о средневековом, ныне получившем распространение, предании, согласно которому на почитаемом дербентском кладбище Кырхляр («Сороковник»), расположенном в 0,5 км к северу от северной городской стены, захоронены *асхабы* (*ас-сахаба*) – сподвижники пророка. С ними и с полководцем Салманом б. Рабиа ал-Бахили, погибшим с соратниками в сражении с хазарами в 650-х гг. под Баланджаром, идентифицируются хроникой «Дербенд-наме» и местными «интеллектуалами» расположенные здесь крупные надмогильные «саркофаги». Хотя, как давно показано специалистами

---

¹ Монеты определены Г.В. Злобиным, которому приносим благодарность.

(А.Р. Шихсаидов, Л.И. Лавров и др.), эти надмогильные памятники *шахидов-газиев* относятся к сельджукской эпохе и связаны со вторым этапом исламизации региона, а могила Салмана б. Рабиа, как и его брата Абд ар-Рахмана, согласно Балазури, находилась в Баланджаре, где он погиб. Там же были погребены и другие *асхабы*, павшие «в день Баланджара», а именно Йазид б. Муавийа ан-Нахаи, Амр б. Утба ал-Ансари и Мидад аш-Шайбани.

Легенда о захоронениях *асхабов* в Кырхляре, навязываемая СМИ и религиозными кругами массовому сознанию (в т.ч. государственным деятелям) как реальная, не имеет под собой исторической почвы и по той причине, что формирование почитаемого мусульманского некрополя у северной стены Дербента на «территории войны» было противоестественно и не столько потому, что он мог подвергнуться осквернению и уничтожению «неверующими»-*кафирами* (*алкуффар*), но более потому, что в VII–VIII вв. традиции почитаемых захоронений (и связанного с этим культа святых и мучеников) в исламе еще не существовало. К тому же могильник Кырхляр никак не может быть отнесен к ранней арабомусульманской погребальной традиции в силу того, что отсутствовала практика устанавливать над погребениями монументальные (в т.ч. саркофагообразные) надмогильные памятники, а *газиев* обычно хоронили в том же месте (и в той же одежде), где они пали мучениками-*шахидами* (см. выше).

Более ранние мусульманские захоронения, предшествующие обнаруженному могильнику и относящиеся к середине VII–VIII вв., могут располагаться к югу от южной городской стены Дербента в зоне *дар ал-ислам* или *дар ал-сулх* («территория договора») / *дар ал-ахд* («территория мира»).

М. С. Гаджиев, З. З. Кузеева
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала

О ХРОНОЛОГИИ РАННЕЙ ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКИ ДЕРБЕНТА

В 2015 г. Дербентская новостроечная археологическая экспедиция ИИАЭ ДНЦ РАН провела спасательные археологические раскопки в средней части Дербента за пределами средневекового шахристана, в 130 м к СЗ от башни № 15 (по нумерации Е. А. Пахомова) северной оборонительной стены середины VI в. н. э. В результате работ были выявлены культурные напластования (слои 1–4 общей толщиной до 2,4 м), включавшие поливную и неполивную керамику, обломки стеклянных сосудов и браслетов, иные археологические находки и нарушенные впущенными в них средневековыми мусульманскими погребениями. Характер и содержание слоев позволили сделать заключение о расположении здесь свалки бытовых отходов, вынесенной за пределы шахристана и функционировавшей в арабский и сельджукский периоды, т. е. в VIII–начале XIII в.

Хронология культурных напластований раскопа базируется не только на представительных керамических комплексах, но и на нумизматическом материале, который ныне позволяет более строго и основательно датировать и сами керамические комплексы. В частности, это касается и хронологии ранней поливной керамики Дербента, появление которой здесь до недавнего относилось к середине VIII в., в т. ч. на основании находки в слое дирхема с легендой «из того, что приказал выбить ал-Махди Мухаммад, сын амира правоверных» (т. е. сын халифа Мансура) в Арминийе (т. е. в Двине) в 153 г. х./770 г. (*Кудрявцев А. А.*, 1977. С. 79–85, 92; 1979. С. 112–113).

В керамическом комплексе предматерикового слоя 4 (толщиной до 50 см) не представлена глазурованная керамика. Слой ясно датируется по монетным находкам VIII в. – из него происходит 8 определимых монет, обнимающих период от 720-х гг. до 770-х гг.: медный фельс, вероятно, чекана Марвана б. Мухаммада; медный фельс чекана ал-Баба (Дербент) 104 (9) г. х./722 (727) г.; медный фельс чекана ал-Баба (Дербент) 113 г. х./731 г.; медный фельс чекана наместника Марвана б. Мухаммада (732–744) 121–122 гг. х./738–9 гг.; два медных фельса чекана наместника Баккара б. Муслима ал-Укайли (769–771) 153 г. х./770–1 г.; две медные монеты ранних Аббасидов (монеты любезно определены Г. В. Злобиным, которому выражаем искреннюю благодарность).

В керамическом комплексе вышележащего слоя 3 (толщиной 65–70 см) представлена количественно небольшая (38 фрагментов), но показательная коллекция поливной керамики, состоящая из фрагментов глазурованных полихромных и монохромных чаш и тарелок (31 фрагмент), реже – кувшинов (7 фрагментов). После окончания формирования слоя 4 и до начала образования слоя 3 данная территория кратковременно использовалась под могильник: на границе слоев фиксируются выкиды грунта из могильных ям раннемусульманских погребений, впущенных в слой 4 и подстилающую материковую почву (см. в настоящем сборнике: *Гаджиев М. С., Таймазов А. И., Будайчиев А. Л., Абдулаев А. М., Абиев А. К.* Открытие

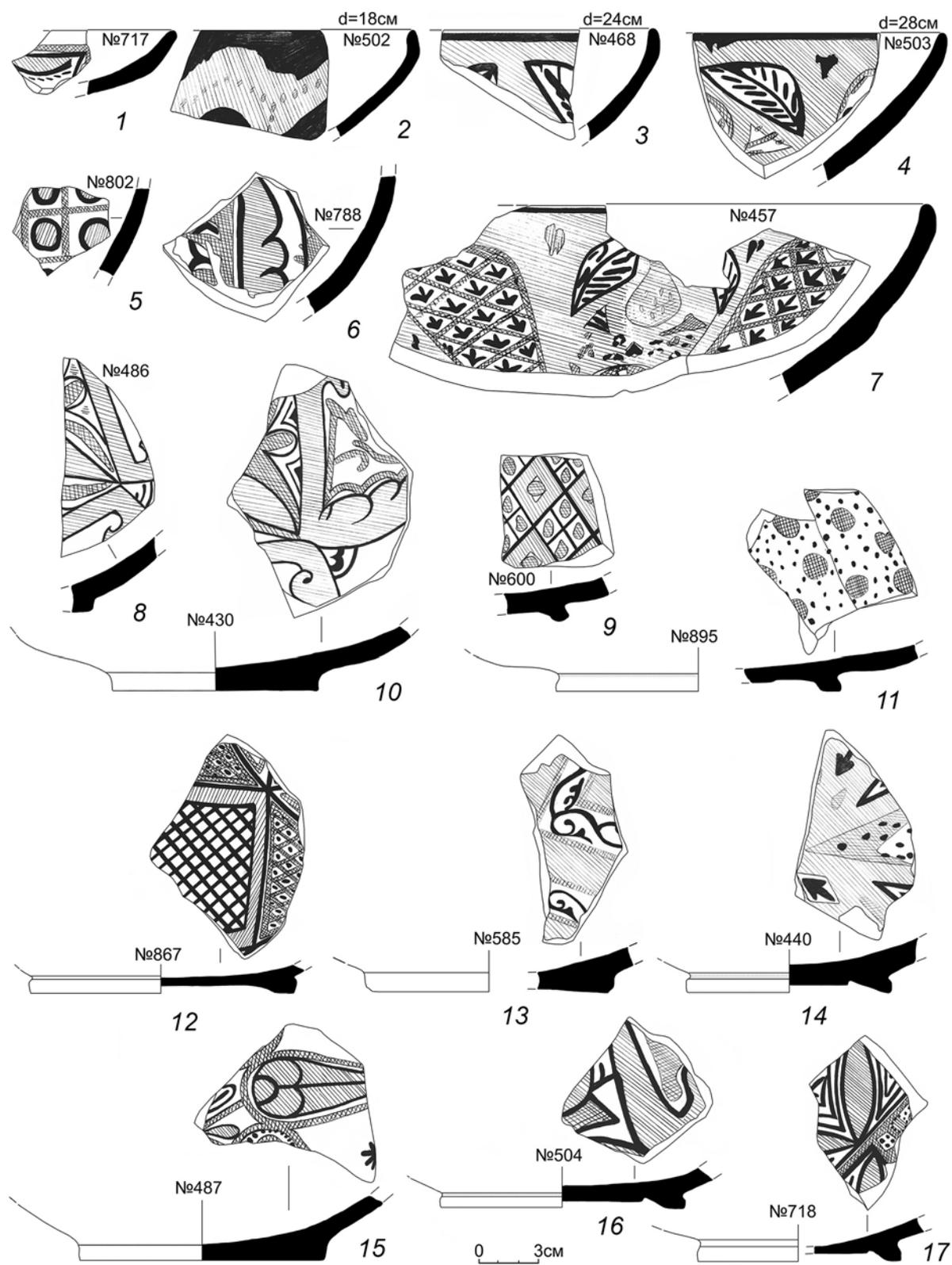

Рис. 1. Дербент. Раскоп XXXIII. Слой 3. Полихромная глазурованная керамика IX в.

и исследование раннемусульманского некрополя в Дербенте). Судя по характеру и составу керамических комплексов и нумизматических находок, хронологический разрыв между слоями 3 и 4 незначителен. Слой 3 датируется IX–X вв. с учетом датировки нижележащего слоя 4, керамического комплекса и монетных находок. Из слоя 3 происходит две определенных монеты, найденных в средней и нижней части: медный фельс чекана ал-Баба (Дербент) 178 г. х./794–5 г. и медная монета ранних Аббасидов (750–830-е гг.).

Обращает внимание отсутствие в слое 3 монохромной и полихромной керамики с подглазурной гравировкой по ангобу, абсолютное преобладание посуды с полихромной росписью (желтая, зеленая, марганцевая краски) (32 фрагмента) (рис. 1, 1–17). Несколькими экземплярами представлена монохромная керамика с глухой зеленой поливой по непокрытому черепку без гравировки (5 фрагментов), характерная для IX–X вв., причем все фрагменты принадлежат кувшинам. Одним фрагментом представлен обломок кувшина с коричневой поливой по непокрытому черепку.

Новые данные по хронологии поливной керамики Дербента, полученные в ходе работ на раскопе XXXIII, позволяют говорить о ее появлении здесь в начале IX в., возможно, в конце VIII в. Новые материалы дополняют наши представления о ранней глазурованной керамике Дербента (*Гаджиев М. С., Кузеева З. З., 2007. С. 194–198*).

Литература

- Гаджиев М. С. Кузеева З. З., 2007. Ранняя глазурованная керамика Дербента (по материалам раскопок форта 1) // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». С. 194–198. Махачкала.*
- Кудрявцев А. А., 1977. Раскопки богатого здания VIII–XIII вв. в жилом квартале средневекового Дербента // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. С. 74–103. Махачкала.*
- Кудрявцев А. А., 1979. Поливная художественная керамика Дербента VIII–X вв. // Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. С. 111–132. Махачкала.*

У. Б. Гадиев
ГКУ «Археологический центр им. Е. И. Крупнова», г. Назрань

В. В. Мацковский
Институт географии РАН, г. Москва

ДАТИРОВКИ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ МЕТОДОМ РАДИОУГЛЕРОДНОГО АНАЛИЗА

С 2014 г. на территории горной Ингушетии осуществляется комплексный научный проект по изучению архитектурных древностей региона методами естественнонаучных дисциплин. Одним из направлений проекта является радиоуглеродное датирование местных погребальных, культовых и жилищно-оборонительных объектов. В 2017 г. эта работа была продолжена. Образцы на радиоуглеродное датирование были получены из предварительно отобранных кернов с деревянных элементов построек (перемычки дверных и оконных проемов, балки-распорки в сводах конструкций). Отбор материала для радиоуглеродного анализа, первоначальная пробоподготовка и изготовление графитовых мишеней для измерения на ускорителе (графитизация) осуществлялась в лаборатории радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии Института географии РАН. Для проведения изотопных анализов каждому образцу серии был присвоен уникальный лабораторный номер с кодом IGANams, из образцов древесины химически выделена целлюлоза. Измерение процентного соотношения изотопов углерода проводилось в Центре прикладных изотопных исследований Университета штата Джорджии (Афины, США). Полученные радиоуглеродные даты были откалиброваны и прошли процедуру сопоставления (wiggle-matching) согласно дендрохронологическому возрасту между образцами. В результате получены следующие радиоуглеродные датировки памятников архитектуры горной Ингушетии:

Боевая башня, с. Джейрах: 1641–1668 гг.

Боевая башня, с. Бялган: 1298–1440 гг.

Полубоевая башня, с. Эгикал: 1492–1643 гг.

Полубоевая башня, с. Хамхи: 1649–1681 гг.

Склеп с открытой поминальной камерой, с. Мяшхи: 1732–1755 гг.¹

Склеп наземный, двускатный, с. Хамхи: 1570–1638 гг.

Храм Тхаба-Ерды: 1519–1550 гг.

Храм Алби-Ерды: 668–974 гг.

Святылище Тушоли, с. Ког: 1437–1482 гг.

Святылище Тумгой-Ерды, с. Тумги: 1558–1636 гг.

Полученные датировки в целом согласуются с ранее предложенной исследователями хронологией как для конкретно взятых памятников данной группы (включая этапы их строительства), так и для типологических близких к ним объектов региона. Так, с поздним строительным горизонтом XV–XVI вв. связывается

---

¹ В научной литературе это поселение по недоразумению именуется как Мяшхи. Наши недавние исследования показали, что на самом деле речь идет об архитектурном комплексе Оздиче. Поселок Мяшхи расположен северо-восточнее, на расстоянии примерно 1,5 км. В последующих работах мы будем придерживаться номинации Оздиче.

Рис.1. Боевая башня с. Бялган

исследователями западная часть храма Тхаба-Ерды с ее арочными сводами и крупными деревянными балками-распорками (Чубинашвили, 2002. С. 142–163; Казарян, Белецкий, 2009а. С. 90; Казарян, Белецкий, 2009б. С. 61). Симптоматично, что именно из этих балок получена радиоуглеродная дата Тхаба-Ерды 1519–1550 гг., что, по-видимому, окончательно снимает вопрос о времени последнего этапа строительных работ на храме.

Из контекста новых радиоуглеродных данных хронология Бялганской боевой башни (рис. 1) и святилища с. Ког может оказаться несколько более ранней предложенной археологами. Д. Ю. Чахкиев датирует Бялганскую боевую башню периодом не ранее середины XVII в. (Чахкиев, 2003.С. 66), правда, без серьезного обоснования. То же самое касается и времени строительства святилища с. Ког, которое Д. Ю. Чахкиев также без какой-либо аргументации относит к XVII в. (Чахкиев, 2003.С. 120).

Среди всех полученных радиоуглеродных дат наибольший интерес вызывают результаты храма Алби-Ерды: 668–974 гг. Отметим, что этот памятник датируется исследователями по-разному. В частности, на основе встреченного при раскопках храма вещевого инвентаря археолог М. Б. Мужухоев относит Алби-Ерды к XII – началу XIII в. (Мужухоев М. Б., 1998. С. 5–14). Архитектор В. В. Пищулина датирует памятник X–XI вв. (Пищулина В. В., 2006. С. 313; Пищулина В. В., 2009. С. 64).

К XII–XIV вв. относят Алби-Ерды Д. В. Белецкий и А. Ю. Казарян (*Белецкий Д. В., Казарян А. Ю., 2009а. С. 92*). Таким образом, разброс датировок памятника составляет 400 лет, что в купе с новыми радиоуглеродными данными вновь актуализирует вопрос о продолжении дальнейших исследований на храме Алби-Ерды.

Литература

- Казарян А. Ю., Белецкий Д. В., 2009а.* Тхаба-Ерды. Предварительные результаты нового исследования храма в Ингушетии // *Архитектурное наследство. Т. 50. М.*
- Казарян А. Ю., Белецкий Д. В., 2009б.* Тхаба-Ерды: к вопросу о датировке церкви и ее месте в средневековом зодчестве Кавказа // *Вестник Археологического центра. Вып. III. Назрань.*
- Мужухоев М. Б., 1998.* Изучение храма Алби-Ерды в горной Ингушетии // *Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик.*
- Пищулина В. В., 2006.* Христианское храмовое зодчество Северного Кавказа периода средневековья. Ростов-на-Дону.
- Пищулина В. В., 2009.* Христианские храмы Тхаба-Ерды и Алби-Ерды в истории архитектуры Северо-Восточного Кавказа // *Архитектурное наследство. Т. 50. М.*
- Чаккиев Д. Ю., 2003.* Древности горной Ингушетии. Т. 1. Назрань.
- Чубинашвили Г. Н., 2002.* Ткобя-иерди. К вопросу о культурных связях Ингушетии и Грузии // *Вопросы истории и искусства. Т. II. Тбилиси.*

Е. Ю. Гончаров
Институт востоковедения РАН, Москва
Л. И. Красильникова, И. А. Козмифчук
Фонд научного краеведения Липецкой области, Липецк

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ С ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКА ПСЕБЕПС-3 (КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ)

Поселение и могильник «Псебепс-3» находится недалеко ж/д станции Варениковская Крымского района Краснодарского края, на низкой пойменной террасе левого берега р. Псебепс. В феврале 2016 г. сотрудники Фонда научного краеведения Липецкой области провели охранно-спасательные археологические исследования памятника на участке землеотвода по проекту «Сооружение электросетевого энергомоста Российская Федерация – полуостров Крым». Общая площадь исследований составила 8680 кв. м.

В результате раскопок выявлено 154 бытовых объекта, часть могильника, включавшая 160 погребальных комплексов (368 погребенных), 5 скопления керамики и 6 скопления антропологического материала. В погребениях и культурном слое памятника выявлены более 24 000 находок, собраны остеологическая и керамическая коллекции, а также представительная серия индивидуальных находок, включающая монеты.

В могильнике обнаружены каменные ящики и грунтовые погребения без наличия могильной ямы (вероятно, в деревянных ящиках). Погребенные были уложены вытянуто на спине, головой в западном направлении. Более чем в половине ящиков обнаружены подзахоронения. В целом погребальный обряд характеризуется как языческий. Антропологическое исследование 368 найденных костяков показало, что наиболее высокий уровень смертности среди жителей поселения был у мужчин в возрасте 30–40 лет (18,4%), и у детей в возрасте до 10 лет (17,6%).

На основании изучения археологического материала поселение и могильник датируются серединой XIV – началом XV в. Наиболее вероятно, что памятник оставлен адыгами.

При раскопках найдено 63 монеты, из которых: 56 серебряных (данги), 2 медные (пулы), 5 медных имитаций, покрытых белым металлом. В захоронениях обнаружено 47 шт., из них: в 23 погребениях найдено по одной монете, в 10 – по 2, в 1 находилось 4. Из пластов извлечено 16 экз. Хронологический период (по датам на монетах) охватывает с 707 г. Х. (1307/08 гг.) по 809 г. Х. (1406/07 гг.). Не все десятилетия из этих ста лет представлены равномерно, есть длительные промежутки, которые не представлены ни одной монетой. Наша гипотеза, возможно, объясняющая это факт, представлена ниже.

Данные по хронологии и местам чеканки монет собраны в табл. 1, ниже приведены самые необходимые комментарии к ним. Веса монет будут даны в публикации комплекса.

На 4 дангах поставлены надчеканки. Слово «законный» нанесено на монетах Узбека (734 г. Х.) и Абдаллаха (765, 770). Данг Узбека, судя по надчеканке,

Таблица 1.
Псебепс-3, 2016. Раскопы 1, 2, 4

Хронологические периоды	Места чеканки монет									Итого
	Азак	Кафа ал-Джедид	Крым	Янги-шехр	Орду, Улус ал-Джедид	Орду Му аzzам	Сарай, Сарай ал-Махрусса	Сарай ал-Джедид	Б.м.	
Токта, до 1312 г.*	5									5
Узбек, 1312-41.	1		9**				4**			14
Джанибек, 1341-57.							1	1 пул		2
Бердибек – Кильдибек, 1357-62.	11							1		12
Абдаллах, 1363-69.	6			1**	4**	2			1 пул	14
Токтамыш, 1379-94.	1		3		1					5
Тимур-кутлуг и Шадибек, до 1407.		1			1					2
Неопределённые джучидские										2
Имитации для монисто, фальшивые										5
Трапезунд, Венеция										2
Итого для джучидских дворов	24	1	12	1	6	2	5	2	1	63

* Монет XIII в. нет, поэтому хронология от начала XIV в.

** Один экземпляр с надчеканкой времени Абдаллаха.

попал в погребение на рубеже 1360–1370-х гг. Контрамарка в виде трехногой тамги на данге Узбека (тип 720 г. X.) датируется в тех же хронологических рамках.

Интересен факт практически полного отсутствия медных монет, обычно составляющих одну из наиболее массовых находок на золотоордынских памятниках. Один из пулов – 1340-х, с двуглавой птицей анфас – был найден в пласте. Второй – с «птицевидной» тамгой, без места и года выпуска (1360–1370-е) – в погребении.

Из 10 золотоордынских монетных дворов, продукция которых представлена в Псебепсе-3, 7 находились севернее и западнее региона находки, до современной Молдавии. Эта группа включает 47 монет (в т. ч. пул с «птицевидной» тамгой). Из нижеволжских центров чеканки представлены только три – Сарай, Сарай ал-Махрусса, Сарай ал-Джедид. Всего 7 монет, одна из которых медная. География размещения монетных дворов и статистика поступивших отсюда монет ясно показывают, что состав денежной массы рассматриваемого региона зависел от работы м. д. Азак, Крым и др., расположенных в степной полосе Причерноморья. Проникновение монет из Нижнего Поволжья носило, по-видимому, легкий «диффузионный» характер.

Иностранные монеты представлены одним трапезундским *асфром* Алексея II (1297–1330) и одним венецианским *гроссо матаном* дожа Джиованни Соранцо

Рис 1. 1 – Токта, Азак, тип 707 г. X.; 2 – Узбек, Крым, тип 713 г. X; 3 – имитация типа на рис. 2; 4 – Трапезундская имп., Алексей II; 5 – Венеция, дож Джованни Соранцо; 6 – Кильдибек, Азак, 763 г. X; 7 – Абдаллах, Орду, 766 г. X; 8 – то же, Янги-шехр ал-Махрусса, 765 г. X., надчеканка «законный»; 9 – то же, Орду, 770 г. X., надчеканка та же; 10 – Узбек, Сарай, тип 734 г. X., надчеканка та же; 11 – Узбек, Крым, тип 720 г. X., надчеканка «тамга»; 12 – пул без места и даты выпуска; 13 – Токтамыш, Орду, год?; 14 – Тимур-кутлуг, Улус ал-Джедида, 800 г. X.

(1312–1328). Обе найдены в пластах, в аспре есть расточенное отверстие, т. е. он был подвеской.

Отверстия также есть в 4 из 5 монетовидных артефактах, изготовленных из меди, покрытых тонким слоем белого металла. Три из них являются копиями дангов Узбека (Крым, 713 г.Х.), две не определены. Один (без отверстия) найден в погребении, является фальшивой монетой. Статус других четырех (в погр. – 1 шт., в пластах – 3 шт.) не ясен, возможно, это также фальшивые монеты, использованные в качестве монисто или нашивок.

К самым ранним относятся 5 монет хана Токты и 12 Узбека. Подавляющее большинство их очень слабой сохранности, сильно потертые, с утратами веса. Самая поздняя датирована 726 г.Х. (1326). Монеты 1330-х гг. отсутствуют. Выпуски времени Джанибека представлены пулом 1340-х гг. и дангом 749 г.Х. (1348/49). Монет 1350-х гг. нет, найдена только одна монета 759 г.Х. (1358), которая могла попасть с монетами 60-х годов. Последних уже много – 28 шт., из которых 16 чеканены (или надчеканены) при хане Абдаллахе. Последняя его монета имеет дату 770 г.Х. (1368/69), с надчеканкой. Монет 1370-х гг. нет. Огромные по объемам выпуска эмиссии времени Токтамыша представлены пятью экземплярами. Последние два данга с Псебепс-3 датированы 800 г.Х. (1397/98) и 809 г.Х. (1406/07).

Какими событиями или явлениями могут быть объяснены лакуны в хронологии монет, отложившихся в погребениях и культурном слое памятника? Наиболее вероятная, на наш взгляд, гипотеза связана с пандемией чумы (*Хайдаров Т. Ф., Долбин Д. А.*, 2014). Первая ее волна пришлась на 1346–49 годы. В погребения этого времени попали данги Токты и Узбека, старые, наиболее истертые, утратившие привлекательность в качестве денег. Другие же, более новые, в качестве погребального инвентаря не использовались, но о том, что они были, свидетельствуют как раз две монеты Джанибека, найденные в пластах. После первой волны мора, в 1350-х годах, какая-либо активность, связанная с использованием денег, на Псебепс-3 в нумизматических находках не отражена. Возрождение происходит в 1360-х гг., но длится оно недолго, поскольку пришла вторая волна чумы, действие которой по источникам датируется 1364–367 гг., т. е. во время правления хана Абдаллаха. В погребения этого периода попали монеты, выпущенные тогда же, так как более ранних не было. Второй раз население вернулось на Псебепс-3 уже в годы правления хана Токтамыша и проживало там еще в первом десятилетии XV в.

Кроме историко-археологической, комплекс монет с памятника содержит большой объем информации, имеющей специализированный нумизматический интерес.

Литература

Хайдаров Т. Ф., Долбин Д. А., 2014. Вторая пандемия чумы в Золотой Орде и ее последствия // Золотоордынское обозрение. № 4 (6). С. 96–112. Казань.

С. М. Гончарова
Азовский историко-археологический и палеонтологический
музей-заповедник, г. Азов

ЖИЛИЩЕ С КАМЕННЫМ ПАНДУСОМ НА УЛ. ЛЕНИНА В Г. АЗОВЕ

В 2013 г. при спасательных раскопках в г. Азове по ул. Ленина, 68 было исследовано двухуровневое жилище, от которого сохранился большой подвал. Участок раскопок находился в центральной части памятника «Городище Азак-Тана с некрополем» (XIII–XV вв.). Комплекс имел прямоугольную в плане форму и был ориентирован углами по сторонам света. Жилище попало в пределы раскопа не полностью, большая часть уходила за пределы раскопа в направлении С–СЗ–СВ. Раскопанная часть жилища имела практически ровную подпрямоугольную форму размерами 5,5×0,25 м.

В жилище было два входа. Первый вход располагался с восточной стороны. В него вели земляные ступени, позднее превращенные в пандус. Пандус был выложен небольшими обломками ракушечника у его северо-западной стены. По уровню глубин выделяются три ступеньки. При разборе пандуса выяснилось, что слой мелких камней лежал на материковом откосе, усиленный с боков массивными

Рис. 1. Жилище с пандусом, вид с В

обработанными плитами ракушечника, уложенными в специальные ступенчатые углубления в материке. Вход в помещение располагался в средней части, поэтому можно предположить, что в пределы раскопа входила примерно половина жилища, и на этом основании вычислить его возможную площадь.

Второй вход располагался возле юго-западной стенки жилища, он, видимо, представлял собой деревянную лестницу, на существование которой указывают две базы колон, сложенные из камня. Зафиксированы два стоявших рядом валуна с плоской поверхностью, размерами 1×0,8 м; 1,2×0,8 м, служивших опорой для деревянной лестницы. К сожалению, один из камней был смещен обрушившимся на него обломком фундамента с последовавшим за этим осыпанием отвала.

В западном и восточном углу жилища зафиксированы горизонтальные углубления подпрямоугольной формы. Прямо под пандусом находилась небольшая яма хозяйственного назначения, колоколовидная в сечении. На дне жилища расчищено несколько столбовых ям малого диаметра, округлой формы и небольшое выемочное углубление удлиненной аморфной в плане формы. Примерно по центру зафиксирована столбовая ямка подпрямоугольной формы с прокаленными краями.

В заполнении жилища было найдено большое количество керамики, костей и монет, которые на настоящий момент остаются не разобранными. Следует выделить особо подвеску-колокольчик, найденную в верхних слоях землянки. Жилище датируется монетным материалом первой половины XIV в.

В юго-западной части жилища у стенки расчищено погребение, которое было совершено после того, как жилище забросили. Возможно, это захоронение относится к расположенному рядом могильнику, при раскопках которого расчищено 46 погребений.

В. Н. Городовая, Н. А. Калинина
*Специальная астрофизическая обсерватория РАН,
пос. Нижний Архыз*

О. В. Орфинская
*Всероссийский художественный научно-реставрационный центр
им. академика И.Э. Грабаря, г. Москва*

КОЛЛЕКЦИЯ ТКАНЕЙ МУЗЕЯ САО

В фондах музея хранится большое количество тканей из скальных погребений могильников Северного Кавказа: холщовые ткани разного качества и изделия из них, шелковые ткани различных центров производства, шерстяные фрагменты. Текстиль – это материал, который крайне редко сохраняется в почвенных условиях, и поэтому коллекция археологического текстиля VIII–IX вв. в музее САО может быть включена в ряд одной из лучших коллекций средневекового текстиля. Ткани из могильников Северного Кавказа представлены в коллекциях Ставрополя и Эрмитажа (*Иерусалимская*, 2012. Мощевая Балка), однако новые находки существенно дополняют наши знания и шире отражают жизнь раннесредневекового аланского общества. В скальных могильниках, расположенных на кавказском отрезке Великого шелкового пути, сохранились ткани, несущие информацию о средневековом текстильном производстве от Китая до Византии. Целые формы мужской, женской и детской одежды помогают визуализировать внешний облик средневекового аланского населения. Импортные ткани дают информацию о торговых связях Алании, а местные – отражают уровень развития текстильного производства на этой территории.

В 2016 г. фонд им. Марджани передал в дар музею САО коллекцию тканей, с условием реставрации и размещения в экспозиции музея.

В 2017 г. 32 предмета из коллекции музея были реставрированы сотрудниками Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. И.Э. Грабаря, ГМИИ им. Пушкина и Реставрационного центра ООО «Феномен». Одиннадцать предметов заявлены для включения в Музейный фонд РФ.

В. Д. Гужин, Д. Д. Ёлишин
Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

НОВЫЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХРАМ В ПОРТОВОМ РАЙОНЕ СУДАКА (К ВОПРОСУ О ПЕРЕКРЫТИЯХ ЗАЛЬНЫХ ХРАМОВ ВИЗАНТИЙСКИХ ПРОВИНЦИЙ КАВКАЗА И КРЫМА)

Юго-Восточная Крымская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа с 2016 г. исследует ранее неизвестный храмовый комплекс и прилегающий к нему могильник на раскопе 10 в портовом районе городища Судак.

Архитектурный комплекс находится на скальном склоне, имеющем явные следы приспособления для возведения построек. Это вертикальные подрубки скалы для строительства подпорной стены, ограничивавшей и поддерживавшей террасу храма с юга, подрубки для возведения северной стены северного придельного храма, для фундаментов апсид, а также для неизвестных пока конструкций к северо-западу от храма. Кроме вертикальных подрубок, перед возведением комплекса было сделано выравнивание площадки, в южной части которой имела искусственная терраса. В пределах основного храма скальная площадка была дополнительно вымощена постелистыми плитами, на которых в дальнейшем без какого-либо цоколя возведены стены, а сами плиты являлись полом наоса основного храма, за исключением алтарной части. Северный придельный храм не имел такой подготовки, его полом служила подрубленная скальная поверхность, а тонкая кладка нижней части его северной стены, от которой ничего не сохранилось, заполняла вырубку в скале.

Открытый храмовый комплекс состоит из разновеликих компартиментов. Самым большим является помещение наоса основного храма. С запада к наосу примыкает небольшой нартекс, соединяющийся проемом перехода. С северной стороны к восточной части наоса пристроен небольшой придельный храм. Основной объем храма и придел имеют полукруглые апсиды. Не исключено, что с южной стороны к наосу примыкал симметричный придельный храм. Перечисленные архитектурные объемы комплекса имеют общие стены, между ними отсутствуют вертикальные швы, что позволяет считать храмовый комплекс построенным одновременно по единому замыслу.

Стены основного однонефного зального храма сложены из постелистых плит песчаника, толщина стен составляет около 0,6 м. Нижняя часть северной стены основного храма сохранилась на 3–4 ряда кладки. Внутренних членений, пилястр или лопаток в основном храме не прослеживается. Почти в центре северной стены наоса прослеживаются остатки дверного проема шириной 0,6 м. Южная стена алтарной части сохранилась лишь в виде нескольких плит *in situ* и отпечатков раствора нижнего ряда кладки на плитах вымостки. Южная стена храма почти не сохранилась, на ее месте зафиксирован ряд ограбленных погребений, перекрытых вторично употребленными плитами вымостки. Первоначальная плитная вымостка в западной части наоса также сильно повреждена погребениями.

Пол алтаря был поднят относительно пола наоса примерно на 20 см и вымощен правильными тесаными плитами нуммулитового известняка толщиной

около 10 см, уложенными на подсыпку из глины с известковым раствором. На расстоянии 1,36 м восточнее восточной грани северного проема отчетливо читается поперечная по отношению к оси храма граница подсыпки под пол алтаря. Вероятнее всего, она маркирует место расположения темплона (алтарной преграды), за которой начинался повышенный пол алтаря. На плите, размещенной в северо-восточном углу, сохранилось выдолбленное углубление диаметром 12 см, вероятно, под столбик. Не исключено, что в этом углу располагался небольшой жертвенник в виде столика на двух столбиках. Вдоль северной стены апсиды сохранилось 3 камня, отступающих от стены на 22 см и образующих, вероятно, синтрон или его основание. Следов престола прослежено не было.

В центральной части наоса основного храма *in situ* были обнаружены развалы кладок свода. В развале найдены 35 целых тесаных блоков из копсельского песчаника, один торец которых имеет вогнутую поверхность как в плане, так и в сечении, что свидетельствует о сферической поверхности конструкции. Более 10 блоков сохранили на вогнутой поверхности остатки тонкого слоя фресковой штукатурки с обильной примесью соломы. Характер развала не позволяет отнести блоки к фрагментам конхи апсиды, зенит которой находился на расстоянии 3,5 м к востоку. Можно уверенно говорить о том, что наос венчал купольный свод, опиравшийся на парусные конструкции и, возможно, не имевший барабана. Система опор основания купола пока остается загадочной. Возможными вариантами являются подпружные арки на консолях или повышенный поперечный свод. Под развалом блоков свода сохранился слой разрушений с окрашенными фрагментами фресок. В этом слое на полу наоса обнаружены монеты конца XIII в., датирующие время разрушения основного объема храма.

Северный малый храмик явно изолирован от наоса и открыт на запад порталом, оформленным аркой из тесаных блоков копсельского песчаника. Уровень пола на 30 см выше уровня пола наоса. Вероятно, этот компартимент являлся приделом. На южной стене храма сохранилось оформление плоской ниши, боковые грани которой выложены с использованием копсельского песчаника. Вероятно, нишу перекрывала арка из того же материала. Проход к придельному храму осуществлялся по узкому «коридору» между северной стеной основного объема и подрубленной скалой к северу от нее. В скале отчетливо читается дополнительная подрубка (ниша?). Вопрос о перекрытии «коридора» решить трудно. Не исключено, что он был перекрыт каменным сводом. В северном придельном храме, а также в «коридоре» к западу от него был прослежен дополнительный слой пола – утрамбованный грунт с фракцией известкового раствора. В этом слое к западу от северного придельного храма обнаружены монеты XV в. К этому времени, вероятно, и стоит отнести появление нового пола на этих участках. Можно уверенно говорить о том, что маленький придельный храм и коридор использовались после разрушения основного храма в начале XIV в, а северный арочный портал, который не сложен в связку со стенами нартекса, по-видимому, представляет собой вторично использованную конструкцию парадного входа в придельный храм.

Здесь следует подчеркнуть, что особое использование копсельского песчаника является заметным приемом строителей исследованного храма. Более пористый и менее плотный, чем плитняк, он применен только в отдельных арочных

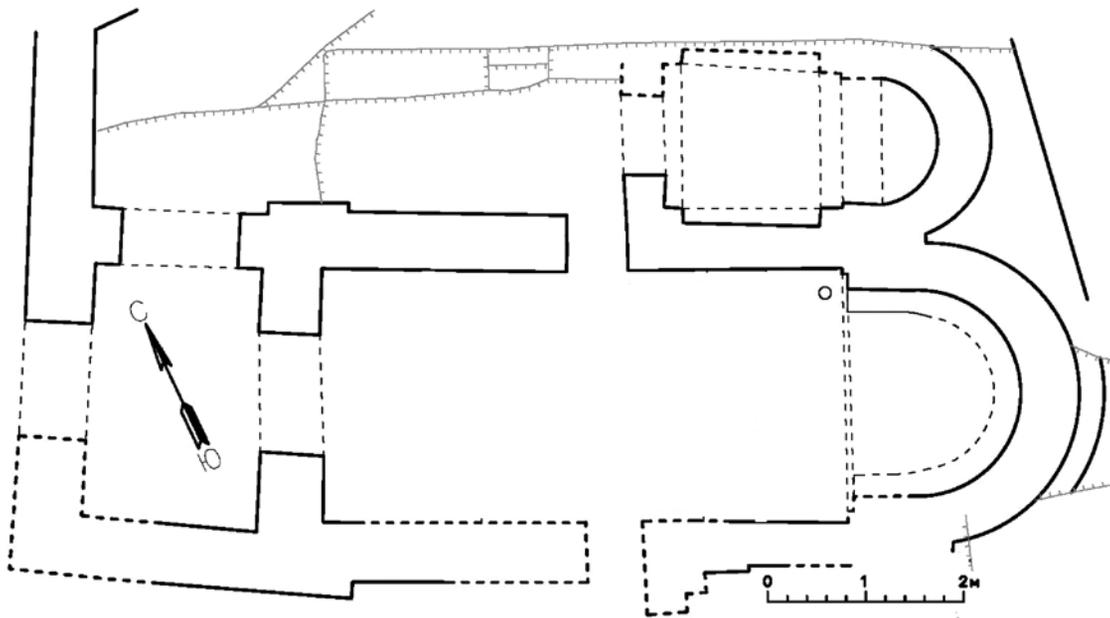
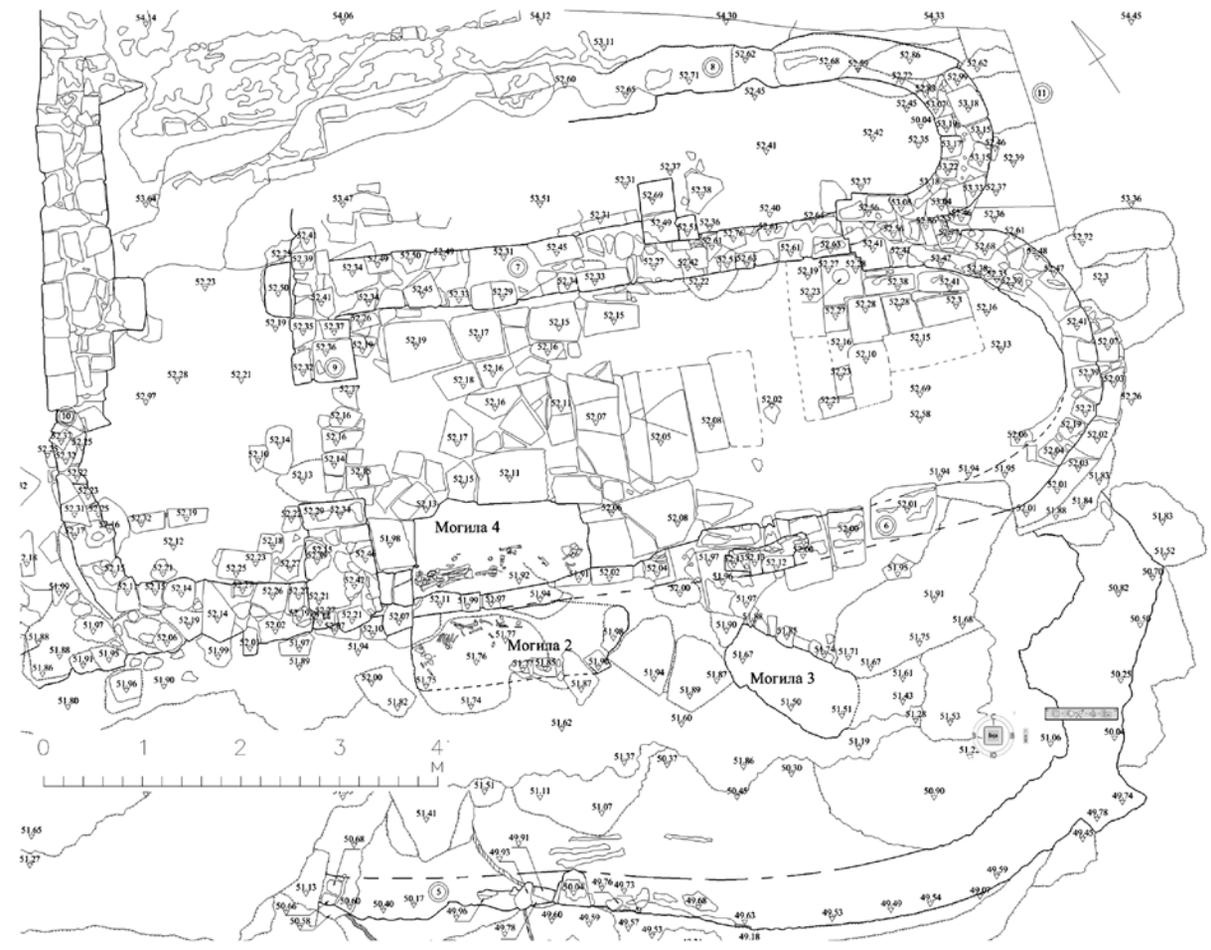

Рис. 1. Судак 2017. Раскоп 10. План и реконструкция Храма

и сводчатых конструкциях. Вероятно, это было сделано не столько для их облегчения, сколько с явным намерением сделать парадными эти конструкции за счет регулярного характера квадратной кладки.

Площадь устроенной для возведения храма террасы простирается на 3 м к югу от южной стены основного храма. Этого пространства было достаточно для возведения симметричного северному южного придельного храма. К сожалению, в результате обрушения и оползания террасы по склону от этих конструкций сохранился лишь отпечаток раствора нижнего ряда кладки, отступавшей примерно на 40 см к югу от фасадной поверхности южной стены и по очертаниям схожей с симметричным выступом северной стены основного храма, одновременно образующим южный откос западного входа в северный придельный храм.

Необходимо указать на обнаружение отдельных фрагментов более ранних конструкций, существовавших на месте храма. Это фрагменты кладки, сложенные на известково-цемяночном растворе и сохранившиеся к западу и к северу от храма. Конфигурация и назначение ранних сооружений пока не ясны. Часть приспособлений (подрубок) скалы и строительных материалов, использованных в храме, могут относиться к этому, более раннему, этапу.

Открытый в портовом районе Судака новый храм представляет собой значительный интерес для изучения византийской архитектуры причерноморских провинций как минимум по двум причинам: 1. Необычность планового решения с одним или двумя придельными храмиками, возведенными одновременно и в перекрестии с основным объемом зального храма. 2. Перекрытие зального храма большим купольным сводом, что соотносит его с распространенным в византийской провинции типом «купольного зала», хотя открытые плановые характеристики постройки (отсутствие внутренних опор и относительно небольшая толщина стен) пока не дают для этого убедительных оснований.

Т. Диасамидзе

*Государственный университет театра и кино имени Шота Руставели,
Республика Грузия, г. Тбилиси*

ПОТЕРЯННАЯ КОМПОЗИЦИЯ ДРЕВА ЖИЗНИ ИЗ ИНГУШСКОГО ХРАМА: ТХАБА-ЕРДЫ И ЕГО СВЯЗЬ СО СРЕДНЕВЕКОВЫМ ГРУЗИНСКИМ ИСКУССТВОМ

На территории Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия, Балкария и т.д.) зафиксировано несколько памятников христианской архитектуры, имеющих связь с грузинской христианской архитектурой. Эти связи были выражены по-разному: архитектурные, лингвистические, этнографические или этнологические позиции. Представленная нами работа посвящена композициям древа жизни, которые были обнаружены на территории Северного Кавказа – в Дагестане и Ингушетии.

Храм Тхаба-Ерды, расположенный в Ингушетии, позволяет предполагать о наличии грузинского следа на Северном Кавказе. В 1901 г. во время научного исследования Тхаба-Ерды Н. П. Тульчинский нашел небольшую глиняную черепицу (размер 10×12 см) с изображением развесистого плодоносного дерева, у которого по бокам изображен мелкий рогатый скот. Между ногами животных – старогрузинские буквы.

Известно, что указанный сюжет – животные, стоящие возле древа жизни, является символической композицией христианского искусства с ранних времен и встречается в разных регионах христианского мира. Это характерно и для грузинского искусства. Важно, что отдельные образцы найдены среди памятников Дагестана (дагестанско-албанские объекты). На одном из таких сюжетов вместо дерева изображена рыба.

Рельеф из Тхаба-Ерды мы рассматриваем как в контексте христианского искусства, так и грузинского, и в общем кавказского, показывая его художественные особенности и значимость.

К сожалению, этот рельеф на сегодня считается утерянным, так как в исследованиях последующего времени не встречается никакой информации. Ничего не сообщает о нем и Георги Чубинашвили, который описал храм в 1940-х годах. Также ничего не сообщается о рельефе и при реставрационном исследовании, проведенном в 1970-е годы. Таким образом, указанная композиция представляется достаточно интересной и судить о ней можно только по «Каталогу» 1902 г.

А. В. Дмитриев
ОАО «Наследие Кубани», г. Краснодар
И. А. Дружинина
Институт археологии РАН, г. Москва

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК СИДОРЕНКОВА ЩЕЛЬ

В 2011 г. экспедицией ОАО «Наследие Кубани» под руководством А. В. Дмитриева проводились исследования курганного могильника Сидоренкова щель, расположенного в 0,87 км к юго-западу от окраины п. Зверосовхоз (округа Новороссийска), на западном склоне горного отрога, между Сидоренковой и Чубуковой щелями.

Основная часть, вероятно, крупного могильника была уничтожена планировкой при посадке соснового бора и срезана широким противотанковым рвом в 1942 г. Удалось исследовать (раскопать) только сохранившиеся на склоне 15 курганов и пространство между курганами 1, 5, 6 (площадь № 16). В курганах обнаружено 37 погребений, на площади № 16 – 3 погребения. Количество погребений под одной насыпью – от 1 до 5. Насыпи земляные. По основанию курганов выявлены каменные конструкции различных типов: обкладки из вертикально поставленных (к. 2, 10–14) и уложенных плашмя (к. 9, 13, 14) каменных плит; обкладка подпрямоугольной формы, ориентированная углами по сторонам света, – к. 8; многорядная и многоуровневая обкладка с крупными плитами в основании, уложенными по окружности (к. 1, 3, 4). В к. 5–7, 11, 12 обкладки отсутствовали. Вокруг курганов 6 и 7 выявлены ровики.

В к. 5 центральное (и единственное) захоронение совершено в каменном ящике. Во всех остальных курганах центральные (основные) захоронения совершены в грунтовых ямах с ЮЗ ориентировкой погребенного. В к. 1, 8 основные погребения и в к. 12 впускное находились под каменной наброской. В к. 9 погребение совершено в яме со ступеньками вдоль торцевой ЮЗ и боковой ЮВ стенок. Только в основных погребениях к. 1, 2, 6, 8–12 выявлены остатки деревянных гробов, в к. 7 фрагменты гробов выявлены и в основном погребении, и во впускном (в каменном ящике).

Прямоугольная форма гроба (1,5×0,35 м) прослежена в п. 2, к. 2; подтрапециевидная – в п. 3, к. 8: (2,14×0,54–0,46 м). В к. 6 вместе с фрагментами дерева выявлены гвозди.

Впускные погребения (от 1 до 4-х) совершены в насыпях на небольшой глубине (ок. 30 см). Ориентировка умерших: ЮЗ – 72,7%; З – 18,2%; ЗЮЗ – 4,5%; Ю – 4,5%. Девять впускных захоронений совершены в каменных ящиках. За исключением парного погребения в к. 1 гробницы содержали по 1 скелету. В 6 каменных ящиках выявлены плиты перекрытия, в 6 – плиты дна.

В к. 1 и 10 находились керамические сосуды: в п. 1 – в ногах умершего, в п. 2 – у черепа, в п. 4 – за ступнями и у коленного сустава.

Впускные погребения к. 2, 3, 8–13 совершены без погребальных конструкций, в 6 случаях фиксировался разворот скелета на правый бок. Такое же положение выявлено и у погребенного в могиле 3 площади № 16, при этом колени и ступни сведены вместе.

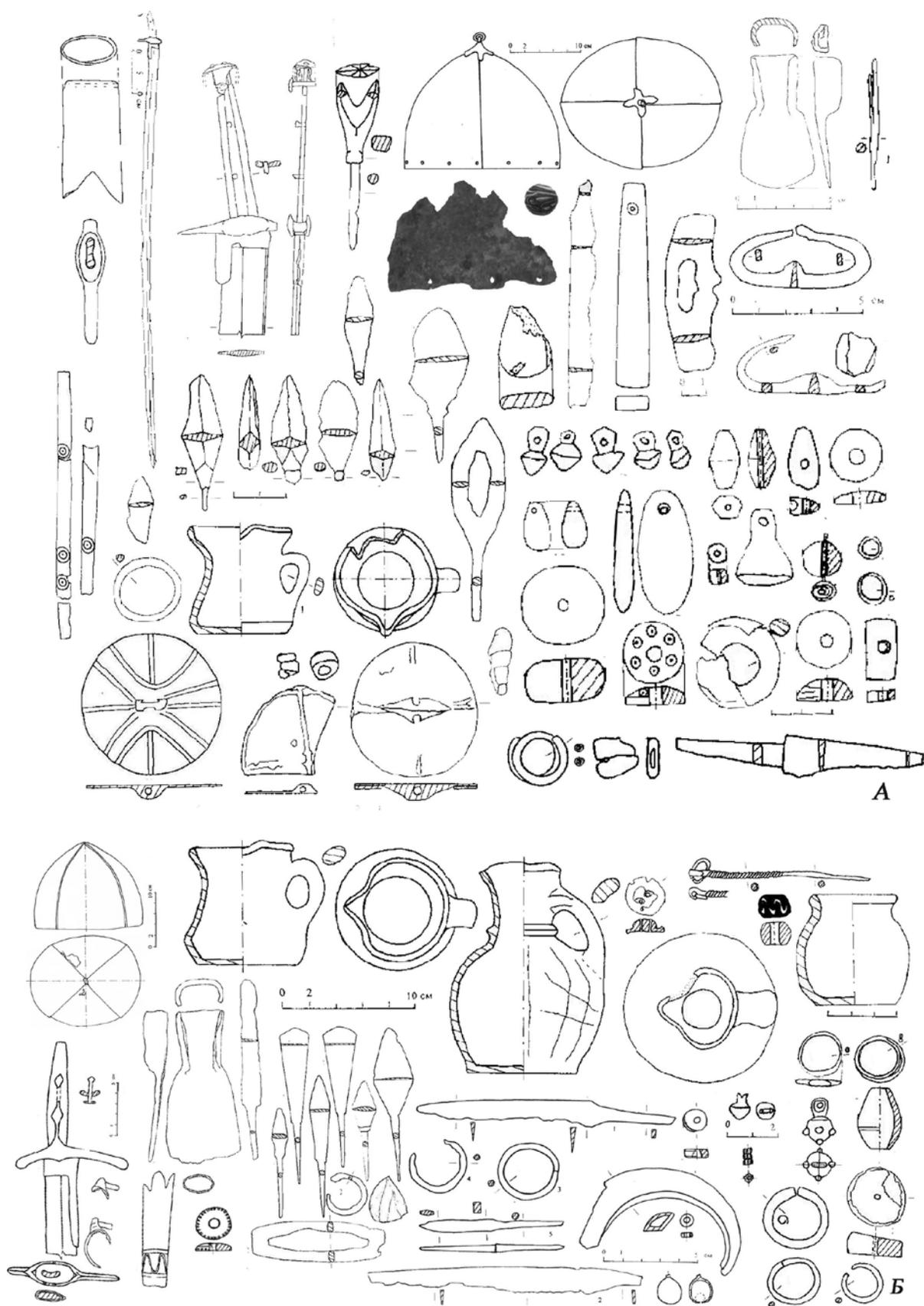

Рис. 1. Инвентарь из погребений могильника Сидоренкова щель

Нестандартным для местных могильников являются грунтовые захоронения в межкурганном пространстве: 2 грунтовых и 1 в каменном ящике (детское).

В целом на материалах могильника четко выделяются две погребальные традиции: подкурганные одиночные погребения (исключение – коллективное захоронение к. 13) в грунтовых ямах, в гробах; одиночные погребения в каменных ящиках. Во всех курганах, за исключением к. 5, погребения в каменных ящиках – впускные, что указывает и на хронологическую разницу (каменные ящики появились позднее), и на различный этнокультурный состав оставившего могильник населения.

Целый ряд черт погребений первой группы находят аналогии в захоронениях кочевников золотоордынского времени: ровики вокруг индивидуальных курганов, подпрямоугольные околкурганные каменные оградки, ориентированные углами по сторонам света, каменные наброски над могилами, ямы с заплечиками (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 124; *Нарожный*, 2005. С. 127–162; *Атавин*, 2008. С. 88; *Чхаидзе, Дружинина*, 2010а. С. 187, 190, 199, 202; *Чхаидзе, Дружинина*, 2010б. С. 115, 118). Во впускном погребении 3 в каменном ящике к. 11 выявлена скорлупа куриных яиц.

Погребения в каменных ящиках могут быть связаны с населением Северо-Восточного Причерноморья, где этот обряд известен со времен поздней античности.

Ряд погребений позволяет говорить о смешении черт обеих традиций, в т. ч. в к. 7 подросток был захоронен в гробу, впущенном в каменный ящик; в погребении ребенка (п. 1, к. 10) находилась керамическая кружка, но за пределами гроба.

Погребальный инвентарь включает предметы вооружения, орудия труда, детали костюма и украшения. Монеты не выявлены. Посуды сравнительно мало – 2 кружки, кувшин и лепной горшок. Остатки кувшина найдены в ограбленном каменном ящике кургана № 1.

В 7 центральных, 2 впускных и 1 грунтовом погребениях найдены длинные среднеизогнутые сабли. В 4 случаях им сопутствовали сфероконические 4-частные шлемы. К обычным находкам относятся черешковые ножи с прямой спинкой, кресала – усеченноовальное и калачевидные с невысоким язычком и разомкнутыми концами, мотыжки, оселки, наборы наконечников стрел. Женские украшения бедны. Бусы стеклянные монохромные зонные, шарообразные, 3-частная розетковидная в сечении, полихромные – шаровидная с бело-розовыми разводами, черная с белой волнистой и прямой нитью; каменные (крупные круглые плоские янтарные, 12-гранная бипирамидальная сердоликовая); различные подвески (из раковин моллюсков, янтарные, шаровидная сердоликовая, лазуритовая); провололочные колечки. Трижды встречены височные подвески из бронзовой позолоченной трубки, заполненной оловом. Пуговицы – бронзовые грибовидные цельнолитые и костяные – сегментовидные с орнаментом и без, а также прямоугольные. В трех погребениях выявлены бронзовые зеркала.

При значительной однородности вещевых находок можно отметить заметные различия в составе инвентаря двух групп погребений. Так, 4 из 5 керамических сосудов выявлены в каменных ящиках. В этих погребениях сосредоточено большинство находок провололочных спиральных колец. Находки бус единичны (рис. 1Б). Зеркала обнаружены только в погребениях в грунтовых ямах. В этой

группе захоронений более выражен «степной» облик вещевого комплекса, в состав которого входили орнаментированные накладки на лук, костяная цурка, лазуритовая подвеска (рис. 1А). В женских погребениях этой группы выявлены ожерелья из бус, а также височные кольца из позолоченной бронзовой полой трубки, обычно соотносимые с кочевническими украшениями (*Армарчук, Дмитриев, 2014. С. 46*).

Антропологический анализ показал следующий состав захороненных: мужчин – 17, женщин – 9, подростков 14–16 лет – 4, детей до 14 лет – 9. Двое были инвалидами: женщина старше 50 лет и мужчина 20–25 лет. Пятидесятилетний возраст пережили только 4 человека.

В целом при раскопках могильника получен ценный материал, который дает представление об обитателях горных районов Северо-Западного Кавказа в золотоордынское время. Погребальный инвентарь позволяет сузить датировку могильника до конца XIII – первой половины XIV в.

Литература

- Армарчук Е. А., Дмитриев А. В., 2014.* Цемдолинский курганно-грунтовый могильник. М.
- Атавин А. Г., 2008.* Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны Юга России в конце IX – первой половине XIII вв. (печенеги, торки, половцы) // *Древности юга России.* М.
- Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н., Нарожный Е. И., 2011.* Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир–М.
- Нарожный Е. И., 2005.* Средневековые кочевники Северного Кавказа (некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1966.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А., 2010а.* Средневековые кочевнические погребения в Нижнем Подонье (Курганный могильник Арпачин II) // *МИАСК. Вып. 11.* Армавир.
- Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А., 2010б.* Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // *Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии.* № 1. М.

А. В. Дмитриев, Е. И. Нарожный, П. В. Соков
НАО «НАСЛЕДИЕ КУБАНИ», г. Краснодар

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
УРОЧИЩА «МОЛОКАНОВА ЩЕЛЬ»**

(сел. Прасковеевка – г. Геленджик Краснодарского края)

Урочище «Молоканова щель» соседствует с сел. Прасковеевка Дивноморского округа г. Геленджик (к востоку от долины р. Джанхот). Урочище занимает узкое и сравнительно глубокое ущелье с крутыми склонами и каменистым дном и с небольшой, обычно пересыхающей летом р. Азмашах на выходе из ущелья впадающей в Черное море. Склоны ущелья покрыты густым лесом из дуба, граба и сосны. Основная масса археологических объектов, выявленных разведками, впервые проводившимися здесь А. В. Дмитриевым, сосредоточены в устье р. Азмашах, на расстоянии от 60 до 400 м от берега моря. В основной своей массе – это средневековые курганные группы, насчитывавшие более 200 насыпей небольшого диаметра. Там же находился участок древней стены (Дмитриев, Нарожный, Соков, 2008. С. 16, рис. 5), вытянутой от правого берега р. Азмашах поперек ущелья; толщина ее остатков около 2 м; предварительно, по аналогиям в районе Новороссийска – Геленджика, была отнесена к «античному периоду» или к «византийскому времени». К сожалению, после раскопок курганов, стена была уничтожена строителями.

Охранно-спасательные археологические исследования курганов «Молокановой щели» проводились по линии планировавшегося строительства высокой ограды вокруг уже строившегося «круглогодичного детского пансионата Дагомыс», что определило выборку из 22 курганов (рис. 1), исследованных за три полевых сезона: в 2007 г. 10 курганов (гр. № 4, кург. № 14 и кург. №№ 15, 19, 20, 24, 34, 36, 37, 39, 75 гр. № 5). В 2008 г. было раскопано еще 6 курганов (гр. 4, кург. №№ 29, 13, гр. 5, кург. №№ 9–10, 27, 32) (Дмитриев, Нарожный, Соков, 2008. С. 13–21) и 5 курганов было исследовано в 2009 г. (кург. №№ 1, 7, 11, 17, 18). В результате территории раскопок охватила значительный по протяженности участок. Курганные насыпи небольших диаметров, как правило, грунтовые, нередко – грунтовые с каменными «оградками» округлой, округло-овальной, подквадратной или ромбической форм по внешнему периметру кургана, иногда – с булыжными набросками или панцирной кладкой В курганах выявлено от 1 до 7 человеческих захоронений в каждом, иногда – с сопровождением одиночными погребениями.

Под насыпями и внутри них преобладают труположения, совершенные в длинных грунтовых ямах, нередко обложенных камнями по внешнему контуру ям (рис. 2). Многочисленны и захоронения по обряду трупосожжения в урнах, в качестве которых использовались разнообразные гончарные сосуды. Судя по инвентарю, трупосожжения были не только индивидуальными. Заметное количество погребений было совершено и в каменных ящиках. Погребения взнузданных лошадей, как правило, совершены в материке, в центральной части курганов; в нескольких случаях выявлены и остатки деревянных столбиков «коновязи».

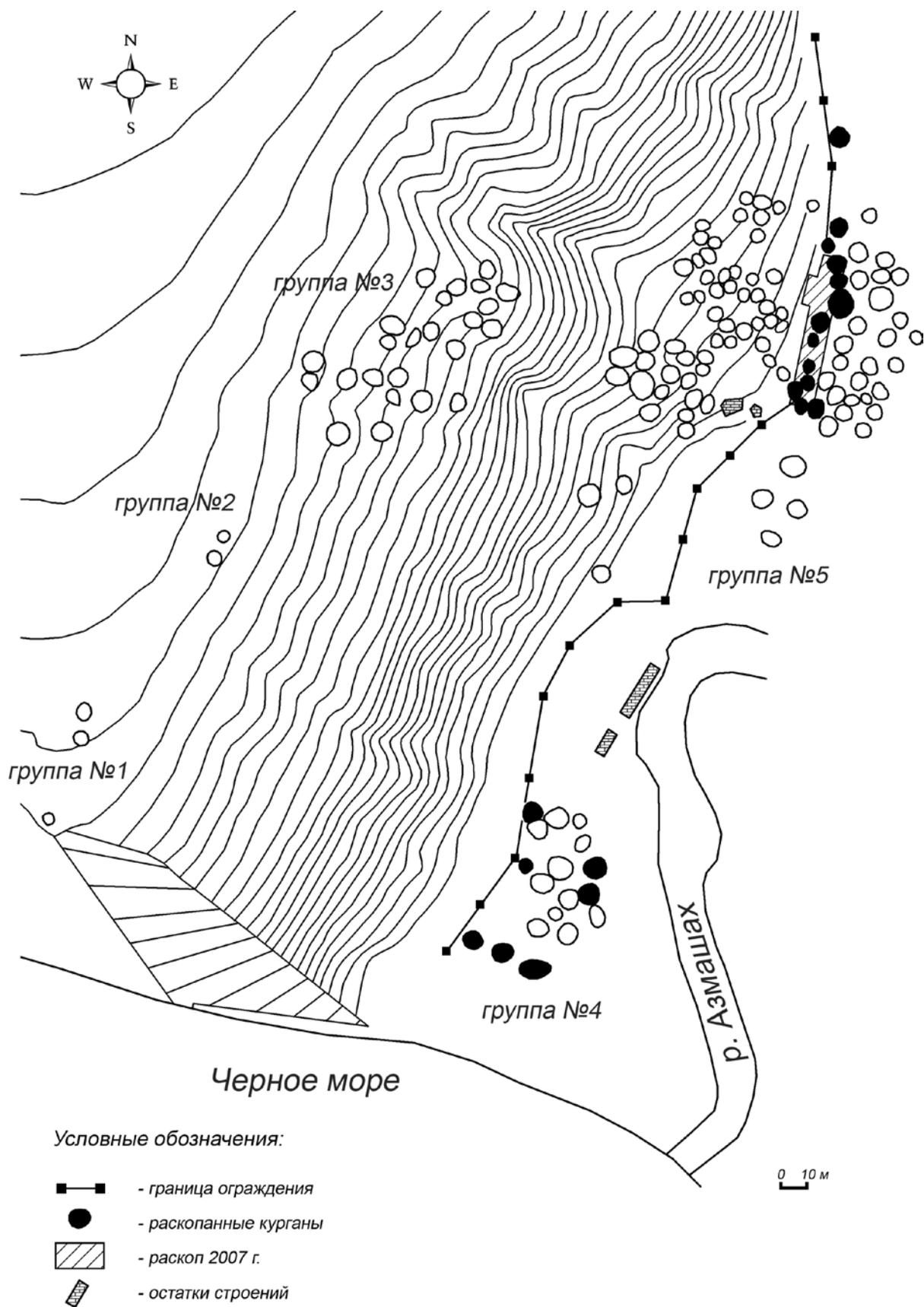

Рис. 1. Расположение памятников археологии в устье реки Азмашах

Рис. 2. Раскопанный курган № 32 группы № 5

Сопроводительный инвентарь разнообразен. Захоронения коней с удилами и стременами; воинские захоронения (в кремациях и ингумациях) сопровождаются железными саблями, костяными орнаментированными накладками на лук и колчан, наконечниками стрел. В отдельных случаях – остатки щита, четырехчастного шлема, топора, наконечников стрел. Женские погребения – с различными изделиями из лепной и гончарной керамики, пряслицами, единичными изделиями из стекла, пуговицами-бубенчиками, украшениями и пр. (Дмитриев, Нарожный, Соков. 2008. С. 18–19). Инвентарь определяет и суммарную датировку захоронений, укладываемую в пределы XIII–XIV вв. Сосуществование под одной насыпью разнотипных захоронений (лошадь + кремация в урне + грунтовые ямы и каменные ящики), либо в других их сочетаниях, заставляет воспринимать некрополь как памятник со смешанными типами погребальных обрядов представителей разных этнокультурных групп кочевого и, возможно, оседлого населения, скорее всего, находившихся в тесных отношениях, свидетельствующих о еще незавершенном, этнообразующем процессе взаимодействующих групп населения этого микрорегиона.

Внутри курганов № 20 и № 24 были выявлены фрагменты керамики средней бронзы; в кургане № 24 под средневековой насыпью (глубина около 2 м от дневной поверхности) выявлена каменная круглая в плане гробница и 2 младенческих захоронения с сосудами эпохи бронзы. Одно из захоронений находилось в каменном ящике. После завершения исследования курганов, на одном из участков курганного могильника была вскрыта часть поселения со слабонасыщенным

Рис. 3. Каменные гробницы эпохи бронзы

культурным слоем (рис. 1), предварительно датированного раннежелезным временем (Дмитриев, Нарожный, Соков, 2008. С. 21, рис. 15). Кроме того были вскрыты и две каменные гробницы (рис. 3), к сожалению, ограбленные еще в древности (Дмитриев, Нарожный, Соков, 2008. С. 21, рис. 16). По их стратиграфии они предварительно отнесены к эпохе бронзы.

После отмеченных работ, на памятнике был вскрыт еще один курган раскопками ООО «Кубаньохракультура». После завершения исследований могильника «Молоканова щель», к сожалению, значительная часть некрополя, уже при строительстве ограды пансионата и благоустроенной автодороги вдоль нее, привели к безвозвратной и безнаказанной утрате значительной части курганов могильника.

Литература:

Дмитриев А. В., Нарожный Е. И., Соков П. В. Охранно-спасательные археологические исследования в «Молокановой щели» // ЦАИ. Отчет по НИР за 2008 год / Отв. ред. Е. И. Нарожный- Армавир: АГПУ. 2008. С. 13–21

З. В. Доде

*Федеральный исследовательский центр ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону
ООО «Наследие», г. Ставрополь*

К ВОПРОСУ ОБ АЛАНО-ВИЗАНТИЙСКИХ СВЯЗЯХ НА ПРИМЕРЕ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

В 14 катакомбе Змейского могильника сохранились фрагменты одежды, украшенной золоченой аппликацией. Т. Д. Равдоникас, относя эту находку к «одному из видов парадной одежды» местного населения «периода существования Змейского могильника», возводила ее к «платьям придворного византийского облика» (1990, С. 98). В. А. Кузнецов полагает, что «византийское происхождение змейского «узорочья» вполне возможно, и в таком случае мы имели бы редчайшее и документально достоверное свидетельство тех политических и культурных связей между Константинополем и Аланией, о которых неоднократно сообщают древние авторы» (1992, С. 266).

Одежда из 14 катакомбы украшена выполненной из позолоченной кожи аппликацией в виде плетенки с узлами в сочетании с тонкими линиями остроугольных фигур. Подобные узоры действительно часто встречаются на предметах византийского декоративно-прикладного искусства. Вместе с тем плетеные орнаменты – довольно распространенный мотив, не имеющий точной даты и локализации. Возможно, в дальнейшем применение естественнонаучных методов позволит установить точное место происхождения материалов и время изготовления одежды из 14 катакомбы. Пока же одежда с золоченой аппликацией представляется результатом опосредованного влияния византийской культуры на декоративно-прикладное искусство населения, оставившего Змейский могильник. Непосредственный источник орнаментальных мотивов, украшающих одежду из 14 катакомбы, видится в декоре архитектурного убранства средневековых христианских храмов на территории современной Абхазии. Единство прослеживается не только в наборе сходных орнаментальных мотивов, но и в тектонике орнамента. В данном случае одинаковый декор служит основанием для относительной синхронизации артефактов, выполненных из разных материалов, и свидетельствует о тесных культурных связях народов, проживавших в эпоху Средневековья по обе стороны Кавказского хребта.

Литература

Кузнецов, В. А., 1992. Очерки истории алан. Владикавказ.

Равдоникас Т. Д., 1990. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа. Л.

Т. М. Достиев
Институт археологии и этнографии НАНА, г. Баку

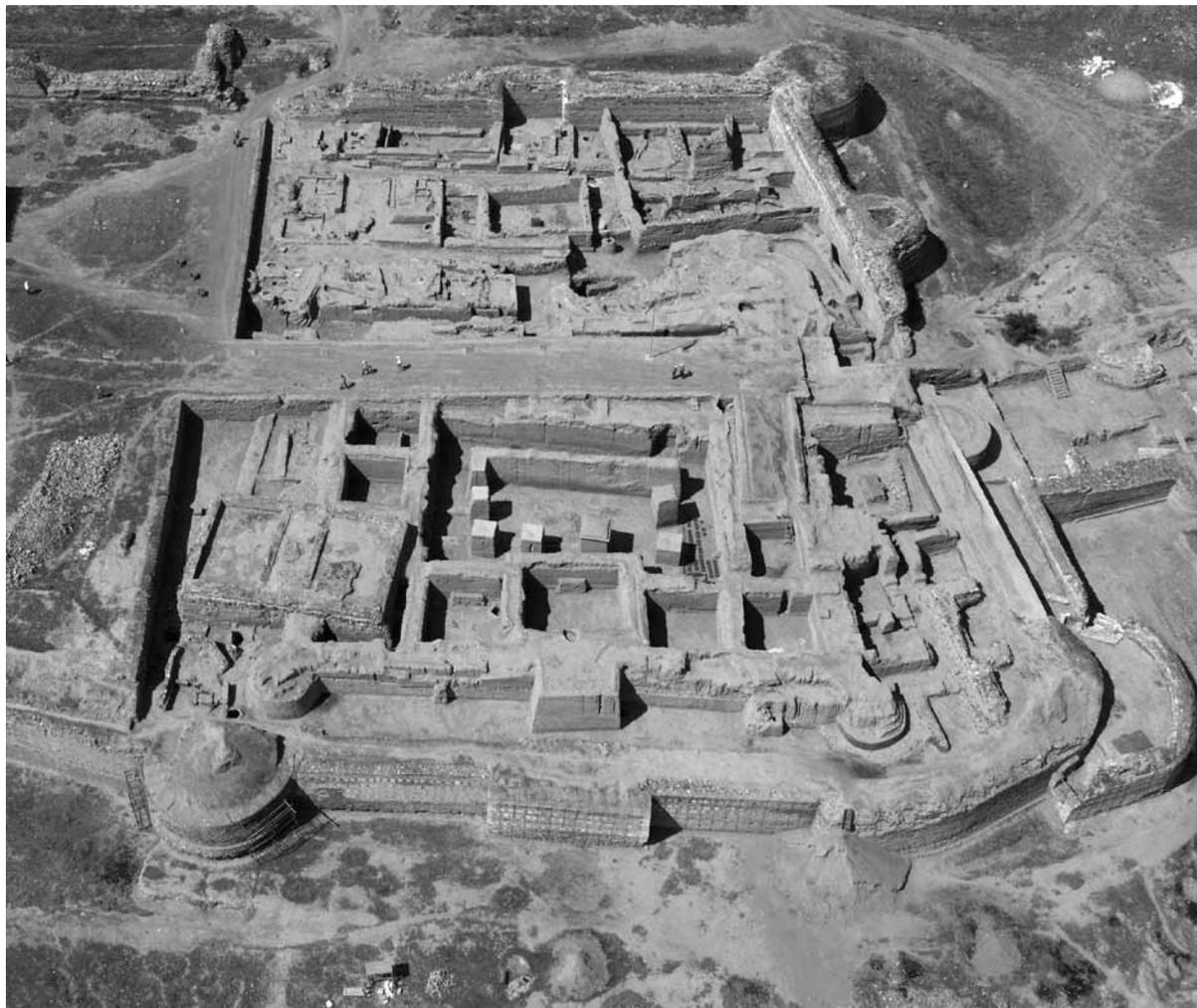
ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИТАДЕЛИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА ШАМКИР

Городище Шамкир расположено в западном регионе Азербайджанской Республики, на левом берегу р. Шамкирчай, на северной окраине сел. Мухтарий-йа Шамкирского района (координаты месторасположения N 40°50'70,10'', E 46°07'14,10''). Цитадель города расположена в восточной части городища. Она в плане прямоугольная, вытянутая с юга на север и занимает площадь более 1 га. Археологические раскопки на территории цитадели ведутся с 2007 г.

В процессе археологических изысканий культурный слой более половины территории цитадели (0,6 га) изучен и получен значительный фактический материал, позволяющий выявить общие и особенные черты фортификационных сооружений, общественных зданий и жилищ, инженерных устройств города. Цитадель обнесена мощной оборонительной стеной с башнями и контрфорсами. Фундамент крепостной стены в зависимости от рельефа и характера грунта отличался. Так, если у северо-восточной башни фундамент и цоколь были мощными и монолитными, двухступенчатыми, то для центральной башни благодаря очень твердому грунту нужды в этом не было. После нивелировки раствором, напоминающим бетон, толщиной 8–10 см начинаются ряды кладки стены. Крепостная стена цитадели возведена комбинированной кладкой, представляющей собой чередование рядов обожженного кирпича, речного булыжника и тесанного белого камня. Она укреплена башнями и контрфорсами. Башни были круглыми и полукруглыми, контрфорсы прямоугольными. К северо-восточной башне цитадели примыкают внешняя стена и башня шахристана, которые параллельны стене и башне цитадели. Стены цитадели, судя по данным археологии, были сооружены в XI в. и отремонтированы несколько раз.

При археологических раскопках на территории цитадели получена ценная информация по гражданским сооружениям Шамкира. В северо-восточной части цитадели обнаружены остатки монументального здания, построенного в IX в. Это здание дворового типа охватывает площадь более 2000 кв. м. В композиционно-планировочной схеме здания центральное место занимал четырехугольный двор, вокруг которого размещены многочисленные комнаты, имеющие в плане прямоугольную и четырехугольную форму. Внешняя стена здания носит оборонительный характер и напоминает стены замков с полукруглыми и прямоугольными башнями. Археологическими раскопками сравнительно хорошо изучена восточная и северная половина комплекса.

Нижние ряды кладки стен помещений возведены из речного камня на гяжевом растворе, а верхние ряды – из сырцовых кирпичей. В переходе от каменной кладки к сырцовой имеются остатки деревянного антисейсмического пояса. Толщина стен 1,6–1,68 м. Внешняя стена утолщена, ширина ее составляет 3,2–4 м. Кривизна стен комнат этого комплекса позволяет предположить, что перекрытие было сводчатым. При ремонте на внешней, восточной, стене сырцовая

Рис. 1. Северная половина цитадели средневекового города Шамкир

кладка частично облицована кладкой из обожженного кирпича. Высота остатков стен комплекса достигает 5 м.

Во дворе здания, вдоль восточной, северной и южной стен, выявлены и изучены остатки 7 колонн. Они сделаны из сырцового и обожженного кирпича и выделяются архаичностью формы. Высота относительно хорошо сохранившейся колонны составляет 3,8 м. В северо-западном углу двора зафиксированы следы сильного пожара, произошедшего в начале XI в.

Строительные остатки XII – начала XIII в. в цитадели, на запад от монументального здания, вытянуты вдоль двух узких улиц. Строения, расположенные вдоль западной улицы, примыкают к западной стене цитадели. Перегородочными стенами этот комплекс разделяется на помещения прямоугольной и четырехугольной формы. Установлено, что в период его функционирования в этом комплексе были несколько раз проведены ремонтные работы и перестройки.

На восточной стороне этой улицы расположены остатки здания с подвалом, руины многокомнатного комплекса со сложной планировкой. Последний, видимо, был лабораторией алхимика или же аптекаря. Заслуживают внимания рисунки, нанесенные гравировкой на красноокрашенных стенах этого комплекса.

Рядом с этим комплексом вскрыты остатки здания с подвалом, которое, видимо, использовалось в качестве темницы в XI–XII вв. Здание имеет в плане прямоугольную форму длиной 9,6 м, шириной 6,5 м. Нижняя половина – подвал этого помещения – выложена из булыжника на гяжевом растворе. Верхняя, наземная половина помещения возведена комбинированной кладкой, которая характерна для Арранской архитектурной школы. Высота стен подвала-зиндана достигает 1,9–2 м. Примечательно, что среди находок, обнаруженных в подвале, представлены оковы (кандалы).

В юго-восточной части цитадели обнаружены руины монументального здания города с бассейном в центре, функционировавшего в XI–XII вв. На северной, восточной и южной стороне от бассейна сохранились руины – фундаменты, нижние ряды кладки стен и пол, вымощенный обожженными кирпичами. В северо-западном секторе этого комплекса расположен зал размером 15×5,8 м. Пол кирпичный. Для вымостки были применены большие кирпичи размерами 46×46×7 см и 45×45×7 см. С востока к этому залу примыкают остатки помещения, стены которого сложены из обожженного кирпича. Сравнительно хорошо сохранились остатки северной и западной стены. Площадь вокруг бассейна была аккуратно вымощена плоскими шестиконечными камнями и обожженными кирпичами. К югу от этого комплекса были выявлены остатки сооружения хозяйственно-складского назначения. В западной половине располагались остатки 8 прямоугольных устройств, выложенных из камня и обожженного кирпича. Они тщательно оштукатурены высококачественным известковым раствором. В восточной половине выявлены остатки 10 хозяйственных кувшинов крупных размеров.

Общественные, жилые и хозяйственные постройки, выявленные в культурном слое цитадели, возведены из речного камня, местного белого камня, сырцового и обожженного кирпича. Примечательно, что для перекрытия зданий XII – начала XIII в. применялась черепица с глазурью бирюзового цвета.

Археологические раскопки цитадели дали интересные материалы по вопросам благоустройства. Улицы и дворы в цитадели были вымощены плоскими камнями, обожженными кирпичами или же слоем гравия. Для обеспечения потребностей в питьевой воде прокладывали водопроводы, составленные из керамических труб. Были выявлены остатки инженерного устройства санитарно-гигиенического назначения, в частности, остатки подземной канализационной линии IX–X вв.

В результате археологических работ в цитадели Шамкира были выявлены многочисленные артефакты различного назначения: орудия труда, оружия, образцы торевтики, строительные материалы, неполивная и глазурованная керамика, фаянсовая посуда, стеклянные изделия, украшения, монеты и т.д. Среди них заслуживают внимания жернова мельницы, железный сосуд для слива жидкого металла, бронзовая фигура льва, антропоморфный керамический сосуд, высокохудожественная полихромная керамика, образцы оконного стекла, глазурованный кувшин со штампованным орнаментом, образцы люстровой керамики и минаи.

Археологические исследования в цитадели Шамкира имеют важное значение для изучения средневекового города Азербайджана и Кавказа в целом.

Е. Ю. Ендольцева
Институт востоковедения РАН, г. Москва
архимандрит Дорофей Дбар
г. Новый Афон, Республика Абхазия

АЛТАРНАЯ ПРЕГРАДА ИЗ ЦЕРКВИ В ДРАНДЕ: НОВЫЕ ДАННЫЕ

О существовании алтарной преграды в церкви в Дранде известно давно. Ф. Дюбуа де Монпере (*Dubois de Montpéreux*, 1839. Р. 318) видел темплон уже разбитым. С. Саблин отмечал, что алтарная преграда была отделана шестью большими из белого мрамора колоннами, обломки которых он видел лежавшими внутри церкви и около нее (*Саблин*, 1846. С. 32). П. С. Уварова видела резные колонки этой преграды среди строительного мусора во дворе храма, а две известняковые плиты хранились в ее время у г. Веденского, начальника Сухумского отдела (*Уварова*, 1894. С. 30. Табл. XII). Эти две плиты, ныне утерянные, были ею сфотографированы и опубликованы. Еще один фрагмент опубликован Л. Г. Хрушковой (*Хрушкова*, 2002. С. 270–273. Табл. LXIII, 1; Табл. LXII, 1). Это известняковый блок (у Л. Г. Хрушковой он ошибочно назван мраморным), украшенный мотивом арочек.

На первой плите, опубликованной П. С. Уваровой, изображен благославляющий Христос на троне между идущих к Нему ангелов. На второй плите представлен, вероятно, Деисус. Сохранились изображения Христа и Богородицы (в профиль). Нет единого мнения по поводу датировки этих двух плит. П. С. Уварова высказывает предположение о том, что две плиты были вырезаны в разные эпохи: первая – в раннехристианскую, вторую она относил к более позднему времени (*Уварова*, 1894. С. 30). Л. Г. Хрушкова датирует первую плиту V в. (*Хрушкова*, 2002. С. 271) или VI в. (*Хрушкова*, 1980. С. 38; *Khroushkova*, 2006. Р. 77–78. Pl. 51a.), а вторую, как и фрагмент с мотивом арочек, относит к X в. (*Khroushkova*, 2006. Р. 78. Pl. 51b–c). А. Ю. Виноградов возражает, что «стиль рельефов одинаков». Исследователь датирует обе плиты IX–XI вв. (*Виноградов*, 2007. С. 129–131).

В фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии, в Новоафонском монастыре, хранятся пять фрагментов алтарной преграды из церкви в Дранде¹. На первом из них (размеры фронтальной части – 22×18 см, боковые стороны – 23×18 см, 16×15,5 см и 16×16 см) на фронтальной части вырезан стилизованный растительный орнамент. На втором, также известняковом блоке (размеры фронтальной части – 47×19 см, остальные грани – 21,5×15,5 см, 21,5×18 см, 15,5×21,5 см, 21,5×16 см, 21,5×14 см), вырезаны арочки, чередующиеся со сдвоенными полуколонками. Этот фрагмент напоминает блок, опубликованный Л. Г. Хрушковой в 2002 г. (*Хрушкова*, 2002. Табл. LXIII, 1). Третий фрагмент изображает сдвоенные полуколонки со сноповидными капителями (размеры фронтальной части – 26×24 см, верхняя грань – 25×16 см, боковые грани – 25×18 см и 26×18 см). Четвертый фрагмент не похож по стилю и материалу на остальные. Это мраморный блок (единственный из пяти) со стилизованным

¹ См. <https://anyha.org/drandatwy-anyha-dekor-afragmentkua/>.

Рис. 1. Сцена с изображением пророка Ионы. Фрагмент из Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии. Фото из архива о. Дорофея Дбара

растительным орнаментом, напоминающим орнамент на капители полуколонки на утерянной плите с Деисусом, опубликованной П. С. Уваровой (размеры фронтальной части – 27×16 см, боковые части – 16×27 см и 17×16 см).

Последний фрагмент представляет большой интерес (рис. 1). Это круглый в сечении известняковый блок (вероятно, база колонки), по внешней стороне которого вырезано опоясывающее изображение редкого иконографического извода сцены «Иона, поглощаемый китом» (размеры: внутренний диаметр – 27 см, внешний диаметр – 32 см, высота – 23 см). Кит на данном изображении представлен дважды. У одного из пасти торчит торс Ионы, у другого из пасти видны ноги пророка. Хвост зверя заканчивается у морды его двойника. Кит показан как рыба с чешуйчатым хвостом, зубастой пастью с клыками, острыми ушами, стилизованными крыльями и когтистыми лапами. Такие гибридные существа нередко встречаются в орнаментации христианских храмов Средневековья в Закавказье. Они явно появились под влиянием Сасанидской иконографии.

Среди иконографических и стилистических аналогий – рельеф из церкви в Кванса-Джвари (X в.) (*Аладашвили*, 1977. С. 81–86. Илл. 69). На прямоугольной известняковой плите – свернувшийся клубком двуглавый зубастый змей. Из пасти одной из его голов виден торс пророка Ионы, из пасти другой торчат ноги пророка. В отличие от изображения из Дранды в данном случае у змея отсутствуют уши хищника, клыки, крылья и когтистая лапа. Часть рассматриваемой композиции

(из пасти кита торчит торс Ионы) появляется также на южном фасаде храма в Хахули (X в.) (*Аладашвили*, 1977. С. 81–86. Илл. 118). На фасаде храма Св. Креста на о. Ахтамар (X в.) в традиционной по иконографии сцене «Поглощение Ионы китом» кит изображен так же, как на рельефе из Дранды. У него рыбий хвост и чешуя, зубастая пасть, острые уши, крылья и когтистые лапы. Схожее с Драндским китом гибридное существо – на рельефе из Тхаба-Ерды (X в.) (*Казарян, Белецкий*, 2009. С. 59). У него зубастая пасть, когтистая лапа, острые уши и стилизованное крыло. В данном случае – это не кит, а, скорее всего, существо, по смыслу более близкое к грифону (*Ендольцева*, 2015. С. 271–280).

Таким образом, рассматриваемый рельеф с Ионой можно отнести к X в. Если согласиться с точкой зрения А. Ю. Виноградова об одновременности исполнения двух известняковых плит, опубликованных П. С. Уваровой, то можно считать все известные нам фрагменты алтарной преграды из Дранды одновременными. Учитывая анализ сцены на блоке с Ионой, этот темплон можно датировать X в. Сцена с изображением эпизода из истории пророка Ионы относится к редчайшему иконографическому изводу. Фрагмент с этим изображением можно считать особенно ценным.

Литература

- Аладашвили Н. А.*, 1977. Монументальная скульптура Грузии. Фигурные рельефы V–XI веков. М.
- Виноградов А. Ю.*, 2007. Дранда // Православная энциклопедия. Т. 17. М.
- Ендольцева Е. Ю.*, 2015. Синкретизм христианских и дохристианских верований на примере архитектурной пластики Северного Кавказа // Историко-культурное наследие Юга России. Научно-практическая конференция. Ставрополь, 9 февраля 2015 г. М.
- Казарян А. Ю., Белецкий Д. В.*, 2009. Тхаба-Ерды: к вопросу о датировке церкви и ее месте в средневековом зодчестве Кавказа // Вестник археологического центра. Вып. III. Назрань.
- Саблин С.*, 1846. Древний гегуэзский храм в укреплении Дранды // Кавказ. № 8. 25 февр.
- Уварова П. С.*, 1894. Христианские памятники // МАК. Вып. 4.
- Хрушкова Л. Г.*, 1980. Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X в. Тбилиси.
- Хрушкова Л. Г.*, 2002. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.). М.
- Dubois de Montpéroux F.*, 1839. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Vol. I. Paris.
- Khroushkova L.*, 2006. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkhazie IV–XIV siècles. Turnhout.

Э. Д. Зиливинская
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва
П. А. Петров, П. М. Соколов
ООО «ИТЦ специальных работ», Санкт-Петербург

ПОСЕЛЕНИЕ И МОГИЛЬНИК СОЛЕНЬИЙ II НА ТАМАНИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

В ноябре 2015 – мае 2016 г. в Темрюкском районе Краснодарского края проводились широкомасштабные раскопки у пос. Соленьий. Работы выполнялись археологическим отрядом ООО «Инженерно-технический центр специальных работ и экспертиз» в связи с реконструкцией автомобильной дороги Новороссийск – Керченский пролив, ведущей к строящемуся Керченскому мосту.

Площадь памятника археологии – поселения Соленьий 2 – по уточненным данным, составляет 33,3 га. Датировка памятника по подъемному материалу и материалу из шурфов – IV в. до н.э. – IV в. н.э.; VIII–XI вв. и XIV в. Памятник считался сельским поселением античного и средневекового времени. Трасса строящейся автодороги была спроектирована по южной, юго-восточной, центральной и северо-восточной частям поселения Соленьий 2. Здесь были проведены охранные раскопки, площадь которых составила 33 395 кв. м. Эти раскопки во многом изменили взгляд на датировку и культурную атрибуцию памятника, а также дали богатый и часто неожиданный материал.

К самому раннему периоду освоения этой территории относятся кремневые изделия, найденные в культурном слое. Это отщепы, микролиты и три наконечника. Датировка этих предметов достаточно широкая – от верхнего палеолита до раннего бронзового века¹. Эпоха поздней бронзы представлена четырьмя погребениями, в которых покойники лежали в скорченной позе. В качестве сопроводительного инвентаря были положены лепные черноглиняные сосуды баночной формы и мелкие медные предметы. По мнению А. В. Кияшко, в этих комплексах сочетаются черты срубной и сабастиновской культур.²

К античному времени относятся многочисленные ямы и скопления керамики в культурном слое. Датировается керамический комплекс по амфорам в основном II–IV вв.³ Также были найдены четыре медные монеты Боспорского царства⁴. Самая ранняя монета Пантикапея датируется I половиной III в. до н.э. Еще одна монета Пантикапея чеканена во II в. до н.э. Фанагорийская монета Асандра относится к I в. до н.э. Самым поздним по времени является статер Рискупорида VI (314–341 гг.).

Следующий хронологический период XV–XVII вв. представлен двумя русскими монетами и монетой Крымского ханства. К этому же времени относится клад испанских монет конца XVI – начала XVII вв. В поливном двуручном кувшине находилось 15 серебряных испанских монет: макукинов двух номиналов – 8 реалов и 4 реала (рис. 1). Большинство относится к правлению Филиппа III, одна

¹ Авторы благодарят за консультацию С. О. Ремизова.

² Авторы приносят благодарность А. В. Кияшко за устную консультацию.

³ Определение С. А. Науменко.

⁴ Определение С. И. Безуглова.

Рис. 1. Клад испанских монет

монета – к правлению Филиппа II, еще одна к правлению Филиппа IV. Самая ранняя дата – 1586, самая поздняя – 1623 г. Монеты чеканены в Севилье, Толедо, Севовии, Мехико и Потоси (Боливия, вице-королевство Перу)⁵.

Наиболее активно данная территория использовалась в XVIII в. В раскоп попали многочисленные хозяйственные ямы и производственные комплексы, связанные с каким-то ремеслом. К производственным комплексам относится и небольшой горн для обжига керамики. Горн был двухкамерным.

В культурном слое этого времени было найдено большое количество бытовых предметов. Железные предметы представлены гвоздями, ножами, кресалами, сапожными подковами, замками, различными пряжками. Достаточно много изделий из медных сплавов. В основном это мелкие предметы: пряжки, накладки, пуговицы, различные застежки, наперстки. Из меди также делались украшения: перстни, серьги, подвески.

Керамика этого периода весьма разнообразна. Анализ ее показывает, что весь массив керамики можно разделить на несколько групп⁶. Наибольшее количество фрагментов и целых форм гончарной керамики произведено в мастерских Юго-Восточного Крыма (ЮВК). Основные формы – кувшины и кувшины-водолеи. Также в эту группу входит поливная красноглиняная керамика. Поливой покрывали чаши/пиалы, чашечки (солонки?), тарелки глубокие и мелкие, кувшины и кувшинчики одноручные и двуручные, водолеи, подсвечники.

Местная гончарная (производства мастерских Тамани) керамика представлена неполивной красноглиняной неангобирванной и с красным ангобом.

---

⁵ Определение М. Мальцева.

⁶ Авторы благодарят И.Р. Гусач за проведенный анализ керамики Османского периода и предоставленные результаты исследования.

Основные формы – это чаши, миски, кувшины, водолеи, корчаги, крышки сосудов, туваки (?), подсвечники. Две немногочисленные группы неполивной керамики происходят из османских керамических центров. Также найдены 3 фрагмента малоазийских расписных полуфаянсовых кофейных чашечек. Центр их производства – г. Кютахья (Османская империя).

Довольно представительную коллекцию составляют керамические курительные трубки. Из рассмотренных 98 экз. фрагментов и целых трубок 57% составляют «турецкие» трубки (Османская империя); 41% – «крымские» трубки (ЮБК); 1% – итальянские трубки (Венеция?); 1% – трубки неизвестных центров⁷. В целом керамический комплекс Османского времени позволяет датировать поселение (а также могильник) Солёный II XVII–XVIII вв.

Последний период существования памятника представлен также монетами Крымского ханства, которые охватывают вторую половину XVIII в.⁸ Это монеты Селим Гирея II (1743–1748 гг.), Максуд Гирея I (1767–68 гг.), Дэвлет Гирея III (1775–1777 гг.) и Шахин Гирея (1777–1783 гг.). Самой поздней является монета Османского султана Селима III (1789–1807 гг.), чеканенная в Константинополе.

Все эти находки свидетельствуют о том, что территория, попавшая в зону раскопок, является ближней округой какого-то поселения. На «Военной топографической карте полуострова Крыма» 1817 г. на этом месте стоит обозначение «Биюк обла раз». То есть здесь находились развалины селения Биюк Обла, остатками которых, вероятно, и является археологический памятник Солёный II.

Несомненно, к этому селению относится грунтовый могильник, часть которого вошла в зону раскопок. Всего было вскрыто 163 погребения, из них 63 мужских, 46 женских и 54 детских⁹. Все они совершены по мусульманскому обряду: погребенные лежат вытянуто на спине, головой на запад, в большинстве с доворотом на юг. В то же время во многих погребениях обнаружены различные вещи. Погребальный инвентарь находился примерно в 35% мужских погребений, 40% женских и 30% детских.

В мужских погребениях в качестве сопроводительного инвентаря встречаются ножи, железные кресала и кремни, ножницы, железные пряжки от узды, широкогорлые кувшины. Умерших хоронили в одежде, о чем свидетельствуют находки латунных пуговиц и бляшек. В женских погребениях инвентарь более разнообразен. В качестве предметов, необходимых в хозяйстве, в могилу клали железные ножи, ножницы, глиняные пряслица, латунные наперстки. К элементам костюма относятся медные пуговицы и бляшки, а также застёжки в виде крючков и петелек. В женских погребениях найдено много бусин из стекла разных цветов, сердолика и гагата. Частой находкой являются серебряные височные подвески в виде дисков с отверстием в центре. К некоторым крепилась подвеска в виде двух полых металлических бусин. В части женских погребений также найдены сосуды – кувшины, чайники, миски.

Таким образом, материалы могильника показывают, что он принадлежал оседлому населению, исповедовавшему ислам, но не отказавшемуся до конца от доисламских верований.

---

⁷ Определение И. Р. Гусач.

⁸ Определение С. И. Безуглого

⁹ Антропологические определения Е. Г. Зубаревой.

Э. Д. Зиливинская
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

Т. Г. Цветкова
Государственный музей Востока, г. Москва

ГАНЧ ИЗ РАСКОПОК В ДЕРБЕНТЕ И ЕГО АНАЛОГИИ

В 2014 г. были проведены охранные раскопки на территории пограничной части в припортовой части Дербента. Наиболее интересным объектом на раскопе являлось общественное здание X–XII вв. Оно состояло из двух частей. Основу постройки составлял большой зал, внешние размеры которого предположительно 8×14 м, внутренние – 12×6 м. Зал разделен на два нефа четырьмя колоннами, идущими в один ряд с востока на запад. От колонн сохранились каменные базы, прямоугольные и круглые в плане. Стены здания были прослежены по траншеям фундамента. Фундамент и, вероятно, цоколь здания были сложены из необработанных и слегка обработанных камней, а сами стены – из кирпичей. Крыша была черепичной. На раскопе найдены масляные светильники – многорожковые чирогии, которые, скорее всего, служили для освещения большого колонного зала. Наиболее вероятным является предположение, что постройка представляла собой небольшую магальную мечеть. В центральном помещении здания расчищен завал резного ганча¹, которым, вероятнее всего, были украшены его стены.

Декор в виде резьбы по ганчу не характерен для Северного Кавказа. До сих пор наиболее известным примером применения этой техники был михраб в дагестанской мечети в Кала-Курейши.

Анализ орнаментальных мотивов показал, что для значительной части орнаментов дербентских панно имеются аналогии в резном ганче из раскопок во дворце правителей Термеза в Узбекистане, на границе с Афганистаном. Раскопки проводились археологической экспедицией Музея Востока под руководством директора музея профессора Бориса Петровича Денике в 1926–1928 гг. Разнообразной, зачастую уникальной резьбой по ганчу были украшены стены парадного зала (зала приемов) во дворце правителей Термеза.

Музейная коллекция термезского ганча включает 200 предметов со стен, колонн, арок и сводов зала, среди которых встречаются как мелкие (6×8 см) и средние (20×30 см) фрагменты, так и целые панно, размеры которых составляют 50×110 см.

При раскопках в Дербенте на данный момент найдено 83 мелких фрагмента ганча. Их размеры варьируются от 4,5×5 см до 13×18 см при толщине от 2 до 5 см.

Резьба по ганчу на обоих памятниках была выполнена вручную, нет никаких следов штамповки или признаков употребления форм для отливки элементов.

На тыльной стороне практически всех фрагментов термезского ганча имеются четкие следы жженого кирпича, на дербентских фрагментах никаких отпечатков нет. Это достаточно важный момент: отпечатки следов кирпичей,

---

¹ Ганчем в Средней Азии называют вязущий материал, который получается при обжиге горной породы – алебастрового камня или из смеси гипса и песка. Водный раствор размолотого ганча легко режется и, постепенно застывая, позволяет вырезать на его поверхности узор до наступления окончательного затвердения.

из которых были сложены стены помещения, позволяют определить правильное направление резного орнамента, т. е. определить, где у рисунка на ганчевых панно был верх/низ.

Таким образом, если для термезского ганча мы располагаем достаточными данными, чтобы реконструировать орнаменты и расположение ганчевых панно на поверхностях помещения, то для дербентского ганча таких данных пока не хватает.

Сравнительный анализ фрагментов показывает, что в дербентском ганче встречаются следующие орнаменты из термезской резьбы:

- каймы, составленные из тонких, длинных полосок;
- каймы из ромбов;
- округлые розетки, внутреннее поле которых заполнено мелкими треугольничками;
- крупные удлинённые листья или перья, расходящиеся веером, по верхнему краю которых идет цепочка из геометрических фигурок: на фрагменте из Дербента это круги (круглые отверстия), на фрагментах из Термеза – ряды треугольничков и округлых многоугольничков;
- на одном фрагменте из Дербента мы видим сочетание цепочки из бусинок-перлов и изогнутых растительных побегов с завитками на концах, такие же побег и цепочки перлов встречаются в термезском ганче;
- и в Дербенте, и в Термезе найдены фрагменты с резьбой в виде разных геометрических фигур с вырезанными в них небольшими углублениями;
- кроме того, на обоих памятниках в резьбе по ганчу присутствовали зооморфные мотивы; в Термезском дворце было много разнообразных изображений львов и грифонов, округлые туловища грифонов «заполнены» мелким геометрическим орнаментом; подобные фрагменты найдены и в Дербенте; с изображениями львиных хвостов, которые мы видим в термезском ганче, схожи несколько дербентских фрагментов.

Таким образом, на обоих памятниках в резьбе по ганчу имеются геометрические, растительные и зооморфные мотивы.

В декоре термезского дворца в большом количестве встречается также эпиграфический орнамент: полосы надписей почерками *куфи* и *наسخ* шли по верхнему краю нескольких панно, на полуколонках пилонов, на арках и сводах парадного зала.

Нужно обратить внимание на технику исполнения эпиграфического орнамента в резьбе по ганчу. Надписи, как правило, выполнялись двуплановой резьбой, чтобы ряды букв выделялись, возвышаясь над фоном. Рельефные буквы, чтобы их можно было читать или хотя бы разглядеть, должны были контрастировать с фоном. Исходя из этого, мастера чаще всего выбирали в качестве фона мелкий растительный орнамент. Надписи, выполненные на орнаментальном фоне, одновременно и выделяются из фона, и воспринимаются как часть орнамента, что особенно хорошо видно на крупном фрагменте из Термеза.

На нескольких фрагментах из Дербента имеются изображения, схожие с округлыми буквами почерка *наسخ*, выполненные описанной выше двуплановой резьбой, причем на одном фрагменте сохранился фон в виде мелких чешуек (или ячеек).

Вообще нужно отметить, что исследование резьбы по ганчу на разных памятниках показывает, что мастера обладали достаточной свободой творчества и позволяли себе отступать от первоначальной схемы. Поэтому орнаменты не только с разных памятников, но даже с одного и того же памятника бывают очень похожи, но не идентичны полностью.

Резьба по ганчу с древности была очень широко распространена в Центральной Азии, но не на Кавказе. Причем имеются свидетельства того, что мастера – резчики по ганчу из Ирана и Афганистана приходили в поисках работы в Среднюю Азию. Кроме того, в Узбекистане в XIX и в начале XX в. известны факты использования резчиками по ганчу листов со схемами геометрических и стилизованных растительных орнаментов, датированных XV–XVI вв. и происходящих из Ирана и Афганистана.

Исходя из этого, мы предполагаем, что бригада мастеров, либо работавших во дворце правителей Термеза, либо располагавшая похожими схемами орнаментов, переходя из одного города в другой, могла передавать опыт работы другим резчикам, которые дошли до Дербента.

Этому предположению не противоречат и датировки археологического материала: здание в Дербенте, где были найдены фрагменты ганча, датируется X–XII вв.; декорирование парадного зала термезского дворца было выполнено в конце XI – начале XII в.

Помимо схожести орнаментов, в резном ганче из Термеза и Дербента имеются и различия, что говорит об индивидуальности дербентских мастеров.

В первую очередь отметим следы окрашивания: на нескольких фрагментах ганча в углублениях орнамента сохранились следы красной краски. Вообще на памятниках парфянского и сасанидского времени, а также в раннем Средневековье на огромной территории от Северной Африки до Средней Азии известны примеры окрашивания ганчевых рельефов. Но в резьбе по ганчу во дворце Термеза следов краски нет.

Помимо окрашивания дербентские резчики привносили и собственную фантазию в схемы выполнения известных им орнаментов. На нескольких фрагментах мы видим оригинальное исполнение мотивов растительного, геометрического и, возможно, эпиграфического орнамента.

И. А. Идрисов
Институт геологии ДНЦ РАН, г. Махачкала

А. В. Борисов
*Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пуццино*

ТЕРРАСНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ КАК ФАКТОР ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕДЫ В ГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ¹

Земледельческие террасы являются характерной особенностью сельскохозяйственного освоения Дагестана. Основной ареал террас сосредоточен в центральной части Дагестана (известняковом или внутригорном Дагестане) (*Борисов и др.*, 2016). Отдельные комплексы террас отмечаются и в сопредельных регионах, в т. ч. крупный ареал располагается в средней части бассейна р. Самур. Следует отметить, что террасы региона не встречаются изолированно, а образуют сложные комплексы, часто покрывающие склон крупной формы рельефа, всю поверхность долины или котловины и т. д. Визуально это выглядит в виде своеобразной «лестницы» террас, с террасами в качестве «ступеней».

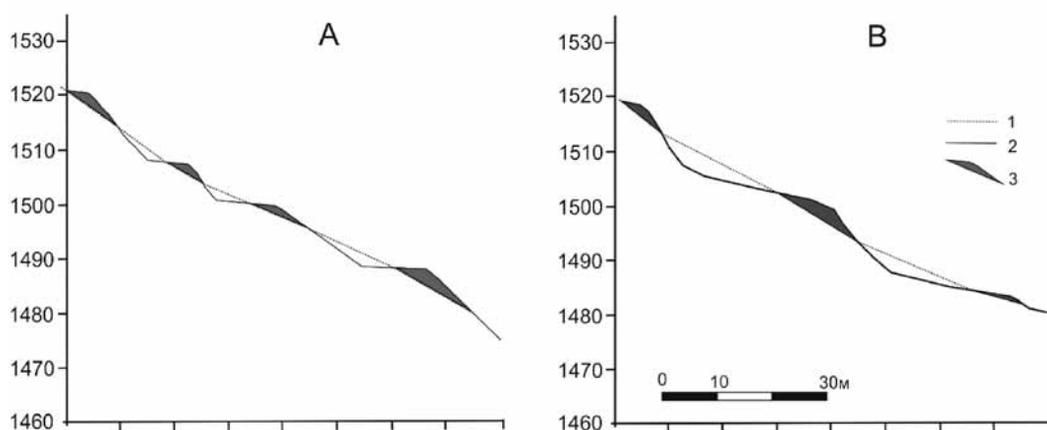
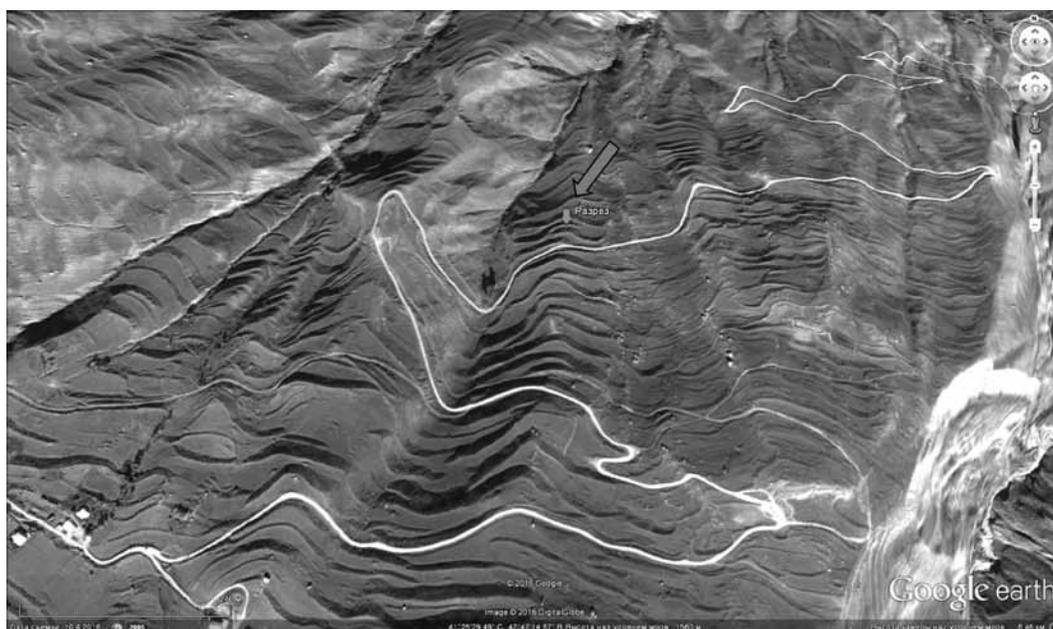
Проведено исследование почв террас в Ахтинском районе Республики Дагестан в окрестностях с. Джаба. Для рассматриваемого участка можно выделить до 55 таких ступеней – земледельческих террас (рис. 1), занимающих склон на абсолютной высоте от 1300 до 1900 м. Участок охватывает северный макросклон массива с вершиной г. Шалбуздаг (4151 м) (*Идрисов*, 2012), который понижается на север к долине второй по размерам реки Восточного Кавказа Самур, на высоте 900–1000 м. Эта река протекает в хорошо разработанной глубокой и широкой долине, ширина поймы и голоценовых террас которой превышает 3 км. Участок работ занимает отрог северного направления. В 130 м западнее участок ограничен оврагом глубиной до 50 м, с востока – вогнутой частью склона, вдоль которой протягивается стабильный оползень.

Весь склон занимают многочисленные земледельческие террасы. На этом участке был заложен почвенный разрез, вскрывающий прибрежную часть террасы. Профиль террас монотонный, погребенная почва залегает с глубины 275 см. Ниже залегают сланцы.

Следует отметить, что земледельческие террасы исследованного участка, равно как и остальных участков развития террас в Дагестане, имеют крайне тесную связь с первичным рельефом. Узкие вытянутые вдоль склонов террасы (как у с. Джаба) причудливо переплетаются друг с другом: выклиниваются, сливаются или разделяются на ряд ступеней и т. д. Часто установление контуров отдельных террас весьма затруднено. В целом для изученной системы террас характерно соотношение ширины к длине от 1:5 до 1:15. Высота террас также существенно меняется, в зависимости от того, какой участок террасы рассматривать. Максимальные высоты уступов различных террас в целом близки и составляют вдоль межевого откоса или бровки 8–12 м. Суммарная высота террасы, включая наклонную поверхность террасового поля, существенно колеблется (в зависимости от ширины поля), ее можно принять в 11–20 м.

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФФ (проект № 17-18-01406).

Рис. 1. Террасные поля у с. Джаба (Ахтинский р-н Республики Дагестан). Космоснимок (сверху стрелкой показан почвенный разрез) и наиболее типичные профили склонов (снизу): 1 – исходная поверхность склона; 2 – современная поверхность; 3 – антропогенная почва террасы

Соответственно профили, проводимые через небольшие расстояния, будут существенно отличаться. Однако общий характер склона остается схожим с многочисленными ступенями – террасами. На рис. 1 (снизу) показаны наиболее типичные профили террас.

Рассмотрим масштабы антропогенной трансформации ландшафтов в связи с террасным земледелием. Протяженность склона по горизонтали 2,4 км, с учетом осложняющих склон оврагов, выступов и т. д. – порядка 3,1 км. Склон имеет трапециевидную форму – он шире в нижней части и уже в верхней. По вертикали протяженность склона, занятого террасами, составляет порядка 1,7 км. Весь комплекс террас включает около 55 ступеней. Террасами занято пространство в целом между абсолютными высотами 1300 и 1900 м. В силу локальных особенностей рельефа на разных частях будет разное количество террас, и они будут занимать разные участки; в частности, террасы

отсутствуют вдоль наиболее глубоко врезанных оврагов и т. д. Средняя высота террас, включая межевой откос, около 7 м, и поле террасы – около 2–5 м.

Анализ профилей позволяет сделать вывод, что уклоны межевых откосов составляют 40–60°. Уклоны поверхностей террас 3–10°. Уклон первичного склона (до создания террас) составлял 25–35°.

Предварительный подсчет суммарного объема мелкозема на всем террасированном склоне следующий. Площадь склона примерно 4 кв. км, мощность почвенного покрова (горные лугово-степные – *Залибеков*, 2010) в среднем 0,3 м. Такую величину также имеет и погребенная почва, выделенная в нашем разрезе. Вероятно, больший объем мелкозема не может сохраниться в связи с оползневыми процессами. Иными словами, *суммарный объем мелкозема на склоне в природных условиях до создания террас был 1,2 млн. куб. м.*

В настоящее время комплекс террас представлен в среднем 55 ступенями, длиной в среднем 2 тыс. м, общая длина бровок террас 110 тыс. м. Длина индивидуальной террасы достигает первых сотен метров. В качестве суммарной длины ступени рассматривается весь склон, так как он практически полностью подвергнут террасированию. Объем рыхлого грунта вдоль бровок террас существенно различается, в среднем он может быть принят в 2,5 м. В исследованном разрезе его мощность была 3 м, включая 0,3 м погребенной почвы *in situ*. Площадь треугольного сечения этого объема примерно 18–25 кв. м для каждой бровки. Соответственно объем рыхлого материала вдоль бровок террас на всем склоне составляет не менее 2 млн. куб. м. Также имеется мелкозем и на поверхности террас, которые использовались ранее как пашня, в т. ч. обрабатывались плугами. По имеющимся данным, мощность пахотного слоя здесь достигает 0,5 м. Площади поверхностей террас на всем склоне в пределах 2,5–3 кв. км, часть этой площади попадает в прибровковую зону, объем мелкозема там подсчитан выше. По нашим расчетам, эти участки занимают около половины площади террас. Соответственно остается порядка 1,5 кв. км. Объем мелкозема здесь около 0,7 млн. куб. м, т. е. *суммарный объем мелкозема в современных условиях полного террасирования склона составляет 2,7 млн. куб. м.*

Таким образом, в ходе создания террас объем мелкозема на склоне увеличился **более чем в два раза**. Следует отметить, что появление этих миллионов кубометров рыхлого материала на небольшом участке произошло за счет антропогенного разрушения коренных пород.

Геологических масштабов последствия террасного земледелия в виде дополнительного «антропогенного» мелкозема, превосходящего по объемам существовавший ранее, коренным образом изменили водно-воздушный и тепловой режим склона, снизили эрозионную и оползневую опасность, способствовали накоплению продуктивной влаги в почвах.

Литература

- Борисов А. В., Идрисов И. А., Коробов Д. С., Ельцов М. В. и др.*, 2016. Земледельческие террасы с межевыми откосами в горном Дагестане // Известия ДГПУ. Естественные и точные науки. Т. 10. № 4. С. 70–83.
- Залибеков З. Г.*, 2010. Почвы Дагестана. М.
- Идрисов И. А.*, 2012. Голоценовые террасы Дагестана // Известия ДГПУ. Естественные и точные науки. № 4. С. 88–94.

*Н. А. Калинина, В. Н. Городовая, Н. М. Кучаева,
Н. А. Тихонов, Е. Н. Хафизова
Специальная астрофизическая обсерватория РАН,
пос. Нижний Архыз*

МУЗЕЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ САО И НИЖНЕГО АРХЫЗА

В 2014 г. в структуре обсерватории был создан Музей историко-культурного наследия САО и Нижнего Архыза. Музей имеет распределенную структуру: археологическая коллекция находится в Нижнем Архызе, части музея, посвященные истории САО, находятся в ст. Зеленчукской на территории РАТАН-600 (в 25 км) и на верхней научной площадке – в башне телескопа БТА (в 17 км). Работа музея поддерживается жителями пос. Нижний Архыз и дирекцией САО РАН.

Коллекция экспонатов музея САО составлена на основе добровольной и безвозмездной передачи в музей предметов, найденных или купленных жителями пос. Нижний Архыз.

В экспозиции и запасниках музея САО хранится более 1500 предметов аланской культуры, в т. ч. 204 ед. хранения – предметы быта (каменные орудия, тесла, ножи, топоры, удила, кресала, керамика, стекло, зеркала и т. д.), 88 – амулеты и обереги, 735 – украшения (детали мужских поясных наборов, ювелирные украшения), 23 – косметические принадлежности, 182 предмета – оружие ближнего и дальнего боя (наконечники копий и стрел, кинжалы, фрагменты кольчуг).

В хранении музея находится большая коллекция фрагментов тканей. Музей активно поддерживают научные сотрудники и реставраторы Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. И. Э. Грабаря, ГМИИ им. А. С. Пушкина, Центра египтологических исследований РАН.

М. Е. Колесникова
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

ПРЕДПРИЯТИЕ «НАСЛЕДИЕ» В АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Ставрополье входит в число наиболее насыщенных памятниками археологии регионов России. Их научное изучение началось во второй половине XIX в., систематически они стали изучаться со второй половины XX в. силами Института археологии АН СССР. С конца 1980-х гг. в изучение края включилась Археологическая лаборатория Ставропольского государственного пединститута. Она была создана в 1988 г. по инициативе преподавателя кафедры отечественной истории А. Б. Белинского. Именно лаборатория и организованные ею экспедиции (руководитель экспедиций – А. Б. Белинский) стали кузницей кадров будущих ставропольских археологов. С нее и начинается предыстория предприятия «Наследие», которое в течение последних десятилетий занимается поиском, учетом, спасением, изучением и сохранением памятников истории и культуры Ставрополья.

Сотрудники лаборатории работали в составе научно-производственного студенческого отряда «Археолог» (в 1988 г. начальник отряда – А. А. Калмыков, в 1989 г. – И. Н. Кравцов) по изучению могильника Клин-Яр III в окрестностях г. Кисловодска; в 1989–1991 гг. – в Маджарской археологической экспедиции; с 1993 г. – в международной экспедиции по изучению могильника Клин-Яр III, организованной совместно с Редингским университетом (проф. Г. Харке, Великобритания). В эти годы и сложился коллектив единомышленников, которые составили костяк предприятия «Наследие».

С 1995 г. «Наследие» работало как государственное унитарное предприятие Минкультуры края. Необходимость в его создании назрела давно, несмотря на то что определенную работу выполняли Ставропольский краеведческий музей, Ставропольское краевое отделение ВООПИК и созданный при Минкультуры края профильный отдел. Это были 1990-е гг.: передел земли, собственности, приватизация, отсутствие законов, регулирующих сферу охраны памятников. В этих условиях по инициативе А. Б. Белинского и было создано ГУП «Наследие», которое он возглавлял до реорганизации в 2015 г. С годами сложился профессиональный коллектив единомышленников-археологов: А. Б. Белинский, В. А. Бабенко, Я. Б. Березин, А. А. Калмыков, К. Б. Колесниченко, А. В. Лычагин, С. В. Ляхов и др.

Основным направлением деятельности ГУП «Наследие» были работы по выявлению и сохранению объектов культурного наследия Ставрополья, в зонах строительства проводились спасательные археологические раскопки. Выявление памятников археологии осуществлялось на основе специально разработанной методики с использованием новейших на тот момент средств с применением ГИС- и ДЗ-технологий.

Археологические исследования позволили выявить и исследовать на территории Кавминвод и центральных районов края памятники эпохи палеолита и мезолита, кобанской культуры, на севере – многочисленные комплексы эпохи энеолита, майкопской, катакомбной и срубной культур эпохи бронзы, памятников

скифо-сарматского времени, салтово-маяцкой культуры и древностей эпохи Золотой Орды. В 1998–1999 гг. был исследован Большой Ипатовский курган – эталонный памятник бронзового века на севере Центрального Предкавказья. С 1999 по 2007 гг. на учет и охрану было поставлено 478 памятников археологии, расположенных на территории Ставропольского края. В 2004 г. при участии специалистов ГУП «Наследие» производились охранные раскопки Казанского кафедрального собора в г. Ставрополе, позволившие точно определить расположение фундамента собора и колоколни, которые в настоящее время восстановлены. В 2008 г. в Курском и в 2012 г. в Изобильненском районах Ставропольского края были проведены охранные археологические раскопки на местах боев периода Великой Отечественной войны. В 2014 г. проводились исследования по установлению границ памятника археологии федерального значения Грушевское городище (г. Ставрополь).

Осуществляя широкий круг научно-исследовательских работ, ГУП «Наследие» сотрудничало с Институтом археологии РАН (Д. С. Коробов, С. Н. Кореневский, В. Е. Маслов, В. Г. Петренко), ИИМК РАН (В. П. Любин), МГУ им. М. В. Ломоносова (А. Р. Канторович), Государственным музеем искусств народов Востока (Т. А. Габуев, В. Р. Эрлих), Ставропольским госуниверситетом (З. В. Доде, М. Е. Колесникова), Ставропольским историко-культурным и природно-ландшафтным музеем-заповедником им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе (Н. А. Охонько, И. В. Отыюцкий, А. К. Швырева), Пятигорским краеведческим музеем (С. Н. Савенко), краеведческим музеем с. Прасковья (Ю. Д. Обухов), Армавирским государственным педагогическим университетом (С. Л. Дударев) и др. научными учреждениями и организациями страны. Реализовывались совместные проекты на Северном Кавказе с учеными Германского археологического института. В 2010 г. руководитель ГУП «Наследие» А. Б. Белинский был избран чл.-корр. Германского археологического института.

Отдельным направлением в деятельности ГУП «Наследие» было создание археологического музея, открытие которого в 2002 г. стало логическим продолжением охранных-спасательных раскопок, проводимых предприятием. Многочисленными экспедициями специалистов «Наследие» собрана уникальная коллекция археологических материалов, имеющих научную, историческую, культурную ценность, рассказывающая о материальной и духовной культуре народов, населявших территорию края с древности. Более 2 тыс. археологических предметов, датируемых от IV тыс. до н. э. до XIV в. н. э., легли в основу постоянной экспозиции археологического музея. Общий музейный фонд ГУП «Наследие» по состоянию на 2013 г. составлял 51 археологическую коллекцию (8183 ед. хр.), зарегистрированную в Государственном каталоге археологических коллекций, включенную в состав Музейного фонда Российской Федерации. Устраивались и передвижные выставки (2014 г. – «Сокровища Ипатовских курганов» в Ипатовском районном краеведческом музее). Музей проводил большую просветительскую работу, знакомил с историческим прошлым края. На базе музея регулярно на безвозмездной основе проводились экскурсии и тематические занятия для школьников и студентов, презентации научных сборников и монографий, заседания методологических семинаров, защиты дипломных работ по истории северокавказского средневекового костюма студентами Ставропольского государственного университета.

Результаты научных исследований по итогам полевых сезонов нашли отражение не только на страницах научных отчетов, но и в издаваемом периодическом сборнике научных трудов «Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа» (отв. ред. А. Б. Белинский. Вып. 1–11. 1998–2013), в монографиях (Белинский А. Б., Кореневский С. Н., Калмыков А. А., Доде З. В. и др.).

Специалисты ГУП «Наследие» вели большую научно-исследовательскую и научно-просветительскую работу, выступая с докладами, посвященными новейшим исследованиям и актуальным вопросам культурно-исторического развития и взаимодействия в Северо-Кавказском регионе, на научно-практических конференциях различного уровня в крае, регионе, стране и мире; с лекциями перед студентами по вопросам северокавказской археологии; публичными лекциями по популярной археологии для учащейся молодежи. При организационной помощи ГУП «Наследие» с 1998 г. проводились Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Директор предприятия А. Б. Белинский является членом Постоянного оргкомитета этого международного научного форума.

«Наследие» – огромная работа многих людей...», – так в одном из своих интервью сказал директор предприятия А. Б. Белинский. И это действительно так. В 2006 г. он стал Лауреатом Национальной премии в области сохранения археологического культурного наследия «Достояние поколений». Так высоко был оценен его личный вклад в благородное дело сбережения историко-культурного богатства Ставропольского края и деятельность, возглавляемого им предприятия.

В 2014 г. началась реорганизация государственных унитарных предприятий Ставропольского края путем слияния ГУП «Наследие», ГУП «Ставкраймущество» и ГУП «Бюро кадастровых инженеров Ставропольского края» с сохранением видов деятельности. Расчеты экономического эффекта от проведения мероприятий по слиянию оказались выше задач по изучению и сохранению историко-культурного наследия профессионалами и специалистами. После реорганизации в 2015 г. ГУП «Наследие» большинство сотрудников предприятия перешли на работу в ООО «Наследие» и составили костяк нового предприятия, которое, сохранив научный потенциал, продолжает традиции «Наследия».

Несмотря на разные организационные формы на том или ином этапе истории, «Наследие» было и остается единственным в крае предприятием, проводящим комплекс мероприятий, направленных на обеспечение охраны и использования памятников археологии, осуществление научных и научно-практических исследований в области археологического наследия Ставрополья. Благодаря исследованиям, проводимым его специалистами, значительно расширены представления о материальной и духовной культуре древнего и средневекового населения Центрального Предкавказья.

Л. Э. Макласова

*Институт международных отношений, истории и востоковедения
Казанского федерального университета, г. Казань*

Ю. Д. Обухов

МУК «Краеведческий музей с. Прасковья», г. Буденновск

НАВЕРШИЯ МОНГОЛЬСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ – НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ КОСТЮМА XIII–XIV ВВ.

В современной научной литературе все чаще стал подниматься вопрос о монгольском костюме XIII–XIV вв., его отдельных деталях и их интерпретации. Важно правильно понимать и определять каждый элемент в костюме для того, чтобы избежать ошибок в атрибуции одежды и ее частей в дальнейшем.

На сегодняшний день немногие исследователи в своих работах отмечают такой элемент головного убора, как навершие для перьевого системы. К этой теме обращались М. В. Горелик, М. Г. Крамаровский, А. Г. Юрченко, Г. Ф. Полякова. В своих исследованиях некоторые авторы делят навершия для простых и знатных людей по используемому металлу (бронза, серебро, золото и т. д.), а также для украшения ими головных уборов мужчин и знатных замужних женщин.

Люди, включенные в структуру управления монгольской империей в XIII–XV вв., носили монгольскую одежду, в т. ч. и головные уборы. Костюм знатного мужчины, помимо дорогой ткани, включал в себя дополнительные украшения, нашивки, аппликации и пр. Головной убор украшался навершиями для разнообразных систем перьев, из янтаря, цветных и драгоценных металлов, украшался жемчугом и драгоценными камнями. Такие навершия, не часто можно встретить в различных исторических источниках (изобразительных, письменных и археологических). Обратимся к самой, на наш взгляд, информативной части – археологической.

В группе археологических источников навершия представлены находками с Болгарского городища, из кургана у станицы Белореченской, из Карашамского и Симферопольского кладов, находкой на Северном Кавказе, хранящейся в Эрмитаже, а также литейными формами для их изготовления из г. Болгара и представляемых нами двумя литейными формами с городища Маджары (Ставропольский край).

Литые навершия с Болгарского городища подробно описала Г. Ф. Полякова, разделив их на группы. Навершие с орнаментом из трилистников и рельефных линий, с шестилепестковой розеткой, диаметром 6,5 см отнесено к группе А; типу А-I-1; в группе В – 3 навершия, тип В-I-1 – розетковидное с узором из трилистника и отверстиями для пришивания, диаметром 4,6 см; тип В-I-2 – розетковидное, без орнамента, диаметром 3,1 см и тип В-I-3 – ажурное, с звездчатой розеткой и трилистниками, диаметром 5,4 см (Полякова, 1996. С. 154–257). Там же описаны две составные каменные литейные формы, предназначенные для массового производства наверший (Полякова, 1996. С. 154–257).

Из Карашамского клада происходит позолоченное серебряное тисненное навершие с 6-ю лепестками (Калинин, Халиков, 1954), по предположению Г. Ф. Поляковой, отлитое в одной мастерской с навершием типа А-I-1 из Болгара (Полякова, 1990).

Из Симферопольского клада – 2 навершия, золотое и серебряное с позолотой; одно – круглое с ажурным краем, инкрустированное полудрагоценными камнями и жемчугом, другое – тисненое, также с инкрустацией камнями (Мальм, 1987).

Навершие из кургана у ст. Белореченской, найденное Н. И. Веселовским, шестигранное, выполненное из золота, с растительным орнаментом, рубчатым жгутом и с отверстиями для крепления, имеет 3 втулки для крепления перьев. Оно принадлежало, по версии Н. И. Веселовского, знатному адыгу (Веселовский, 1898).

Навершие диаметром 2,6 см, найденное на Северном Кавказе, выполнено из серебра с позолотой, с гравировкой и чеканкой, с геометрическим узором (Юрченко, 2012).

Литейные каменные формы из г. Маджар найдены в пахотном слое и хранятся в формирующемся фонде Маджарского археологического музея (рис. 1).

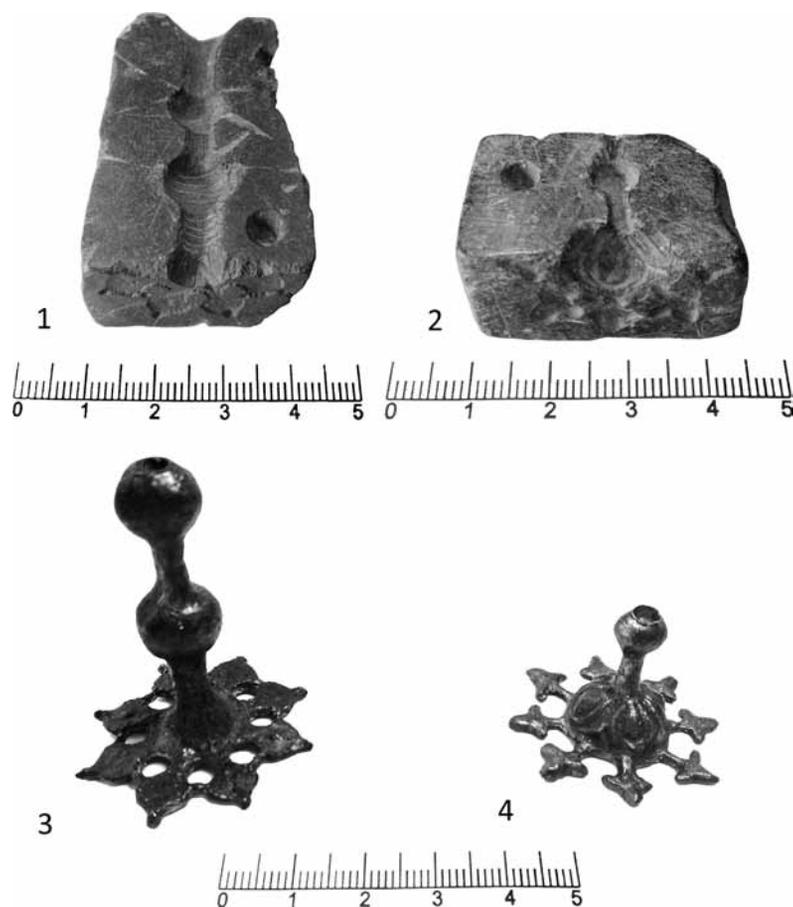
Возвращаясь к вопросу о принадлежности наверший разным социальным слоям, Г. Ф. Полякова в своей работе (Полякова, 1990) утверждает, ссылаясь на А. Ф. Лихачева (Лихачев, 1876), что навершия бытовали у людей разного социального и имущественного положения, а также служили украшением головных уборов знатных женщин. Так же считает и В. А. Мальм (Мальм, 1987) со ссылкой на Ибн Батуту: «... На голове визирши и хаджибы шелковое покрывало, убранное по краям золотом и драгоценными камнями. У каждой из „дочерей“ на голове шапочка, похожая на колпак, с золотым венчиком поверху, который украшен драгоценными камнями, и с павлиньими перьями над ним...» (СМИЗО, 2005). По версии М. Г. Крамаровского, шапки с одним длинным пером носили младшие нойоны (Крамаровский, 2001).

Рикольдо де Монте Кроче – доминиканский миссионер в период с 1288 по 1301 гг., побывавший в Монгольской империи и написавший дневник «Путешествие по святой земле», в 11 главе «Об исходе татар» указывает: «Поэтому установлено, чтобы все знатные и благородные татары носили перья, ... сверху на голове...» (Монте Кроче, 2006).

Рашид Ад-Дин в рассказе 35 «Об устройении дела сокольничих и ловчих» («Сборник летописей») описывает случай уличения в незаконном нашивании перьев на головные уборы: «Сокольничие и их начальники, которые служили при государевой ставке, ... кого ни встречали, наперед ударяли ... по голове, а потом уже говорили ...: “Это-де не порядок, что каждый нашивает себе на шапку перья филина”, – и по этому поводу тащили шапку...» (Рашид-ад-дин, 2011).

В качестве вывода можно сказать, что костюм отражал социальную принадлежность: люди, включенные в управленческую структуру, носили головные уборы с перьями. Один из элементов костюма – навершие для перьевого системы подчеркивал статус носившего его человека, подразумевается, что перья не просто были пришиты, а вставлялись в навершие. Сравнительный анализ археологического материала показал, что мы имеем небольшой объем источников и говорить о широком распространении и общем использовании наверший в монгольской империи на сегодняшний день преждевременно. Это подтверждается и ограниченностью мест производства подобных изделий, известных на сегодня.

Находки литейных форм для изготовления наверший головных уборов в Болгаре и Маджаре свидетельствует о высоком статусе этих городов как столичных центров своих регионов, в которых ремесленники изготавливали свою

Рис. 1. 1–2 – каменные литейные формы (случайная находка на городища Маджары); 3–4 – реконструкция наверший из литейных форм с городища Маджары

продукцию с учетом потребности части населения, включенных в структуру управления монгольской империей.

Литература

- Веселовский Н. И., 1898. Раскопки группы курганов у станицы Белореченской // Отчет Имп. археологической комиссии за 1898 год. СПб.
- Калинин Н. Ф., Халиков А. Х., 1954. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань.
- Крамаровский М. Г., 2001. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.
- Лихачев А. Ф., 1876. Бытовые памятники Великой Булгарии // Труды II АС. Вып. 1. СПб.
- Мальм В. А., 1987. Симферопольский клад. М.
- Монте Кроче Р., 2006. Путешествие по святой земле. Книга странствий. СПб.
- Полякова Г. Ф., 1990. Бляхи – навершия головных уборов // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ). Труды ГИМ. Вып. 74. К 100-летию со дня рождения А. Я. Брюсова. М.
- Полякова Г. Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
- Рашид-ад-дин, 2011. Джамии-ат-таварих. Баку.
- Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном., 2005. Алматы.
- Юрченко А. Г., 2012. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.

М. Ю. Меньшиков
ООО «Столичное археологическое бюро», г. Москва

СВЯТИЛИЩА И САКРАЛЬНЫЕ МЕСТА В ОКРЕСТНОСТЯХ ПОС. КРАСНАЯ ПОЛЯНА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ 2010–2011 гг.

В ходе работ 2010–2011 гг. в зоне горного кластера Олимпиады Сочи 2014 выявлено и исследовано 6 комплексов, которые можно связать с сакральной составляющей жизни местных племен. Все объекты расположены на северном склоне хребта Аибга, на левом берегу р. Мзымта на участке склона между ГЛК Роза Хутор и пос. Красная Поляна (Меньшиков, 2015а; 2015б).

Во время разведок 2011 г. обнаружено святилище Садовый-3, занимающее скальный останец на отроге северного склона хребта Аибга. Высота останца – до 7 м над участком узкого отрога. Сам отрог вытянут в направлении северо-юг, имеет обрывистые склоны с запада и востока. Наиболее удобный подход к останцу с юга, там же начинается заросшая, но удобная тропа, которая огибает останец с востока, над обрывом, и с севера приводит на горизонтальную площадку на вершине. В восточной части площадки и на участках тропы под ней было обнаружено 4 креста кавказско-византийского типа и 5 наконечников стрел (рис. 1, 1, 2, 8, 10). Очевидно, все предметы изначально были расположены в восточной части площадки, со временем часть их выпала на ее поверхность, а часть упала на тропу к востоку от площадки. Также на тропе найдены мелкие фрагменты от расслоившегося лепного сосуда, форму которого реконструировать не удалось.

На расстоянии 220 м к юго-западу от Садового-3 расположен мыс, вытянутый по линии восток-запад. Южный, западный и северный склоны мыса круты и сложны для подъема на площадку. С восточной стороны площадка мыса заперта пирамидообразной скалой высотой около 10 м. Попадание на площадку возможно лишь по узкой тропе над обрывистым склоном вплотную к скале. На площадке мыса обнаружены фрагменты средневекового зеркала, наконечник стрелы, два фрагмента и один целый нож, кресало, два гвоздя (рис. 1, 8, 13). На вершине пирамидообразной скалы в небольшом углублении найдена не стрелянная свинцовая шаровидная пуля (рис. 1, 9). Этот памятник получил наименование Садовый 5.

В районе ГЛК Роза Хутор исследована группа памятников, среди которых можно выделить несколько объектов, имеющих признаки сакральных сооружений. На верхней площадке АК Роза 1 расположено центральное святилище, вероятно, воздвигнутое не ранее середины I тыс. до н.э. и разрушенное до середины I тыс. н.э. в результате сейсмических процессов. Святилище представляет собой комплекс площадью около 24 кв. м, который состоит из центральной горизонтальной плиты размером около 200×220 см, положенной на погребенную почву. Вокруг плиты располагались 3 менгира длиной 160–190 см. Основание менгиров было вкопано и забутовано. К югу от менгиров выявлены 3 вертикально поставленных на равном удалении друг от друга камня высотой до 20 см с обкладкой по периметру более мелкими камнями. Рядом с ними располагался одиночный валун, верхняя площадка которого несла следы многочисленных сколов.

В юго-восточной части всего комплекса исследован участок, обложенный по периметру небольшими плоскими камнями размером до 40 см, поставленными вертикально «на ребро». Внутри конструкции из камней поверхность грунта была ровной и вычищенной. Камни огораживали подокруглое пространство диаметром около 120 см. Признаков наличия очага внутри круга из камней не выявлено.

Опираясь на данные, полученные в ходе раскопок на соседних участках, и на данные археосейсмологии (*Овсяченко и др.*, 2016), можно предположить, что в первой половине – середине I тыс. н. э. святилище было разрушено серией землетрясений. Ярким подтверждением этого факта является то, что один из менгиров разорван пополам: верхняя часть менгира одномоментно отлетела на 2 м к югу, а основание менгира осталось стоять на месте. Два других менгира завалились в центр, на горизонтальную плиту, при этом северо-западный частично разрушился и в процессе падения вывернул забутовку, фиксировавшую его основание в грунте. Вероятно, после того, как святилище было разрушено, его засыпали – «похоронили» – либо те, кому оно служило, либо люди, пришедшие на это место позднее. Вокруг святилища была сооружена ограда из вертикально поставленных камней и, возможно, дерева. К западу и северу от ограды в Средневековье заложен воинский некрополь.

К югу от ограды древнего разрушенного святилища в Средние века было сооружено новое. Исследование этого участка показало антропогенный характер нивелировки поверхности в древности. Были убраны фрагменты скально-обломочной массы, после чего принесенной чистой серой глиной выровнена поверхность, на которой до нашего времени шел процесс почвообразования. В слое почвы обнаружены кованые гвозди в количестве значительно большем, нежели на всей остальной территории памятника. В слое глины выявлены остатки каменного ленточного аккуратно сложенного фундамента. Вероятные размеры срубной конструкции, которую можно расположить на данном фундаменте, около 9×9 м. Признаков очага в пределах конструкции не выявлено. На участках, примыкающих к территории, на которой был выявлен фундамент, обнаружено много наконечников стрел, кресал, пуль и др. предметов, которые традиционно связываются с набором приношений в святилища. Правда, наличие рядом воинских погребений не позволяет уверенно связать все находки предметов вооружения с комплексом святилища. Также следует отметить найденные в этой части памятника фрагменты чугунных котлов. Возможно, к этому же комплексу относится выявленная неподалеку площадка подокруглой формы диаметром около 6–7 м. Территория площадки расчищена, камни, которые, возможно, были собраны с ее поверхности, сложены по периметру. Верхний слой так же, как и на участке со срубом, подсыпан принесенным грунтом. Находок на площадке выявлено не было.

К почитаемому месту можно отнести и каменный валун, расположенный на территории средневекового могильника. На участках, примыкающих к валуну, обнаружено много предметов, которые могли выполнять функцию приношений в женские святилища: булавки, иглы, подвеска из металлического зеркала, наперстки, перстень (рис. 1, 3–7).

Одним из наиболее ярких комплексов является природное каменное образование, напоминающее своей формой лежащего волка. Крупный скальный

Рис. 1. Находки с территории святилищ в окрестностях пос. Красная поляна: 1, 2, 10–12 – Садовый 3; 3–7 – археологический комплекс Роза 1; 8, 9, 13 – Садовый 5; 14, 15 – археологический комплекс Роза 1 (Скала «Волк»). 1–6, 8–13 – железо; 7 – бронза; 14, 15 – медь, железо

обломок длиной около 12 м, шириной 1,4 м и высотой до 3,8 м вытянут строго по оси север–юг, «мордой» на юг. Мимо данного образования в древности в каменном завале была расчищена тропа, являвшаяся единственным удобным проходом на расположенную на мысе крепость Роза Хутор. Позади каменного «волка», к северу, на расстоянии около 5 м в расщелине найдены медный котел со следами многократного ремонта и железной дужкой и медная чаша (рис. 1, 14, 15).

Обнаруженные в окрестностях пос. Красная Поляна комплексы святилищ в основном связаны со средневековым населением региона. Лишь одно святилище можно отнести к началу нашей эры. Несмотря на разнообразие форм сооружений, все они имеют аналогии в других регионах Кавказа, причем как в плане археологии, так и этнографии.

Литература

- Меньшиков М. Ю.*, 2015а. Отчет о выполнении охранных спасательных археологических работ (раскопок) на участках строительства комплекса трамплинов и объектов лыжного двоеборья в границах территорий выявленных объектов археологического наследия «Могильник Садовый 1», «Поселение Садовый 2», «Святилище Садовый 3», расположенных на северном склоне г. Аибга в Краснополянском п. о. Адлерского района г. Сочи Краснодарского края в 2011 г. // Архив ИА РАН.
- Меньшиков М. Ю.*, 2015б. Отчет о проведении археологических раскопок на выявленных объектах археологического наследия «Селище Роза 1», «Могильник Роза 1», расположенных в зоне строительства олимпийских объектов ООО «Роза-Хутор» в Краснополянском п. о. Адлерского района г. Сочи Краснодарского края в 2010–2011 гг. // Архив ИА РАН.
- Овсяченко А. Н., Меньшиков М. Ю., Рогожин Е. А., Корженков А. М.*, 2016. Циклы сейсмической активности во второй половине голоцена на Западном Кавказе и их связь с этапами цивилизационного развития (на примере верховьев р. Мзымта) // Геофизические процессы и биосфера. Т. 15. № 2.

А. П. Минаев
Азовский историко-археологический и палеонтологический
музей-заповедник, г. Азов

ЗАМЕТКИ О МУКОМОЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО АЗАКА

В ходе раскопок разных лет на территории г. Азова было найдено большое количество жерновов. Основная их часть происходит из комплексов золотоордынского Азака. Судя по всему, эти жернова являлись частью мукомольного ремесла.

подавляющее большинство каменных жерновов были частями ручных мельниц, широко распространенных не только в пределах Золотой Орды, но и в соседних регионах. Мукомольное производство в XIII–XV вв. было еще не до конца отделено от домашнего ремесла, как домотканое ткачество. большей частью оно было сосредоточено на обособленных усадебных участках, раскинутых по всему городу, и могло использоваться как в пределах одной усадьбы, так и для дальнейшей продажи местным купцам и ремесленникам.

В XIV в. происходит, хоть и медленный, переход к машинному производству. Водяные мельницы, известные с первых веков нашей эры и сравнительно мало употреблявшиеся, в эпоху развитого Средневековья входят в широкий оборот для обработки зерна, а также для других видов ремесла. Судя по письменным источникам, в первой половине X в. появляются и первые ветряные мельницы на территории современного северного Ирана, а в XII в. – и на территории Англии. Однако первые стационарные ветряные мельницы относятся к рубежу XIII–XIV вв. Одна из таких мельниц найдена при раскопках Азака в 2014 г. На дне котлована мельничной башни были найдены несколько крупных жерновов (диаметром около 1 м). В предыдущие годы раскопок также удавалось зафиксировать фрагменты крупных жерновов, однако связать их с конструкцией ветряной мельницы не представлялось возможным.

Мельничные жернова можно условно разделить на две группы – малые ручные жернова и крупные машинные. В настоящее время ручных жерновов найдено более 100 (разной степени сохранности). Жернова большей частью были диаметром 30–40 см, толщиной 3–5 см, с диаметром центрального отверстия 4–6 см. На некоторых фрагментах сохранились выемки или пазы для махового штока. На большинстве найденных фрагментов отсутствуют пазы для порхлиц. Материалом в большинстве служили песчаник или ракушечник, иногда встречались и фрагменты жерновов, изготовленных из брекчии или конгломерата. Часть жерновов после их поломки могла служить в качестве точильных камней.

Вторую, намного меньшую по объему группу жерновов, можно отнести к машинным мельницам (вероятнее всего, ветряных). На данный момент известно 12 таких жерновов. Диаметр этих жерновов был около 1 м, толщина – 6–8 см (за исключением одного жернова толщиной 20 см). На многих жерновах сохранились узкие насечки толщиной 2–3 мм, а также пазы для порхлиц на бегунках. Материалом этих жерновов служили конгломерат или брекчия – материалы, отсутствующие в данном регионе.

Кроме находок жерновов, в ходе раскопок золотоордынского Азака были найдены фрагменты сельскохозяйственных орудий – железные наральники и лемехи плугов, что указывает на наличие земледелия в сельской округе Азака. Вероятнее всего, зерно, используемое на местных мельницах, было местным и могло идти на экспорт.

Исходя из вышесказанного, находки жерновов и сельскохозяйственных орудий говорят о том, что в XIV в. Азак располагал развитым мукомольным производством. А наличие машинных мельниц может указывать на то, что город мог не только обеспечивать свой внутренний рынок хлебом, но и отправлять его на экспорт.

А. М. Новичихин
Анапский археологический музей, г. Анапа

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА СЕВЕРНОЙ ОКРАИНЕ СЕЛА СУ-ПСЕХ

В 1991 г. отряд Анапского археологического музея проводил разведки в окрестностях с. Су-Псех Анапского района Краснодарского края. В результате разведок было выявлено несколько ранее не известных археологических памятников, в т. ч. и раннесредневековое поселение, получившее название Су-Псехское I.

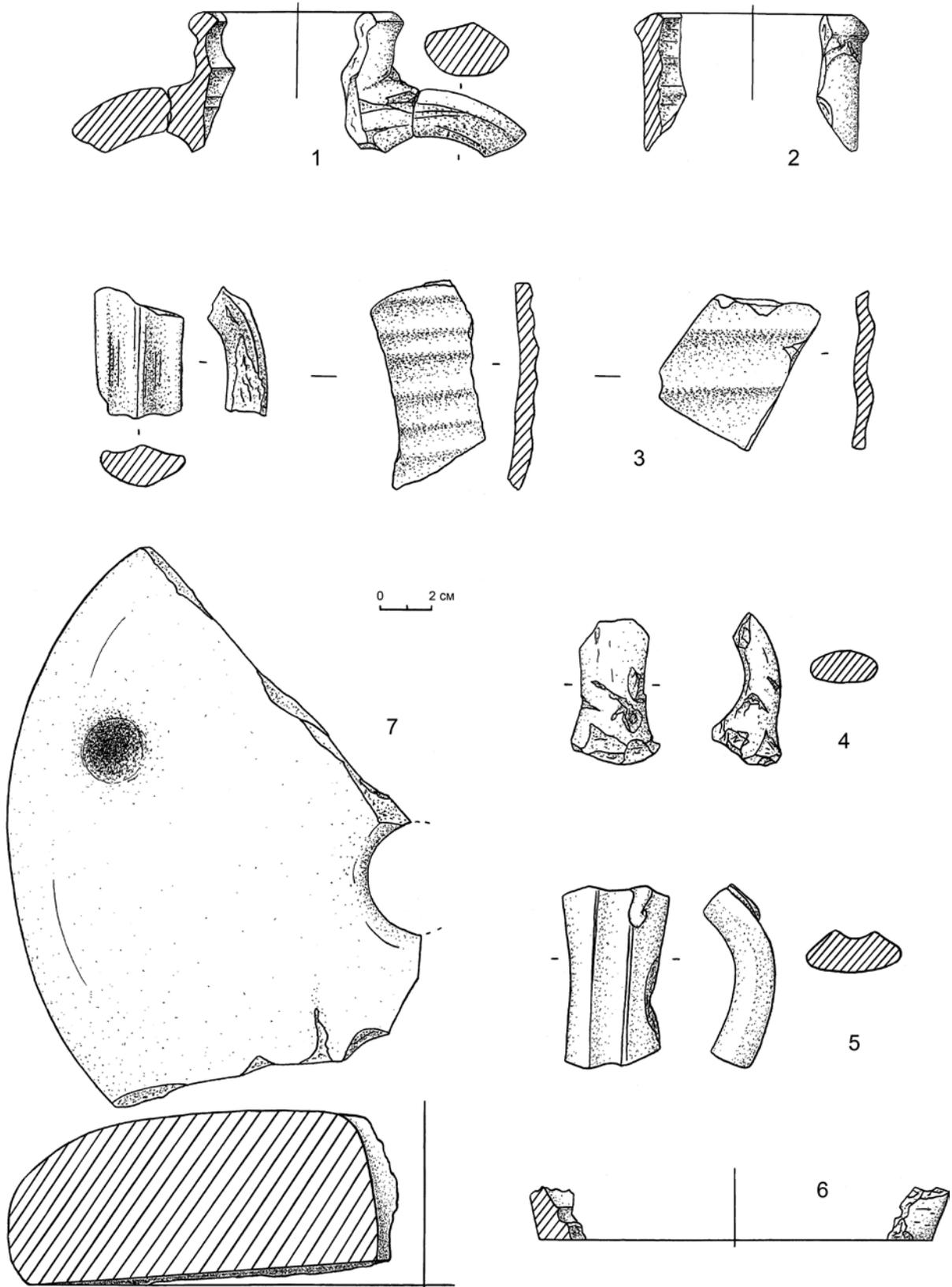
Памятник расположен в 300 м севернее с. Су-Псех на краю яблоневого сада Анапского совхоза-техникума, территория которого весной 1991 г. была разделена на участки и дачи СОТ «Восход». На момент обследования памятник и прилегающая к нему территория представляли собой поросший травой пустырь между дачными участками и лесопосадкой. Впоследствии территория поселения также попала в зону дачных наделов и в настоящее время застроена. Таким образом, наблюдения 1991 г. и собранный тогда на поселении подъемный материал являются единственным источником информации о Су-Псехском I поселении.

Остатки поселения представляли собой небольшое скопление камней и фрагментов керамики, сосредоточенное на площади около 800 кв. м. В рельефе на местности памятник не выражен.

Подъемный материал, собранный на поселении (рис. 1), весьма малочислен: шесть обломков красноглиняных амфор (венчики, ручки, рифленые стенки), три из которых (венчик и два фрагмента стенок) принадлежат, судя по глине, одному сосуду; две ручки сероглиняных кувшинов и обломок донной части кружального горшка. Помимо керамики на поселении найден обломок известнякового жернова с углублением для ручки.

Собранные на поселении профильные фрагменты амфор (рис. 1, 1–3), насколько можно судить по их обломкам, принадлежат хорошо известному в материалах раннесредневековых памятников Северного Причерноморья и уверенно датируемому VIII–X вв. типу амфор с вытянутым яйцевидным туловом, покрытым широкими бороздами (*Плетнева*, 1963. Рис. 28; *Чхаидзе*, 2005. С. 443–464; 2008. С. 145–151. Рис. 78–82; *Яacobсон*, 1979. С. 31. Рис. 13, 1–3. С. 72, 73. Рис. 43, 2–4). Найденные на Су-Псехском I поселении фрагменты, судя по глине, принадлежат трем разным амфорам: фрагмент горла с венчиком и частью ручки принадлежал сосуду, изготовленному из кирпично-красной глины с примесями шамота и известняка (рис. 1, 1); фрагмент горла с венчиком – сосуду из отмученной оранжевой глины с включением шамота (рис. 1, 2); фрагмент ручки и два фрагмента стенок с горизонтальными бороздами – сосуду из оранжевой глины с включениями красного, белого и черного цвета (рис. 1, 3).

Фрагменты ручек сероглиняных кувшинов принадлежали сосудам, изготовленным из глины с включениями кальцита и известковыми: одна из них – овальная в сечении (рис. 1, 4); вторая – с продольным вертикальным желобком, в верхней части сохранилась часть фигурного налепа в виде змейки (рис. 1, 5). Желобчатая ручка с налепом-змейкой сопоставима с аналогичной ручкой сероглинянного кувшина, украшенного налепом в виде парных спиралевидных

Рис. 1. Су-Псехское I поселение. Подъемный материал: 1-3 – фрагменты амфор; 4, 5 – фрагменты ручек сероглиняных кувшинов; 6 – фрагмент горшка; 7 – фрагмент жернова; 1-6 – глина, 7 – камень

завитков из раскопок Таманского городища (*Плетнева*, 1963. С. 37. Рис. 24, 13; *Чхаидзе*, 2008. Рис. 109, 1).

Последняя керамическая находка – фрагмент края донной части кружального кухонного горшка из коричневой глины с блестками и мелкими черными включениями (рис. 1, б).

От известнякового жернова ротационного типа сохранился обломок примерно в $\frac{1}{4}$ общего диаметра. Жернов изначально имел форму, близкую к сегменту шара с плавно закругленной внешней гранью. Судя по профилю жернова, нижний камень постава, в котором он применялся, имел скошенную от центра к краям поверхность. На фрагменте имеется углубление для деревянной ручки, при помощи которой жернов приводился в движение (рис. 1, 7). Жернов принадлежал ручной мельнице конического типа с рукоятью для вращения. Подобные мельничные поставы хорошо известны по находкам на памятниках салтово-маяцкой археологической культуры. В. К. Михеев выделяет их в тип ИБ1 (*Михеев*, 1985. С. 51. Рис. 27, 4).

Амфорный материал датирует Су-Псехское I поселение VIII–X вв. Судя по всему, оно представляло собой небольшую сельскую усадьбу салтово-маяцкой культуры, существование которой в районе Анапы стало известно благодаря охранным археологическим исследованиям последнего десятилетия.

Литература

- Михеев В. К.*, 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.
- Плетнева С. А.*, 1963. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.
- Чхаидзе В. Н.*, 2005. Раннесредневековые амфоры из Фанагории (по материалам раскопок 1939–1980 гг.) // Древности Боспора. 8.
- Чхаидзе В. Н.*, 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.
- Якобсон А. Л.*, 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

С. А. Пантелеев
*Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук
Республики Татарстан, г. Казань*

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ В ДЕЛЬТЕ РЕКИ ВОЛГИ

Памятники хазарского времени в Поволжье являются объектом продолжительных исследований многими поколениями исследователей. Их присутствие в это время представлено археологическими памятниками салтово-маяцкой археологической культуры (VIII–X вв.).

Большая часть выявленных и исследуемых объектов сконцентрирована на Средней Волге.

Материалы с памятников Нижнего Поволжья (Саратовская, Астраханская области), к сожалению, изданы фрагментарно в виде небольших отдельных публикаций. Наибольшее количество данных имеется по памятникам Волгоградской области (работы Е. В. Круглова).

С территории Астраханской области по памятникам хазарского времени имеются только отдельные сообщения. Большинство известных на сегодняшний день памятников располагаются непосредственно в дельте Волги. К числу таких памятников, которые исследовались в последние годы, относятся могильники Татарский городища Мошаик, Посольский, Щучий, Ковыльный, Клязьтобе, Тюрлюме (рис. 1).

Могильник Татарский городища Мошаик располагается на бэровском бугре «Татарский» («Адже-тюбе») в Приволжском районе Астраханской области в 1000 м к юго-востоку от выезда по ул. Соколова из пос. Мошаик. Памятник известен достаточно давно, еще в экскурсии В. Л. Егорова (*Егоров*, 1985. С. 118) он упоминается как поселение золотоордынского времени.

Впервые археологические исследования на могильнике были проведены Е. В. Шнайдштейн в 1978 г. (*Шнайдштейн*, 1978). После довольно длительного промежутка времени в 1999 г. были проведены исследования под руководством Д. В. Рябичкина (*Рябичкин*, 1999). В 2004–2006 и 2012 гг. исследования были продолжены С. А. Пантелеевым (*Пантелеев*, 2008. С. 198–205) и в 2009 г. – Э. Ю. Мирсияповым. В общей сложности на территории могильника было выявлено 27 погребений, датируемых серединой IX–X и по XIV в. С хазарским временем связано 7 погребений. Они представляют собой грунтовые захоронения в прямоугольных ямах иногда с заплечиками. В ряде погребений фиксируются остатки деревянных конструкций перекрытий, рам, гробовищ. Погребальный инвентарь представлен керамической посудой (горшками, кувшинами) (рис. 2, 1–5) и остатками деревянной посуды (миски) салтовского облика.

Среди индивидуальных находок отмечены: фрагмент медной обкладки венчика деревянной миски, гешировые бусы, костяные пряжки и накладки на лук, серьги, железный нож, кремь для кресала. В одном случае на черепе были зафиксированы остатки матерчатой ленты с аппликацией из кожаных эллипсов, на которые были наклеены позолоченные каплевидные и круглые вставки в виде крестообразного орнамента.

Кроме того, было обращено внимание на ряд мусульманских погребений, исходя из характера которых можно предположить, что они были совершены в хазарское время. Само по себе это любопытно, поскольку, вероятно, впервые на территории Астраханской области удалось археологически зафиксировать столь ранние мусульманские погребения. Подобные погребения известны в домонгольской Булгарии среди погребений Танкеевского, Больше-Тарханского, Тетюшского могильников раннеболгарского времени (*Казаков*, 1992, С. 89, 103) а также Такталачукского и I Азметьевского могильников (*Халикова*, 1986).

На территории Приволжского района Астраханской области были исследованы разрушаемые захоронения грунтовых могильников хазарского времени на бэровских буграх: Посольский и Щучий. Бугор Щучий и Посольский находятся рядом друг с другом, в 300 м, и расположены в 3,6 км к юго-западу от с. Евпраксино. В 2001 г. исследовались Д. В. Кутуковым, а в 2012–2014 и 2016 гг. С. А. Пантелеевым проводились археологические исследования спасательного характера на бугре Посольский и Тюрлюме.

Среди обнаруженных в погребениях предметов присутствуют ножи, шило, кремь для кресала, фрагменты костяных накладок на лук, серьга, бусы, зеркало, остатки колчана (?), наконечники стрел. В одном из погребений были обнаружены две четверти серебряного куфического дирхема. Надписи выполнены арабским куфическим (?) письмом. Ввиду фрагментированности монеты время и место чеканки не устанавливаются.

Обнаруженные в захоронениях сосуды, датируемые второй половиной VIII – началом X вв. (рис. 2, 6–14), находят широкие аналогии в материалах салтово-маяцкой культурной общности.

Говоря же о степени (возможно ритуального) разрушения человеческих скелетов в исследованных погребениях, то она бывает весьма различна – от передвижки нескольких костей до полного разрушения скелета. А в некоторых случаях – и удаления какой-то части костей (череп, ступней ног, кистей рук).

Жертвенные животные представлены в погребениях костями овцы, лежащими в ногах погребенных.

Имеются сведения и о наличии захоронений хазарского времени на границе Астраханской области и Республики Калмыкия в районе пересечения дорог автостреды Астрахань–Элиста, в 2 км на ССВ у кошары «Ковыльный» (*Кутуков*, *Пантелеев*, 2013. С. 175–190).

Так, аналогии лепному горшку в погребении из могильника «Ковыльный» отмечаются во многих погребальных комплексах, относящихся к салтово-маяцкой культурной общности. Лепной сосуд из захоронения могильника «Ковыльный» хорошо соотносится с I типом лепных горшков согласно предложенной типологии В. Ф. Генинга и А. Х. Халикова. Согласно классификации, предложенной в свое время С. А. Плетневой, салтовские кувшины делятся на три вида. В рассматриваемом нами погребении данный кувшин соотносится со вторым видом, что позволяет датировать погребение, вероятно, второй половиной VIII – началом IX в.

В целом, обнаруженные в погребениях сосуды находят широкие аналогии в захоронениях салтово-маяцкой культурной общности, датируемых второй половиной VIII – началом X в. Керамика является наиболее ярким признаком данной культурной общности. Она характерна для салтовского круга древностей

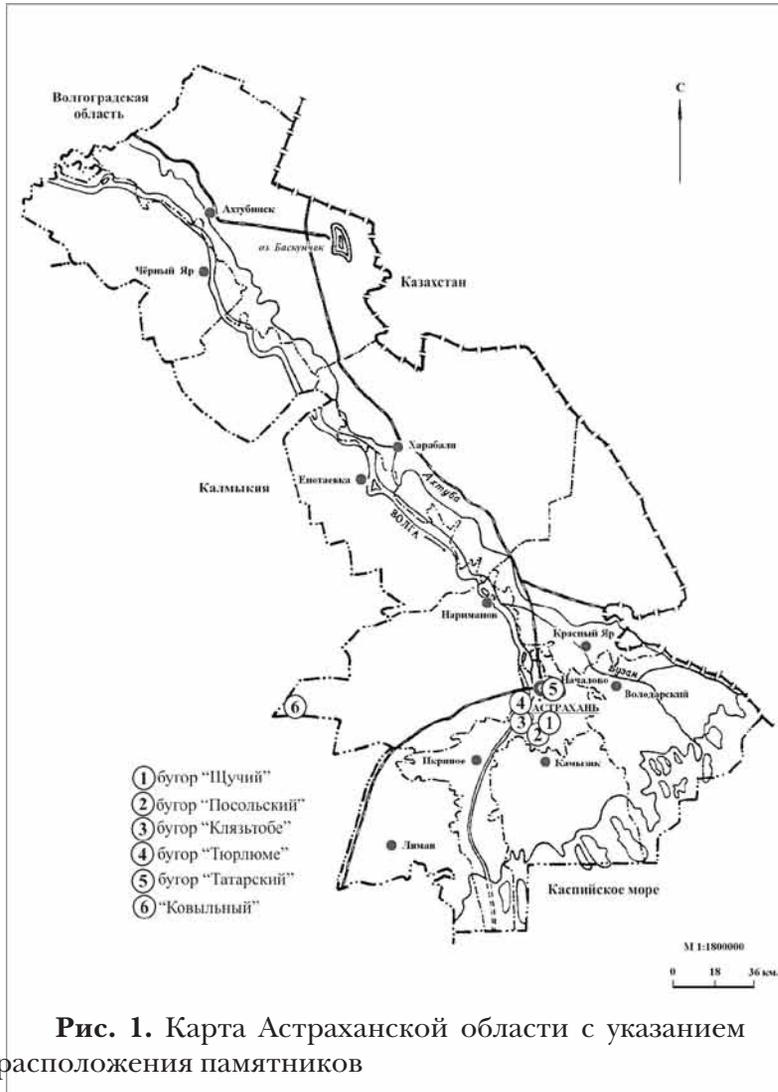

Рис. 1. Карта Астраханской области с указанием расположения памятников

Рис. 2. Могильник бугор «Татарский»: 1 – погребение 21; 2, 3 – погребение 26; 4, 5 – погребение 27. Могильник бугор «Тюрлюме»: 6 – разрушенное погребение. Могильник бугор «Посольский»: 7 – погребение 11 (кенотаф?); 8, 9 – погребение 7; 10, 11 – погребение 24; 12 – погребение 26; 13, 14 – погребение 29

и генетически связана с памятниками Приазовья, Нижнего Подонья и Северного Кавказа. В нашем случае, если говорить о сосудах, обнаруженных в погребениях на бугре «Татарский», «Ковыльный», «Клязьтобе», «Посольский» и «Щучий», то обращают на себя внимание определенные различия между ними. Отмечаются характерные формы: бомбовидные одноручные кувшины, кружкообразные сосуды. Серо-черные сосуды, покрытые лощением сплошным или зональным, и круговые гончарные одноручные кувшины, отличающиеся от предыдущих сосудов вытянутыми пропорциями, желто-красным цветом и отсутствием лощения. Обнаруженные в погребениях сосуды находят широкие аналогии среди сосудов из погребений грунтовых могильников Больше-Тиганский, Большие Тарханы, Тетюшский, Танкеевка в Татарстане, а в Ульяновской области на Кайбельском могильнике (Хлебникова, 1984).

Рассмотренные нами погребения позволяют сделать вывод о том, что Нижняя Волга в дельтовой ее части являлась местом концентрации населения в хазарское время, где впоследствии мог сформироваться (или формировался) один из его центров.

Литература

- Егоров В. Л., 1985. Историческая география Золотой Орды. М.
- Казаков Е. П., 1978. Памятники Болгарского времени в восточных районах Татарии // М.: Наука.
- Кутуков Д. В., Пантелеев С. А., 2013. Исследования болгарских захоронений домонгольского времени на территории Астраханской области // Поволжская археология. № 3.
- Пантелеев С. А., 2008. Бугор Татарский – грунтовый могильник городища Мошаик // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. Волгоград.
- Рябичкин Д. В., 1999. Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1999 г. // Архив АГОИАМЗ. № НВ 15499.
- Халикова Е. А., 1986. Мусульманские некрополи Волжской Болгарии X – начала XIII в. Казань.
- Хлебникова Т. А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука.
- Шнайдинштейн Е. В. Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1978 году. Архив ИА РАН. Р-1. № 7255.

П. А. Петров, П. М. Соколов
ООО «ИТЦ специальных работ», г. Санкт-Петербург

НОВЫЙ ТИП СРЕДНЕВЕКОВЫХ КЕРАМИЧЕСКИХ МАСЛЯНЫХ СВЕТИЛЬНИКОВ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ТАМАТАРХИ

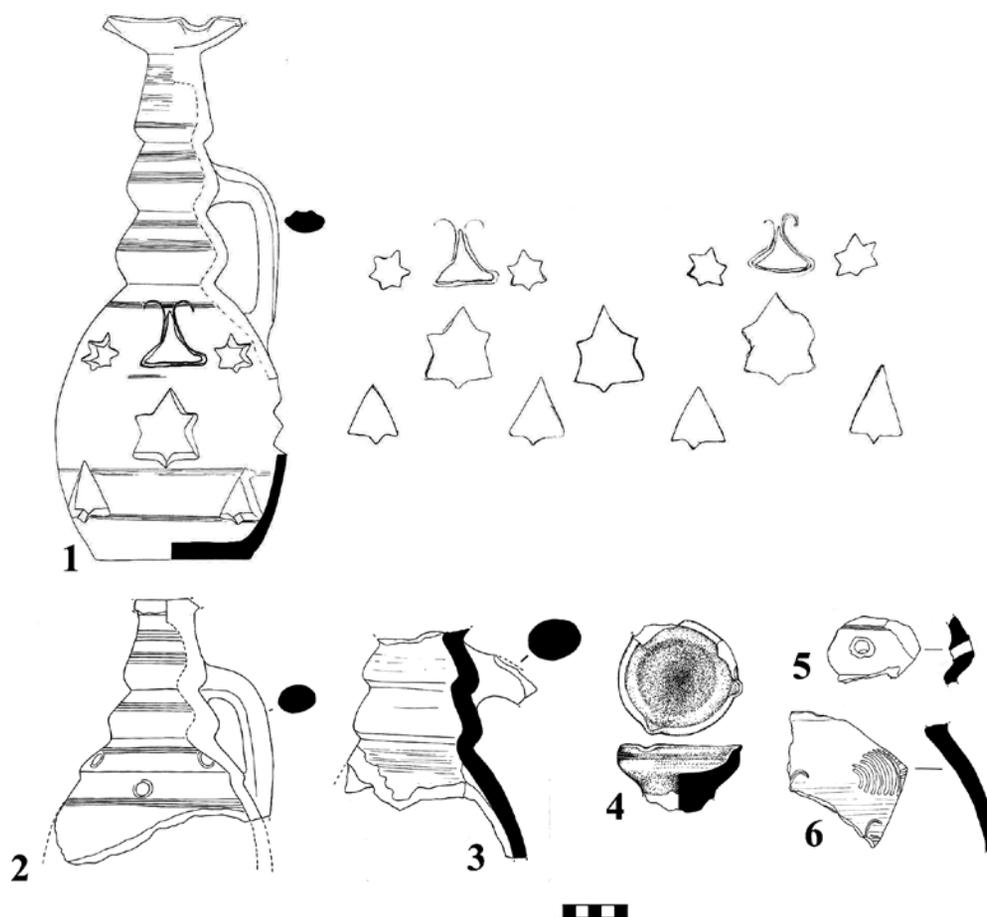
Осветительные приборы являются важным элементом декора средневекового жилища. Разработкой вопросов, связанных с типологией, хронологией и технологией изготовления и использования светильников IX–XI вв. на территории Таманского полуострова, занимались С. А. Плетнева и В. Н. Чхайдзе (*Плетнева*, 1963. С. 60–62; *Чхайдзе*, 2008. С. 206–208). Последний автор принял типологию С. А. Плетневой, дополнив ее материалами из раскопок последних лет. Некоторое внимание осветительным приборам славянских княжеств сходного времени было уделено Р. Л. Розенфельдом (*Розенфельдт*, 1997. С. 10–11. Табл. 3). Вместе с тем за последнее десятилетие на Таманском полуострове было исследовано большое количество поселений VIII–XI вв. Их материалы позволяют уточнить и дополнить существующие типологические схемы.

В 2015–2016 гг. в окрестностях ст. Тамань у балки Лисовицкого археологическим отрядом ООО «ИТЦ» под руководством Ю. К. Гугуева было исследовано около 70 тыс. кв. м культурного слоя поселения античного и средневекового времени¹. Данная статья посвящена новому типу средневековых светильников, обнаруженных во время этих работ.

В кв. Г16 раскопа 2 при разборке пласта 4 был обнаружен разбитый светильник (рис. 1, 1). Он представлял собой плоскодонный гончарный сосуд с яйцевидным туловом, одной ручкой и прилепленной на горло чашей для масла с двумя сохранившимися носиками для фитилей. Высота сосуда – 50,3 см, диаметр дна – 16,3 см, диаметр тулова – 18,7 см, диаметр горла в верхней точке – 4,8 см, реконструируемый диаметр чаши – 11 см, ширина ручки – 3,5 см. Толщина стенок – 0,9 см, дна – ок. 0,8 см. Сосуд имеет высокое горло из трех биконических уступов, нижний наиболее приземистый, верхний – вытянутый. Ручка сосуда овальная в сечении, украшена тремя каннелюрами. Один конец ручки прилеплен к верхней части тулова, другой – к среднему уступу горла. Горло и верхняя часть тулова украшены линейным прочерченным орнаментом. В тулове имеется три ряда сквозных прорезей в форме треугольников и шестиконечных звезд «гексаграмм». Чаша для масла покрыта копотью внутри и частично снаружи. Под одним из носиков-фитилей на тулове имеется закопченное пятно. Сосуд изготовлен из хорошо отмученной глины светло-оранжевого цвета с примесью песка или слюды, дресвы и незначительного количества дробленой ракушки. Обжиг относительно ровный.

В кв. К38 раскопа 2 при разборке пласта 4 был найден фрагмент еще одного подобного светильника (рис. 1, 2). Он представлял собой гончарный сосуд с одной ручкой, высоким горлом в три уступа и прилепленной на горло чашей для масла. Нижняя часть сосуда не сохранилась. Высота фрагмента – 26 см, диаметр тулова – 19 см,

¹ Авторы выражают благодарность Ю. К. Гугуеву за предоставленную возможность публикации материалов и консультации в процессе подготовки статьи.

Рис. 1. Средневековые светильники с раскопа № 2 у балки Лисовицкого в окрестностях ст. Тамань

диаметр горла в верхней части – 4,6 см, ширина ручки – 3,1 см, толщина стенок – 1,1 см. Ручка сосуда овальная в сечении, один ее конец прилеплен к верхней части тулова, другой к верхнему уступу горла. Горло и верхняя часть тулова украшены линейным прочерченным орнаментом. В тулове сохранились два ряда сквозных прорезей округлой формы. Чаша для масла оббита. Сосуд изготовлен из глины красно-коричневого цвета с примесью большого количества толченой ракушки в тесте. Обжиг неровный. На поверхности имеются трещины, чаша для масла не закопчена. Сосуд представляет собой технологический брак и, вероятно, не использовался.

Еще один фрагмент горла подобного сосуда (рис. 1, 3) был найден в кв. П30 раскопа 2 при разборке пласта 6. Фрагмент представляет собой два биконических уступа горла с фрагментом тулова и фрагментом верхнего прилепа овальной в сечении ручки. Высота фрагмента – 18 см, диаметр горла – ок. 8 см, ширина ручки – 3,8 см, толщина стенок – 1,1 см. По верхней части тулова также проходит линейный прочерченный орнамент. Сосуд изготовлен из хорошо отмученной глины с примесью песка или слюды, цвет теста серо-черный. Также представляет собой технологический брак.

К этому же типу сосудов, видимо, относится и небольшой фрагмент горла гончарного оранжевоглиняного сосуда (рис. 1, 4) с округлым сквозным отверстием и линейным прочерченным орнаментом. Сосуд обнаружен в кв. П14 раскопа 2 при разборке пласта 1. Размеры фрагмента: 6,7×4 см, толщина стенок 1 см.

Вероятно, к подобным гончарным сосудам относится и чаша светильника (рис. 1, 5), найденная в кв. Ж16 раскопа 2 при разборке пласта 3. Диаметр чаши – 8,7 см, общая высота фрагмента – 4,3 см, толщина стенок – 0,7 см. Чаша покрыта копотью. К сосудам этого же типа относится, видимо, и фрагмент стенки от верхней части тулова гончарного оранжевоглиняного сосуда (рис. 1, 6) с линейным прочерченным орнаментом и рисунком напоминающем «менору» (?). Стенка обнаружена при разборке пласта 3 в кв. В22 раскопа 2. Размеры фрагмента: 11,5×8,8 см. Стенка также частично закопчена.

Подобные светильники не укладываются в типологию С. А. Плетневой. Наиболее близки они с типом Б: «светильники на ножке». В. Н. Чхаидзе пишет, что в раннесредневековых слоях Таматархи встречаются как лепные, так и гончарные светильники этого типа. Стратиграфически они доходят до IX в., аналогии им известны в Саркеле (Чхаидзе, 2008. С. 208). По-видимому, некоторые «светильники на ножке», по В. Н. Чхаидзе, могут быть верхней частью светильников в виде кувшинов с прорезями, описанных в настоящей статье.

Светильники с прорезями известны в хазарских материалах Саркела (Плетнева, 1959. С. 224) и славянских древностях Киева и Новгорода (Розенфельдт, 1997. С. 11. Табл. 3). В Саркеле такие светильники доживают до X в. н. э. (Плетнева, 1959. С. 225), в Киеве до XIII в., в Новгороде до XIV в. (Розенфельдт, 1997. С. 11).

Р. Л. Розенфельдт отдельно описывает светильники «в форме кувшина, к верхней части которого примазано плоское блюдце для масла», рассматривает их распространение и развитие в географическом и хронологическом аспектах. Кроме того, он высказывает мнение о том, что прорези на тулове делались для того, чтобы сосуд не разорвало при обжиге. Регионом зарождения этого типа сосудов он называет Крым и хазарский Саркел (Розенфельдт, 1997. С. 11).

Гончарные масляные светильники в виде кувшинов с прорезями, описанные в данной статье, происходят из культурного слоя IX–XI вв. Этот тип сосудов сформировался в Хазарском каганате и был заимствован славянским населением Киевского и Новгородского княжеств.

Литература

- Плетнева С. А., 1959. Керамика Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. Материалы и исследования по археологии СССР. № 75. М.
- Плетнева С. А., 1963. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.
- Розенфельдт Р. Л., 1997. Осветительные приборы // Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Чхаидзе В. Н. 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.

С. М. Саканиа

*Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа,
г. Сухум*

МАЛЫЕ ЦЕРКВИ С РИТУАЛЬНЫМИ НИШАМИ В АЛТАРЕ¹

В Абхазии много интересных и разнообразных по типу христианских культовых сооружений. Количество руинированных небольших каменных приходских церквей здесь пока не поддается подсчету. Ежегодно обнаруживается до десяти новых, не зафиксированных ранее и не введенных в научный оборот памятников. Среди многочисленных не изученных памятников встречаются небольшие по объему каменные зальные церкви. В свое время они выполняли не просто христианскую религиозную функцию, но и были своеобразными центрами-школами духовного просвещения местного населения, через которые оно знакомилось с византийской культурой, материальной и духовной.

За последние годы интерес к средневековым культовым памятникам Абхазии начал возрастать. К их изучению активно подключаются и зарубежные исследователи. В связи с этим все актуальнее становится вопрос об истоках возникновения абхазской школы архитектуры. В свое время грузинские исследователи В. В. Беридзе и Л. Д. Рчеулишвили отмечали о существовании т. н. абхазской школы грузинской архитектуры. В свою очередь Ю. Н. Воронов сформулировал это понятие как абхазо-аланская школа византийского зодчества. В последние годы стала формироваться идея о существовании самостоятельной абхазской архитектурной школы, которая отличается от грузинской и византийской школ христианской архитектуры. Безусловно, все христианские памятники так или иначе связаны с метрополией, но периферийная культовая архитектура Римско-Византийской империи имели свое лицо, основанное на собственных достижениях в области строительного искусства. И в этом вопросе Абхазия не была изолирована, она также активно участвовала в этих процессах и находилась в гуще их развития. Прокопий Кесарийский (VI в.) писал: «У подножия этой горы еще в древности Абазги выстроили очень сильное укрепление, по величине наиболее значительное, где им всегда удавалось защищать свою свободу». Таким образом, если рассматривать проблему возникновения строительного искусства в Абхазии и местной архитектурной школы в срезе времен, то становится заметно, что в Абхазии, как и сама ее государственность, она имела достаточно глубокие корни. Мы не затрагиваем столь отдаленную эпоху для выявления абхазской школы архитектуры, но при этом хотим выделить отдельные формы и конструкции ряда памятников культовой архитектуры, собственных абхазским храмам, и сгруппировать их по типам.

В последние годы удалось зафиксировать ряд малых приходских церквей, имеющих одинаковую конструкционную особенность в оформлении восточной стороны алтарной части. Встречаются храмы, у которых по сторонам престола, с северо-востока и юго-востока в алтарной части имеются ниши одинаковой полукруглой или прямоугольной в плане формы. На одних памятниках бывают несколько таких

---

¹ Работа подготовлена при поддержке РФФИ № 16-21-12001/17-ОГОН а (м) (Международный конкурс РГНФ – Академия наук Абхазии (АНА) 2016 г.).

ниш, причем не одинаковой формы и объема. На других памятниках ниша может располагаться на ее северо-восточном секторе приалтарной части и т. д. Эти памятники можно условно разделить на несколько групп по их формам.

К первой группе можно отнести храм в Лашкендаре. Этот храм отличается от остальных тем, что апсидное полукружие выступает снаружи, имеет три дверных проема и пристроенный с запада притвор. На архитравной балке над западным дверным проемом имеется рельефное изображение двух, скорее всего, древних кошачьих, которые раньше обитали в Абхазии – «горных львов». На южной архитравной балке – рельефное изображение креста в круге. В восточной части продольных стен у апсиды и в апсиде расположены плоские углубления квадратной формы, прямоугольной формы с овальным и прямоугольной формы с треугольным верхом.

Ко второму типу относится храм Акуача в с. Анхуа. Храм имеет вписанную апсиду. На северной стороне апсиды – полукруглая ниша, поверх этой которой расположено прямоугольное углубление. В этом храме – два дверных проема: один – в западной стене, второй – в южной. С запада и юга к храму пристроены притворы. Такой же облик имеет Ольгинская церковь.

К третьему типу можно отнести храм в с. Джал-Акуаскиа. Апсидное полукружие вписано в прямоугольный абрис храма. На северной стороне апсидного полукружия расположено прямоугольной формы углубление. Дверные проемы находятся в западной и южной стенах. С запада к храму пристроен притвор.

К четвертой группе относится храм в с. Яштхуа. Апсидное полукружие вписано в прямоугольную форму абриса. По обеим сторонам алтарного окна сохранились две ниши одинаковой полукруглой формы. Здание имеет три дверных проема: с западной, северной и южной сторон. К храму с западной стороны был пристроен притвор на всю ширину храма. На западных сторонах северного и южного дверных проемов на продольных стенах расположены широкие пилястры.

К пятой группе относятся два одинаковых по форме храма. Это церковь № 1 в с. Кутол и церковь Пскал в с. Джгирда. У обоих храмов апсидное полукружие вписано в прямоугольник. По обеим сторонам алтарного окна расположены одинаковые по форме и близкие по размерам полукруглые ниши. В Кутолской церкви № 1 три дверных проема – в продольных и западной стенах. В Пскальской церкви два дверных проема – в южной и западной стенах.

К шестой группе можно отнести храм Мармал абаа. Апсидное полукружие этого храма также вписано в прямоугольный контур храма. По сторонам алтарного окна в апсидном полукружии расположены две одинакового размера полукруглой формы двухъярусные ниши. Дверные проемы расположены в западной и южной стенах. В стенах храма местами вторично использованы резные орнаментальные каменные блоки. Подобные резные камни в храмовом зодчестве Абхазии применялись на рубеже X–XI вв.

Литература

- Воронов Ю. Н., 1978. В мире архитектурных памятников Абхазии. М.
Рчеулишвили Л. Д., 1988. Купольная архитектура VIII–X вв. в Абхазии. Тбилиси.
Сакания С. М., 2006. Лашкендарский храм // I Абхазская международная археологическая конференция. Материалы конференции. Сухум.

М. А. Тангиев
Центр археологических исследований АН ЧР, г. Грозный
С. А. Бегуев
Чеченский государственный университет, г. Грозный

ТИПЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ XIII–XVII вв. В ГОРНОЙ ЧЕЧНЕ

Распространение христианства на Кавказе со стороны Грузии и в то же время проникновение ислама со стороны Дагестана повлекло за собой значительные изменения в быту и мышлении местного населения, а также в религиозных ритуалах и духовной жизни. Эти изменения отразились и на погребальной практике. Изменились как типы погребенных сооружений, так и погребальный инвентарь. В погребальном инвентаре постепенно уменьшились принадлежащие покойнику предметы из драгоценных металлов и керамическая посуда. В этих случаях украшения являются всего лишь собственностью погребенного и не имеют отношения к религиозному ритуалу. Естественно, с изготовлением керамики приходилось туговато, так как глина в горах чаще всего отсутствовала. Однако горцы быстро приспособились изготавливать предметы утвари из дерева (*Даутова Р. А., 1983. С. 78–88*).

На территории горной зоны Чечни в позднем Средневековье были широко распространены следующие погребальные сооружения: каменные ящики, подземные, полуподземные, надземные склепы, пещерные усыпальницы.

Каменные ящики – один из самых распространенных типов погребальных памятников в позднесредневековую эпоху (*Тангиев М. А., 2017. С. 382–385*). Они состоят из каменных плоских плит и перекрыты также 2–4 и более плоскими плитами. Захоронения в них в основном одиночные, лишь в некоторых случаях встречаются коллективные. Как правило, эти погребения датируются XIII–XVII вв. Каменные ящики встречаются трех видов: 1) выстроенные вертикально поставленными каменными плитами; 2) рваными камнями и 3) кладки из небольших сланцевых плит. В большинстве своем ящики имеют плоское перекрытие. Встречаются и со ступенчато пирамидальным перекрытием (*Мужухоев М. Б., 1978. С. 131–132*). Как правило, они принадлежат в основном женским погребениям. Именно к такому типу относятся погребения XIV–XVII вв. Борзойского могильника (*Виноградов В. Б., 1964. С. 72; Даутова, 1979. С. 75–84*).

Подземные склепы – это с напуском выложенная из камня подземная камера, лаз у которой чаще всего устроен сверху, который накрывался из нескольких больших плит. Подземные склепы практически полностью скрыты под землей. На поверхности нет никаких отличительных признаков, если не говорить о выпуклости земли, под которой и находится погребальное сооружение, сложенное из кладки камня. Захоронения здесь коллективные (*Тангиев, 2017*).

Полуподземные склепы – эти сооружения закрыты землей лишь наполовину. На склоне горы выступает фасадная сторона склепа и часть боковых стен, сложенных кладкой из камня или из сланцевых плит. Сама постройка в плане прямоугольная. Лаз в камеру устраивался с фасадной стороны.

Надземные склепы – самый распространенный тип сооружения в горной Чечне XIII–XVII вв. Прямоугольные постройки в виде домиков с двускатной крышей. Иногда крыши с каменным коньком. В одной из узких стен склепов устроен небольшой лаз – четырехугольное отверстие. У некоторых склепов перед лазом встречается глубокая ниша со стрельчатой аркой. Внутри склепов, вдоль стен встроены каменные полки в 1–3 ряда. Потолок продольно-сводчатый, иногда укрепленный балками или распорами. Задней стеной у некоторых склепов служит скала. Сложены склепы из сланцевых плит на мергелисто-глиняном растворе. Встречаются склепы двухкамерные. В этом случае одна являлась поминальной. Были случаи, когда поминальная камера превращалась в погребальную. Для этого перекрывалась открытая фасадная часть поминальной камеры. Основные сооружения этого типа (всех трех видов) склепов сосредоточены в основном в городе мертвых Васеркел (Майстинской ущелье), Цой-Педе (Аргунское ущелье) и Цеча-Ахк (Ачхой-Мартановский район). Время функционирования склепов: нижняя дата XII–XIV вв., верхняя XVII в. (*Марковин В. И.*, 1963. С. 269; *Умаров С. Ц.*, 1970; *Даутова*, 1975).

Пещерные погребальные сооружения обнаружены на определенных горных участках, где имеются отвесные обрывы или же выбиты в мощных скальных стенках – т. н. гроты. Они, как правило, небольшие. Имеются гротовые пещерки, соединяющиеся между собой небольшими проходами. Такие пещерки имеются в Чармахое. Отмечены они в Голанчожском и Ачхой-Мартановском районах. Гротовые пещерки должным образом не исследованы, за исключением Шатоевских пещерных погребений, которые находились в 20-м отвесном сбросе мергелевого галечниково-гравийного конгломерата. Некоторые из них имеют две камеры. Их насчитывается 14. Из них 5 исследованы в 1959 г. отрядом СКАЭ, где был собран выразительный материал XIV–XVII вв. (*Марковин*, 1961. С. 101–107).

Таким образом, в эпоху позднего Средневековья на территории северо-восточной части горной Чечни засвидетельствовано несколько типов погребальных сооружений, в которых прослеживаются следы трех религий – язычества, христианства и ислама (*Исламов А. А.*, 1963; *Мужухоев*, 1988; *Дударев С. Л.*, 2016. С. 215). Этот вывод, сделанный А. А. Исламовым, пока остается предварительным, ибо еще не понятно, какие сооружения считать языческими, христианскими, мусульманскими.

Литература

- Виноградов В. Б.*, 1966. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1964 г. // АЭС. № 1. Грозный.
- Даутова Р. А.*, 1979. Новые материалы по средневековой археологии Горной Чечни // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Даутова Р. А.* 1983. Изготовление деревянной посуды вайнахами в эпоху позднего Средневековья (по материалам Малхисты и Майсты) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Дударев С. Л.*, 2016. Некоторые особенности исламизации Чечни и Дагестана и современность (по данным археологии, этнографии и архитектуры) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016. Грозный.

- Исламов А. А.*, 1963. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанты-Аргуна // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Т. III. Вып. I. Грозный.
- Марковин В. И.*, 1961. Пещеры – родовые усыпальницы в Шатоевской котловине // КСИА. Вып. 86. М.
- Марковин В. И.*, 1963. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Аргуна // Древности Чечено-Ингушетии. М.
- Мужухов М. Б.*, 1978. Исследования средневековых памятников в Горной Чечено-Ингушетии // АО за 1977 г. М.
- Мужухов М. Б.*, 1988. Трансформация погребального обряда с проникновением ислама на территорию Чечено-Ингушетии // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Тангиев М. А.*, 2017. К проблеме изучения могильников из каменных ящиков позднего средневековья в Аргунском ущелье Чечни // V Международная научно-теоритическая конференция «Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа», посвященной 25-летию Республики Ингушетия. 11–14 мая 2017. Назрань.
- Умаров С. Ц.*, 1970. Средневековая материальная культура горной Чечни XIII–XVII вв.: Автореф. дис... канд. ист. М.

А. А. Туаллагов

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева, г. Владикавказ

К ИЗУЧЕНИЮ ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКИ АЛАНИИ

В катакомбе № 92 могильника Даргавс (Северная Осетия) XI–XII вв. (*Дзаттиаты и др.*, 2017) был обнаружен односторонний крест с изображением в центре Богоматери Одигитрии и с 8 ликами в каждом «медальоне» на концах креста (по два «медальона» на каждом конце) (рис. 1). Прототипами таких крестов являются русские энколпионы, на одной стороне которых изображалась Богоматерь Одигитрия, на другой – Распятие Христа (*Малахов*, 2015). Такой энколпион был обнаружен в погребении Келийского могильника (Ингушетия) конца XIII–XIV вв. (*Виноградов и др.*, 1990), а его воспроизведение в форме склепанных вместе односторонних крестов – в катакомбе № 15 Змейского могильника X–XII вв. (*Цуциев*, 2017). Подобные даргавскому односторонние кресты X–XII вв. обнаружены на горе Развалка у г. Железноводск (Ставрополье) (*Кузнецов*, 2002) и на Калезском городище (Кабардино-Балкария), которое, как полагают, служило торговым центром для импортных предметов христианской металлопластики и центром собственного ремесленного производства их по импортным образцам. Еще два таких креста представлены на интернет-сайтах как обнаруженные на Ставрополье в 2016 г.

Размещение на концах таких крестов двух «медальонов» с ликами святых является особенностью именно некоторых «аланских» находок (*Малахов*, 2015), отличающих их от прототипов. Следует отметить, что, если на прототипах кроме ликов встречаются бюстовые и изображения в полный рост, то аланские образцы пока представлены только схематично переданными восемью ликами. Данное положение позволяет обратить внимание на особенности некоторых других археологических материалов.

Синхронно приведенным находкам использование изображений отдельных личин представлено в центре аланских солярных амулетов, обнаруженных в катакомбах Змейского могильника и, например, в районе Нижнего Архыза. Личины представлены на перстнях из погребения около середины – второй половины X в. аланской аристократки в Северном Зеленчукском храме, возможно, принадлежавшей к «царской» фамилии (*Кузнецов*, 1993). Аналогии перстням обнаружены в погр. № 2 могильника Колосовка № 1 на р. Фарс конца X–XI вв. и пр. Полагают, что перстни могли производиться и бытовать в Западной Алании X–XII вв. (*Пьянков*, 2015).

Шесть личин представлены на биметаллических псалях из Верхнекобанского могильника (Северная Осетия), датируемых VI–IX вв. (*Брилева*, 2012). Фибулы-броши с восемью личинами, датируемые V–VI вв. или VI в. (*Брилева*, 2012), найдены в Камунта (Северная Осетия) и в склепе № 1 памятника Харбас 1 VII в. (Кабардино-Балкария) (*Садьков, Курганов*, 2016). Личина представлена в центре фалара из катакомбы кургана № 186 Бесланского могильника (Северная Осетия) середины III в. Обращает внимание присутствие изображений личин на золотой накладке из погребения в кургане № 13 могильника Кишпек (Кабардино-Балкария)

Рис. 1. Даргавский могильник. Крест из катакомбы № 92

рубежа III–IV вв., на сбруйных наборах сарматов Северного Причерноморья (Бабучь, Глиное, Великопоское, коллекция «Платар»), на аланских солярных амулетах Змейского катакомбного могильника. Аналогичный амулет представлен среди экспонатов археологической коллекции Нижне-Архызского городища.

Истоки появления таких личин в аланских памятниках возводят к кельто-фракийским образцам (Малашев, Дзуцев, 2016) или к кельтским образцам, переданным через германское посредничество (Левада, 2006). Интересно, что отличие медальонов императора Грациана (367/375–383 гг.) от медальонов других римских императоров, служивших наградами варварским вождям, было изображение подобных «масок». Но отдельные образы голов не были чужды «варварам» и ранее, судя медным кольцам из катакомб № 33 и 38 «Золотого кладбища» второй половины I–II вв. н. э.

Находки в аланских памятниках неоднократно сопоставлялись с образом небесного колеса – символа солнца осетинской Нартиады. У осетин-дигорцев оно носило название «колесо Иоанна» и его хозяином назывался «отец Иоанн», т. е. Иоанн Предтеча, что связано с ономастической христианизацией древнего солярного образа. Подобное проникновение христианства имело и материальное воплощение. В катакомбе № 10 могильника Гоуст (Ингушетия) обнаружен солярный амулет с преднамеренно отломанной частью внешнего круга, что преобразовывало его в крест. Манипуляция сопоставляется со сведениями Мовсеса Каганкатваца о деятельности епископа Исраила зимой 681–682 гг. у савиров Северного Кавказа (Ковалевская, 1981).

Круглый амулет с вписанным в него крестом обнаружен в Кобани. Близкие ему аналогии усматривали в германских древностях VI–VII вв. Известны и другие подобные подвески с изображением креста, представляющие в т. ч. импортные изделия. Их распространение среди аланского населения связывают с начальным этапом христианизации, когда шла замена ими ранее широко встречавшихся

солярных амулетов VIII–IX вв. (Малахов, 2015). Полагают также преемственность и использование при производстве языческих моделей для христианских символов (Чернышева, 2013).

Если в приведенных примерах представлено внедрение христианских символов в «языческие», то не демонстрируют ли кресты с восемью ликами на концах другой вариант процесса адаптации христианского вероучения и символов в аланской этнической среде? Крест по своей общей схеме мог восприниматься аланами через близкий им солярный образ. Вспомним и о погребении в Дигории легендарного нарта Сослана, солнечного героя убитого «колесом Иоанна», у которого прежде стоял медный крест. Солярная символика представлена и на христианских крестах, например, на «погребальном» кресте из Западной Алании (Малахов, 2013).

Литература

- Брилева О. А., 2012. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э–X в. н.э.). М.
- Виноградов В. Б., Нарожный Е. И., Голованова С. А., 1990. О древнерусских предметах на Северном Кавказе // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Межвузовский сборник научных трудов. Грозный.
- Дзаттиаты Р. Г., Албегова (Цафрикаева) З. Х., Успенский П. С., 2017. Хронология могильника Даргавс в Северной Осетии (по материалам поясных наборов) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. Барнаул. – 1 эл. опт. диск (DVD-ROM). ISBN 978–5–7904–2196–9. № гос. регистрации 0321703484.
- Ковалевская В. Б., 1981. Северокавказские древности. Центральное Предкавказье // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Кузнецов В. А., 1993. Нижний Архыз в X–XII веках: К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь.
- Кузнецов В. А., 2002. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ.
- Левада М. Е., 2006. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // Боспорские исследования. Вып. XI. Симферополь–Керчь.
- Малахов С. Н., 2013. Средневековые энколпионы и кресты-тельники из Верхнего Прикубанья // Древности Западного Кавказа. Вып. I. Краснодар.
- Малахов С. Н., 2015. Алания и Византия: Источниковедческие аспекты политических и церковных связей. М.
- Пьянков А. В., 2015. Перстень из Западной Алании // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. III. Армавир.
- Садьков Т. Р., Курганов Н. С., 2016. Подземные склепы памятника Харбас 1 в Приэльбрусье // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Труды ИИМК РАН. Т. 46. СПб.
- Цуциев А. А., 2017. Христианский крест из Даргавского катакомбного могильника и его аналогии // Скифо-аланское наследие на Кавказе. Владикавказ.
- Чернышева М., 2013. Армавирский ученый Сергей Малахов: «Находка поистине сенсационная» // Котляровы М. и В. Неизвестная Кабардино-Балкария. Нальчик.

СТЕКЛЯННЫЕ БРАСЛЕТЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Для погребений позднеаланской культуры Северного Кавказа характерны находки стеклянных браслетов. Их принято считать хронологическим индикатором X–XII вв. или XI–XII вв. (*Кузнецов*, 1962. С. 50; 1993. С. 49, 204). Однако специального исследования, посвященного стеклянным браслетам Северного Кавказа, еще не существует, хотя в совокупности с находками других видов стеклянных изделий этой эпохи они неоднократно рассматривались как в общих работах, так и со стороны авторов археологических раскопок. Данное сообщение является попыткой обобщения доступной информации по находкам браслетов на Северном Кавказе.

Стеклянные браслеты встречаются в материалах поселений и погребений на широкой территории – от Верхнего Прикубанья до верховьев Терека – в частности, в погребениях Усть-Тебердинского могильника, Дардона, Рим-горы, Змейского катакомбного могильника, Даргавса, Марган-Чу и др.

Из находок этого времени на территориях, наиболее близких аланским, следует упомянуть найденные в Тмутаракани и в Саркеле-Белой Веже, где их появление датируют IX–X вв. Резкое увеличение их числа относится к X–XI вв., достигая максимума в XI в. (*Щапова*, 1963. С. 103, 104; *Львова*, 1959. С. 323). На основании химического анализа и способа производства Ю. Л. Щапова выделила 3 группы браслетов Тмутаракани, в т. ч. группу браслетов византийского производства (браслеты из чистого прозрачного стекла, изготовленные методом вытягивания), группу закавказских браслетов (изготовленных методом навивки) (*Щапова*, 1963. С. 116).

Браслеты, найденные в памятниках верховьев Кубани, по Е. П. Алексеевой, имеют круглое, треугольное, плоскоовальное, плоское сечение, редко встречаются ложновитые (рубчатые) браслеты. По цвету преобладают черные и синие браслеты, встречаются желтые, коричневые, зеленые, рубиновые. Место спайки концов оформлено в виде овального или сердцевидного наплыва, треугольника, овального углубления (*Алексеева*, 1971. С. 119).

Среди украшений Нижнеархызского городища (встречаются и в могильниках, и в культурном слое) наиболее массовым материалом, наряду с бусами, являются стеклянные браслеты синего, голубого, черного, темно-коричневого, зеленого, желто-золотистого цветов. По форме сечения они делятся на круглые и треугольные, изредка встречаются двуствольные и витые браслеты. Там же изредка встречаются обломки маленьких детских браслетов, отличающихся от взрослых лишь размером (*Кузнецов*, 1993. С. 204). Химический анализ этих браслетов был проведен Ю. Л. Щаповой (8 экз.). По данным этого анализа, 4 экз. изготовлены из содового стекла с низким содержанием щелочных земель. Ю. Л. Щапова считает такой состав, характерный для средневековых украшений, наследием столично-римских производственных традиций. Один экземпляр изготовлен из обычного содового стекла тройной шихты. Два браслета той же формы изготовлены из золотистого стекла тройной шихты (*Щапова*, 1993. С. 276).

В собрании Отдела Востока Государственного Эрмитажа имеется небольшая коллекция прежде не публиковавшихся браслетов (24 экз.) – 15 целых и 9 фрагментированных. Они происходят из Камунты (5 экз. из коллекции К. И. Ольшевского), Санибы (1 экз., раскопки В. А. Долбежева), склепов Дардона, р. Кривой, Лаца (17 экз., раскопки Л. Г. Нечаевой 1960–1970-х гг.) и Змейского катакомбного могильника (1 экз., сборы А. А. Иерусалимской 1961 г.). Браслеты изготовлены из прозрачного стекла синего, голубого, зеленого, оливкового, сиреневого цвета (1 группа), а также из непрозрачного стекла черного цвета (2 группа). Большая часть браслетов 1 группы имеет подтреугольное или сегментовидное сечение, в зависимости от выраженности грани вдоль середины внешней поверхности. Диаметр этой группы браслетов 6–7 см, средняя ширина 0,9 см. Место соединения концов оформлено способом наложения их друг на друга, в ряде случаев оно прижато пальцем (?) или инструментом (о чем свидетельствует овальное углубление в месте соединения на нескольких экземплярах). К этой группе относится детский браслет меньшего диаметра – 4,5 см, а также петлеобразно загнутый внутрь фрагмент браслета. Подобные фрагменты, исходя из аналогий, например, из материалов раскопок Змейского могильника и катакомб Даргавса, часто деформировались намеренно для создания подвесок. Для браслетов из прозрачного стекла характерна хорошая сохранность, что свидетельствует о химической устойчивости состава стеклянной массы. Встречаются также браслеты подтреугольного сечения из непрозрачного черного стекла (инв. № Кз 7011, 7129). Вторая группа браслетов представлена браслетами круглого сечения из непрозрачного черного стекла. Таких в рассматриваемой коллекции два, один из них – витой (инв. № Кз 1016, 7193).

Девять экземпляров рассматриваемых эрмитажных браслетов обеих групп (из прозрачного и непрозрачного стекла) на данный момент были исследованы в лаборатории Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С. В. Хавриным методом рентгено-флуоресцентного анализа (РФЛА) на спектрометре ArtTAX (заключение № 2506)¹. Перстень из черного стекла типа Орбети Кз 3316 (происходит из Камунты) из другой хронологической группы (VIII–IX вв.) был включен в анализ для сравнения состава. Данный метод не был предназначен для уточнения химических характеристик стекла (*Галибин*, 2001. С. 55), но дал новую информацию по окрашивающим веществам, а также выявил различное соотношение содержания марганца (высокое/низкое, в таблице это отмечено через точку с запятой после окрашивающего элемента символами Mn↑↓) (табл. 1).

В рассматриваемых образцах в качестве окрашивающего элемента использованы три вещества – медь, железо (или уголь), марганец. Медь относится к одному из древнейших красителей стекла. Так, в образце из Змейского катакомбного могильника (СК-872) медь в сочетании с оловом и свинцом, возможно, свидетельствует об использовании бронзы в качестве окрашивающей добавки. Марганец, помимо функции красителя, использовался также как обесцвечиватель, в сочетании с медью использовался для получения голубого и ярко-синего цвета (*Галибин*, 2001. С. 38). Любопытно, что часть браслетов из Тмутаракани,

---

¹ Выражаю огромную благодарность С. В. Хаврину

Стеклянные браслеты Северного Кавказа

Таблица 1.

Окрашивающие элементы и содержание марганца по данным РФА анализа 9 образцов стеклянных браслетов из собрания ОВ ГЭ (составлена автором на основе экспертного заключения ОНТЭ ГЭ)

№	Инв. №	Синий	Зеленый	Желто-зеленый	Сиреневый	Черный
		Прозрачный				
1	Кз 631			Cu; Mn↑		
2	Кз 1145		Cu; Mn↓			
3	Ск 872		Cu+Sn+Pb; Mn↑			
4	Кз 7007	Cu; Mn↓				
5	Кз 7217	Cu; Mn↓				
6	Кз 7377				Cu; Mn↑	
7	Кз 7011					Mn↑
8	Кз 7129					Fe/уголь; Mn↓
9	Кз 7193					Fe/уголь; Mn↓
10	Кз 3316 (перстень)					Fe; Mn↓

которую Ю.Л. Щапова атрибутировала как браслеты закавказского производства, содержит значительную примесь окиси марганца (*Щапова*, 1963. С. 107). По В.А. Галибину, используемый краситель и даже оттенок, полученный при его помощи, в ряде случаев позволяет определить наиболее вероятный тип стекла, так как известны определенные сочетания краситель/тип стекла (см. его таблицы хронологического бытования стекол определенных цветов и прозрачности с учетом использованных добавок) (*Галибин*, 2001. С. 90).

Необходимо отметить, что большая часть известных сейчас браслетов относится к тем же двум типам, рассмотренным выше. На Северном Кавказе не встречаются орнаментированные стеклянные браслеты, известные в соседних регионах.

По вопросу происхождения рассматриваемых браслетов существует несколько разных мнений. Ю.Л. Щапова на основании вышеупомянутого анализа образцов из Нижнего Архыза установила их византийское происхождение (*Щапова*, 1993. С. 276).

Что касается круглых и витых браслетов черного стекла, то они преобладают в памятниках Южного Кавказа, особенно в Восточной Грузии, где, вероятно, и производились. Стеклянные браслеты получают повсеместное распространение в слоях городищ и селищ всего Южного Кавказа в XI–XIII вв. (*Львова*, 1959. С. 311, 312). Встречаются также голубые, синие, желтые, зеленые, коричневые, фиолетовые экземпляры, по форме трехгранные, гладкие, крученые, мелкокрученые, места соединений утолщены или имеют зубчики (Восточная Грузия) (*Рамишвили*, 2003. С. 307, 313), кобальто-синего и зеленого цветов, витые, изготовленные из разноцветных жгутиков и тонких нитей, скрученных вместе (Армения) (*Аракелян*, 2003. С. 347), круглые, полукруглые, овальные или сегментообразные, витые браслеты, однотонные (зеленые, синие, желтые) и разноцветные, с заходящими концами в виде змеиной головы (Азербайджан) (*Ахмедов*, 2003. С. 383).

На данном этапе можно говорить с достоверностью о сосуществовании двух групп браслетов, возможно, имеющих разное происхождение: 1) сегментовидных и треугольных из цветного стекла; 2) круглых и витых из черного стекла. Предварительно мы присоединяемся к исследователям, предполагавшим южнокавказское (восточногрузинское?) производство браслетов из черного стекла. Анализ сопутствующего инвентаря в погребениях позволяет датировать массовое распространение стеклянных браслетов на Северном Кавказе XI–XII вв. Дальнейшее их изучение, как мы надеемся, поможет уточнить их происхождение.

Литература

- Алексеева Е. П.*, 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М.
- Аракелян Б. Н.*, 2003. Армения в IX–XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М.
- Ахмедов Г. М.*, 2003. Азербайджан в IX–XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М.
- Галибин В. А.*, 2001. Состав стекла как археологический источник. СПб.
- Кузнецов В. А.*, 1962. Аланские племена Северного Кавказа. МИА. № 106. М.
- Кузнецов В. А.*, 1993. Нижний Архыз в X–XIII вв. Ставрополь.
- Львова З. А.*, 1959. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75.
- Рамшвили Р. М.*, 2003. Грузия в эпоху развитого средневековья (X–XIII вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М.
- Щапова Ю. Л.*, 1963. Стеклянные изделия Тмутараканского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.
- Щапова Ю. Л.*, 1993. Стеклянные изделия с городища Нижний Архыз (результаты анализа и комментарий) // Кузнецов В. А. 1993. Нижний Архыз в X–XIII вв. Ставрополь.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КОЧЕВНИКОВ ПРЕДКАВКАЗЬЯ XI–XIV вв.

Предметом исследования выступают археологические памятники кочевников XI–XIV вв., расположенные на территории Степного Предкавказья (к югу от рек Дон, Маныч, Кума и до Кавказского хребта). Основу анализа составляют хронологически значимые комплексы XI–XIV вв., происходящие из 146 курганных групп 232 погребения кочевников степной зоны Северного Кавказа (Краснодарский край – 105 погребений, Ставропольский край – 59, юг Ростовской области – 61, юг Республики Калмыкия – 2, север Республики Северная Осетия – 3, север Республики Дагестан – 2). Это все известные к настоящему времени кочевнические комплексы XI–XIV вв. на указанной территории.

Погребальные памятники картографированы (рис. 1): 232 погребения разделены на мужские¹, женские² и неопределенные (включая разрушенные, но сохранившие различные категории погребального инвентаря). В качестве примера приведены 8 могильников (№ А-Н), представляющие золотоордынские погребения, совершенные в оградках из сырцовых кирпичей (мавзолеях). Помимо этого, на карту нанесены 67 (№ I–LXVII) точно установленных местонахождений каменных и деревянных изваяний, связываемых с культурой половцев.

Среди 232 погребений: 156 – мужских (67,2%), 58 – женских (25%), 18 – неопределенных или разрушенных (7,8%). Все погребения совершены в простых земляных курганах. Каменные насыпи или перекрытия не выявлены. Исключением является единственное грунтовое погребение (№ 44), совершенное на территории средневекового городища.

Курганов, в которых погребение кочевника являлось основным, – 55, из них: мужских – 35 (63,6%), женских – 15 (27,3%), неопределенных и разрушенных – 5 (9%).

Классификация погребений с учетом ориентировки человека, наличия или отсутствия костей лошади и формы могильной ямы приводится по Г.А. Федорову-Давыдову (1966) (с дополнениями – bis) и представлена 38 типами³.

Все погребенные уложены на спину, исключением являются: мужское погребение № 54 – на правом боку; женское погребение № 162 – на левом боку; женское погребение № 218 – на животе.

В 55 погребениях прослежены деревянные конструкции трех типов: I – перекрытия; II – гробы; III – решетчатые гробы.

В трех погребениях встречены остатки повозок (№ 80 (муж.), 94 (жен.), 141 (муж.)).

¹ Для большей части мужских погребений уже была проведена классификация и дифференциация по степени вооружения, позволившая выделить военную, причем социально стратифицированную организацию кочевого общества XI–XIV вв. (Чхаидзе, Дружинина, 2011; ср.: Чхаидзе, 2016).

² Детские погребения (всего четыре), содержащие различные категории погребального инвентаря, используются в качестве вспомогательного материала.

³ 20 разрушенных, а также недостаточно документированных погребений, не учтены.

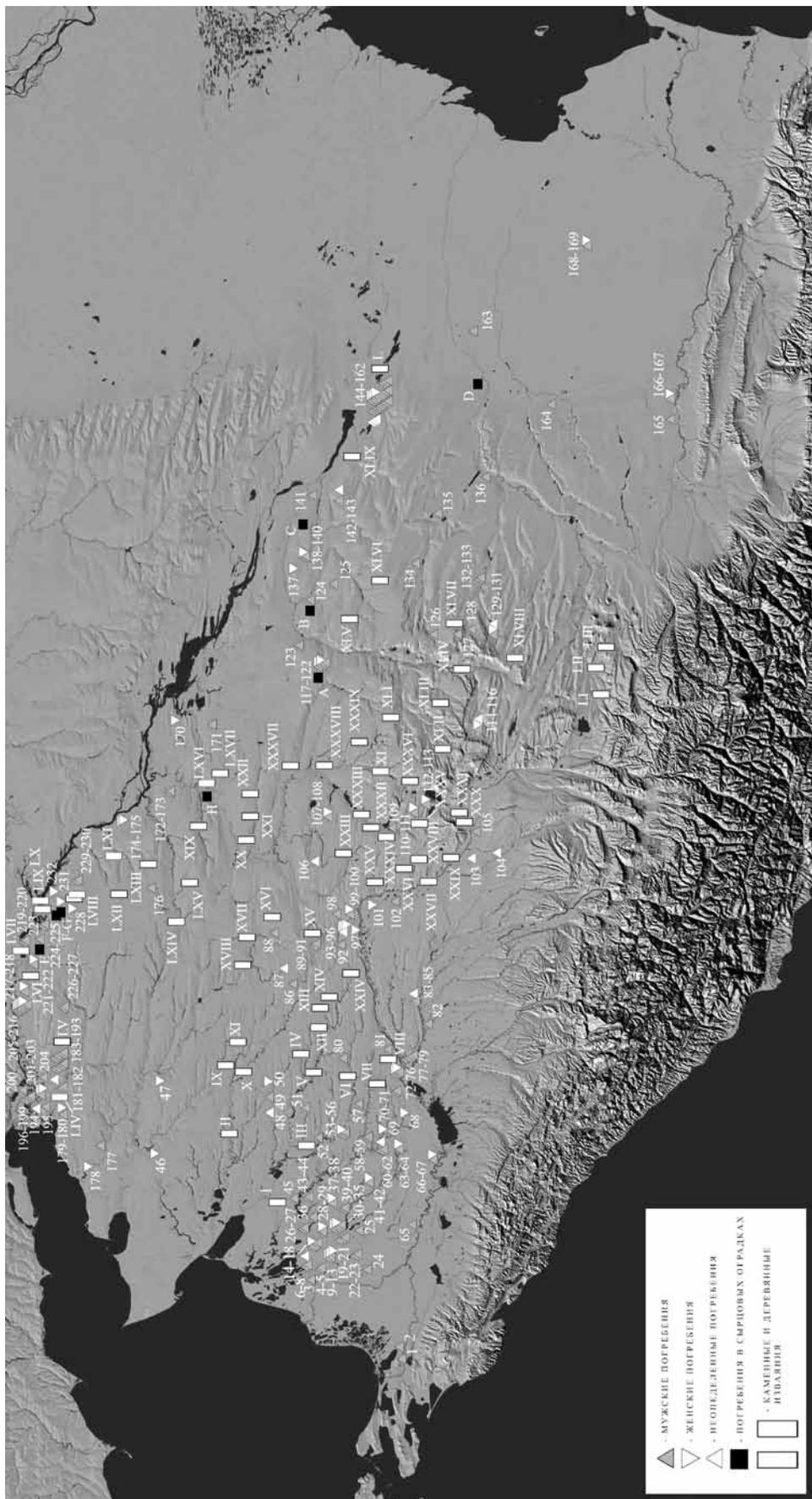

Рис. 1. Археологические памятники кочевников XI–XIV вв. в Степном Предкавказье.

Погребения: 1 – Курчанская (1880 г.); 2 – Курчанская – 2/3 (2017 г.); 3 – Пилипенковский I – 1/2 (1984 г.); 4 – Лебеди I – 3/6 (1980 г.); 5 – Лебеди VI – 1/8 (1980 г.); 6–8 – Коллекторский – 1/1-V-VI, 2/14-X-XII-XIV-XV-XVI, 4/1 (1983 г.); 9–10 – Новониколаевский – 48/1, 61/3 (1979 г.); 11–13 – Новониколаевский II – 2/1 (1979 г.), 55/1, 56/1 (1980 г.); 14–16 – Малаи – 3/1, 5/2, 7/3 (1988 г.); 17–18 – Малаи I – 5/1, 13/2 (1982 г.); 19–21 – Крупской – 8/2, 14/1, 18/2 (1978 г.); 22–23 – Старонижестеблиевская I – 3/2, 4/3 (1988 г.); 24 – Красноармейский (Водный) – 1/6 (1981 г.); 25 – Северный – 1/1 (1981 г.); 26 – Греки – 45/8 (1980 г.); 27 – Греки III – 1/6 (1981 г.); 28 – Поповичевский I – 1/5 (1983 г.); 29 – Поповичевский II – 1/1 (1983 г.); 30–34 – Калининская – 2/4, 2/7, 66/1, 12/3, 29/1 (1979 г.); 35 – Калининская I – 2/3 (1983 г.); 36 – Останний – 2/8 (1985 г.); 37–38 – Забытый – 1/10, 2/5 (1985 г.); 39–40 – Овальный – 13, 22 (1986 г.); 41–42 – Бойкопонура – 1/1, 1/2 (2017 г.); 43 – Роговская – 19/6 (1970 г.); 44 – Роговское городище I – p3/1 (1988 г.); 45 – Калининский – 13/1 (1981 г.); 46 – Староминская (1996 г.); 47 – Кисляковский XIII – 2/2 (2008 г.); 48 – Батуринская I – 7/1 (1979 г.); 49 – Полтавский 4–1/8 (2015 г.); 50 – Анапская I – 11/1 (1982 г.); 51 – Новоберезанский (1989 г.); 52 – Новокурская – 3/1 (1980 г.); 53–55 – Пролетарский I – 1/6, 3/2, 4/6 (1984 г.); 56 – Пролетарский III – 8/8 (1986 г.); 57 – Верхний – 14/5 (1978 г.); 58–59 – Кирпили XI – 2/3, 3/5 (2012 г.); 60–62 – Старомышастовская – 3, 14, 53 (1882 г.); 63–64 – Новотитаровская – 1/4 (1986 г.), 6/3 (1995 г.); 65 – Прикубанский I – 5/1 (2011 г.); 66 – Краснодар (Екатеринодар) (1882 г.); 67 – Краснодар (1998 г.); 68 – Украинский I – 9/1 (2007 г.); 69 – Пластунский LIV – 2/2 (2003 г.); 70 – Праздничный (Раздольная) (1903 г.); 71 – Раздольная – 9/3 (1978 г.); 72–76 – Усть-Лабинск – 7, 8, 9, 11, 13 (1903 г.); 77–79 – Некрасовская – 15, 16, 20 (1882 г.). 80 – Ладожская – 22 (1902 г.); 81 – Бураковский – 3/1 (1983 г.); 82 – Ульский – 1/1, 2 (1882 г.); 83–85 – Темиргоевская – 5, 15, 35 (1882 г.); 86 – Терновская – 1/2 (1984 г.); 87 – Кривенький (Ерем-Борисов) – 1/1 (1984 г.); 88 – Южный – 2/1 (1984 г.); 89–91 – Дмитриевская I – 1/2, 4/1, 4/2 (1982 г.); 92 – Лосево – 2/1 (1979 г.); 93–96 – Темижбекская – 2/2, 4/6, 6/4, 6/5 (1979 г.); 97 – Радуга – 14/2 (1998 г.); 98 – Восток I – 2/6 (2003 г.); 99–100 – Кавказский II – 10/1, 12/3 (2000 г.); 101 – Отраднo-Ольгинское (1999 г.); 102 – Новокубанская – 1/5 (1985 г.); 103 – Благодарное (1999 г.); 104 – Удобное (1999 г.); 105 – Успенское – 11/1 (1986 г.); 106 – Урожайное (2010 г.); 107–108 – Ильинский I – 5/3, 7/2 (1998 г.); 109 – Родионов I – 7/1 (2015 г.); 110–111 – Сенгилеевский III – 2/2, 2/5 (2006 г.); 112–113 – Тоннельный VI – 2/2, 2/3 (2006 г.); 114–116 – Бударка III – 4/1, 8/1, 8/2 (2008 г.); 117–118 – Золотаревка I – 6/1, 7/9 (2000 г.); 119 – Золотаревка III – 8/2 (2003 г.); 120 – Золотаревка VI – 1/3 (1999 г.); 121–122 – Золотаревка VII – 1/3, 4/2 (1999 г.); 123 – Ипатово VII – 3/1 (1999 г.); 124 – Совруно I – 2/1 (2016 г.); 125 – Айгурский II – 27/1 (2000 г.); 126 – Ореховка – 3/1 (1985 г.); 127 – Грушевский II – 2/1 (1981 г.); 128 – Калиновское – 10/1 (1982 г.); 129 – Веселая Роща I – 1/1 (1976 г.); 130 – Веселая Роща II – 26/4 (1979 г.); 131 – Веселая Роща III – 14/8 (1979 г.); 132–133 – Новоселицкое – 1/1, 1/3 (1974 г.); 134 – Благодарный (Сухая Падина I) – 3/4 (1989 г.); 135 – Спасское – 1/1 (2001 г.); 136 – Буденновск V – 1/3 (2012 г.); 137 – Здвиженское (Воздвиженское) (1886 г.); 138–140 – Джухта II – 1/1, 2/2–2 (3), 2/2–5 (4) (1998 г.); 141 – Дамба-Калаус II – 3/2 (2002 г.); 142–143 – Голубь – 1/2, 2/1 (1976 г.); 144–145 – Чограйский – 1/1, 1/2 (1986 г.); 146–148 – Чограйский II – 7/2, 16/1, 18/3 (1977 г.); 149 – Чограйский IV – 6/2 (1978 г.); 150 – Чограйский VII – 4/1 (1978 г.); 151–159 – Чограйский VIII – 3/1, 5/2, 7/1, 12/2, 14/1, 15/3, 20/4, 22/1, 27/1 (1979 г.); 160–162 – Чограйский IX – 1/10, 2/3, 7/3 (1986 г.); 163 – Озек-Суат V – 1/1 (2012 г.); 164 – Ачикулак (2005 г.); 165 – Павлодольская – 2/2 (1988 г.); 166–167 – Моздок – 1, 6 (1934 г.); 168 – Терекли-Мектеб (2000 г.); 169 – Терекли-Мектеб (2005 г.); 170 – Маньчский I – 2/1 (2004 г.); 171 – Розенталь I – 6/1 (2008 г.); 172–173 – Маяк II – 2/1, 3/1 (1982 г.); 174 – Соленка II – Г/1 (1975 г.); 175 – Соленка III – Г/1 (1975 г.); 176 – Целинский II – 1/2 (1999 г.); 177 – Баранчук II – 2/1 (1978 г.); 178 – Нижняя Козинка (1975 г.); 179–180 – Красногоровка I – 13/3, 13/11 (1986 г.); 181–182 – Новоалександровка I – 3/1 (1977 г.), 48/1 (1986 г.); 183–187 – Высочино I – 12/1 (1979 г.); 18/3, 19/1, 19/2 (1976 г.), 24/1 (1979 г.); 188 – Высочино II – 11/1 (1978 г.); 189–190 – Высочино IV – 2/5, 4/4 (1985 г.); 191 – Высочино V – 10/1 (1984 г.); 192–193 – Высочино VII – 3/3 (1981 г.), 22/1 (1982 г.); 194 – Азов I – 6/1 (1977 г.); 195 – Аэродром – 6/1 (1990 г.); 196 – Бубнов Ерик IV – 1 (1986 г.); 197–199 – Бубнов Ерик V – 1, 2, 3 (1986 г.); 200 – Терны – I (1986 г.); 201–203 – Кулешовка – 1/5 (1982 г.), 3/6, 3/13 (1986 г.); 204 – Сонино – 3/7 (1972 г.); 205–207 – Арпачин – 36/1, 37/1, 38/1 (1974 г.); 208–216 – Арпачин II – 21/2, 22/12, 23/4, 23/5, 32/4, 40/1, 41/2, 42/1, 43/1 (1975 г.); 217–218 – Крепинский II – 2/4, 4/1 (1972 г.); 219–220 – Тузлуки – 2/3 (1979 г.), 9/14 (1980 г.); 221 – Отрадный II – 3/5 (1989 г.); 222 – Отрадный XIII – 10/1 (1989 г.); 223 – Красный Кут – 1/1 (1990 г.); 224 – Веселый I – 1/1 (1973 г.); 225 – Веселый II – 4/1 (1973 г.); 226–227 – Новобатайский – 1/1, 1/2 (1980 г.); 228 – Колдыри – 7/1 (1988 г.); 229–230 – Плоский I – 8/2, 9/1 (1989 г.); 231 – Каракашево – 7/1 (1973 г.); 232 – Южный – 3/6 (1973 г.)

Погребения в сырцовых оградках: А – Золотаревка V – 4/2–3 (2012 г.); В – Совруно I – 1/1–2 (2012 г.); С – Шарахалсун V – 8/1–3 (2002 г.); D – Раздольное (Урожайное, Семеновод) (1982 г.); Е – Красный Кут – 5/1 (1989 г.); F-G – Каракашево – 6/1, 6/2 (1973 г.); H – Сандата IV – 4/1 (2007 г.).

Каменные и деревянные изваяния: I. Новоджерелиевская; II. Новолатнировская; III. Дядьковская; IV. Новооднецкая; V. Березанская; VI. Кореновская; VII. Раздольная (Праздничная); VIII. Усть-Лабинская; IX. Павловская; X. Старо-Леушковская; XI. Ново-Леушковская; XII. Малороссийская; XIII. Нововладимирская; XIV. Ловлинская; XV. Дмитриевская I – 2; XVI. Ильинская; XVII. Калниболотская; XVIII. Новопокровская; XIX. Ивановское; XX. Медвежья; XXI. Красногвардейское; XXII. Преградное; XXIII. Новоалександровская; XXIV. Мирская; XXV. Григориполисская; XXVI. Камышеваха; XXVII. Прочноокопская; XXVIII. Горькая Балка; XXIX. Убежинская; XXX. Успенская; XXXI. Николаевская; XXXII. Передовой; XXXIII. Баклановская; XXXIV. Новотроицкая; XXXV. Каменнородская; XXXVI. Сенгилеевское водохранилище; XXXVII. Безопасное; XXXVIII. Донское; XXXIX. Казинка; XL. Рождественская; XLI. Надежда; XLII. Новоблагодарное; XLIII. Бешпагир; XLIV. Сергиевская; XLV. Камбулатское; XLVI. Швидик; XLVII. Грушевское; XLVIII. Крутлоеское; XLIX. Арзгир; L. Чограйский; LI. Боргустанская; LII. Новоблагодарное; LIII. Пятигорск; LIV. Новоалександровка I – 28; LV. Самарское; LVI. Маньчская; LVII. Тузлуки – 7, 25; LVIII. Колдыри – 3, 11, 25; LIX. Веселый II; LX. Москва; LXI. Средняя Аюла; LXII. Большой Буручун; LXIII. Кульгачева; LXIV. Средний Егорлык; LV. Каменнородская; LXVI. Первомайский – 4; LXVII. Красногвардейское

Предпринятый анализ кочевнических комплексов показывает, что все они, несмотря на различную выразительность погребальных обрядов и сопровождающего инвентаря, не дают достаточно твердых оснований для узкой датировки и однозначного определения этнокультурной принадлежности. Погребения имеют в своей основе общие черты, характерные для всего конгломерата кочевников Восточноевропейской равнины XI–XIV вв. Помимо этого, возможно усматривать в отдельных традициях, сформировавшихся к XIV в., некоторые черты прежних обрядов, вероятно, сохранявшиеся как реминисценции «домонгольского» времени, сознательно поддерживавшиеся и в эпоху Золотой Орды.

Литература

- Федоров-Давыдов Г. А.*, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А.*, 2011. Военная организация кочевников степей Предкавказья в XII–XIV веках // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V международной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова. С. 127–129. Казань–Астрахань.
- Чхаидзе В. Н.*, 2016. Военная организация кочевников Крыма в XII–XIV веках // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы VII международной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова. С. 302–304. Казань–Ялта–Кишинев.

В. Н. Чхаидзе, И. А. Дружинина
Институт археологии РАН, г. Москва

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ КАСОЖСКОЙ, БЕЛОРЕЧЕНСКОЙ И СТАРОКАБАРДИНСКОЙ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ»

В последние десятилетия на фоне подъема национального самосознания адыгских народов и формирования «парадигмы о многотысячелетней истории развития адыгского этноса на Северном Кавказе и сопредельных территориях» все чаще в работах ряда северокавказских археологов и историков (Н. Г. Ловпаче, Ж. В. Кагазежев, М. Г. Куек, В. А. Фоменко и пр.) появляются такие понятия, как *касожская* (VIII–XII вв.), *белореченская* (XIII–XIV вв.) и *старокабардинская* (XV–XVII вв.) «археологические культуры». Без какого-либо научного обоснования с «археологическими культурами» искусственно и прямолинейно увязываются группы археологических памятников, якобы связанных этнически; сами термины употребляются в качестве, равнозначном понятиям «эпоха», «этап» «время».

При этом стремление сгенерировать отдельную археологическую культуру в каждом административном регионе, где сегодня проживают адыги, не сдерживает и профессиональная объективная критика. Так, еще в 2002 г. М. Г. Крамаровский убедительно показал, что особая «белореченская археологическая культура» как научная парадигма несостоятельна. Роскошные артефакты, обнаруженные Н. И. Веселовским при раскопках курганов на р. Белой и близких к ним могильников, являются не результатом работы местных мастеров, а свидетельством того, что в XIII–XIV вв. элита предков современных адыгов жила грабежом (или одновременно охраной) купеческих караванов (*Крамаровский*, 2002; 2012).

Проблемы теории археологической культуры, соотношения ее с этносом, этнической атрибуции отдельных культур длительное время остаются предметом оживленной дискуссии в научной литературе. Одни исследователи склоняются к мысли, что археологическая культура должна рассматриваться как специфическое для археологии понятие; другие полагают, что археологическая культура является объективной исторической реальностью; третьи рассматривают ее как гносеологическую онтологическую категорию. Не прекращаются споры и о значимости тех или иных признаков и критериев для выделения культур (*Брюсов*, 1956; *Захарук*, 1964; 1990а; 1990б; *Монгайт*, 1967; *Каменецкий*, 1970; *Клейн*, 1970; 1991; *Генинг*, 1983; 1987; *Бочкарев*, 1990; *Массон*, 1990; *Буряков*, *Радилюловский*, 1990; *Ганжа*, 1990; *Кудрявцева*, 1990; *Ковалевская*, 1990б; *Бобров*, 1990; *Колпаков*, 1991).

Для средневековья археологическая культура определяется совокупностью различных групп племен и очень часто включает разноязычные коллективы, что характерно для крупных союзов племен, так как культура, этнос и язык в это время часто не совпадают (*Смирнов*, 1964а; 1964б; ср.: *Клейн*, 1970; 1991; *Бобров*, 1990). При этом, хотя само понятие «этнос» также чрезвычайно неопределенно (*Каменецкий*, 1970; *Клейн*, 1970; *Артамонов*, 1971; *Генинг*, 1976; *Аникович*, 1990; *Пустовалов*, 1990; *Колпаков*, 1991; *Михеев*, *Тортика*, 1995), попытки найти в археологическом материале этнические признаки признаются разумными (*Колпаков*, 1991).

Как центральная категория археологического познания археологическая культура – это группа памятников, занимающих сплошную территорию, границы которой могут меняться, и обладающих объективно существующим сходством материальных и нематериальных признаков, которые образуют сложную, внутренне связанную систему, единообразно изменяющуюся во времени и ограничено варьирующую в пространстве, существенно отличающуюся от аналогичного типа систем, характеризующих другие (прежде всего соседние) культуры (*Монгайт*, 1967; *Каменецкий*, 1970; *Генинг*, 1987; *Ковалевская*, 1990б). Это система традиций, выработанных в определенных социальных группах под влиянием определенных исторических условий, нашедших свое материальное выражение в тех результатах деятельности человека, которые стали археологическими источниками и раскрываются посредством анализа этих источников (*Аникович*, 1990; *Рычков*, 1992).

Археологическая культура – это совокупность исследованных и зафиксированных ископаемых объектов и останков близких форм, являющихся источником изучения истории конкретных культур и обществ прошлого (*Захарук*, 1978; *Генинг*, 1983; 1987; 1990). Однако археологическая культура не может быть выделена и на основе только одних исторических соображений (*Смирнов*, 1964а; 1964б); историческая стадия познания в системе археологической культуры должна включать ступени реконструкции образа жизни (*Генинг*, 1987). Невозможно выделять археологическую культуру по классовому, сословному, религиозному признаку (*Брайчевский*, 1990).

Изучение средневековых археологических памятников адыгов продолжается 140 лет. Уже на первом его этапе сформировалось представление о вариативности их погребального обряда и появились первые наработки в области классификации и хронологии этой группы памятников. Результаты археологических исследований в Северо-Восточном Причерноморье позволили А. А. Миллеру выделить «обычный тип погребения для черкесских курганов» этого района (*Миллер*, 1909). О «типе белореченских курганов» говорит Н. И. Веселовский (*Веселовский*, 1901; 1906; 1908). В отдельную группу курганов «старо-кабардинского типа» выделяют могильники Центрального Предкавказья В. Б. Антонович и Д. Я. Самоквасов. При этом исследователи поднимают вопрос об участии кочевого населения Золотой Орды в сложении кабардинского субэтноса: «Могилы этого типа не древнее времени вторжения в Европу монголо-татарских народов, смешению которых с туземными обитателями Северного Кавказа обязан своим происхождением тип кабардинских племен» (*Самоквасов*, 1882).

Впоследствии систематизация и обобщение перманентно расширяющегося круга источников проводились не единожды (*Левашева*, 1953; *Милорадович*, 1954; *Алексеева*, 1954; *Стрельченко*, 1966; *Нагоев*, 2000; и др.). При этом исследователи не находили оснований для обособления отдельных культур в границах территории, занимаемой адыгскими племенами в эпоху Средневековья, но выделяли локально-территориальные группы памятников, объединенные общими чертами материальной культуры и обряда, сохранявшегося адыгами вплоть до широкого распространения ислама, и различающиеся отдельными специфическими признаками, возникавшими в результате влияния на традиции адыгов различного историко-культурного окружения.

Нет таких оснований и сегодня. Касожская «археологическая культура» не может быть выделена, поскольку с племенным объединением касогов те или иные археологические памятники однозначно не отождествляются. Белореченская «археологическая культура» не состоятельна в силу того, что курганные могильники в окрестностях станицы Белореченской оставлены полиэтническим по составу населением, а выявленная в них особая серия элитарных находок, которая и объединяет различные могильники в общую локальную группу и отличает их от черкесских курганов соседних территорий, импортирована и не имеет местных корней. Более того, именно белореченские материалы ярко демонстрируют то, что местная элита предпочитала самоидентификации по этническому признаку свою принадлежность к общегосударственной моде Улуса Джучи (в costume, причёске, системе материальных ценностей и т.д.) и в известной степени восприняла общеимперские механизмы и признаки социального ранжирования. Столь же безосновательно дифференцирование отдельной «старокабардинской археологической культуры». Кабардинские курганы оставлены адыгами, переселившимися в районы Центрального Предкавказья после разгрома Большой Орды в конце XV в. В их отношении можно говорить лишь о формировании позднесредневековой историко-этнографической области, являвшейся частью общеадыгского этнического пространства и культуры.

Т. Ю. Шведчикова
Институт археологии РАН, г. Москва

КОМПЛЕКСНОЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ИМЕРЕТИНСКОЙ
НИЗМЕННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ХРАМА У С. ВЕСЕЛОЕ,
IX–XI вв. н. э.)

В 2010–2011 гг. экспедицией ИА РАН (рук. Е. А. Армарчук, Р. А. Мимоход) был исследован храмовый комплекс у с. Веселое (Адлерский район, Краснодарский край). В ходе работ был получен обширный антропологический материал. Уникальной сохранности памятник византийской архитектуры IX–XI вв. н. э. дал возможность получить представление об облике средневекового населения Северо-Восточного Причерноморья в это время. Скелеты людей из захоронений храмового некрополя, приделов и подземного склепа под нартексом были исследованы по комплексной программе с привлечением таких методов, как краниометрия, одонтология, остеометрия, графическая реконструкция, рассмотрение палеопатологических проявлений и процессов образования захоронений. Уникальными для региона стали изотопные исследования костной и зубной ткани погребенных с целью реконструкции палеодиетологических предпочтений и возможных миграций населения. Тщательный подход к сбору антропологического материала коллективного захоронения в полевых условиях позволил выйти на уровень индивидуальной идентификации.

Коллективное захоронение в подземном склепе (2×8 м) было представлено разрозненными элементами скелетов людей, находившимися не в анатомической последовательности, а также захоронением у северной стенки крипты, содержащим скелеты 4 чел. В заполнении склепа встречены многочисленные остатки животных, чему было посвящено отдельное исследование (см. статью Л. В. Яворской, публикуемую в настоящем издании – *прим. ред.*).

По краниометрической программе исследовано 45 черепов. К сожалению, из материалов некрополя, где не сохранилось ни одного целого черепа, к изучению после реставрации оказались пригодными только 16 краниумов. Группа погребенных в склепе выделяется особо, она оказалась наиболее разнородной. Более схожи между собой остаются погребенные в наосе, притворах и некрополе. Резкое отличие от остальной серии по краниологическим и изотопным показателям некоторых погребенных из склепа и наоса могут говорить об их неместном происхождении. Опираясь на краниологические данные, можно сказать о том, что антропологический состав памятника отличается большим разнообразием. Серия была сравнена со средневековыми сериями VI–XIII вв. из памятников Балабанка, Гамовское, Казазово II, краниологическими сериями позднесредневековых адыгов (XIV–XVII вв.) причерноморской, черкесской и пятигорской групп. В результате объединенная серия из с. Веселого оказалась наиболее близка к серии Казазово II (X–XII вв.) с территории Адыгеи, связанной с адыгским этносом, и занимает промежуточное положение между вышеупомянутой серией и позднесредневековой причерноморской серией из Новороссийска.

Изучение морфологии зубной системы шло по аналогичной схеме разделения населения на группы. Сравнительные данные были привлечены по географическому принципу и включали средневековое адыгское население, а также современных народов Кавказа (абхазы, аварцы, адыгейцы, черкесы, кабардинцы, даргинцы, грекоязычные и тюркоязычные греки). По данным одонтологии серия демонстрировала особенности среднеевропейского одонтологического типа, наблюдается близость к европеоидным популяциям западного одонтологического ствола.

Группы погребенных в склепе, на некрополе и в наосе имеют больше сходства между собой, чем отличий. Вместе с этим некоторые погребенные из притворов демонстрируют более высокую встречаемость некоторых восточных критериев, что может говорить о неоднородном антропологическом составе группы. Группы оказались типологически близки средневековому адыгскому населению, а сравнение с современными выборками позволяет предположить, что потомки населения, оставившего памятник, могло участвовать в формировании абхазского народа. Больше схожих черт серия имела с абхазами Бзыбской Абхазии. Группа из склепа и притворов храма близка к грекоязычным и тюркоязычным грекам Кавказа. Одонтологические данные не исключают в этом случае возможной метисации средневекового местного населения с греческими переселенцами.

Изотопные исследования включили в себя анализ соотношения изотопов азота и углерода с целью выяснения пищевых предпочтений населения, а также изотопов стронция для рассмотрения возможного неместного происхождения погребенных. Данные по соотношению изотопов стронция ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) эмали зубов подтверждают предположение о выделении группы местного и пришлого населения и согласуются с результатами краниологического исследования. Мы можем с определенной долей уверенности говорить о неместном происхождении индивидов 2 и 8 из склепа, а также 10 и 1. Соотношение изотопов азота и углерода позволяют сделать выводы о преобладании в рационе погребенных растительной пищи и растений типа C_4 фотосинтеза, которые включают в себя такую культуру, как просо.

Восстановлен облик населения – на основе черепов из склепа созданы графические портреты. Дальнейшее исследование средневекового населения Северо-Восточного Причерноморья позволит проследить процессы формирования антропологического разнообразия изучаемого региона.

М. Л. Швецов
Донецкий центр института востоковедения
им. А. Крымского, г. Донецк

О ДВУХ КУРГАННЫХ ЗАХОРОНЕНИЯХ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В г. КАРАЧАЕВСК

Территория г. Карачаевска и его окрестностей, а особенно к югу от него, всегда «была известна многочисленными курганными и плитовыми могильниками, расположенными довольно близко друг от друга как на склоне горы, так на и самой горе Дардон» (Кузьминов, 1970). Широко известны в данном регионе и грунтовые могильники, и склепы. Мы коснемся истории исследования региона в 1960-х – начале 1970-х гг. Проведение земляных работ неоднократно приводило к выявлению или частичному разрушению памятников археологии и к их последующему исследованию. В 1963, 1964 гг. на Хумаринском городище производила исследования Е. П. Алексеева. Помимо раннесредневековых участков городища обследовалось древнее селище VIII–VI вв. до н. э. и могильник за пределами городища, предположительно датированный V–VII вв. (Алексеева, 1971. С. 53–55, 132–135). В 1966 г. экспедиция КЧНИИ работала под руководством И. М. Мизиева. Исследования также велись на Индыше, в районе Карт-Джурта, в окрестностях с. Архыз и Хасаут. Наиболее интересными объектами оказались средневековые гробницы в местности Сынла на Индыше и городище у с. Архыз. В 1970 г. И. М. Мизиев, возглавлявший экспедицию КБНИИ, исследовал также средневековый могильник на территории г. Черкесска. К сожалению, не все материалы из захоронений, попавших в зоны работ, были исследованы археологами. Определенный интерес для исследований представляет выявление археологических материалов из курганов, нарушенных на территории г. Карачаевска более 50 лет назад.

Целью нашего сообщения является введение в научный оборот материалов из двух подкурганных захоронений, найденных геологами в 1967 г. К сожалению, при разборе данных захоронений геологами не была произведена фиксация (фото или чертежи) или описание комплексов. Материалы были описаны нами по устным свидетельствам участников работ. Спустя почти 50 лет в музее геологии сохранился археологический инвентарь из погребений и одно фото части комплекса с черепом человека (рис. 1). Согласно устному объяснению, «во время геологических работ на территории г. Карачаевска, «разобрано два кургана, в которых найдены по одной могиле: мужской и женской» (Швецов, 2014). «Верхняя часть курганной насыпи состояла из больших камней, перекрывающих могильную яму захоронения. Детализация или фиксация каменных плит поверх захоронений не отмечалась. Скелеты захороненных, находясь в могильной яме, были уложены вытянуто на спине, ориентированы головой на запад. Разрушение скелетов или их скорченное положение зрительно не отмечалось».

Погребение 1. В погребении мужчины, захороненном в длинной яме, вытянутой по линии В–З, были найдены: глиняный лощеный кувшинчик и кружка (рис. 2, 1), фрагмент сабли (?), имеющей хорошую сохранность, с перекрестием (рис. 2, 2, 3), медная пряжка с язычком (рис. 2, 4). По-видимому, в погребении

Рис. 1. Фото находок из музея геологии

находился пояс, от которого сохранился медный наконечник, крепившийся к ремню заклепками (рис. 2, 5), а также два проволочных медных круглых в сечении браслета.

1. Глиняный гончарный чернолощенный кувшинчик с завышенным узким горлом, отогнутым венчиком и петлевидной ручкой, соединяющей шейку и плечико сосуда (Н – 11 см, Дв – 6 см, Дт – 10 см).

2. Глиняная гончарная чернолощенная кружка (рис. 2, 1) с широким слегка ребристым туловом, невысокой расширяющейся шейкой и отогнутым венчиком.

3. Фрагмент верхней части однолезвийной сабли (?) (рис. 2, 2; L – 26 см) с прямой, слегка зауживающейся к верхнему краю плоской рукоятью (1,4 см длиной и 0,3 см в сечении). Перекрестие сабли съемное, изогнутое, с шаровидными окончаниями и центральной выступающей частью. Длина перекрестия – 80 мм, ширина – 10 мм (рис. 2, 3).

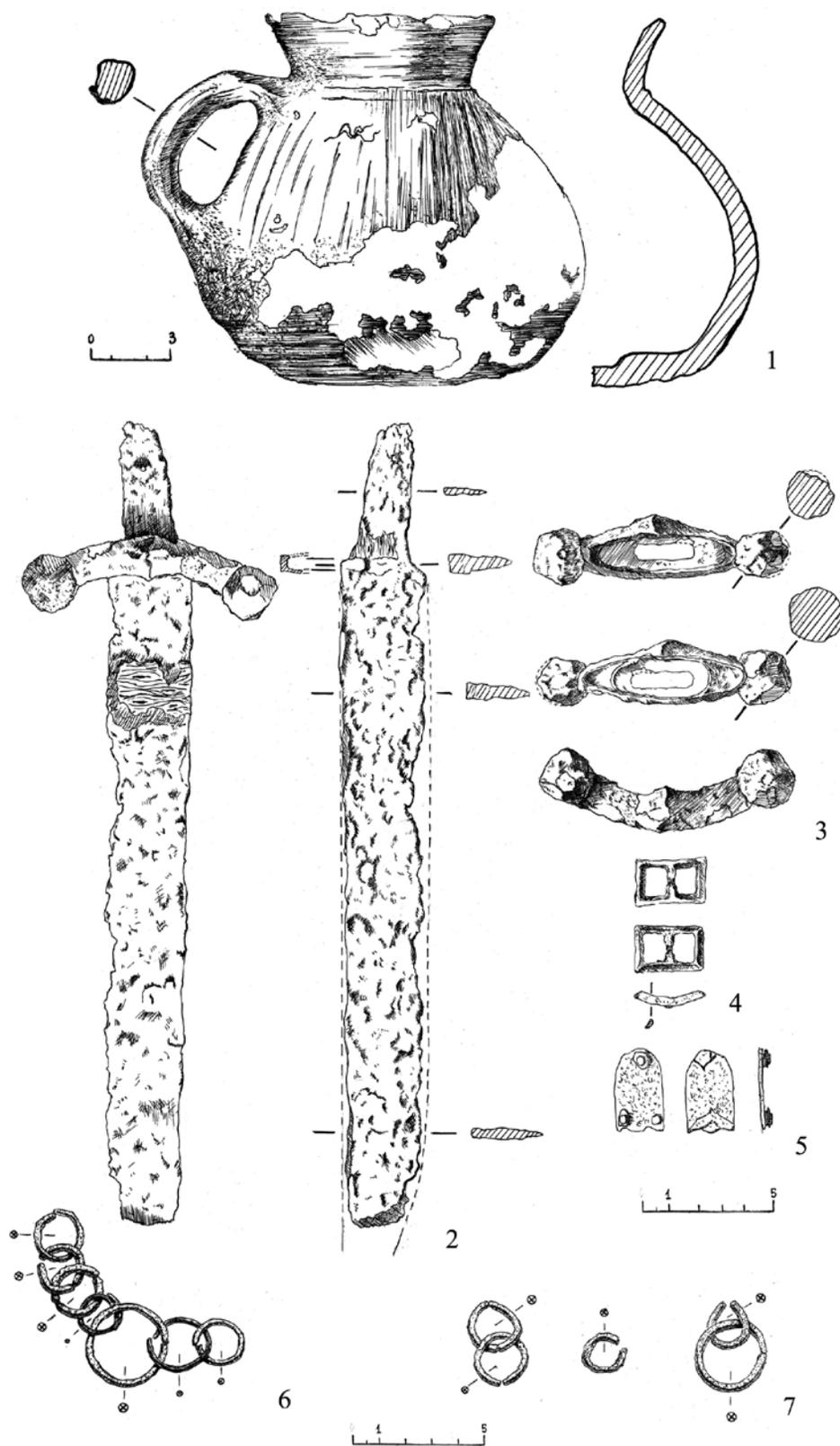
4. Медная квадратная двухрамочная пряжка с выделенным верхним ребром и язычком в середине (рис. 2, 4).

5. Медный наконечник ремня (рис. 2, 5).

6. Медные браслеты (D – 8 см), изготовленные из тонкой проволоки.

Погребение 2. В женском захоронении, расположенном в кургане рядом, было найдено: два глиняных сосуда (кубышка и кружка), медные кольца и серьги (рис. 2, 6, 7), а также серьги с подвесками и ожерелье из двух низок бус. К сожалению, место расположения сосудов в захоронении и возможное их соотношение с другими находками комплекса оказалось не уточненным.

1. Кубышка. Глиняный чернолощенный невысокий сосуд (Н – 10 см) с широким слабо ребристым туловом, невысокой шейкой, расширяющимся венчиком

Рис. 2. Материалы из мужского погребения в кургане г. Карачаевск, 1967 г.: 1 – глиняная чернолощеная кружка; 2 – сабля (?); 3 – перекрестие сабли; 4 – медная квадратная двухрамочная пряжка с язычком; 5 – медный наконечник ремня; 6 – медные кольца; 7 – медные серьги

(D – 8 см). Сильно сужающееся дно диаметром 7 см. Шейка сосуда соединена с широкой ребристой частью тулова петлевидной овальной в сечении (D – 1 см) ручкой.

2. Глиняная гончарная чернолощеная кружечка (H – 6 см) с широким приземистым туловом (D – 8 см) и узким дном (D – 4 см). Венчик невысокий, слегка отогнутый (D – 5 см).

3. Два ожерелья, одно из которых включает более 50 стеклянных розовой и золотистой окраски бус (D – 0,5–0,7 см в сечении), а также 5 овальных глазчатых бусин диаметром более 1,5 см. Второе ожерелье из более чем 80 бус, в состав которого входили 2- и 3-составные ребристые и овальные бусины (D – 0,3 см), изготовленные из темного стекла, гешира. В центральной части ожерелья находились две большие ребристые глазчатые бусины и две глиняные (?) подквадратной формы.

Хронологический диапазон представленных материалов из погребений в курганах, раскопанных в 1967 г. на территории г. Карачаевска, в общих деталях не выходит за рамки VII – середины VII вв. Наиболее близкие аналогии керамическому материалу из данных комплексов представлены в захоронениях вышеупомянутого Дардонского могильника, в материалах Хумаринского городища и частично в памятниках Северного Кавказа.

В тоже время параметры керамической посуды из описанных захоронений г. Карачаевска, ее миниатюрность ставит дальнейшую задачу провести попытку сравнительного анализа параметров керамических изделий из других могильников Северного и Центрального Кавказа, а также, возможно, и с материалами могильников Подонья и Подонцовья. Интересен и вариант сравнения фрагмента сабли/кинжала (?) из захоронения мужчины с аналогичным оружием в древностях населения Предкавказья и Северного Кавказа.

Литература

- Алексеева Е. П.*, 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. Вопросы этнического и социально-экономического развития. М.
- Кузьминов А. К.*, 1970. Средневековый могильник на горе Дардон у Карачаевска. Из истории Карачаево-Черкесии // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. IV. Сер. историческая. Ставрополь.
- Швецов М. Л.*, 2014. Информационная запись о материалах из курганных захоронений эпохи средневековья, выявленных геологами в 1967 г. в г. Карачаевске // Архив Донецкого центра института востоковедения.

I. Shingiray
University of Oxford, UK

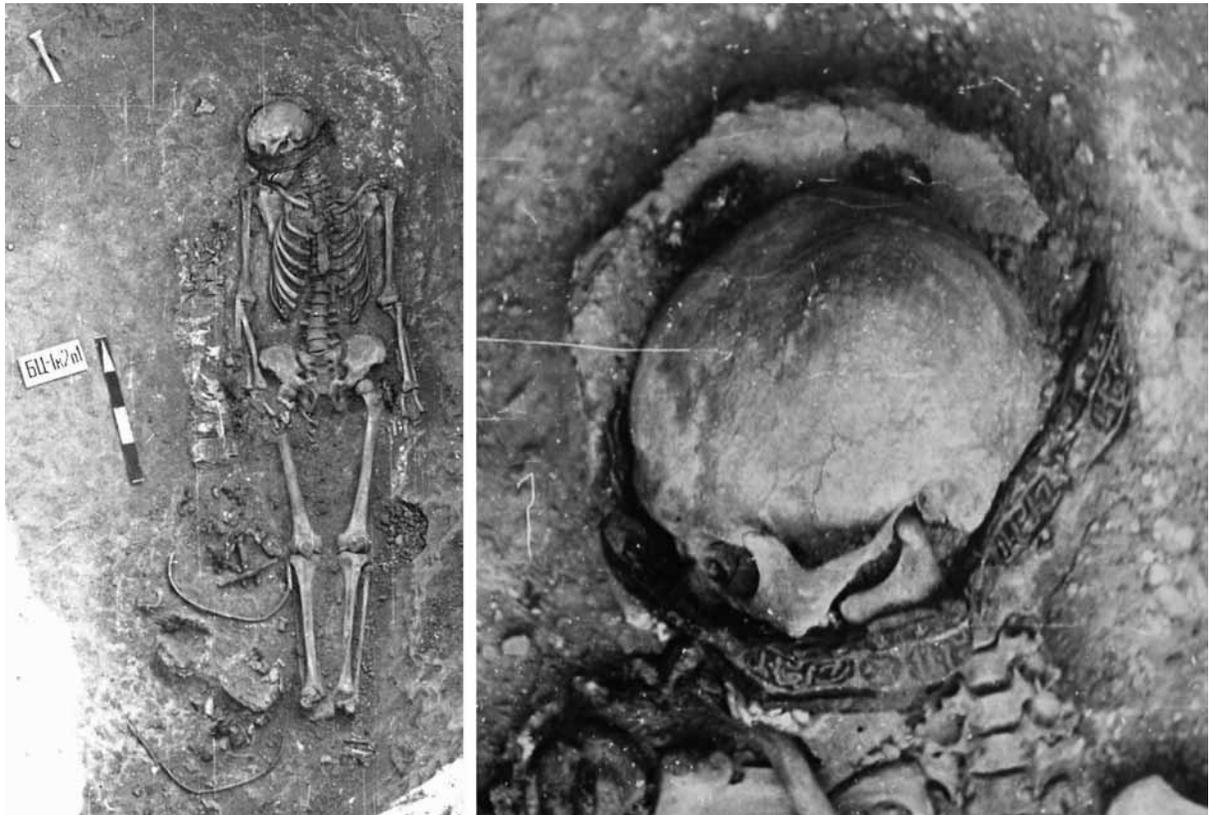
“NOMADIC ISLAM” IN THE GOLDEN HORDE STEPPE: A CASE-STUDY OF A BURIAL FROM BOLSHOI TSARYN, KALMYKIA

Islam in the Golden Horde (GH) has received close archaeological attention (*Zilivinskaia*, 2014; *Vasil'ev*, 2007) and is predominantly treated as part of the urban culture, although the main waves of Islamization were initiated and carried out by the nomadic khans in the steppe (Berke in the 13th and Ozbek in the 14th cc). It was the conscious political decisions of these nomadic rulers to convert and reaffirm Islam among their subject nomadic communities and forge important political alliances in the booming cultural and economic world of *Dar-al-Islam*. Yet nomadic Islam remains poorly understood due to a widespread prejudice that Islam was superficial or weak among the nomads. DeWeese (1994) cautions us that the modern scientific approach in scholarship, being “divorced from the realities of ordinary life and religion” in the Steppe, often belittles the process of Islamic integration among the nomadic people as “merely nominal.” He argues that it should be understood as a two-way process: on the one hand, it involves the “imposition” of Islamic norms in a new nomadic setting; “on the other hand, the nativization of Islamic patterns involves their incorporation and assimilation into indigenous modes of thought and action.” This leads to a different understanding of Islam and its norms of acceptance in the Steppe.

The main archaeological sources for researching Islam in the GH Steppe are kurgan burials, but locating Muslim graves among them can be a real challenge due to the problem of what Islamic practices are. By focusing on a burial from Bolshoi Tsaryn in Kalmykia, I argue that one needs to view the Islamic traits of nomadic funerary rituals in the comparative context of cross-regional Muslim burial practices. This helps to overcome the purist prejudice of what is normative in Islam and reveal the practices of “indigenized Islam” (*Insoll*, 1999).

In 1977 near Bolshoi Tsaryn a kurgan group (I) was excavated as a result of an archaeological salvage project headed by Evgeni Tsutskin (1978). It was a single niche (*podboi*) burial in a small kurgan (2). The grave-pit was oriented NNE-SSW and separated from the burial niche by wooden planks. In the burial niche a mature male was placed in a supine position oriented with his head toward NNE (photo.1). His skull was elevated and turned to the right; his hands and touching feet were stretched out along the body in a ‘constrained’ position which is often interpreted as that of a body wrapped in a shroud. This burial contained a conical bronze cup and a sheep femur placed vertically to the left of the head (a feature commonly construed as a Mongol practice).

Around the skull there was a silk band (*tiraz*) most likely of Mamluk origin with an embroidered inscription in *naskhi* Arabic that repeated the title *al-'alim* (the wise, the learned, the knowledgeable)—a royal attribute used in conjunction with the name of a sultan/amir. This *tiraz* was possibly one of the many diplomatic gifts that the Mamluks continuously exchanged with the Golden Horde starting with Baybars who sent “an opulent package” to Khan Berke in 1263 in order to celebrate his Islamization (*Shingiray* in print). Between the left hand and the hip of the skeleton there was a leather purse with oxidized coins. On the right there was a quiver covered in birch bark containing

Photo 1. A niche-burial of Bolshoi Tsaryn I, kurgan 2 and a close up (Tsutskin 1978, photos 30–31)

faceted tanged arrows. There were several items of horse tack but no horse remains inside the burial. A man's pelvis and legs were covered with brown traces of decayed cloth. This burial is a typical one made for a deceased Mongol male from the GH Steppe, but the *tiraz* is probably unique, since to my knowledge there are no analogies to it in other similar nomadic burials.

How should we interpret this burial? Is it a nomadic interment that hints at the conversion process? This kurgan burial is a typical funerary construction for the steppe, and so is the niche-grave oriented to the SE which has deep pre-Islamic roots among the nomadic practices. Funeral rites and constructions are not discussed in the Quran, but in the *hadith* (which are debated). Although it is generally known that Islamic 'norms' did not support the construction of any elaborate grave structures, in practice 'deviations' regularly occurred in different regions of Islam. As for the grave shape, a niche-burial (*lahd*) is one of the grave types that are recommended by *shari'a* provided that the face of the dead was isolated from the earth with wood or other material and the face or the feet of the body were oriented toward Mecca. This burial indeed shares these traits: the burial shape, the orientation of the feet and the elevated face looking toward Mecca, even though it is not a W-E oriented burial (which archaeologists expect to see in 'normative' Islam, even though *shari'a* does not prescribe to bury people with their heads oriented to the West). So, in general, the position of the body and the construction of this burial do not contradict the Islamic norms. What is unusual for an Islamic burial is the presence of a sheep femur/leg as 'a last meal' (in

the archaeological interpretation), or as a marker of clan, rank, or identity indicating its Mongol or Inner Asian roots. Combining the ancestral Mongol and Islamic identity traits in a single burial was important and meaningful for a nomadic community that was recently exposed to a mass conversion to Islam in the GH.

Another notable feature in this burial is the possible use of a shroud (*kafan*) which is prescribed by *shari'a* since the eyes, the mouth, the jaw, hands, and feet of the dead had to be tied, the face covered, and the body shrouded. Although the shroud did not survive in this burial, some remains of fabric and also the 'constrained' position of the skeleton indicate that it could have been wrapped in cloth. In fact, the silk *tiraz* proper, which covered the man's eyes/face could have constituted the trim of a shroud (or that of headgear). Although the use of silk in burial shrouds and funerary outfits was not recommended in Islam, the placement of inscribed shrouds, *tiraz*, and other silk textiles in many Islamic burials has been revealed through archaeological excavations (*Petersen*, 2013, p. 243; *Insoll*, 1999, p. 70-72). Since textiles and other objects inscribed in Arabic were perceived by many Muslims as being imbued with special qualities, people often used them for burial purposes, e.g. wrapping "the head of the deceased with the text covering the eyes" (*Sokoly*, 1997, p. 74). Thus the placement of the silk band with the Arabic inscription over the face of the deceased nomad in this grave appears rather deliberate, and it is unlikely that this *tiraz* was used in some non-Islamic way or simply for its magic properties. In this particular case, it is more likely that the *tiraz* was appropriated by the nomadic burying community in order to furnish their Muslim dead—a man who was also interred with his attributes of a nomadic warrior, and who undoubtedly maintained some important status in life.

Conventionally, the absence/presence of burial goods is considered one of the most important factors for distinguishing between a Muslim and a non-Muslim grave in the GH. Although Islamic legal writings either forbid or do not mention the placement of the grave goods in burials, archaeological evidence worldwide attests to the relatively frequent use of personal items in Islamic burials in different periods and regions (*Petersen*, 2013, p. 253; *Insoll*, 1999, p.172). According to *Insoll* (*Insoll*, 1999, p.199) Islamic burials cannot be "categorized as something clinical." Death is part of life, and as diverse as lives are, the treatments of the dead differ too depending on the ideas and practices embodied within "multiple forms of Islam" (*Petersen*, 2013, p. 241). The question remains though, if not for the presence of Islamic *tiraz* in this grave, would we be ever able to guess that this burial is likely Islamic?

References

- DeWeese, D., 1994, *Islamization and Native Religion in the Golden Horde*, Penn State Press.
- Insoll, T., 1999, *The Archaeology of Islam*, Oxford, Blackwell.
- Petersen, A., 2013, "The Archaeology of Death and Burial in the Islamic World," in *The Oxford Handbook of the Archaeology of Death and Burial*, pp. 241-258, Oxford.
- Sokoly, J. A., 1997, "Between Life and Death: The Funerary Context of Tiraz Textiles," in *Islamische Textilkunst des Mittelalters: Aktuelle Probleme*, pp. 71-78, Riggisberg.
- Tsutskin, E. V., 1978, *Otchet o Rabote Sarpinskoi Arkheologicheskoi Ekspeditsii Kalmytского NIIaLI i KGU v 1977 g*, Elista, Arkhiv KIGIRAN NN 8-10.
- Vasil'ev, D. V., 2007, *Islam v Zoloto Orde : Istoriko-Arkheologicheskoe Issledovanie*, Astrakhan.
- Zilivinskaia, E. D., 2014, *Arkhitektura Zolotoi Ord. I. Kul'tovoe Zodchestvo*, Kazan.

Л. В. Яворская
Институт археологии РАН, г. Москва

НЕОБЫЧНЫЙ КОМПЛЕКС КОСТЕЙ ЖИВОТНЫХ ИЗ РАСКОПОК ХРИСТИАНСКОГО ХРАМА У С. ВЕСЕЛОЕ

Остатки христианского храма, датируемого IX–XI вв., были исследованы работами Сочинской экспедиции ИА РАН в 2010–2011 гг. в Адлерском районе Большого Сочи в Краснодарском крае (Армарчук, Мимоход, Седов, 2012). Небольшой храм византийского типа имел обширный подземный склеп-крипту, где археологическим исследованием обнаружены разрозненные остатки захороненных людей и животных (Шведчикова и др., 2016).

Коллекция костей животных численностью 1064 фрагмента исследовалась по методической схеме, разработанной в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Антипина, 2004).

Исследование проведено по двум крупным выборкам, различающимся по характеру накопления костных остатков: 1) выборка из заполнения руин и наружного культурного слоя вблизи храма и 2) выборка из склепа-крипты. Рассматривалось как планиграфическое расположение костных остатков в обеих выборках, так и их распределение по стратиграфическим срезам, установленным во время исследований.

Совокупная коллекция костей животных из наружного культурного слоя вокруг храма составила 158 фрагментов, из которых почти половина (47,5%) относятся к остаткам млекопитающих, но не определимы до вида. В этой выборке кости сильно раздроблены, их сохранность оценивается в 3 балла, но следы «кухонной» раздробленности фиксируются отчетливо и составляют свыше 40% от всех остатков. Небольшие размеры выборки не позволяют высчитывать процентные соотношения по видам животных и не приводятся. Домашние копытные представлены следующими видами: крупный рогатый скот (*Bos Taurus*) – 26 фрагментов, лошадь (*Equus caballus*) – 7 фрагментов, коза (*Capra hircus*) – 15 фрагментов, свинья (*Sus scrofa*) – 8 фрагментов. Помимо остатков копытных в этих выборках присутствуют разрозненные, но без следов разделки, остатки собак (*Canis Familiaris*) – 2 кости, а также раздробленные кости птиц (*Aves*) – 25 фрагментов. Выборка из культурного слоя по таксономическому и видовому набору, а также по следам искусственного воздействия, выглядит как «хозяйственная».

В выборке из подземного склепа храма обнаружено 906 фрагментов костей животных. Все кости имеют удовлетворительную и хорошую сохранность в 3–4 балла. Однако следы «кухонной» разделки составили лишь 5,4% от всех остатков животных, обнаруженных в склепе. Во входной части склепа (квадрат 15) доля остатков со следами разделки вырастает до 15,1%, а за пределами склепа в наружном культурном слое составляет уже почти половину от всех исследованных здесь костей.

Таксономический набор в склепе состоит из остатков млекопитающих и рептилий. Из всего остеологического набора (100%) неопределимые до вида остатки животных составили 26,2%. Другие 38,3% костей принадлежат домашним и 21,4% диким видам млекопитающих. Доля представителей класса

рептилий – черепахи (*Testudines*) – составила 14,1%. Кости домашних животных представлены несколькими видами: крупный рогатый скот – 18,3%, коза домашняя – 14,8%, лошадь – 0,2% (1 кость). Самые многочисленные остатки принадлежат двум видам: дикому животному оленю благородному (*Cervus elaphus*) – 33,5% и свинье (*Sus scrofa*) – 33,1%. Кости свиньи происходят преимущественно от очень юных животных (до 1 года), и потому не представляется возможным достоверно отнести их к дикой или домашней форме. Остатки дикой формы, безусловно, присутствуют: есть фрагменты костей взрослых и очень крупных животных этого вида. Остатки, которые достоверно относятся к дикой форме, – 12 фрагментов – составили 2,2% от всей совокупности определяемых костей млекопитающих, остальные кости свиньи условно отнесены к домашней форме и составили 30,9%.

В анатомическом наборе каждого вида животных из выборки склепа присутствуют практически все части туш от головы до дистальных отделов конечностей. Исключение составляют остатки лошади, которые представлены лишь одним астрагалом. Не встречено остатков рогов тех животных, которые имеют рога (крупный рогатый скот, козы, олени) и нет их хвостовых позвонков. В анатомическом наборе оленя зафиксировано очень мало позвонков и ребер – 1,3% от всех остатков этого вида. Анализ анатомического набора показывает, что в склеп были принесены предварительно разделанные и целенаправленно выбранные части туш животных.

По возрастному составу почти все виды, за исключением лошади и черепахи, представлены в исследуемой выборке как молодыми животными (*juvenis-subadultus*), так и взрослыми (*adultus*). Для крупного рогатого скота и коз доля взрослых животных, погребенных в склепе, составила примерно третью часть, остальные кости принадлежали молодым животным. Для свиньи доля взрослых – не более пятой части, для оленя доли молодых и взрослых распределились примерно пополам. Таким образом, остатки домашних животных представлены в склепе преимущественно молодыми особями, а остатки диких – в равной степени молодыми и взрослыми.

Анализ распределения костных остатков в склепе показал, что основная их масса располагалась вблизи входа в склеп в квадратах № 11–16. Единичные и разрозненные кости этих же животных зафиксированы по остальному, отдаленному от входа, пространству помещения в квадратах 1–10. Почти все кости животных во входной части лежали компактно, удавалось зафиксировать остатки скелета одного животного, залегающие в пределах одного-двух квадратов.

Скопления остатков костей и панцирей двух черепах располагались в квадратах №№ 11 и 12, а разрозненные фрагменты – почти во всей остальной площади склепа.

Выборка костных остатков животных из склепа существенно отличается от выборки из наружного культурного слоя по таксономическому составу, поскольку здесь нет костей птиц, но есть остатки черепах; видовому набору млекопитающих – много остатков диких животных, и по следам «кухонной» разделки, которые немногочисленны. В склепе обнаружены остатки разделанных туш домашних и диких копытных четырех видов, большая часть этих особей были молодыми. Специально выбранные части туш животных располагались компактно

и были сконцентрированы вблизи входной части склепа. Порядок залегания скелетов животных нарушен, однако остается невыясненным, было ли это нарушение следствием однократного или многократного вторжения в помещение. По-видимому, туши молодых животных являли собой особое ритуальное приношение. Неясна связь таких ритуалов с функционированием христианского храма и захоронениями людей в склепе.

Такие животные, как олень, кабан и коза, остатки туш которых присутствуют в склепе, являются персонажами фольклора ряда кавказских народов (*Чурсин*, 1957. С. 76–78). Все они упомянуты как объекты охоты, мясо которых съедалось, а не разломанные кости аккуратно укладывались в шкуру, после чего животное «воскресало», а в его теле чудесным образом оказывались предметы, оставленные охотником в наборе костей, например, разделочный нож (*Чурсин*, 1957. С. 78–84). Олень и крупный рогатый скот (бык или корова) многократно упоминаются в абхазском фольклоре как добровольная жертва – в праздничные дни у храма чудесным образом оказывались один или несколько быков или оленей (*Чурсин*, 1957. С. 30–31; *Дзидзария*, 2006. С. 142–148; *Инал-Ина*, 2014. С. 235, 240). Этим животным предписывалось зарезать и приготовить, вкусить мясо, а кости аккуратно уложить в шкуру, после чего животные через некоторое время «воскресали». Не исключено, что в склепе мы обнаружили остатки таких ритуальных праздничных трапез и приношений. Возможно предположить, что эти ритуалы, зафиксированные в XIX–XX вв., напрямую не связаны со временем функционирования храма и захоронениями людей в его склепе.

Литература

- Антипина Е. Е.*, 2004. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III. Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования. С. 182–239. М.
- Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В.*, 2012. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // РА. № 3. С. 78–90.
- Дзидзария Г. А.*, 2006. Труды. Из неопубликованного наследия. Т. III. Сухум.
- Инал-Ина Ш. Д.*, 2014. Садзы. Историко-этнографические очерки. 2-е изд. Сухум.
- Чурсин Г. Ф.*, 1957. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми.
- Шведчикова Т. Ю., Харламова Н. А., Рассказова А. В., Чагаров О. С.*, 2016. Средневековое население северо-восточного Причерноморья (по материалам раскопок христианского храма у с. Веселое IX–XI вв.) // Вестник антропологии. № 2 (34). С. 94–116.

Список сокращений

- АГОИАМЗ – Астраханский государственный объединённый историко-архитектурный музей-заповедник.
- АН ГрССР – Академия наук Грузинской ССР
- АН СССР – Академия наук СССР
- АО – Археологические открытия
- ВНИИР – Всероссийский научно-исследовательский институт реставрации.
- ВООПИиК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
- ГИМ – Государственный исторический музей
- ГМИИ им. Пушкина – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
- гр. – группа
- ДГПУ – Дагестанский государственный педагогический университет
- ДДЗ – Данные дистанционного зондирования
- ДНЦ РАН – Дагестанский научный центр Российской академии наук
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
- ИВГО – Известия Всесоюзного географического общества
- ИГАИМК – Известия государственной академии истории материальной культуры
- ИТЦ – Инженерно-технический центр
- ИЭиА РАН – Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
- к. – курган
- кал. – калиброванный
- к. и. о. – культурно-историческая общность
- КЕС – Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- л. н. – лет назад
- л. с. – лицевая сторона
- МАД – Материалы по археологии Дагестана
- МАК – Материалы по археологии Кавказа
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- МИАР – Материалы и исследования по археологии России
- МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
- МИИГАиК – Московский государственный университет геодезии и картографии
- мог. – могильник
- МУК – Муниципальное учреждение культуры
- НАНА – Национальная академия наук Республики Азербайджан
- НАО – Непубличное археологическое общество
- НИУ – Национальный исследовательский университет
- НПЦ – Научно-производственный центр
- ОИФН РАН – Отделение историко-филологических наук Российской академии наук
- о. с. – оборотная сторона
- п., погр. – погребение
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
- РА – Российская археология
- РАЕ – Российский археологический ежегодник
- РНБ – Российская национальная библиотека
- РЖВ – Ранний железный век
- РСО-Алания – Республика Северная Осетия-Алания
- СА – Советская археология
- САИ – Свод археологических источников
- СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет
- СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
- с. о. – соотношение осей
- ст. – станица
- СУАР – Синьцзян-Уйгурский автономный округ
- ТД – тезисы докладов
- у. м. – уровень моря
- ЧР – Чеченская Республика
- ЮНЦ РАН – Южный научный центр Российской академии наук
- ЮОНИИ – Юго-Осетинский научно-исследовательский институт
- ERAUL – Etudes et recherches archéologiques de l'Université de Liège
- GSA – Geological Society of America
- ICAANE – International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East
- JAS – Journal of Archaeological Science

Научное издание

**Кавказ в системе культурных связей Евразии
в древности и средневековье**

XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа

Материалы Международной научной конференции.
Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.

Редакционная коллегия:

Р. М. Мунчаев, З. Х.-М. Албегова, С. Б. Вальчак, М. С. Гаджиев,
С. В. Демиденко, И. А. Дружинина, Е. Г. Дэвлет, Э. Д. Зиливинская,
А. А. Клещенко, Д. С. Коробов, М. Н. Кубанова, Е. В. Леонова,
В. Ю. Малашев, Д. В. Ожерельев, А. Ю. Скаков, В. Н. Чхаидзе

Подготовка иллюстраций и верстка:

М. Б. Рассаднев

Подписано в печать 21.03.2018

Формат 60 84/8.

Усл. печ. л. 59,5.

Уч.-изд. л. 45,9

Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство Карачаево-Черкесского
государственного университета имени У. Д. Алиева
369202, г. Карачаевск, ул. Ленина, 29

Отпечатано с готового оригинал-макета

ISBN 978-5-8307-0528-8

9 785830 705288

